

А. А. Шапран

Ливонская война

1558–1583

А. А. Шапран

Ливонская война

1558–1583

Екатеринбург
2009

Рецензенты:

В. А. Ляпин, доцент кафедры «История России» Уральского государственного университета им. А. М. Горького, кандидат исторических наук;

А. А. Конов, доцент кафедры «История и политология» Уральского государственного университета путей сообщения, кандидат исторических наук.

Шапран А. А.

Ш 24 Ливонская война 1558–1583. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та путей сообщения, 2009. — 528 с.

ISBN 978-5-94614-123-9

Книга посвящена эпохальному внешнеполитическому событию истории России, которому отечественной историографией до сих пор не было уделено должного внимания. Автор обнаруживает нетрадиционный взгляд на факт развязывания русской стороной Ливонской войны, считая его главной политической ошибкой московского правительства. А видение автором характера той войны предопределило концептуальный подход к ее пониманию, начиная с причин и заканчивая конечными результатами. Рассказ же собственно о военных действиях, как и рассказ о дипломатических баталиях, бушевавших на протяжении всей войны, хоть и строится на общеизвестных фактах истории, тем не менее, не согласуется с устоявшейся ранее концепцией, до сих пор господствующей в исторической литературе. Свое видение предмета автор обосновывает анализом конкретной обстановки, а толкование печального финала преподносит как результат никчемности тогдашнего российского руководства. Плачевный исход войны объясняется автором полной политической несостоятельностью Московского государства той эпохи.

Для всех интересующихся отечественной историей, для студентов вузов и преподавателей истории.

ББК 63.2

От автора

В преамбуле к своей предыдущей книге «Парадоксы российской истории» я вынужден был поделиться с читателем тем, что мне зачастую приходится объяснять особенность своего видения нашего прошлого, видения, которое читатель почему-то относит к разряду нетрадиционного. Но после выхода той книги в свет и знакомства с ней многих моих соотечественников поток возражений в мой адрес только усилился, а потому в еще большей степени необходимость такого объяснения стоит передо мной сейчас. Тем более, что предлагая к прочтению настоящее творение, я предвижу волну новых несогласий и обвинений в предвзятости.

Наряду с другими, мои «Парадоксы» вызвали у читателя уже изрядно набивший в последнее время оскомину вопрос: а нужно ли переписывать историю и сколько еще раз можно будет ее переписать?

И хотя вопрос этот сам по себе риторический, ответ на него прост: историю переписать нельзя, как бы этого и кому бы этого не хотелось. История вообще не пишется, она свершается. История — это объективная реальность, пусть даже это реальность прошлого. История — это то, что пережито человечеством, и перо даже самого выдающегося ученого — не инструмент для ее создания, а потому историю невозможно не написать, не переписать. Она такая, какая есть.

Если же, говоря о переписывании, в виду имеется не сама история, а историография, то есть изложение и объяснение событий прошлого последующими деятелями науки соответствующего направления, то тогда прозвучавший выше вопрос становится еще более риторическим, ибо такое переписывание, похоже, не прекратится никогда. Надо полагать, что спрос на перелицовку пережитого предыдущими поколениями у поколений последующих не иссякнет и впредь, и заказ на подгонку исторических реалий под требуемый сегодня определенными политическими силами размер будет продолжаться до бесконечности. И дело тут, в общем-то, вовсе не в политической конъюнктуре и тем более не в стремлении услужить власти, а в том, почему предшествующее написание должно доминировать вечно? Почему, собственно говоря, господствующая на сегодняшний день трактовка, несмотря на всю ее нелепость, призвана считаться хрестоматийной? А предлагаемой ей на смену, пусть даже столь же нелепой, суждено быть воспринятой чуть ли не как святотатство? Только потому, что первая появилась на свет раньше? Но, во-первых, того, которая из них в умах ученых-историков родилась раньше, мы не знаем. Мы знаем только о том, которая из них была официально принята ранее, то есть, ранее провозглашена господствующей. А, во-вторых, она тоже не первая и пришла в свое время на смену предыдущей также под воздействием изменившейся политической

обстановки и также стала результатом выполнения очередного социального заказа. А то, что она столь долго доминировала и к ней приучались целые поколения, в историческом понимании не меняет характера ее сиюминутности, а потому не может служить показателем правды и объективности.

Тогда неизбежно встает другой вопрос: так что же перекройка и перелицовка нашего прошлого не прекратится никогда? Или когда-нибудь все-таки удастся остановить это вранье, пусть даже и меняющееся с одного на другое?

Вопрос этот отнюдь не праздный, потому как любой политический деятель всегда будет оставаться заинтересованным в том, чтобы придать прошлому окраску, соответствующую его сегодняшним взглядам и отвечающую его политической направленности. И не беда, что картина прошлого может при этом искажаться до неузнаваемости и обрастать мифами так, что сама историография превращается в процесс мифотворчества. Ведь не секрет, что весь путь развития исторической науки стал оружием сотворения мифов, как не секрет и то, что самых фантастических высот наше отечественное мифотворчество достигло в советские времена. Здесь наши писатели истории показали поистине виртуозное владение этим оружием. А созданные ими догмы и мифы остаются преобладающими и по сей день как на страницах литературных трудов, так и в сознании наших современников.

Так есть ли способы выхода из ситуации? Можно ли когда-нибудь будет остановить череду сменяющих друг друга исторических концепций, одна другой не уступающих в несуразности?

Такой способ есть, и он всего один, а имя ему — *правда*.

Говоря это, я вкладываю в слово «правда» прямой и непреложный смысл. Последняя оговорка не случайна и не лишняя, ибо с понятием «правды» у последних поколений наших соотечественников стало ассоциироваться что угодно, так что само это слово теперь носит двоякое, тройное и вообще какое угодно значение. Достаточно сказать, что этим словом многие десятилетия назывался главный печатный орган нашего государства и всей царящей в нем политической системы. С полос этого органа непрерывным потоком годами лилась откровенная ложь, тем самым дезавуировав известное и во все времена расхожее противопоставление — *где правда, а где ложь*, перемешав одно понятие с другим настолько, что к слову «правда» люди стали относиться осторожно, ибо перестали понимать, что оно значит. А потому предупреждаю, что здесь в понятие «правда» я вношу его изначальное значение и глубоко убежден в том, что для того, чтобы остановить поток вранья и разрушить нагромождения исторических мифов, требуется выполнение всего лишь одного условия: очередная трактовка нашего прошлого должна отвечать исторической правде. Только тогда она станет последней и то, что называют переписыванием истории, прекратится.

Нет, я не столь наивен, чтобы рассчитывать на то, что когда-нибудь нечто подобное произойдет. Дело в том, что история как наука, видимо,

призвана служить своеобразным прикрытием носителям самых разнообразных политических пристрастий. А именно последнее обстоятельство и вызывает спрос на очередной фасон покроя для такого прикрытия. Поэтому выше я и сказал, что вопрос о переписывании истории — риторический и никогда с повестки дня, очевидно, снят не будет.

Но последнее обстоятельство не препятствует исследователю в решении насущной задачи исторической науки — стремлении установить и донести до других историческую истину. Читателю должно быть понятным, что под исследователем я имею в виду *историка*, а не подрядчика, взявшегося выполнить очередной социальный или еще какой заказ, как бы ни был подрядившийся эрудирован в вопросах истории и какими бы он при этом ни обладал литературными способностями. Как понятным читателю должно быть и то, что процесс установления исторической истины бесконечен и, как бы ни был исследователь предан правде, в исторической науке никогда не будет все расставлено по своим местам. Но одно дело, когда результаты новых исследований и открытий дополняют, уточняют и, может быть, даже несколько видоизменяют наше представление о том или ином событии прошлого, и другое дело, когда это событие преднамеренно толкуется превратно в угоду политическим или каким-то еще идеологически выдержанным установкам.

Только беспристрастный подход к истории, не диктуемый симпатиями или антипатиями к тем или иным явлениям прошлого, а следовательно, незамутненный личностным отношением к рассматриваемому предмету, может воссоздать картину, отвечающую исторической правде, и, конечно же, способен развеять нагромождение исторических мифов.

Кстати, относительно моей предыдущей книги, при работе над которой, как сказано в ее преамбуле, я ставил задачу хоть как-то поспособствовать развенчанию этих самых мифов, надо отметить следующее.

Судя по реакции многих знакомых мне читателей, результатом их знакомства с той книгой стал широкий спектр оценок моего понимания и объяснения нашего прошлого. Из всего этого спектра я приведу лишь самую крайнюю оценку, наиболее негативную из всех, что мне довелось услышать. Один весьма почтенный и уважаемый мной человек, отмеченный высокими учеными степенями и званиями, правда, в области, далекой от истории, специалист в технике, прочитав мои «Парадоксы», изрек: *«такая история нам не нужна»*.

Чем я в первую очередь благодарен этому своему оппоненту, так это тем, что своей оценкой он открывает огромный простор для полемики.

В его предельно лаконичном, всего в пять слов суждении, внимание на себя обращают два момента. Во-первых: *нам не нужна*; а во-вторых: *такая история не нужна*. Остановимся на первом моменте.

Интересно, кому это *нам не нужна*? Кто это такие *мы*, которым не нужна та или иная история? Кого критик моей книги обобщил под этим словом?

Что это за гипотетическая общность людей, именуемая теми, кто к ней принадлежит, обобщающим термином *мы*, для меня во многом

остаётся загадкой. Ее разгадке может несколько поспособствовать тот факт, что мой оппонент — человек, мягко говоря, очень пожилой. Это обстоятельство объясняет многое. Если люди моего поколения прожили в той страшной советской системе большую часть жизни, то этот человек прожил в той системе всю жизнь и продолжает нравственно и духовно жить в ней сейчас, не желая менять ее ни на какую другую, дабы *не поступаться принципами*. А эта система действительно объединяла всех наших соотечественников в одну общность, причем всем другим возможным способам единения людей предпочитала обращение их в *единомыслие*.

Еще больше советское воспитание критикана моей книги сказалось на втором моменте его тезиса: *такая история не нужна*.

Давайте задумаемся в смысл, вернее сказать, в бессмыслицу сказанного: *история не нужна*. Не важно какая, та или другая.

Напомним читателю, что история — это прошлое, это то, что пережито.

Иначе говоря, фразу моего оппонента, не меняя ее содержания, можно переозвучить так: *такое прошлое нам не нужно*.

Есть ли хоть какой-нибудь смысл в сказанном?

Если бы кто-нибудь спрогнозировал будущее, то есть то, что предстоит нам еще пережить, и нарисовал бы картину ожидающего нас впереди, то по отношению к такой картине тот, кому она не по нраву, мог бы сказать: такое будущее не нужно. И в этом был бы смысл. Но какой смысл в отрицании необходимости или напротив ненужности прошлого?

А смысл, оказывается, вот какой.

Мои критики, и не только тот, о котором я рассказал, но в несколько меньшей степени и другие, недовольны тем, что под моим пером наше прошлое предстает не совсем в привлекательном виде. И, что самое интересное, они не отрицают достоверности мной изложенного. Просто ратуют за то, что обо всем том, что было негативного в нашем прошлом, лучше не рассказывать, или, по меньшей мере, в случае невозможности замалчивания, пытаться как-то его скрасить.

Корни такого подхода к предмету следует искать все в той же недавно пережитой нами системе, смешавшей понятия правды и лжи.

Как любой исследователь, историк может ошибаться, но целенаправленное приукрашивание прошлого с целью придания ему более привлекательного вида, равнозначно фальсификации, а потому для историка совершенно недопустимо. Этого принципа я старался держаться всегда, им я руководствовался при написании и этой книги. Предвижу, в ней много что не понравится моему соотечественнику, приученному к другой тональности звучания рассказа на подобную тематику.

Но что поделаешь, ведь это — *наша история*.

Вместо предисловия

Рассказ о случившейся в далеком прошлом нашего Отечества Ливонской войне хочется предварить не так уж редко встречающимся в историографии обстоятельством: степень популяризации того или иного события порой неадекватна самому событию, в том смысле, что не соответствует его значимости для хода исторического процесса, а то и просто размаху. А потому неудивительно, что в среде наших соотечественников остаются неизвестными, или в лучшем случае малоизвестными факты истории, которые вправе были бы претендовать на более достойное место в памяти потомков. Сюда, безусловно, относится и Ливонская война.

Не секрет, что разные страницы нашей отечественной военной истории выглядят для нас по-разному, а потому воспринимаются нами неодинаково. Сквозь толщу прошедших столетий память о многих вехах минувшего, доходя до потомков, оставляет в их сознании неодинаковый след. Прежде всего, это объясняется разницей масштабов самих событий. Но наряду с этим можно привести немало примеров и искусственного их деления на те, которым уделяется повышенное внимание, и на те, что не удостоились такого. Оттого и степень знакомства последующих поколений с конкретными обстоятельствами нашего прошлого зачастую объясняется уровнем популяризации последних, причем уровень этот, диктуемый, как правило, определенными политическими силами и властными структурами, порой не отвечает ни важности события, ни его масштабам.

Сейчас в нашем обществе принято проводить социологические и прочие исследования или просто всякого рода опросы людей на разные темы. Другой раз вас даже останавливают на улице некие люди с блокнотами в руках и спрашивают ваше отношение к тому или иному предмету. Автор этой книги провел нечто подобное, правда, без приставания к прохожим, а только в среде своих знакомых, коих набралось, однако, несколько сотен. Вопрос задавался один: «Какая, по-вашему мнению, самая длительная война в истории России?»

Нет надобности говорить о том, что значительно более половины опрошиваемых не решились дать какой бы то ни было ответ, сославшись на некомпетентность. Зато те, которые «блеснули эрудицией», считают самой длительной в нашей истории Северную войну, случившуюся в царствование Петра I. Первую группу людей, то есть тех, которые не претендовали на столь глубокие познания в истории, автор оставлял

в покое, а «знатокам» Северной войны задавал второй вопрос: «А что вы слышали о Ливонской войне?» И здесь, согласно получаемому ответу, всех интервьюируемых также следовало разделить на две, но уже приблизительно равные по числу группы людей. Одни сказали, что слышат о такой войне впервые, ответы же иных, поскольку походили один на другой, можно было свести к одной категории, и звучали они приблизительно так: «да что-то такое, кажется, было когда-то, по-видимому, очень несущественное, а потому неважное».

Вообще-то говоря, и тех, кто ничего никогда не слышал о Ливонской войне, и тех, которым эта война представляется чем-то нестоящим внимания, не следует делить на разные группы, ибо по степени эрудиции в вопросах отечественной истории они не намного отличаются друг от друга. Казалось бы, всех их можно одинаково отнести в разряд невежд, если бы не одно обстоятельство. И те, и другие, для неспециалистов, располагают достаточными познаниями о Северной войне. Как же так? Почему так получилось? Откуда такая разница в осведомленности одних и тех же людей о похожих по целям, совпадающих по театрам боевых действий и относительно недалеко, по историческим меркам, отстоящих друг от друга войнах? Мы уже не говорим об еще одном общем показателе, роднящем эти два события: их протяженности во времени. Правда, длившаяся 21 год Северная война по этому показателю уступает Ливонской.

Но все эти вопросы отпадут, если мы только примем во внимание одно специфическое свойство нашей историографии — ее избирательность и, как следствие, необыкновенную способность заикливать предмет на одних событиях и отказывать в этом другим. Понятно, что такой выбор происходит не случайно, он является результатом конъюнктурного подхода, а уже тот порождает концепцию, зачастую псевдоисторическую, но которая со временем становится настолько хрестоматийной, что отступления от нее воспринимаются как нечто нетрадиционное, выступающее против устоявшегося, следовательно, с точки зрения исторической правды, сомнительное.

Не будем говорить о трактовке многих событий нашей официальной историографией. Там давно царит заезженная штамповка с примесью сиюминутно господствующих взглядов, замешанных если и не на государственной идеологии, то, по крайней мере, на псевдопатриотизме. Оставив пока трактовку в стороне, уделим внимание лишь самим фактам состоявшихся событий. В этом направлении наша историография неизменно действует по давно укоренившемуся принципу: «все правда, но не вся правда».

Действительно, в любого уровня литературном издании на историческую тему, будь то научно-популярное произведение или просто учебник, о Северной войне всегда говорится так, что один раз услышав о ней, больше не забудешь. И кроме того что эта война неизменно преподносится нам как величественный подвиг России, особый акцент делается

на ее длительности. При этом никогда не утверждается то, что это была самая длительная война в нашей истории, ибо это было бы неправдой, а мы уже сказали, что главный принцип историографии, если принять во внимание его первую часть, — «все правда». Но о необычайной длительности Северной войны всегда и всеми авторами неизменно упоминается и подчеркивается так, что у читателя невольно складывается мнение о ней, как о самой длительной.

Совершенно по-другому освещается Ливонская война. При подходе к ней в силу больше вступает вторая часть того же принципа — «не вся правда».

Тут надо заметить, что о Ливонской войне написано очень мало, а с учетом масштаба этой войны не будет большим грехом сказать, что о ней не написано почти ничего. Ведь до сих пор не было создано ни одного труда, полностью посвященного этому событию нашего прошлого. Сведения о ней можно черпать лишь из источников, отражающих общую историю, или, в лучшем случае, из трудов, относящихся к эпохе Ивана Грозного, где эта война преподносится нам в контексте общей хроники того времени, а потому как-то вскользь. Упоминания о ее ходе чередуются с упоминаниями о других событиях эпохи, отчего цельного представления о войне у читателя не остается. И, конечно же, ни один из авторов не заостряет внимания на ее длительности. Мы ни в одном литературном произведении не найдем рядом стоящих двух дат — начала и конца той войны. Даты же ее отдельных эпизодов, безусловно, приводятся, но поскольку сами такие эпизоды распылены по тексту, и рассказ о них, как правило, ведется вперемешку с рассказами о других фактах, то у не слишком пытливого читателя, а таких большинство, не может сложиться представления о протяженности войны во времени.

Впечатление создается такое, что наши деятели от исторической науки не хотят, чтобы их соотечественник знал правду о Ливонской войне, а потому все делают для того, чтобы она оставалась для него малоизвестной. Совсем о ней не упоминать в силу эпохальности ее масштабов нельзя, обойти ее стороной, не задев при рассмотрении той эпохи, для которой та война стала основной вехой, невозможно. А потому при повествовании о второй половине XVI века нет-нет да приходится ее затрагивать, но делается это так, что у большинства людей, услышавших о таком событии, складывается, как мы уже отметили, о нем понятие, как о чем-то мимолетном и не претендующем на заметную роль в истории.

Настоящая работа претендует на то, чтобы стать первой, полностью посвященной Ливонской войне, но ее автор будет искренне благодарен и глубоко признателен тем, кто укажет ему на ошибочность его претензий насчет первенства. Но как бы там ни было, непреложным остается факт, что *Ливонская война была самой продолжительной войной в истории нашего Отечества*. Она длилась 25 с половиной лет, начавшись в январе 1558 года и закончившись в августе 1583-го. И уже только один этот факт способен приковать к ней пристальное внимание как специалиста-

исследователя, так и простого любителя истории и побудить обоих к ее более тщательному изучению.

Говоря о Ливонской войне, надо отметить то обстоятельство, что все 25 лет она практически не прерывалась, что, вообще говоря, несвойственно такого рода событиям не только той, но и значительно более поздних эпох. Непрерывность военных действий была свойственна только скоротечным войнам, но никак не тем, что носили затяжной характер. Действительно, мировая история знает войны и более продолжительные, чем Ливонская. Достаточно вспомнить Тридцатилетнюю, а тем более, Столетнюю войну и др. Но по ходу всех таких войн случались столь длительные перерывы, что иной раз на обеих воюющих сторонах рождались, вырастали и вымирали поколения, так и не заставшие войну при своей жизни. А потому, давая такой войне наименование, производное от числа лет ее протяженности, историки имеют в виду лишь то обстоятельство, что между воюющими долго не заключалось мира, и стороны продолжали оставаться в состоянии войны, но военных действий, как таковых, при этом могло не вестись годами и десятками лет. Тут, кстати, будет уместным снова вспомнить Северную войну России со Швецией. Она продолжалась, как уже было отмечено, 21 год и стала второй по длительности войной в нашей истории, но вряд ли мы насчитаем в ней и десяток лет, когда бы действительно велись непосредственные боевые действия. Все остальное время отмечено как затишье на русско-шведском фронте, когда Россия могла сосредоточить свои усилия на иных предметах, в том числе и на войне с совершенно иным противником, проходившей на совсем другом театре, весьма далеком от шведского.

Ливонская же война, за исключением двух-трех перерывов, каждый из которых не превышал нескольких месяцев, не знала приостановок. По ее ходу Россия, имевшая против себя коалицию врагов, заключала временные перемирия с одними из противников, но при этом сосредоточивала больше усилий против других. Но в основном бороться приходилось со всеми одновременно, так что к событиям на Ливонском фронте на протяжении всех двадцати пяти лет было приковано самое пристальное внимание государства, которое не могло себе позволить отвлечься на что-то иное и вынуждено было подчинить войне все свои заботы.

Теперь, указав на недостаточность освещения Ливонской войны со стороны официальной историографии, на не только скупость сведений о ней, но и на отсутствие последовательности, цельности и единства изложения, следует указать и на причины, вызвавшие такое отношение к этому предмету со стороны исследователей. Вернее, может быть, не столько исследователей, сколько историографов, ибо далеко не все, становящееся достоянием науки, становится достоянием широкой аудитории. Так и в нашем случае, о Ливонской войне, надо думать, давно известно намного больше, чем о ней трактуют всех уровней учебные и популярные литературные труды исторического жанра. И не надо далеко искать причин такого подхода к освещению этого, равно как и любого другого

исторического события. Надо лишь еще раз вспомнить упомянутый выше принцип, вернее вторую его часть, благодаря которой степень освещения всех вех нашего прошлого со стороны официоза всегда определялась двумя показателями: популярностью в среде своих современников и итоговой успешностью их исхода. Именно эти два показателя, будучи применимы к военным событиям, способны наделить их эпитетами «славных», «героических» и отнести к категории, украшающей нашу историю. Но не один из подобных эпитетов не подходит к самой длительной войне нашего прошлого, ибо по обоим этим показателям Ливонская война проигрывает в глазах как своих современников, так и их потомков. А потому и писатели истории, чаще всего выполняющие социальный заказ, следуют заложенной в его основе установке. А она требует избегать широкого, а главное, объективного освещения событий, не прославляющего наше прошлое, и наносящего, как считают идеологи, ущерб национально-патриотическим чувствам своих соотечественников.

Именно таким событием и явилась Ливонская война. Она не была сколько-нибудь популярна в массах, а своим плачевным исходом, мягко говоря, не преумножила славы Отечества.

Ливонская война не стала популярной, как не может быть популярной любая несправедливая, захватническая война. Все без исключения отечественные авторы, хоть сколько-нибудь затрагивающие в своих трудах это событие, избегают в отношении его таких эпитетов, как завоевание, военная интервенция, захват, но от смысла не уйти. Агрессивную позицию Московского государства наши деятели исторической науки пытаются объяснить жизненной необходимостью выхода к морю для овладения удобными путями сообщения с Европой, ни мало не смущаясь тем, что необходимость, пусть даже самая острая, самая насущная, не может служить оправданием зла и насилия, а потому мы не можем принять оправдание вооруженной агрессии одного государства с целью аннексии другого и захвата его территории какой бы то ни было необходимостью в чем бы то ни было. Мало ли в чем тот либо иной народ, или государство, в силу географических условий, ниспосланных природой, может испытывать необходимость. Так можно оправдать любого агрессора, вплоть до претендента на мировое господство. И представьте себе, оправдывают. Для многих наших научных и общественных деятелей факта необходимости овладения морскими путями оказывается достаточно для того, чтобы агрессии против Ливонского Ордена в середине XVI столетия дать положительную оценку. Так, например, современный военный историк Н. А. Шефов пишет:

«После ликвидации угрозы с востока важнейшей целью российской внешней политики становится выход к морям. Великие географические открытия, рост морской торговли и технические изобретения дали мощный импульс развитию Европы. Эти перемены происходили в стороне от России, лежащей на обочине основных путей сообщения. Самым близким и удобным для прямых связей с центрами европейской цивилизации

было Балтийское побережье. Но доступ к нему преграждали владения Ливонского ордена, который, не желая усиления России, препятствовал ее внешним контактам...

Наличие такого враждебного барьера не устраивало Москву, стремящуюся вырваться из континентальной изоляции. Впрочем, России принадлежал небольшой отрезок балтийского побережья, от бассейна Невы до Ивангорода. Но он был стратегически уязвим, и там не имелось ни портов, ни развитой инфраструктуры. Так что Иван Грозный надеялся воспользоваться транспортной системой Ливонии. Он считал ее древнерусской вотчиной, незаконно захваченной крестоносцами».

В приведенном высказывании трудно уловить позицию самого автора. Казалось бы, он сохраняет нейтралитет и отношение к проблеме ограничивает позицией русского царя, но, судя по тону повествования, похоже, что историк ее разделяет. А вот в ней сквозит вся сущность профессионального агрессора.

У России есть морское побережье, которое уязвимо не более, чем любое другое. Например, немецкий порт Нарва отделен от русского Ивангорода рекой в сотню-полторы метров шириной. О какой тогда разнице в степени уязвимости между этими двумя городами можно говорить? Что касается отсутствия на принадлежавшем России побережье портов и развитой инфраструктуры, то это правда. Но историк верно подмечает, что вместо того, чтобы заняться строительством портов и налаживанием соответствующей инфраструктуры, Иван Грозный с нескрываемым цинизмом надеется «воспользоваться транспортной системой Ливонии». И это понятно: агрессор никогда не создает своего, агрессор захватывает чужое, сделанное кем-то. Ну, а о том, насколько обоснованы претензии царя на Ливонию, как на свою вотчину, нам придется достаточно говорить ниже.

Необоснованности требований чужих земель одной только необходимостью выхода на морские просторы не могут не понимать наши историки. А потому они, а еще больше политические заказчики их продукции, оправдывая стремление русского государства пробиться к морю, войнам, имеющим целью завоевание чужого морского берега, пытаются придать справедливое начало. Так, в отечественной исторической науке в свое время появилась на свет и по сегодняшний день продолжает господствовать концепция, согласно которой Россия якобы когда-то владела морским побережьем, затем потеряла его, а потом решила вновь вернуть утраченное. Так, например, известный советский военный историк Е. А. Разин в своей знаменитой многотомной «Истории военного искусства» Ливонскую войну внес под рубрику «Войны XVI в. за воссоединение русских земель». Впрочем, не только Ливонскую войну. Под той же рубрикой у него видим и Казанскую эпопею, Астраханский поход и пр. Оказывается, все это войны «за воссоединение русских земель». Относительно всех их историк вещает:

«Результатом казанского и астраханского походов русского войска явилась безопасность волжского пути, имевшего большое значение для

развития экономических, торговых и культурных связей с Востоком Русского государства и обеспечение его восточной границы. Предстояло устранить и второе внешнеполитическое последствие татарского ига на Руси: воссоединить территории Русского государства, захваченные западными соседями, и устранить препятствия, мешавшие регулярным экономическим, политическим и культурным связям со странами Западной Европы...

Балтийское море было для Руси кратчайшим и удобным путем в Западную Европу, но Прибалтика находилась в руках Ливонского ордена. К середине XVI в. Ливонский орден был ослаблен как внутренней борьбой закрепощенных масс коренного населения, так и внешними поражениями. Войны XV в. подтвердили слабость ливонцев, раздела территории которых с нетерпением ожидали феодалы Польши, Швеции, Германии и Дании...

Таким образом, политика правительства Русского государства во второй половине XVI в. была направлена на то, чтобы, во-первых, прорвать блокаду и восстановить непосредственную связь Руси с Западной Европой и, во-вторых, воссоединить русские земли, захваченные соседями в период татарского ига на Руси. Это была прогрессивная политика. Продолжением этой политики явилась Ливонская война (1558–1583 гг.), объективно имевшая прогрессивный характер».

Итак, Ливонская война — это, по мнению известного ученого, война за воссоединение русских земель. Таким образом, земли эстов, чуди, ливов и других неславянских народов, с которыми издревле враждовали русские люди, населявшие соседние с Прибалтикой новгородскую и псковскую области, профессор Разин называет русскими. Но что особенно интересно, факт завоевания этих земель крестоносцами тот же ученый выставляет как следствие татаро-монгольского ига на Руси.

Все эти объяснения далеки от исторической объективности и имеют единственную цель ввести в заблуждение неискущенного обывателя и отвлечь его сознание от непреложного факта вооруженной агрессии России в середине XVI века против Ливонии. Ну, действительно, давайте зададимся вопросом: как татарское иго, установленное на Руси почти через 50 лет после захвата немецкими рыцарями прибалтийских земель, могло стать причиной этого самого захвата, и, следовательно, отторжения этих земель от Руси?

Не будем даже напоминать о том, что Русь никогда не владела этими землями, на которых к моменту прихода западных завоевателей самобытно проживали народы, находившиеся в стадии раннефеодального периода становления своей государственности. Заметим только, что ордынское иго установилось на Руси с начала 40-х годов XIII столетия. А немецкая государственность в Ливонии была официально провозглашена еще в 1202 году, когда был учрежден Ливонский Орден.

И вот Разин уверяет нас в том, что захват Ливонии стал следствием ордынского ига над Русью. Больше того, вооруженной агрессии России против Ордена времен царствования Грозного он пытается приписать прогрессивный характер.

В чем еще не прав маститый ученый, так это в том, что он излишне много значения придает факту слабости Ордена как вооруженного противника. Отсюда, наряду с традиционными ссылками на необходимость выхода к морю, он называет *беззащитность* Ливонии как еще одну причину того, почему бы ее не захватить. Ну, как тут не поддаться такому искушению? Так же посчитал и Иван Грозный, но Ливония оказалась не по зубам Москве. И если для русского царя это стало в свое время откровенной неожиданностью, то творившему через 400 лет Разину было уже об этом известно.

Вообще позиция советского историка восхищает своим поклонением перед открытой агрессией и неприязательностью в выборе средств для ее оправдания. По его мнению, нужно устранить препятствия, мешавшие экономическим и культурным связям с Западной Европой, и все тут. Причем устранить их можно любыми путями. И совершенно не важно, что эти препятствия созданы ходом исторического процесса. Балтийское море — кратчайший для Руси путь в Европу, и это верно подмечено историком, но на этом самом пути лежит преграда. «Прибалтика находилась в руках Ливонского ордена», — повествует он нам. И далее об этой преграде говорится как о какой-то аномалии и совершенно не принимается во внимание тот факт, что Ливонский орден — это самостоятельное и суверенное государственное образование. Да, оно создано путем покорения прибалтийских народов, ну а чем теперь возвышеннее претензии нового завоевателя? Только тем, что ему нужно море, которого он лишен самой природой?

И не случайно из всех сведений о Ливонской войне, которым, как мы сказали, свойственна крайняя скупость, наибольшей подробностью отличается изложение причин войны, когда авторы изошряются в попытках оправдания московской военной авантюры. Чего только стоит упоминание о стремлении к налаживанию, наряду с экономическими и политическими, и культурных связей с Европой. Оказывается, война с европейским народом нужна для установления культурных связей с европейскими же народами.

Излишне говорить о том, что любая оправдательная трактовка причин Ливонской войны отдает неприкрытым цинизмом. Вот еще одна выдержка из изданий недавних лет. В монографии «Русская история» ее авторы И. А. Заичкин и И. Н. Почкаев пишут:

«Некоторые историки считали Ливонскую войну политической ошибкой Ивана IV. Н. И. Костомаров, например, усматривал в ней излишнее стремление Ивана Грозного к завоеваниям. Между тем для России она была поставлена в повестку дня самой историей — выхода к Балтийскому морю требовали ее экономические и военные интересы, а также необходимость *культурного обмена* (курсив мой — А. Ш.) с более развитыми странами Запада...

Прибрежная полоса Балтийского моря некогда принадлежала Новгороду и Пскову. Потом эти прибалтийские земли захватили рыцари Ливонского ордена и Швеция».

Здесь все то же самое, на что мы указывали выше, разбирая подобные утверждения других творцов от истории. Тут и война, необходимая для налаживания культурного обмена, и прибрежная полоса Балтийского моря, якобы когда-то принадлежавшая Новгородской Руси, но отнятая у нее Ливонским орденом, хотя известно, что Ливонский орден образовался уже после того, как рыцари завладели Прибалтикой, равно как и то, что за всю историю Новгородской Руси рыцарство не отняло у нее ни одной пяди земли и т.п. Правда, нет ссылки на татарское иго как на причину отторжения Ливонии от Руси. Здесь авторы последней цитаты не стали копировать Разина. Видимо, явная несуразица в датах, когда Прибалтика оказалась в основном завоеванной в конце XII и окончательно в первые годы XIII века, а иго на Руси установилось только через 40 лет после этого, остановило историков от следования их ученому предтече. Но во всем остальном аналогия полная, и наши отечественные умы не смущаются повторять, что выхода к Балтике требовали «экономические и военные интересы» России. Не лишена в данной цитате интереса и ссылка на Костомарова, выдающегося историка XIX века. Она звучит как укор ученому за его обвинения Грозного в излишнем увлечении к завоеваниям. Хочется спросить авторов цитаты: а что, разве такие обвинения не обоснованы, и Грозный царь не страдал такими увлечениями?

Но все же основной акцент в объяснениях справедливого начала Ливонской войны лежит, похоже, в оглашенном Разиным и подхваченном его последователями стремлении к *воссоединению*. Такая трактовка истории, отвечай она в действительности всем реалиям, была бы способна перевести Ливонскую войну со стороны России в разряд справедливых. Но отвечает ли такая концепция исторической истине?

Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно будет бросить хотя бы беглый взгляд в прошлое, и тогда увидим, что Россия исторически не была морской державой.

Это уже спустя много времени после того, как русское государство сумело «ногою твердой стать при море», наши историки предприняли немало жалких попыток обосновать справедливый характер войн России за выход к морям ее стремлением возратить некогда утерянные земли Балтийского и Черноморского побережий. И надо сказать, что такие попытки возымели успех, и у многих наших соотечественников сложилось впечатление, что когда-то Россия владела морскими берегами, но лишилась их в результате агрессивной политики соседей.

Такая концепция с исторической точки зрения далека от корректной.

Ни этническое расселение восточнославянских племен, ни государственные границы древнерусских княжеств никогда и нигде не доходили до морских побережий. Другое дело, что они были отделены от них слабыми в государственном отношении племенами — чудью и емью (финнами) на севере, в Прибалтике, и кочевыми тюрко-язычными народами (печенегами, а позже половцами) на юге, в Причерноморье, что позволяло древнерусскому человеку довольно легко прорываться по

рекам в Балтийское и Черное моря. К Балтике водный путь пролегал по Волхову, а далее по Ладогге и Неве или по Западной Двине, а в Черное море по Днепру, Южному Бугу или Днестру. Такое сообщение обеспечивало Руси какой ни есть контакт с Западом, но до поры до времени его было достаточно. Но при этом Русь никогда ни на каком из морей не имела своих гаваней, ибо не владела ни одним клочком своей земли ни на одном из побережий. А потому любое мореплавание для нее начиналось по рекам из континентальных глубин, и только слабость соседей, отделявших ее от моря, давала возможность ей водным путем сноиться с внешним миром.

Но вот слабые северные соседи — чужь и емь подверглись экспансии ливонских рыцарей и шведов, а на юге степное пространство, отделяющее русские земли от Черного и Азовского морей, попало под юрисдикцию Турции и вассально от нее зависящего Крымского ханства. Водное сношение России с заграницей стало затруднительным, а во многих случаях невозможным. Но надо помнить, что под юрисдикцию сильных соседей, закрывших Руси водный путь на запад, попали *не русские земли*, как это часто трактуется с целью объяснения отрезанности Руси от моря и оправдания ее попыток отнять эти земли. Это были действительно завоеванные оружием земли, но не Руси, а ее соседей, с которыми ранее, до их завоевания, русским людям удавалось ладить и, хоть порой и не без вспышек враждебности, в целом жить относительно мирно.

Завоеванные шведами и немцами земли в Прибалтике никогда русским не принадлежали, и, утверждая обратное, наши историки приводят в свою пользу только один аргумент. Они упоминают город Дерпт, бывший русский город Юрьев, основанный Ярославом Мудрым и позже занятый крестоносцами во время очередной волны западной экспансии.

Но, во-первых, те же историки всегда подчеркивают, что Ярослав Мудрый основал Юрьев в земле племени Чуди после ее завоевания в результате очередного похода. Выходит, законных прав у Руси на Дерпт было не больше, чем у захвативших его несколько позже немцев. А что касается самого князя Ярослава, то он после этого выглядит ничем не лучше любого другого завоевателя. Во-вторых, Дерпт — сугубо континентальный город, стоящий вдали от моря и в стороне от путей, ведущих к нему. Так что говорить о его возвращении с целью пробиться к морю, по меньшей мере, нелогично.

Вообще говоря, у Руси на севере в древние времена был непосредственный выход к морю, правда, в очень неширокой полосе, зато несопряженный с переходом через чужие земли. Новгородские и псковские владения простирались до южного (левого) берега Невы во всем ее течении. А от устья Невы эти владения тянулись на запад по южному берегу Финского залива, достигая Копорья. Правда, невозможно сказать твердо, когда эти земли стали называться русскими. История колонизации их новгородцами покрыта плотной пеленой тумана, и остается вопросом, насколько обоснованно и исторически корректно применять

к этим *русским* землям приставку «исконно». Но уже в обозримые времена этими землями владели русские люди, и путь здесь к морю, хоть и не пересекал чужих земель, но проходил в непосредственной близости от них, по границе. Ведь Нева была пограничной рекой, ее правый берег принадлежал финнам. Может быть, отчасти именно поэтому Русь не спешила налаживать тут мореплавание, строить гавани и пр. Последней пристанью на пути из глубин новгородских владений к морю был городок Ладога, что в низовьях Волхова. Но, наверное, главной причиной того, почему единственный выход Руси к морю так долго оставался не обихоженым, была континентальная сущность русского человека. Да и до поры до времени русский человек не осознавал особых выгод, которые могло бы дать ему море.

Задолго до Ливонской войны Русь расширила свои прибрежные владения на Балтике, отодвинув границу на севере от Невы до реки Сестры, а на западе сначала до реки Луги, а затем и до Наровы. Но в деле развития мореплавания Россия при этом не продвинулась ни на йоту. В таком состоянии она и развязала против соседней Ливонии самую длительную в своей истории войну, поставив будущим поколениям историков задачу оправдания агрессии необходимостью иметь выход к морю, который на самом деле у нее был, и мифическим правом на возвращение своих бывших земель.

Историкам, объясняющим такие же устремления Петра I, было легче. Ибо Петром действительно руководило сознание необходимости моря, потому как в момент, когда он начинал Северную войну, у России не было ни пяди Балтийского побережья. И к шведской стороне русский царь предъявлял только одно требование — вернуть захваченное ею у России в Ливонской войне, то есть земли, простиравшиеся от устья Сестры до устья Наровы. Так что, кроме всего прочего, Северную войну, судя по изначальным требованиям русской стороны, можно считать войной справедливой. Это уже в ходе самой войны сложилась ситуация, когда России предоставилась возможность отхватить больше, отчего и характер войны потерял справедливое начало. И недаром во всех скудных ссылках на Ливонскую войну авторы стараются привести как можно больше аналогий во внешней политике Петра I и Ивана Грозного: Иван-то, дескать, оказывается, предвосхитил петровские замыслы. Всеми силами наши деятели исторической науки пытаются уравнивать их не только в устремлениях (устремления действительно были одинаковы), но и в причинах, побудивших обоих к таким устремлениям, потому как таким уравниванием легче завуалировать агрессивный, захватнический, несправедливый характер Ливонской войны. В этом смысле Северная война служит своего рода моральным и нравственным прикрытием случившейся за полтора столетия до нее войне Ливонской.

В среде наших соотечественников война Петра I против Швеции не вызывает сомнений в своем справедливом характере, ибо обыватель строит свое отношение к ней по исходным замашкам русского царя. А потому эта война всегда была популярна у всех поколений россиян,

начиная с ее современников. А отечественная историография до наших дней продолжает не скупиться на ее популяризацию и прославление. Ну а поскольку может показаться, что Ливонская война имела те же цели, во многом тот же театр действий, а одним из противников России была Швеция, то и саму войну, особенно если не вдаваться в подробности, легко представить как полную предтечу войне Северной. Мы здесь не зря оговорились, что аналогия между обеими войнами может только показаться, и показаться она может лишь при поверхностном рассмотрении. Но именно таким, обывательским подходом и отличается большинство, и не только наших соотечественников. И именно на это обстоятельство делают ставку те, кто отдает очередной социальный заказ к исполнению. И только поэтому Ливонская война не получает широкого освещения, ибо в противном случае ее характер, ее истинное лицо, даже при помощи Северной войны, завуалировать будет сложнее. Ведь чем больше приводить подробностей о Ливонской войне, тем больше непохожа она будет становиться на Северную. И при глубоком изучении войны времен Ивана Грозного искусственно и неуклюже слепленный из нее прототип войны петровского царствования развалится на глазах.

Ну и, конечно, самым большим отличием одного события от другого стали их итоговые результаты. Северная война отвечает обоим условиям быть со славой записанной на скрижалях отечественной истории: она была справедливой войной и завершилась полной и убедительной победой русского оружия. Ливонская же война являет собой полную противоположность: не имея в своей основе справедливого начала, до конца оставаясь захватнической, она закончилась для государства-инициатора агрессии тяжелым поражением.

Особенность настоящей книги в том, что, будучи посвященной войне, она меньше всего повествует о непосредственных военных действиях, рассказ о которых на ее страницах строится довольно скупое, отчего может показаться, что картина самой войны теряется на фоне общеполитической истории России второй половины XVI века. Читатель почти не найдет здесь характерных для военной истории ярких батальных сцен и описаний военных операций, способных дать представление об уровне владения военным искусством каждым из участников описываемых событий. Причина тому та, что такими данными просто не располагает наша историография. Имеющиеся в распоряжении исследователя источники с их скудными сведениями о Ливонской войне, на которые можно сослаться, свои упоминания о непосредственных боевых действиях ограничивают датами, в которые эти действия состоялись, и конечными их результатами. Совсем редко можно встретить данные о численности войск, участвовавших в той или иной операции, впрочем, почти всегда с оговорками о их сомнительности. В самого разного уровня литературно-исторических произведениях, затрагивающих Ливонскую войну, мы не найдем свойственных такому жанру карт и схем кампаний той войны и ее отдельных баталлий.

Как известно, боевые действия в Ливонской войне в основном сводились к осадам и штурмам крепостей и редко выливались в открытые полевые сражения. Но за исключением осады Пскова, случившейся уже практически под занавес войны, мы также не имеем представления о характере осадных баталий и не располагаем ни словесными описаниями осажденных крепостей, ни схемными изображениями их защитных сооружений, ни данными о их вооружении.

Но насколько скудна имеющаяся в распоряжении исследователя информация о военных действиях, настолько противоположная картина ждет того же исследователя при знакомстве его с дипломатической составляющей той же войны. Та эпоха оставила нам массу материала по внешнеполитической борьбе противников вне полей сражений. Надо сказать, что накал политических страстей на воюющих сторонах все 25 лет боевых действий не уступал накалу военному, а соперничество внешнеполитических ведомств в разгар войны достигло своего пика, став украшением истории дипломатии своей эпохи.

Характерной особенностью той войны стало то, что на всем ее протяжении Россия параллельно военным действиям практически непрерывно вела переговоры с главным своим противником — Литвой, а позже, после объединения последней с Польшей, с объединенным государством — Речью Посполитой. Это уникальное явление в истории, и его уникальность в равной степени относится как к истории войн, так и к истории дипломатии. Обычно военные действия прерывают всякие переговоры и рвут дипломатические отношения, возобновление которых в будущем становится, как правило, серьезной проблемой. В Ливонской же войне главные враждующие стороны под грохот битв обменивались посольствами, предъявляли друг другу требования, выясняли отношения, не унимая при этом своих воевод. Чуть ли не постоянно, на протяжении всей войны, в Москве находились полномочные представители государства-соперника, равно как в Вильно или в Кракове вершили дипломатическую миссию люди Москвы. А если и не было в какой-то момент при дворе одного из противников посольства другого, то переписка между главами правительств воюющих держав не прерывалась никогда, отличаясь завидной регулярностью. Гонцы с посланиями из Москвы в Вильно или в Краков и обратно из Вильно или из Кракова в Москву освоили дорогу настолько, что знали на ней каждый камень.

Вершиной обоюдной дипломатической активности стало то, что в разгар войны представитель царственного дома одного воюющего государства даже баллотировался на трон другого, то есть, государства-соперника. И мог бы даже быть и избран, будь немного погибче и политически более пронизателен.

Характер дипломатических отношений России с Речью Посполитой времен Ливонской войны представляет большой интерес. Он менялся в зависимости от успехов или, напротив, неуспехов на полях сражений, став воплощением всех пороков аппарата политического руководства

Московским государством. Но мы не станем упреждать событий и познакомим читателя с историей этих отношений по ходу нашего повествования.

Скудость сведений о тактической составляющей той войны не позволяет отнести настоящую книгу к разряду книг о собственно военной истории, а тем более к истории военного искусства. Она по своему содержанию ближе к общеполитической истории эпохи. И как один из символов эпохи в ней нашел место ее главный герой — русский царь Иван IV.

В целом эта книга не носит в себе портретного начала и автору по ходу ее написания меньше всего хотелось бы превращать свое творение в еще одну трактовку изъезженного образа Ивана Грозного. Тем более, что в своей предыдущей работе «Парадоксы российской истории», в ее разделе «А тут рабское терпение...» автор дал свое видение личности этого русского самодержца, и любое новое написание его привело бы только к повторению. Но совсем оградиться от такой задачи при трактовке главного события второй половины XVI столетия, каким стала Ливонская война, видимо, нельзя, и главный герой эпохи невольно становится главным героем и этой книги. А потому прежде чем перейти к нашему повествованию, не лишним будет дать несколько штрихов к пониманию личности первого русского царя.

Специфичность ситуации в том, что в разные периоды нашей истории образ Ивана Грозного претерпевал существенные изменения, отчего восприятие его нашими соотечественниками неоднозначно. Наиболее крупные деятели нашей исторической науки досоветского периода, то есть деятели, не зараженные вирусом марксистской концепции понимания исторического процесса, дают Ивану Грозному строго определенную, сугубо негативную оценку. Наряду с ними в ту же эпоху можно было встретить другую точку зрения, сторонники которой пытались скрасить доминировавшее и безраздельно господствовавшее в научной и просто общественной среде представление об этом русском самодержце. Но именно только скрасить, а никак не изменить его. В целом, образ царя Ивана считался, и не без основания, настолько устоявшимся, что не подлежал существенному пересмотру, но при этом мог вызвать со стороны некоторых историков стремление найти в нем положительные стороны, что, в общем-то, также не лишено некоторых оснований.

И надо же так было случиться, что только к середине XX столетия, то есть даже далеко не с самого начала советской эпохи и, что самое интересное, без сколько-нибудь серьезного содействия со стороны ученой среды, личность Ивана Грозного вдруг претерпевает кардинальное изменение. Мы напрасно сейчас стали бы искать какое-то научное обоснование перелицовки давно устоявшегося к тому времени образа Ивана IV. Понятно, что жалкий лепет школьных учебников по истории не может считаться обоснованием какой бы то ни было научной концепции. А кроме этого лепета, перекойку и перелицовку образа Грозного можно было наблюдать только в художественном жанре. Но именно этот жанр оказался самым действенным, результативным и эффективным. Такие антиисторические

художественные произведения, как роман В. И. Костылева, фильм С. М. Эйзенштейна, пьеса В. А. Соловьева, перевернули в сознании массы наших соотечественников представление об одном из самых жалких и ничтожных правителей русского государства, преподали его с точностью до наоборот. Нет нужды напоминать читателю о том, что создание нового образа царя Ивана явилось выполнением политического и социального заказа со стороны власти, нуждавшейся в подобном историческом прототипе. Достаточно сказать, что все вышеназванные художественные произведения сыскали своим авторам лауреатство Сталинских премий.

И вот царь, доведший страну до страшной разрухи, а народ — до полного разорения и обнищания, и не только до скитания и бродяжничества, но и до массовой миграции за рубеж, царь, потерпевший тяжелое поражение в войне, в результате чего потерял море, возвращение которого станет большой и насущной проблемой для нескольких будущих поколений россиян, царь, поставивший страну на край катастрофы и вплотную подведший ее к такому страшному явлению нашей истории, как Смута, вдруг четыре столетия спустя предстает перед потомками в совсем ином облике, чем заслуживал и оставался все эти предыдущие столетия. И насколько же живучим оказался этот новый облик!

Неудивительно, что внедрение нового образа Грозного в умы наших соотечественников стало делом нетрудным. И это несмотря на то, что личность первого русского царя, как и вся его деятельность, оставляют мало места для полемики. Но это, конечно, только в том случае, если подходить к изучению этого предмета серьезно. Вот на это последнее обстоятельство и делали ставку заказчики. Они-то знали, что серьезно этим предметом уже давно никто не занимается, а если кто и поймет всю чудовищную нелепость нового представления хорошо известного персонажа русской истории, то голоса все равно не подаст. К тому времени оппонентам государственной идеологии уже давно было отказано в праве на существование. И уж совсем сможет показаться удивительным то, что этот, вновь созданный в угоду определенным политическим силам образ Грозного, оказался настолько живучим, настолько отвечающим воображению нашего соотечественника, что сам соотечественник не может с ним расстаться до сих пор. А главное, не хочет. И это несмотря на то, что прошло уже почти полвека, как официальная историография если и не вернула все на свои места, то, во всяком случае, сделала к тому немало шагов.

Почему же так держится этого образа наш соотечественник несмотря на массу открывшихся ему источников, несущих совсем иную информацию об этом предмете?

Тут надо сказать, что вернуться к истинному образу царя Ивана нашему соотечественнику мешает до сих пор если и не господствующая, то, во всяком случае, достаточно доминирующая концепция и стоящий у нее на службе популярный официоз, которые полностью так и не могут отрешиться от полученного в наследство от предыдущего поколения за-

езженного штампа. А потому начавшийся с последней трети XX столетия процесс развенчания Грозного не был доведен до конца, остановился на полпути. Приведем только одно, но типичное для последних трех-четырех десятилетий ученое мнение о личности Ивана Грозного. Это мнение принадлежит профессору МГУ им. М.В. Ломоносова А.М. Сахарову и взято из его работы, опубликованной в 1975 году:

«Личность и деятельность Ивана Грозного были очень противоречивы. Это отмечалось уже современниками. В народном эпосе Иван IV предстает и как покоритель Казани, и как жестокий «царь-собака». Дела Грозного были так же противоречивы, как была полна противоречий вся эпоха становления и укрепления Российского государства. Умный и подозрительный, жестокий и дальновидный, образованный и суеверный, упрямый и непоследовательный, энергичный и знавший полосы депрессий — Иван IV был, по всей видимости, душевно неуравновешенным человеком. Но было бы принципиально неверно оценивать весь ход исторического развития России середины и второй половины XVI в., связав и обусловив его только личностью Ивана IV, даже такой властной и сильной. Историческая наука давным-давно отказалась от мысли, что ход истории определяется волей царей, королей, полководцев и прочих властителей. Отнюдь не сбрасывая со счета то большое влияние, какое оказала та или иная личность на ход событий в государстве, марксистская историография не считает это влияние определяющим фактором исторического процесса. Иван IV действовал в тех исторических условиях и в той обстановке, которое имели объективное происхождение.

Иван Грозный внес в этот исторический процесс развития средневекового Российского государства не только энергично осуществленные важные внутренние преобразования и успешно решенную задачу ликвидации опасных очагов агрессии против России на востоке, не только целеустремленное движение к Балтийскому побережью, но и садизм, жестокость в борьбе с действительными и мнимыми противниками его политики. Жестокость вообще была свойственна средневековым правителям, и не только потому, что она вытекала из средневековой феодальной морали и нравственности.

Правители XVI в. прибегали к жестокости именно по той причине, что ясно чувствовали слабость своей власти и силу непокорных своих противников. Но объективная обусловленность политики Грозного не отменяет необходимости оценки его субъективной деятельности, историческое объяснение не равнозначно оправданию. На века имя Грозного оказалось неразрывно связанным с представлением о диком разгуле террора, о подозрительности и жестокости в деятельности правителя страны, а слово «опричнина» стало нарицательным обозначением крайнего беззакония, произвола, массового истребления неповинных людей».

Много дискутировать по поводу приведенного положения не стоит. Мнению профессора можно поставить расхожую оценку — «и вашим и нашим». При любом повороте политической направленности государства

можно всегда будет оправдаться своей лояльностью к власти. Не будем за это осуждать ученого, ведь эта мысль была им высказана в 1975 году, во времена, когда нельзя было не сослаться на марксистскую концепцию понимания исторического процесса. А что касается нашего конкретного предмета исследования, то те времена характерны еще и тем, что тогда не только царь Грозный, но и политический заказчик его радикальной переоценки сам подлежал ползучей реабилитации, и идеологическая стабилизация в стране была только кажущейся. Как и кого еще из прошлого могли бы выбрать тогдашние кремлевские правители в качестве собственных прототипов, как тогда трактовать историю и какой еще можно будет получить социальный заказ, никто из ученых-историков предусмотреть не мог. А вот знакомство с политической манипуляцией с привлечением к арсеналу средств общественно-социальных наук и с соответствующей подгонкой исторических лиц под нужный сегодня размер — у ученых этого профиля было. Так что стоит ли нам сегодня поражаться живучести искусственно сотворенного образа Ивана Грозного? И следует ли удивляться тому, что с этим образом очень неохотно расстается наш соотечественник?

Главная причина живучести надуманного образа царя кроется во внутренней сути русского человека, в том, что его устраивает такой образ больше, чем любой другой. Видимо, въевшееся в кровь и сознание наших людей согласие с необузданной тиранией, с неограниченным произволом власти, беззаконием и деспотизмом располагает к положительным эмоциям при восприятии такой личности, как Иван Грозный. Глубоко укоренившаяся в русском человеке рабская психология не противоречит такому положению вещей.

Относительно личности Грозного, наверное, следует согласиться с мнением историка Б. Н. Флори, который свое фундаментальное исследование, посвященное первому русскому царю, подытожил словами: «Приходится честно сказать читателю, что на вопрос об историческом значении деятельности Ивана IV мы до сих пор не имеем окончательного ответа. Остается лишь надеяться, что его могут принести труды новых поколений исследователей».

Автор настоящей книги надеется, что его творение в какой-то мере может быть отнесено именно к таким трудам, хотя и посвящено отнюдь не царю Ивану IV, а лишь его главному внешнеполитическому деянию, ставшему, по мнению многих отечественных историков, целью и смыслом всей жизни Грозного. Ну, а поскольку это предприятие завершилось полным провалом, то оно может лишней раз подчеркнуть несостоятельность попыток реабилитации первого русского царя как государственного деятеля и необоснованность изображения его хоть в сколько-нибудь положительных тонах. Но не в этом главная задача книги. Указывая на результаты деятельности главного героя эпохи, автор не стремился дать объяснение его личности. Автор хотел бы, чтобы читатель, опираясь на факты основного начинания царствования Грозного, сам сделал о нем

вывод. Но автор был бы глубоко удовлетворен, если бы эта его работа хоть в какой-то мере смогла бы помочь его соотечественнику докопаться до причин, объясняющих возможность появления такого человека на нашем отечественном небосклоне. А равно столь долгого и ничем не поколебленного нахождения на нем и, что самое поразительное, способность к перерождению через несколько веков после смерти в совершенно иной и необыкновенно живучий образ.

И если уж мы коснулись портретной стороны книги, то невозможно пройти мимо того момента, что по ходу изложения событий Ливонской войны автору приходилось в виде набросков, буквально несколькими штрихами, знакомить читателя с наиболее запомнившимися ее героями. Их судьбы удачно дополняют содержание рассматриваемого предмета, дают возможность лучше оттенить характер эпохи, потому как в определенном смысле они стали ее символами.

Надо сказать, что насыщенное военными событиями время царствования Ивана Грозного дало нашей истории целую плеяду незаурядных военных деятелей. Можно много судить о несоответствии московской военной машины духу и требованиям времени, об отсутствии военного профессионализма даже среди высшего командного состава русской армии, что послужило причиной многих поражений в Ливонской войне и стало одним из объяснений ее итоговых результатов. Но надо помнить, что институт командных кадров был неотъемлемой частью московского военного лагеря, он сформировался вместе с ним, что и определило уровень профессиональной подготовки командного звена всех рангов. А формировался этот лагерь в вековой борьбе с кочевой степью, а потому и само московское войско и его военачальники вполне отвечали требованиям войн против азиатских орд. Ливонская же война по сути дела стала первым крупным эпохальным военным событием, в котором Москва столкнулось с военной машиной Запада. И несмотря на то что ее противниками были далеко не лучшие представители европейской военной школы, Москва, даже располагая значительно большими, чем ее враги, внутренними ресурсами и обладая более крепким государственным устройством, не выдержала противостояния.

Но, признавая за русскими воеводами недостаточный уровень владения военным искусством, нельзя большинству из них отказать в верности долгу, преданности делу и полной самоотдаче, вплоть до готовности к самопожертвованию. Во всяком случае, сказанное будет справедливо в отношении первого этапа войны до начала гонений на лучших представителей командования армии. И вот этими качествами представители московского генералитета эпохи Грозного, в особенности те из них, что попали под первую волну массовых репрессий, очень контрастировали с самим русским самодержцем. Ведь Иван Грозный не только не имел даже зачатков воинских способностей, не только не был наделен от природы хоть какими-нибудь относящимися к военному ремеслу дарованиями, но и при всей своей грозности грозному царю было присуще

самое несвойственное военному человеку и самое постыдное для любого человека качество — трусость, доходящая до низменного малодушия. И вот сознание своего ничтожества оказалось не способным подтолкнуть русского царя ни к чему лучшему, как выплеснуть негодование на людей своего окружения, в первую очередь, на военных.

Деспотические наклонности московского государя испытали на себе все без исключения военные деятели его царствования. И только очень немногим из них улыбнулось счастье погибнуть славной смертью на поле битвы, подобно Петру Шуйскому, зарубленному литовцами в сече под Оршей, или Ивану Шереметеву, сраженному наповал шведским ядром под Ревелем. Подавляющее же большинство царских воевод, составлявших гордость русской армии, наводивших ужас на неприятеля, а потому высоко чтимых в его лагере, героев бесчисленных походов и битв погибло на плахе, в тюремном застенке или пыточном каземате, подобно Александру Горбатову, Михаилу Воротынскому, Петру Серебряному, Петру Щенятеву, Ивану Шуйскому и десяткам других. Не меньше трагизма и в судьбах бежавших от безысходности за рубеж, подобно, пожалуй, самому выдающемуся полководцу эпохи — Андрею Курбскому. А потому для рассматриваемого периода нашей истории и его главного события — продолжавшейся более двадцати пяти лет войне на западе, — в образах русских полководцев той войны одинаковый интерес представляет и их военная деятельность, и их личная судьба.

Можно вспомнить еще много характерных особенностей той эпохи и непосредственно связанных с войной на западе явлений и сторон московской жизни. Из всего их множества хочется выделить одну, явившуюся типичным продуктом окончательного формирования российского самодержавия и ставшую мерилем сознания московского общества. Для лучшего понимания этой особенности воспользуемся соображениями отечественного историка XX столетия А. П. Торопцева.

«К началу XVI века, — пишет ученый, — русским великим князьям удалось собрать в единое государство разрозненные княжества, и теперь нужно было лучшим образом распорядиться этой мощью, еще в полной мере не осознанной ни боярами да воеводами, ни князьями (а с Ивана Грозного — царями), ни служителями церкви, ни вольным людом, осваивавшим окраины страны, — никем. Такое часто случается с молодыми, сильными, буйными натурами. Вроде бы любое дело им по плечу, нет никаких преград, способных остановить богатыря. И гуляет он, парень крепкий, молодой, и... вдруг неожиданно (для него самого, неопытного) получает обидные удары от судьбы.

Такой была Русь в XVI веке. Какие прекрасные она одерживала битвы, какие горестные неудачи преследовали ее! Часто историки и другие умные люди обвиняют во всех несчастиях того времени лишь буйную, неуравновешенную натуру русского грозного царя, не желая при этом думать о том, что во всем повинна неопытность норовистого, нахрапистого богатыря: Московского государства. Силушки у него было побольше, чем

у Османской империи. А вот ума... Чтобы собрать, скажем, всю вольницу казацкую да всех служилых людей великих и малых городов в одну мощную армию да направить ее... а куда ее направить?

Хорошо сейчас, спустя три с половиной века (на самом деле четыре с половиной — А. Ш.), разрабатывать стратегию за того же Ивана Грозного, разглядывая карты, изучая справочные пособия, зная все, что случилось с русским царем и русским народом и другими народами в тот напряженный век, но ему-то каково было!... Куда идти, где разгуляться богатырю?»

Вот здесь, в одной короткой цитате сконцентрирована вся психология может быть еще не каждого русского человека XVI века, но уж точно московского общества и, конечно же, московской власти. Вдумаемся в смысл того, о чем пишет исследователь. Создано единое, мощное государство и встает вопрос о том, как «лучшим образом распорядиться этой мощью?». Причем под этим вопросом однозначно понимается: на кого напасть и кого завоевать? Ни в какую другую сторону общественная мысль просто не работает. Даже не ставится на повестку дня вопрос о подъеме экономики, о благоустройстве городов, о прокладке дорог и возведении мостов через бесчисленные реки, повышении урожайности земли, совершенствовании орудий труда, развитии промышленности, наконец, улучшении быта людей и т. п. Обо всем этом самом насущном для человека и общества в целом не вспоминается даже пусть в совокупности с вопросами повышения обороноспособности, то есть со строительством крепостей и оборонительных линий, с усовершенствованием оружия и пр. Наконец, никто не задумывается о строительстве портов на имеющемся у России морском побережье, о закладке корабельных верфей, налаживании торгового мореплавания, о создании и развитии военного флота для обороны своих берегов. Ни о чем этом богатырю, имя которого — Московское государство, даже думать не хочется, потому как от всего этого отдает однообразной, скучной и во всех смыслах неинтересной жизнью, неизменно сопровождаемой непрерывной, тяжелой и кропотливой работой, а он (богатырь), как повествует нам историк, «парень крепкий, молодой», и его грезы уносят в иной, более романтический мир. Ученый намекает на то, что силушки у Московской державы было достаточно, а вот ума-то маловато, в том смысле, что она не знала, куда и как применить эту свою силушку. И тут же историк подсказывает ей, как лучше всего своей силушкой распорядиться. Оказывается нужно было собрать все людские ресурсы, от казацкой вольницы до служилых людей «в одну мощную армию» и двинуть ее... Впрочем, сам советчик не знает точно, в какую сторону ее лучше двинуть, но твердо уверен в одном, что куда-то двигать надо, ибо русскому богатырю необходимо разгуляться. Так что наш современный ученый в плане поисков путей развития молодого русского государства мыслит теми же категориями, что и его предок, живший несколькими сотнями лет ранее.

Тут хочется поправить современного историка тем, что его совет лишний, и что русское государство в XVI столетии в точности так и поступало,

как ему подсказывает ученый из конца XX века. А вот то, что оно получало при этом «обидные удары от судьбы», наш отечественный современник списывает на «неопытность норовистого, нахрапистого богатыря» и нисколько не осуждает его принципиальную позицию. Богатырю нужно где-то разгуляться, и истина эта возражений не терпит. Завоевательные стремления Московского государства и через четыре столетия воспринимаются как безальтернативные. Для набравшего мощь государства нет другого пути развития, как вооруженная агрессия против соседей с целью захвата их территории. *Драматизм нашей истории именно в том, что своей принципиальной позиции, сложившейся к началу XVI века и имевшей в своей основе присоединение сопредельных земель, Московское государство, равно как и все его правопреемники, не изменит и впоследствии.*

История Русского государства соткана из непрерывной череды больших и малых событий, оказавших то или иное влияние на ход его развития. Крупными вехами в этой череде обозначены события, получившие название эпохальных. Они запомнились истории, как нечто грандиозное, с которыми мало что может сравниться по величию, и оставили свой след, явно выделяющийся среди других. Именно таким событием, несмотря на все попытки его затушевать, и стала Ливонская война. Кроме того что она в течение двадцати пяти лет ураганом бушевала над Московской державой, перетряхнув все, что было в ней содержимого, она на несколько поколений вперед предопределила характер развития и судьбу русского народа.

Своим видением этой войны, от ее причин до последствий, автор спешит поделиться с читателем.

Глава 1

Предыстория

История происхождения нашего государства уходит в глубину веков. В течение столетий на обширном пространстве Восточно-европейской равнины шел процесс, который впоследствии всех мастей историками будет трактоваться становлением Российской державы. Вот уже более десятка поколений деятелей отечественной исторической науки рассказывает нам о массе больших и малых доподлинно известных событий, случившихся в далеком прошлом нашего отечества, о многих исторических персонажах, среди которых были незаурядные общественные и военные деятели, о подъемах и упадках экономической и культурной жизни на землях, на которых впоследствии и образуется то, что назовут Русским государством, но вся эта история, если провести аналогию с зарождением и появлением на свет человека, будет аналогом вынашиванию его в материнской утробе. А вот временем самого рождения нашего государства, если продолжить ту же аналогию, непосредственным появлением его на свет следует считать последнюю треть XV столетия, когда многовековой период вынашивания наконец завершился мучительными, но благополучными родами. Именно тогда на территории массы удельных княжеств образуется единое централизованное государство, правитель которого теперь зовется Государем Всея Руси. Точную дату рождения Московской державы назвать, безусловно, нельзя, ибо этот процесс растянулся на многие годы и занял чуть ли не все время великого княжения Ивана III.

Пожалуй, самой специфической особенностью процесса создания нового государства стало полное подчинение Московскому княжеству, послужившему в этом процессе ядром нового государственного образования, ранее независимых от него удельных земель, а отсюда быстрый рост территории владений московского князя. И как заметил по этому поводу К. Маркс, «изумленная Европа, в начале царствования Ивана (III — А. Ш.) едва замечавшая существование Московии, зажатой между татарами и литовцами, была огорошена внезапным появлением колоссальной империи на ее восточных границах». При этом ничто так не послужило приросту территорий, как включение Иваном III в свои владения Новгородских и, можно с некоторыми оговорками сказать Псковских земель, хотя полное формальное вхождение в Московскую державу Псковских владений произойдет только при сыне Ивана III, но уже сейчас независимость Пскова оставалась чисто условной. Обширные пространства новгородско-псковских уделов превосходили своими разме-

рами само Московское государство, каким оно было до присоединения Новгорода и Пскова, даже с учетом того, что под власть московского правителя к тому времени уже попали чуть ли не все другие удельные княжества. Собственно говоря, приведение великим князем под свою власть Новгородско-Псковской вечевой феодальной республики, этого последнего оплота независимости и сепаратизма на русских землях, и стало по сути дела последней вехой в создании Московской державы.

Но помимо того что вновь присоединенные земли на северо-западе более чем в два раза увеличивали территорию владений московского княжеского дома и, трудно сказать во сколько раз, преумножали его богатства, самым характерным следствием нового приобретения стало то, что Москва при этом получила новое для себя и далеко не дружелюбное соседство. До сих пор это соседство в полной мере давало о себе знать лишь жителям новгородских и псковских земель, и когда говорят о знакомстве и давних отношениях русских людей с соседними им прибалтийскими народами, в первую очередь с ливонскими немцами, то имеют в виду именно псковичей и новгородцев. Москва не имела непосредственного контакта с Ливонией, и новгородские владения были чем-то вроде санитарного кордона, отделявшего центральные области русских земель от западного соседа. Теперь Московское государство становится правопреемницей всей предыстории отношений многих поколений псковичей и новгородцев с их соседями и вынуждена будет продолжить их застарелую вражду теперь уже у своих новых северо-западных границ.

А предысторию этих отношений вкратце можно осветить так...

Край, получивший в нашей истории наименование Ливонского, примкнул к самому северо-западному рубежу восточнославянского расселения и чуть ли не по всему своему очертанию исторически был наделен природой естественными водными границами. С запада и с севера он омывается соответственно Рижским и Финским заливами Балтийского моря, с востока рекой Великой, затем водами Псковского и Чудского озер и реки Наровы, с юга Западной Двиной (Даугавой). И только на юго-востоке, в междуречье рек Великая и Западная Двина, приблизительно от русского города Опочка на Великой и до города Дюнабурга, что на Западной Двине, ливонский край граничил по суше со славянскими землями, входившими в состав Полоцкого княжества, позже попавшими под власть великих князей Литовских.

До второй половины XII века историческая жизнь слабо касалась этих мест, остававшихся вне бурь политических страстей и событий. Вяло текущая колонизация новгородцами прибалтийских земель не имела следствием острой, непримиримой вражды с соседями. Правда, выяснения отношений выходцев с берегов Волхова с аборигенами ливонского края иногда доходили до применения оружия. Но в те времена, когда над другими русскими землями бушевали междоусобные войны, помноженные на борьбу с кочевой степью, пограничные стычки на северо-западе с полудикими племенами не могли претендовать на достойное место

в историческом процессе и сколько-нибудь отчетливо записаться на скрижалях истории. На фоне полномасштабных феодальных военных столкновений и одновременно ордынских терзаний, высасывающих все жизненные и людские ресурсы Руси, вражда русских людей с северо-западными соседями оставалась малозаметной. Да и вражда эта сводилась лишь к редким взаимным нападениям мелких отрядов на лежавшие в приграничной полосе поселения. Причем все такие нападения неизменно разбивались о первое же встречное более или менее укрепленное место. К тому же и само понятие пограничной полосы было весьма и весьма условным.

Северо-запад Руси и Ливония в XVI в.:

- — граница Московского государства;
- — ливонско-литовская граница

И все же при таком, можно сказать, пассивном противостоянии русское превосходство постепенно сказывалось все ощутимее и все больше и больше давало о себе знать. Не очерчивая строгих границ, Русь настойчиво распространяла свое влияние вглубь чужеплеменных земель. Наконец, шагнув за реку Великую, русские люди начинают закладывать там свои города, что может считаться попыткой колонизации края. Еще в XI столетии киевский князь Ярослав Мудрый, во владениях которого тогда находился и Новгород, основал на территории, принадлежавшей одному из прибалтийских племен — Чуди — город, назвав его своим христианским именем — Юрьев. Позже на самой восточной окраине ливонской земли псковичи ставят города Изборск и Себеж. Но в целом попадание местного населения под влияние более развитого в экономическом и культурном отношении славянского соседа протекало вяло и даже не отмечено сколько-нибудь заметным распространением среди прибалтийских племен православия.

Такое прозябание продолжалось до тех пор, пока Прибалтийский край не подвергся иного характера колонизации, — с запада на него нахлынула волна уже по-настоящему серьезной вооруженной экспансии. В самом конце XII столетия в Ливонию вторглись немецкие завоеватели.

Это время было эпохой апогея крестовых походов христианской Европы. Вторжению в Ливонию предшествовала такая же агрессия немецких и датских феодалов, а за ними колонистов и миссионеров на южное побережье Балтийского моря, приведшая к онемечиванию обитавших там западнославянских племен. После них очередь дошла до народов, обитавших по восточным берегам Балтики. Торговцы из немецких земель освоили сюда путь еще раньше. Уже с начала XII столетия их суда приставали не только к морскому побережью Ливонии, но и хорошо изучили нижнее течение Западной Двины. Торговые люди с запада видели слабость заселявших эти края племен, в лучшем случае кое-где достигших раннефеодального уровня. Сведения об этих землях и населявших ее народах, погрязших в варварском язычестве, распространялись далеко на запад и не могли не воодушевить тамошних ревнителей христианства, не подвигнуть их на много обещавшее соблазнительное предприятие. И вот к концу XII века к балтийским берегам, омывавшим ливонские земли, наряду с торговыми, стали причаливать армады судов с вооруженными до зубов людьми. Начался захват рыцарями восточно-прибалтийских земель. Местное население оказало пришельцам упорное сопротивление, но захватчики умело воспользовались главной слабостью аборигенов — разрозненностью их племен. Подробности завоевания Ливонского края немецкими крестоносцами выходят за рамки нашей работы, а потому не станем на них останавливаться. Отметим только, что в процессе этого завоевания захватчикам удавалось иной раз даже заручаться поддержкой русских князей. А последние до поры до времени смотрели на происходящее вполне равнодушно, наивно полагая, что вся миссия Запада ограничится приобщением местного населения к Христианской религии,

в чем сама Русь за многие годы своего влияния здесь преуспела мало. Христианская Русь считала крещение язычников благородной миссией, даже несмотря на насильственные методы, не воспринимавшиеся во времена средневековья как что-то предосудительное, особенно если речь шла об обращении в «истинную» веру.

Наша историография иногда отмечает тот факт, что истинные, сугубо захватнические цели западных пришельцев долго не попадали в поле зрения тогдашних русских политиков. Думается, что это не совсем верно, ибо русские люди не могли не видеть, как немцы ставят на захваченных землях замки, возводят крепости, основывают новые и укрепляют старые города, то есть, ведут себя не как временные пришельцы и христианские миссионеры. Скорее всего, невмешательство Руси в происходящие события следует объяснить отсутствием у нее возможности повлиять на складывавшееся положение вещей. Что могла Русь, захлебывавшаяся в избытке собственных проблем, противопоставить немецкому наступлению на ее соседей? Наверно, именно поэтому пока захватчики не беспокоили непосредственно русских владений, их правители не без сожаления, но и не проявляя излишней воинственности, вынуждены были в целом пассивно отнестись к потере своего влияния в Прибалтике? Вообще говоря, история запомнила участие русских ратных сил на стороне местных племен в их борьбе с завоевателями. Но это участие не отмечено широким размахом, контингент таких сил был не велик, а главное, эти силы не представляли собой какого-то определенного княжества как государственного образования, а потому не поднимали над собой в этой борьбе знамени какого бы то ни было князя. Судя по всему, такие выступления русских людей в союзе с прибалтийскими аборигенами вызывались энтузиазмом, а сами выступавшие напоминают наемных кондотьеров.

Христианизация и оккупация края продолжались, и, наконец, в 1188 году с благословения Римского папы в нем учреждается Ливонское епископство, подчиненное Бременскому архиепископу. После этого рыцари из рук нового епископа начинают получать в завоеванном краю земельные владения, принадлежавшие ранее племенной знати, а насильственное обращение в Христову веру, получив статус государственной политики, пошло еще интенсивнее. Немецкие колонисты уже основывают в завоеванном крае города. В 1201 году в устье Западной Двины появляется город, которому суждено будет сыграть заметную роль не только в истории этого края, но и в истории всей нашей государственности, — Ригу. Новый город становится местом пребывания Ливонского епископа, но перед оккупационными властями для большей определенности своего положения встает вопрос о придании завоеванным землям статуса государственного образования. Формой такого образования мог быть монашеский рыцарский орден, возглавляемый магистром. И вот тогдашний Ливонский епископ Альберт совместно с верхушкой рыцарства под протекторатом главы Римской церкви составляют план и устав такого ордена наподобие тех, что существовали в Палестине после первых завоевательных кресто-

вых походов. В 1202 году папа Иннокентий III утверждает новый орден, дав ему статус государственного образования и присвоив наименование Ордена Меченосцев. По уставу нового ордена его магистр, являющийся по сути дела светским главой государства, назначается епископом. Резиденцией магистра, а, следовательно, столицей Ордена стал недавно построенный пришельцами замок Венден на реке Гойве.

Придание завоеванным землям статуса государственного образования не привело, да и не могло привести к миру в завоеванном крае. Движение сопротивления местного населения пришельцам продолжалось, но в силу своей неорганизованности было обречено на неудачу. Зато новый статус снимал всякие ограничения со средств, применяемых завоевателями в деле покорения новоприобретенных подданных. Племена ливов и эстов, населявших северные районы Ливонии, стали последними, попавшими под оккупацию. Когда в 1211 году под ударами крестоносцев пала крепость Феллин, что в чудской земле, в восточной Прибалтике установилось окончательное господство немецкого рыцарства. Наконец, продвижение завоевателей на восток достигло всегда считавшейся условной западной границы русских земель.

Тогда, в первые годы XIII столетия, когда Русь представляла собой не имевшую даже основ единства феодальную чересполосицу, с ливонскими владениями, захваченными и покоренными силой немецкого оружия, граничили два русских княжества: с северной и центральной Ливонией — Псковское, а с южной — Полоцкое. Именно через эти два княжества распространение немецкого завоевания Ливонии и привело к враждебному столкновению с Русью:

Первыми силу немецкого рыцарства испытали на себе полочане. Причиной поражений полоцкого князя стала не столько слабость его княжества, сколько умение противника пользоваться обстоятельствами. Полоцкие князья пребывали в постоянно тлеющей вражде с соседней Литвой, не позволившей им все силы сосредоточить против новоявленного агрессора. Орденские власти, хорошо понимая опасность для себя со стороны Литвы, ловко играли на полоцко-литовском противостоянии и, в конце концов, добились от русского князя выгодного для Ордена соглашения, по которому немецким торговым людям предоставлялась свобода провоза товаров в Полоцк и далее в Смоленск. Полоцкий князь оставался до такой степени недалёковидным относительно возростающей с запада опасности, что даже помогал Ордену в его борьбе против эстов в северной Ливонии своей военной силой. И все же в результате долгого трехстороннего противоборства Полоцкая земля сумела выстоять от натиска крестоносцев, но зато наряду со многими другими уделами бывшей Киевской Руси вынуждена была на долгие времена попасть в зависимость от Литвы. Но все это произойдет еще очень не скоро, а сейчас, в результате немецкого наступления на земли чуди и эстов, в непосредственный и далеко недружеский контакт с немецкими завоевателями вошли псковичи.

Первая большая битва союзных псковичей и новгородцев, возглавляемых новгородским посадником Твердиславом и князем Владимиром Мстиславичем с крестоносцами произошла в 1217 году у города Оденпе (в русских летописях Медвежья Голова), в чудской земле. Немцы потерпели полное поражение и вынуждены были сдать победителям город, ранее захваченный крестоносцами у аборигенов. В следующем году новгородцы совершили большой поход вглубь Ливонии и, нанеся рыцарям ряд тяжелых поражений, дошли до их столицы и осадили Венден. Осада обещала быть долгой, а нападения литовцев на оставшиеся без защиты новгородские области заставили русских людей прекратить поход и, сняв осаду, удалиться за свои рубежи.

Последние успехи русских толкнули орденские власти на отчаянный и рискованный шаг. Не рассчитывая удержать за собой завоеванный край, они обратились за военной помощью к Дании. Датский король откликнулся на призыв, но обращение к нему было большой политической ошибкой Ордена; помощь короля обернулась не той стороной. В 1219 году датский военный флот подошел к северным берегам Ливонии, и новые пришельцы завладели прибрежным городом Ревель, с которого и началась оккупация северной Эстонии датчанами. Когда немцы спохватились, поняв свой просчет, датчане успели объявить оккупированные земли территорией Датского королевства с учреждением в ней своего епископства. Таким образом, вместо слабых во всех отношениях чуди и эстов, покорение которых было предрешено, а также новгородцев и псковичей, не претендовавших на эти земли и ограничивавших свое влияние на них редкими нашествиями, немцы, стремясь ускорить процесс завоевания, сами того не желая, поделились завоеванным с другим захватчиком. Правда, не надолго. Вскоре, пользуясь тяжелыми обстоятельствами при датском дворе, Ливония освободилась от датского владычества; земли, оккупированные Данией, вновь оказались под властью Ордена.

Последним стремлением Ордена на Ливонской земле было полностью освободить ее от русского присутствия. А оно, это присутствие, заключалось во владении новгородцами городом Юрьевым, построенным, как мы рассказывали, еще Мудрым в чудской земле на реке Эмба, несколько западнее от Чудского озера.

Летом 1224 года большое немецкое войско обступило Юрьев. Началась осада города, сопровождавшаяся непрерывной работой метательных орудий, бросавших в город камни, раскаленное железо, стрелы. Гарнизон Юрьева составляли всего две с половиной сотни русских и столько же эстов, но на все предложения осаждавших сдать город и свободно покинуть ливонскую землю защитники отвечали решительным отказом. Осажденные надеялись на помощь своих, и действительно в Новгороде собиралось большое войско, но помощь опоздала. Когда в результате жестокого штурма город пал и из его защитников в живых не осталось никого, шедшее на помощь войско не дошло даже до Пскова, а, узнав о падении Юрьева, повернуло обратно. В том же году орденские власти

заключили с властями Новгорода и Пскова мир, согласно которому все земли к западу от Чудского озера признавались владениями ливонских немцев. Город Юрьев сразу после его завоевания новые владельцы переименовывали в Дерпт, а папская курия в том же 1224 году образовывала Дерптское епископство, еще одно в завоеванном Ливонском крае после Рижского.

Попытка реванша за потерянный Юрьев последовала со стороны Руси только через десять лет. В 1234 году новгородский князь Ярослав Всеволодович отправился походом в Ливонию с крупными силами. Новгородское войско дошло до Юрьева и под его стенами выдержало грандиозную битву, в результате которой рыцари были опрокинуты, часть их спасалась за стенами крепости, часть бежала вглубь Ливонии. Но новгородцы не решились на осаду; возвращение в свое лоно бывшего владения, оказавшегося теперь в глубине чужих земель, не сулило больших перспектив. Овладение городом могло быть только сиюминутным, русские люди понимали, что им не удержать Юрьева, и они ограничились заключением с Орденом соответствующей договоренности. Кроме того, Новгород, как в свое время и Полоцк, вынужден был проявлять уступчивость ввиду явно разраставшейся опасности со стороны Литвы. Поэтому, ограничив свои владения на западе Чудским озером и рекой Наровой, Новгородская Русь установила с Ливонией вполне приемлемые отношения, хотя и нарушаемые время от времени вспышками агрессивности западного соседа. Но все же несравненно большую угрозу для Руси начинает представлять Литва.

Уже к концу XIII — началу XIV столетий у западных границ русских княжеств возникает серьезная опасность в лице нового государственного образования — Великого княжества Литовского. Становление феодальных отношений в Литве прошло все те же стадии, что и на Руси, но с некоторым запаздыванием, так что формирование государственности отмечено там несколько поздним временем. Но, несмотря на это, уже со второй трети XIII века литовским князьям удаются захваты западных русских земель, в результате чего под их владычество попадают Гродно, Пинск, Берестье и др. Правда, последнее происходит в обстановке тяжелейшей борьбы русского народа с азиатскими завоевателями. И в то время, когда русские княжества гибли под ударами ордынского нашествия, литовские князья сумели нанести поражение степному агрессору при попытке того проникнуть в пределы Литвы. Не меньшую опасность Литва являет и для Ордена, положение которого в завоеванном крае становится очень неустойчивым. Русь, растерзанная с востока азиатским нашествием, ограничивает свой контакт с Ливонией сугубо оборонительными мерами, в то время как южная, наиболее открытая граница Ордена — граница с Литвой, постепенно становится все большей его заботой. Нет, Литва не проявляет явно завоевательного характера, но ее вдруг возросшее к этому времени могущество не может не беспокоить ее нового северного соседа. Завоевавшие край немцы понимают, что и Дания не оставила своих

притязаний на часть бывшего восточно-прибалтийского наследства. Раз побывав тут и почувствовав себя в роли владельца, она не скоро и не так легко отступится от своих устремлений. А в то же время приток крестоносцев из германских земель прекратился, что и понятно. Свободных земель в мизерной по территории Ливонии немного, и все их уже давно успели расхватать первые пришельцы. Одними христовыми призывами потрудиться за веру рыцарей не воодушевишь, а потому военная помощь Ордену иссякла. Тогда, понимая свое хрупкое положение и довольно шаткое состояние своего нового государства, Ливонское рыцарство предпринимает следующий, воистину исторический шаг. Оно объединяется с другим Орденом, и оба создают единую рыцарскую общину.

Еще в 1198 году в Палестине немецкие крестоносцы основали монашеско-рыцарский Орден, получивший название Тевтонского. Глава его носил звание гроссмейстера. Вскоре за свои ратные и духовные подвиги, благодаря покровительству ряда европейских монархов и расположенности самого папы, Тевтонский Орден получает во владение земельные наделы в Италии, Германии и даже в Польше. Власти последней рассчитывали использовать военные силы тевтонцев для борьбы с прусскими язычниками и предложили Ордену во владение находившиеся под протекторатом польской короны Кульмскую и Любавскую области. То, что поляки не только не отличались элементарной дальновидностью, но и не обладали чувством самосохранения, история покажет очень скоро. Тевтонцы действительно славились повышенной христианской ретивостью и особой воинственностью против язычества. Надежды поляков они оправдали, и прусские язычники испытали на себе все те же прелести крещения огнем и мечом, с которыми рыцари Ордена Меченосцев познакомили прибалтийские народы в Ливонии. Не учли поляки другого, а именно того, что Тевтонские рыцари не меньшими своими врагами, чем язычников, считали всех славян, независимо от вероисповедания. Но это поляки прочувствуют на себе чуть позже, когда тевтонцы основательно обживутся в их землях, а сейчас, пока рыцарство занялось прусскими язычниками, к нему обратился магистр Ливонского Ордена Меченосцев с предложением объединения. В результате долгих переговоров, не без участия главы Римской церкви папы Григория IX, такое объединение, наконец, состоялось. Это случилось в мае 1237 года. Причем это объединение, по сути, явилось вхождением Ордена Меченосцев в Тевтонский Орден, поскольку Ливонские рыцари принимали полностью тевтонский устав, а их магистр одновременно становился ландмейстером Тевтонского Ордена.

Объединение Орденов в одну рыцарскую общину упрочило положение немецких завоевателей в Ливонии, благодаря ему рыцари смогли полностью завершить покорение коренных народов Прибалтики. А для нашей истории этот факт замечателен еще и тем, что с него берет свое начало отсчет активного наступления крестоносцев на северо-западную Русь.

Важным обстоятельством для последующего хода событий стало то, что нахлынувшая в те же годы с востока на Русь волна ордынского

нашествия не коснулась ее северо-западных земель. Известно, что история полна загадок, и одна из них — почему Батый оставил в покое новгородские и псковские владения. Почему его полчища, все сметая на своем пути, остановились, не дойдя около ста верст до Новгорода, и повернули обратно? Слабые попытки объяснения этого, иногда встречаемые на страницах исторической литературы, звучат малоубедительно, и мы так никогда и не узнаем истинных причин произошедшего. Но для нас в настоящей работе более важен факт: Новгород и Псков не испытали ужасов, постигших Южную и Северо-восточную Русь, сохранили свой людской и военный потенциал, что и имело решающее значение в последовавших событиях. Так что успех отражения западной агрессии объясняется тем, что ее удар пришелся как раз по тем областям, которые не пережили азиатского погрома, и именно эти области через спасшее их провидение оставались единственно на тот момент боеспособными из всех русских княжеств.

В 1240 году рыцари объединенного Ордена неожиданным нападением на Псковскую землю захватили в ней город Изборск. Вышедшие им навстречу псковичи потерпели поражение, что позволило пришельцам осадить сам Псков. Повоевав псковские владения, рыцари распространили свое нашествие далее на восток, далеко углубились в новгородскую землю и даже заложили в ней крепость. Успехи крестоносцев объясняются рядом причин. Во-первых, их нападение свершилось тогда, когда новгородцы вместе со своим князем Александром воевали против шведского вторжения на берегах Невы, и псковичи остались без союзника, предоставленные своим силам. Во-вторых, вслед за вторжением Ордена в псковские владения подобное нападение совершили литовцы на новгородские уделы, но главное в том, что после Невской победы Новгород остался без князя, не выдержавшего ссоры с Вольным городом и уехавшим в Суздальскую землю. Только когда опасность вынудила новгородцев просить князя обратно, тот, вернувшись, выправил дело.

К тому времени немцы овладели Псковом, но Александр отбил город назад, полностью очистил новгородские и псковские владения от пришельцев и разорил строящуюся немцами на русской земле крепость. Не останавливаясь на этом, новгородский князь двинул полки в Ливонию. Передовые отряды русских под предводительством некоего Домаша Твердиславича совершили рейд к западу от Чудского озера, но, потерпев неудачу при встрече с главными силами Ордена, отступили назад к озеру. В южной его части, там, где Чудское озеро сливается с Псковским, они перешли по льду на восточный берег и соединились с главными силами князя Александра, выманив за собой преследовавших их рыцарей.

5 апреля 1242 года на льду Чудского озера, в самом его юго-восточном углу, вблизи русского берега, состоялась решающая битва новгородско-псковских дружин с главными силами Ливонского рыцарства. Эта битва, вошедшая в нашу историю как Ледовое побоище, закончилась полной победой русских, после которой новгородский князь заключил с Орденом

мир, согласно которому Ливония отказывалась от всяких притязаний на псковские области, а русская сторона оставляла за немцами Юрьев и все земли к западу от Чудского озера. Таким образом, между Новгородско-Псковским княжеством, представлявшим тогда единый государственный организм, и Ливонским Орденом устанавливалась государственная граница, приблизительно совпадавшая с природной границей, издревле отделявшей русские земли на северо-западе от земель прибалтийских племен. Эта граница, если ее прочертить с юга на север, пролегла на расстоянии в несколько десятков километров к западу от русла реки Великой, проходя вдоль ее поймы и оставляя на русской стороне города Себеж и Изборск, далее по водам Псковского и Чудского озер, соединявшихся между собой широкой протокой и, наконец, по реке Нарове, вытекающей из Чудского озера и впадающей в Балтийское море.

Но ни один мир из заключенных между соседями не был сколько-нибудь прочным и оказывался способным только несколько отсрочить продолжение военного противостояния. И теперь с появлением нового западного соседства в лице двух объединившихся Орденов новгородцы и псковичи вынуждены были окунуться в долгую, затяжную борьбу с ним, чередуя военные вспышки с условным миром, дающим возможность накопить силы для грядущих боев. Чаша весов в этом противостоянии долго не хотела склоняться в чью бы то ни было сторону, и прошло более двух столетий, прежде чем она отдала предпочтение русской стороне. Тому были объективные причины и основных из них две.

Первая причина та, что Орден постепенно пришел к своему упадку. Время рыцарства постепенно кануло в Лету. Покрытое полуполюгендарной дымкой и овеянное романтизмом, оно растаяло, растворилось, как мираж, и исчезло вместе с эпохой ранней готики. Дело, конечно, не в романтизме, а в том, что рыцарские Ордена себя изжили. Эта форма государства со всеми ее атрибутами стала нежизнеспособной. Идеи, некогда объединявшие рыцарей, вроде идеи постоять за веру, стали архаизмами, а новых идей свято чтившее свои уставы рыцарство выдвинуть не смогло. Формы хозяйствования, характерные для монашеской общины, не стали отвечать требованиям времени и привели экономику к развалу. Перестала отличаться былой мощью и военная составляющая Ордена, являвшая собой наследственную аристократию, а как вооруженная сила представлявшая исключительно один род войск — конницу. В свое время рыцарство, которое под влиянием церкви осознавало себя принадлежностью к единому международному военному ордену, сумело выработать нравственный и эстетический идеал воина, ценность которого позже во многом оказалась растроченной. С завершением эпохи крестовых походов рыцарству все труднее становится осознавать себя вне конкретного государства, вне подчинения его властным структурам и по-прежнему относить себя к какому-то давно ставшему гипотетическим и полумифическим военному ордену. Позиции церкви ко времени позднего средневековья оказываются сильно поколебленными, и ее всеисилие начинает отступать перед свет-

ским началом. А потому даже при ее поддержке на данной конкретной территории государственная власть берет перевес над общинной, что еще больше способствует упадку рыцарства. Преобладание пехоты, как рода войск, над конницей, появление принципиально новых видов оружия и создание на основе этого постоянного войска привели к полному вырождению рыцарства как военной силы, превратили его в заурядное, хоть и привилегированное с политической точки зрения сословие.

Второй и, конечно, самой главной причиной перевеса русской стороны стало то, что в результате образования единого централизованного Московского государства, в состав которого вошли Псковские и Новгородские области, Ордену теперь противостоял совсем другой, более мощный противник. Но это произойдет еще не скоро, а пока и еще долго на псковско-ливонском порубежье будет не утихать то едва тлеющее, то временами ярко вспыхивающее противоборство.

Но четверть столетия относительного спокойствия мир, заключенный Александром с ливонцами, все-таки гарантировал. Именно относительно, потому как мелкие взаимные стычки на пограничье не прекращались никогда. Но вот снова пришло время больших баталий, и теперь оно стало связанным с именем псковского князя Довмонта. 1268 год стал отмеченным большой военной кампанией, инициатива которой на этот раз исходила с русской стороны. Новгородцы сумели сплотиться союзом с семью русскими князьями, в основном из соседней Тверской земли, но костяк войска, вступившего в пределы Ливонии, составляли новгородские и псковские полки во главе с князем Довмонтом. Рать двигалась по чудской земле в направлении города Раковора, когда в семи верстах от него на берегу реки Кегола 18 февраля повстречалась с ливонским рыцарством. Немцы собрали большие силы и при приближении русских приняли боевой порядок. Как отмечает летописный источник, «полки немецкие стояли, как лес дремучий». Русские, однако, не смутились, смело переправились через Кеголу и прямо с марша выстроились против неприятеля. Посредине, прямо против «великой свиньи», стал новгородский полк, на правом фланге стали псковичи с князем Довмонтом, на левом фланге расположились тверичи. Не ожидая нападения враждебной стороны, противники двинулись навстречу друг другу и обоюдным столкновением открыли битву. Сражение было жестоким, по упорству сражающихся не уступающим Ледовому побоищу, и, как отметил летописец, такого не видели «ни отцы, ни деды». Обе стороны несли большие потери, павших было столько, что конница не могла пробиться по трупам. Наконец, русским удалось сломить «железный» полк рыцарей, что и решило исход битвы. Немцы дрогнули, сначала подались назад, еще сохраняя какое-то подобие строя и боевого порядка, но постепенно преимущество русских становилось все отчетливее. Немцы повсеместно отступали, пока отступление их не переросло в беспорядочное бегство. Русские гнали неприятеля семь верст до самого Раковора. Возвратившись из погони, победители вдруг обнаружили, что на месте сражения остался целый

немецкий полк, стоявший в засаде и так и не вступивший в битву. Теперь, пользуясь тем, что русские воины увлеклись погоней, немцы захватили новгородский обоз. Наступила ночь, и русские князья решили отложить дело разбирательства с оставшимися силами противника до утра, но ночью немцы ушли, бросив обоз и не пожелав испытывать судьбу в новом сражении. Простояв по обычаю победителя на месте сражения, русские войска повернули в сторону своих границ, но Довмонт с одной своей псковской дружиной продолжил кампанию. Он прошел всю Ливонию до балтийского побережья, а на обратном пути разгромил встретившийся ему немецкий отряд из восьмисот человек, возвращающийся из псковских владений, где, пользуясь отсутствием русских воинских сил, успел повоевать несколько сел.

Поражение немцев под Раковором не умерило воинского пыла рыцарства, а, напротив, побудило его к реваншу, и в 1269 году войска Ливонского Ордена, возглавляемые самим магистром Ордена Отто фон Роденштейном, вторглись на Русскую землю и осадили Псков. Псковичи собрались в главном соборе города, храме Святой Троицы, на торжественное богослужение, моля Всевышнего даровать им победу и отстоять город от посягательств врага. Вместе с горожанами горячо молился и псковский князь, положив перед алтарем свой меч. После богослужения священник благословил князя на брань. А далее, выведя дружину за городские стены, князь внезапным нападением на неприятеля нанес ему сокрушительное поражение. Потерпев большой урон, враг отошел от Пскова, а когда на следующий день пришла весть, что на подходе к Пскову воинские силы Новгорода, магистр приказал своему рыцарству, не останавливаясь, избираться восвояси.

Победы Довмонта под Раковором в 1268 году и под Псковом в 1269 году имели для северо-западной Руси то же значение, что и разгром рыцарей на чудском льду в 1242 году князем Невским, их результатом стала та же многолетняя гарантия спокойствия. После Псковской кампании 1269 года ливонцы тридцать лет не отваживались на серьезные происки против западных рубежей Руси. Мелкая война, сопровождающаяся обоюдными нападениями с той и с другой стороны и разграблением приграничных сел, не прекращалась, но идея крупного похода, способного нарушить сложившееся равновесие и изменить соотношение сил, была захватчиками надолго забыта.

Только в 1299 году ливонское рыцарство в очередной раз вторглось на русские земли и, внезапно подступив к Пскову, в котором все еще княжил уже престарелый Довмонт, осадило город. Время для агрессии было выбрано как нельзя более неудобное для псковичей. Постоянные их союзники, новгородцы, всегда выступавшие с псковичами единым фронтом, сейчас вели тяжелую войну со Швецией в бассейне Невы и ничем не могли помочь соседу. Псковичи мужественно встретили нашествие, отбили несколько яростных приступов, нанесли большой урон живой силе орденского воинства, но опытный воин князь Довмонт понимал,

что одной обороной решающей победы он не добьется. Осада грозила стать затяжной, ресурсы города были ограничены, а на помощь извне рассчитывать не приходилось. И в этой ситуации князь решил попытаться счастья в открытом бою за стенами города и не просчитался. Собрал все, какие были в Пскове, силы, он вывел их из города и неожиданно для неприятеля напал на него. Внезапность удара да еще правильно выбранное его направление решили исход баталии. Никак не ожидая от русских такой дерзости, немцы долго не могли прийти в себя. Целью удара Довмонт выбрал позиции главного полка орденового комендора. Искусный полководец не мог не усмотреть слабость комендорской позиции, расположенной на крутом берегу реки Великой и не имевшей прочного тыла. Псковичи прижали комендорский полк к реке и в яростном скоротечном бою разбили его наголову. Сам комендор, раненный в голову, едва уцелел. Остатки комендорского рыцарства спасались бегством, увлекая за собой другие полки. За несколько часов пространство вокруг еще недавно осажденного города очистилось. Рыцари в очередной раз без славы покинули русскую землю.

Очередной мир был нарушен в 1322 году, когда немцы перебили у себя псковских купцов, а заодно, напав на рыболовов на Нарове, убили некоторых из них. В отместку псковичи, привыкшие не оставлять безнаказанным не один такой происк соседей, прошлись огнем и мечом до самого Ревеля. После таких взаимных акций большая война стала неизбежной, и весной следующего же года Орден явился под стенами Пскова со всей силой. Конная рать противника подступила к Пскову с суши, пешая подошла на судах по Чудскому озеру. Были привезены камнеметные орудия (пороки), подвижные защитные сооружения от обстрела из крепости, осадные лестницы. Все говорило о том, что неприятель твердо решил взять крепость приступом. Осада продолжалась 18 дней, в течение которой пороки непрерывно забрасывали город камнями, а штурмующие по приставным лестницам пытались взобраться на стены. Ожесточенное сражение не стихало ни на один день, при этом псковичи не переставали слать просьбы о помощи в Новгород. Но занятые своими проблемами новгородцы не спешили, как вдруг помощь неожиданно явилась с другой стороны. К изнывающему под осадой русскому городу подошел с дружиной литовский князь Давыд. Совместными силами рыцарей прогнали за Великую.

Война возобновилась в 1341 году, и поводом для нее на этот раз стало убийство в Ливонской земле псковских послов. И снова, как и в предыдущей войне, новгородцы не откликнулись на призывы о помощи, и псковичи оказались предоставленными самим себе. Немцы поначалу имели успех, они сумели поставить на границе с псковскими владениями новый замок — Нейгаузен, и осадили передовой оплот псковской земли — город Изборск. Но рыцари тщетно пытались разрушить укрепления города стенобитными машинами, бесплодными остались и все попытки приступов. Встретив упорное сопротивление осажденных и опасаясь удара

в тыл со стороны Литвы, немцы сняли осаду и отступили от города. После этого война продолжалась еще три года. Псковичи, несмотря на то, что воевали в одиночку, завершили ее с честью, но нельзя не отметить, что во многом им посодействовали события в самой Ливонии. Именно во время той войны по Северной Ливонии прокатилось самое крупное восстание местных народов против рыцарей, приковавшее к себе все внимание орденских властей и отвлекшее на себя основные воинские силы Ордена. Внутренние неурядицы и позволили псковичам достойно завершить очередную войну.

Победа в следующем крупном псковско-ливонском конфликте связана с именем легендарного серпуховского князя Владимира Андреевича Храброго, двоюродного брата Дмитрия Донского. В 1369 году немецкое рыцарство, предводимое магистром Вильгельмом Фреймерзенем, разорило многие северо-западные земли Руси, вновь осадило Изборск и, наконец, подошло к Пскову. И вновь ситуация усугублялась тем, что псковичи находились тогда во вражде со своим ближайшим соседом — Новгородом — и одними своими силами не могли дать отпор агрессору.

Здесь надо отметить, что неприязненные отношения между старыми побратимами — Псковом и Новгородом, начавшие проявляться где-то с начала XIV столетия, к его второй половине, становятся все явственнее. Причиной разлада двух вечевых общин стало стремление Пскова к самостоятельности, политическому обособлению, в том числе и в религиозной области. Пскову наскучила роль Новгородского пригорода, «младшего брата», он стремится выйти из вассалитета, обзавестись собственной епископией, в то время как до сих пор псковская церковь подчинялась Новгородской кафедре. Новгород, напротив, стремился к сохранению своей власти над пригородом. Но все меры «старшего брата» по пресечению зачатков псковской самостоятельности сводились, как мы видели на последних примерах, к неоказанию военной помощи при орденских нападениях на Псков.

Но в последнем случае, то есть при нападении рыцарей 1369 года, Псков выходит победителем благодаря другой особенности рассматриваемой эпохи. К этому времени Великое княжество Московское уже сделало свои первые шаги на пути объединения русских земель в единый государственный организм. До полного объединения еще очень далеко, и оно произойдет более чем через сто лет. Тогда же в состав единого централизованного государства попадут все земли Новгорода и Пскова. Но уже сейчас московское княжество окрепло настолько, что его правитель может оказывать помощь далеким окраинам русской земли. Вот и в 1369 году московский князь Дмитрий Иванович поручает защиту Пскова своему двоюродному брату, бросая серпуховского князя на самый западный рубеж русской земли.

Прибытие Владимира Андреевича с дружиной на театр военных событий резко изменило на нем всю обстановку. Прежде всего, князь сумел

примиришь новгородцев с псковичами, а затем общими силами сначала отбросишь рыцарей от Пскова, а нанеся им поражение под Изборском, сняв осаду с города. В том же 1369 году при содействии серпуховского князя псковичи заключили с Орденом, трудно сказать какой по счету, мир.

Но здесь же следует сказать и еще об одной специфической особенности русско-ливонских отношений, ставшей заметной с тех же лет. Они теперь перестают быть двусторонними, и в застарелом противостоянии все более заметным становится присутствие третьей стороны — Литвы.

Влияние Литвы ощущалось уже с первых шагов немецкой колонизации Восточной Прибалтики. Литовских князей не радовало появление у них под боком агрессивных и воинственных соседей, пришедших на смену полудиким племенам. Недружелюбие, постепенно переросшее в непримиримую вражду, определилось сразу. Но в то же время Литва была и заинтересована в близком присутствии немцев как в противнике Руси, с которой у нее также никогда не было дружбы. Каждая из трех сторон пыталась использовать вражду двух других в своих целях. Так, например, Литва не упускала ни одного случая напасть на русские земли во время походов новгородцев и псковичей в Ливонию. То же самое она делала и по отношению к Ордену, когда его силы отвлекались на подобные мероприятия в сторону Руси. Пользовалась той же стратегией и Русь. Но нельзя не отметить, что как с русской стороны, так и со стороны Литвы войны с Орденом носили сугубо оборонительный характер, и все походы вглубь ливонских владений имели целью не захват их, а пресечение агрессии со стороны соседа на будущее. А потому до поры до времени всем трем удавалось поддерживать хоть и хрупкое, но равновесие. Оно обеспечивалось одинаковым стремлением к централизации на русской и на литовской стороне, а отсюда равенством успехов объединения как русских княжеств, так и литовских владений. И равновесие это долгое время не нарушалось даже тем, что в результате захвата литовскими князьями западных русских областей в составе Литвы стал преобладать славянский элемент.

Агрессивная активность Ордена в отношении Литвы в особенности становится заметной к концу XIV столетия. Достаточно сказать, что за вторую половину века Орден совершил около ста походов на литовские земли. Именно это обстоятельство подтолкнуло литовские власти к союзу с Польшей и даже положило начало их полному государственному объединению. Брак великого князя Литвы Ягайло, ставшего основателем знаменитой династии Ягеллонов, с польской королевой Ядвига и Кривская уния 1385 года имели следствием постепенное создание единой Польско-Литовской державы. Это объединение будет иметь негативное влияние на успехи Руси в ее противостоянии с Литвой, но все-таки прежде следует отметить положительное значение этого факта истории. Совместные усилия Польши, Литвы и входящих в состав последних русских княжеств окончательно остановили продвижение крестоносцев на славянский восток, поставили точку на его гегемонии в этом регионе.

Решающим ударом, окончательно предопределившим конец рыцарскому влиянию в Восточной Европе, стал разгром Тевтонского Ордена в 1410 году объединенными силами Польши, Руси и Литвы под Грюнвальдом. Как отметил известный русский историк С. М. Соловьев, «Грюнвальдская битва была одной из тех битв, которые решают судьбы народов; слава и сила Ордена погибли в ней окончательно, покорители разъединенных пруссов встретили громадное ополчение из трех соединенных народов Восточной Европы, пред которым силы, мужество, искусство рыцарей оказались недостаточными; военное братство, существовавшее для борьбы, не имело более ни средств, ни цели для борьбы; силы его поникли пред соединенными силами трех народов христианских, в ополчении врагов Ордена не приносилось более языческих жертв, в нем раздавалась христианская молитва... Орден был предоставлен собственным средствам: потерянные силы не восполнялись более толпами рыцарей из разных краев Европы, потому что Орден не вел более войн с неверными, следовательно, и существование это после Грюнвальдской битвы представляет только продолжительную агонию».

В особенности эта агония во всей силе сказалась на восточной половине Ордена — на Ордене Меченосцев в Ливонии. Так, летом 1406 года, то есть еще до Грюнвальдского погрома на земли псковичей приходил сам магистр со многими силами и две недели разорял крестьянские села и слободы, пока вооружившиеся жители псковского пригорода Велья внезапным нападением не нанесли пришельцам полного поражения. Осенью того же года псковичи отправились с ответной акцией в немецкую землю, дважды обратили в бегство пытавшиеся заступить им путь орденские войска и, набрав множество добычи, благополучно вернулись обратно. В следующем году псковичи совершили удачный рейд за реку Нарову, где повоевали много погостов и вернулись с добычей, какой по выражению летописца не помнили со времен Довмонта. Однако вскоре дела переменились. В следующем году немцы появились под самым Псковом с крупными силами, псковичи вышли из города и дали пришельцам большую баталию, но без успеха. В битве погибло до 700 человек с русской стороны, из них три псковских посадника. Потери у немцев были не меньше, так что после битвы противники разошлись в разные стороны, не выявив между собой победителя. Но в это же время другая псковская рать, отправившаяся на происки в орденские владения за Нарову, потерпела там серьезное поражение. Орденскими нашествиями без особых последствий отмечены и все последующие годы, пока, наконец, в 1420 году на реке Нарове с немецкими послами не был заключен «вечный мир».

Мир этот продлился до 1444 года, ибо в том году немцы вторглись уже в Новгородскую земли, дойдя в ней до города Ямы, где пожгли посад и повоевали окрестности. В ответ новгородцы в том же году пошли за Нарову и повоевали ее западный берег от Чудского озера до устья, подвергнув особенно разорению окрестности Нарвы. За это магистр снова на следующий год объявился в новгородских владениях, осаждал Яму,

но взять города не мог, а потому, разорив окрестности, удалился. Более мелкие столкновения проходили ежегодно, и один перечень их занял бы много места. Однако все они в застарелом противостоянии не изменяли сложившейся расстановки сил. А из крупных событий следует отметить поход 1448 года псковичей и новгородцев во главе с новгородским князем Александром Васильевичем Чарторыйским. Тогда часть русских сил отправилась сухим путем за Нарову, а часть на судах морем к северным берегам Ливонии. Сухопутная рать одержала большую победу на Нарове, побив много рыцарей. В то же время успех сопутствовал новгородцам и на море, где им удалось одолеть вышедшую навстречу немецкую флотилию. Тогда же другой немецкий отряд, вторгшийся в новгородские владения с тыла, потерпел тяжелое поражение под Ямою. Последние победы русских заставили немцев быть посговорчивее, и в следующем году они заключили с новгородцами и псковичами мир на 25 лет на выгодных для русской стороны условиях. Мир этот соблюдался до 1458 года, то есть 9 лет, и снова был нарушен орденской стороной, после чего обоюдные нападения вновь наблюдаются почти ежегодно.

Но вот в непрекращающихся стычках противник все больше и больше начинает ощущать тяжелую руку Москвы. Стычки проходят на порубежье, русские рати по-прежнему не углубляются на орденскую территорию, и по-прежнему костяк этих ратей составляют новгородские и псковские полки. Но все чаще вместо выборных посадников эти полки возглавляются князьями московского княжеского дома, как правило, из близких великокняжеских родственников. Сюда они присылаются самим великим князем, отзываящимся на первую же просьбу новгородцев или псковичей о помощи. Князья прибывают к театру событий со своими дружинами, отчего удельный вес московских ратных сил в составе новгородско-псковских войск от кампании к кампании неуклонно растет. И все это вместе с начавшимся процессом упадка рыцарской общины, процессом, который после Грюнвальда стал необратимым, способствует тому, что чаша весов в русско-ливонском противостоянии медленно, но верно склоняется в русскую сторону.

В 1460 году новгородцы и псковичи заключают с Орденом очередной мир. Казалось бы, в этом событии нет ничего особенного, таких договоров и раньше заключалось много, тем более что этот последний заключен на как никогда короткий срок, всего на пять лет. Но, тем не менее, это не обычный договор. В нем на этот раз участвует Великий Московский князь. Договор, кроме властей Новгородско-Псковской земли, с одной стороны, и Ордена — с другой стороны, подписывает полномочное лицо Великого князя как посредника в противостоянии. Немцы понимают, что это значит. Московский правитель берет под свою опеку новгородские и псковские владения, обязуясь на будущее их защищать.

Выше мы отметили, что в противостоянии Руси, Литвы и Ордена, где каждая из трех сторон была противником двух других, долгое время преобладало определенное равновесие. Но вот где-то ко второй половине

XV века сложившийся баланс сил начинает нарушаться. Причина тому — появление на политической карте Восточной Европы двух мощных в территориальном и экономическом смысле государственных образований — Московской державы и Великого княжества Литовского. Превращение каждого из двух, ранее малозаметных, удельных княжеств в огромное государство привело к тому, что Ливония перестает играть самостоятельную роль в политической жизни региона. На фоне двух новых политических центров — Москвы и Вильно — погрязшая в собственном архаизме, полуразвалившаяся рыцарская община начинает выглядеть жалко. Но зато она становится объектом притяжения двух других сторон, вражда которых теперь, помимо всего прочего, будет враждой не только за влияние, но и за свое присутствие в Прибалтике.

История перехода вражды русских и литовцев с ливонскими немцами, вражды, долгое время оставшейся с русской и литовской стороны сугубо оборонительной, в непримиримую вражду между самими русским и литовцами, причем вражды с обеих сторон наступательной, не ограничивающей себя оборонительными мерами, неотделима от истории становления обоих централизованных государств. При этом вражда Московской Руси с Литвой, если ее рассматривать под углом зрения участия в ней ливонской стороны, прошла две стадии. Первая — это стремление главных сторон заручиться поддержкой, а если возможно, то и союзом с Орденом против соперника. Здесь единовенная Ордену, перешедшая к тому времени в католицизм Литва преуспела намного больше Москвы. Вторая — это борьба Москвы с Литвой за земли самого Ордена, когда Ливония из некогда грозного противника становится объектом захвата, и судьба ее как государственного образования решена другими, а ей остается только ждать того, под чье владычество она попадет. Вот эта вторая стадия вся целиком и состоит в Ливонской войне, к событиям которой мы и стремимся подвести наш рассказ.

А истории становления обоих государств-соперников очень подобны одна другой. О создании единого централизованного Московского государства у нас сказано и написано много. В продолжение чуть ли не двух столетий изнывающая под азиатским гнетом Русь по крупицам собирала свои земли в нечто целое. Определяющей в этом процессе стала вторая четверть XIV века — время княжения на московском столе внука Александра Невского, князя Ивана Даниловича, прозванного Калитой. Именно при нем процесс формирования Московской державы путем объединения удельных независимых земель стал необратимым, а владельцы московского княжеского дома больше не выпускали великого княжения из рук своей фамилии. Уже к середине XIV века первенство Москвы перед прочими русскими уделами становится неоспоримым, что проявляется в ее превосходстве над остальными буквально во всех сферах общественной жизни. Политическое устройство крепнувшей, набирающей силу Московской державы сказывается во всех областях государственного строительства и, в конце концов, возводит ее мощное здание.

Совершенно аналогичные процессы совершались тогда же и у западного соседа Руси. Литва успешно преодолевала тот же путь становления своей державы. Характерно, что одно и то же время отмечено появлением у обоих соседей правителей, одинаково прославившихся объединением и укреплением подвластных им земель. Когда консолидацией русских уделов вокруг Москвы занимался Иван Калита, тем же самым в Литве отличился знаменитый Гедемин. Именно эти двое положили тогда начало пока еще незримому противостоянию двух великих княжеств — Московского и Литовского. Продолжатели их дела очень скоро, уже через два поколения, приведут свои державы к острой, открытой конфронтации. Застарелый спор двух соседей, их соперничество за обладание спорным наследством, с перерывами и передышками, продлится несколько столетий и закончится чуть ли не в самом конце XVIII века. Но все это уже выходит за границы рассматриваемого здесь предмета, мы же продолжим рассказ об этом споре только в плане интересующего нас аспекта — участия в нем ливонской стороны.

Итак, те задачи, что решались в Москве по созданию и укреплению централизованного государства, одновременно решались и за его западными границами. Результат такого до поры до времени незримого соперничества мог быть только один, и историк Иловайский так обозначил его неизбежность: «Собиратель Западнорусских земель, Гедемин был современником Ивана Калиты, собирателя Восточной Руси. Рано или поздно Литовский и Московский великие князья должны были встретиться на этом пути собирания. Но при Гедемине серьезной встречи еще не могло произойти. Их разделяла еще целая полоса самостоятельных областей, Тверских, Смоленских, Чернигово-Северских... Но если не вооруженное столкновение, то явное соперничество с Москвою обнаружилось уже при Гедемине по поводу их отношений к северным вечевым общинам, Новгороду и Пскову, где Литовское влияние выступало, при случае, противовесом более сильному и более постоянному влиянию Московскому».

Мы не станем вдаваться в детали военной истории и приводить подробности, касающиеся непосредственно военных действий между двумя соседями. Все это относится к предмету из другой области, осветить которую мы попытаемся чуть позже. Сейчас же постараемся только показать некоторые стороны этого противостояния, показывающие участие в нем ливонской стороны и, в конце концов, приведшие к самой продолжительной в нашей истории войне.

Очередной пик русско-литовского противостояния пришелся на последние годы правления в Москве великого князя Ивана III (1462–1505). Именно в годы его княжения обширные Новгородские и de facto Псковские владения вошли в состав Московской державы, после чего Москва вынуждена своими силами обеспечивать оборону края от ливонских нападений. С этой целью в 1492 году великий московский князь заложил каменную крепость в устье реки Наровы, прямо против ливонской

крепости Нарва, расположенной на другом берегу реки. Крепость должна была служить опорным пунктом в случае войны с немцами; в честь великого князя ее назвали Ивангородом. Орденские власти хорошо понимали опасность новой крепости, воздвигнутой русскими на самой границе, они не могли не видеть угрозу со стороны поднимающегося Московского государства, сделавшегося после присоединения Пскова непосредственным соседом Ордена. Не надо было обладать большой политической дальностью, чтобы понимать, что новая крепость — это только первый шаг в наступлении на Ливонию. Но что мог противопоставить издыхающий Орден нарастающему московскому могуществу? Немцы видели, как первыми на возникновение Ивангорода отреагировали шведы. Русские поставили крепость на своей земле, и здесь у северного соседа не могло быть претензий, но Швеция ревностно относилась к своему господству на Балтике, а возникновение нового русского города-порта означало рождение новой морской державы. До этого русские на занимаемом ими балтийском побережье не рубили городов, а потому Швеция не посягала на имевшийся в русских владениях морской берег. Теперь отношение шведов к московскому присутствию на Балтике стало иным. Но русско-шведская война 1495–1497 гг., разгоревшаяся именно из-за возникновения первого русского порта на Балтийском море, закончилась для Москвы успешно, и новый русский город на Балтике остался в ее владениях.

Ливония ждала нового случая, сулящего неуспехом Москве, и он, как показалось орденским властям, скоро представился.

В 1500 году вспыхнула Русско-литовская война. Потерпев в кампании первого года войны сокрушительное поражение, литовский князь развернул кипучую дипломатическую деятельность, пытаясь создать коалицию против Москвы, и на этом поприще добился более заметных успехов, чем на полях сражений. Прежде всего, он склонил к войне на своей стороне Ливонский Орден, что сделать было нетрудно. Весной 1501 года Орден вступил в войну против Руси и на первых порах добился успеха. Немецкие войска во главе с самим магистром Вальтером фон-Плеттенбергом появились у Изборска. Не ожидавшие с этой стороны удара, русские потерпели поражение в открытом сражении, но отбили все приступы врага к городу. Довольствуясь разорением окрестностей, немцы отступили. Осенью того же года русская сторона предприняла ответную акцию, организовав большой поход в Ливонию. Возглавлял поход знаменитый полководец эпохи Даниил Щеня. Противник попытался, было, остановить его и 24 ноября под Юрьевым навязал московскому воеводе упорное сражение, но не выстоял перед натиском и отступил, после чего рыцари заперлись в замках и не высывались оттуда во все время рейда русских по Ливонии. Обходя укрепленные места, московские полки дошли до Ревеля, а от него вдоль побережья до Ивангорода, страшно опустошая все на своем пути.

Активные действия возобновились в следующем году. Весной Орден повел наступление на Ивангород, но под его стенами был разбит. Следую-

щее крупное наступление немцев отмечено осенью. На этот раз его целью вновь стал Псков. В сентябре орденские войска, возглавляемые великим магистром, подошли к Пскову, и в который раз в своей истории западный форпост Руси оказался в осаде. Под стенами города разгорелись ожесточенные бои, а тем временем из Новгорода на выручку Пскову во главе крупных сил московских войск шел Даниил Щеня. Немцы не стали ждать его появления в ближних окрестностях осажденного города. Чтобы не ставить себя под удар с двух сторон, магистр выдвинулся навстречу московскому воеводе, оставив под Псковом лишь небольшой отряд для отражения попыток вылазки гарнизона из крепости. Встреча ливонского воинства с полками главного русского воеводы произошла у озера Смолина, приблизительно в 25 верстах от Пскова. Численное превосходство было на стороне русских, но преимущество противника в артиллерии позволило магистру выстоять в разыгравшемся сражении. Кроме того, на этот раз из рук вон плохо сработала русская разведка. Передовые дозоры Щени не выполнили главной задачи — не выяснили действительной обстановки в стане неприятеля и приняли обманное движение орденских войск за отступление. Получив от разведки донесение об отходе противника, воеводы передового полка бросились вперед. За ними самовольно последовали и некоторые части других полков. Захватив немецкий обоз, разрозненные русские отряды беспорядочно преследовали отступающих и когда полностью расстроили свои ряды, то вдруг наткнулись на главные силы ливонцев. Неорганизованную атаку русских отразил огонь вражеской артиллерии. Подошедшие главные силы пытались помочь своим передовым частям, но и они вступали в битву разрозненно, небольшими группами. В результате противник отбил все атаки, что вызвало в русских рядах сильное замешательство. Наконец, когда на месте баталии собрались все русские полки, Щеня сумел восстановить строй, привести в порядок все свое войско и возобновить нападение. Воеводе удалось найти слабое место в боевых порядках орденцев и сосредоточить на нем все усилия. Однако решающего успеха достичь не удалось. Сражение у Смолина завершилось «вничью». Немцы сдержали натиск московских полков, противники к концу сражения оставались стоять на своих исходных позициях. Но присутствие крупного контингента московских войск и понесенные орденцами потери заставили магистра снять осаду с Пскова и отвести свои войска за границы Ордена. В этом смысле кампания для русских может считаться успешной. Тем более что основным в той войне для русской стороны был литовский фронт, и там московским воеводам удалось добиться больших успехов, вынудивших литовскую сторону пойти на мирные переговоры. После этого и Ливония не могла оставаться в одиночном соперничестве с Москвой, и заключенный в 1503 году между Орденом и русской стороной мир был выгоден для Руси. В подтверждение последнего положения достаточно будет сказать, что одним из условий мира 1503 года было обязательство Ордена выплачивать Руси дань, взимаемую с Дерптского епископства.

Правда за все последующие годы ливонская сторона не заплатит ни одной копейки, что и станет в свое время поводом к большой войне. Но сам факт согласия с таким условием в 1503 году говорит о слабости Ордена. Тогда, в начале века, он шел на любые условия мира, лишь бы выйти из войны с Москвой.

Мир 1503 года замечателен еще и тем, что после него более чем на полвека на русско-ливонском пограничье воцарился покой. Причиной тому, надо полагать, явился не факт очередного договора, своим содержанием не отличавшимся от всех подобных. Их и раньше заключалось великое множество, но не один из них не приносил прочного мира. Причиной умиротворения стала немощь Ордена, приведшая к спаду его воинственную активность. В свою очередь, русская сторона, никогда и ранее не проявлявшая агрессивности, теперь вполне довольствовалась сложившимся положением вещей. Только через столетия, изменив своему сугубо оборонительному характеру давних отношений, Москва развяжет здесь несправедливую, наступательную войну и тем самым нарушит устоявшийся баланс сил.

Вот в связи с последним обстоятельством в предыстории русско-ливонского противостояния обнаруживается новый момент...

Трудно сказать, сколько столетий заняли выяснения отношений русских людей с обитавшими в ливонском крае до прихода завоевателей аборигенами, ибо начало этих отношений уходит во тьму веков. Отношения же с захватившими край немецкими пришельцами, если считать на момент начала XVI века, продолжались ровно три столетия. И как одну из самых специфических особенностей многовекового противостояния как с теми, так и с другими на русско-ливонском порубежье следует назвать *не стремление русских людей к морю, полное равнодушие к нему*. Еще в своих частых походах на земли полудиких, слабых во всех отношениях прибалтийских племен, Русь лишь ставила целью предотвращение подобных акций со стороны соседей на будущее. Та же цель просматривается и в более поздние времена, уже в нашествиях на орденские владения. В войнах и с теми и с другими русские ратные силы неоднократно доходили до морского побережья, но никогда не сделали даже попытки на нем закрепиться. Тем самым русские люди с головой выдавали свою сугубо континентальную сущность. Вся внешняя политика Руси, как и военная стратегия, направленная на ее осуществление, всегда неизменно демонстрировали континентальную психологию русского человека. Последнее обстоятельство подчеркивается и тем, что долгие годы новгородские владения включали в себя довольно значительную прибрежную полосу в юго-восточной части Финского залива. Она простиралась от устья реки Сестры до устья реки Наровы. После присоединения Иваном III Новгорода к своим владениям Московское государство становится, таким образом, морской державой. Великий князь основывает там даже новый город, назвав его своим именем, но за многие годы владения морским побережьем, причем заметим, годы мирные, Москва

не предпринимает ни малейшей попытки освоить прибрежную полосу и хоть как-нибудь обустроить ее. Прибрежные владения Руси остаются пустынными.

Можно найти много объяснений такому положению вещей для времени, когда полоска морского побережья принадлежала удельному Новгороду. Но после создания единого централизованного Московского государства равнодушие русских людей к морю объяснить трудно. Ведь у кремлевских хозяев не могло быть сомнений в выгоде морского пути для улучшения своих позиций на западе. Правители Руси прекрасно понимали значение моря для упрочнения экономического и политического положения своей державы. К XVI столетию важность владения торговыми путями, которые пролегали по Балтийскому морю и которые соединили бы между собой страны Восточной и Западной Европы, была ясна всякому, даже не очень искушенному в политике человеку. Однако отношение московских властей к морю остается прежним, и долгое время с их стороны не заметно попыток освоения удобных торговых путей. В то же время не заинтересованный в усилении Москвы Запад сохранял постоянную готовность к недопущению ее до этих путей. Об этом известный наш историк Б. Н. Флоря говорит следующее:

«Когда в XV–XVI веках начался интенсивный рост промышленного производства и городов в ряде стран Западной Европы, здесь возрос спрос на продукты сельского хозяйства, которые во все большем размере поступали на европейский рынок из Восточной Европы. Если на протяжении всего Средневековья главными предметами торговли на Балтике, поступавшими с Востока, были почти исключительно воск и меха, то теперь на Запад по Балтийскому морю везли более разнообразные товары: из Прибалтики — хлеб, из Великого княжества Литовского и Польши — хлеб и «лесные товары», из России — кожи, сало, лен и пеньку. Резко возрос товарооборот, возросли и доходы, которые приносила эта торговля. Однако эти доходы, которые могли бы обогатить русскую казну, оседали в прибалтийских портах — тех перевалочных пунктах, где потоки товаров переходили с морских путей на сухопутную дорогу. Сами купцы этих городов активной торговли не вели (судоходство на Балтике к этому времени находилось главным образом в руках голландских купцов), а пополняли свою казну благодаря установлению принудительного посредничества: они не позволяли русским купцам ездить за море, а западноевропейским купцам проезжать через Ливонию на территорию России; в самих же прибалтийских портах и те и другие могли заключать сделки только с местными купцами. В итоге торговая прибыль оседала в карманах ливонских купцов, а торговые пошлины — в карманах ливонских властей. Когда в 1557 году вырабатывался мирный договор со Швецией, «Гости и купчины отчин великого князя из многих городов» просили правительство добиться у шведского короля, чтобы им была предоставлена возможность ездить «из Свейской земли в Любок, и в Антроп и во Ишпанскую землю и во Англию и во Французскую землю... и корабли бы

им были готовы». Таким образом, русское купечество хорошо понимало, какие выгоды могло принести ему установление прямых связей со странами Западной Европы, и пыталось побудить свое правительство добиваться достижения этой цели.

Власти Ливонии также хорошо понимали, что проводившаяся ими экономическая политика наносит ущерб интересам России, и поэтому предпринимали различные меры, чтобы не допустить чрезмерного усиления Русского государства. Одной из таких мер был запрет ввоза в Россию оружия и цветных металлов (олова, свинца, меди), которые могли быть использованы для производства вооружения. Кроме того, ливонские власти препятствовали приезду в Россию мастеров и ремесленников, которые могли бы принести в русское общество какие-либо новые знания. В конце 40-х годов XVI века русский агент саксонец Шлитке с разрешения императора Карла V нанял в Германии на русскую службу 120 мастеров самых разных специальностей. По дороге в Россию Шлитке был арестован и несколько лет провел в тюрьме, а нанятые им мастера должны были вернуться домой».

Таким образом, история многовекового русско-ливонского противостояния прошла все стадии от заурядных обоюдных терзаний, неспособных кардинально повлиять на исторически сложившуюся расстановку, до такой ситуации, когда перевес одной из сторон мог существенным образом изменить баланс сил во всем восточноевропейском регионе. Овладение ключами от морских торговых путей, которые попадали бы в руки Москвы в случае утверждения ее в Прибалтике, в корне меняло бы политическую и экономическую обстановку в огромном регионе в пользу Руси. А потому не только для издыхающей Ливонии, но и для всей Западной Европы, понимающей потенциальное могущество Московской державы, необходимо было сохранение Ордена как щита ее восточных морских ворот от посягательств поднимающейся Руси. И на это была направлена политика Запада. Тот же Б. Н. Флоря об этом повествует так:

«Такая политика, наносившая явный ущерб интересам могущественного соседа, могла успешно проводиться лишь с позиции силы, но Ливонский Орден — некогда мощная централизованная структура, созданная специально для ведения агрессивной войны, находился в состоянии глубокого упадка. К середине XVI века он представлял собой довольно рыхлое объединение собственно владений Ордена, епископств и городов. Военные вассалы-ленники и Ордена, и епископств превратились в землевладельцев-дворян, занятых в своих имениях производством хлеба на европейский рынок, чтобы обеспечить жизнь по достаточно высоким для того времени жизненным стандартам. Их военные обязанности стали формальностью, настаивать на их выполнении власти Ордена были не в состоянии. Положение усугублялось тем, что во главе Ордена, находившегося под покровительством папы, стояли рыцари-монахи, а большую часть горожан и дворян Ливонии к середине XVI века составляли протестанты, отвергавшие сам институт монашества.

Слабость Ордена, становившаяся с течением времени все более очевидной, была, несомненно, дополнительным фактором, побуждавшим русские власти изменить невыгодное для России положение вещей».

Но поскольку немощь Ордена была не тайной и для западных недоброжелателей Руси, а заинтересованность их в недопущении русских купцов к морским путям оставалась актуальной задачей, перспектива, в случае попытки захвата Русью ливонских владений, вырисовывалась одна: Запад не оставит Ливонию один на один с московским могуществом.

Но вот вопрос: насколько Русь осознала для себя к тому времени необходимость моря и насколько для того, чтобы осваивать морские пути, ей нужно было завоевание Ливонии?

Вообще говоря, новгородцы издавна были знакомы с морем и вели морское сношение с Западом. Но дело даже не в том, что их по каким-то причинам не притягивал путь в Европу по Западной Двине и они предпочитали старый, давно освоенный путь в Финский залив по реке Луге или по Волхову через Ладогу и Неву. А дело в том, что и здесь они начинали морские походы из континентальных глубин и завершали их в ближайших портах Балтики. Так что, скорее, это были не пути по морю, а пути к морю. Основная их протяженность пролегла по рекам и озерам. И все частые войны новгородцев, а позже и Московского государства со Швецией, были войнами не за саму Балтику, а лишь за выход в нее. Русь стремилась сохранить за собой только бассейн Невы и ее устье. Последнее ей, пока она не изменила оборонительной стратегии, удавалось. Но русские люди при этом не пытались основать порт не только на морском берегу, но даже и на Неве. Последняя пристань на пути из Новгорода в Балтийское море была в городе Ладога, что недалеко от впадения реки Волхов в Ладожское озеро. Позже, после основания новгородцами крепости Орешек, последняя пристань будет в истоках Невы. Об истории борьбы русских людей со шведами за сохранение выхода в Балтийское море, выхода, который русские люди потеряют в результате Ливонской войны, мы в свое время будем вынуждены рассказать, а сейчас вернемся в начало XVI столетия к событиям, на которых мы остановились.

Итак, участие Ливонского магистра Плеттенберга в русско-литовской войне на стороне князя литовского в первые годы XVI столетия стало последним столкновением Руси с Ливонией вплоть до начала Ливонской войны второй половины XVI века. Теперь на последующие полвека русско-ливонское порубежье, как мы сказали, становится непривычно спокойным, где с трудом можно будет различить едва тлевший огонь былой вражды. Взаимная неприязнь соседей, конечно, останется, и никакие мирные договоры будут не в состоянии ее искоренить. Немецкое рыцарство никогда не примирится со славянской расой, но открытая вражда сходит на нет, и после мира 1503 года на старой псковско-ливонской границе не замечено будет хоть каких-нибудь, пусть даже самых мелких баталий. Все это время, набирая силу, будут продолжаться русско-литовские войны, при этом литовская сторона всякий раз снова попытается склонить

к союзничеству с собой ливонского магистра, но всякий раз безуспешно. Причину падения военной активности Ордена мы называли — это его слабость. Рыцарская община вступила в последнюю фазу своего упадка, и она не рассчитывает на успех в борьбе с Москвой даже в союзе с могущественным Великим князем Литовским. Сил у Ордена нет даже защищаться, и это покажут первые же события Ливонской войны. Но это будет еще не скоро, это случится только через несколько десятков лет, а сейчас ливонские власти охотно заключают с Москвой мирные договоры, всякий раз выгодные для русской стороны, как, например, договор 1509 года. В нем ливонская сторона даже оговаривает условие, которого от нее и не требует Москва: Ливония обязуется на будущее не вступать в военные союзы с Литвой, иными словами, не воевать против Руси.

В таком непривычном для истории России тихом и мирном состоянии пребывали ее северо-западные рубежи во все время великого княжения Василия III, при котором псковские владения, наконец *de jure*, становятся принадлежностью Московской державы, и также в первые годы правления его сына — Ивана IV. Затем мирному полувековому затишью в этих краях суждено было смениться четвертьвековой бурей, ураганная сила которой еще была неведома московскому обывателю.

Глава 2

Канун

Если рубеж XV–XVI веков в нашей истории отмечен рождением новой державы — Московского государства, то со второй трети XVI столетия можно говорить о начавшем его постепенно охватывать политическом кризисе, неуклонно углублявшемся, продолжившемся до начала нового столетия и, в конце концов, приведшем страну к Смуте.

Одним из самых характерных показателей становления Московского государства у нас считается укрепление в нем самодержавия, что не совсем верно. Самодержавие и самодержавная власть не столько укреплялись, сколько обожествлялись. Московское самодержавие больше превратилось в возвышенную идею при явном недостатке ее практической разработки. И как выразился на этот счет историк В. О. Ключевский, рассказывая об Иване IV, что, впрочем, можно отнести и к двум его предшественникам на троне, «из всех усилий ума и воображения царь вынес только простую, голую идею царской власти без практических выводов, каких требует всякая идея. Теория осталась неразработанной в государственный порядок, в политическую программу,... он упустил из виду практические задачи и потребности государственной жизни и не умел приладить своей отвлеченной теории к местной исторической действительности. Без этой практической разработки его возвышенная теория верховной власти превратилась в каприз личного самовластия, исказилась в орудие личной злости, безотчетного произвола. Поэтому стоявшие на очереди практические вопросы государственного порядка остались неразрешенными».

Еще раз повторимся, что высказанная знаменитым историком мысль останется справедливой, если ее отнести и к отцу, и к деду Грозного.

Стремления носителей высшей московской власти укрепить свое властное положение сводились лишь к требованиям раболепного поклонения со стороны окружения и полного не ограничения себя в приемах воздействия на подданных. В этом власть преуспела больше, чем во всем остальном, и, как высказался по этому поводу Н. М. Карамзин, «ничто не удивляло так иноземцев, как самовластие государя российского и легкость употребляемых им средств для управления землею». А долгое время находившийся с дипломатической миссией в Москве посол из Вены от императора Максимилиана барон Герберштейн оставил о русском государе в своих записках следующее суждение:

«Скажет и сделано, жизнь, достояние людей, мирских и духовных, вельмож и граждан, совершенно зависит от его воли. Нет противоречия, и все справедливо, как в делах Божества: ибо русские уверены, что великий князь есть исполнитель воли Небесной. Обыкновенное слово их: *так угодно Богу и государю; ведает Бог и государь*».

Но так ли, в самом деле, было крепко московское самодержавие, как могло показаться со стороны, если только наблюдать безропотное, рабское повиновение подданных и не принимать во внимание многие другие его проявления? А проявления эти особенно становились заметными при династических, может быть правильнее будет сказать, фамильных кризисах/

Анализируя процесс становления российского самодержавия, историк Д. И. Иловайский отмечал, что «положение и значение верховной власти в Восточной Руси поднялись на неведомую у нас дотоле высоту и получили вполне государственный характер. Вместе с постепенным внутренним объединением этой Руси и приобретением внешней независимости естественно в той же постепенности возрастали народное сочувствие и уважение к своим высшим вождям, т. е. к великим князьям Московским — уважение, тесно связанное с их наружным почитанием и покорностью их власти... Понятие о царском достоинстве у русских людей того времени, кроме царей ветхозаветных, в особенности тесно связывалось с представлениями об императорах византийских и могущественных когда-то властителях Руси ханах татарских. Татарское влияние несомненно выразилось и в тех суровых чертах, с которыми царская власть относилась к своим подданным; особенно ярко эти черты выступили наружу при Иване Грозном... Не вполне справедливо то мнение, которое приписывает Ивану Грозному усиление и упрочение Русского самодержавия. Нет, более всех для его развития сделал великий его дед Иван III расширением государственных пределов, утверждением независимости и вообще разумной государственной политикой; причем его меры строгости не переходили границ, свойственных его времени. В тех же границах действовал Василий III, и при нем власть Московского государя была уже так велика, как нигде...».

Наверное, утверждение историка о придании самодержавию большей крепости дедом и отцом Ивана IV, чем им самим, слишком категорично. Безусловно, ученый прав, когда говорит, что власть Московского государя при отце Грозного была велика, как нигде. Но разве эта власть была меньшей при сыне? Можно быть твердо уверенным, что нет, не меньшей. Но надо различать понятия «власть велика» и «власть крепка». О размерах власти, которой обладали московские правители, начиная с Ивана III, говорить будет излишне. И у деда, и у отца, и у сына власть, что вширь, что вглубь, была безграничной. Но речь идет не о границах власти, а о крепости самодержавия. А лучшим показателем такой крепости может служить устойчивость государственного организма к династическим кризисам, может быть правильнее будет сказать, к круговерти на троне, вызванной неясностью или спорностью вопросов о престолонаследии.

И вот тут, рассуждая о кажущейся крепости самодержавия эпохи Грозного, историки справедливо называют факт начавшегося еще при жизни царя Ивана разрушения московского царственного дома, разрушения, завершившегося в безликое царствование его слабоумного сына. И Смута, как следствие пресечения династии, — лучший показатель мнимой прочности самодержавия.

Но ведь то же самое, по сути, случилось и после смерти отца Грозного, великого князя Василия. И Смуты, если под ней понимать потрясение, подобное тому, что постигло русское государство при преемниках Грозного, во времена его детства не случилось только потому, что династия тогда еще не пресеклась. Но малолетство Ивана IV, сопровождавшееся регентством его матери, вокруг которой враждующими боярскими партиями и группировками плелись нескончаемые интриги и крамолы, имели следствием такое расшатывание государственного организма, что до Смуты в полном ее понимании оставался один только шаг. Достаточно вспомнить, что во время недолгого правления матери Грозного жертвами боярского произвола, помимо многих представителей знатных московских фамилий, стали два родных брата покойного мужа правительницы, великого князя Василия, и двоюродный брат ее самой. Позже по поводу этих бессмысленных жестокостей Н. М. Карамзин напишет: «В четыре года Еленина правления именем юного Великого Князя умертвили двух единоутробных братьев его отца и дядю по матери... Елена предавалась в одно время и нежностям беззаконной любви, и свирепству кровожадной злобы!»

То же самое продолжалось и после смерти правительницы, в юности царя Ивана вплоть до его возмужания. По этому поводу В. О. Ключевский отметил:

«По смерти Василия, в малолетство его сына, требовавшее продолжительной опеки, власть надолго попала в руки бояр. Теперь они могли распорядиться государством по-своему, осуществить свои политические идеалы и согласно с ними перестроить государственный порядок. Но они не пытались строить никакого нового государственного порядка. Разделившись на партии князей Шуйских и Бельских, бояре повели ожесточенные усобицы друг с другом из личных или фамильных счетов, а не за какой-либо государственный порядок. В продолжение десяти лет со смерти правительницы Елены (1538 г.) они вели эти усобицы, и это десятилетие прошло не только бесплодно для политического положения боярства, но и уронило его политический авторитет в глазах русского общества. Все увидели, какая анархическая сила это боярство, если оно не сдерживается сильной рукой...»

Тогда о какой крепости самодержавия можно говорить, если оно постоянно нуждается в «сильной руке»? Истинная же, действительная крепость самодержавной власти зиждется исключительно на имени государя, независимо от его возраста и факта опекуинства над ним.

Несмотря на политическую неустойчивость эпохи, четырехлетнее правление великой княгини Елены отмечено попыткой проведения ряда реформ, но уже тогда сказалась наша национальная особенность такого рода деятельности. Отныне и всегда в будущем ей неизменно будут сопутствовать нерешительность, непоследовательность, половинчатость, неспособность доводить дело до конца. Реформы оказались брошенными на полдороге, и не внезапная смерть правительницы тому причиной. Еще при ее жизни стало ясно, что любое реформирование с трудом приемлемо в нашем Отечестве, а сами реформы — его боль.

Смерть великой княгини снимала последние ограничения с боярского произвола. То, что творилось тогда при кипящем неистовыми крамолами, зачастую заканчивавшимися кровавыми разборками, великокняжеском дворе, раздвигает до беспредела наше понимание анархии. И вот в таких-то условиях и начинается в нашей истории эпоха Ивана Грозного.

Как же повлияла на формирование личности царя Ивана окружавшая его в детстве обстановка? Вот мнение на этот счет Ключевского:

«Безобразные сцены боярского своеволия и насилий, среди которых рос Иван, были первыми его политическими впечатлениями. Они превратили его робость в нервную пугливость, из которой с годами развилась склонность преувеличивать опасность, образовалось то, что называется страхом с большими глазами. Вечно тревожный и подозрительный, Иван рано привык думать, что окружен только врагами, и воспитал в себе печальную склонность высматривать, как плетется вокруг него бесконечная сеть козней, которою, чудилось ему, стараются опутать его со всех сторон. Это заставляло его постоянно держаться настороже; мысль, что вот-вот из-за угла на него бросится недруг, стала привычным, ежеминутным его ожиданием. Всего сильнее работал в нем инстинкт самосохранения. Все усилия его бойкого ума были обращены на разработку этого грубого чувства».

Тот факт, что наш соотечественник от исследователя до простого обывателя останавливает внимание на этой эпохе и на самой личности главного героя эпохи, неудивительно. Историк Н. И. Костомаров говорил, что «в нашей истории царствование царя Ивана Васильевича Грозного, обнимающее половину лет, составляющих XVI столетие, есть одна из самых важных и достойных особого исследования эпох... Много было совершено в этот полувековой период славного, светлого и великого по своим последствиям, но еще более мрачного, кровавого и отвратительного. Карамзин именно на этой части русской истории показал всю силу своего таланта, более чем на всякой другой, и с замечательной верностью угадал характер этой личности».

Здесь Костомаров, упоминая о заслуге другого историка, своего ученого предтечи Н. М. Карамзина, удачно подыскал термин — угадал. Не раскрыл характер, а именно угадал. Дело в том, что наши исследователи, разделяющие одинаковую точку зрения на личность Грозного и примерно в одних и тех же тонах рисующие картину его деятельности

со всеми ее результатами, одинаково подчеркивая дурное воспитание, которое получил будущий царь в детстве, зачастую по-разному оценивают его природный интеллект. Так, тот же Костомаров о Грозном царе говорит, что «он от природы не имел большого ума», а другой наш знаменитый историк В. О. Ключевский, напротив, рассказывая об Иване Грозном, утверждает, что «от природы он получил ум бойкий, гибкий, вдумчивый и немного насмешливый, настоящий великорусский, московский ум». Может быть, между обоими мнениями и нет принципиальной разницы, ибо далее оба ученых указывают на объективные причины, которые в любом случае неизбежно должны были негативно повлиять на развитие этого ума, каким бы он ни был изначально. Так, Костомаров отмечает, что Иван с детства «одарен был в высшей степени нервным темпераментом и, как всегда бывает с подобными натурами, чрезмерною страстностью и до крайности впечатлительным воображением. В младенчестве с ним как будто умышленно поступали так, чтобы образовать из него необузданного тирана». А Ключевский, отметивший бойкий и гибкий ум царя, далее вынужден был заметить, что «обстоятельства, среди которых протекало детство Ивана, рано испортили этот ум, дали ему неестественное, болезненное развитие».

Что это были за обстоятельства, выше мы уже сказали. Об этом же трактуют и современные нам исследователи. Так в своей работе «Русская история» ее авторы И. А. Заичкин и И. Н. Почкаев отмечают:

«Ожесточенная борьба бояр за власть протекала на глазах малолетнего Ивана IV и, безусловно, сыграла свою отрицательную роль в формировании характера будущего грозного правителя Русского государства. Одаренный от природы блестящими способностями подросток был очень впечатлительным. Он легко и быстро переходил от радости к гневу, от веселья к глухой тоске и все принимал близко к сердцу... Вместе с тем, повседневно наблюдая сцены грубого насилия и дикого произвола, Иван исподволь привыкал к ним, сам становился мстительным и злобным, равнодушным и хладнокровным даже к крайним проявлениям человеческой жестокости... В таких условиях выковывался характер будущего государя, и свой первый в жизни смертный приговор Иван IV вынес в конце 1543 г., когда ему исполнилось 13 лет».

Так что, может быть, не столь уж и важно, чем первоначально одарила природа первого русского царя, куда важнее то, что уже в первые годы жизни он был безнадежно испорчен реальными обстоятельствами и окружающей обстановкой.

Такое, хотя бы краткое, поверхностное знакомство с личностью главного героя эпохи нам необходимо для понимания многих аспектов его деятельности, в том числе главного, эпохального события его царствования — продлившейся четверть века войны на западе. Но сначала пройдемся по основным вехам его правления до развязывания Ливонской войны.

Прежде всего, следует отметить, что Иван Грозный принадлежит к той категории государственных деятелей, сама деятельность которых

никогда не перестанет возбуждать к себе интереса со стороны потомков. И это исключительно потому, что она неизменно сопровождалась большим шумом, обставлялась громким и броским внешним антуражем, вследствие чего и запомнилась не столько своими результатами, сколько потрясениями, перебудоражившими современное тем событиям обществу. А потому характеристиками таких личностей, как Иван Грозный, впоследствии можно свободно манипулировать, легко выдавая громкое и шумное за великое. А если к этому добавить, что во всех своих начинаниях Грозный царь на первых шагах неизменно имел успех, то задача изображения его образа в глазах потомков в наилучшем свете еще более упрощается, несмотря на то, что все эти прекрасно начатые предприятия финалом имели полный провал. Но способность Грозного царя обставлять любое из своих начинаний большой помпой и сопровождать излишней шумихой настолько подействовало на нервы и впечатления современников и передалось потомкам, что зачастую крах этих самых начинаний остается незамеченным. По этому поводу уже не раз цитированный нами историк Ключевский в свое время заметил, что «положительное значение царя Ивана в истории нашего государства далеко не так велико, как можно было бы думать, судя по его замыслам и начинаниям, по шуму, какой производила вся его деятельность. Грозный царь больше задумывал, чем сделал, сильнее подействовал на нервы своих современников, чем на современный ему государственный порядок. Жизнь Московского государства и без Ивана устроилась бы так же, как она строилась до него и после него, но без него это устройство пошло бы легче и ровнее, чем оно шло при нем и после него: важнейшие политические вопросы были бы разрешены без тех потрясений, какие были им подготовлены».

Первым политическим мероприятием Ивана в ранге вышедшего из-под опеки полновластного правителя было венчание на царство, то есть официальное принятие царского титула. Принято считать, что этот факт упрочнял самодержавие, возвышал авторитет носителя высшей власти, как в глазах своих подданных, так и в глазах иностранцев и, конечно же, сопутствовал повышению престижа государства на международной арене. Так например, Карамзин на этот счет заметил, что «с сего времени Российские Монархи начали уже не только в сношениях с иными Державами, но и внутри Государства, во всех делах и бумагах, именоваться Царями, сохраняя и титул Великих Князей, освященный древностью... Хотя титул не придает естественного могущества, но действует на воображение людей... Достоинно примечания, что Константинопольский Патриарх Иосаф, в знак своего усердия к Венценосцу России, в 1561 году Сборною грамотою утвердил его в сане Царском... Сия грамота подписана тридцатью шестью Митрополитами и Епископами Греческими».

Примерно в таком же ключе строят свои выводы насчет принятия царского титула и многие другие исследователи, вплоть до современных. Надо сказать, что тут есть предмет для полемики.

С чем в приведенном высказывании ученого в первую очередь следует согласиться, так это с тем, что титул не придает могущества, а лишь действует на воображение. Все же иные утверждения этого и других историков насчет укрепления самодержавия вызывают сомнения. Начавшаяся вскоре после эпохи Грозного круговерть на московском троне с ее годуновской авантюрой и с рядом менявших друг друга самозванцев, когда и царский сан и само царское имя сделались орудиями грязных интриг, поставивших государство на грань развала, дают мало оснований считать московское самодержавие окрепшим от официального принятия царского титула. А что касается признания этого титула главой православной церкви, о чем повествует нам Карамзин, то тут следует помнить, что Константинопольский патриарх со всем своим синклитом, будучи подданным турецкого султана и гонимым мусульманским окружением, к этому времени давно сделался послушным московскому властелину, на содержании которого существовала греческая церковь, а потому в надежде на очередную подачку и в ожидании ее рад был приветствовать любую выдумку кремлевского самодура. А вот чего действительно добилось московское самодержавие официальным принятием царского титула, так это еще большего своего обожествления. Обладатель московского трона получал теперь корону из рук главы церкви, таким образом, он представлялся в глазах подданных заместителем Бога на земле, избранником Бога, его помазанником. Царской власти теперь еще больше придавалось божественности происхождения, личность монарха окружалась ореолом святости, а любое посягательство на нее считалось не просто преступлением, а святотатством.

Выше мы говорили, что как все без исключения начинания царя Ивана IV на первых шагах имели успех, так и все без исключения они имели бесславное завершение. То же самое можно сказать и обо всем царствовании Грозного в целом. Созерцая мрачную картину упадка Московского государства последних лет его правления, картину, получившую в нашей истории название «Великого разорения», трудно поверить в блестящее начало этого царствования. И тысячу раз прав был Ключевский, когда, ссылаясь на другого нашего историка, говорил, что «Карамзин преувеличивал очень немного, поставив царствование Ивана — одно из прекраснейших по началу — по конечным его результатам наряду с монгольским игом и бедствиями удельного времени». А в свое время К. Маркс отметил два периода в правлении Ивана Грозного: период успехов во внутренней и внешней политике и «период сумасбродств Ивана», что и привело государство к тяжелому военному поражению и полному упадку хозяйственной жизни.

Так вот, «прекраснейшее начало» по Ключевскому, или период успехов по Марксу связаны с деятельностью неформального кабинета, прозванного одним из своих членов, Андреем Курбским, Избранной радой. Круг лиц, входивших в Избранную раду, сформировался вокруг молодого царя почти стихийно, и в сословном смысле представлял собой пестрое сме-

шение родовитой знати с представителями незнатного происхождения. Не последнюю роль в Избранной раде играли особы духовного звания во главе с митрополитом Макарием. Просуществовав 13 лет (1547–1559), Избранная рада до конца оставалась не официальным учреждением, но фактически все эти годы она являлась правительственной организацией, без совета с которой царь не принимал ни одного решения. По мнению всех без исключения классиков нашей отечественной исторической науки, время правления Избранной рады — самый светлый период царствования Ивана IV, и всем успехам первых лет своего нахождения на троне он обязан деятельности этого нового неформального государственного органа.

Основное содержание деятельности Избранной рады — это попытка реформировать управление государством, привести в порядок законодательство и судебную систему, упрочить финансы, упорядочить военную службу и тем самым повысить боеспособность войска, изыскать возможности поступления в казну новых доходов, расширить источники старых. По своему смыслу реформы отвечали интересам мелкого и среднего служилого дворянства и были не совсем позитивно встречены крупной феодальной аристократией. Княжеско-боярская знать, являвшаяся в те времена реальную политическую силу, в целом разделявшая все принципы самодержавия, опасалась, тем не менее, потерять свои права и привилегии, в первую очередь, на соучастие в управлении государством. Представители самых знатных родов и фамилий, крупнейшие земельные магнаты вовсе даже не выступали против централизованной единоличной власти, как это иногда представляется некоторыми толкователями прошлого. Время удельного сепаратизма кануло в Лету, и наша отечественная аристократическая верхушка была не так наивна, чтобы лелеять мечту о возрождении этого архаизма. Все ее стремления сводились к сохранению своего положения при царской особе, а в последних реформах нового правительства молодого царя привилегированное сословие разглядело покушение на это положение.

Но царь не мог не понимать, что ему в его деятельности не обойтись без крупной феодальной верхушки, в руках которой сосредоточена основная масса материального богатства страны, и в своих первых реформах, как и во все последующие годы, он будет лавировать, пытаясь найти компромисс между высшим сословием и средним служилым классом. Компромиссом отдает и вся программа его реформ, как и состав самой Избранной рады был выражением примирения различных слоев тогдашнего московского общества.

Намеченная царем и его новым кабинетом программа действий впервые была оглашена 27 февраля 1549 года на общем с Боярской думой собрании выборных от служилых и «всякого чина людей» Московского государства, а также духовенства. Этим было положено начало новому высшему правительственному органу — Земскому собору, или Великой земской думе. Дальнейшие созывы Земского собора не отличались регулярностью, но прочно вошли в практику московских государей, когда

им требовался совет в проведении важных политических мероприятий. Такие соборы не ограничивали самодержавную власть, а носили лишь совещательный характер. Важным результатом работы первого Земского собора стали принятые им меры по расширению прав дворянства и ограничения прав крупных земельных магнатов. Служилые дворяне отныне и навсегда освобождались от подсудности местных властей, находившихся в руках крупных вотчинников, и по всем судебным-административным вопросам переходили непосредственно в ведение царской администрации. Мера эта ослабляла власть на местах бояр-наместников, но укрепляла позиции среднего служилого класса.

Одним из достижений правительства молодого царя стало составление нового свода законов вместо устаревшего Судебника времен Ивана III. Работа над новым Судебником завершилась в 1550 году, и он имел подобие своего предшественника, но при этом пытался привести законы к требованиям текущего дня. В целом новые законы не противоречили давно сложившейся системе государственного управления и лишь упорядочивали деятельность некоторых ее органов. Например, строго регламентировались судебные и финансовые права местной власти, как и средства контроля над ней. Строго оговаривались штат местных административных органов и порядок разбирательства дел на местах. Важным положением нового судебника была отмена торговых привилегий у местной феодальной знати и передача права сбора торговой пошлины в руки царской администрации. Отменялись податные льготы с монастырских владений.

В то же время новый Судебник предусматривал выборность местных служилых людей в земские органы власти, чем продолжил развитие заложенной в Земском соборе идеи представительства в административно-управленческом аппарате.

Не могла реформаторская деятельность молодого царя и его нового кабинета не задеть церковной сферы, в которой к тому времени назрело много спорных вопросов как по поводу претензий духовенства на участие в государственном управлении, так и по поводу имущественных прав церкви. Здесь положение самодержавия было двояким. С одной стороны царская власть всегда была заинтересована в поддержке духовенства, поскольку церковь играла самую важную роль в сознании всех слоев московского общества. Но с другой стороны гарантией полного союза с церковью могли быть только властные и имущественные уступки царя. Заручиться мощной поддержкой церковных иерархов значило для престола поделить с ними своей властью и открыть им широкий доступ к материальным богатствам страны. А вот это уже шло вразрез с намерениями царя.

Для разрешения спорных проблем, назревших в церковной области, в мае 1551 года по инициативе царя в Москве собрали собор духовных иерархов. Этот собор, ставший важным событием в истории русской церкви, получил название Стоглавого, так как его решения составили 100 глав. На соборе царь поднял старый вопрос об имущественных правах церкви, вопрос, который поднимал в свое время великий князь Иван III.

Одна из сторон, отстаивая идею аскетизма в среде духовенства, осуждала наличие у него материальных богатств, другая, напротив, настаивала на необходимости для церкви иметь крупные материальные средства. Понятно, что светская власть поддерживала первых, но на церковном соборе 1503 года, когда великий князь поставил вопрос о лишении церкви земельных владений, он и его сторона потерпели полное поражение. Приблизительно то же самое случилось и теперь, спустя почти пятьдесят лет. На Стоглавом соборе большинство духовенства во главе с митрополитом Макарием встало против царя, объявив право церкви на земельные владения незыблемым. Отстаивавшая противоположные взгляды партия во главе с одним из самых главных советников царя, протопопом Сильвестром, оказалась в меньшинстве. Царь не решился пойти на прямой конфликт с церковью, и по вопросу церковного имущества был достигнут некоторый компромисс, но по сути дела явившийся поражением царской стороны. Собор давал право монастырям приобретать и продавать земельные наделы, но с разрешения царской власти. Кроме того, на монастыри накладывались некоторые новые формы налогов.

Но, несмотря на уступку церкви в ее имущественных правах, царь добился на Стоглавом соборе многих своих целей. Главное для Ивана IV было заручиться поддержкой его реформ со стороны духовенства, и в этом царь преуспел. Оставив за церковью ее вотчинные права, царь взамен получил от собора согласие с его новым Судебником и признание князьями церкви других его нововведений в области государственного управления. Но идея лишения церкви ее главного источника материальных богатств не оставила царя, она будет преследовать его до тех пор, пока он не возьмет реванш за свой неуспех на соборе 1551 года. Ровно через тридцать лет, в 1581 году, в условиях неудач на западном фронте, после ряда тяжелых поражений на полях сражений Ливонской войны Иван Грозный на очередном соборе добьется приговора, запрещающего церкви приобретать вотчины.

Одним из новшеств царя Ивана первых лет его царствования стала военная реформа. Ее цель — укрепление вооруженных сил, состояние которых во многом определяло успехи или неудачи во внешней политике. Самым необычным, можно сказать революционным начинанием в военной реформе, стала попытка ограничить местничество, то есть давно утвердившийся и продолжавший существовать на тот момент порядок назначения на командные посты лиц, согласно «породе», когда занимаемую в армии должность определяло происхождение. Лишним будет говорить о том, что в этом направлении реформаторства Грозный добился меньшего, чем в любом другом. Местничество изживется еще очень не скоро, и хотя оно и будет несколько поколеблено в последующие времена, а решение Земского собора 1682 года официально даже совсем его отменит, по-настоящему уйдет в небытие только с реформами Петра I. А до тех пор в течение еще полутора столетий воеводский чин или ранг командира будет определяться знатностью его рода.

Другой особенностью военной реформы было создание первого в российском государстве постоянного воинского соединения. Как известно, в те времена и еще долго потом, войска собирались только на случай войны и распускались после окончания военных действий. Теперь для надежной опоры самодержавной власти было решено разместить для постоянного пребывания, или как тогда говорилось «испоместить», в столичном уезде «избранную тысячу», для чего была отобрана тысяча человек дворянского звания, которым предоставлялись поместья в окрестностях Москвы. Эта тысяча стала чем-то вроде личной царской гвардии и была призвана стать ядром дворянского ополчения, которое также на постоянной основе планировалось создать в будущем.

Для всех других относившихся к служилому классу людей предусматривалось две формы прохождения воинской службы: «по отечеству» и «по прибору».

Службе «по отечеству» подлежали дворяне и дети боярские. Служба регламентировалась специальным уставом, или как он назывался Уложением. Служба начиналась с 15 лет, продолжалась до смерти и переходила по наследству. Лица, относившиеся к этой категории, составляли большинство во всем служилом сословии, следовательно, были основной частью вооруженных сил. Постоянного прохождения службы, как известно, не было, а потому в мирное время служащие «по отечеству» могли заниматься любимыми своими делами, для чего они обеспечивались государством земельными наделами и денежным жалованьем. По первому требованию правительства служащие обязаны были явиться в указанное место и в указанный срок не только сами, но и с определенным числом людей, проживающих на отведенных землях. Причем служивый «по отечеству» был обязан вооружить себя и всех приведенных с собой слуг и обеспечить их на случай похода всем необходимым, в первую очередь, лошадьми.

Служба «по прибору», наряду с давно практикуемым набором в войска так называемых *даточных людей*, предусматривала создание в московском государстве принципиально новой разновидности войск — стрельцов.

Учреждение стрелецкого войска относится к 1550 году, когда в Москве для постоянного нахождения в столице был сформирован первый стрелецкий полк численностью в три тысячи человек. А далее следует отметить быстрый рост численности стрелецкого войска, так что к концу царствования Грозного в нем насчитывалось уже до 25 тысяч человек. В первые же годы после создания московского полка можно было наблюдать появление стрелецких полков и в других крупных городах. Буквально с самой своей первой военной кампании — казанской войны 1552 года, то есть всего через два года после своего рождения, стрелецкие войска становятся мощной боевой силой Московского государства.

Стрелецкое войско, как и «избранную тысячу», несмотря на их постоянное пребывание на службе, нельзя назвать прообразом регулярной армии и не только потому, что ни те, ни другие не были обучены регулярному строю. Главная особенность тех и других, отличающая их от

регулярных частей войск, состояла в том, что военное занятие было не главным в их жизни, отсюда и их военный профессионализм зачастую мог уступать их профессионализму в другой сфере деятельности. Так, если представители «избранной тысячи», как, впрочем, и служащие «по отечеству», вели образ жизни привилегированного феодала-вотчинника, изредка, в торжественных случаях являясь ко двору в основном для участия в почетных ритуалах, то стрельцы по роду занятий больше сроднились с торгово-ремесленным классом, став составной частью городского посадского населения.

В службу «по прибору» в отличие от службы «по отечеству» мог поступить любой человек, не связанный кабальной зависимостью. Служба эта была не наследственной, а потому считалась менее почетной. К «приборным» служилым людям, помимо стрельцов, относились казаки, пушкари и другие работники пушечных и всех прочих оружейных дворов, а также несущие караульную службу в городах, так называемые воротники и пр. Наиболее распространенной формой их содержания были земельные пожалованья, но не индивидуальные, а коллективные, дележ которых на участки личного пользования осуществлялся самими «приборными». Предусматривалось для «приборных» хлебное и денежное жалованье.

Содержание и вооружение большого по численности войска требовали больших средств, единственной формой добычи которых оставались налоги. Для упорядочивания их взимания в первые же годы царствования Ивана Грозного заново были переписаны земли и установлена единая мера получения с земли дохода — «соха». В сельской местности под «сохой» понималась земельная единица, размеры которой зависели от качества земли. В городах «соху» составляли несколько дворов, принадлежавших представителям торгово-ремесленного класса. «Соха» облагалась определенным налогом, на нее же производился расчет различных повинностей.

Первые же проведенные молодым царем реформы высветили противоречия не только между новой командой реформаторов, окружавшей царя, и княжеско-боярской оппозицией, не хотевшей мириться с утратой многих своих привилегий, а также противостоящими реформам высшими церковными иерархами, но и противоречия внутри самой Избранной рады. Новый кабинет молодых советников царя не отличался единством по многим вопросам, и уже в первые годы своей работы он стал давать сбои. Царь вдруг стал замечать многие недостатки в деятельности своего ближайшего окружения. Так, в своем поражении на Стоглавом соборе, когда пришлось уступить церковникам в вопросе их имущественных прав, Иван Грозный имел все основания обвинить за провал своего сподвижника Сильвестра, отвечавшего на соборе за проведение идеи отчуждения от церкви земельных владений. Были у Грозного и другие как объективные, так и надуманные причины недовольства. В особенности к серьезным противоречиям царя с его ближайшим окружением, как и к противоречиям в самом окружении между отдельными его членами, привела внезапная болезнь царя, случившаяся в 1553 году. Недуг

оказался настолько тяжелым, что несколько дней царь находился при смерти, и когда на случай его кончины было велено присягать его сыну Дмитрию, часть московской знати отказалась присягать младенцу и принесла присягу двоюродному брату царя, князю Владимиру Андреевичу. Среди изменивших царю оказались и некоторые члены Избранной рады. Впрочем, правильно ли будет называть случившееся изменой?

Позже многие наши деятели исторической науки вплоть до современных назовут эту историю с присягой показателем политической позиции определенной части тогдашней московской знати. Дескать, некоторые представители высшей аристократии и не только ее, но и среднего служилого сословия, оказались противниками централизованной власти и своим отказом присягать сыну законного государя, предпочтя ему другого царственного родственника, стремились вернуть русское государство к удельным временам.

Думается, это абсолютно не верно, как не верно в данном случае называть отказ от присяги одному и присягу другому изменой.

Ведь присяга сыну-младенцу приносилась только на случай смерти царя. В этом смысле отказ от присяги Дмитрию не следует рассматривать как стремление или даже пусть просто желание лишить царского сана самого Ивана IV. Его царское достоинство никем не ставилось под сомнение. И те, которые присягнули его сыну, и те, которые отказались это сделать, предпочтя присягнуть другому, одинаково были согласны с тем, что в случае, если Бог дарует царю Ивану жизнь, он останется для них тем же помазанником Божьим, каким и был, а его сын — наследником трона. Но вот в случае его смерти и провозглашения царем малолетнего Дмитрия перед московским государством вырисовывалась мрачная перспектива повторения недавно пережитого периода с малолетним государем, регентством матери, с борьбой за власть и за влияние боярских группировок с неизбежной при этом кровавой резней вокруг трона. Со времен всех этих, мягко говоря, неурядиц не прошло еще и десятка лет, а потому эти воспоминания были еще очень свежи, и нет ничего странного в том, что многие не хотели возврата ко всем этим потрясениям, и люди присягали двоюродному брату царя как гаранту стабильности. Заметим, приверженцы Владимира Андреевича не стремились к передаче ему царского венца от живого Ивана Васильевича. И приносили присягу ему только на случай смерти царя Ивана.

Но царь выздоровел, и о его полном доверии к бывшему кружку больше не могло быть и речи. Избранная рада еще несколько лет будет продолжать свою деятельность, но закраиваясь в сознание Ивана подозрительность предопределила на будущее ее скорый конец. Разлад царя со своим недавним окружением, как и раскол самой рады, стали неизбежными. Но еще раньше в области внешней политики произошли события, которые можно назвать воистину эпохальными. К московскому государству на его восточных рубежах силой оружия были присоединены Казанское и Астраханское ханства.

Отношения Москвы с восточными соседями уходят во времена ордынского ига над Русью. Для того чтобы понять смысл этих отношений, необходимо вникнуть в суть происходивших тогда в самой Орде процессов и событий. А заключались они в том, что уже непосредственно после Батыева разгрома Руси, создания нового государственного образования — Золотой Орды и установления им над русскими землями своего гнета само новое государство вступило на путь своего распада, и процесс этот уже в первые десятилетия после завоевания Руси Батыем стал необратим. Снедаемая внутренними противоречиями и раздорами империя Чингизидов не минула в своей истории общей для всех раннефеодальных государств судьбы. Царившие в Орде неурядицы неуклонно вели ее к развалу. Уже к середине XIV столетия от Золотой Орды отделились ставшие лишь полузависимыми от нее ханства или улусы, стремившиеся к полной независимости от Сарая. Процесс этот сопровождался острым соперничеством ханов как за престол в самом Сараяе, так и за владение отдельными улусами. Типичным продуктом такого распада стало, к примеру, Казанское ханство, к концу XIV века практически вышедшее из-под власти сарайского правителя.

Другой особенностью было то, что в самих отделившихся от Ордынской империи улусах, главные из которых носили название царств, как, например царство Казанское, до середины XVI века, то есть до присоединения к Московской державе, не прекращался процесс дробления, отчего и централизованная власть там всегда была призрачной. К тому же вся эта государственная неустроенность, ввиду того, что на территориях таких улусов проживали многие народности, удачно дополнялась национальными противоречиями, а отжившие формы хозяйствования, где широко использовался труд рабов, не способствовала экономическому подъему. Одной из основных форм поддержания своего экономического и политического состояния правившие улусами ханы считали грабительские набеги на соседей, где основным объектом ордынских терзаний оставалась Русь.

Выше мы говорили, что Иван Грозный на первых шагах всех своих начинаний неизменно имел успех. Не стала исключением и его внешнеполитическая деятельность, и «прекраснейшее начало», если повторить слова историка, в первую очередь относится к покорению терзавших московские рубежи восточных соседей.

С первых лет самостоятельного правления Ивана отношения с мусульманским Востоком стали приоритетными во всей его внешней политике. Разбойничья политика ордынских ханов уже многие поколения отзывалась постоянной тревогой и напряжением на южных и восточных границах русской земли. Наиболее досаждал московским пределам Крым. Недружелюбием к Руси отличалась и ногайская орда, зависимая и номинально подчиненная астраханским ханам. Непокойно было и на казанском порубежье, но если удаленность и природная защищенность Крыма еще два столетия делали его неуязвимым, то близость и удобства сообщения с Казанским и Астраханским ханствами уже предопределили их судьбу.

Первой на очереди стала Казань.

Непостоянство казанских вельмож, частые измены, непредсказуемость политики высшего руководства, круговерть на казанском престоле, чередующиеся возвышения и падения партий и группировок вызывали резкие перемены в отношениях с Москвой. Очередное ослабление политических позиций промосковских партий неизменно сопровождалось грабежами и избиениями русских торговых людей в Казани и нападениями на восточные окраины Московского государства. Антимосковская активность возросла особенно резко, когда на казанский престол уселся ставленник Крыма, злейший противник Москвы хан Сафа-Гирей. С его воцарением участились набеги казанцев на русские области. В Москве ясно понимали, что с Казанью необходимо покончить во что бы то ни стало.

В противоборстве с Казанью успехам Москвы способствовало то обстоятельство, что многие влиятельные казанские вельможи уже давно перешли на службу к московскому государю вместе со своими подданными и земельными владениями, и этот процесс перехода продолжался вплоть до окончательного падения ханства. К началу казанской эпопеи под властью московского государя находились уже все земли по правую (горную) сторону Волги и некоторые области левой (луговой) стороны. Но жители этих присягнувших на верность Москве земель не отличались постоянством. Перемены в ханской столице немедленно отзывались на настроении населения. За предшествующие казанской войне годы, как и за несколько лет уже после падения ханства, жители даже горной стороны, более тяготевшие к Москве, а тем более луговой, неоднократно изменяли присяге, всякий раз ополчаясь на московские власти.

В апреле 1545 года юный Иван Васильевич принял, пожалуй, свое первое важное решение. На лето он назначил поход на Казань. Поход совершался тремя ратями. Первая под начальством Ивана Шереметева и Давида Палецкого отправилась Волгой на судах, другая под командованием Василия Серебряного шла из вятских мест, наконец, третья, возглавляемая воеводой Львовым, двигалась из Пермского края. Первые две встретились под стенами Казани, пожгли окрестности и, пововав многие веси, вернулись обратно. Третья была менее удачлива. Львов опоздал и появился у ханской столицы тогда, когда первые две русские рати оттуда уже ушли, а казанцы к тому времени успели собрать большое войско. Татары разбили оставшегося в одиночестве русского воеводу, причем сам Львов в бою был убит. Таким образом, общий успех от всего предприятия остался более чем сомнителен.

В зиму 1546–1547 гг. в связи с обострившимися в очередной раз отношениями и отпадением от Москвы многих до этого присягавших ей поволжских народов царь вновь послал на Казань свои войска, поставив во главе их воеводу Александра Горбатого. Тот дошел с полками до свияжского устья, что приблизительно против устья реки Казанки, в 20 верстах от ханской столицы. Затем прошелся всей горной стороной Волги, побивая на пути отряды восставшего против Москвы населения, и,

приведя к присяге так называемую горную черемису, вернулся в Москву. Письменные источники обращают внимание на то, что в этом походе русские воины не столько сражались с казанцами, сколько с выпавшими на их долю морозами и снежными вьюгами.

В следующих двух походах на Казань 1548 и 1550 годов непосредственное участие принимал и сам царь, но от этого они не стали более успешными. В первый раз войска выступили в январе, а уже в феврале, когда они шли по волжскому льду, случилась оттепель, река покрылась талой водой, в образовавшихся полыньях потонула почти вся русская артиллерия и погибло много людей. Царь вернулся в Москву, но отдельные легкие отряды дошли до ханской столицы. Там их встретил Сафа-Гирей, но, потерпев поражение, нашел спасение за казанскими стенами. Однако и русские воеводы без артиллерии и обоза не могли предпринять ничего серьезного против крепости и вернулись назад. Спустя ровно два года царь стоял уже под стенами Казани, но также без решительного успеха. Приступы к городу не удавались. Простояв одиннадцать дней и потеряв много людей, царь вновь возвращался в Москву, не стяжав победных лавров. Но при всех недостатках Ивана Васильевича нельзя не отдать ему должного: раз поставив цель, он от нее уже не отступался. Решительности и настойчивости в достижении намеченного у царя от неудач не убавлялось.

Наступил 1552 год. В Казани в очередной раз возобладало влияние крымской стороны. С престола был свергнут ставленник Москвы, хан Шиг-Алей, и возведен Едигер, из рода астраханских ханов. Постройка на правом берегу Волги, в 20 верстах от ханской столицы, русской крепости Свияжска еще более раздражила и взбудоражила антимосковскую сторону. От Москвы вновь отпала не только луговая, но и правая, горная сторона Волги. Решительное наступление на ханство откладывать было больше нельзя. Из Свияжска — последнего русского рубежа в Казанской земле — приходили дурные вести: движение против Москвы принимало всеобщий характер.

В Москве шли деятельные приготовления к последнему походу на Восток, которому было суждено поставить точку в самостоятельности Казанского ханства. В начале лета 1552 года Коломна стала местом сбора войск для предстоящего похода. Уже давно Москва не выставляла под своими знаменами такие силы. Поход на Казань должен был иметь общегосударственное значение. Командующим над всеми русскими войсками был поставлен князь Иван Федорович Мстиславский, вторым воеводой царь назначил Михаила Ивановича Воротынского. В середине июня в Коломну прибыл и царь, не оставлявший с этого момента войска до конца кампании. Роль царя в казанском походе весьма условна, и его нахождение при армии носило чисто символический характер. Не только не отличаясь полководческими дарованиями, но и не обладая элементарными воинскими задатками, царь Иван на протяжении всей войны оставался чем-то вроде знамени, морального фактора, призванного для

подъема боевого духа русского войска. Даже если не придавать значения свидетельствам Андрея Курбского, одного из главных героев казанской войны, позже из-за литовского рубежа упрекавшего царя в недостойном поведении того под стенами Казани, — свидетельствам, предвзятость которых можно объяснить личной неприязнью к царю его бывшего воеводы, получившего теперь возможность оппонировать царю из безопасного далека, простое, поверхностное знакомство с действиями русского командования под Казанью достаточно свидетельствует о том, что руководство войсками со стороны царя было лишь номинальным, а решения всех стратегических задач, как и тактическое управление боевыми операциями, осуществлялись царскими воеводами самостоятельно.

Походу царской рати тогда не помешало даже вторжение крымцев, пытавшихся внезапным ударом с юга отвести угрозу от союзной Казани. Но воеводы предвидели такую возможность. Выдвинутые к югу заслоны встретили крымское воинство в окрестностях Тулы и нанесли ему настолько серьезное поражение, что надолго отбили охоту к подобным поползновениям, чем и обеспечили себе прочный тыл на все время казанской операции.

В августе все московские полки уже стояли под Казанью. Летопись называет численность русских войск в 150 тысяч человек. Некоторые из исследователей склонны доверять этому числу, но большинство из деятелей исторической науки считает его сильно завышенным.

Осада Казани, гарнизон которой на предложение русского командования сдаться без боя ответил решительным отказом, продолжалась пять недель, в течение которых бои под стенами города не затихали ни на один день. В смысле военного искусства своей эпохи казанская эпопея представляет собой значительный интерес для истории. Она вобрала в себя как операции по разгрому полевой армии противника, так и уникальные тактические решения при осаде и штурме крепости. Через месяц осады и непрерывных, кровопролитных боев, продолжая теснее сжимать кольцо вокруг города, осаждающие придвинулись к самим стенам и башням, так что противников разделял только ров. За ним русские со своей стороны насыпали вал, с которого перестреливаться с казанскими защитниками можно было теперь в упор. Наконец, 2 октября воеводы предприняли общий штурм. Ему предшествовал взрыв 48 бочек пороха, заложенного под городские стены, от которого дрогнула земля, и страшные разрушения предрешили исход грандиозной битвы. Ринувшиеся на приступ полки довершили дело. К исходу дня ханская твердыня на Волге была полностью в русских руках.

За Казанью пришла очередь Астрахани.

Участь Астрахани, значительно дальше отстоящей от Москвы и серьезно не угрожавшей ее рубежам, была, тем не менее, решена вслед за участью Казани. Москву не могло не привлекать то обстоятельство, что в отличие от Казани Астрахань была явно слаба. Центральная власть в ней оставалась призрачной. Само ханство было раздроблено на массу

мелких улусов, правители которых постоянно враждовали друг с другом и все вместе стояли в оппозиции к считавшемуся старшим над ними астраханскому хану. Разную позицию владельцы отдельных улусов занимали и по отношению к Москве, от открытой враждебности до стремления к полному единению с ней. Надо полагать, что последнее обстоятельство стало главным побудителем к новому завоеванию.

Весной 1556 года русская рать числом в 30 тысяч человек, возглавляемая воеводой Ю. И. Пронским, отправилась частью рекой на судах, частью верхом вдоль берега к низовьям Волги. В последних числах июня передовой отряд русских во главе с воеводой Вяземским встретился с авангардом астраханского войска в районе Черного Яра и разгромил его наголову, после чего основные силы астраханцев повернули назад, к югу, а воеводы 2 июля подошли к Астрахани. Русские заняли крепость без единого выстрела. Как выяснилось позже, при виде приближающихся московских ратников гарнизон разбежался. Основные силы, которыми располагал астраханский хан Ямгурчей, отступили к самому устью Волги. Когда московские воеводы двинулись следом, хан с ближним окружением ушел морем, оставшиеся люди, которым не хватило места на судах, стали московскими пленниками. Этим эпопея завоевания Астрахани, по сути дела, завершилась, если не считать пылавшего еще более года мятежа, который стал общим с еще продолжавшимся на тот момент казанским мятежом. Наконец, 1557 год стал последним, отмеченным сопротивлением местного населения новым властям.

Все Среднее и Нижнее Поволжье теперь окончательно закреплялось за Московским государством, но легко понять, какотреагировал на это Крым. И не случайно лето 1555 года, то есть еще до завоевания Астрахани, отмечено нашествием крымского хана Девлет-Гирея на московские владения. Москва была не готова к внезапному нападению, царь сумел собрать и выслать навстречу неприятелю только 13 тысяч человек войска во главе с боярином И. В. Шереметевым. На походе разведка Шереметева выяснила, что хан направляется к Туле и что под его знаменами стоит 60 тысяч человек. Воевода дал знать о том в Москву, царь послал к нему в помощь отряды воеводы И. Ф. Мстиславского, а вслед за ним и сам выступил навстречу хану. Полагая, что московский царь не может отправиться в поход, не имея под рукой крупных сил, хан повернул обратно. Шереметев двинулся наперерез и в 150 верстах от Тулы, у местечка Судьбищи, повстречался с главными силами крымцев. Несмотря на малочисленность войска, русский воевода в надежде, что успеет прийти помощь, смело вступил в битву, держался до наступления темноты, удержал за собой поле сражения, но и татары отстояли свои позиции. Ночь остановила побоище. Наутро сражение возобновилось, сначала русские имели успех, они несколько потеснили боевые порядки противника, но после того, как Шереметев был ранен и сбит с коня, смешались и потерпели поражение. В двухдневной битве погибла добрая половина войска, другая половина сумела занять оборону в лесном овраге, защититься рогатками и отбить

все попытки приступов. На третий день, опасаясь скорого прибытия русского подкрепления во главе с самим царем, крымцы, понесшие тяжелые потери и утомленные двухдневной битвой, не стали ее возобновлять и повернули к себе в сторону Перекопа.

Не успела закончиться военная эпопея на Волге, а с ней и стихнуть страсти на юго-востоке, как грянула война на северо-западе. Год 1554 стал годом начала очередной войны со Швецией. Поводом стали территориальные претензии шведской стороны и постоянные нарушения северным соседом установленной по реке Сестре границы. Шведы вдруг заявили свои права на земли по восточному побережью Финского залива до устья Невы. Выяснение отношений вылилось во взаимные опустошительные нападения на приграничные области с обеих сторон. Но постепенно военные действия приняди более серьезный характер, наконец, шведы решились на полномасштабное вторжение на русскую территорию и осадили крепость Орешек в истоках Невы. Русские выдержали осаду и отбили все приступы, а тем временем ответили противнику подобной акцией, осадив Выборг. Обе крепости выстояли, и противникам пришлось довольствоваться разорением окрестностей. Серьезного перевеса не удалось добиться ни одной из сторон, так что в 1557 году враждующие стороны заключили в очередной раз мир на условиях сохранения старой границы.

В этой последней русско-шведской войне отчетливо обозначилась позиция Ливонии и в особенности Польши, симпатии которых явно были на стороне Швеции. И магистр Ордена, и король Польши доброжелательствовали шведам, обещая помогать им, правда, оба до конца остались безучастными зрителями, и помощь их не вышла из области обещаний. Но не могло вызывать сомнений, что при несколько ином повороте событий и при большей заинтересованности западные соседи Москвы легко войдут между собой в союз, что и получилось в скором времени в ходе Ливонской войны.

Вот так вкратце можно осветить состояние дел в Московском государстве в канун Ливонской войны. Теперь, в особенности в связи с последним положением насчет того, что западные соседи Руси были готовы к тесному союзнничеству между собой против Москвы на случай ее нападения на одного из них, необходимо рассказать и о собственно русско-ливонских отношениях тех лет. Но сначала следует рассказать о все более обнаруживавшихся переменах в образе правления русского царя, наметившемся разрыве с Избранной радой, а вместе с ним и о новом характере всей деятельности Ивана IV, приведшем, несмотря на блеск первых лет царствования, к полному упадку в его финале.

Как мы видели, поначалу своего самостоятельного правления едва вышедший из-под опеки царь Иван, окружив себя доверенными людьми, с необычайной энергией принялся за дела государственного преобразования. Под его руководством новое правительство начало претворять в жизнь хорошо продуманные планы внутреннего переустройства,

и предпринимать смелые шаги в области внешней политики. Роль царских советников во всех успехах первых лет царствования Грозного неоспорима, хотя в неформальном правительственном кабинете царя уже давно не было единства, и он разбился на отдельные, враждующие между собой кружки. Постепенно противоречия в царском окружении привели к недоверию царя ко вчерашним советникам. Болезнь Ивана и история с присягой его малолетнему наследнику стали последними факторами, внесшими окончательный разлад между царем и его командой. Здесь уместно будет назвать еще одно свойство Ивана Грозного — неспособность действовать самостоятельно, его расположенность к легкому попаданию под влияние других лиц. Но подобным натурам свойственно также и легко отворачиваться от тех же лиц при первом недовольстве ими. Непостоянство — их главная черта. Что касается успехов молодого царя и, в первую очередь, его громких побед на востоке, то нельзя не отметить, что, имея огромное положительное значение для Московского государства, они сыграли отрицательную роль в окончательном формировании личности Ивана IV. Именно эти успехи, несмотря на то, что роль царя в них весьма сомнительна, возвысили его в собственных глазах, благодаря им он уверовал в свое могущество и, одновременно, в ничтожность своего окружения. Историк С. М. Соловьев так охарактеризовал моральное значение главного успеха первых лет царствования Грозного — казанского завоевания:

«И вот благодаря великодушным усилиям молодого государя Казань взята, присоединена окончательно к Московскому государству, *завоевано Татарское царство*. Надобно перенестись в XVI век, чтобы понять всю силу впечатления, какое производили на современников эти слова: *Завоевано Татарское царство!*.. Завоевание Казанского царства было... первым завоеванием, и, что всего важнее... после многих веков страдания и унижения явился наконец царь на Руси, который возвратил ей счастливое время первых князей-завоевателей; понятно отсюда, почему Иван IV стал так высоко над своими предшественниками...»

Но высота, которую определил для себя сам Иван Грозный, была значительно больше той, на которую его вознесли не только историческая действительность, но и сознание масс русского народа. А в сознании современников любые успехи всегда ассоциируются с именем верховного правителя; для народа остаются неизвестными имена как доверенных лиц царя, решающих вместе с ним насущные государственные задачи, так и его воевод, претворяющих в жизнь военные замыслы своего повелителя. Но даже отпущенная народом мерка, вознесшая Грозного царя на недостижимую для его предков высоту, ему самому казалась недостаточной. И это еще одно, помимо неуравновешенности, свойство натуры Грозного. После своих подвигов на Востоке Иван IV, чувствуя свою силу и независимость от окружения, в котором все больше ощущает признаки опеки, начинает явно гнушаться своими вчерашними советниками. В такой ситуации отказ присягать наследнику некоторых из его ближайших

помощников только подливал масла в огонь. Добрые отношения царя с Избранной радой сходят на нет. В особенности это становится заметным в принятии решения о нападении на Ливонию.

Безусловно, главным фактором, толкавшим русского царя к принятию такого решения, была слабость Ордена. И именно эта особенность, помноженная на невыгодное в торговом отношении для Москвы положение вещей, побудила Грозного к изменению сложившегося к тому времени на западе баланса сил. Вообще говоря, изменение такого положения в целом отвечало общей политике, проводимой неформальным кабинетом царя в первые годы его царствования. Ведь прорыв торговой блокады на Балтике существенно увеличил бы приток в московскую казну финансовых средств, необходимых для осуществления в стране затеянных реформ. Поэтому еще в конце 40-х годов, как только определился круг задач нового правительства молодого царя, в Избранной раде наряду с другими поднимался вопрос о пересмотре невыгодной для Московской державы политики по отношению к Ливонскому ордену.

А характер русско-ливонских отношений к тому времени примерно складывался так...

На состоявшихся в Москве летом 1550 года русско-ливонских переговорах немецкой стороне в виде требования было предложено условие предоставления русским купцам права свободной торговли с западно-европейскими купцами без посредничества, причем торговли любыми видами товаров, в том числе и оружием, а также свободный проезд в Московское государство любых специалистов. Ливонская сторона отвергла такое условие, и очередной договор повторил собой все предыдущие, оставив Россию в положении, ущемляющем ее торговые и государственные интересы. Тогда занятая проблемами на востоке Москва отложила на неопределенное будущее разбирательство своих дел на западе. Но, однако, в преамбуле к договору московская сторона отметила свое недовольство повторением кабальных условий очередного торгового соглашения и упомянула о несправедливых действиях партнера, вызвавших гнев русского царя. Впервые в тексте договора (его преамбуле) перечислялись обиды, нанесенные русским купцам в немецкой земле: «гостей новгородских и псковских безучастья и обиды и... торговые неисправления». А также звучала претензия на отказ ливонских властей пропустить во владения московского царя разного рода специалистов: «из Литвы и из-заморья людей: служилых и всяких мастеров не пропускали». А в текст самого договора вошло обязательство ливонской стороны дать ответ по всем пунктам русских претензий. При соблюдении такого условия Москва заключила с Орденом очередное перемирие сроком на пять лет. Но на протяжении всего срока перемирия ливонская сторона не только не дала ответа, но даже не попыталась рассмотреть и обсудить выставленные русской стороной требования. Более того, через год после заключения договора Ливония демонстративно подтвердила свою позицию, согласно которой русские купцы могут совершать торговые операции только

с их купцами, а все сделки московской стороны с иностранцами могут проходить только при орденском посредничестве.

Понятно, что после столь настойчивого упорства западного соседа у русской стороны не оставалось иного способа удовлетворения своих требований, как подчинение в той или иной форме Ливонского ордена своему влиянию. Поводом к решению проблемы послужил вопрос о так называемой «дерптской дани».

Как мы уже знаем, еще в 1503 году между дедом Ивана Грозного, великим князем Иваном III и магистром Ордена Плеттенбергом был заключен договор, согласно которому Дерптское епископство обязывалось платить Московскому государству дань, но это условие не выполнялось в течение всех прошедших с той поры пятидесяти лет. Происхождение этой дани, в смысле причины, по которой Дерпт обязан был выплачивать ее Москве, во многом неясно. Известно только, что такой данью облагалось Дерптское епископство в пользу Пскова еще в 60–70 годах XV столетия, то есть задолго до вхождения Псковской республики в Московское государство. О том свидетельствует ряд договоров, заключенных между Псковом и Дерптом. А после очередной войны Москвы с Орденом, случившейся в последние годы правления Ивана III, Дерпт становится уже данником Москвы. Последняя, таким образом, выступает правопреемником всего дипломатического наследия Пскова, хотя формально Псковская республика на то время еще сохраняла номинальную самостоятельность. Зато именно с этого момента Дерпт прекращает выплату дани русской стороне, а занятому в последние годы жизни внутренними делами московскому князю не до нее. Отцу Грозного, великому князю Василию, обремененному крымскими, казанскими, и в особенности литовскими заботами, было тем более не до выяснения вопроса о дерптской дани. Пребывая чуть ли не постоянно в тяжелых войнах с князем литовским, московский правитель не позволял себе разрыв отношений с Орденом, который легко мог заручиться поддержкой враждебной Москве Литвы. То же самое продолжалось в детские и отроческие годы Ивана IV. Потом свое внимание молодой царь переключил на Восток. В результате к середине XVI столетия о дерптской дани с обеих сторон основательно забыли.

Но вот после казанских и астраханских успехов московское правительство вспомнило о Дерптской дани. Повод подали сами орденские власти. В 1554 году в Москву прибыло посольство от магистра с предложением продления срока очередного перемирия. С московской стороны послам ответили, что из-за неуплаты дани ни о каком продлении мира не может быть речи. Послы долго не соглашались, ссылаясь на то, что не слышали ни о какой дани. Со своей стороны московские дипломаты со свойственной им исторической основательностью привели летописные сведения о завоевании Ярославом Мудрым племени Чуди, в земле которого русским князем был основан город Юрьев, теперешний Дерпт, о захвате его в более поздние времена немцами, о последующем долгом споре русской

и немецкой сторон за право владения им, наконец, об уступке немцам чудских земель в обмен на выплату упомянутой дани.

Расчет русской стороны более глубок, чем это может показаться на первый взгляд. Ведь в приводимых аргументах не столько просматривается материальная сторона вопроса, ставящая Дерпт в кабальные условия, сколько то, что признание ливонской стороной права Москвы на упомянутую дань есть признание своего вассалитета по отношению к Москве. Московская сторона рассматривает дерптскую дань как плату ливонцев за право селиться на чудских землях, якобы изначально принадлежавших Руси (принадлежность некогда этих земель полудиким языческим племенам ни русской, ни немецкой сторонами со свойственным обоим цинизмом во внимание не принимается). Иными словами, за неуплату дани, как за нарушение условий аренды, русская сторона оставляет за собой право занять эти земли. Возобновление же уплаты дани, по мнению московской стороны, должно послужить гарантией добрых отношений.

Как покажут ближайшие события, меньше всего Грозному нужны были добрые отношения, и меньше всего он хотел согласия ливонской стороны на свои требования. Ведь в этом случае он терял повод к захвату Ливонии, сам он вставал перед необходимостью объяснения несправедливой захватнической войны, к которой русский царь столь упорно стремился и развязыванию которой старался придать «законный вид и толк».

Орденская сторона понимала истинную цену всех этих исторических натяжек, как понимала она и то, что русский царь стремится к полному подчинению Ливонии своему влиянию, а потому выплата дани не решит проблемы и Москва не остановит своей экспансии на запад. Тому подтверждением могут послужить слова ведавшего переговорами с русской стороны думного дьяка И. М. Висковатого, заявившего на переговорах, что если ливонцы откажутся выплачивать дань, то московский царь сам придет за нею. Такое далекое от дипломатической корректности заявление, когда от противной стороны еще не поступило отказа и вообще пока не прозвучало никакого ответа, дает слишком много оснований полагать, чего же все-таки хочет Москва.

В таких условиях ливонской стороне не оставалось ничего другого, как прибегнуть к затыжке в решении проблемы.

Наконец, сторонам удалось договориться, и в новый мирный договор включалось условие, согласно которому Дерптский епископ обязан был собрать дань со всего епископства, «со всякие головы по гривне по немецкой» и в три года выплатить русской стороне недоимку за 50 лет. Кроме того, договор предусматривал ряд льгот для русских купцов и неприкосновенность русских церквей в ливонской земле. Последнее условие было вытребовано тем обстоятельством, что православная церковь в Ливонии подвергалась нападкам и притеснениям. Особенно это стало заметным в самое последнее время в связи с переходом немцев из католицизма в протестанство. Были ливонской стороной при заключении договора допущены и иные уступки, например, русские торговые люди получали

право приобретать в Ливонии у каких угодно иностранных купцов без посредничества любые товары кроме оружия, а в Россию открывался свободный проезд мастерам любых специальностей. Особый акцент в договоре делался на то, что если его условия немецкой стороной не станут выполняться, то русский царь оставляет за собой право «за их крестное преступление искать своего дела самому». При этом на магистра Ордена и на рижского архиепископа, как на высшую орденскую власть, возлагалась обязанность следить за выполнением принятых обязательств. Стоит обратить внимание на последнее условие. Им московская сторона накладывает обязанности на высшее руководство другого государства. Царь беспокоится о том, чтобы в новом договоре были задействованы не только полномочные представители ливонских властей, но и сами власти. Этим московский самодур выдает себя с головой, он уже мнит себя хозяином соседней земли. Впоследствии такое будет за ним замечаться еще не раз, но в случае договора 1554 года мы видим это впервые.

На таких условиях ливонские послы подписали договор. Но при этом выразили опасение, что поскольку они пошли на это без ведома магистра и епископа, то последние могут не согласиться со многими его условиями. В таком случае договор не будет иметь силы. Таким образом, уже на стадии заключения договора московская дипломатия ошиблась в своих расчетах. По сути дела в договоре не только оказались незадействованными орденские власти, хоть и прозвучала ссылка на них, но даже и представители властей признавали себя неполномочными.

Конечно, основным условием, внушающим сомнение в успехе, был вопрос о дани. Ведь ее выплата или невыплата всегда остается непреложным фактом. Что же касается русской церкви на ливонских землях и притеснения в Ливонии православия, то здесь любая сторона всегда могла найти для себя отговорку. К этому времени в практике многих государств давно стало за обычай легко давать любые клятвенные заверения не притеснять другую религию, а затем также легко осуществлять гонения на иноверных. Что касается состояния православия в Ливонии, то сам ливонский летописец свидетельствует о том, что в Риге, Дерпте и в Ревеле, не говоря уже о многих мелких городках, протестантские фанатики разграбили многие русские церкви.

Комментируя русско-ливонский договор 1554 года, историк Флоря отметил: «Заключение договора дало в руки русских политиков сильное средство давления на Ливонию. Появилось и законное основание для войны, если бы русское правительство решилось такую войну вести. Однако это не означает, что уже в 1554 году было принято принципиальное решение о войне с Ливонией. Многое зависело от того, как ливонская сторона будет выполнять условия соглашения».

Конечно, ничего нельзя утверждать с абсолютной уверенностью, как нельзя с уверенностью согласиться с последним доводом историка. Разбирая дела ливонского посольства 1554 года, принимая во внимание приводимые выше заявления московских дипломатов, да и сам текст

заклученного тогда договора, выдержки из которого мы цитировали, трудно отрешиться от мысли, что развязывание в недалеком будущем войны против западного соседа — дело решенное. Возьмем к примеру еще один довод. По поводу разграбления в Ливонии русских церквей и гонения на православное духовенство московский царь еще ранее, до заключения договора, обратился к орденским властям с таким письмом:

«Необузданные ливонцы, противящиеся Богу и законному правительству! Вы переменяли веру, свергли иго императора и папы римского; если они могут сносить от вас презрение и спокойно видеть храмы свои разграбленными, то я не могу и не хочу сносить обиду, нанесенную мне и моему Богу. Бог посылает во мне вам мстителя, долженствующего привести вас в послушание».

Такое послание русского царя правительству иностранной державы не укладывается в категорию дипломатической переписки. Здесь нет даже тени попытки урегулировать конфликт мирным путем. По сути дела это прямой вызов: Иван IV бряцает оружием и открыто грозит соседу войной. Интересно, что переговоры с ливонской стороной на тот момент еще не закончились, орденские послы соглашались со всеми условиями русской стороны, сомнения в том, что договор будет ратифицирован, конечно, оставались, но формально отказ еще не прозвучал. Тем не менее московский правитель уже сейчас разговаривает с властями Ордена на таком языке, к которому обычно прибегают лишь тогда, когда все дипломатические средства урегулирования спорных проблем исчерпаны. Этим посланием русский царь снова очередной раз выдает себя: он уже встал на путь войны и для себя решение развязать войну против западного соседа уже принял. Дерптская дань и нападки на православную церковь — только придирки. Не будь их, русский царь нашел бы другие поводы к недовольству. Переговоры с ливонской стороной еще будут продолжаться, состоится еще и обмен посольскими визитами. Больше того, Грозный будет еще разыгрывать комедию фарса внутри своего двора, советуясь не только с Избранной радой, но и с Боярской думой насчет целесообразности открытия военных действий против Ливонии, в то время как сам он, похоже, все давно для себя решил.

Но царь понимал, что дипломатическая сторона решения проблемы должна быть хотя бы формально доведена до конца, а потому для скрепления договора он отправил в Ливонию ответное посольство во главе с думным дьяком Терпигоревым. Посольство прибыло в Дерпт, где оно должно было получить ответ на главное требование русской стороны, требование дани, поскольку дань возлагалась не на весь Орден, а только на Дерптское епископство.

Епископ долго не хотел давать ответа. Кабальные условия договора его не устраивали, но, с другой стороны, ему также не улыбалась перспектива войны с русским царем и, как следствие ее, опустошение своей земли. Попытка выиграть время тоже ни к чему не привела, Терпигорев заявил, что не намерен ждать долго. Наконец орденская сторона пошла

на последнюю уловку. Совет епископства объявил московскому посланнику, что не может решить этой проблемы без санкции на то императора Священной Римской империи как верховного правителя Ливонии. Тем временем орденские власти действительно послали к императору просьбу о содействии, чтобы тот походатайствовал перед московским царем и добился бы отмены дани. Но на такие поползновения немецкой стороны Терпигорев ответил: «Какое дело моему государю до цесаря? Дайте мне только грамоту, а не принесете государю дани, так он ее возьмет».

Тут мы видим, что заявление русского посла звучит в унисон с выше приводимым посланием царя к орденским властям. На межгосударственном уровне дипломаты так не разговаривают. А это значит, что полномочный царя не просто солидарен со своим государем, но он в курсе всех его еще не объявленных решений насчет Ливонии. Заметим, все это происходит в 1554 году, то есть до войны еще остается три с половиной года, а настроение в Москве такое, после которого война делается неизбежной. Ясно, что военная машина Москвы, причем машина наступательная, запущена в ход и остановить ее уже нельзя.

Еще больше несогласий вызывает мнение нашего историка насчет реакции на московские инициативы противной стороны. Об этом Флора пишет так:

«Многое зависело от того, как ливонская сторона будет выполнять условия соглашения.

Политика ливонских властей в этом вопросе оказалась крайне непродуманной. Не принимая каких-либо серьезных мер на случай войны с Россией, они одновременно уклонялись от выполнения тех условий соглашения, которые считали для себя невыгодными. Никаких перемен к лучшему в условиях торговли русских купцов в Ливонии не произошло. Ливонские власти стремились уклониться и от выплаты дани.

Когда в начале 1557 года в Москву в соответствии с договоренностью прибыло новое ливонское посольство, то выяснилось, что послы не только не привезли дани, но и добивались, чтобы русское правительство перестало требовать ее уплаты. Царь отказался принять послов и «отпустил их бездельно с Москвы». Становилось все более очевидным, что без военного давления на Орден, без его подчинения русскому влиянию добиться выполнения заключенных соглашений не удастся».

Думается, дело тут не в непродуманности политики ливонских властей, как о том утверждает ученый, и объясняется оно иными соображениями.

Надо полагать, орденские власти давно поняли истинное стремление Москвы, а потому на немецкой стороне ясно осознавали неизбежность войны. Орден только стремился по возможности ее отсрочить. После угрозы Терпигорева епископ дал обязательство выплатить все недоимки в три года. Ровно через три года, когда в Москву прибыли новые послы от Ордена, то денег при них действительно не оказалось, а вместо

этого посольство в самом деле привезло просьбу о сложении дани. Это значит, что немцы даже не попытались собрать хоть какую-нибудь часть долга и тем самым добиться отсрочки следующей уплаты. Этого нельзя объяснить непродуманностью политики, это объясняется только одним — пониманием бессмысленности сбора дани, или еще каких-то шагов по умиротворению потенциального агрессора. И не сделали немцы этого только потому, как сознавали, что война все равно будет, и нет смысла платить дань своему противнику, который уже открыто встал на путь прямой конфронтации. В этом случае деньги будут выброшены без всякого смысла.

И действительно, в тот раз Иван Васильевич даже не принял посольство. А встретивший послов ближний советник царя Алексей Адашев прямо заявил им, что поскольку власти Ордена не выполняют договорных обязательств, то его государь будет сам взимать дань с магистра и со всей Ливонской земли. По сути дела это стало объявлением войны.

Последующие шаги Ивана IV показали, что заявление Адашева — не пустая декларация. Не успело посольство отбыть, как московский царь повелел строить в устье Наровы рядом с Ивангородом корабельную пристань, при этом ивангородским, а также новгородским и псковским торговым людям строжайше запрещалось возить товары в немецкую землю. Немецким купцам, напротив, не возбранялось торговать в русских владениях. Наконец, в ноябре 1557 года сорокатысячная русская рать выступила к старому псковско-ливонскому рубежу. Реакция орденских властей была мгновенной. Войска еще не дошли до границы, как в декабре в Москву от магистра прибыло еще одно посольство. На этот раз удалось договориться на всех устраивающих русскую сторону условиях, но что в том толку, если денег при послах снова не оказалось. В Москве прекрасно понимали, что орденская сторона просто пытается протянуть время, и тогда раздраженный царь велел своим воеводам двигаться в Ливонию не останавливаясь, а немецким дипломатам пожелал счастливой обратной дороги. Послы попытались было занять денег в Москве под векселя у знакомых русских купцов, обычно возивших товары в Ливонию, но Грозный под угрозой смертной казни запретил купцам идти на какие бы то ни было сделки с ливонцами. Последнее, что предприняли послы перед своим отбытием, так это предложили себя в заложники до тех пор, пока деньги не придут из Ливонии, но русский царь не согласился и на это. Совершенно очевидно, что ему не нужны были ливонские деньги, ему была нужна Ливония.

О том, что в Ливонии прекрасно понимали неизбежность большой войны с восточным соседом, помимо нежелания попытаться собрать хоть какие-нибудь деньги, дававшие возможность отсрочить начало боевых действий, говорит еще один факт. В сентябре 1557 года Орден заключил военный союз против Москвы со старым ее соперником — Литвой. Этот союз явился явным нарушением принятого ранее московско-ливонского соглашения, согласно которому Орден обязывался не вступать ни в какие

антимосковские коалиции. Заключение орденскими властями такого союза давало русской стороне лишний повод к давлению на Ливонию, вызывало дополнительную военную активность Москвы. Несмотря на то что ливонские власти не могли не предвидеть этого, они, тем не менее, сознательно пошли на этот шаг, который только ускорял военную развязку. Это лишний раз подтверждает то положение, что Орден с самого начала не видел иной перспективы, как во всеоружии встречать московское нашествие. А потому все оттяжки и проволочки времени власти Ордена использовали вовсе не для сбора требуемых Москвой денег, что одинаково не остановило бы экспансии с востока, а на сколачивание антимосковского союза. Ввиду неизбежности войны с Москвой орденские правители не опасались лишний раз раздражить ее нарушением прошлых договоренностей. Что из того, что одним поводом для войны у Москвы будет больше. Зато союз с Литвой давал Ордену если и не гарантию защиты, то, во всяком случае, шанс на более приемлемые условия развязки конфликта.

Привлечь Литву на свою сторону Ордену было не столь сложно. Литовскую сторону не могла не раздражать активизация московской политики в Прибалтике. Кроме того, у Литвы накопилось и множество других причин, чтобы вмешаться в любой конфликт, так или иначе затрагивающий Ливонию. И главная из них та, что Литовское государство несло такие же убытки от торгового посредничества Ливонии, что и Москва. Торгово-экономическая блокада Литвы была даже более ущербной, чем подобная блокада Москвы, ведь Литва была вовлечена в систему европейских связей гораздо больше, чем Россия. И также как на московской стороне все стремления литовской дипломатии прорвать блокаду и добиться более выгодного для себя экономического положения оставались тщетными. Теперь московско-ливонский конфликт, приведший стороны на грань войны, и обращение ливонских властей к Великому князю Литовскому за военным союзом давали последнему хорошие возможности извлечь для себя максимум пользы. Во всяком случае, лучшей перспективы избавиться в дальнейшем от ливонского посредничества и получить все выгоды прямого торгового сношения с Западом для Литвы на тот момент не просматривалось. Оставалось только не допустить русского присутствия в Прибалтике, для чего осенью 1557 года между двумя западными соседями Руси и был заключен военный союз. Заключая его, Орден принял на себя обязательство не пропускать в Московское государство товары, способствующие усилению их получателя, а также задерживать всех стремившихся в Россию специалистов, прежде всего военной области. Комментируя факт заключения литовско-ливонского союза, тот же Флоря замечает:

«С заключением этого договора у русских политиков появилось новое веское основание для войны с Ливонским орденом: все русско-ливонские договоры XVI века содержали обязательство Ордена не заключать союзов с Великим княжеством Литовским, направленных против России,

а обязательство не пропускать в Россию товары и специалистов находилось в прямом противоречии с нормами русско-ливонского договора 1554 года. Однако главное значение происшедших событий заключалось не в этом. Они показали военное бессилие Ордена и реальность перспективы его подчинения влиянию Великого княжества Литовского. В этом случае пути, ведущие из России на Запад, оказались бы под контролем главного политического противника Русского государства.

Все это заставляло русские политические круги поторопиться с попыткой собственного решения ливонской проблемы».

Здесь может встать вопрос: почему же от первого своего проявления воинственности во время посольства 1554 года до фактического начала военных действий московский царь тянул почти четыре года? Если он так жаждал войны и решил на нее давно, что нельзя не видеть из всех заявлений его дипломатов и его собственного приводимого выше письма насчет притеснения русской церкви, то зачем ему понадобились эти годы? Ведь они давали возможность ливонской стороне, которой были ясны намерения Москвы, лучше подготовиться к отпору.

Причин, объясняющих такое поведение царя, можно назвать две.

Согласно первой из них, можно допустить, что, будучи неискушенным в политике и не понимая всех ее тонкостей, Грозный мог по наивности надеяться убить двух зайцев: сначала получить с соседей недоимку за пятьдесят лет, а затем, завоевав их, добрать все остальное. Если принять во внимание высокомерное, пренебрежительное отношение царя Ивана ко всем без исключения, как союзникам, так и недругам, и учитывая сформировавшуюся в нем к тому времени абсолютную и глубокую уверенность в том, что он умнее и дальновиднее всех на свете, то сделанное допущение не покажется абсурдным.

Но для нас куда важнее вторая причина, объясняющая проволочку царем развязывания войны.

К тому времени московский самодержец полностью определился с формой отношений с соседями, и такой формой для Ивана Васильевича стала война. Азарт захвата уже полностью обуял его. Но оставался открытым вопрос: с кого начинать? Ливония была не единственным объектом, привлекавшим внимание владельца кремлевского трона, были и другие, манившие к себе не меньшим соблазном. И вот время, начиная с первого ливонского посольства и до нападения на Ливонию, то есть годы с 1554 по 1557 включительно, а в особенности последние из них полтора года, то есть время, наступившее после астраханского завоевания, кроме надежды на Дерптскую дань, прошли для русского царя в выборе жертвы для очередной агрессии. И этот выбор обнаружил громадную разницу взглядов Грозного от взглядов ближайшего окружения относительно объекта очередного завоевания и, как следствие, еще больше обострил противоречия между царем и его командой.

Глава 3

Перед выбором

В русской истории можно назвать немало ключевых моментов, когда наше государство стояло перед выбором пути для решения очередной насущной задачи. Но, пожалуй, не один такой момент не вызвал впоследствии столь полярных мнений насчет правильности или, напротив, ошибочности выбранного пути, как отдача московским правительством в середине XVI столетия предпочтения западной ориентации в своей внешней политике с прямой агрессией против Ливонского Ордена перед Крымской альтернативой.

Нет смысла перечислять сейчас все «за» и «против», приводимые историками вот уже многих поколений относительно каждого из двух возможных направлений тогдашней внешнеполитической деятельности Московского государства. Но нельзя не сказать, что при всей разнополярности взглядов, большинство деятелей исторической науки высказывается за правильность сделанного тогда русским царем выбора, правильность, подтверждаемую ими, казалось бы, весомой и неопровержимой аргументацией. Как нет смысла упоминать и о том, что на противоположной по убеждениям стороне остался стоять один из самых выдающихся русских ученых-историков Н. И. Костомаров. А достаточно будет отметить лишь то, что в выбранном направлении Москва потерпела полное фиаско, а, следовательно, несостоятельность всех аргументов в пользу ливонского наступления оказалась доказанной на практике самой жизнью.

К спорности вопроса о правильности выбора ориентиров во внешнеполитической деятельности царя Ивана IV после его триумфа на Востоке мы будем чуть позже вынуждены вернуться, а сейчас не можем обойти стороной вопрос об этой деятельности безотносительно какого бы то ни было строгого направления, если в понятие направления вносить чисто географический смысл.

Надо сказать, для успешного проведения внешней политики в любом ее направлении Иван IV получил хорошее наследство. Его предшественники на Московском великокняжеском столе оставили ему крепкое государство. В продолжении двухсот лет Калитинская династия по крупицам из небытия создавала Московскую державу и к началу царствования Ивана Грозного возвела ее величественное здание. Фактически еще при деде Грозного, великом князе Иване III, процесс собирания и объединения русских земель можно было считать в основном законченным. Именно при нем на политической карте Европы на месте мелких, еще несколько десятков лет назад снедаемых бесконечными распрями, не связанных

меж собой политически и слабых в военном отношении княжеств, вдруг появляется мощное централизованное государство с самодержавной властью, в самом удаленном уголке которого не остается места для удельно-родовых устремлений, государство, прочными нитями связавшее все свои земли и города, главные из которых теперь обнесены каменными стенами, и располагающее огромной армией, вооруженной лучшими на то время образцами огнестрельного оружия. Знакомя нас с дедом Ивана Грозного, известный русский историк С. М. Соловьев говорит: «Счастливый потомок целого ряда умных, трудолюбивых, бережливых предков, Иван III вступил на московский престол, когда дело собирания Северо-Восточной Руси могло посчитаться уже оконченным...».

И вот, несмотря на то, что собирание Руси, по мысли известного ученого, могло считаться оконченным, дед Грозного за время своего великого княжения, как нам уже известно, присоединил к своей державе Новгородские области, по размерам и богатству не уступающие самому Московскому государству, каким оно было до присоединения Новгорода. Кроме того, он окончательно подчинил власти Москвы Тверское княжество, Ярославль и Ростов Великий. Это то, что касается собственно великорусских областей, ранее, до вокняжения Ивана III, стоявших в удельной независимости от Москвы. А помимо этого, при деде Грозного в результате удачных войн на западе и гибкой дипломатии великого князя в Московское государство отошли русские земли Северской Украины на юге и Вязьма и Верея с уездами на западе, до этого принадлежавшие Литве. На востоке были полностью подчинены Московской державе Пермский и Вятский края и включена в сферу московской политики Казань. В результате наступления на запад Московская Русь расширила выход к Балтийскому морю, основав на его побережье, в устье реки Наровы, город-крепость Ивангород.

Таким образом, отец Грозного получил в наследство крупнейшую и обустроенную державу. В свою очередь, отдавая приоритет западному направлению своей внешней политики, он окончательно присоединил Псков с уделом, фактически зависимый от Москвы еще со времен Ивана III. А далее, продолжая успешные войны против Литвы, отвоевал у западного соседа Смоленск, на протяжении последних ста лет до этого находившийся во владениях великого князя литовского. Наступления на восток при великом князе Василии особенно не заметно, но нападения Орды здесь отбивались успешно.

Среди этого, как мы сказали, богатого наследства было одно слабое звено, одна застарелая, незаживающая рана на теле в целом крепкого государственного организма. Эта рана — уязвимость со стороны степей, населенных воинственными и хищными соседями. Формальное свержение ига, случившееся в годы княжения деда Грозного, не решило проблемы уязвимости степной границы, поскольку не само иго было источником постоянных терзаний Ордой русской земли. А потому восточная направленность внешнеполитической деятельности московских

государей оставалась приоритетной как для предшественников Грозного, так и для него самого.

Царь Иван IV стал продолжателем традиционной для русских государей борьбы с Ордой и продолжателем, как представляется на первый взгляд, весьма удачливым. Покорение Казани и Астрахани стали эпохальными событиями нашей истории. Эти победы имели для будущего России колоссальное значение, они привели к окончательному упразднению двух хищных разбойничьих гнезд — Казанского и Астраханского ханств. Но объективности и справедливости ради нельзя не отметить, что необходимость этого московские правители осознали задолго до Ивана Грозного и не только осознали, но и предприняли немало шагов к ликвидации этих очагов агрессии. На счет преемственности в продолжении восточной политики историк Р. Ю Виппер в свое время подметил: «Все мастерство, все величие Ивана III как организатора Московской державы выступает ярко после его смерти, когда при незначительном его преемнике, во время малолетства его внука, правительственная школа, созданная им, действует как бы сама собою, силою заложенного в ней разума, не имея призванных вождей и руководителей».

Но дело не столько в том, что дед и отец Грозного немало преуспели в этом начинании, так что царю Ивану оставалось лишь довести начатое его предками дело до логического конца, сколько в том, что формы внешней политики Грозного, ее приемы разительно отличались от его предшественников. Ведь ко всем без исключения внешнеполитическим событиям эпохи деда и отца Грозного нельзя применить такие расхожие термины, как агрессия или захват. Зато их смело можно применять к внешнеполитической деятельности самого Грозного. Процесс возведения величественного здания Московской державы до царя Ивана IV хоть порой и сопровождался военными столкновениями, но по сути своей сводился к объединению русских удельных княжеств, имевших этнические границы, не выходявшие за пределы расселения восточнославянских и близких им и достаточно ассимилированных с ними финно-угорских племен. Наступательная политика Ивана III, а позже и его сына Василия, на соседнюю Литву, имела целью отторжение от нее ранее попавших под власть литовских князей тех же русских земель, бывшего наследия Древней Руси, на которое хозяева московского великокняжеского дома считали себя располагающими неоспоримыми правами. И надо признать, что для средневекового уровня сознания такие претензии московских правителей были не лишены оснований. Как не лишены оснований были претензии Москвы на Пермь, Вятку или Прибалтийские земли от невского устья до устья Наровы, а заодно и всех земель по левому берегу Невы и Приладожью. Особенно эти претензии приобрели силу после вхождения в Московское государство Новгородских владений. Как известно, история русской колонизации бассейна Невы и южного побережья Финского залива, а также Пермского и Вятского краев, проводимой преимущественно новгородцами, уходит в глубину веков. И во всех названных колонизируемых землях выходцы с берегов Волхова могли считать

себя такими же хозяевами, как и проживавшее там коренное население, редкое и не поднявшееся к рассматриваемой эпохе выше раннефеодального уровня. Так что и тут внешняя политика Москвы не может быть с полным основанием отнесена к категории наступательной.

Что же касается борьбы с Ордой, то она вплоть до эпохи Грозного также не изменила своему сугубо оборонительному характеру. Нет, московское правительство не только отражало ордынские нашествия и набеги на русские земли, но и с целью пресечения таковых на будущее предпринимало походы, причем порой крупномасштабные, вглубь ордынских владений, походы, иногда заканчивавшиеся взятием на щит столицы враждебного ханства. Но такие победы во времена княжений предков Грозного никогда не заканчивались присоединением побежденных земель к Московской державе и всегда ограничивались заключением соответствующих договоров. Надо признать, что такая политика не решала общей проблемы в глобальном смысле, но на какое-то время гарантировала спокойствие на степном порубежье, а, будучи помноженной на дипломатические усилия, способствовала постепенному попаданию побежденного в сферу московских интересов. Но даже такая политика отдавалась сильным раздражением в мусульманском мире, настраивая его враждебно к Москве, и здесь в качестве примера лучше всего привести историю московско-казанских отношений.

Подчинение Москве Казанского ханства, ставшего типичным продуктом развала ордынской империи, началось еще при деде Грозного, великом князе Иване III.

В предыдущей главе мы говорили, что настроение в Казани часто и резко менялось, расположенность к Москве была видимой, и источнику очередной антимосковской вспышки возникнуть там было очень легко. И неизменно всякая такая вспышка сопровождалась набегом на восточные московские окраины со всеми последствиями. В Москве хорошо понимали, что нормализация положения зависит от полного взятия строптивного и агрессивного соседа в сферу своей политики. И как выразился историк Н. И. Костомаров, «того требовала не алчность к завоеваниям, а потребность самосохранения; это было неизбежное условие благосостояния. Ввести у татар иной образ жизни, сделать их спокойными соседями — невозможно было иначе, как подчинив их: в принципе монголо-татарских царств быть самостоятельными значило то же, что нападать, грабить и разорять соседей». Но во все предыдущие до княжения деда Грозного времена сил и средств у Москвы для активного противостояния Казани не хватало. Да и с дипломатической точки зрения этот шаг был не совсем выгоден: не то что прямой захват Казани, а даже пусть только косвенное, условное подчинение ее политики интересам Москвы мог вызвать негативный для последней резонанс во всем мусульманском мире и серьезную ответную военную акцию, что и последовало в дальнейшем на деле.

Наконец, при Иване III Москва окрепла настолько, а ее зависимость от Сарая сделалась в буквальном смысле прозрачной, что при очередной

вспышке в Казани антимосковских настроений, имевшей следствием нападение казанцев на юго-восточные окраины Московского государства, великий князь в 1469 году организует большой поход на восточного соседа. Кампания завершается осадой Казани, не выдержав тяжести которой хан Ибрагим соглашается на все условия мира и клянется более не тревожить русские пределы. Ханским клятвам в Москве давно никто не верит, но, несмотря на то, что изнывающая под осадой Казань готова пасть, русская сторона прекращает военные действия. Отношения с сарайским ханом Ахматом у великого князя настолько натянуты, что он не хочет раздражать того еще и прямым захватом Казани.

Только через 18 лет московский князь предпринимает второй в своей жизни поход на Казань. Но к этому времени Иван III уже не правитель княжества, пусть даже самого крупного из всех удельных. Теперь он зовется Государем Всея Руси. К этому времени на русской земле больше не осталось уделов, а что самое главное, сброшено ордынское владычество. Теперь Москва выступает как самостоятельное, независимое от ханской воли государство, выступает против одного из самых могущественных осколков Золотой Орды. Интересно, что на этот раз великий московский князь уже не стал ждать нападения казанцев на свои пределы, ему больше не нужен прецедент. Он даже не ищет никакого повода к большой войне, а просто бесцеремонно вмешивается в рядовой заурядный конфликт между претендентами на казанский престол, давая понять тамошним людям, что решать, кому быть на вершине власти в их ханстве, есть прерогатива московского князя. Тогда огромная русская рать плотным кольцом окружила казанскую крепость и держала ее в полной блокаде два месяца, пока гарнизон не сложил оружие и не открыл ворота города. Русские воеводы торжественно вступили в поверженную столицу и посадили на престол ставленника московского князя.

И вот именно с этого момента наступают времена враждебности к Москве крымских правителей, с которыми до сих пор удавалось поддерживать дружеские и даже союзнические отношения. Единоверный и единоплеменный Казани Крым не мог оставаться равнодушным к потере своего влияния на Волге. Антагонизм московско-крымских отношений не изменит теперь себе почти три столетия и будет держать напряжение на русской степной границе вплоть до полной аннексии ханства.

Так что, как видим, могучее и богатое наследство, полученное Иваном IV от своих предков, было не лишено изъянов. И отрезанность от морей, как причина отставания Руси от Западной Европы, отставания в чисто прагматическом понимании этого слова, оставалась не единственным условием, тормозящим развитие России. Другой, не менее важной причиной, была открытость восточных и в особенности южных границ и, следовательно, незащищенность со стороны воинственных хищных соседей. Именно эта причина, возникшая задолго до установления азиатского ига, не исчезнувшая и долго еще продолжавшаяся после его формального свержения, на века предопределила характер развития

русского народа. И как высказался по этому поводу уже упоминаемый нами историк Костомаров, «борьба Руси с татарщиною была борьба на жизнь и на смерть. Освободиться от ига, тяготевшего над Русью два века слишком, и тем ограничиться — было невозможно. История это доказала. Переставши составлять могучую азиатскую державу, монголо-татарщина, разбившись на части, не могла уже владеть Русью; зато этой Руси не давали жить на свете разные Орды, из которых главнейшие носили название царств. Если не мытьем, так катаньем — говорит известная русская поговорка. Казанцы и крымцы, не в силах уже будучи заставить, как делали предки их в Золотой Орде, приезжать русских государей к себе с данью, то и делали что грабили, разоряли русские жилища, русские поля, убивали, уводили в неволю десятки тысяч русского народа, заставляли откупаться от себя, что в сущности было продолжением платежа дани, не давали русским продвинуться в плодороднейшие пространства, ни улучшать свой быт. По их милости русский народ продолжал быть самым несчастным, нищим народом; вся его история наполнена однообразными, неисчислимыми и в свое время страшными разорениями».

Так вот, оттеняя эпоху Грозного, при всей ее преемственности от предыдущих эпох, следует указать на то, что Грозный в деле решения ордынского вопроса полностью изменил политической стратегии своих предшественников. То, что лучшая форма защиты — это нападение, — давно и хорошо известно. И великие московские князья давно освоили дорогу в ордынские владения и даже, как мы знаем, брали на щит их главный город. Но никогда при этом московское правительство, даже при полном превосходстве над Ордой, как это было во второй казанской кампании времен Ивана III после его триумфа на Угре и полного освобождения от ига, не ставило вопроса о присоединении Казани или каких-либо иных ордынских владений к Московскому государству. Наступательная стратегия Москвы ограничивалась чисто военным ее пониманием, то есть служила той же защите своей земли, не переходя в область захвата чужой территории.

Царь Иван IV стал первым из русских правителей, кто решительно изменил этим принципам. В нашей исторической литературе можно много что встретить о времени и характере правления первого по официальному титулу русского царя, познакомиться со многими аспектами его внутренней и внешней политики и вообще с особенностями его жизни и деятельности. Но при этом нигде не встретим упоминания об одной специфической особенности его правления, особенности, передавшейся всем его преемникам на вершине российской власти, в части проведения ими своей внешней политики. А к политике этой со времен Грозного, с его легкой руки, станут теперь применимы такие термины, как агрессия, военная интервенция.

При самом тщательном знакомстве с прошлым нашего отечества в длинной череде больших и малых войн, сопровождавших всю историю Руси, мы не найдем до начала эпохи Ивана Грозного войны, носившей бы

с русской стороны несправедливый, захватнический характер. Зато начиная с эпохи Грозного справедливые оборонительные войны Руси начинают густо перемежаться с захватническими, имеющими целью отторжение чужих территорий и даже аннексию соседних государств. Покорение Казани в 1552 году и включение ханства в состав Московской державы открывает эту позорную серию, именно с него во внешней политике России начинает просматриваться имперский характер, имеющий много общего с характером колониального разбоя.

Но, как мы отмечали, даже призрачная зависимость от Москвы, установленная в результате второго похода москвичей на Казань во времена великого княжения деда Грозного, послужила началом ухудшения отношений с самым сильным из всех осколков бывшей империи Чингизидов — Крымским ханством. Дело в том, что все, касающееся восточной политики, было нераздельно завязано в один тугой узел, и успех Москвы в борьбе против одного из улусов неизбежно вызывал напряженность в отношениях с другими. А потому отношения с Крымом ни в коем случае нельзя отделять от отношений с Казанью или с Астраханью, ибо все связи Москвы с мусульманским миром оказались тогда туго переплетенными. Поэтому после попадания Казани в сферу московской политики, случившегося в последние годы княжения деда Грозного, отношения между Москвой и Бахчисараем стали ухудшаться. Тогда излишним будет упоминать о том, насколько эти отношения пришли к полной конфронтации после прямого захвата русским царем Иваном IV сначала Казанского ханства, а вскоре и Астраханского с полной аннексией обоих и включения их владений в состав Московского государства.

Вот так вкратце можно обрисовать то, что касается московско-ордынских отношений. Выше мы сказали, что Грозный во всем относящемся к ордынскому вопросу изменил прежней политике, и сказали так единственно потому, что речь тогда шла об отношениях именно с ордой. Правильнее было бы сказать, что царь Иван изменил политике прежних московских государей во всей своей внешнеполитической деятельности, относительно любого соседства. Во всю мощь это проявилось в главном внешнеполитическом событии его царствования — Ливонской войне. И если захват Казанского и Астраханского ханств еще как-то может быть если и не оправдан, то, по крайней мере, объясним необходимостью собственной защиты и безопасности, то прямая вероломная агрессия на прибалтийские земли и стремление присоединить к своей державе владения Ливонского Ордена не имеет и тени справедливого начала и может целиком быть отнесено к категории сугубо захватнических войн.

После своего триумфа на востоке, выразившемся в окончательном покорении Казани и Астрахани, перед Грозным встали очередные насущные задачи. Относительно их историк Г. В. Вернадский в свое время сказал: «В 1550-х гг. московское правительство стояло перед лицом двух главных внешнеполитических проблем: татарской — на юге и ливонской — на северо-западе. Обе были связаны с третьей вечной проблемой московской политики — отношениями Москвы с Польшей и Литвой».

Как мы уже отмечали, приоритетность восточного направления во внешнеполитической деятельности московских государей определилась предками Ивана задолго до него, и в вопросах покорения восточного соседа он не был пионером. Но именно ему принадлежит авторство полного покорения Казанского ханства и присоединения его к России, а затем и победы в астраханской кампании с тем же итоговим результатом. Обе победы, казалось бы, впечатляющие, и если не проанализировать сложившуюся на тот момент ситуацию и не попытаться спрогнозировать внешнеполитическую обстановку России на ближайшее будущее, то дальнейшие шаги Грозного могут показаться вполне логичными, во всяком случае не противоречащими здравому смыслу. Он нападает на Ливонию и развязывает тяжелейшую для России и самую продолжительную в ее истории войну. И вот это решение Грозного и этот его шаг станет впоследствии предметом самых острых дискуссий в среде ученых историков, дискуссий, не утихающих до наших дней. А спорность вопроса заключена будет только в одном — в направлении, то есть в выборе для войны противника, сама же война, как таковая, признается неизбежной и необходимой. Знакомясь с трудами многих историков разных поколений, мы не найдем в них даже тени сомнения в необходимости для России на тот момент войны. Оспаривается только выбор соперника, а отсюда, соответственно, и театра военных действий. Как альтернатива наступлению на Ливонию приводиться только одна цель — Крым.

История не любит сослагательного наклонения, а потому бессмысленно сейчас гадать о том, что случилось бы с Россией, если Грозный выбрал бы иной объект для удовлетворения своей страсти к завоеваниям. Но все же давайте хотя бы поверхностно проанализируем возможные варианты, а попутно рассмотрим приводимые известными исследователями некоторые «за» и «против». Начнем с рассмотрения ситуации в плане безопасности собственной земли.

Итак, Казанская и Астраханская победы поставили точку на успехах Москвы на Востоке. Но этими победами проблема не исчерпывалась. Оставалась главная заноза — Крымской ханство.

Во многом благодаря именно Казанскому и Астраханскому завоеваниям никакой надежды на хотя бы относительно мирные отношения с Крымскими Гиреями не оставалось. Разбойничья политика крымских ханов отзывалась постоянной тревогой на южной степной границе России. Политика умиротворения Гиреев никогда не приносила сколько-нибудь ощутимых положительных результатов, но все же явное задиранье крымских правителей излишне раздражало их и неизбежно приводило к еще большей конфронтации. Так вот, казанская победа, а еще через некоторое время после нее столь же успешная кампания в низовьях Волги и завоевание Астрахани до крайности обострили отношения Москвы с мусульманским миром. Недовольство успехами Москвы достигло даже Стамбула. Окончательно утратив свои позиции в Поволжье, Крымское ханство, подстрекаемое турецким султаном, резко

активизировало наступательную политику против России. И ранее неспокойные южные рубежи Русского государства теперь на долгие годы становятся центром средоточия оборонительных усилий московского правительства. Почти ежегодно крупные и мелкие нападения из степи станут тревожить южную окраину московских владений. Здесь теперь не будет ни объявленной войны, ни мира, ни даже перемирия, а потому никогда не будет и покоя. Навязываемая крымцами тактика внезапных набегов будет держать южные рубежи России в постоянном напряжении и тревоге, как много лет до этого в таком же напряжении и в такой же тревоге постоянно держались восточные и юго-восточные рубежи, граничившие с казанскими и астраханскими владениями.

Задача обороны осложнялась абсолютной открытостью границ, отсутствием естественных оборонительных рубежей и малочисленностью населения. Выдвинутые далеко в заокскую степь, разбросанные на большом расстоянии друг от друга русские города-крепости не представляли собой единой и надежной линии обороны. Редкие, с немногочисленными гарнизонами, они были не в состоянии отразить нашествия крупных ордынских сил, да и не в тактике агрессора было задерживаться под их стенами. Степняки предпочитали обходить крепости, в редких случаях решаясь на осаду, и то только, если не ожидалось скорого подхода русских полевых войск. Избегать встреч с московскими воеводами в открытом поле тоже было в основе тактики агрессора. Крымцы стремились нащупать незащищенный участок границы, что при огромной ее протяженности было сделать не трудно. Затем массами своей легкой конницы они старались как можно глубже проникнуть в густонаселенные районы русских земель для грабежа имущества и захвата пленных, что издревле считалось у степняков главной добычей, а затем также быстро, по возможности не принимая боя, уйти. В результате, как в рассматриваемую эпоху, так и еще чуть ли не двумя столетиями позже, невольничьи рынки Турции и Средиземноморья были переполнены русским «живым товаром». В этих условиях защита границ Московского государства становится его главной заботой. Естественным рубежом обороны здесь оставалась широкая и многоводная река Ока, хотя в связи с расширением территории государства она в рассматриваемое время была уже далеко не пограничной. В выдвинутых в заокскую степь городах в состоянии постоянной боевой тревоги несли службу малочисленные гарнизоны, а между ними в степи рыскали воинские, преимущественно казачьи, разъезды и дозоры. Разведка непрерывно наблюдала за степью, оповещая гарнизоны близлежащих крепостей и пограничную стражу на Оке обо всех движениях в степи. Но организовать и этот оплот обороны было делом весьма проблематичным. Степь вплотную подступала к правому берегу реки, где много мест возможной переправы, а войск, защищающих рубеж, явно недостаточно. Условия сами диктовали единственно правильную стратегию борьбы с Крымской ордой — наступление на степь, глубокий поход в ханские владения и разгром его разбойничьего гнезда.

То есть в точности ту же стратегию, что приносила успех в войнах против Казани, начиная еще со времен Ивана III.

И именно за эту стратегию ратовали сподвижники Грозного в канун Ливонской войны. Большинство членов Избранной рады в последние годы ее существования настойчиво советовали царю наступление на Крым.

Позицию сторонников крымской ориентации в окружении Грозного лучше всего отразить словами того же Вернадского:

«Хотя завоевание Казани и Астрахани открыло России путь на юго-восток, потенциальным московитским «окном в Европу» была Ливония.

Двумя людьми, отвечавшими за проведение русской внешней политики как на Востоке, так и на западе в 1550-х гг., были Алексей Адашев и дьяк Иван Висковатый. Как мы знаем, в 1554 г. они были ответственны за важные переговоры с ногайцами относительно астраханских дел. В том же году Адашев и Висковатый заключили договор с ливонским посланником, согласно которому ливонцы были вынуждены признать старое обязательство епископа Дерпта выплачивать ежегодную дань великому князю московскому.

Адашев был убежден, что следует прежде всего рассмотреть татарскую проблему, чтобы спасти Московию от разорения, порождаемого постоянными набегами крымских татар и уводом в плен тысяч людей при каждом рейде. С тем, чтобы защитить русские интересы в Ливонии, Адашев полагал достаточным временно использовать вместо войны дипломатию. В случае неизбежности войны в балтийском регионе — как при конфликте со Швецией (1554–1557 гг.) — нельзя было требовать присоединения территорий за рамками существующих границ, чтобы не допустить продолжения войны.

Оценка ситуации Висковатым кажется очень близкой к адашевской...

Различие между Адашевым и Висковатым состояло в том, что Висковатый как проницательный дипломат никогда открыто не противоречил царю. В результате он сперва избежал царского гнева, когда царь решил повременить с Крымом и сконцентрировал всю силу Московии на попытке завоевать Ливонию...

По мнению Адашева, наилучшим методом сдерживания татарских набегов могли бы стать регулярные упреждающие вылазки против крымских татар вместе с основанием баз-крепостей, из которых можно двинуться далее. В конечном счете, целью было принуждение хана признать свою вассальную зависимость по отношению к царю, и, в случае неудачи этой уловки, прямо завоевать Крым, как это было сделано в случае Казани и Астрахани».

Можно смело утверждать, что окружение Грозного не уступало царю в воинственности и в стремлении к завоеваниям. Оно лишь проставляло свои приоритеты и отстаивало иную, отличную от царской, первоочередность в направлениях внешнеполитической деятельности. Свою позицию царские советники обосновывали большей актуальностью для России крымского наступления, его насущной необходимостью. И в этом кроме

всего прочего следует признать бóльшую внешнеполитическую последовательность, ибо завоевание Крыма логически устраивалось в один ряд вслед за казанским и астраханским.

Здесь, кстати, надо сказать, что решительная политика Ивана Грозного по отношению к Казани и Астрахани возможно была и излишней, и той же цели можно было достичь медленным наступлением и постепенным изживанием в соседних ханствах антимосковских настроений так, как это делалось со времен деда Грозного. Ведь начиная с первого похода русских ратей на Казань времен княжения Ивана III, то есть с 1469 года, можно вести отсчет мучительно медленного вхождения Казанского ханства в сферу московского влияния. Останется вопросом, прав ли был молодой царь Иван IV, когда не захотел больше терпеть этого медленного и болезненного изживания у своих восточных границ казанской опасности, как это делали его дед и отец, а решил покончить с ней одним ударом. Не станем гадать о том, оправдана ли была тогда такая стратегия по отношению к Казани, но сейчас, по отношению к Крыму, именно такая стратегия оставалась единственной. Ведь покорение Казани шло и до Ивана IV, шло успешно, может быть, медленнее, чем того хотелось, но зато без потрясений и с явно обозначившимся положительным финалом. При любой стратегии участь Казани была определена, отличие только в том, что при ином подходе к этой проблеме ее решение заняло бы несколько больше времени, но зато наверняка обошлось бы меньшими жертвами. А жертвы, понесенные русской стороной при завоевании Казани царем Грозным, надо полагать, были огромными.

Кстати сказать, то, что Иван IV покончил с Казанью одним ударом, разом вырвал занозу — понятие весьма и весьма условное. После взятия Казани русские воеводы оставались с войсками в том краю еще более десяти лет, воюя против отдельных мурз, навязавших московским властям что-то вроде партизанской войны. Так что никакого успокоения во владениях бывшего ханства одним взятием его столицы Москва не добилась, что лишний раз ставит вопрос: а оправдана ли была такая стратегия? Ну и конечно, если ставить под сомнение факт покорения казанского ханства одним ударом, то надо в первую очередь говорить не о военных действиях, имевших место после падения столицы, а о трех неудачных походах на Казань, предшествовавших последнему, победному. И тогда поставленный выше вопрос о правильности выбранной стратегии вырисовуется еще более рельефно.

Нашему соотечественнику хорошо известно про знаменитый победный поход Ивана Грозного на Казань 1552 года. Но мало кто знает, и нужно обратиться к подробному учебнику по истории весьма высокого уровня, чтобы узнать, что этот поход на Казань был четвертым по счету за время тогда еще недолгого правления Ивана Васильевича. Ему, как мы рассказали выше, предшествовали три неудачных, можно сказать, провальных похода с колоссальными потерями в людях и с почти полной потерей взятой в походы артиллерии. Иными словами, имея богатый

опыт казанских походов, овладеть столицей ханства удалось только с четвертой попытки.

Так что решительная политика Грозного по отношению к Казани, может быть, была и излишней. Тогда, когда Москва еще не успела прямым захватом Казани раздражить ее единоговерного крымского союзника, у русского царя оставался выбор. Теперь выбора не осталось. В силу вступило золотое правило драки: половинчатых решений быть не может, здрав противника, нужно идти до конца; подняв кулак, надо опускать его врагу на голову. Но русский царь неожиданно изменил этому правилу, за что русский народ жестоко поплатился. Иван отказался от наступления на Крым, что настойчиво предлагали ему его советники. Но это еще не было бы большой бедой, если бы царь, решившись на оборонительную стратегию против Крыма, поставил бы высвободившиеся после казанской и астраханской войн войска на южный степной рубеж. Вместо этого, практически оголив этот самый опасный рубеж, царь перенес удар на запад. В 1558 году Иван Грозный неожиданно развязал Ливонскую войну.

Уже цитированный нами историк Костомаров по поводу этого, последнего шага Грозного отмечал:

«Царство Казанское было разрушено; первым благодетельным последствием этого события было то, что более сотни тысяч несчастных русских рабов получили свободу и возвращены были отечеству и христианству; второе — что уже не сотни тысяч, а миллионы грядущих поколений избавлены были от той судьбы, которая ожидала их самих и угрожала их предкам. За Казанью покорена была Астрахань. Та же участь должна была постигнуть и других татар: это была потребность не царская, а всенародная... на юге торчало, между тем, татарское царство — более всех несноснее для Руси, более всех мешавшее ее движению вперед: то был Крым... Пока там существовало хищническое гнездо, Русь не могла безопасно подвигаться на юг и занять пространства плодородных земель, которые должны были составить главнейшее ее богатство, экономическую силу и богатство государства и народа. В XVI веке граница спокойных владений Руси оканчивалась каких-нибудь верст за сто от Москвы: далее начиналось редкое население бедных острожков, где жители беспрестанно должны были опасаться за свою жизнь и где не могло быть спокойного улучшения быта; по мере удаления к югу, русские должны были дичать и делаться более азиатским, чем европейским народом... Наша история пошла бы совсем иначе, если б в XVI столетии исполнились замыслы тех людей... что... хотели овладеть Крымом, идя «по старому пути». Нам могут возразить: да, овладеть Крымом было бы хорошо, но это было в те времена невозможно, и потому-то прозорливый и мудрый царь, видевший лучше своих советников эту невозможность, обратил свою деятельность в иную сторону. Но, вникая в тогдашние обстоятельства, окажется, что именно тогда наступало самое удобное время к осуществлению такого намерения и, следовательно, за людьми, хотевшими вести Русь «по старому пути», придется не только признать верный взгляд на потребности Руси,

но еще и практическое понимание условий времени, умение поступать сообразно пословице: куй железо, пока горячо!»

А вот мнение одного из наиболее рьяных представителей противоположной стороны. Много позже Костомарова историк С. Ф. Платонов утверждал:

«После падения Казани и Астрахани крымцы могли ждать от Москвы удара и на них самих... неожиданно большой успех вскружил наиболее впечатлительные головы и внушил мечту о немедленном завоевании Крыма. Мудрая осторожность была забыта, и осмотрительную деловую программу заменили воздушные замки... Но царь, к великому огорчению рады (*Избранная рада* — А. Ш.), не послушал ее, а устремил свое внимание на запад. Трудно теперь решать, на что в ту минуту более звало время — на Ливонию или Крым. Но ясно, что поход с великими войсками в Крым представлял величайшие трудности, а Ливония была под рукою и явно слаба. Наступить через дикое поле на Перекоп тогда надобно было с тульских позиций, так как южнее Тулы... начинались необитаемые пространства нынешней черноземной полосы... Активная оборона южной окраины и ее постепенное заселение были делом исполнимым и целесообразным... но фантастический проект перебросить через дикое поле всю громаду московских полевых войск на Черноморское побережье был, вне всякого сомнения, неисполним. Он являлся вопиющим нарушением осторожной последовательности действий. Только через двадцать лет после этого проекта Москва достигла заметных результатов в деле заселения и укрепления дикого поля и перенесла границы государственной оседлости с тульских мест приблизительно на р. Быструю Сосну. В начале XVII века с Быстрой Сосны, от Ельца и Ливен, первый самозванец предполагал начать свой поход против татар и турок. Но и этот поход был, конечно, политической мечтою авантюриста, а не зрелым планом государственного дельца. В исходе XVII века с еще более южной базы пробовал атаковать Крым князь В. В. Голицын, но, как известно, безо всякой удачи. Позднейшие и более удачные походы в Черноморье Петра Великого и Миниха столь же наглядно, как и походы Голицына, показали громадные трудности дела и послужили тяжким, но полезным уроком для последующих операций».

Примерно в таком же ключе строятся доводы всех других как сторонников, так и противников выбранного Грозным направления для своей внешней политики.

Потому как объективно оценить прозвучавшие аргументы и справедливо рассудить спорящие стороны нельзя, попробуем беспристрастно, насколько это возможно, проанализировать приводимые обеими сторонами доводы. Поскольку тяжелейшее поражение в Ливонской войне, ее, можно так сказать, провальное завершение, говорит само за себя и избавляет нас от необходимости обосновывать неверность выбранного Грозным пути, остановимся подробнее на крымском варианте вопроса.

Безусловно, удаленность Крыма и обширные, почти безжизненные степные пространства, отделяющие его от московских рубежей, создавали

ему природную защищенность, делали его гораздо более труднодоступным для русского оружия, нежели Казань. Но, во-первых, преодолевала же Орда то же самое степное пространство при своих походах на московские земли и при этом даже умудрялась иной раз совершенно неожиданно появляться под самыми стенами русской столицы, и, во-вторых, так ли уж в самом деле был неуязвим Крым, как это иногда пытаются представить сторонники Грозного, оправдывая его отказ от войны против ханства Гиреев. Выше, в приведенной цитате Костомаров ссылается на «тогдашние обстоятельства», которые создали на тот момент «самое удобное время» для удара по Крыму. Что это были за обстоятельства, дознаться нетрудно, если рассмотреть и проанализировать несколько исторических фактов. Вот они.

В 1556 году, то есть немногим более чем за год до начала Ливонской войны, царь Иван, побуждаемый советниками к войне против Крыма, всячески противодействуя таким устремлениям своего окружения, все же послал в сторону Таврии отряд войск в пять тысяч человек во главе с воеводой Ржевским более с разведывательными целями, нежели с какими другими. Тем самым Иван хотел прощупать на прочность потенциального противника. Результат оказался потрясающим. Несмотря на мизерность отпущенных с Ржевским сил, поручение воеводой было выполнено настолько удачно, что не оставляло сомнений в большом успехе в случае увеличения этих сил. Ржевский наголову разбил крымцев под стенами их крепости Ислам-Кирмень, далее взял Очаковский острог, где разгромил не только татар, но и их главных покровителей — турок.

Подвиги Ржевского имели огромный резонанс в стане днепровского казачества, бывшего тогда в литовском подданстве. Их вождь Дмитрий Вишневецкий предложил московскому царю взять казацкие войска и всю Украину в свое подданство, после чего совместными усилиями одолеть Крым. В таком варианте предприятие ожидалось более чем успешным. Рейды Ржевского и Вишневецкого буквально окрылили сторонников наступления на Крым, становилась ясной положительная перспектива большого военного похода на ханство.

Но царь по непонятным причинам отказался. Он, казалось бы, следовавший традиции своих предшественников на троне, отдававших приоритет возвращению под власть своей державы всех земель бывшей Киевской Руси, вдруг отказывается принимать эти земли, сами шедшие ему в руки. Теперь это произойдет только ровно через сто лет и тоже по инициативе вождя украинского казачества, но уже при московском государе новой династии. Может быть, Грозный царь отказался от союза с Вишневецким из-за опасений раздражить литовского соседа, с которым у Москвы в это время был мир? Тогда почему захватом Казани и Астрахани, а также военной акцией Ржевского он не побоялся раздражить крымского хана и почему через год он не побоится вступить в открытую войну на западе, чем раздражит и Литву, которая непременно выступит в той войне на стороне противника Москвы. И для того, чтобы понимать, что это будет

именно так, не нужно обладать какими-то необыкновенными дипломатическими способностями. И тогда, в той войне на западе, царю Ивану уже не будет предложений союзничества от украинских казаков, а те, напротив, как литовские подданные выступят на стороне Литвы.

Одним словом, во всем этом видится какая-то непоследовательность и нелогичность русского царя, если не сказать больше — политическая несостоятельность. И, наконец, почему в случае нежелания настраивать против себя Литву, было не попытаться заключить с ней союз против Крыма и не уничтожить разбойничье гнездо общими силами. Выше мы приводили мнение Вернадского на счет того, что и крымская и ливонская проблемы были тесно связаны с другой проблемой — «отношениями Москвы с Польшей и Литвой». Это абсолютно верно, но следует помнить, что связи крымской и ливонской проблем с польско-литовской были направлены в разные стороны. Если любое решение Москвой ливонской проблемы вызывало раздражение польско-литовского соседа, который к захвату Ливонии русским царем мог относиться только сугубо негативно, то в захвате русскими Крыма литовская сторона, которая от татарских набегов терпела не меньше московской, могла видеть свою выгоду. Конечно, Литва, как старая соперница Москвы, была не заинтересована в ее усилении за счет завоевания Крыма. Но, во-первых, вступив в военный союз, обе стороны получали возможность завоевать его вместе, следовательно, поделить крымские трофеи пополам и тогда усиление в равной степени коснулось бы обеих, так что существующий баланс сил между Москвой и Вильно сохранялся. А, во-вторых, и в этом главное, для Литвы исчезал бы кошмар ордынских нашествий. Но русский царь не сделал такого шага, а ведь выстоять против союза Москвы, Литвы и украинского казачества у Крыма точно уже не оставалось бы никаких шансов. А главное, при этом отпадала бы самая большая трудность борьбы с Крымом — его удаленность и защищенность безжизненным пространством. Ведь эта трудность оставалась для Москвы только когда она боролась с Крымом в одиночку, но Украина, входившая тогда в состав Литвы, граничила с владениями крымских ханов непосредственно.

И если уж говорить о непоследовательности и нелогичности в политике русского царя, то тут следует, забегаая вперед, упомянуть, что именно такой союз с Польшей и Литвой, союз, направленный против Крыма, Грозный попытался сколотить, но уже после развязывания им Ливонской войны. Об этом с декабря 1558 г. по март 1559 г. Москва вела переговоры с Польшей. Естественно, что последняя отказалась от московских предложений. Раздраженная вторжением русских войск в орденские владения, имевшая там свои интересы и готовившаяся совместно с Литвой встать на защиту Ливонии, заключившая с ней ранее оборонительный союз, Польша сейчас не пошла ни на какой сговор с Москвой. А вот раньше, до грубого захвата царем Ливонии, такой союз был вполне реален, поскольку, как мы сказали, Литва, а позже и Речь Посполитая страдали от Крыма не меньше, чем Московское государство, и великие литовские князья,

как позже и короли Речи Посполитой, всегда оставались заклятыми врагами крымских Гиреев.

Ничего этого дипломатия русского царя даже не попыталась сделать. Не добившись в 1557 году союза с Москвой, Вишневецкий тогда сам со своим воинством отправился к перешейку и удачно воевал в районе Перекопа. Несколько раз побитый казаками, хан заперся в крепости и не пытался выйти из осады. Было более чем ясно, что, имея против себя большие силы, Крым будет не в состоянии защищаться. Окружение царя в Москве снова настойчиво советовало Ивану Васильевичу организовать большой поход против этого осколка Золотой Орды. А такие члены Избранной рады, как Алексей Адашев и Андрей Курбский советовали царю самому при этом встать во главе войска, как это было в казанской кампании. Вместо этого царь, как бы желая еще раз удостовериться в слабости противника, снова выслал против него разведку боем. Отряд в восемь тысяч человек, возглавляемый Даниилом Адашевым (братом Алексея), спустился на легких стругах по Днепру в Черное море и опустошил западное побережье полуострова. Таким образом, крупная полномасштабная наступательная кампания, на которой настаивали царские советники, вновь была заменена мелкой разведывательной операцией, но и та стала настолько удачной, что не оставляла сомнений в успехе в случае большого завоевательного похода. Отпора русским не было никакого. Тогда же в восточных владениях Крымского ханства черкесы отняли у него Таманский полуостров. Этим крымские бедствия не закончились. Внешние потрясения дополнились внутренними смутами. После очередной борьбы за власть в Крыму между отдельными группировками оттуда бежал неудачливый претендент на бахчисарайский трон некто Тохтамыш и нашел пристанище в Москве.

Тохтамыш долго жил в Крыму, а когда там возник заговор некоторых вельмож, намеревавшихся свергнуть с престола правившего тогда Девлет-Гирея, кандидатура Тохтамыша была первой среди прочих претендентов на высшую власть в Бахчисарае. После того как агентам хана удалось раскрыть заговор, Тохтамыш сумел бежать из Крыма и обосноваться в ногайских улусах у мурзы Исмаила. Последний был злостным противником Девлет-Гирея и сторонником русского царя во всех его отношениях с ордой. Он и сообщил Грозному о скрывающемся у него беглеце из Крыма и, возможно, подсказал царю идею использования Тохтамыша как своего ставленника на престоле во враждебном ханстве. Возможно, Грозный сам догадался о такой перспективе, не исключено, что русский царь еще колебался над окончательным выбором, ибо он пригласил Тохтамыша в Москву, и в декабре 1556 года тот прибыл в русскую столицу.

Все это давало возможность русской стороне придать военной акции против Крыма вид законности. Московский царь мог теперь войти в Крым с войском как покровитель изгнанного претендента, у которого к тому же в Крыму оставалось много сторонников. Но Иван IV не сделал и этого, не воспользовался сочетанием благоприятнейших для себя обстоятельств.

В конце концов, идея антикрымской кампании уступила идее завоевания Ливонии. Создается впечатление, что все эти мелкие военные акции, эти разведывательные операции Ржевского и Адашева предпринимались царем в расчете на неудачу, дабы можно было более обосновано оппортировать своим советчикам. А они, эти акции, как назло царю, давали не тот эффект. Все складывалось в пользу большой антикрымской кампании. И все ж таки царь принял другое решение. К чему это привело в результате? Вот мнение об этом нашего знаменитого историка:

«Время показало, — пишет Костомаров, — все неблагоприятие поведения царя Ивана Васильевича по отношению к Крыму. Уж если он не хотел завоевать Крыма, то и не нужно было и раздражать его нерешительными неважными нападениями. Напротив, московский царь начинал и не кончал, не воспользовался удобным временем — эпохою крайнего ослабления врага, а только раздражил его, дал ему время оправиться и впоследствии возможность отомстить вдесятеро Москве за походы Ржевского, Вишневецкого и Адашева. Тот же Девлет-Гирей, который трясется от приближения немногочисленных русских отрядов, в 1571 году с большим полчищем в 120000 (как повествуют бывшие в Москве иностранцы) прошел до Москвы, опустошая все русское на своем пути, и появление его под столицю было поводом такого страшного пожара и разорения, что московские люди не забыли этой ужасной эпохи даже после Смутного времени, и при Михаиле Федоровиче туземцы слышали от них, что Москва была многолюднее и богаче до оногo крымского разорения, а после него с трудом могла оправиться».

Вот здесь, упоминая о крымском нашествии 1571 года, закончившемся страшным разорением центральных районов Московского государства и сожжением самой Первопрестольной, известный ученый прошлого не говорит об еще одном важном моменте. Называя Ржевского, Вишневецкого и Адашева раздражителями хана, за деяния которых тому потом пришлось мстить русскому царю, Костомаров ни одним словом не вспоминает ни о Казани, ни об Астрахани, как о главных причинах ответной ханской акции 1571 года. Даже если бы не было кампаний Ржевского, Вишневецкого и Адашева, крымский властитель точно так же считал бы себя в долгу перед московским царем за потерю своего влияния на Волге. А потому после своих казанских и астраханских подвигов у Грозного не было иного пути, если, конечно, иметь в виду пути разумные, как перевести удар на Крым.

О Казани и об Астрахани, как об основных побудителях крымского нашествия 1571 года, говорят и материалы посольства Девлет-Гирея, посетившего царя Ивана сразу после того, как хан оставил сожженную дотла Москву. При первой же встрече с Грозным ханский посол от Девлет-Гиреева лица так заявил русскому царю: «Мы назывались друзьями; ныне стали неприятелями. Братья ссорятся и мирятся. Отдай Казань с Астраханью; тогда усердно пойду на врагов твоих». Во врученной тогда же Ивану Васильевичу грамоте царские дьяки прочитали: «Жгу и пустошу Россию

единственно за Казань и Астрахань... Ныне узнал я пути государства твоего: снова буду к тебе,... если не сделаешь, чего требую, и не дашь мне клятвенной грамоты за себя, за детей и внучат своих».

Справедливости ради нельзя не признать объективности и обоснованности всех позже прозвучавших ссылок на трудности наступательной войны против Крыма. У всех историков, стоящих на позициях оправдания выбора Грозным направления своей внешней политики, такие доводы звучат в унисон. Но если выискивать и перечислять одни только трудности и не искать путей к их преодолению, то, характеризуя государственного деятеля, можно оправдать любую его бездеятельность или деятельность не в том, не в столь нужном направлении, причем оправдать только тем, что при такого рода его деятельности встречается меньше трудностей. Первоочередность задачи защиты собственной земли, беспрестанно и безнаказанно терзаемой хищными соседями, понималась как современниками тех событий, так и много веков спустя нашими отечественными историками. Актуальность этой задачи и ее насущная безотлагательность признается даже всеми без исключения сторонниками выбора Грозного из когорты русских ученых этого профиля. Но вот затем они оправдывают отказ царя от наступления на Крым тем, что на этом пути ожидаются трудности. Выходит, что принятие решения заняться делом защиты родной земли и своего народа или не заняться им целиком и полностью зависит от степени ожидаемых в процессе этого занятия трудностей.

Если вопрос ставится о защите своей земли, то государственный деятель обязан руководствоваться тем принципом, что нет трудностей, которые нельзя было бы преодолеть. И как сказал все тот же историк Костомаров, «для всякого предприятия, особенно такого, которое сопряжено с борьбою, есть свои препятствия; однако для всех препятствий найдутся соответствующие средства избегать их или преодолевать, и если историк, оценивая намерения исторических деятелей, будет подбирать одни препятствия, с которыми эти деятели должны были бороться, не обращая внимания на средства, возможные в свое время для устранения препятствий, то взгляд историка будет односторонен и, следовательно, неверен. Указавши на препятствия, возникшие против исполнения известного предприятия, надобно указать и средства, какие могли быть найдены, чтобы победить эти препятствия».

И все-таки давайте конкретно разберемся с доводами, оправдывающими Грозного за отказ от крымской кампании. Собственно говоря, довод такой один, и мы его уже приводили в интерпретации историка Платонова. Удаленность Крыма, его природная защищенность, оторванность русских войск, в случае выступления их в такой поход, от своих баз и т.п. Вот, к примеру, рассуждения на этот счет историка Валишевского:

«Как бы ни была справедлива та критика, которой Грозный подвергался тогда и впоследствии, он остановился на правильном решении. Идти на Крым было не то, что идти на Казань или Астрахань. С берегов

Москвы до берегов Волги переправа войска и провианта совершалась по сети речных путей, пересекавших относительно заселенные места. Дорога в Крым уже от Тулы и Пронска шла через пустынные места, где нельзя было ни встретить пристанища, ни найти средств пропитания. Здесь до восемнадцатого столетия разбивались усилия лучших русских полководцев».

И хотя автор не делает ударения на заключительной фразе, начать комментировать сказанное хочется именно с нее.

Интересно, это кого же уважаемый историк подразумевает под *лучшими русскими полководцами*? Уж не князя ли Василия Васильевича Голицына? А поскольку до начала XVIII столетия история не отметила со стороны России других крымских походов кроме тех двух, когда русское войско возглавлял не кто иной, как князь Голицын, то следует понимать под лучшим русским полководцем именно его. Бедная Россия, если Василия Голицына называть пусть даже не лучшим, а хоть каким-нибудь ее полководцем!

Два неудачных похода на Крым Голицына приводят и все другие историки, обосновывая невозможность победы над ханством даже в более поздние времена, а тем более во времена Ивана Грозного. Правда, никто из них больше не относит Голицына к категории полководцев, а тем более лучших, но при этом все без исключения исследователи делают акцент на тех же набивших оскомину трудностях и никто из них не упоминает о неподготовленности к тем походам во всех ее проявлениях и о безалаберном их проведении. Упорно умалчивается о безобразном снабжении самым необходимым, начиная от продовольствия и заканчивая боеприпасами, о нехватке и никуда негодном состоянии транспортных средств и отсутствии элементарной базы для их ремонта (это простых-то телег), вследствие чего приходилось бросать по дороге ценный груз, о поставке в войско больных лошадей, что выяснялось уже только на походе. Авторы исторических трактатов, рассказывая нам о первых крымских походах, неохотно повествуют о тактических просчетах в чисто военном понимании этого вопроса, о ниже всякой критики уровне разведывательно-дозорной службы и т. п. Словом, целый арсенал причин, способных провалить любое начинание, остается незамеченным. Да, эти причины вскрывались на фоне тяжелого похода; не будь его, и причины эти не дали бы о себе знать. А потому неудача кампании списывается на тяжесть предприятия, и не берется во внимание тот факт, что не будь этих причин, то и поход был бы не так тяжел. Ну и, конечно, как главную причину неудач следует назвать совершенно для этого непригодное руководство кампаниями. Абсолютно никакими военными способностями князь В. В. Голицын не обладал и, будучи человеком заурядным, мало годился для государственной деятельности на каком бы то ни было ее поприще. Назначением на должность главнокомандующего в двух крымских походах конца XVII века князь остался обязанным только своему фавору у тогдашней правительницы России царевны Софьи. Так что неудачи крымских похо-

дов, случившихся до XVIII столетия, объясняются целым сонмом объективных причин, сопутствующих всей истории нашего отечества и во все века являвшихся проявлением наших национальных особенностей.

То же самое следует сказать и о Прутской кампании Петра, событии, которое историк С. Ф. Платонов приводит как аналогию крымским походам с теми же препятствиями, и служащим, как считает историк, лишним доказательством невозможности их преодоления.

К неудаче в Прутском походе, несмотря на то, что при войске находился сам царь, привели те же самые причины, которыми объясняются и провалы походов Голицына на Крым, то есть длинным рядом обстоятельств по-русски безобразной организации и бестолкового руководства. А потому не дальностью похода и не тяжелыми природными условиями в действительности следует объяснять те трудности, на которые любят ссылаться многие наши историки, рассказывая нам о тех кампаниях, а собственными просчетами и упущениями.

Ну и, наконец, даже если принять во внимание дальность перехода в тяжелейших природных и климатических условиях и признать такую трудность, то и она останется только до тех пор, пока Московское государство вынуждено было наступать на Крым в одиночку, со своей территории, откуда действительно предстоял путь через многостороннее безжизненное и безводное степное пространство. Но ведь Вишневецкий предлагал царю союз с Днепровским казачеством и даже набивался в подданство Москве со всеми казацкими землями Украины, которые простирались до низовий Днепра, достигая его порогов, то есть вплотную приближались к крымским владениям. В этом случае поход московской рати начинался бы с казацких земель, к примеру, из района Запорожья, из стана своего союзника. И сам поход при этом был бы совсем не дальним, а намного меньшей протяженности, чем походы от Москвы до Казани, а тем более до отдаленной Астрахани. И здесь с таким же успехом можно было бы использовать систему рек Днепровского бассейна для доставки войск, грузов, провианта, как использовали систему рек московские воеводы в казанских походах, о чем нам повествует историк Валишевский. И сама история живыми примерами подтвердила верность последнего вывода. Первый же успешный поход на Крым, поход фельдмаршала Миниха 1736 года, начинался из района Полтавы и Кременчуга, где заранее были дислоцированы русские войска, то есть отправным местом движения армии были даже не самые ближние к крымским владениям земли казацкой Украины. И результаты того похода говорят сами за себя. Миних довел армию до Перекопа без потерь, прорвал перекопскую линию укреплений, овладел перекопской крепостью, разгромил под ее стенами турецко-татарские войска, потеряв во всей операции около двух тысяч человек. С мизерными потерями русская армия сумела овладеть тогда ключами от Крыма. Провести столь блестящую операцию, не испытывая при этом всех тех трудностей, которые в свое время послужили причиной отказа Ивана Грозного от завоевания Крыма, и на которые, оправдывая

это решение царя, ссылаются многие наши историки, позволило только одно обстоятельство: ко времени похода на Крым Миниха Левобережная Украина, а также область Войска Запорожского входили в состав России, чего не было ни во времена Грозного, ни еще много позднее. Но ведь вождь украинского казачества почти за 200 лет до крымской кампании Миниха предлагал русскому царю эти самые земли, и, согласись на это Грозный, — уже тогда исчезла бы необходимость дальнего похода.

И, наконец, даже ввиду сомнительности предприятия, почему на него было не пойти, хотя бы с целью приобретения опыта, который можно будет использовать в последующих походах. Вспомним, что и Казань досталась Грозному только с четвертой попытки. А это значит, что, несмотря на близость и удобство сообщения, трудностей там было не меньше, но накопленный опыт дал свои результаты.

И, конечно, если уж приводить доводы «за» и «против» в вопросе выбора в 50-е годы XVI столетия московским правительством главного направления для своей внешней политики, то нельзя обойти стороной мнения на этот счет историка Вернадского. Оно включило в себя массу аргументов с обеих противостоящих точек зрения, а потому позволим привести его полностью.

«К 1557 г. точка зрения сторонников войны с Ливонией постепенно взяла верх над адашевской, поскольку сам царь Иван IV разделял их взгляды.

Вопрос о том, какой курс внешней политики в то время более соответствовал интересам русского государства и русского народа — сдерживание Крыма или нападение на Ливонию — обсуждался не только тогда и не только русскими. Он до сих пор представляет интерес для историографов и составляет предмет разногласий.

Подавляющее большинство историков России согласно, что царь Иван IV был прав в своем решении прервать действия против крымских татар и взяться за Ливонию. Они утверждали (и утверждают), что надежный доступ к Балтике был необходим для России как политически, так и экономически и что независимая и враждебная Ливония была препятствием развитию нормальных культурных отношений между Россией и Западом.

С военной точки зрения Ливония была слаба и, как резонно мог полагать царь Иван IV, не могла отразить русского нападения. С другой стороны, как указывают большинство историков, задача подчинения Крыма, в особенности без союза с Польшей, была в военном плане неразрешима для России на этой стадии. Заметным противником этой точки зрения является Костомаров.

Согласно марксистской терминологии классовой борьбы, превалирующее заключение советских историков состоит в том, что Ливонская война соответствовала интересам поднимающихся классов русского дворянства и купечества и в этом смысле была прогрессивной, в то время как программа продвижения на юг была в интересах феодальной аристократии и поэтому — реакционной.

Нет сомнения, что обе проблемы — татарская и балтийская — были важны для России. Вопрос стоял в том, какой из них в данный исторический момент уделить приоритетное внимание.

Утверждение, что завоевания на юге поддерживались феодальной аристократией в противовес дворянству и купечеству, не выдерживает критики. Южные пограничные земли Московии длительный период были заселены людьми пограничья — мелким дворянством и казаками. И лишь к концу XVII века вельможи стали интересоваться приобретением земельных владений в этих местах. И нам известно, что феодальные аристократы, подобные князю Семену Лобанову-Ростовскому, не одобряли даже предыдущую кампанию против Казани.

Фактически же татары покушались на интересы не только бояр, дворянства или какого-либо особого класса, а на интересы русских всех классов. В первую очередь от татарских рейдов страдали крестьяне, поскольку их постоянно уводили в плен. Ввиду этого, борьба с татарами в это время была подлинно национальной задачей...

Но можно ли представить в это время завоевание Крыма? Это, конечно, должно было предполагать более напряженные усилия, нежели завоевание Казани и Астрахани. Тем не менее, если бы не произошла Ливонская война, русские наверняка справились бы с этим предприятием.

После разведывательной кампании Ржевского против Очакова в 1556 г. Адашев и Курбский попытались убедить царя Ивана IV лично возглавить, или же в любом случае разрешить, большой поход на Крым. Но... вопреки возможностям, которые открывали планы Адашева и Курбского, полномасштабная кампания против крымских татар была заменена двумя разведывательными рейдами. Но даже они оказались как таковые удачными и могли бы стать даже более важными, если бы за ними последовал главный поход.

Более того, в походах на Крым русским не приходилось полагаться лишь на свою военную мощь. Как и в случае с Казанью и Астраханью, они могли рассчитывать на разногласия среди самих татар. В каждой татарской орде существовало соперничество среди основных родов, или их ветвей, и в каждом ханстве некоторые из вельмож были способны противостоять хану. Эта ситуация часто оказывалась для русских выгодной, особенно при формировании среди татар прорусских партий.

Следует вспомнить, что с середины XV века многие татарские группировки пошли на русскую службу. Наиболее влиятельной была Касимовская. Все вместе они составляли значительную военную силу, верную царю. Не менее значимым был факт того, что татарские цари и царевичи, верные России, были связаны кровными узами или браком с независимыми татарскими ханами и вельможами; во многих случаях они играли роль посредников между Россией и мусульманским миром и таким образом поддерживали дипломатическую игру Москвы.

Поэтому московское правительство надеялось поставить во главе Крымского ханства подходящего владыку, который признает себя вассалом

царя Ивана IV. Этот замысел срабатывал ранее в отношении Казани и Астрахани. Царь Касимова Шах-Али — одно время царь Казани — был хорошим советником Ивана IV в Казанской кампании 1552 г.

И, разумеется, подходящий кандидат на крымский трон появился в 1556 г. — царевич Тохтамыш.

Нет сомнения, что в своих планах 1557 г. по проведению большой кампании против Крыма Адашев был готов наделить выдающейся ролью царя Шах-Али, царевича Тохтамыша и других верных татарских царевичей и мурз (князей) вместе с их свитами...».

Вместо этого все эти силы, как и множество других татарских и ногайских мурз, кабардинских и других князей были использованы в скоро начавшейся Ливонской войне. И как сказал по этому поводу тот же Вернадский:

«Разумеется, все эти верные татарские силы, а также кабардинцы, будь они посланы против Крыма, а не Ливонии, были бы более ценны для России. Они бы не только дали русским решающее превосходство в кавалерии, но могли бы сыграть важную роль в психологической и пропагандистской войне. Они могли бы подорвать единство крымского хана и его вельмож и подавить их волю к сопротивлению».

Сторонники взглядов Грозного, и конкретно его отказа от крымского предприятия, как одну из причин, оправдывающих русского царя, приводят необходимость посылки под Перекоп большого войска. Приверженцам таких взглядов Костомаров оппонирует следующим образом:

«Нет оснований думать, что войско, необходимое для завоевания Крыма, при тех критических условиях, в каких находилась тогда Орда, требовалось в таком количестве, которое было бы затруднительно выставить Московскому государству. Для покорения Казани Московское государство должно было послать до 130000 воинов, а завоевание отдаленной Астрахани потребовало бы менее третьей части этого количества. Если крымские дела были до того расстроены, что отряды в пять и в восемь тысяч могли безотпорно опустошить владения хана и наводить на него великий страх, то что же могло быть, если бы вместо восьми тысяч явилось восемьдесят, да еще с самим царем, которого присутствие столько же благотельно в нравственном отношении подействовало бы на русскую рать, сколько зловредно на врагов? Появление царя на челе войска русской державы с решительным намерением покорить Крымское царство подняло бы, воодушевило и привлекло к царю для совместного действия против крымцев с одной стороны днепровское, с другой — донское казачество, а казачество, особенно днепровское, было бы совсем не малочисленную военную силу, потому что при той воинственности, которая охватывала украинское население, ряды его тотчас же увеличивались бы множеством свежих охотников, и эта сила почти ничего бы царю не стоила. Мы не говорим, впрочем, чтобы Крым во всякое время мог быть так легко завоеван; мы имеем в виду только то печальное и расстроенное его состояние в половине XVI века, которым хотели воспользоваться советники царя Ивана Васильевича».

Можно привести и некоторые другие аргументы, говорящие не в пользу отказа от попытки ударить по Крыму. Например...

Выше, отрицая расхожую причину о невозможности преодоления пути до Крыма с сохранением при этом войском боеспособности, необходимой для штурма перекопской линии и оккупации полуострова, мы приводили тот довод, что преодолевала же Орда то же самое расстояние в своих беспрестанных нашествиях на Русь. Так вот этот довод не совсем верен, если целью похода на Крым ставить его завоевание, полное покорение и т. д. Но заметим, что Орда после распада Чингизидовой империи в своих бесконечных нападениях на русские земли никогда не стремилась к их завоеванию. Она не имела территориальных претензий к Московскому государству и в своих нашествиях не преследовала иной цели, кроме как грабежа. А потому все ее нападения на русские владения были собственно даже не походами в военном понимании, а набегами, грабительским налетами. Крымское государство жило работорговлей, а потому главная цель его деятельности — это захват пленных. К чему больше всего стремилась Орда при этих набегах, так это к тому, чтобы по возможности избегать каких бы то ни было баталий. А потому вся военная сила Орды во время этих набегов состояла исключительно из одной конницы, причем легкой. Орде не нужно было артиллерии, не только тяжелой осадной, но и легкой полевой, ей не нужно было иметь даже такого самого массового рода войск, как пехота. И, конечно же, ей совершенно не нужно было никакого обоза. Орда начинала свои нашествия на русские земли с того, что вылезала из-за Перекопа, имея одно, максимум двухдневный запас продовольствия, стремительным броском за один-два, самое большое три дня, преодолевала пустынное безжизненное степное пространство, отделявшее ее от первых русских поселений, и неожиданно появлялась перед ними. Пока московским властям удавалось организовать какой-то отпор, Орда успевала проникнуть достаточно глубоко в густонаселенные районы, где она отдавалась своему любимому занятию — грабежу беззащитного мирного населения. Поэтому говорить, что умела же Орда преодолевать то же самое пространство, и почему оно тогда представляло непреодолимую трудность для русских, — не верно, если, как мы сказали, под ответной акцией со стороны Москвы иметь в виду полное покорение Крыма. Для покорения нужен не набег, а именно поход, поход большой армии, в которой основным родом войск является пехота, к тому же армии, обремененной огромным обозом, тяжелой артиллерией, не говоря уже о всякой другой. Поход такой армии через то самое безжизненное пространство, для преодоления которого легкоконной Орде требовалось всего несколько дней, занял бы несколько недель, может быть месяцев.

Но вот здесь уместно будет задаться вопросом: а почему Московскому государству для борьбы с крымскими набегами и для противостояния им обязательно необходим захват чужого государства, полное его покорение, вплоть до аннексии? А почему было не воспользоваться иной стратегией,

успешно применяемой предшественниками Грозного в отношении восточных ханств? Как мы помним, великие московские князья до Ивана IV не стремились к их захвату, но искусной дипломатией постепенно брали под свой контроль всю их деятельность, медленно, но верно подчиняя ее своим интересам, при этом на каждую акцию агрессии отвечали такой же, не оставляя безнаказанным ни один грабительский набег из степи. И надо сказать такая стратегия давала весьма ощутимые результаты. Походы московских воевод на казанские и ногайские улусы в основном носили характер заурядной мести и не могли привести к покорению агрессивных соседей, но и цели такой Москва себе не ставила, зато они надолго отбивали у степных хищников охоту к нападениям на московские пределы. И первые подобные происки Москвы против Крыма, а это упоминаемые нами походы Ржевского, Вишневецкого и Адашева в канун Ливонской войны, лишний раз подтверждают эффективность такой политики. Да, эти акции, как мы говорили, раздражали агрессивного соседа, вызывали в нем бурю недовольства, но раздражение — это область эмоций, зато первый серьезный набег крымцев на Русь после этих акций состоялся только в 1571 году, то есть через четырнадцать лет после русского похода Адашева 1557 года. А до этого четырнадцать лет крымцы сидели у себя за Перекопом тихо и смиренно, да и в 1571 году они вылезли оттуда в основном потому, что все силы и все внимание Москва отвлекла на Ливонию, оголив свой южный рубеж, о чем не могли не знать в Бахчисарае.

А что если бы упредить крымское нашествие 1571 года тем, что накануне его повторить поход Адашева, в котором, как известно, с русской стороны участвовало всего восемь тысяч человек войска, считая и казаков?

Такие ответные или предупредительные акции Москвы не требовали большого средоточия сил, они могли совершаться без применения артиллерии за ее ненадобностью, легковооруженными подвижными и мобильными отрядами. Наиболее удобными путями для подобных происков были давно освоенные казаками речные пути по Дону и Днепру в Азовское и Черное моря с нападениями на крымские берега, которые до конца оставались открытыми и незащищенными, наподобие южных степных границ Московского государства. Именно этот путь и выбрал Адашев для своего похода 1557 года. Днепровские казаки, зачастую в союзе с донскими, так действовали ранее, так будут действовать и впредь, но без поддержки государства одними своими силами они не могли полностью решить задачу защиты своих земель, но все-таки положительный эффект такая стратегия давала. Каждая такая казачья акция срывала намечавшееся нашествие Орды, отбивала у ханов охоту к проискам против Руси, не говоря уже о том, что в результате таких акций свободу получали тысячи христианских пленников.

Почему же правительство Грозного отказалось и от этой стратегии, не связанной с большой мобилизацией сил и ресурсов, а главное, не грозящей ему тяжелыми последствиями даже в случае неудачи?

Здесь ответ на поставленный вопрос, наверное, следует искать вот в каком направлении.

К этому времени Москва твердо встала на путь проведения имперской внешней политики. В Кремле окончательно сформировался определенный тип отношений с соседями. В результате многовекового выживания под иноземным владычеством, долгого и мучительного собирания своих земель в единый государственный организм, наконец, избавления от чужеземного гнета и обретения политической и экономической свободы Московское государство постепенно выработало новый для себя свой особый стиль политического мышления, не допускающий иного способа подчинения политики соседей своим интересам, как прямого включения их территориальных владений в состав своего государства. Эта направленность политического мышления, в котором всегда безраздельно господствует имперская амбициозность, очень скоро превратится в безудержную страсть россиян, станет основой их национального мировоззрения и миропонимания. Она постепенно приведет к бессмысленному и ничем неоправданному наращиванию территорий, населенных разноязычными, чужеплеменными и далеко не единоверными Москве народами, что навсегда определит характер развития русского народа и станет самым мощным тормозом роста его материального благосостояния.

А такое мышление и диктуемые им приемы проведения внешней политики не допускают иной формы приведения кого бы то ни было в сферу своих интересов, как прямой вооруженный захват и полное покорение без остатка. Имперское сознание никогда не уживется ни с каким другим, половинчатым решением, не согласится с медленным, постепенным подчинением соседа своей политике с оставлением ему атрибутов собственной независимости и политической самостоятельности. Казань и Астрахань стали тем Рубиконом, после которого отступления в область других форм внешней политики нет. Образ политического мышления у кремлевского хозяина сформировался окончательно, и теперь ни он, ни его последователи ему не изменят. Но этот образ требует по отношению к соседям агрессии, и Москва встает на этот путь. Естественно, что она для начала выбирает, как ей кажется, более слабого соперника — Ливонию. Здесь она ошибается, но это уже вопрос другого характера. Зато Москва не ошибается в том, что вести войну на два фронта она не может. Грозный понимает, что он не в состоянии воевать против Крыма и Ливонии одновременно, даже если против одного из соперников ограничиваться лишь набегами, но если только при этом против другого соперника вести полномасштабную войну. В этом царь Иван, безусловно, прав, ну а поскольку политическая направленность его мышления требует именно полномасштабной захватнической войны, то он отказывается от войны с одним из потенциальных противников, считая того более сильным и успех в войне против него более сомнительным, и все усилия направляет на другого.

То, что в оценке и, следовательно, в выборе первоочередного для себя противника царь ошибся, мы уже сказали, но главный вопрос не в действительном соотношении сил между Крымом и Ливонией, а в степени актуальности борьбы с каждым из них, следовательно, в первоочередной необходимости. При всей заинтересованности России в расширении выхода к Балтийскому морю, заметим, не в выходе к морю, как это часто у нас трактуется, а в его расширении, поскольку выход у России к Балтике на тот момент был, Ливония, при здравом подходе к вопросу, не могла представлять собой первоочередной цели для завоевания хотя бы потому, что не угрожала России ни прямо, ни косвенно. О прямой и непосредственной угрозе со стороны Крыма говорить излишне. Но, влезши в долгую затяжную войну на западе, Москва не только не имела теперь сил тревожить Крым даже мелкими отвлекающими военными акциями, но она не могла и хоть сколько-нибудь обеспечить защиту своего старого южного пограничного рубежа по Оке, что и привело к страшному опустошительному нашествию Девлет-Гирея летом 1571 года. И здесь выбор Грозным противника для войны между Ливонией и Крымом указывает не только на его ошибочность в смысле оценки сил того и другого, и не только на агрессивный имперский характер политики Москвы, когда она вероломно напала на соседа, не представлявшего собой угрозы, но и на игнорирование Москвой национальных интересов своего народа. У русских людей в завоевании Ливонии абсолютно никакой заинтересованности не было, такая заинтересованность была исключительно у Московского государства. Зато у русских людей была острая нужда в защите от хищного степного соседа. И вот здесь, начиная с Ливонской войны, становится наиболее заметна еще одна особенность нашего отечества. Расхождение интересов народа и государства — явление не редкое, и его можно наблюдать не только в нашей истории. Но со времени царствования Грозного и во все последующие времена вплоть до наших дней можно постоянно говорить о *полном игнорировании* российскими правителями интересов своих людей, интересов, которые с необычайной легкостью приносятся в жертву интересам государства. Именно с выбора Грозным западного направления для вооруженной агрессии и упрямого следования ему в течение 25 лет тяжелейшей, кровопролитной бойни сначала с туманными перспективами на положительный исход, а позже с явным отсутствием всяких перспектив можно вести отсчет полного пренебрежения российскими властями интересов русского народа. Не просто отказ от борьбы с Крымом, но и ослабление южного пограничного рубежа, а затем, в связи с трудностями на западном фронте из-за не нужной народу войны, и полное оголение этого рубежа как нельзя лучше показывает сохранившееся до нашего времени отношение русского государства к своему народу. С тех давних пор наше любезное отечество полностью перестает считаться со своими людьми, русский народ перестает попадать в сферу забот своего государства.

И, наконец, последний аргумент, говорящий не в пользу выбора царя Ивана: а что предвещало больший успех в предпринятой им кампании

против Ливонии в сравнении с крымскими перспективами? Чем Ливония могла показаться более легкодоступной, нежели крымский осколок Золотоордынской империи?

К рассматриваемому времени Ливонский Орден как государственное образование представлял собой больной организм. некогда могущественная рыцарская община, державшая несколько столетий в постоянном напряжении своих соседей, больше других терзавшая северо-западные русские области, в бесконечных столкновениях с которой прожило несколько десятков поколений псковичей и новгородцев, теперь перестала являть собой серьезную силу. В XVI веке Ливония окончательно приходит к своему упадку. Но вспомним о том, что и Крымское ханство тогда не являло собой в военном отношении равным счетом ничего серьезного. Зато военной мощью ордена оставались многочисленные каменные крепости и замки, к овладению которыми в основном и сводились действия русской армии в новой для нее войне. Вся Ливония, будучи мизерной по территории, была покрыта густой сетью укрепленных мест, возведенных в свое время по всем правилам европейского военно-инженерного искусства.

Часто сторонники выбора царем такого направления внешней политики объясняют его стремлением Ивана Грозного к морю. В этом некоторые исследователи даже находят аналогию Грозного с Петром I, оправдывая предпочтение Иваном IV западных ориентиров необходимостью для России «ногою твердой стать при море». Ивана-то, дескать, в этом смысле можно считать предтечей Петра.

Такая концепция вообще не выдерживает никакой критики, она с головой выдает своих сторонников как не знающих не только истории, но и географии.

Во-первых, война за Крым — это та же борьба за выход к морю, только к другому, к Черному, которое в прежние века называлось Русским, поскольку русские на нем господствовали почти безраздельно. Так что если говорить о возвращении утраченного, то черноморское направление должно было считаться более приоритетным для России, ибо исторические права московского царственного дома на прибалтийские земли и балтийские берега весьма сомнительны. Считаем также не лишним напомнить сторонникам такой концепции о том, что и Петр свою внешнеполитическую деятельность, в частности стремление выйти к морю, начинал именно с этого, южного направления, так что называть тут Ивана IV предшественником Петра I исторически неверно. Как известно, Петр начал с того, что стал пробивать дорогу к южным морям, отвоевал у турок Азов — крепость в устье Дона и еще несколько крепостей в низовьях Днепра. Русские уже полностью владели Азовским морем и даже пробивались через Керченский пролив в Черное, как вдруг неожиданно подвернувшаяся возможность сколотить антишведский союз, в то время как против турецко-татарской коалиции Россия действовала в одиночку, обозначила Петру целесообразность переориентировать свою политику в сторону Балтики. А откуда взялась такая ориентация у Грозного, сказать трудно.

Во-вторых, о каком таком стремлении Грозного к Балтийскому морю может вестись речь, если на тот момент, момент вступления в Ливонскую войну, он имел выход к этому самому морю и владел довольно протяженным его побережьем. Отсюда и непонятна позиция тех сторонников политики Грозного, которые оперируют именно этим аргументом. Очевидно, над ними при отсутствии соответствующих знаний довлеет расхожее понятие о вековой отрезанности России от мирового океана и, как следствие этого, отсталости ее от Европы ввиду незнакомства с достижениями европейской промышленности и культуры, а само отсутствие морского пути понимается как препятствие к ликвидации такого отставания. Все это так, но почему-то многими нашими соотечественниками не принимается во внимание тот факт, что такое положение вещей сложилось для Московского государства именно при царе Иване IV благодаря его политике и будет сохраняться вплоть до Петровской эпохи. И когда нам говорят об отрезанности Московского государства от моря, следует иметь в виду только время, начиная с последних лет царствования Грозного, когда в результате Ливонской войны он это море потерял. Все это прописные истины, но зачастую наши люди не хотят видеть того, что в начале царствования Грозного, как и задолго до него и вплоть до печального исхода Ливонской войны, Московское государство владело Балтийским побережьем. Россия имела выход к морю, начиная от всего охвата неевского устья, точнее даже от устья реки Сестры, что впадает в Финский залив несколько к северу от устья Невы, и заканчивая устьем реки Наровы, где стоял основанный еще дедом Грозного первый русский порт на Балтике — Ивангород. Так что во владениях Московской державы находилась значительная часть восточного и южного побережья Финского залива. Как видим, российские владения включали в себя выход к морю и выход вполне достаточный для того, чтобы начинать развивать кораблестроение и осваивать мореплавание. Кстати сказать, вступая через полтора года в Северную войну против Швеции, Петр ставил целью отвоевать у северного соседа именно эти земли, потерянные некогда Иваном Грозным, и не пяди больше. Отвоевать удалось несколько больше, удалось благодаря обстоятельствам, сложившимся в ходе той войны, но первоначально Петр не замахивался на больше того, чем некогда владела Россия. Отсюда можно допустить, что не будь эти земли в свое время утрачены, то и Северной войны бы не было. Вот на этот счет мнение Н. И. Костомарова, одного из немногих наших историков, которые не скрывают того факта, что на момент начала Ливонской войны Россия владела балтийским берегом:

«Царь Иван не был в таких обстоятельствах, в каких был Петр. То море, которого только и добивался первоначально Петр, у Ивана было уж во владении. Если бы Россия при Петре была в таких границах, как и при Иване, то Петру не нужно было бы начинать наступательной войны: ему пришлось бы просто начать строить Петербург на русской земле, и если бы то вызвало со стороны завистливых соседей нападение, то война

с ними имела бы чисто оборонительный характер. Впрочем, и без того война Петра с Карлом XII поднята за возвращение России ее достоинства, не очень давно захваченного».

Спрашивается, зачем же царю Ивану IV надо было ломиться в открытую дверь, мало того, развязывать при этом несправедливую войну?

Согласуясь с только что приведенным мнением Костомарова, не можем не задать вопрос: а не лучше ли было, если уж русский царь решил воевать на Балтике, действовать от обороны? То есть ни на кого не нападая, на своем побережье «назло надменному соседу» начать возводить крепости, другие фортификационные сооружения, иными словами, укреплять на случай вражеского вторжения свой берег и, конечно, строить порты, корабельные верфи и т. п. Например, основать город и порт там, где через полтора-два столетия будет основан Петербург. Ведь на момент начала Ливонской войны это место было русской территорией. А не понравится это шведу или ливонскому немцу, пусть первыми атакуют, как это они безрезультатно делали по отношению к Ивангороду во времена правления деда Грозного. Кроме всего прочего, действовать от обороны всегда выгоднее и надежнее, так как обороняющийся несет меньшие потери, чем нападающий. Уже не говоря о моральной стороне вопроса, поскольку такая война была бы справедливой, а в роли захватчика выступал бы противник. Так что, как видим, попытки объяснить причины Ливонской войны стремлением к морю лишены оснований и абсолютно несостоятельны.

Почему же все-таки русский царь отказался от наступления в сторону южных морей, к которым у него не было выхода, а главное, решалась задача защиты своих земель от бесконечных терзаний, и направил удар в иную сторону, откуда не было угрозы агрессии, во всяком случае такой острой и наболевшей как со стороны Крыма? И почему он направил удар в сторону моря, к которому у него и без того был уже выход?

На первый вопрос мы уже ответили: Иван Грозный считал Крым более серьезным противником, а интересы собственного народа, как это свойственно всем без исключения российским правителям вплоть до наших дней, его не занимали. Для того чтобы ответить на второй вопрос, нужно принять во внимание имперское мышление московского царя, которым тот к этому времени был проникнут целиком и без остатка. Агрессия по отношению к соседям сделалась для него насущной необходимостью. Его не останавливало даже то, что он владеет Балтийским побережьем. Это уже позже необходимость выхода к морю превратится в расхожий аргумент, рассчитанный на неискушенного в истории обывателя, и будет с удовольствием использоваться всех мастей сторонниками и оправдателями политики Грозного. Теперь историки станут преподносить факт отсутствия у России времен кануна Ливонской войны выхода к морю как истину. Но вот историк Валишевский в своей известной монографии «Иван Грозный» говорит действительно истину. Он не скрывает факт наличия у России на тот момент морского побережья и дает свое объяснение развязыванию царем Ливонской войны, но какое!

«Ливония была тем окном, которое впоследствии прорубил сильными ударами своего топора Петр Великий. Случай представлялся сделать это теперь и без больших усилий. Отказываться было бы безумием. Но разве Иван не мог воспользоваться для той же цели принадлежавшей уже ему частью Финского залива от устья Сестры до впадения в него Наровы? Возражение это делалось, но оно не убедительно. Иван не имел намерения основывать Петербург. Даже если бы он обладал гением Петра Великого, он, вероятно, не нашел бы возможным возложить на подданных гигантское и парадоксальное бремя подобного сооружения. Чтобы осуществить этот дело спорной ценности, нужна была полуторавековая борьба, обеспечившая победу абсолютной власти и давшая Петру орудия, которыми не обладал Иван IV. Сам Петр не удовольствовался этим портом в болотистой, негостеприимной местности. Чтобы найти лучшее место Ивану, казалось, для этого нужно только протянуть руку».

Смысл сказанного историком более чем понятен. Балтийское побережье, которым на момент вступления в Ливонскую войну владела Россия, не устраивало ее правителя. Пустынные, низкие, болотистые берега, различного рода неудобства, в первую очередь неудобство сообщения, не вдохновляли московские власти на тяжелый труд, необходимый для обустройства этих мест, не вызывали в них прилива энергии и не подталкивали к тому, чтобы начать строить гавани и подводить дороги к ним. За многие годы владения этими берегами московские власти не попытались пусть даже хоть сколько-нибудь изменить и оживить их. Но до определенной поры власть понять было можно — Москве было не до этого, и обустройство балтийского побережья виделось не самой насущной задачей. Когда этим же берегом после бесславного завершения Ливонской войны и вплоть до Петровской эпохи будет владеть Швеция, более богатое и более развитое в экономическом отношении государство, то и у нее не дойдут руки до этих мест. Вспомним, что и Петр, впервые вступив на эту землю, после того как ей более ста лет владели шведы, увидел только как

*По мшистым топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца...*

Швецию тем более можно понять. У нее слишком много морского побережья с массой обустроенных бухт, гаваней и всем прочим необходимым для мореплавания. Она может позволить себе подождать с тратой средств на обустройство еще нескольких сотен километров морского берега. А для России эпохи Ивана Грозного эти несколько сотен километров — все, чем она владеет на побережье. Поэтому после своих успехов на востоке, когда московскому правителю начинает казаться, что пришла пора обратить, наконец, внимание на запад, он видит это побережье, которое для того, чтобы действительно стать «окном в Европу», требует затрат максимума материальных сил и средств, а главное, времени.

И тут же рядом видит готовое «окно» с портами, гаванями, корабельными верфями, с ведущими к ним из глубин материка дорогами и, что самое важное, с налаженным мореплаванием. Надо только все это завоевать и назвать своим, или, как пишет Валишевский, «нужно только протянуть руку». А завоевать это все царю Ивану представлялось делом не сложным и не дорогим, во всяком случае, более простым и дешевым, чем создать все это на своем, принадлежавшем ему берегу.

Искушение было слишком велико, а будучи помноженным на уже полностью сформированный тип имперского мышления, при котором стремление к захвату становится страстью, определило дальнейшую политику Грозного, оно же и привело к роковым результатам, главным из которых стала потеря Россией балтийского берега, пусть необустроенного, но своего, законного, и возвращение которого обернется для россиян большими материальными затратами и бесчисленными человеческими жертвами.

Ну и, конечно, анализируя выбор царя, нельзя не задуматься вот над чем: неужели он не предвидел, что развязыванием этой войны вооружит против себя всех соседей Ливонии и спровоцирует их выступить против него на стороне Ордена, что и случилось на самом деле. Может быть, царь надеялся на свою дипломатию и что ему посредством ее удастся нейтрализовать потенциальных противников, но так полагать было бы слишком наивно. Кстати, забегая вперед, следует сказать, что Ливонская война помимо военных действий стала интересна дипломатической борьбой воюющих сторон, причем на дипломатическом фронте политика русского царя потерпела поражений не меньше, чем в военных действиях. Дипломатия Грозного проиграла своим соперникам вчистую, что в конечном итоге отразилось на исходе войны.

С самого начала Ливонской войны следовало ожидать, что, в первую очередь, Литва не останется равнодушной, когда вместо относительно спокойного соседа, каким ввиду своей слабости стал орден в XVI веке, она вынуждена будет расширить соседство с крутым, своенравным, непредсказуемым и неукротимым московским самодержцем. Не останется в стороне и близкая Литве, почти сроднившаяся с ней Польша. Не будет безучастной и Швеция, всегда ревностно относившаяся к своему господствующему положению на Балтике. С Орденом в последние годы соседи научились ладить и жить мирно, теперь перед ними вырисовется иная перспектива. А потому нетрудно было понять, что западные соседи Москвы непременно вступятся за Ливонию, хотя бы для того, чтобы самим установить над ней контроль. Не предвидеть этого было просто нельзя, и советники Грозного предупреждали царя о возможном исходе, отговаривали его от войны на западе. Царь не послушался. Чем он в тот момент руководствовался, мы уже вкратце сказали. Напомним читателю лишь о том, что Иван отверг предложение предводителя днепровского казачества принять под свою державу украинские земли и само казачье войско ввиду опасения вызвать недовольство со стороны Литвы. Он отказался от перспективы завоевания Крыма в союзе с Литвой, рьяным

врагом ханства. Грозный не решился и на самостоятельное покорение Крыма, что не вызвало бы протеста со стороны Литвы и даже неудовольствия ее. Кроме того что Литва терпела от татар не меньше России, она, будучи далекой от Черного моря и не имея там своих интересов, по крайней мере прямых, скорее всего осталась бы равнодушной к успехам России на юге. От всех этих вариантов, суливших положительный результат или, по крайней мере, не суливших негативных последствий, царь Иван Грозный отмахнулся. И в противность всем своим советчикам он развязал войну, обещавшую впереди одни только большие трудности. А далее все вышло точно так, как прогнозировалось царскими советниками и обуславливалось печальными обстоятельствами.

Мы привели весь этот анализ и разбор возможных вариантов исходя из необходимости на тот момент Московскому государству войны, и уже с одной только этой точки зрения, как нам представляется, выбор этот был не самым удачным. Но он совсем потеряет смысл и лишится сколько-нибудь разумного начала, если принять во внимание то обстоятельство, что на тот момент в войне, как таковой, против кого бы то ни было, вообще отсутствовала всякая необходимость.

Покорив Казань и Астрахань, гарантировав тем самым безопасность своих восточных и юго-восточных рубежей, Московское государство, в случае, если оно, конечно, не влезает ни в какую другую военную авантюру, создало благоприятнейшие условия для своего дальнейшего динамичного развития. Мы отмечали, что наиболее досаждавшим Москве, не дававшим ей покоя оставался Крым. Но это обстоятельство в полной мере давало о себе знать только тогда, когда Москва вела где-то большую войну или была занята еще каким-то делом, отвлекающим ее крупные силы и ресурсы. Но после завершения казанских и астраханских кампаний, если не влезать в войну на западе, Московское государство располагало пяти, а может быть и десятикратным военным и экономическим потенциалом для того, чтобы надежно защитить свой южный рубеж. Если не предпринимать попыток к завоеванию и покорению Крыма и если не организовывать даже мелких военных акций против него, наподобие походов Ржевского и Адашева, походов, о целесообразности которых мы говорили выше, то, располагая высвободившимися после Казани и Астрахани ресурсами, можно было чисто оборонительными мероприятиями надежно закрыть границу на юге. Всякому понятно, что необходимый для этой цели военный потенциал во много раз меньше того, что в течение 25 лет Ливонской войны, с не на один год не прерывавшимися активными военными действиями, поглощался на западе. Там он расходовался на предприятие с сомнительными целями, к тому же направленное на завоевание не представлявшего собой угрозы соперника. А не лучше ли было только какую-то часть затрачиваемых в двадцатипятилетней бойне сил и средств направить на защиту южного рубежа и этого бы хватило для того, чтобы обеспечить его безопасность. Остальную массу высвободившихся средств направить на внутренние потребности страны, в ча-

стности, например, на обустройство безжизненного балтийского берега, которым до Ливонской войны располагала Россия и на который, кстати, никто из соседей на тот момент не посягал. И даже если бы на него кто-то и посягнул, то его защита потребовала бы куда меньше материальных, в первую очередь людских затрат, чем наступательная война с целью захвата территории чужого государства.

Но разве простая логика и здравый смысл могут соперничать с взрывом эмоций и безудержных страстей, в особенности, если основанием для последних служат имперский характер мышления и непомерная амбициозность. А когда государственный деятель в своей политической направленности руководствуется именно такими побуждениями, то понятия здравого смысла и логики для него исчезают, но последствия его не оправдывают.

Почему же все-таки русский царь выбрал самое неудачное решение? И почему он поступил против всех советов? Ответ кроется в постановке самих этих вопросов и обнаруживается, когда эти два вопроса ставятся в сочетании один с другим: *Грозный царь выбрал такой для себя путь именно потому, что окружающие советовали ему поступать иначе*. Пояснить последнее положение можно следующим образом...

Истории было угодно распорядиться так, что в первые годы своего царствования Ивана окружали добрые и мудрые советники, и успехи первых лет его правления — по большей части заслуга окружения царя. Тому есть масса подтверждений. Достаточно сказать, что сам Грозный в знаменитой переписке со своим заклятым врагом князем Андреем Курбским сознается, что все дела времен Избранной рады свершались по указанию Сильвестра и его кружка. Но вот в царя происходит резкая перемена. Историки напрасно ищут ее причины. Они лежат на поверхности, только искать их надо не в области объективных обстоятельств, а в области человеческой психики, в которую исследователи сферы исторического жанра почему-то заглядывать не любят. Не станем в нее углубляться и мы. Отметим только, что после первых громких успехов во внешней политике, высоко поднявших царя в своих собственных глазах, а затем последовавшего тяжелого недуга с известной историей с присягой, за царем Иваном начинает наблюдаться черта, перебудоражившая его воспаленное воображение и придавшая еще больше неуравновешенности его характеру. Это — не изменившая ему до конца его дней болезненная ревность к своей власти, глубокая убежденность не только в ее божественном происхождении, но и в своем неземном предназначении для нее. Теперь, постоянно осознавая свое превосходство над окружением, превосходство, гарантированное ему божеским промыслом, при болезненно ревностном отношении к своему неземному величию, Иван Васильевич получил и особое направление политического образа мыслей, а уж последний оказал свое вредное влияние на образ действий. Нравственная испорченность с детства и прочное усвоение идей абсолютной и божественной власти имели следствием то, что царь Иван повел решительную

атаку на вчерашних советников и сподвижников своих дел. Болезненное отношение Ивана к своей власти и в то же время постоянное следование советам и указкам окружения, практически взявшего царя под опеку, явило собой пример такого крайнего противоречия, что разрешиться оно могло не иначе, как через страшное потрясение. До определенного момента неспособность царя к самостоятельной деятельности вынуждала его мириться с этим противоречием, внимать советам и оставаться под влиянием окружения. Но постепенно здравый смысл и простая логика мышления уступили грубому чувству. Идея власти взяла верх. И раньше преобладавшее в воспаленном мозгу сознание своего превосходства над всеми и в чем бы то ни было теперь уже больше не хотело мириться с мыслью о своей неспособности к принятию важных решений. Теперь больше всего царя раздражало сознание того, что он ранее был под опекой людей, которых считает во всех отношениях ниже себя. Ему теперь до конца дней не будет давать покоя мысль, что он делил власть с другими. Больше всего он хотел бы избавиться от этого прошлого, но, понимая, что это невозможно и прошлого не переделать, он начинает действовать так, чтобы перечеркнуть это прошлое в нравственном понимании. Теперь все его поступки пойдут в пику этому прошлому, вычурно подчеркивая несогласие царя с этим прошлым, а потому будут лишены не то что здравого, а вообще какого бы то ни было смысла. В первую очередь это проявится в том, что он будет поступать принципиально против любых советов. И чем больше здравого смысла и логики будет в этих советах, тем решительнее царь станет их отвергать.

Еще более это становилось заметным, когда советы окружения подтверждались практическими результатами, как это было при выборе направления внешней политики между Крымом и Ливонией. Тут Грозный царь обрушивался на своих советчиков с особенным негодованием и яростью. Слишком многое говорило в пользу наступления на ханство, но здравый смысл был уже не при чем. Следовало показать всем доходящее до высшей степени самодурства проявление своего самовластия.

Итак, выбор сделан в пользу Ливонской войны. Царь развязал ее в противность как общему мнению, так и дипломатическим прогнозам на ближайшее будущее.

В предыдущей главе мы рассказали об основных событиях кануна Ливонской войны. Теперь, прежде чем приступить к повествованию непосредственно о ней самой, нам необходимо хотя бы бегло взглянуть на тогдашнее состояние русского государства и, в первую очередь, его военной машины. В чем заключались особенности московского военного лагеря, что представляло собой в военном отношении московское царство накануне самой длительной в своей истории войны и как сопоставлялись военные потенциалы Москвы и ее соперников по той войне.

Глава 4

Царство войны

Если взглянуть на политическую карту Русского государства второй половины XVI столетия с указанием на ней границ на момент начала царствования Ивана IV и на момент развязывания им войны на западе, то нельзя не увидеть значительного прироста территории за еще пока всего какой-то десяток лет самостоятельного правления Грозного. Еще больший такой прирост откроется нам, если на той же карте указать границы на момент окончания его царствования. Казалось бы, в этом нет ничего особенного, если учесть тот факт, что процесс расширения площади Московского государства шел и раньше, при предшественниках Грозного. Так, например, его дед Иван III, вокняжившись на великом московском столе в 1462 году, унаследовал от предшественника всего 430 тыс. кв. км территории. Считается, что за время великого княжения его самого и его сына Василия III территория государства выросла более чем в шесть раз, так что Иван Грозный получил от своего отца в наследство 2 800 тыс. кв. км. Причем основное увеличение наблюдалось именно при деде Грозного, тогда как при его отце рост был не столь впечатляющим. К концу же XVI столетия, если еще и учесть территориальные приобретения сына Грозного, царя Федора, площадь Московского государства составила 5 400 тыс. кв. км. Как видим, царь Иван IV, да еще и не без помощи прямого наследника, увеличил земельные владения всего-то меньше чем в два раза. И, тем не менее, история вынуждает акцентировать наше внимание на внешней политике именно Грозного, как политике, приведшей к росту территории, не имеющему аналогов.

Дело в том, что как при Иване III, так и при его сыне, вообще ни о каком приросте территории говорить не следует. Его просто не было, как не было на момент вокняжения Ивана III самого русского государства. При деде Грозного только началось его строительство, интенсивно продолжавшееся во все время его великого княжения и окончательно завершившееся при сыне Василии. И государство это создавалось путем объединения стоящих в удельной независимости русских княжеств, общая территория которых не выходила за древние этнические границы расселения восточнославянских племен. И территория в 430 тыс. кв. км, полученная дедом Грозного в наследство, о которой мы сказали выше, — это территория одного из таких княжеств — Московского. А далее, преодолевая центробежные, сепаратистские устремления одних политических сил и умело используя обратные им устремления других, московский князь

сумел объединить в одно государственное тело многие разрозненные до этого государственные миниорганизмы, населенные одним народом, исповедующим одну религию и управляемым представителями одной фамилии. Потому и увеличение владений московского великокняжеского дома до Грозного, в результате чего на начало его правления они более чем в шесть раз превысили то, что в свое время унаследовал его дед, это, собственно говоря, и не рост даже. Это складывание территории вновь образующегося государства. То же самое можно сказать и о землях, присоединенных к новому государству посредством оружия в результате русско-литовского военного противостояния. Все это были отобранные у западного соседа некогда захваченные им русские территории. И на вхождение их в состав Московского государства никоим образом не следует смотреть как на завоевание. Это было продолжением того же процесса объединения русских земель, их собирания. В конце концов, эти области не удержались под Литвой и перешли под власть московского государя не столько благодаря силе его оружия, сколько благодаря расположенности тамошнего населения к Москве.

Стремление собрать под свою державу все владения бывшей Киевской Руси дед и отец Грозного не оставили до конца своих дней. В силу исторических традиций они все наследие дома князей Рюриковичей считали своей собственностью. А потому на нахождение многих русских земель под польской и литовской коронами смотрели как на аномалию. Но вот Иван Грозный с самого начала своего самостоятельного правления несколько изменяет этой традиции. Нет, он помнит о ней, но приоритетность отдает иному направлению. Сначала он направляет свое внимание на восток и юго-восток, затем переносит удар на запад, по Прибалтике. Там и там рубежи Московского государства уже задолго до воцарения Ивана IV достигли естественной границы славянского расселения, за которую никогда не переступали владения русских княжеств. Но не этот характерный показатель внешней политики Грозного нас интересует сейчас в первую очередь. Пытаясь оттенить экономическое и военное состояние Московской Руси того времени, следует указать на другое.

Рост территории Московского государства, который был весьма значителен уже после первого десятилетия царствования Грозного, кроме того, что он явился следствием захватнической внешней политики, имел еще одну отличительную особенность — ему не отвечал рост населения. На востоке и в особенности на юге и юго-востоке русский царь присоединил к своим владениям малонаселенные области. И если Казанское ханство по плотности населения еще как-то было сопоставимо с окраинными русскими областями, то земли астраханских ханов и прилегающие к ним владения ногайской орды были заселены столь редко, что их включение в состав Московского государства практически не увеличило его населения. В еще большей степени это относится к так называемому «дикому полю», — безжизненной многосотверстной степной полосе, отделяющей последние заселенные окраины самых южных русских областей от первых

ордынских кочевий. Именно при Иване Грозном пошло наиболее интенсивное наступление на «дикое поле», по которому проходила условная московско-ордынская граница. Но наступление это выражалось лишь в казацкой колонизации пустынных мест и в переселении служилого московского люда со старых окраин на новые. И, конечно же, все сказанное останется справедливым по отношению к Сибири, плотность населения в которой уступала даже плотности в ногайских улусах и в граничащем с ними «диком поле» и завоевание которой начнется в последние годы жизни Грозного, сразу после бесславного завершения Ливонской войны.

Таким образом, бурному росту территории, сопровождавшему все время царствования Грозного, сопутствовал процесс расселения из обжитых и ранее освоенных областей на вновь приобретенные земли. Понятно, что население государства при этом росло несравнимо более медленно, чем его площадь, а потому плотность стремительно падала.

Наиболее авторитетные источники сообщают нам, что к концу XVI столетия население русского государства составляло около семи миллионов человек. Наверное, не будет большой ошибкой сказать, что такое же число населения было и в середине столетия, перед началом Ливонской войны. Территориальные приобретения Москвы, имевшие место во второй половине века, а это, как мы уже отметили, все были малонаселенные, полупустынные земли, не могли сколько-нибудь существенно повлиять на численность населявших страну людей. А громадные людские потери в двадцатипятилетней войне на западе и убыток населения от ордынских нашествий тех лет вполне способны были компенсировать естественный прирост. Достаточно вспомнить, что только в горниле Девлет-Гиреева нашествия 1571 года, согласно утверждениям известных отечественных историков, погибло и пропало в татарском плену около 800 тыс. русских людей.

Кроме низкой плотности населения, можно говорить о неравномерном его распределении внутри страны, даже среди старых, обжитых, собственно великорусских областей, не говоря уже о новоприобретенных окраинах. Самой высокой населенностью отличалась Новгородско-Псковская земля, конечно, в ее изначально историческом понимании, то есть если не принимать во внимание ее северных областей, колонизированных позже, и считать только южные новгородские пятины. Здесь плотность населения составляла примерно пять человек на квадратный километр. Для сравнения скажем, что в то же время в различных странах Западной Европы плотность населения была от десяти до тридцати человек на квадратный километр. Сравнительно густо по московским понятиям были заселены центральные области междуречья Волги и Оки в треугольнике: Тверь — Нижний Новгород — Серпухов. Но уже по окраинам даже центральных, великорусских областей, таких как Ярославская, Костромская, Нижегородская, Рязанская, наблюдалось резкое снижение плотности проживавшего там населения. Последнее утверждение, конечно, справедливо по отношению к окраинам, обращенным во внешнюю

сторону. Отсюда должно быть понятным, что центральные области, а с ними и старые Новгородско-Псковские владения, во второй половине XVI века оставались единственной житницей страны, ее материальной экономической базой и источником людских ресурсов. Присоединенные Грозным в первые годы его правления обширные территориальные пространства не только не способны были обогатить государство, но и долгое время после завоевания не могли хоть сколько-нибудь выполнять роль его донора, оставаясь по сути дела иждивенцем, требуя затрат для своего содержания, обустройства, обороны.

Присоединение новых земель имело еще одно следствие, негативно повлиявшее на ход Ливонской войны. Резкое ухудшение положения народа вследствие тягот той войны, тяжким бременем легшей на его плечи, вызвало отток жизненных сил из центральных районов на новые окраины. Перемещение населения приняло довольно значительные размеры. Русские и иностранные источники единодушно свидетельствуют о полном запустении целых уездов в центральных и Новгородско-Псковских областях. Со временем это явление скажется положительно, оно наилучшим образом повлияет на обустройство новоприобретенных окраин и на их развитие. Но это проявится еще не скоро. А сейчас, в ходе войны, государство терпело убытки, оно лишалось готовых плательщиков податей и товаропроизводителей и вынуждено было ждать, пока те обживутся на новых местах и снова станут способными содержать государство. Больше того, на какое-то время эти переселенцы вообще выходили из-под контроля государства, а многие из них выходили из-под контроля навсегда. На новых окраинах, где была слаба власть и несовершенна администрация, эти, по сути дела никем не управляемые беженцы, становились для правительства больше заботой, чем его опорой.

А потому во все время войны на западе экономическая, а следовательно, и военная мощь государства базировались лишь на наследстве, полученном Грозным от предков, а собственные его территориальные накопления играли отрицательную роль.

Что же определяло тогда экономику государства и, как следствие, его военный потенциал?

Основой экономической базы Московской державы оставались сельское хозяйство и ремесленно-кустарное производство, причем первое из них играло главенствующую роль. Более 98% населения было сельским, занятым в натуральном хозяйстве с устаревшими способами его ведения и с такими же примитивными орудиями труда. Наиболее высокоразвитыми областями пашенного земледелия были центральные и прилегающие к ним южные области. Здесь с успехом господствовала трехпольная система. Развито было тут и скотоводство. В северных областях больше преобладал подсечный способ землепользования.

Главным орудием землеобработки в рассматриваемую эпоху по-прежнему оставалась деревянная соха с окованным металлом наконечником. С плугом знакомы были еще очень не много, а потому применялся он

в те времена крайне редко. Зато широко использовались бороны, косы, серпы. Основными сельскохозяйственными культурами, определяющими уровень производства в областях повышенной урожайности, были рожь, овес, ячмень. Реже возделывали пшеницу, еще реже гречиху. Ближе к северу, где уровень агропроизводства традиционно был ниже, это такие области, как Новгородская, Псковская, Вологодская, главное место среди возделываемых культур занимал лен. Здесь же, начиная от волжской поймы в верхнем течении реки, и далее на север самое широкое распространение нашло скотоводство.

Буквально во всех областях от центра до самых отдаленных окраин процветало пчеловодство, отчего мед был самым распространенным продуктом на Руси, ее визитной карточкой. А благодаря наличию озер, а также больших и малых рек, во всех направлениях пересекавших территорию русского государства, и обилию в них рыбы, русские люди с давних пор в совершенстве освоили рыбный промысел.

В северных и северо-восточных областях была развита охота на пушного зверя. Там же с успехом развивались солеварение и соледобыча.

Говоря о развитии сельскохозяйственного производства, необходимо отметить, что самым высоким его уровнем отличались монастырские хозяйства. Здесь мы не сравниваем между собой регионы с различными природно-почвенными условиями. Но при одних и тех же условиях земледелие на угодьях, принадлежащих монастырям, являлось самым производительным. Оно намного превосходило уровень производства как крестьянских, так и вотчинно-поместных хозяйств, принадлежавших светским феодалам. Интересен факт, что большинство инженерных решений той эпохи и самых разнообразных технических усовершенствований впервые опробовались в монастырских владениях и с них начинали путь в широкое применение.

Неодинаковая плодородность почвы и различие природно-климатических условий по-своему сказались на развитии ремесел и торговли в разных регионах государства. Низкая производительность сельскохозяйственного производства при больших затратах труда вынуждала местное население областей, отличающихся слабой урожайностью, постепенно оставлять занятие земледелием, меняя его на более производительные формы хозяйствования. Неудивительно, что в северных регионах, например, в Новгородском, чуть ли не все виды ремесла были развиты много больше, чем в остальной Руси. И не случайно, что именно здесь появился первый отечественный центр железоделательного производства, выросшего на базе болотной руды — Устюжна Железопольская. И в то же время именно Новгородская область, как ни одна другая из всех великорусских областей, зависела от снабжения хлебом, доставлявшимся из центральных областей страны.

Говоря о развитии ремесел, необходимо указать на низкий удельный вес городского населения и вообще на недостаточность темпов городской жизни, всегда определявшей уровень ремесленно-товарного производст-

ва и торговли. В середине XVI века в Московском государстве едва ли насчитывалось с сотню городов, в которых проживало менее 2% населения, и между которыми по числу жителей наблюдались резкие контрасты. Так, число проживавших в стольной Москве достигало 100 тысяч человек, а далее в порядке уменьшения следует назвать города Великий Новгород и Псков, в каждом из которых можно было едва насчитать около 30 тысяч жителей. Следующим по величине был Можайск с его 8 тысячами посадского населения. А далее следовали города, считавшиеся мелкими даже по отечественным понятиям того времени. Больше половины населенных пунктов, считавшихся городами, представляли собой обнесенные деревянным частоколом несколько дворов с несколькими десятками, в лучшем случае несколькими сотнями обывателей. Правда, к концу XVI века в Московском государстве будет насчитываться уже 170 городов, но такое резкое увеличение объясняется тем, что в результате насильственного присоединения чужих территорий на востоке и юго-востоке, а также в результате наступления на дикое поле на юге государство будет вынуждено строить на вновь завоеванных окраинах крепости. Их во второй половине столетия на новых рубежах возникнет множество. Но все это будут маленькие острожки с гарнизонами в несколько десятков человек. Они станут именоваться городами, а потому и число последних вырастет столь значительно, но на развитие ремесла и торговли они еще не скоро окажут влияние, а занятия их жителей еще долго будут определяться исключительно военной сторожевой службой.

Отличительной особенностью городов того времени оставался их феодальный характер, когда львиную долю городской площади занимали дворы разного ранга знати, являвшие собой вид помещичьей усадьбы или вотчинного хозяйства со всеми атрибутами загородной жизни. В особенности это было свойственно городам центральных областей государства, в которых целиком царил вотчинно-феодальный дух. Городские же центры с преобладанием торгово-ремесленного населения преимущественно ютились по окраинам, больше всего их наблюдалось на севере, где было меньше феодального землевладения. Кроме того, высоким, по отечественным меркам того времени, уровнем развития ремесленного производства отличались торгово-промышленные села и посады некоторых крупных монастырей. Такие поселения по типу ведения хозяйства, экономическому укладу жизни и социальному составу жителей больше походили на города, нежели многие крупные феодальные центры, а тем более, окраинные города-крепости. Особый интерес в этом отношении представляла столица, где наблюдалось сочетание всех сторон тогдашней жизни. Здесь располагались усадьбы княжеской и боярской знати, размерами напоминающие загородные имения, тут же к ним лепились владения дворян средней и мелкой руки. Далее шли дворы кустарей-одиночек всех профессий, чередующиеся с крупными, по понятиям того времени, производствами, такими как пущечный двор, литейный колокольный двор, каретное хозяйство.

Владения крупной феодальной знати занимали центр города, а далее, чем ближе к окраинам, можно было наблюдать снижение положения владельца двора на социальной лестнице.

Из других городов с высоким уровнем развития ремесла и товарного производства самыми крупными были Великий Новгород, Псков и Тверь. Это все города севера Руси, где, как мы отмечали, ремесленное производство преобладало над сельским хозяйством.

Из всего многообразия ремесел, освоенных русскими мастерами, если говорить об уровне развития, то в первую очередь следует обратить внимание на производство и обработку металлов, имеющих прямое отношение к вооружению и, следовательно, определяющих военный потенциал государства.

К рассматриваемому времени давно стало расхожим такое понятие, как разделение труда. Но сам процесс такого разделения бесконечен и способен углубляться до мере совершенствования профессии. Так вот, об углублении процесса разделения труда только в области обработки металла, не считая его производства, говорит тот показатель, что у русских мастеров этой области в середине XVI века насчитывалось 22 специальности. Что касается производства металла, то в XVI столетии русские умельцы для выплавки железа начали применять сыродутные горны, что позволило значительно повысить производительность и качество продукции. Успехи в металлургии сказались на совершенствовании вооружения, в том числе и огнестрельного, а также на производстве боеприпасов.

Если говорить о самом торгово-промышленном классе, то в нем к рассматриваемой эпохе уже давно произошло разделение на производителей товаров и посредников между ними и потребителями, выделив, таким образом, купеческую касту, хотя разделение это во многом оставалось условным, и зачастую купцы параллельно с торговлей продолжали заниматься производством. В особенности это было свойственно окраинам, где владельцы крупных промыслов становились полновластными хозяевами края. Но именно они первыми связали промышленный капитал с торговым и в первую очередь именно им отечественная экономика обязана своим развитием.

К середине XVI столетия развитие товарного производства в Московском государстве привело к такому общественному явлению, как возрастание роли денег в экономической и политической жизни общества, а также положило начало разложению натурального хозяйства и цехового ремесла. Но нельзя не отметить, что все эти процессы, как и процесс общественного развития, на московской земле шли значительно медленнее, чем в Европе, их темпы отставали от требований времени.

Вообще говоря, росту товарно-денежных отношений и усилению купеческого класса в нашем отечестве в те времена, как и много позже, препятствий было больше чем достаточно. Российское государство никогда не жаловало предприимчивых деловых людей. Выход на внешние рынки был ограничен. Вся наша пресловутая отечественная закрытость

и неприятие западного образа жизни сводилась к трудностям, уготованным русским торговым людям, стремившимся на запад. И в то же время можно было наблюдать широкий доступ иностранных купцов на внутренний российский рынок, так что изоляция Руси была односторонней. Не мало препон ставилось и внутренней торговле. Тут в первую очередь следует назвать разбои на дорогах. Бескрайние российские просторы с редкими населенными пунктами и практически полное отсутствие полицейского надзора за порядком и безопасностью открывали неограниченные возможности для грабежа купеческих караванов, а потому разгул уголовщины в XVI веке принял невиданный ранее размах. Не меньшую угрозу для торгового промысла носила в себе густая сеть внутренних таможен и разного рода налоговых служб, ставивших перевоз товаров и торговлю им внутри страны в разряд нерентабельных. И если в деле обеспечения безопасности своих граждан местные административные органы преуспевали мало, то зато в деле взимания налогов и торговых пошлин они проявляли столь необыкновенную ретивость, что обдирали с купцов все, что не успевал ободрать с них уголовный элемент.

Подвести итог об общем состоянии дел в Московском государстве середины XVI века можно так.

Господство феодальных отношений в огромной, редконаселенной стране с полным преобладанием натурального хозяйства тормозило рост товарного производства, во многом препятствовало развитию внутренней и внешней торговли. Зато государство, остававшееся феодальным по своей сути, создало жесткую форму контроля над всеми формами производства, в том числе и городского хозяйства, и опутало страну сетью надзора в виде административных органов, наделенных большими привилегиями и почти безграничным налоговым правом. А потому в XVI веке в Московском государстве можно с трудом было заметить только едва пробивавшиеся ростки денежных отношений и накопления капитала. Вместо этого в условиях торжества феодального способа производства и жесткой политики феодального государства эти капиталы оседали мертвым грузом не только в государственной казне, но и в карманах частных лиц, поставленных во главе местных административных органов. Тем самым продлевалась жизнь архаического феодального способа производства, поддерживалось господство натурального хозяйства, что не давало возможности полного слияния торгового капитала с промышленным.

Большинство наших отечественных историков склоняется к тому, что в первой половине XVI века экономическое развитие российского государства шло более интенсивно, чем он пошло со второй половины столетия. А в XX веке на свет явится концепция, объясняющая этот спад. Некоторые исследователи станут утверждать, что ко времени царствования Грозного Россия стояла на пороге капиталистического развития, которое, однако, не устояло под натиском крепостничества. Думается, это не верно. Зачатки капиталистических отношений, на которые ссылаются сторонники такой концепции, действительно наблюдались, но это относилось лишь к тем

регионам, где поместное землевладение не являлось преобладающим, или где его не было вообще. Это, главным образом, на севере. В других регионах Московской державы, где преобладало поместное землевладение и где проживал подавляющий процент населения, феодальные отношения стояли незыблемо, без проблесков капиталистических отношений. Но то, что государство до второй половины XVI столетия, пусть в рамках феодальных отношений, но все же развивалось более динамично, чем позже, то это верно. И причиной этому явился целый ряд обстоятельств, главным из которых стала агрессивная внешняя политика Москвы и, как следствие, ее стремление к ничем не оправданному наращиванию территорий.

Политическое устройство государства определило характер и форму организации русского войска, а экономическое состояние обеспечило уровень его вооружения.

При знакомстве со структурой вооруженных сил Московской державы бросается в глаза неупорядоченность их руководства. В те времена управление всеми государственными делами было сосредоточено в руках тогдашних правительственных органов, так называемых *приказов*. Но деление всего широкого спектра государственной деятельности между приказами было весьма неопределенным ввиду того, что принцип построения самих приказов оставался крайне неоднозначным. Иные приказы охватывали конкретную сферу деятельности, например, Посольский, Монастырский, Разбойный и т. д., которым были подведомственны все вопросы определенного профессионального направления на всей территории государства. Другие строились по территориальному признаку, например, Казанский приказ, занимающийся всеми делами определенного региона. А потому зачастую отнесение того или иного вопроса к сфере деятельности конкретного приказа оставалось спорным. Например, как быть с проблемой управления монастырским хозяйством, расположенным на территории, подведомственной Казанскому приказу? По характеру профессиональной деятельности это проблема Монастырского приказа, ведь в его сфере находились *все* монастырские дела, но, согласно территориальному принципу подхода, этой проблемой должен заниматься Казанский приказ, в ведении которого были *все* дела на данной территории. Отсюда неизбежность неразберихи. Так вот самая невероятная неразбериха царила в управлении вооруженными силами, которые состояли в ведении одновременно четырех приказов. Разрядный, Стрелецкий, Поместный и Пушечный приказы ведали разными сторонами устройства тогдашнего московского войска со сложными, запутанными, взаимно переплетающимися обязанностями и полномочиями.

А сами вооруженные силы Московского государства по роду войск делились на три классические составные части: пехоту, конницу и артиллерию, или как ее тогда называли «наряд». Кроме того, в середине XVI столетия наше отечественное военное искусство подарило истории новое тактическое решение при ведении открытого сражения — «гуляй-

город». Так называлась легкая, разборная, подвижная, полевая крепость, значительно обогатившая арсенал русского войска и с успехом применяемая до конца следующего столетия. Специально предназначенные для сооружения «гуляй-города» и его защиты части быстро выделились в особый род войск.

Наибольшей по численности частью русского войска, конечно же, являлась пехота. Последняя как по составу, так и по способу комплектования и характеру устройства была неоднородной. Ядро этого рода войск составляли так называемые *даточные люди*. Это были ратники, набиравшиеся как из посадского люда городов, так и из сельского населения. Набирались даточные только на случай войны и распускались по окончании военных действий. Занимался их набором Разрядный приказ. Он же определял требуемое для поставки в войска число даточных людей. Последнее зависело от масштабов предстоящего похода и степени серьезности планируемой военной операции. В городах единицей измерения для поставки даточных был двор. Например, при подготовке к войне Разрядный приказ, согласно определенным расчетам, требовал поставить в войско одного человека, скажем, с пяти дворов. В случае ожидания более крупных военных действий один даточный мог требоваться уже с четырех, может быть, с трех дворов и т. д. В сельской местности в подобных случаях требовали поставить даточного человека с определенного количества хозяйств, то есть сох, отчего даточные люди, набранные из сел, назывались также *посошными*. Поставлялись даточные люди и в конницу, но процент их в коннице был невелик.

В сохранившихся записях Разрядного приказа можно найти соответствующие распоряжения. Так под 1545 годом перед первым казанским походом времен царствования Грозного можно прочесть, что «государь велел нарядить с Новгорода и пригородов, с белых не тяглых дворов с трех дворов по человеку, да с тяглых с пяти дворов по человеку, всего нарядить 1973 человека на конях. Да с новгородских же посадов и с пригородов, с посадов, с рядов, погостов нарядить 2000 человек пищальников, половина на конях, а другая половина пеших».

Согласно изданному Иваном IV в 1555 году «Уложению о службе», даточные люди считались служилыми «по прибору». Служба эта, как мы помним, не являлась наследственной, а потому не была престижной и сколько-нибудь привилегированной. В нее мог вступить любой свободный от кабальной зависимости человек. Часто в даточные попадали по жребию. Что касается даточных людей из сельской местности, то согласно сохранившимся документам Разрядного приказа среди посошных традиционно процветало дезертирство.

Другой составной частью пехоты наряду с даточными в рассматриваемое время являлись стрельцы. Годом рождения стрелецкого войска считается 1550-й, когда в Москве был организован корпус в три тысячи человек. Но эта новая разновидность рода войск имела к тому времени свою предысторию. Прообразом стрельцов следует считать *пищальников*,

появившихся в русском войске еще в начале XVI столетия. Они также набирались из посадского населения и только на случай войны, а все остальное время занимались свободными промыслами, но в отличие от даточных считались на постоянном казенном содержании. Постепенно в рядах пищальников (отнюдь не во всех, но в части их) произошла унификация формы одежды и вооружения, наконец, утвердились свой особый порядок комплектования и свое характерное устройство. Термин «стрельцы» начал употребляться с 40-х годов, но окончательное формирование стрелецкого войска относится к 1550 году.

Основным отличием стрельцов от всех других воинских служилых людей Московского государства было их постоянное нахождение на службе независимо от того, мирное то время или военное, что дало некоторым исследователям основание считать создание стрелецкого войска зародышем регулярной армии. Выше мы говорили о малой состоятельности такого утверждения, как и о том, что уже в первые десятилетия после учреждения стрелецкого войска заметен его быстрый количественный рост.

Набор в стрелецкое войско осуществлялся из добровольцев, которым после вступления на службу не возбранялось заниматься ремеслом и торговлей, кроме того, им полагались денежное жалование и земельный надел, что и явилось причиной большого притока желающих. Зато выход со службы был закрыт, служба являлась пожизненной и наследственной. К последней четверти XVI века появились и конные стрельцы, но, как и даточные люди, стрельцы в кавалерии имели малый удельный вес. В конце концов, правительство ограничилось формированием одного небольшого конного отряда стрельцов, получивших название стремянных. Всеми вопросами организации стрелецкого войска и определением регламента его службы ведал специально для этого тогда же созданный Стрелецкий приказ.

Первоначально все стрелецкие войска имели местом дислокации стольную Москву. Но уже скоро стрелецкие полки стали формироваться в других, преимущественно крупных городах, но московские стрельцы оставались при этом на особом положении, являя собой подобие гвардии. Особенностью всех стрелецких частей, как московских, так и иных, получивших название городских, было то, что они подлежали воинскому обучению, а для проверки их боеспособности регулярно устраивались смотры. Вооружение их было лучшим среди всей другой пехоты, и неудивительно, что уже вскоре после своего создания стрелецкие войска как в количественном, так и в качественном отношении стали основной боевой силой русского государства.

Входили в состав пехотных частей и городовые казаки, названные так потому, что несли охранную службу в городах. Эта разновидность войск в особенности выросла за предыдущие десятилетия в связи с расширением границ государства на восток и на юг. Городовые казаки считались находившимися на постоянной и наследственной службе, отчего они

были близки к поместным войскам и преимущественно оставались конными, но были среди них и пешие. В мирное время они постоянно несли караульную гарнизонную службу, преимущественно в крепостях, поставленных в приграничных районах и в других небольших провинциальных центрах. Правительство наделяло таких казаков поместьями, расположенными вблизи мест их службы, а в случае необходимости пополняло ими главное войско.

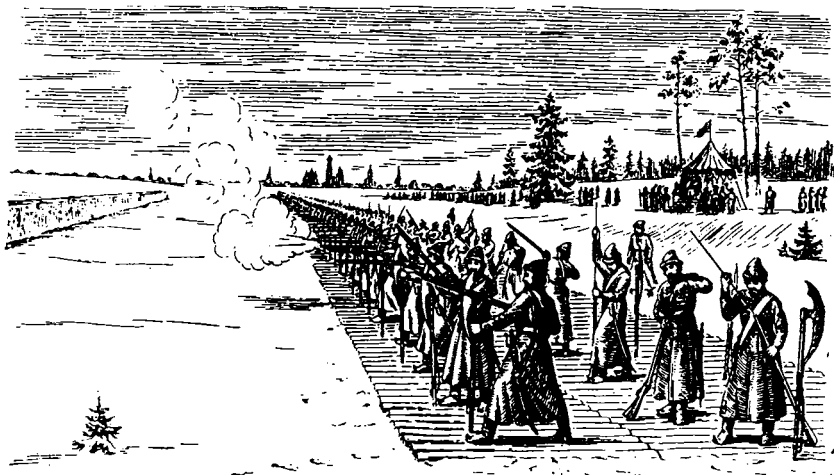
Московские воины в XVI веке (немецкая гравюра)

Московский стрелец в XVI веке

Другой составной частью вооруженных сил Московского государства была конница.

Самую значительную ее часть составляли дворянские или поместные войска, названные так потому, что служилый человек за службу в них получал во владение поместье. Сверх того владелец поместья за свою службу наделялся и денежным жалованием. Это была служба «по отчеству», она являлась пожизненной и вместе с поместьем передавалась по наследству от отца к сыну. Исследователи считают, что число поместных служилых людей во второй половине XVI столетия составляло около 20–25 тысяч. Они были, если их рассматривать по положению на социальной лестнице, двух категорий: более высокая — дворяне и чуть ниже — дети боярские. Лучшей частью поместной конницы был царский полк, в который входили представители самых знатных фамилий и приближенные царя. Основой царского полка послужила «избранная тысяча», об организации которой мы упоминали выше, когда рассказывали о военных реформах Грозного. Тогда в окрестностях Москвы, на расстоянии не более чем 70 километров от нее, были розданы поместья тысяче «лучших» государевых слуг. В дальнейшем можно было наблюдать рост численности царского полка, так что к концу правления Грозного он насчитывал около 10 тысяч человек, дав за время своего существования русскому войску немало командных кадров.

Стрелковый смотр 1557 года

Неверно было бы считать, что поместные войска были целиком составлены из привилегированного сословия. Ведь 20–25 тысяч человек поместных, которых могло собрать под свои знамена Московское государство, — это крайне мало для укомплектования такого рода войск, как кавалерия. Поэтому служилые дворяне и дети боярские по призыву

Разрядного приказа являлись на службу не одни, а в окружении вооруженных слуг и боевых холопов, и 20–25 тысяч — это число только самих помещиков. И когда в нашей военной истории какие-то воинские части называются поместными, то это вовсе не значит, что в них несли службу только владельцы поместий. А понимать это следует так, что владельцы поместий формировали эти части войск, вооружали их, обеспечивали всем необходимым для похода и, главное, укомплектовывали приписанными к своим поместьям людьми.

Наделение служилого по отечеству люда земельными владениями занимался Поместный приказ. Он определял размер земельного надела и денежного жалования в зависимости от ранга служилого человека. Он же назначал и требуемое для отправки в войска число ратников от каждого помещика.

Установленной законом от 1555 года нормой служилый по отечеству владелец поместья был обязан поставить на случай войны «на коне и в доспехе полном», то есть при полном вооружении, одного человека с 200 десятин пахотной земли. Так что число выставляемых тем или иным помещиком ратных людей определялось размерами пожалованной ему за службу вотчины. Согласно расчетам московского правительства, такая форма комплектования должна была обеспечить в середине XVI века поставку в войска от 80 до 100 тысяч конных ратников. В действительности же, как о том повествуют данные Поместного приказа, требуемого количества воинов собрать никогда не удавалось. Сохранившиеся записи Поместного и Разрядного приказов дают основания полагать, что недокомплект конницы, формируемой на основе поместного ополчения, постоянно составлял более половины расчетной. Формы уклонения от службы и недопоставки ратных людей были различны, от ссылок на стихийные бедствия, приведшие к неурожаю, до прямого дезертирства.

Кроме служилых «по отечеству», в коннице русского войска того времени, как и в пехотных частях, можно было видеть городских казаков.

Наконец, в составе московского войска в рассматриваемую эпоху все более начинают себя обнаруживать казаки с окраинных русских земель, перемежающихся с диким полем. Это казаки донские, яицкие, волжские, терские и пр. Как правило, это были люди, представляющие для государства больше проблем и забот, чем опоры. В свое время они или их предки бежали на окраины, будучи недовольными условиями жизни или службы. За долгое время проживания вдали от властных структур, да к тому же в тесном контакте с жителями ордынских кочевий, они сами достаточно одичали. А потому московское правительство не только в ту эпоху, но и еще довольно долго после нее будет смотреть на таких казаков с недоверием. А во время войн командование будет относиться к ним не как к находящимся в его распоряжении, а скорее как к союзникам.

Особый вид русского войска представляли собой инородцы, преимущественно татары. Многие из них поступали на службу Москве добровольно еще задолго до присоединения ордынских окраин, а после вхождения

в Московское государство бывших татарских улусов, в особенности Казанского и Астраханского ханств, удельный вес инородцев в русском войске стал сопоставимым с удельным весом великорусского элемента. Излишне будет говорить о том, что в силу национальных особенностей татарские войска были исключительно конными.

Поместная конница

В военной истории нашего Отечества самую мизерную роль сыграли наемные иноземные войска, да и те в основном появились в составе московского войска несколько позже рассматриваемой эпохи. Во времена же Грозного говорить о присутствии в русской армии наемников не приходится, если не считать отдельных специалистов, которых были единицы.

Следующей составной частью московского войска следует назвать артиллерию или «наряд». К рассматриваемому периоду времени артиллерия уже полностью разделилась на крепостную, осадную и полевую. Первая состояла на вооружении крепостей и предназначалась для отражения нападений противника и обстрела его лагеря во время осады. Ее можно рассматривать как неотъемлемую часть вооружения гарнизонов, хотя в иных случаях, при недостатке артиллерийского парка в полевых войсках, крепостная артиллерия могла сниматься с крепостных валов и башен, в особенности это касается крепостей, расположенных вдали от театров настоящих военных действий, и использоваться в походах. Осадная артиллерия — это тяжелая артиллерия крупного калибра с весом ядра до 2-х с половиной пудов, применяемая для разрушения укреплений при осадах вражеских крепостей. Полевая — легкая артиллерия с весом заряда 6–8 фунтов, предназначенная для поражения живой силы неприятеля.

Как род войск, артиллерия долго отличалась особым характером своей организации. Пройдет много времени, прежде чем произойдет разделе-

ние на специалистов в области производства артиллерийских орудий, то есть, в общем-то, мирных людей, и собственно на артиллеристов, то есть военных людей, занятых обслуживанием артиллерийского парка в боевых условиях. А в рассматриваемое время непосредственно стрельбой из орудия в бою занимались те же самые люди, что и его изготовлением, именуемые пушкарями и объединенные этим общим прозванием. В мирное время пушкари жили слободами, расположенными непосредственно вблизи пушечных дворов, где и занимались отливкой орудий, а в военное время, составив так называемый «наряд», то есть укомплектовав должным образом артиллерийский парк со всеми необходимыми боеприпасами, выступали в поход вместе с продукцией собственного производства. Понятно, что пушкари выделялись на общем фоне простых ратников, пусть даже и относящихся к привилегированной касте, ибо они были специалистами высокого класса в сложной по понятиям того времени с технологической точки зрения области производства.

И в походе, и в условиях боевых действий «наряд» включал в себя весь комплект приспособлений и инструмента для ремонта, а то и производства оружия. Иногда он представлял собой передвижной пушечный двор, на котором можно было изготовить новое орудие в походно-полевых условиях. И конечно не было тут проблем с отливкой ядер и с получением из селитры пороха. При «наряде» состояло множество мастеров самых разных специальностей, имеющих отношение к производству и ремонту вооружения. Командование знало цену «наряда» и берегло его. В боевой обстановке «наряд» располагался по возможности в самом безопасном месте и охранялся лучшими частями своих войск от нападений противника.

Крепостной «наряд», то есть артиллерия, стационарным образом установленная на башнях и стенах городов, имел ту же структуру, что и «наряд» походный. Артиллерийская прислуга при более крупных орудиях, а следовательно, имеющих больший откат и потому устанавливаемых на башнях, дающих возможность такому откату, именовалась воротниками. Наибольшими по численности среди гарнизонных команд были так называемые «затинщики», названные так по виду оружия — «затинная пищаль» — более легкое орудие, с меньшим откатом, а потому устанавливаемое на стенах крепостей. Затинная пищаль — это нечто среднее между легкой пушкой и тяжелым ружьем, но не пригодное в силу своих габаритов и веса к индивидуальному пользованию в отличие от «завесной» пищали ручного применения. Завесная пищаль вешалась за спину на ремне, отчего и получила свое название. Назначение затинщиков — отражать огнем с крепостных стен приступы вражеской пехоты.

Все вопросы, касающиеся производства не только артиллерии, но и всего огнестрельного оружия и боеприпасов, их поставки в войска, организации «наряда» на случай войны и его походного регламента, находились в ведении Пушечного приказа, который позже стал именоваться Пушкарским.

Количественный и качественный рост артиллерии, в первую очередь легкой, полевой, и совершенствование ручного огнестрельного оружия породили в русском войске новое тактическое средство тогдашней войны — «гуляй-город», существенно обогатившее военное искусство эпохи. Это скрепленные между собой телеги и возы, а в зимнее время сани с установленными на них пушками и пищальями, закрытые деревянными щитами, за которыми укрывались стрелки. Такая легкая, подвижная крепость оказалась высокоэффективной в открытом полевом бою, она широко применялась вплоть до конца следующего столетия, выделившись в вооруженных силах Московского государства в самостоятельный род войск.

Смотр пушкарей в середине XVI века

К рассматриваемому времени следует отнести зарождение еще одного рода войск — инженерных. В самостоятельный род войск он выделится еще очень не скоро, это произойдет только в XVIII столетии, а пока инженерные части будут оставаться придатком артиллерии, но возникновение их отмечено именно этой эпохой — началом царствования Ивана Грозного. Тогда, преодолев поставленные на западной границе препоны, в Россию сумело проникнуть и поступить на службу несколько специалистов военно-инженерного дела. Первоначальная сфера их деятельности ограничивалась постройкой крепостей и полевых укрепленных лагерей, а также возведением фортификационных сооружений против неприятельских крепостей и руководством всеми осадными работами.

Более высокий уровень военно-инженерного искусства по сравнению с предыдущей эпохой объясняется развитием огнестрельного оружия,

когда на смену стенобитным и метательным орудиям пришла артиллерия. Со второй половины XVI века при осаде крепостей все большее применение начинают находить «минные войны» с подкопами под стены и башни и закладкой в них пороха.

Для непосредственного ведения боевых действий все названные выше разновидности родов войск распределялись по полкам. Полк был основной боевой тактической единицей тогдашней русской армии, но в те времена понятие полка носило иной смысл, нежели позже, более знакомый нам со времен регулярной армии, когда полк станет однородным и одинакового для одного и того же рода войск численного состава. В XVI столетии полки были неодинаковы по численности, и каждый полк мог включать в себя различные рода войск. Самой крупной боевой единицей армии был Большой полк, первый (главный) воевода над которым являлся и командующим армией. Другие полки: Передовой, Правой илевой руки, Сторожевой и Засадный были заметно меньше числом Большого полка, но, как правило, друг от друга отличались незначительно. Состав полков по родам войск, то есть соотношение в каждом из них пехоты и конницы, определялся многими показателями: характером проводимых операций, особенностями противника, театром военных действий, поставленной перед полком задачей и т. д. Например, засадный полк преимущественно состоял из кавалерии. Аналогичным образом между полками распределялся и «наряд». Во главе каждого полка стояли воеводы двух, иногда трех рангов. Третий воевода Большого полка одновременно являлся и первым воеводой «наряда», то есть командующим артиллерией всей армии. Был свой воевода над «гуляй-городом», так называемый гулявый воевода, и воевода над Артоулом, то есть начальник разведки. Надо сказать, аппарат управления армией был довольно путанным. Так, например, часть «наряда», приданная какому-либо полку, оставалась в подчинении своего воеводы, то есть командующего всей артиллерией. Но в то же время она была обязана подчиняться воеводе полка, в распоряжение которого поступила. А приказы обоих часто противоречили один другому, что не способствовало успеху в проведении боевых операций. То же самое можно сказать и об управлении «гуляй-городом» и о стрелецких частях. Все стрельцы, независимо оттого, что они были раскассированы по разным полкам и, следовательно, подчинялись полковым воеводам, оставались в ведении у стрелецкого головы, старшего над всеми стрельцами. Одним словом, оснований для неразберихи было больше, чем достаточно.

Каждый полк делился на сотни, а сотни в свою очередь дробились на десятки с сотниками и десятниками во главе. Крупные полки, насчитывающие по несколько тысяч человек, могли делиться сначала на тысячи, возглавляемые тысяцкими. Назначение на командные должности было прерогативой Разрядного приказа, но каждое назначение на должность полкового воеводы утверждалось царем. Мы видели, как своей военной реформой в первые годы правления Иван IV намеревался упразднить

или хотя бы ограничить местничество и как в этом начинании он потерпел неудачу. Местнические счеты между воеводами при распределении командных должностей продолжались не только до конца царствования Грозного, но и много позже. Ранг воеводы определялся его положением на социальной лестнице. Чин первого воеводы Большого полка доставался представителям самых аристократических фамилий из титулованной московской знати. Также раздавались и следующие чины. Хотя первые воеводы всех полков, за исключением Большого, значились равными между собой, более престижными и почетными считались места первых воевод Передового и Сторожевого полков. Полк Правой руки рассматривался ступенью ниже, но выше, чем полклевой руки.

Деление армии на соответствующие полки предусматривало расположение каждого относительно всех других не только на поле боя, но и на походе. А порядок походного следования был таким.

Впереди войска следовал Артоул, главная задача которого заключалась в сборе сведений о противнике, а потому из Артоула на протяжении всего похода во все стороны непрерывно рассылались дозоры и пикеты. Кроме того что Артоул вел разведку, он должен был принять на себя в случае необходимости первый удар противника и выдержать его до подхода главных сил несмотря на то, что следующий за Артоулом Передовой полк, как правило, мог отставать на походе на несколько переходов. За Передовым полком шел Большой полк и при нем вся войсковая артиллерия, так как распределение ее по полкам осуществлялось уже после похода, перед началом непосредственных боевых операций. За артиллерией следовал главный обоз (каждый полковой обоз находился при своем полку), наконец, Сторожевой полк замыкал шествие армии.

Полки Правой илевой руки шли вровень с Большим полком, но каждый со своей стороны и на довольно значительном расстоянии от главных сил. Излишне говорить о том, что между всеми полками непрерывно поддерживалась связь.

Обычно один переход, то есть расстояние, покрываемое армией за один день, составлял около 15–20 верст. Иногда, при особых обстоятельствах, войска преодолевали 25 и даже 30 верст в день.

Особенностями московского войска тех времен были полнаявольность в форме одежды и полное отсутствие снабжения продовольствием. Исключение по обоим этим показателям составляли стрельцы. Они носили единую унифицированную форму и, как находящиеся на постоянной государственной службе, обеспечивались продовольствием на все время войны. Все остальные части войск должны были заботиться о своем пропитании сами. Поэтому, когда мы говорим, что служилый по отечеству элемент обязан был прибыть по призыву под государевы знамена «конно, людно и оружно», то есть явиться сам и привести с собой положенное число слуг, последние не только должны быть вооружены и снабжены конями, но и обеспечены пропитанием. То же касается и даточных людей, составлявших основную массу пехоты. Они являлись

в войска с запасом продовольствия, которое хранилось в полковом обозе во все время похода и боевых действий.

Самой слабой стороной исследований в области истории русской армии, в том числе и в отношении рассматриваемого периода, остается определение численного состава московского войска. Все наиболее авторитетные историки подчеркивают сомнительность, а то даже и нереальность приводимых летописями и другими древними письменными источниками данных о численности русских войск в те далекие времена.

Но на основании известного нам порядка формирования русской армии в те времена можно достаточно точно сконструировать механизм подсчета и согласно ему, если еще при этом взять за основу некоторые приводимые исследователями количественные показатели, попытаться найти реальную численность московского войска. Так, например, ученые полагают, что в рассматриваемое время число крестьянских хозяйств, включая церковные и монастырские села, не превышало 350 тысяч. Тогда, если мобилизовать по одному человеку с пяти сох, то под ружьем окажется около 70 тысяч сельских даточных людей, то есть посошных. Городского посадского люда было много меньше, но дворов, надо полагать, было меньше не намного, так как городской двор по числу проживавших на нем много уступал крестьянскому хозяйству. Опираясь на косвенные показатели, можно допустить, что в Московском государстве насчитывалось около 100 тысяч мещанских дворов. Это позволяло мобилизовать еще 20 тысяч человек даточных. Но это все верно, если не учитывать «нетчиков», то бишь дезертиров, в то время как записи Разрядного приказа пестрят донесениями об уклонившихся от службы. На основании таких данных можно полагать, что дезертиров было не менее половины подлежавших призыву в городах, а в сельской местности и того больше. Но даже если считать, что и там и там в «нетях» пребывало не больше половины, то и тогда мобилизационные способности государства не превысят 45 тысяч даточных людей. Повышать призывной процент, то есть брать одного даточного с четырех, а то и с трех дворов, как следует из донесений того же Разрядного приказа, не имело смысла, ибо вызывало раздражение обывателей и еще большее стремление уклониться от службы. Да и экономические возможности государства часто не позволяли этого.

Выше мы говорили, что поместная конница в лучшем случае насчитывала в своих рядах 20–25 тысяч служилых «по отечеству» дворян и детей боярских. В таком случае вся конница должна была насчитывать 80–100 тысяч человек, ибо в среднем земельный надел служилого составлял около 800 десятин, а один ратник брался, как мы отмечали, с каждых 200 десятин. Сколько в действительности каждый такой служилый приводил с собой своих слуг и холопов, сказать трудно, но не секрет, что всякий помещик желал оставить побольше рабочих рук в своем вотчинном хозяйстве, чем вести работающих на него людей на убой. Согласно росписям Разрядного приказа времен Ливонской войны, во всем русском войске, то

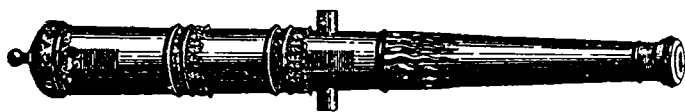
есть не только на западном театре, но и в частях, дислоцированных в других регионах страны, одновременно состояло максимум 35 тысяч человек поместной конницы. Это число получится, если мы допустим, что на призыв откликнулся каждый второй из служилых по отечеству и приводил с собой не более двух слуг. К этому надо добавить стрельцов, которых к концу Ливонской войны насчитывалось 20–22 тысячи, включая московских и городовых, и которые стояли под ружьем в своем полном составе, так как проходили службу на постоянной основе, исключаящей дезертирство, во всяком случае, в массовом его проявлении. Артиллерийской прислуги, состоящей при «наряде» согласно сохранившимся данным как Разрядного, так и Пушечного приказов, было тогда три тысячи человек. Городовых казаков, считая и пеших, и конных, насчитывалось во второй половине XVI века всего шесть тысяч, и сюда же следует приплюсовать татарскую конницу числом приблизительно в 10 тысяч человек. Сложив все, мы получим численность русских войск времен Ливонской войны в 120 тысяч человек. Берем на себя смелость утверждать, что это число реально и вполне достоверно. Мы получили его путем абстрактного подсчета, но в пользу его говорит один факт. Письменные источники оставили нам скудные сведения о русском войске, а главное, эти сведения отличаются редкой периодичностью. Но вот за 1572 год мы располагаем данными, что во время повторного нашествия крымского Девлет-Гирея под ружьем главного воеводы русской армии, дислоцированной на Оке в районе Серпухова и Калуги, стояло 60 тысяч войска. Это число приводится в записях Разрядного приказа в связи с событиями той памятной кампании, с подробным указанием численности по отдельным полкам. И, наверное, по чистой случайности то же ведомство оставило для потомков сообщение о числе русских войск на тот же 1572 год, дислоцированных на Ливонском театре войны. Там их тоже оказалось около 60 тысяч. Надо учесть то обстоятельство, что ресурсы на тот момент были вычерпаны все, и страна в смысле воинских сил была оголена, позволив себе содержать лишь мелкие гарнизоны, преимущественно казачьи, в отдаленных крепостях. Выходит, что государство в разгар большой войны на западе, обеспечив оборону степной границы на юге, располагало армией в 120 тысяч человек — число, полученное нами выше путем нехитрых рассуждений со ссылкой на данные источников и положения некоторых авторитетных исследователей.

Но если документальные сведения о численности русского войска тех лет отличаются крайней скупостью, то для оценки его вооружения исследователь располагает более достаточным объемом информации.

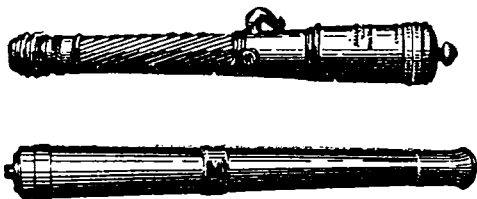
С начала XVI столетия Русь вступила в новый этап развития огнестрельного оружия. Достигнутый к тому времени уровень металлургии и освоение многих неизвестных ранее видов ремесел позволили не только значительно увеличить производство новых образцов вооружения, но и качественно изменить их боевые характеристики. Значительно возросла численность артиллерийского парка. Письменные источники сообщают

нам, что к последней трети XVI века лишь крепостная артиллерия, не только установленная на башнях и стенах, но также и хранящаяся в арсеналах крепостей и укрепленных городов, насчитывала не менее двух тысяч стволов орудий. Заметим, что эти сведения относятся ко времени разгара Ливонской войны и не менее напряженного положения на степной границе, где, как мы отмечали выше, были дислоцированы тогда все русские войска и, наверняка, сосредоточена основная масса имеющейся артиллерии. Количественную оценку артиллерийского парка полевых армий дать, к сожалению, трудно, ибо конкретных данных о том нет, но, надо полагать, недостатка в орудиях как на западном фронте, так и на Окских переправах тогда не чувствовалось. Иначе бы две тысячи стволов не покоились в крепостях, далеко отстоящих от театров военных действий, и правительство позаботилось бы о том, чтобы они были переброшены из тылов в действующие армии.

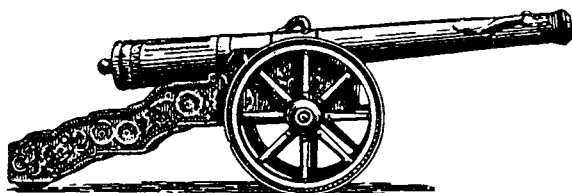
Наибольшей производительностью отличался московский пушечный двор. В XVI веке его мастера освоили выпуск самых разнообразных по калибру и по назначению орудий. Но главные особенности нового этапа в развитии вооружения заключались, конечно, не в количестве. Усовершенствование и выпуск новых типов оружия характеризовался тремя основными показателями.

Литая пушка XVI века

Пищаль «Свиток» 1591 года и кольцевая пищаль XVI века

Пищаль «Скоропея» 1590 года

Во-первых, орудия стали ставиться на колесный лафет.

До XVI столетия под орудием понимался только ствол, собственно говоря, он единственно и был всем орудием. Ствол укладывался в массивную деревянную колоду, в которой для его укладки специально выдалбливался желоб, и крепился к колоде скобами. О неудобствах транспортировки такого орудия и, в особенности, о неудобствах применения его в бою говорить излишне. И если для вооружения крепостей такая артиллерия еще как-то могла сойти, то для полевого боя она была просто непригодна. Изобретение колесного лафета, дающего возможность быстрой и легкой транспортировки, оперативной передислокации орудий, а отсюда их эффективного использования, как в оборонительном, так и в наступательном бою, не просто вносило удобство на походе и при ведении боя, а принципиально меняло тактику, значительно обогащало военное искусство.

Во-вторых, появились орудия, стреляющие картечью.

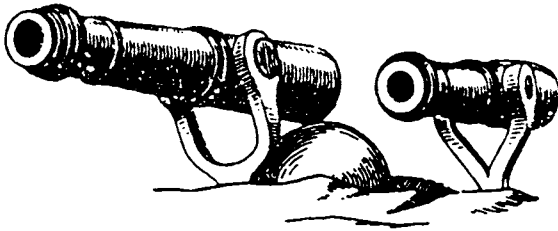
До этого вся артиллерия стреляла только ядрами, что было малоэффективно при использовании ее в полевом бою против живой силы противника. Потому и применялась она в основном для разрушения вражеских крепостей и других оборонительных сооружений. Против живой силы эффекта можно было добиться только стрельбой разрывными снарядами, да и то если стрелять по плотным скоплениям народа. Первоначально и долгое время артиллерия вообще могла стрелять только навесно, пока не научились производить орудия для настольной стрельбы. Наконец, в первой половине XVI века изготовили орудие, стреляющее картечью, или, как тогда говорили, «дробом». Эффективность огня такого орудия превзошла ожидания.

В-третьих, появилось ручное огнестрельное оружие.

Тут надо заметить, что огнестрельное оружие началось с артиллерии, и долгое время именно артиллерия являлась единственным представителем огнестрельного оружия. Ручным оружием, действующим на расстоянии, оставались луки, самострелы, арбалеты и т. п. При этом артиллерийские орудия по роду применения, назначению и характеру действия делились на тюфяки, пищали, гафуницы и т. д. Ружье получилось из пищали путем постепенного уменьшения ее калибра, веса и габаритов, пока, наконец, с ней не удалось справиться одному человеку, то есть когда сумели привести ее к ручному применению. После этого пищальями стали называть только ручное оружие, предназначенное к индивидуальному использованию, а все остальные пищали начали именовать пушками. И хотя ручное огнестрельное оружие долго было еще далеко от совершенства, с низкой скорострельностью, слабой прицельной способностью и слишком тяжелым, оно постепенно вытеснило из применения луки и самострелы, значительно повысив огневую мощь армии.

К названным трем основным показателям развития в XVI столетии огнестрельного оружия можно добавить множество других, более мелких. Так, например, к этой же эпохе относится появление у пушек прорези

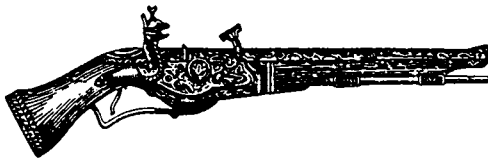
и мушки, что положило начало созданию прицелов. Появились первые орудия, заряжаемые не с дула, а с казенной части. Были изобретены винтовальный поршень и клиновой затвор. На московском пушечном дворе впервые была изготовлена нарезная пищаль, правда, это свершилось в самом конце столетия. Значительно расширился ассортимент орудий. Применительно для различных условий ведения боя и для поражения разных целей появились гаубицы, мортиры, фальконеты. Были изобретены и изготовлены многоствольные орудия, явившиеся прототипом орудий залпового огня. Повышались скорострельность, прицельность и дальнобойность орудий.

Две железные пищали XVI века

Медная гафуница 1542 года

Пищаль завесная

Одновременно с оружием совершенствовались и снаряды. Наряду с ранее имевшимися каменными и железными ядрами, появились разрывные и зажигательные ядра. Тогда же освоили выпуск чугунных ядер и ядер, облитых свинцом, что повышало баллистические свойства орудий.

Надо помнить, что вооружение ратников, даже внутри одного полка, было далеко неоднородным. Исключение и тут составляли стрельцы, отличавшиеся, помимо унифицированной формы одежды, одинаковым, строго предписанным регламентом, вооружением. Во всех других частях можно было наблюдать самое невероятное разнообразие оружия и одежды, определявшееся социальным характером московского войска, где наибольшим богатством вооружения, экипировки и убранством коней отличались дворяне и дети боярские.

К середине XVI столетия русская пехота была вооружена преимущественно огнестрельным оружием — пищальми, хотя на вооружении некоторых ратников еще встречались в качестве оружия, действующего на расстоянии, луки и самострелы. Для ближнего боя использовались топоры, ножи, рогатины, реже копья. Иметь саблю мог себе позволить только довольно богатый воин. Все стрельцы в качестве холодного оружия имели бердыш — топор с широким лезвием на длинной рукоятке. Сабля среди стрельцов в отличие от прочих ратников была не редкостью. И, конечно же, для дальнего боя все стрельцы имели на вооружении пищали.

Конница была вся вооружена только холодным оружием, в том числе и для дальнего боя. Пользоваться огнестрельным оружием, тем, каким оно в ту эпоху являлось, находясь в седле, не было никакой возможности. Ружье в силу своего несовершенства, то есть пищаль, было к этому абсолютно не приспособлено, а пистолетов в те времена практически не было. Эпоха их изготовления на Руси только-только начиналась. А потому вооружение конницы состояло из луков и самострелов, а для ближнего боя конные воины, так же как и пешие, вооружались главным образом топорами. Сабли и тут имели очень немногие, несмотря на то, что дворянского элемента в коннице было значительно больше, чем в пехоте. Правда, в коннице значительно больше, чем в пехоте, было копий.

Тут, коль скоро мы упомянули об одновременном использовании в те времена для дальнего боя и холодного и огнестрельного оружия, то нельзя не задеть еще одной особенности той эпохи, особенности, касающейся истории развития вооружения. XVI век для Европы стал веком активного перехода от луков со стрелами, самострелов и арбалетов к ружьям и самопалам. Процесс этот проходил довольно мучительно, занял в истории длительное время, и неверно было бы полагать, что с самого начала появления огнестрельного оружия, пригодного для индивидуального пользования, то есть ручной пищали, она могла заменить предшествующие ей на протяжении многих столетий луки и стрелы. Как неверно относить к категории невежества и архаизма мышления отдачу многими государственными и военными деятелями предпочтения стрелам и арбалетам и их не стремления немедленно перевооружать свои армии огнестрельным оружием. И дело даже не в том, что экономические возможности буквально всех государств не позволяли такое перевооружение произвести быстро. А дело в том, что в первое время после своего появления и еще долгое время потом ручное огнестрельное оружие настолько уступало

холодному в удобстве использования, скорострельности и прицельной дальности, что замена им привычных луков и самострелов не только не повышала, но и снижала боевую мощь армии. Попробуем подкрепить последнее положение некоторыми аргументами.

Изготовленный хорошим мастером лук стрелял на 150–200 метров, при этом на 100 метров он стрелял прицельно. Под прицельностью следует понимать способность ратника попасть в мишень размерами с человека. В московском войске лучшими лучниками были татары и другие ордынцы — жители степных кочевий. По их древней традиции становление из ребенка юноши-воина заключалось в испытании его в искусстве владения луком. На полном скаку, бросив поводья, испытуемый должен был сбить стрелой парящего в поднебесье орла. Русские люди уступали ордынцам в этом искусстве, и недаром татарские части московского войска еще долгое время после описываемой нами эпохи останутся вооруженными луками и стрелами. Но на расстоянии в несколько десятков метров русский воин попадал из лука в противника не хуже, чем это делал татарский лучник. А поскольку тогдашняя тактика ведения боя подразумевала действие толпой, то выстрел из лука московского ратника, пусть даже не слишком искусственного в этом деле, на 150 и более метров также неизменно поражал цель, следовало только навести оружие в сторону врага.

Для сравнения скажем, что первые ручные пищали стреляли приблизительно на такое же расстояние, может быть на чуть большее, но при этом ни о какой прицельности не могло быть речи. Пули летели куда угодно, и зачастую на стрелецких смотрах, как иронизировали современники, самым безопасным местом для зрителей было именно то, куда стрелок целился.

К особым недостаткам ружей той поры следует отнести их тяжесть. Именно поэтому ими долгое время не могли вооружать кавалерию. Пристроить как-нибудь огромную громоздкую пищаль ратнику, сидящему верхом на лошади, было решительно некуда. Нельзя было ее и повесить за плечами, как это делали пехотинцы, ибо в этом случае во время скачки пищаль всем своим весом была бы своего владельца по спине, так что долго такое испытание всадник бы не выдержал. К тому же, находясь в седле, из нее невозможно было стрелять. Хватало с теми ружьями неудобств, вызванных их тяжестью, и в пехоте. Транспортировать пищаль за спиной или держать ее на плече еще как-то было можно, хотя ее тяжесть и приводила к излишней утомляемости воинов на походе, но самые большие неудобства возникали при ее прямом применении, то есть при стрельбе, ибо удержать такое ружье на весу не мог даже самый физически сильный человек. А потому стрелять можно было, только установив под ствол какую-нибудь опору. Стрельцам в этом отношении было проще, нежели другим пешим воинам. У каждого из них на вооружении для ближнего боя был бердыш, а при стрельбе он с успехом мог использоваться в качестве опоры под пищаль. Другим пешим ратникам

приходилось изобретать какое-то свое приспособление и таскать его постоянно с собой как еще один атрибут вооружения. Кроме всего прочего, у такого оружия была настолько повышенная отдача, что не всякому стрелку после выстрела удавалось удержаться на ногах, а иной раз отмечались случаи перелома ключицы. Так что воинам приходилось иметь при себе специальную небольшую подушку, прикладываемую во время стрельбы к плечу под основание приклада ружья для смягчения силы удара при отдаче.

Но ни дальнобойность, ни прицельная дальность, ни тяжесть и громоздкость первого ручного огнестрельного оружия оставались его главным недостатком. Им была низкая, уступающая любому луку, самострелу или арбалету, скорострельность.

Скорострельность оружия определяется временем, необходимым на его зарядание, так вот процесс зарядания ручных пищалей в XVI веке протекал столь томительно долго, что самый превосходно обученный стрелок мог стрелять с частотой одного выстрела в несколько минут, иногда один выстрел производился в 10 минут. И в то же время лучник делал до 15–20 прицельных выстрелов в минуту, потому как для того, чтобы выхватить очередную стрелу из колчана, заложить ее в лук и натянуть тетиву, одновременно наводя оружие на цель, требовалось в среднем не более 2–3 секунд. Таким образом, скорострельность холодного оружия, действующего на расстоянии, превышала в те времена скорострельность оружия огнестрельного на два порядка, то есть в 100 раз.

Так что, как видим, в середине XVI века ручное огнестрельное оружие уступало холодному оружию дальнего действия по всем показателям. К этому времени ушло в прошлое и такое преимущество огнестрельного оружия, как психологическое воздействие на противника. В этом смысле Руси повезло больше, чем странам Западной Европы. Долгое время ее главным противником на полях сражений оставалась азиатская орда, позже других вступившая в знакомство с порохом (несмотря на то, что он был изобретен именно в Азии), а потому при всем своем превосходстве в искусстве стрельбы из лука уступавшая русским ратникам, вооруженным практически непригодным к бою огнестрельным оружием. Орда не выдерживала психологического давления, производимого непривычным громом, блеском изрыгаемого из пищальных стволов огня и окутывавшего поля сражения дымом. Но постепенно жители диких степей свыклись с этим, и огнестрельное оружие потеряло последнее свое на тот момент преимущество.

Возникает вопрос: может быть не стоило тогда торопиться и перевооружать армии малопригодным к бою ручным стрелковым оружием, а вместо этого продлить срок использования холодного до большего совершенствования огнестрельного?

Сторонники такой концепции находятся до сих пор, и они также не правы, как не правы и те, которые напротив ратуют за то, что с появлением первых ручных пищалей необходимо было немедленное и полное упразднение луков и самострелов.

И Европа, и Московская Русь выбрали в этом направлении правильный путь. Луки и стрелы ушли в прошлое, время их безнадежно миновало, и при всех их преимуществах перед ручными пищалями в сказанном нет противоречия с действительностью. Дело в том, что в своем развитии холодное оружие дальнего боя уже давно достигло пика. К рассматриваемому времени прошло несколько веков от последнего новшества в этом направлении — изобретения арбалета. Большого в этом направлении достигнуть нельзя, и время доказало это: все усовершенствования лука, вплоть до современного спортивного, не изменили принципа, а потому не улучшили ни его дальнобойности, ни прицельной дальности.

Иное дело — огнестрельное оружие. За ним будущее, надо только пережить время, когда оно достигнет степени высокой боепригодности. И во все это время не следует вооружаться исключительно только архаическими, отжившими свой век луками и арбалетами. Как не следует полностью отказываться от последних и целиком и полностью отдавать предпочтение новоизобретенным, а потому малопригодным образцам огнестрельного оружия. Нужен долгий переходный период с постепенным изживанием одного вида оружия со столь же постепенным освоением другого. И этот процесс государства Европы прошли за несколько столетий. Не стала исключением и Москва. И именно XVI век стал в этом смысле переломным, в его середине вспыхнула одна из самых продолжительных войн в мировой истории — Ливонская война Московского государства против коалиции европейских держав. И с обеих воюющих сторон на вооружении армий всех стран-участниц можно было наблюдать в равной степени использование как огнестрельного оружия индивидуального пользования, так и, казалось бы, пресловутых луков и самострелов. Пожалуй, с московской стороны этого архаизма было все-таки больше, но последнее объясняется довольно высоким процентом воюющих на ее стороне татарских и других ордынских войск.

Теперь, охарактеризовав экономическое и военное состояние Московской державы, попробуем представить, что же такое являл из себя на тот момент ее соперник. Что противостояло военной мощи Московской державы в Прибалтике?

В войне против Москвы на стороне ее соперника выступила целая коалиция союзных держав, недовольных агрессивной политикой русского царя, но на первом этапе войны московскому могуществу противостояла одна лишь Ливония.

На начало московской агрессии Ливония являла собой конфедерацию пяти феодальных государств: Ливонского Ордена, а также Рижского, Курляндского, Дерптского и Эзель-Викского епископств, занимающих территорию, меньшую территории Рязанского княжества — одного из последних уделов Руси, позже других вошедших в состав Московской державы. Политическим ядром всего этого государственного образования, его стержнем оставался Ливонский Орден — военно-католическая организация крестоносцев.

Как мы знаем, в течение долгого времени Ливонский Орден оставался главной военной силой и политической опорой немецкого феодализма и католической церкви в Восточной Прибалтике. Но к XVI столетию экономическое и политическое положение Ордена стало приближаться к краху. Рыцарско-монашеский уклад жизни с его архаическими формами ведения хозяйства привел экономику Ливонии к полному упадку, а практически развал Тевтонского Ордена после Грюнвальдской битвы и внутренние противоречия в самой Ливонии окончательно подорвали ее политическое положение. Влияние учения Лютера и, как следствие, отступление большей части ливонского населения от католицизма в пользу протестантизма, начавшееся с 20-х годов XVI века и постепенно приведшее к победе идей реформации, окончательно внесло раскол в общество и ослабило внешнеполитические позиции Ордена. В то же время не спадающая острота национальных противоречий между немецкими феодалами, с одной стороны, и латышскими и эстонскими крестьянами — с другой способствовала неустойчивости его внутреннего состояния. Располагавшая статусом независимого государственного образования Ливония в течение трех столетий не попыталась выработать даже основы идеи национального единства. Выродившееся рыцарство утопало в роскоши, нещадно эксплуатируя обнищавшее до последней степени коренное население. Более пятидесяти лет, прошедших со времен последних столкновений на псковско-ливонском порубежье, потомки покоривших ливонскую землю крестоносцев не брали в руки оружия. Сменилось два поколения хозяев ливонских земель, знавших о рыцарских доблестях только понаслышке. Государство еще кое-как держалось благодаря наивыгоднейшему географическому положению с его пересекавшимися морскими путями и обустроенными гаванями, дававшими неограниченный простор для международной торговли. А потому многие заинтересованные соседи, главным образом страны Ганзейского союза, старались поддержать хрупкое положение Ордена и сопредельных с ним епископств. Но в целом, оставаясь номинально под властью германского императора и римского папы, Ливония фактически была предоставлена самой себе, пребывая в томительном ожидании, когда хищные и более сильные соседи разорвут ее на куски.

О военном потенциале выбранного для себя Москвой противника, ввиду скудности данных, судить трудно, но сравнительную оценку соперников сделать можно. Выше, ссылаясь на источники, мы говорили, что население русского государства на начало войны за завоевание Ливонии насчитывало семь миллионов человек. Точных данных о численности населения Ливонии в те же времена нет, но зато известно, что в современных государствах Латвии и Эстонии, взятых вместе, общая внешняя граница которых чуть ли не абсолютно совпадает с границами Ливонии середины XVI века, население сегодня составляет около четырех миллионов человек. Иными словами, число жителей на территории бывшей Ливонии в начале XXI века едва достигло половины того, что проживало в России четыре с половиной столетия назад.

Главным козырем рыцарства в новой для него войне с восточным соседом оставались мощные каменные замки и крепости, густой сетью покрывшие всю страну, но и они были не в состоянии спасти свое государство, а только на несколько лет отсрочили его гибель.

Чем же все-таки определялась в те времена военная сила Ордена?

Полноправными членами Ордена, именуемыми братьями, считались только *рыцари*, они же единственно представляли собой вооруженную силу государства. О полном упадке этой силы говорит тот факт, что в конце XV века в Ордене насчитывалось 500 рыцарей, а в середине XVI века, непосредственно перед Ливонской войной, их было только 150.

Здесь, пытаясь количественно оценить состав воинских сил Ордена, требуется тот же подход, что и при количественной оценке поместных войск Московской державы. Как и там служилый по отечеству был обязан привести с собой под государевы знамена строго положенное регламентом число вооруженных слуг, так и тут всякий рыцарь отправлялся на войну в окружении кнехтов и других, вассально зависимых от него людей, составляющих войско Ордена. Сколько конкретно людей могло находиться при каждом рыцаре, сказать трудно, но, согласно источникам, в войнах конца XV века Орден выставлял войско в 4 тысячи человек. Это тогда, когда число рыцарей достигало 500. Следовательно, каждый из них имел при себе в среднем по восьми других воинов. А ведь конец XV века — это хоть уже и не расцвет Ордена, но еще и не самый закат. Сколько был в состоянии поставить каждый рыцарь в середине XVI века, мы сказать не можем, но то, что Орден вступил к этому времени в полосу своего упадка, остается непреложным фактом. Да и рыцарей в нем оставалось только полторы сотни.

Громадное несоответствие людских ресурсов Московской державы и издыхающей рыцарской общины, как во многом определяющих военный потенциал любого государства, избавляет нас от необходимости ссылок на другие показатели военной мощи, а вернее сказать, немощи Ордена.

Но будучи ограниченным в людских ресурсах и в то же время располагая выгодным географическим положением, открывающим ему приток торговых капиталов, Орден еще с XIV века начинает использовать под своими знаменами иностранных наемников, и этим он не стал оригинален. В те времена в Европе наемные войска использовались очень широко, и можно назвать множество государств, прибегавших тогда для организации и формирования своих армий к практике найма. За XV–XVI столетия институт военного наемничества в Европе вырос настолько, что практически заменил собой преобладавшую ранее службу вассально зависимых от своего короля феодалов, что, в свою очередь, также способствовало вырождению рыцарства.

Но использование наемной вооруженной силы в сильной степени зависело от экономического состояния нанимателя, и в этом смысле Ливония долго пребывала в довольно благоприятных условиях. Выгоды от внешнеторгового посредничества позволяли ей содержать большую по

численности наемную армию, и когда мы говорили, что войска Ордена в конце XV столетия насчитывали всего 4 тысячи человек, то имели в виду только части войск из своих граждан — рыцарей и их слуг.

Постепенно, за два столетия наемный элемент в орденском воинстве становится преобладающим. Таким он и остается на момент начала Ливонской войны, но преобладающий не есть многочисленный. Преобладать практически уже не над кем. Вспомним, что число рыцарей к этому времени едва достигает 150 человек. Даже если допустить невероятное, что каждый из них способен был, как и полвека назад, поставить по восемь вооруженных слуг, то и тогда число собственно ливонского воинства едва перевалит за тысячу. А экономическое положение Ордена к середине XVI столетия уже далеко не то, что за 50 лет до этого, потому и возможности найма тоже уже не те. И первый этап войны против собственно самой Ливонии до вступления в войну ее заступников — подтверждение этому. Описания древними источниками баталий этого этапа, сводившихся в основном к овладению московской стороной крепостей и замков, защищаемых малочисленными гарнизонами, дают основание полагать, что орденские войска вместе с наемной силой не превышали нескольких тысяч человек.

А наемную силу, используемую ливонскими властями в последней для себя войне, представляли немецкие ландскнехты.

В XVI веке немецкие ландскнехты становятся самыми характерными представителями наемных войск. Выходцы из разных земель Германской империи, они встречаются в те времена на службе многих как мелких феодальных образований, так и крупных централизованных государств во всей Европе. Профессиональные военные с богатыми боевыми традициями, ландскнехты являли собой тогда самую грозную воинскую силу эпохи. Они составляли исключительно пехоту, а по своей организации и выучке вобрали в себя лучшие достижения европейского военного искусства. И неудивительно, что именно к ландскнехтам, как к своим единокровным братьям, обращались за наймом орденские власти.

Вооружение ландскнехтов определялось используемыми ими тактическими приемами ведения боя. Например, оружием дальнего боя была вооружена не вся немецкая пехота, а лишь меньшая ее часть, именно та, за которой на первой стадии боя закреплялась функция поражения живой силы неприятеля на расстоянии. Основная же часть ландскнехтов вступала в баталию тогда, когда наступала фаза ближнего боя. Вооружение таких воинов состояло либо из копья от 3 до 5 метров длины, либо из алебарды, то есть топора с широким плоским лезвием, наподобие русского бердыща, но насаженного на копье длиной до 2 метров. Обязательным атрибутом любого ландскнехта был тяжелый двуручный меч.

Для ландскнехтов, задача которых была вести дальний бой, индивидуальным оружием, как и для ратников Московского государства, в те времена в равной степени служило и холодное, и огнестрельное. В качестве первого использовался арбалет, в качестве второго аркебуз — тяжелое

ружье, наподобие русской пищали. Оттого и сами ландскнехты, предназначенные для ведения с противником дальнего боя, назывались либо арбалетчиками, либо аркебузирами. Как видим, законодательница моды в военном искусстве — Европа, и она же лидер в области вооружения, не спешила полностью переходить на огнестрельное оружие, и причина тут та же: аркебуз по всем своим качествам уступал не только арбалету, но и обычному луку.

Немецкие ландскнехты

Драгун XVI столетия

Правда, к середине XVI века постепенное усовершенствование аркебуза привело к появлению нового типа ручного стрелкового оружия — мушкета. Мушкет отличался повышенными свойствами в сравнении с пищалями и аркебузами. Он стрелял на 300 метров, причем на 150–200 метров он позволял вести довольно прицельный огонь. Но за всю вторую половину века мушкет успел прочно внедриться только у себя на родине в Испании и в соседней Франции. До германских земель, а тем более до Восточной Европы новое изобретение почти не дошло, там его можно было встретить лишь в единичных случаях.

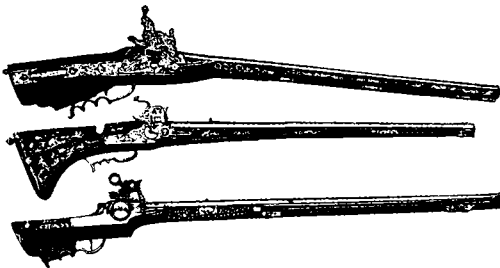
Составляли наемные войска и кавалерию. В этом качестве они получили название рейтаров. Вооружение рейтара состояло из пика, облегченного меча, скорее напоминавшего шпагу, а в качестве огнестрельного оружия каждый рейтар имел два пистолета, в производстве которых Европа к тому времени значительно преуспела. Но в ливонском войске роль кавалерии выполняли свои рыцари, поскольку они, как и любые рыцари, могли быть только конными. И при всей малочисленности их было достаточно для комплектования одного этого рода войск. А потому для своей кавалерии Ливония использовала очень ограниченное число наемников, а что касается непосредственно Ливонской войны, то, похоже, что их там не было вовсе. Источники не упоминают о присутствии рейтаров в составе ливонских войск, что и понятно. Та война со стороны Ордена свелась к защите крепостей и замков, при которой кавалерия не играет никакой роли. Такой ход войны нетрудно было предвидеть, а потому, готовясь к ней, у орденских властей не было надобности прибегать к найму рейтаров. Здесь следует сделать оговорку.

Мы пока рассматриваем военный потенциал только Ливонии с учетом воюющих под ее знаменами наемников и не ссылаемся на других союзников Ордена. Вообще, в ходе Ливонской войны на противной Москве стороне можно было увидеть рейтаров, и в немалом количестве, но все они состояли в войсках Швеции или Польши.

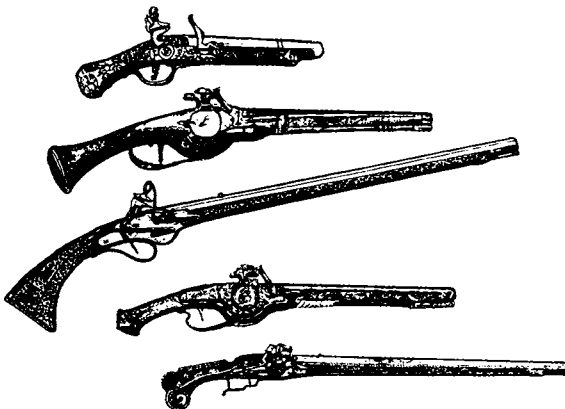
Если говорить об артиллерии противника, то ввиду того что все военные действия Москвы против Ордена свелись в основном к осадной войне, следует, в первую очередь, сказать о крепостных орудиях. Правда, не только. Так, например, в открытой битве под Вейсенштейном в 1560 году основная роль на обеих сражавшихся сторонах досталась именно полевой артиллерии, но это скорее исключение из общего хода военных действий.

Рассказ об артиллерии, можно было бы не делить на отдельных участников той войны с противной Москве стороны. Артиллерийский потенциал как по качеству, так и в процентном отношении к общей численности армии каждого из союзников отличался один от другого не на много. Несколько выше других в этом смысле стояла Швеция. А потому с общего рассмотрения артиллерийского вооружения противников России в той войне можно начать знакомство с ливонскими заступниками. А ими, кроме Швеции, были Литва и Польша, объединившиеся в 1569 году в одно государственное образование — Речь Посполитую.

Вообще говоря, Западная Европа достигла тогда больших успехов в производстве артиллерийских орудий. Высокий уровень металлургической промышленности открыл дорогу принципиально новым решениям и привел к созданию совершенных на то время образцов вооружения. Вместо железных орудий стали появляться чугунные, наконец, бронзовые. Сохранив ту же огневую мощь, удалось уменьшить вес орудия, повысить его баллистические свойства. Увеличилась длина ствола, благодаря чему удалось повысить начальную скорость ядра, следовательно, дальность. Улучшились свойства пороха и, как следствие, появились разновидности зажигательных и разрывных снарядов. Можно упомянуть еще о многих усовершенствованиях и достижениях в области артиллерийского вооружения, но нельзя не сказать, что все они в основном оставались достоянием стран-изобретательниц, преимущественно Франции и Испании, а потому названные новшества, как и многие другие, мало сказались на театрах Ливонской войны. Из всех ее участников западноевропейское новаторство в области вооружения больше других коснулось Швеции, а потому ее армия в смысле огнестрельного оружия, как ручного, так и артиллерийского, превосходила все другие.

Мушкеты XVI века

Пистолеты и аркебуза XVI-XVII веков

Оценку военного могущества Швеции дает известный немецкий военный историк Ганс Дельбрюк:

«К концу средних веков едва не произошло объединение в одно государство Швеции, Дании и Норвегии, подобно тому, как около того же времени объединились Кастилия и Арагон. Но шведы воспротивились такому объединению и в борьбе за свою независимость образовали военное государство невиданной дотоле силы. Страна, со включением Финляндии и Эстляндии, насчитывала тогда едва 1 млн жителей (не более, чем тогдашние курфюршества — Саксонское и Бранденбургское, вместе взятые), но и народ, и сословия, и король сомкнулись в одно неразрывное целое, в то время как в немецких странах, подчиненных как Габсбургам, так и Гогенцоллернам, вся дееспособность была парализована противоречиями, разделявшими между собою государей и сословия, а простой народ прозябал в тупом безразличии. Королевская власть династии Вазы, не имевшая своим источником феодальное наследственное право, а созданная народным избранием, носила совсем иной характер, чем власть немецких князей, и как королевская власть в Швеции отличалась от власти немецких государей, так и шведские сословия весьма существенно отличались от сословного представительства в остальной романо-германской Европе. Шведский рейхстаг был своего рода профессиональным представительством, не являвшимся носителем чьих-либо прав, а созываемым королем по его усмотрению и для его поддержки. С этой целью король созывал не только дворян, духовенство и бюргеров, но и крестьян, а наряду с ними также и представителей офицеров, судей, чиновников, горняков и других профессий. Последние группы постепенно отпали, а представительство от офицеров объединилось с представительством от дворян, так что образовалось прочное представительство четырех сословий, которые сливались в одних стремлениях с королем и выражали единую волю по отношению к внешнему миру».

Это свое высказывание знаменитый немецкий ученый относит к периоду начала XVII века. И именно им на страницах своей знаменитой «Истории военного искусства» он пытается отразить состояние Швеции на момент восшествия на престол внука Густава Вазы, выдающегося впоследствии полководца Густава Адольфа. Но все им сказанное будет справедливым, а потому может с равной степенью объективности быть отнесено и к эпохе полувековой давности, к концу 50-х годов XVI века, к моменту развязывания Московской державой Ливонской войны, то есть ко времени правления самого Густава Вазы. И тем более оно останется справедливым в отношении начала 70-х годов, то есть времени вступления в ту войну Швеции. Ведь ничего в истории человеческого общества не происходит вдруг, в одночасье, и наследство, полученное Густавом Адольфом, складывалось на протяжении жизни не одного поколения. Можно сказать больше: именно Ливонская война и ее уроки во многом способствовали укреплению основ национального единства и консолидации всех слоев шведского общества, а также общества и власти, что

и позволило построить на Скандинавском полуострове государство, по словам Дельбрюка «невиданной дотоле силы».

Особенный интерес в приведенном высказывании известного ученого заключается в том, что, проводя параллель между положением дел в Швеции и в германских княжествах, проставленная им сравнительная оценка внутривосточного состояния чужого государства и его исторической родины оказывается не в пользу последней. Но то же самое в сравнении со Швецией можно было бы сказать относительно любого другого государства, и, если мы постараемся быть беспристрастными, то в равной степени такая оценка окажется в пользу Швеции и в сравнении с Россией. О единстве народа, других сословий и монаршей власти в нашем Отечестве говорить было бы просто смешно. Как и о том, что дееспособность нашего государства, благодаря остроте противоречий между отдельными его сословиями, всегда была парализована намертво, а прозябание в тупом безразличии народа до сегодняшнего времени остается его естественным состоянием.

А военная машина шведского королевства была типичной для развитой западноевропейской державы того времени. Те же рода войск и с тем же использованием наемной вооруженной силы, но, безусловно, в меньшей степени, чем это можно было видеть в Ливонии. Процент наемников в шведской армии был, вообще говоря, невелик, зато многие шведские воины поступали на службу под чужие знамена. Сравнить число иностранных наемников в шведских войсках с числом шведских солдат, воюющих в рядах иноземных армий, не предоставляется возможным, но непреложным остается факт: шведские воины высоко ценились в Европе.

О вооружении шведской армии мы вскользь уже упоминали: новшества в области вооружения легко проникали на шведскую землю. Во многом благодаря тому, что Швеция была морской державой с превосходно налаженным мореплаванием и освоенными торговыми путями, ее достоянием быстро становились многие достижения европейской техники. Кроме того, шведское королевство всегда само стояло на высокой ступени развития промышленного производства.

Так шведская пехота во второй половине XVI века (Швеция вступила в войну против России с начала 70-х годов) уже во многом была вооружена мушкетами, хотя еще оставались аркебузы и арбалеты. Применялись шведской пехотой и ручные бомбарды — легкое, короткоствольное артиллерийское орудие малого калибра, стрелявшее разрывными снарядами — бомбами и предназначенное для поражения живой силы. Короткий ствол бомбарды (как правило, не более полуметра) не давал возможности достичь высокой дальности стрельбы и сколько-нибудь приемлемой прицельности. Но поскольку тогдашняя тактика ведения боевых действий предусматривала большие скопления как пехоты, так и конницы, то стрельба из бомбарды на небольшие расстояния оказывалась очень эффективной. Другим достоинством бомбарды была относительная легкость, позволявшая ее ручное использование.

Среди наемников под шведскими знаменами можно было видеть рейтаров, но были в королевской армии и свои части кавалерийских войск, особенностью которых стало то, что на их вооружении появились ружья — аркебузы или мушкеты. Мы помним, что из огнестрельного оружия в кавалерии до сих пор можно было встретить только пистолеты. Но вот к середине XVI века на вооружении кавалерийских частей некоторых западноевропейских армий, в том числе и шведской, начинают появляться ружья. Такая возможность появилась благодаря налаженному выпуску облегченных аркебуз и мушкетов с укороченным стволом. Кавалеристы, получившие такое оружие, начинают именоваться драгунами, и их первоначальное назначение — ведение боя как в пешем строю, так и верхом в седле, в зависимости от обстоятельств.

Рейтар XVI века

Аркебузир. 1570-е годы

Шведский наемник. XV век

Рыцарь

И, конечно, если говорить о военном могуществе Швеции, то нельзя не упомянуть о том, что она обладала на тот момент мощным военно-морским флотом.

Ливонская война на всех своих фронтах осталась сугубо континентальной, и из всех стран ее участниц Швеция была единственной морской державой. За все длительное время той войны боевых действий на море не велось, и русско-шведский фронт тоже весь целиком был сухопутным. Располагая выходом к морю и устьями трех больших рек, текущих из континентальных глубин своей державы — Невы, Луги и Наровы, Московское государство оставалось континентальным по своей сущности, не приступившим даже к освоению зачатков мореплавания. А потому шведскому владычеству на море московской стороне противопоставить было нечего. Зато противостоять там было чему. Успехи шведского оружия на суше во многом объясняются тем, что на протяжении всей войны шведский флот свободно, вовремя и без препятствий доставлял в Северные районы Ливонии, где дислоцировалась сухопутная армия, все для нее необходимое. Благодаря безраздельному господству королевского флота на Балтике был налажен постоянный контакт заброшенных в чужую землю и отрезанных морем от своих баз шведских войск с «большой землей». Достаточно сказать, что именно флот оказал решающее влияние на успех в отражении шведским гарнизоном двукратного покушения московских воевод на Ревель, когда шведские корабли регулярно поставляли осажденным подкрепления, оружие, боеприпасы, продовольствие.

Наконец, еще одним союзником Ливонии, вернее, заступником в последней для нее войне, была Речь Посполитая — государство, образовавшееся путем объединения в 1569 году Литвы и Польши. Она же стала главным противником русской стороны в Ливонской войне. Именно противостояние Москвы и Литвы, а позже Москвы и Речи Посполитой определяло исход войны.

Объединенное польско-литовское государство было самым сильным из всех противников России в той войне. Несмотря на некоторое отставание в чисто прагматическом понимании от Запада, оно, будучи самым крупным по числу населения, следовательно, обладавшим наибольшими людскими ресурсами, располагало и самым мощным военным потенциалом. Население Речи Посполитой во второй половине XVI века составило около пяти миллионов человек, то есть было соразмерно с населением Московского государства. Больше численностью обладала Литва. В ней на момент объединения с Польшей проживало более трех миллионов человек. Здесь надо помнить, что собственно этническая Литва была мизерной, но в состав Великого княжества Литовского тогда входили многие владения Древнерусской державы, а именно, чуть ли не все юго-западные земли Киевской Руси.

Рассказывать о структуре вооруженных сил Литвы, их вооружении и характере формирования значило бы во многом повторять рассказ об устройстве московского войска. Как и в Московском государстве, в Литве

не было постоянной армии, она собиралась только на время войны. В государственном строительстве литовского княжества было много общего с московским царством, а что касается устройства армии, то у западного соседа преобладал тот же принцип ее формирования со всеми феодальными пережитками. Но нельзя не отметить, что процесс создания в Литве централизованного государства протекал с некоторым отставанием от того же процесса в Московской Руси. И если на землях последней переход от феодальных дружин к войску единой централизованной державы под единым командованием совершался мучительно долго и оставлял неизжитыми такие специфические формы своей организации, как местничество, то в соседней Литве, с еще большим преобладанием феодальных порядков, такой переход был еще более затруднительным.

Но к середине XVI столетия Великое княжество Литовское сумело выработать для себя главные принципы централизации власти, а последней в основном удалось подчинить себе все структуры литовского общества, заставив служить их общей идее государственности. В политическом смысле Литва середины века напоминала собой Русь полувековой давности, то есть ту, какой она была в последние годы правления деда Грозного. А это уже была сильная держава с хорошо развитым аппаратом централизованного управления и довольно мобильной организацией вооруженных сил. Принцип комплектования был схож с московским: войско набирали с единицы земельного надела, закрепленного за конкретным феодалом. И также как и в Московском государстве, служба делилась по степени престижности, места распределялись строго в соответствии с социальным положением, им же определялись льготы и привилегии. Так наиболее почетной считалась служба в кавалерии, ее основу составляли литовская аристократия и служилое дворянство. Пешие части в основном комплектовались из городского мещанства, где царил тот же принцип, что и на Руси: по одному служилому человеку с определенного числа дворов. Так, например, в первой половине XVI века города обязывались поставлять в войско для несения пешей службы по одному человеку с десяти мещанских дворов.

И так же как и на московской земле, в Литве не нашел широкого применения институт наемничества.

Вообще говоря, наймом иностранной военной силы Литва не брезговала, но контингент наемников в войсках Великого княжества был не велик и использовался в основном для несения гарнизонной службы в приграничных крепостях. Но основное отличие Литвы от прочих европейских держав, использующих институт наемничества, в том числе и от близкой ей Польши, то, что в поисках наемников она не обращалась в германские земли и не держала под своими знаменами немецких ландскнехтов или рейтаров, предпочитая им выходцев из Чехии, Моравии, Венгрии. Тут надо помнить, что после объединения ее с Польшей и с приходом к власти Стефана Батория картина несколько изменится; новый король будет не чужд практике найма в свою армию выходцев из немецких земель.

С конца XIV столетия в составе литовских войск можно видеть татар. Дорогу в Литву им открыл Витовт, первым из великих князей литовских нанявший несколько сотен выходцев из степных кочевий и пожаловавший им за несение военной службы земельные угодья. К середине XVI века татарских служилых людей в литовском войске насчитывалось уже около четырех тысяч.

И конечно, особого внимания в рядах литовского, а позже и польско-литовского воинства заслуживают Днепровские казаки. Правда, отличаясь непостоянством настроения, казачество долгое время являло для власти больше забот, чем давало ей поддержки. Такое положение вещей сохранялось и в первые годы после вступления Литвы в Ливонскую войну. Но позже Стефану Баторию удастся дисциплинировать и должным образом организовать казацкое войско. Он сумеет регламентировать службу казацких частей в королевской армии и подчинить их интересам своего государства.

Позже многие наши историки будут подчеркивать тот факт, что поскольку подавляющее число литовского населения было русского происхождения, то оно не испытывало особого желания воевать за чужеродную Литву. Надо сказать, в это положение верится с трудом. По отношению к несколько более ранней эпохе, если вспоминать о событиях, случившихся где-то примерно с полвека назад, такое утверждение, пожалуй, было бы справедливо, но и то только в отношении жителей сопредельных с Московской Русью литовских владений. Как известно, они даже переходили в подданство Москвы со всеми своими землями. Но эти времена прошли, и сопредельные земли, а это Северская Украина, Смоленщина и некоторые другие, давно оказались под московским владычеством. А вот далее такого стремления не заметно. События Ливонской войны заставляют считать, что в своей массе литовские граждане мало задумывались над тем, какого они происхождения, и выполняли служебный долг как поданные Великого князя Литовского. А что касается воюющего под знаменами Литвы упомянутого нами Украинского казацкого войска, наиболее досаждавшего русской стороне, то оно всегда будет отличаться повышенной антимосковской ретивостью и каким-то особым антирусским настроением, что нельзя объяснить одним только служебным долгом. Так что придумывать себе союзников в недрах Литовского государства — дело бесперспективное.

И уж совершенно придется повторять наш рассказ о вооружении московского войска, если мы станем освещать тот же вопрос, касающийся армии Литвы. По развитию вооружения Литва стояла приблизительно на том же уровне, что и Московское государство, а если она и отставала несколько в промышленном производстве, в первую очередь в металлургии, то, будучи ближе к Западу, не стесненная, подобно Руси, внешней блокадой, она компенсировала свое отставание западным влиянием и западной помощью.

Еще больше западного влияния ощущалось в Польше. Собственно говоря, сама Польша и была Западом.

В отличие от Литвы Польша была более однородной по этническому составу населения и единой по вере. Это чуть позже, после объединения с Литвой, когда к Польше отойдут многие земли Украины, новые польские граждане узнают, что такое национальный и религиозный гнет. А пока всего этого в собственно польских владениях не заметно. Насчитывавшая около двух миллионов человек населения, Польша располагала первоклассной для своего времени армией, вооружение которой не отставало от средневропейского уровня. В ней больше, чем в шведской армии, а тем более чем в армии Великого княжества Литовского, использовались иностранные наемники, причем, как правило, это были немецкие ландскнехты и рейтары. Внушительную силу являли и собственно свои национальные части войск. Будучи ближе к Западу и имея возможности пользоваться плодами европейских достижений, в том числе и в военной области, Польша у западных соседей переняла многое, так что ее армия по уровню владения военным искусством стояла выше русской. Но слабым местом ее, как и всего польского государства, было отсутствие сильной централизованной самодержавной власти, что постепенно вело внутренний строй Польши к полному разложению. После объединения с Литвой государственная неустроенность с ее шляхетскими правами и вольностями возобладала на всей территории нового образования, стала характерной особенностью всей Речи Посполитой. Выборность короля и отсутствие наследственной власти, а отсюда долгие периоды безвластия, неизменно случавшиеся после смерти очередного монарха; ограничение королевской власти сеймом, этим ранним опытом парламентаризма, который благодаря шляхетскому буйству мало чем отличался от давно забытого на Руси Новгородского веча; отсутствие у короля права распоряжаться казной, частые столкновения между собой, причем столкновения вооруженные и порой довольно серьезные, различных польских и литовских магнатов, располагающих собственными многочисленными дружинами; невозможность при этом обиженному найти суд на обидчика у короля, который считался только кем-то вроде «старшего среди равных», делало польско-литовское государство очень похожим на Русь времен трехсотлетней давности с ее тогдашними бесконечными междоусобными распрями. Отсюда можно сделать вывод, что в смысле внутривластной стабильности и обустроенности Литва от объединения с Польшей больше потеряла, чем нашла.

Но вот сумела ли Москва воспользоваться слабостями своего главного противника в той войне, вызванными его внутренним государственным неустройством, и смогла ли противопоставить ему свое главное преимущество — сильную централизованную самодержавную власть, которой безупречно подчинялась вся иерархия русского общества, показали события той войны.

Глава 5

Начало агрессии *и конец Ливонского ордена*

Затянувшиеся выяснения отношений по поводу уплаты причитающихся с Дерптского епископства долгов давно надоели обеим сторонам. Но если у ливонских властей ввиду надвигавшейся с востока угрозы не было другого выхода, как тянуть решение проблемы тем, что не скупиться на невыполнимые обещания, то Москва уже все для себя давно решила. Бесплезные и бесплодные переговоры зашли в тупик, а потому игры в дипломатическую активность себя исчерпали. Для кремлевского правителя стало ясно, что епископской дани ему не видеть и ожидать ее бессмысленно. Оставалось приступить к главному действию, то есть забрать то, что не спасла бы и выплата долга. Военная машина Московский державы была запущена в ход еще тогда, когда ливонскую сторону нельзя было обвинить в невыполнении обещаний. Напротив, тон, взятый московской стороной, не оставлял сомнений в неизбежности военного разрешения конфликта. Да и сам конфликт оставался надуманным, претензии Москвы к западному соседу были, что называется «высосанными из пальца». За минувшие после Казанского и Астраханского завоеваний годы страна успела «перевести дух». Успешная агрессия против восточных соседей подняла волну победной эйфории, набранная инерция завоевательных походов требовала продолжений. Аппетиты распались, а потому захват Ливонии стал неотвратимым при любом исходе переговоров по долговым вопросам. Лакомый кусок Прибалтики манил к себе почувствовавшего вкус к завоеваниям хозяина кремлевского трона своей притягательной силой. Искушение было слишком велико.

В январе 1558 года сорокатысячное русское войско, перейдя реку Великую в районе городов Псков и Остров и огибая с юго-востока Чудское озеро, вторглось в пределы Ливонии. По заснеженным полям воины быстро двигались вглубь чужой земли, не догадываясь, что началась самая длительная в истории нашего отечества война и что обманчивая перспектива легкой и быстрой победы обернется двадцатью пятью годами непрерывной, кровопролитной бойни с бесславленным финалом.

В столице новой войне постарались придать общенациональный характер. Объявление народу об ее начале проходило как никогда торжественно, после этого колокольный звон не утихал над Москвой целые сутки, чего не было даже перед казанским походом.

Ливонская война характерна еще и тем, что ее начало не походило ни на одну другую военную кампанию Московский военной машины

и являло собой точь-в-точь копию азиатско-ордынского набега. Перед вступлением на вражескую территорию воеводы получили строгий наказ не заниматься осадами крепостей и замков. А поскольку противодействие в открытом поле со стороны противника ввиду его явной слабости исключалось, то поставленная войскам задача сводилась к опустошению неприятельской земли, убийству и грабежу мирного населения. Под стать поставленной задаче был подобран и личный состав московского войска. Больше половины его в том первом походе составляли отряды татар, черемисов, черкесов и иных, недавно включенных в Московское государство народов. Главным воеводой над войском царь Иван назначил служилого татарского царевича Шиг-Алея. Выбор был неслучаен. Состав войска и его предводитель как нельзя лучше отвечали той цели, что преследовалась московскими властями в первой кампании новой войны. Были при войске и русские воеводы, но все они в том первом карательном походе играли подчиненную роль.

Есть много оснований полагать, что характер московского войска, собранного для первого ливонского похода, и подбор его главного командования явились следствием долгого выбора Грозным направления для своей агрессии между Крымом и Ливонией. И не только выбора, но и уже почти окончательной решимостью царя отдать предпочтение крымской альтернативе. Уж больно это войско отвечало целям и задачам борьбы с Крымом. Именно его состав и командные кадры больше всего другого предопределили бы в Крыму, как о том утверждает историк Вернадский, победу «в психологической и пропагандистской войне». Ведь назначенный главным воеводой над всеми воинскими силами Шиг-Алей славился авторитетом у крымской знати. А кандидат на крымский трон царевич Тохтамыш был поставлен во главе авангарда московской рати. Астраханский царевич Абдула, у которого также в Крыму было множество приверженцев, командовал правым крылом вторгшегося в Ливонию московского воинства. Кроме того, множество татарских мурз возглавляли отряды казанских, касимовских и городецких татар. Все это в случае вторжения на полуостров было способно внести раскол в окружение крымского правителя, подорвать единство тамошнего общества, а потому нет сомнений в том, что армия готовилась к кампании против Крыма. Но, видимо, в последний момент Грозный изменил решение, а может быть, он и с самого начала не собирался выступить против царства Гиреев, а армия была собрана по инициативе Адашева и его кружка, настроенного на крымскую кампанию. Но, приняв окончательное решение воевать против Ливонии, царь не стал менять состав войска, как и оставил во главе его тех же воевод. Они как нельзя лучше отвечали задачам первого ливонского похода. Такого же мнения придерживается и историк Вернадский:

«Я склонен думать, — пишет он, — что предшествующий перечень командующих офицеров был первоначально предложен Адашевым для крымской кампании... Как нам известно, царь Иван IV отверг план главного

похода на Крым и приказал вместо этого готовиться к войне с Ливонией. Но план командного звена армии был сохранен для Ливонской войны».

Надо сказать, с поставленной задачей воеводы справились блестяще. Пройдя фронтом в сто верст шириной и покрыв сто пятьдесят верст вглубь ливонской территории, московская ратная сила не оставила ничего живого вокруг. При этом небольшие отряды российского воинства в отдельных рейдах углублялись настолько, что чуть не достигали предместий Риги и Ревеля. Все деревни и посады встретившихся на пути городов были выжжены, скот истреблен, хлебные и иные запасы продовольствия выметены под метлу. Единственно, что, может быть, несколько отличало эту кампанию от ордынских набегов, столь хорошо знакомых русским людям, так это отношение захватчика к мирному населению. При нашествиях Орды на Русь захваченные врасплох мирные люди в основном становились пленниками и попадали в рабство. Не гнушалась Орда и массовыми убийствами, но все-таки существовавшая в основном за счет работорговли, она при своих набеггах стремилась заполучить как можно больше «живого товара», а потому основной своей целью ставила не убийство мирных жителей, и их пленение. Московским же властям пленники были не нужны, во всяком случае, в таком большом количестве, какое мог обеспечить им ливонский поход. Для татарских воинов, которые теперь состояли на московской службе и вообще были подданными московского властелина, пленники тоже уже не представляли большой ценности. В Московской державе не было работорговли в широком масштабе, следовательно, распорядиться живым товаром по-старому бывшие жители степных кочевий не могли. А потому ливонское мирное население ожидал только один исход — смерть. Московские ратники убивали всех попавших под их нашествие людей, от детей до стариков.

Ливонские летописи оставили много леденящих душу подробностей не просто о жестокостях, а о нечеловеческих варварствах русского воинства. Надо полагать, что если немецкие письменные источники той поры, рисуя картину злодейств завоевателя, и преувеличивают, то немного, ибо большинство наших авторитетных отечественных историков, весьма высокого уровня, склонно в целом верить им. Единственно, чем пытаются наши авторы исторических трудов оправдать грехи московского воинства, так это его национальным составом. Дескать, какой с азиатов спрос. Но нам необходимо помнить, что вступившее в Ливонию войско, будучи не русским по национальной окраске, оставалось русским по государственной принадлежности. Это было войско русского государства, оно представляло собой русскую державу, действовало от имени московской власти, следовательно, в понимании неприятеля проводило на завоеванной территории русскую национальную политику. А потому оправдать действия армии тем, что в ней преобладал татарский элемент, нельзя. Служилые татары были российскими подданными, и государство было обязано разделять с азиатами ответственность за свершаемое ими.

Некоторые наши исследователи, конечно ссылаясь на западные источники, склонны подозревать и русских людей, как не уступающих ордынцам в жестокости и в варварстве по отношению к мирному населению. Так Н. М. Карамзин, рассказывая о той кампании, пишет: «Немецкие историки говорят с ужасом о свирепости россиян, жалуясь в особенности на шайки так называемых *охотников*, новгородских и псковских, которые, видя Ливонию беззащитною, везде опустошали ее селения, жестокостию превосходя самих татар и черкесов, бывших в сем войске. Россияне, посланные не для завоевания, а единственно для разорения земли, думали, что они исполняют долг свой, делая ей как можно более зла...». А современники тех событий из числа причастных к ним уже в те времена объясняли случившееся с Ливонией наказанием Божиим. Так один из воевод московского войска, князь Андрей Курбский, принимавший участие в том первом походе, относительно его в своих воспоминаниях написал: «Земля была богатая, а жители в ней гордые: отступили они от веры христианской, от обычаев и дел праотеческих, ринулись все на широкий и пространный путь, на пьянство, невоздержание, на долгое спасение и лень, на неправды и кровопролитие междоусобное». И далее в том же духе князь обвиняет ливонцев во всевозможных грехах, за что на них и снизошло возмездие.

Подобно Курбскому, многие русские люди того времени ставили немцам в укор их переход в протестантство. Именно это автор приведенной цитаты и имеет в виду, говоря об отступлении «от веры христианской». Хотя никогда от христовой веры немцы не отступали, и любые протестанты всегда оставались христианами. Но на Руси уж так всегда велось, что если кто отступает от давно принятого и устоявшегося, то тот непременно не прав. Русь вообще всегда негативно относилась к любым новшествам, не воспринимала их сама и осуждала за это других, в особенности, если они касались религиозной сферы. А потому следование учениям Лютера и Мюнцера русскими умами однозначно относилось к преступлению перед Христовой верой. Интересно, что и до перехода в протестантство ливонцы исповедовали иную, нежели русские люди, религию, но к их католической принадлежности на Руси давно привыкли. И не важно, что они изменили вере, к которой на Руси отношение было всегда тоже негативным. Важно, что они изменили старой религии и пошли по новому пути. Одного этого для русского человека уже достаточно, чтобы обвинять вероотступника во всех грехах. Пусть даже при этом он поменял одну для нас чужую веру на другую. Вот в таком ключе строятся и дальше все обвинения Андреем Курбским своего противника в новой войне, и этим смертным грехом, грехом вероотступничества, русский князь объясняет все беды, обрушившиеся тогда на западного соседа. Несчастья, принесенные на чужую землю русским нашествием, русский человек оправдывает провидением свыше. Точку зрения Курбского с удовольствием подхватили многие не только его современники, что можно было бы объяснить уровнем сознания того времени, но и позднейшие

исследователи. Некоторые из них объясняют произошедшее нравами той эпохи, отстаивая ту мысль, что армии стран просвещенной Европы не отличались тогда меньшим варварством. Так, известный историк Валишевский, давая характеристику первой кампании Ливонской войны и рассказывая нам о том, что «тут было все: и женщины, изнасилованные до смерти, и дети, вырванные из чрева матерей, и сожженные жилища, и уничтоженные урожаи», далее признает, что «войны того времени везде были отвратительным варварством, и черемисы Шиг-Алея ничем не уступали более дисциплинированным разбойникам герцога Альбы».

Историки же советского периода вообще дошли до того, что обнаружили даже расположенность коренного ливонского населения к захватчику, благодаря чему московский завоеватель нашел радушный прием на завоеванных землях. Якобы ливы и эсты (предки латышей и эстонцев), уже в течение более трех веков безжалостно эксплуатируемые пришлыми немецкими феодалами, приветствовали приход московских людей как своих освободителей. Так, например, известные советские историки А. А. Зимин и А. Л. Хорошкевич в монографии «Россия времени Ивана Грозного», рассказывая о зимней кампании 1558 года, утверждают, что «местное прибалтийское население радостно встречало русские войска». Подобное можно встретить и у других авторов. Но при этом все в один голос говорят о том, что рыцарство и вообще феодальное сословие, с которым только и ассоциируется пришлый немецкий элемент, отсиделось в замках. Тогда спрашивается, кого грабило и убивало вторгшееся азиатское воинство, если имущий класс в той кампании остался для русского оружия вне досягаемости. И немецкие летописи, и наши отечественные историки рассказывают нам не только о выжженных деревнях, но и об уничтоженных огнем посадах замков Нейгауза, Киремпе, Мариенбурга, Курслава, Ульцена. Кто же в таком случае пострадал от нашествия? Да, очевидно, тот же самый нещадно эксплуатируемый класс, коренное население, однажды уже обращенное огнем и мечом из язычества в Христову веру, а вот совсем недавно снова насильно перекрещенное в другую направленность той же Христовой религии. И за это теперь новые завоеватели, на этот раз пришедшие с востока и также исповедующие Христа, но в еще одной его интерпретации, карают несчастных за их очередное невольное вероотступничество. Заметим, что последний упрек относится лишь к православной составляющей московского воинства, ибо мусульманам, коих в том воинстве было большинство, оставалось все равно, от какой религии и в пользу какой другой отступили ливонцы.

Не дошедши некоторыми своими отрядами пятидесяти верст до Риги и тридцати до Ревеля, Шиг-Алеево воинство повернуло в сторону Пскова. Спротивления московскому нашествию на всем пути его следования по ливонским владениям не было никакого, если не считать вышедшего из Дерпта немецкого отряда в числе пятисот человек и тут же ввиду многочисленного российского войска благоразумно повернувшего вспять и скрывшегося за стенами крепости.

Войско возвращалось обремененным богатой добычей, в то время как Ливония осталась лежать в руинах и пепле. Вернувшись за свои рубежи, воеводы послали магистру Ордена грамоту, в которой обвиняли немцев в прошлых неправдах, снова вспоминали о Дерптской дани и обо всех проволочках с ее уплатой. В грамоте той, между прочим, можно было прочитать: «За ваше не исправление и клятвopеступление государь послал на вас войну; кровь пролилась от вас; если же хотите перед государем исправиться и кровь унять, то присылайте к государю с челобитьем, а мы все станем за вас просить». Тем самым московская сторона оправдывала свою карательную экспедицию со всеми ее бесчинствами и предлагала противной стороне повиниться в своих грехах, бить челом московскому государю и умиловить его на будущее. Из грамоты ясно следовало, что случившийся поход может стать не последним.

Срочно собравшись на сейм в городе Вольмаре, орденские власти принялись усиленно хлопотать о мире. Прежде всего, они написали воеводам в Псков просьбу о выдаче опасной грамоты для своего посольства русскому царю и о заключении перемирия на время новых переговоров. Свои просьбы Орден спешил подкрепить материальной стороной дела. Когда опасная грамота была получена и русская сторона обязалась не возобновлять военных действий на все время посольства, в Москву отправилось орденское дипломатическое представительство, возглавляемое братом магистра Феодором, и которое везло с собой сумму в 60 тысяч талеров, срочно набранную с крупных ливонских городов. Но новым переговорам состояться было не суждено. Внезапно перемирие было нарушено, причем виновником нарушения на этот раз стала ливонская сторона.

Трудно предположить, что новое посольство сумело бы предотвратить большую войну и что 60 тысяч талеров удовлетворили бы московского властелина. Судя по предшествующим дипломатическим миссиям, что имели место в канун январского похода, и эта, очередная, скорее всего, завершилась бы ничем. Но все же явно враждебная пограничная акция ускорила развязку.

В один из дней начала апреля 1558 года рыцари из пограничной Нарвы внезапно обстреляли из пушек, пищалей и самострелов расположенный на противоположном берегу реки русский Ивангород. Снаряды, пули и стрелы падали на центральной площади крепости во время выхода толп народа из собора после завершения богослужения. Среди русских людей немало погибло, еще больше было раненых. Надо полагать, орденские власти не имели отношения к инциденту, они как раз всеми силами стремились предотвратить военный конфликт, и случившееся стало делом своевольтва некоторых рыцарей, разгоряченных, как утверждают немецкие источники, вином и решивших позабавиться. Русские воеводы ответили огнем своих бастионов и не прекращали огня даже тогда, когда нарвские власти взмолились о пощаде, обещая наказать виновных или выдать их в руки русских, если со стороны последних поступит такое требование. Наконец, видя неумолимость ивангородцев,

немцы выразили готовность сдать крепость и перейти в подданство московского царя. Уведомленный о последнем решении нарвских властей Иван IV велел воеводам прекратить обстрел города и отправил своих чиновных людей в сопровождении отряда стрельцов принять Нарву в свое владение. Но в последний момент настроение в Нарве переменялось. В город подоспело подкрепление от магистра, приславшего тысячу воинов, обещавшего в ближайшее время прислать еще и требовавшего ни в коем случае не сдавать крепость русским. Гарнизон Нарвы вдруг почувствовал себя в состоянии противостоять московской силе. Власти города отrekliсь от своих просьб и обещаний податься на русскую сторону. Возмущенные таким коварством русские возобновили обстрел Нарвы, причем использовали для этого зажигательные снаряды и каленые ядра, отчего в городе вспыхнули пожары. 11 мая, когда пламя охватило чуть не всю внутренность крепости, воеводы, пользуясь удобным моментом, предприняли штурм. Форсировав Нарову и выбив залпами тяжелых орудий ворота, московские ратники ворвались в город. К вечеру того же дня последние защитники Нарвы, запершиеся в замке, поняв бессмысленность сопротивления, сложили оружие.

Взятие первой крепости на ливонской земле послужило толчком к активизации военных действий в Прибалтике. В ближайшие же за падением Нарвы дни русские войска потоком хлынули через пограничную Нарову. Следующей после Нарвы пала крепость Нейшлот, стоящая в месте, где Нарова вытекает из Чудского озера. Еще через несколько дней русские ратники овладели замком Везенберг, после чего все Заноровье с пограничными крепостями оказалось в русских руках. Дорога вглубь Ливонии лежала открытой.

Короткая, внезапная, а потому неожиданная для самих русских, майская кампания в корне отличалась от январского Шиг-Алеева нашествия. В результате ее за несколько дней была взломана укрепленная граница с северной частью Ливонии от Чудского Озера до Балтийского моря. Не ожидав таких быстрых успехов, царь Иван ни с чем отпустил из Москвы последнее ливонское посольство, твердо решив продолжать завоевание. Он велел разрушить в завоеванных городах католические и протестантские церкви и строить на их местах православные храмы. Грозный был глубоко уверен в том, что Москва овладела этим краем навсегда. В особенности дорожил Иван Васильевич Нарвой. Как мы отмечали выше, во владениях русского царя и раньше было достаточно морского побережья, но вот в его собственность попала первая, отвечающая всем требованиям мореплавания, полностью обустроенная морская гавань. И чтобы овладеть ею, надо было, как оказалось, действительно лишь *протянуть руку*, так что стремления Грозного начинали оправдываться. Но то было только первым шагом. На русской стороне прекрасно понимали, что к завоеванию Ливонии не могут привести опустошительные набеги, наподобие январского, сколько бы их не повторять. Больше того, настоящего, прочного успеха не дадут и внезапные удары с искрометным

нападением на приграничные крепости, явно не готовые к отпору, как это случилось в майской кампании. Эти сиюминутные способы ведения войны свое дело сделали и себя исчерпали. Для полного утверждения в Ливонии теперь предстояла трудная работа с медленным, методичным продвижением вглубь неприятельской территории, сопровождающимся осадой и взятием многих укрепленных городов и замков, хорошо подготовленных к обороне. Понимало русское командование и то, что больше уже не придется рассчитывать на внезапность, а потому на лето 1558 года оно готовило главный удар, который по своему характеру должен был не походить на две предшествующие кампании того же года.

В июне, выступив из Пскова, на ливонскую территорию вторглось большое русское войско. На этот раз его возглавлял известный московский воевода, один из главных героев казанского завоевания, князь П. И. Шуйский.

Для более полного представления как о баталиях непосредственно самой Ливонской войны, так и о событиях, ей сопутствующих, наверное, будет нелишним хотя бы вкратце останавливаться на их главных героях. А потому, не изменяя тону повествования, в целом не носящего в себе портретного начала, позволим некоторые отступления от главной сюжетной линии для того, чтобы познакомиться с некоторыми историческими персонажами, не только дающими представление о происходящем, но и в определенной степени оттеняющими характер той эпохи. Первым таким персонажем перед нами предстает князь Петр Иванович Шуйский.

Если о службе Московскому государству, в том числе и о военной, судить по фамильному принципу, то, безусловно, что для периода времени, начиная со второй половины XV и до начала XVII столетия, первой должна быть названа династия князей Шуйских. В этот более чем полутора-вековой период среди московской служилой знати фамилия Шуйских встречается значительно чаще других.

К династии Шуйских нельзя относиться однозначно. Эта фамилия, а точнее прозвище, полученное от названия небольшого местечка Шуя в Суздальском крае, не может служить нарицательным именем, обозначающим какое-то свойство или ряд близких по характеру свойств, что в свое время несправедливо явилось расхожим представлением обо всех Шуйских. Среди представителей этой фамилии были разные, непохожие один на другого люди. В этом смысле весьма показательным, что именно эта фамилия перед самым своим вымиранием даст России, пожалуй, самого ничтожного правителя за всю ее историю — царя Василия Ивановича Шуйского. И тогда же она подарит русской земле одного из самых славных ее героев — князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского. Судьба обоих станет трагичной, как и само Смутное время, но это все случится еще не скоро, а сейчас, в середине XVI века, положение Шуйских вблизи московского трона кажется незыблемым, и они занимают вокруг него самые видные места.

На протяжении первой трети XVI века из всей своей многочисленной фамилии наиболее был известен воинскими доблестями князь Василий

Васильевич, за свое немногословие прозванный Немым. Младший брат Немого и отец нашего героя, князь Иван Васильевич, занимал сравнительно скромное место в иерархии русских военачальников и закончил жизнь в 1542 году в Москве, состоя в должности столичного наместника. В эти же годы в послужных списках московской знати все чаще начинает звучать имя его сына, князя Петра.

Как и для многих других его современников, определяющим в судьбе князя стал легендарный казанский поход 1552 года. Во время знаменитой казанской эпопеи Петр Шуйский стоял под стенами осажденной крепости, пережив все трудности ее осады и генерального штурма 2 октября. После падения ханской твердыни на Волге и возвращения войск в Москву царь назначил князя воеводой в Свияжск. В 1558 году, когда начиналась знаменитая Ливонская война, Иван Грозный отозвал воеводу с Волжских берегов, перебросив его на западный театр военных действий, где тому предстояло сыграть важную роль в успехах русского оружия. События начального этапа новой войны и стали основными в содержании военной биографии князя. Перед летней кампанией, в которой русское командование намеревалось нанести главный удар, царь поставил Шуйского во главе своих войск. Ближайшей целью кампании ставился захват одной из самых сильных крепостей в орденских владениях и третьего по величине после Ревеля и Риги ливонского города Дерпта. Сюда, огибая с юга Чудское озеро, и вел в начале лета 1558 года свои полки новый главный воевода. К личности воеводы П. И. Шуйского по ходу повествования еще будем обращаться, а пока вернемся непосредственно к событиям войны.

Первым на пути московских войск встал замок Нейгауз, гарнизон которого возглавлял рыцарь Ускиль фон Паденорм. Силы гарнизона, считая и вооружившееся население, были невелики, но мощные укрепления и мужественное, доходящее до отчаяния, сопротивление ливонских воинов задержали русского воеводу под стенами Нейгауза почти на месяц. Осаждающие, окружив замок турами, беспрестанно громили его из пушек, но немцы в Нейгаузе по выражению московского летописца «сидели насмерть», пока, наконец, русская артиллерия не сравняла стены и башни крепости с землей. Но еще и тогда русские воины не достигли победы. Оставшиеся в живых защитники вместе с предводителем заперлись в цитадели и продолжали отбиваться, и только когда немногие оставшиеся в живых, поняв бессмысленность сопротивления, сложили оружие, фон Паденорм был вынужден сдать на милость московскому воеводе. Видавший виды русский полководец, пораженный мужеством неприятеля, в знак уважения к его храбрости отпустил оставшихся в живых защитников Нейгауза вместе с их предводителем на свободу.

Но далеко не все немецкое воинство отличалось подобным мужеством и надлежащей рыцарству храбростью. Во все время осады Нейгауза магистр Ордена фон Фирстенберг вместе с дерптским епископом Вейландом стоял укрепленным лагерем во главе восьмитысячного войска в тридцати верстах от осажденного замка и ничего не предпри-

нял для его спасения. Свой лагерь, помимо того, что он был защищен рекой и болотами, немцы окопали рвами и приняли выжидательное положение. Удар в тыл осаждавшим мог бы резко изменить обстановку под стенами Нейгауза, но магистр оставался стоять неподвижно в почти неприступном месте. Можно было бы объяснить действия, а вернее сказать бездействие Фирстенберга тем, что он решил всеми силами, не распыляя их, защищать Дерпт, ведь его лагерь как раз перекрывал дорогу от Нейгауза к Дерпту. Но вот Шуйский, покончив с Нейгаузом, обратился против магистра с епископом и всего их воинства. Тогда рыцари, уже не надеясь на труднодоступность своего лагеря, бросили его, уничтожив много припасов, и, разделившись на две части, отступили. Епископ с частью войск поспешил к Дерпту, а магистр с оставшейся частью побежал в сторону городу Валка. Пришлось разделить силы и русскому воеводе. Часть войск Шуйский бросил в погоню за магистром. Русские ратники настигли ливонского предводителя близ Валка, где тот снова стал укрепленным лагерем, и прямо с марша атаковали. Место для лагеря ливонцы вновь выбрали крепкое и долго держали оборону, но, заметив, что русские обходят их с фланга, оставили и эти позиции и бросились бежать в сторону Вендена по еще не перерезанному пути. Бегство магистра было столь поспешным, что преследовавшим его русским удалось настичь и истребить лишь арьергардный отряд рыцарей и захватить весь обоз. После погони преследователи вернулись к главному войску, а Фирстенберг скрылся в крепости Вендене, где сложил с себя магистерское достоинство. Новым и последним в истории магистром Ливонского Ордена стал Готгард Кетлер.

Между тем главное войско воеводы Шуйского, овладев замками Костер, Вербек и Курслав, в начале июля вышло к Дерпту. В крепости успел укрыться и местный епископ, бывший до того в магистерском войске и бросивший его после падения Нейгауза. Поначалу местное рыцарство откликнулось на призыв своего архипастыря и собралось в крепости, но ввиду приближавшегося русского войска, не надеясь на городские укрепления и свою силу, многие оставили Дерпт и ушли на запад. Тогда же город охватила смута раздора между католиками и протестантами. Первые обвиняли вторых за то, что те накликali беду, изменив вере. Еще больший раздор царил в городском совете, обсуждавшем вопрос о том, что предпринять во избежание страшной опасности. Сходясь во мнении необходимости иностранного заступничества, голоса разделились, насчет какого именно. Одни предлагали обратиться за помощью к Дании, другие настаивали на поисках покровительства Польши, третьи зывали обратиться к Швеции. Интересно, что никто не пытался искать защиты у Германского императора, который, формально оставаясь верховным правителем Ливонии, фактически давно махнул на нее рукой. Среди этой разноголосицы своей неординарностью выделялось мнение дерптского бургомистра Антония Тиля, уговаривавшего совет оставить надежды на помощь со стороны и положиться только на собственные средства.

Он призывал всех граждан принести свое частное достояние в пользу спасения отечества и всем вместе выступить против завоевателя. Но как высказался по этому поводу наш известный историк Д. И. Иловайский, «речь этого ливонского Минина была голосом вопиющего в пустыне». Последнее утверждение ученого не совсем верно, ибо, как следует и из московских и из немецких летописей, кроме двухтысячного гарнизона, город вышло защищать все взявшее в руки оружие гражданское население.

Когда к Дерпту стали только подходить войска Шуйского, воевода, не дожидаясь пока соберутся все его силы, приказал возводить вокруг города валы, устанавливать орудия, после чего принялся громить крепость. В битве за Дерпт русские войска встретили сопротивление, знакомое им по осаде и взятию Нейгауза. Дерптские защитники отчаянно отбивались, делали частые и дерзкие вылазки, ни на один день не оставляя стан осаждающих в покое. Бои за Дерпт были по выражению их участника, воеводы Курбского, достойны «мужей рыцарских». Жестокие схватки продолжались неделю, после чего, потеряв много людей, гарнизон прекратил вылазки. На дальнейшей судьбе крепости сказала мощь русской артиллерии. В стенах и башнях города зияли проломы. В довершение главный воевода, используя казанский опыт, подвел под укрепления подкопы и заложил порох. Участь Дерпта была решена, осаждающие продвинули туры к тому, что осталось от стен, так что передовые порядки Шуйского располагались под самыми остатками разрушенных укреплений, и войска были готовы при взрыве пороха броситься на последний штурм. Но сначала русский воевода предъявил осажденным ультиматум. Он давал гарнизону двое суток на раздумье, обещая на третий взять крепость приступом. Не советуя противнику подвергать город участи взятого на щит, русский командующий предлагал защитникам почетные условия капитуляции. Главным условием был свободный выход ратным людям со знаменами и личным оружием, а гражданам гарантировалась неприкосновенность, подкрепленная запретом для русских воинов входить в дома обывателей. 18 июля крепость капитулировала и русскому воеводе торжественно поднесли ключи от города. В тот же день князь Шуйский во главе своего войска под барабанный бой вступил в поверженный Дерпт.

Русское командование в точности исполнило обещание. При вступлении в город воевода под страхом сурового наказания запретил своим воинам обижать жителей. Современник тех событий, немецкий историк, далеко не симпатизирующий русским, был вынужден, однако, отметить, что, действительно, порядок в городе был сохранен, а его нарушители строго наказывались. «Муж добролюбивый, честный, благородный душою», так отозвался ливонский историк о князе Шуйском. В крепости в качестве трофеев русскому воинству достались 550 вражеских пушек.

Сдавая Дерпт, городские власти выговорили у русского воеводы условия, согласно которым землевладельцы удерживали за собой свои имения, а все ливонское дворянство оставалось при своих прежних привилегиях. Сохраняли за собой свои владения и все представители духо-

венства, причем дерптскому епископу местом постоянного пребывания назначался один из ближайших монастырей. Всем гражданам гарантировалась свобода вероисповедания, а в самом Дерпте оставалось прежнее городское управление с сохранением всех административных органов и судебных инстанций. Торговым людям оставлялись льготы свободной торговли у себя и, помимо того, давалось право торговли в русских областях на общих условиях. Всем, не пожелавшим оставаться в московском подданстве, предоставлялась свобода покинуть завоеванный край.

Иван Грозный в целом подтвердил все условия, но с небольшими поправками и дополнениями. Например, он разрешил русским людям селиться в завоеванном крае, который теперь получал наименование Юрьевской области, а самому Дерпту возвращалось его древнерусское имя — Юрьев. Русский царь сам первым начал раздавать поместья своим дворянам на новоприобретенных землях. При этом некоторые ливонские граждане не избежали участи выселения в центральные великорусские области. Среди последних оказался и дерптский епископ, не успевший обжиться в оставленном ему Шуйским монастыре. В самом Юрьеве немедленно была учреждена православная епископская кафедра. Торговым же ливонским людям царь расширил привилегии. Так, например, он дал им право беспошлинной торговли в городах Новгороде и Пскове.

Взятие Дерпта стало знаменательной вехой в истории Ливонской войны, оно произвело гнетущее впечатление на противника, пришедшего после падения Дерпта в полное уныние. В последующих операциях той же кампании уже не заметно сколько-нибудь серьезного сопротивления, подобного тому, что испытало московское воинство под стенами Нейгауза и Дерпта. В течение второй половины лета войска Шуйского захватили ряд укрепленных городов и замков. Воеводе сдались крепости Вейсенберг, Пиркель, Лаис, Оберпален, Ринген и другие. К осени 1558 года большая часть северной Ливонии была в руках русского воеводы, его оружием покорилось более двадцати городов и замков. Отдельные отряды московского войска доходили до Ревеля, и Шуйский даже пытался склонить горожан к сдаче, но, получив отказ, после затянувшегося похода, сопровождавшегося непрерывными боями, потеряв много людей, не решился на осаду. Оставив в занятых городах небольшие гарнизоны, воевода, согласно повелению из Москвы, отвечающему образу ведения войн того времени, осенью оставил завоеванный край и вернулся в Псков.

Первые победы при другом стечении обстоятельств могли бы решить судьбу всей войны. Но, к сожалению, успехи летней кампании и ее главного героя Петра Шуйского благодаря недальновидной политике правительства если и не были сведены к нулю, то, во всяком случае, в ближайшем будущем во многом оказались растраченными.

Насколько на высоте оказалось русское оружие, настолько слабой показала себя высшая московская власть. Вместо того чтобы продолжать успешно начатое завоевание, правительство Грозного неожиданно пошло с неприятелем на перемирие, но сначала оно, следуя привычному образу

ведения военных действий того времени, вывело с завоеванной территории основную массу войск, удалив с театра войны главных военачальников. Последнее обстоятельство можно объяснить чертами личности царя, которому не давали покоя успехи его воевод. Его беснующуюся душу начинала беспокоить взошедшая звезда полководца Петра Шуйского.

Пользуясь почти полным отсутствием в крае русских войск, Орден в конце 1558 года перешел в наступление. Первой целью противника стал Дерпт, отвоевать который немцы решили любой ценой. Наступление на Дерпт возглавил новый магистр Ордена Готгард Кетлер, который сумел собрать десятитысячное войско, рассчитывая с ним вернуть все недавно утраченное. Рыцари энергично двинулись к Дерпту, но на пути у них стал недавно захваченный русскими замок Ринген, гарнизон которого состоял всего из сотни стрельцов во главе с полковником Игнатьевым. Магистр был уверен, что он сходу овладеет Рингеном, но просчитался. Стрельцы оказали столь упорное сопротивление, отбивая все приступы ливонского рыцарства, что Кетлер вынужден был протоптаться под городом пять недель, после чего у русского гарнизона закончился порох, и тогда в последнем рукопашном бою погибли все до одного защитники Рингена. Понеся большие потери и предвидя в дальнейшем такое же сопротивление со стороны защитников Дерпта, магистр не пошел далее и отказался продолжать наступление.

Последняя акция ливонского воинства вызвала ответную реакцию Москвы. В январе 1559 года русские войска под предводительством воеводы Микулинского, двигаясь из района города Остров, несколькими колоннами вступили в южную часть Ливонии. Противник попытался было заступить дорогу, встретив одну из колонн у города Тирзена. Здесь 17 января произошло большое сражение немецких войск, возглавляемых рыцарем Фелькензамом с русскими отрядами под командованием воеводы Серебряного. Немцы потерпели полное поражение. В ожесточенном бою погиб их предводитель и множество других рыцарей. Оставшиеся в живых разбежались. После победы русские войска прошли большей частью Южной Ливонии, беспрепятственно дошли до окрестностей Риги и в феврале вернулись за свои рубежи, остановившись в районе Себежа. Немецкие летописи донесли до нас сведения о том, будто нашествие сопровождалось теми же жестокостями и грабежами мирного населения, что и годичной давности. Наши источники косвенно подтверждают это, подчеркивая, что вернулись русские из похода с богатой добычей.

Разгром немецкого воинства при Тирзене и успешный поход под стены Риги вновь возвращал стратегическую инициативу в руки русских воевод, открывая широкие возможности для быстрого и успешного завершения войны. И вновь русская сторона не воспользовалась благоприятно складывавшейся обстановкой. Вместо того чтобы попытаться развить наметившийся успех, Москва пошла на перемирие с противником.

Заключенное в мае 1559 года сроком на шесть месяцев перемирие инициировалось ливонской стороной, что одно только говорит о том,

что противнику, который, предвидя свой скорый конец, лихорадочно искал заступничества, оно было нужнее, чем русским. Русская сторона на инициативу врага ответила согласием, рассчитывая за время приостановки военных действий на западе решить свои крымские проблемы. Правительство Грозного пошло на этот шаг под давлением противников войны с Ливонией из числа ближнего окружения царя. В Москве не разглядели до конца ситуацию, не увидели того, что перемирие намного нужнее неприятелю, развернувшему кипучую дипломатическую деятельность, пытаясь втянуть в войну на своей стороне многих соседей. Да и не видя такой деятельности врага, не трудно было понять, что вторжение русских в Ливонию затрагивает важные торговые интересы целого ряда государств, традиционно недружественных к России и готовых встать на сторону любого ее соперника, лишь бы не допустить расширения русского присутствия в Прибалтике. А потому, коль уж Москва влезла в эту войну, то, зная негативный настрой по отношению к себе со стороны соседей, она должна была стремиться завершить ее молниеносно, тем более что успешное ее начало открывало такие перспективы. Вместо этого московская сторона согласилась на предложенную врагом инициативу.

Во время летней приостановки военных действий в Ливонии в правительстве Грозного вновь активизировались сторонники крымского наступления, настойчиво советуя царю вести большую армию в сторону Перекопа. И снова особенной настойчивостью отличался один из руководителей Избранной рады Алексей Адашев, в очередной раз поднявший голос в пользу переориентации военных действий в сторону Крыма. Царь отказался, и на этот раз в своем решении он был, безусловно, прав. Большая война на западе исключала военные действия в иных направлениях, а перемирие, на которое пошли обе воюющие стороны, не обещало быть долгим. Правда, как и накануне Ливонской войны, Грозный согласился на небольшие отвлекающие акции в районе перешейка и в очередной раз послал туда Вишневецкого и Данила Адашева с небольшими силами. Рейды последних, как это случалось и ранее, не изменили ситуации, а только еще больше усугубили и без того сложные московско-крымские отношения. Тогда же на очередных переговорах с Польшей московской стороне не удалось договориться о совместных действиях против Крыма. Странно, что правительство Грозного еще надеялось на перспективу такого соглашения. Такой военный союз был реален только до московской агрессии на западе. Но теперь при обоюдных интересах в Ливонии любые переговоры о союзничестве с польской короной могли завершиться только неудачей.

Московская агрессия в Ливонии и постепенно разраставшаяся эскалация военных действий в Прибалтике положили конец даже теоретическим предпосылкам войны против Крыма. Воевать на два фронта не было никакой возможности. На юге не удалось удержать даже то, что казаки Вишневецкого считали своим. Татары отвоевали у них остров Хортицу, и царь ничем не поддержал Запорожское войско. После этого голоса

сторонников антикрымской направленности в окружении Грозного навсегда затихли. В результате Москва не смогла сколько-нибудь заметно продвинуться в решении крымских проблем, зато приостановка военных действий на западе дала выигрыш времени противнику.

А между тем события там разворачивались следующим образом.

Добившись временного прекращения военных действий, ливонское правительство начало с того, что обратилось к сыну шведского короля Густава Вазы, Юхану, бывшему тогда наместником шведской короны в Финляндии, с просьбой о помощи деньгами и воинскими людьми, предлагая в залог некоторые земли в Ливонии. Юхан, понимая, что уступленные ему территории никогда не отойдут обратно и таким образом можно расширить свои владения за счет Ордена, было, уже согласился. Но старый король, узнав в последний момент о самостоятельности сына, отсоветовал тому пускаться в подобные авантюры, предрекая не только недружелюбие в будущем со стороны Москвы, но и враждебность еще целого ряда государств, нацеленных на Ливонию. Тем же закончилась попытка заручиться помощью Дании. Правда, обращение к датскому королю Христиану III прозвучало не от правительства всей Ливонии, а только от Ревельского епископа. Последний решил сепаратно отойти под покровительство Дании, не спрашивая на то позволения у орденских властей, что само по себе было незаконно, и епископ не имел на то права. Но в тот момент, когда Ливония трещала по швам, о законности уже никто не вспоминал и всякий искал для себя спасения, где только мог, лишь бы не попасть под власть московского деспота. Но датский король, подобно шведскому, отказал просителю, не пожелав быть втянутым в бойню, которой было не избежать в случае заявления им своих претензий на часть Ливонии. Такое решение обоих монархов отнюдь не отражало общей позиции того и другого государства, а их нежелание поучаствовать в дележе ливонского наследства объяснялось исключительно лишь глубокой старостью обоих, к которой и Густав и Христиан полностью утратили былую воинственность. В ближайшее же будущее, когда оба отойдут в вечность (датский король скончается в том же 1559 году, а шведский чуточку позже) и им на смену придут более молодые приемники, то те не побрезгуют как самим орденским наследием, так и применением оружия для того, чтобы хоть что-нибудь из этого наследия оставить за собой.

Но уже сейчас перемирие, не пойдя на пользу русской стороне, позволило противнику заручиться на будущее поддержкой сразу нескольких соседних государств, прежде всего Литвы и Польши, объединенных тогда династическим союзом. Здесь орденская дипломатия добилась большего, нежели обращения к Швеции или Дании. Так, новый магистр Ордена совместно с Рижским епископом в сентябре 1559 года заключили договор с польским королем Сигизмундом-Августом, который одновременно был и Великим князем Литовским. Согласно договору, Ливония поступала под покровительство польской короны, и последняя обязывалась ее защищать. За это Орден расплачивался со своим новым защитником

своими землями. За заступничество и покровительство Литва получала во владение полосу ливонской земли с замками Дюнабург, Зельбург, Бауске, Мариенгаузен, Ленневарден и другими. Правда, в том же договоре магистр предусмотрел условие, оставляющее ему право выкупа по окончании войны уступленных владений, но за баснословную цену — 700 тысяч гульденов. Ясно, что такая сумма делала последнее условие невыполнимым, а весь процесс передачи земли необратимым. Но как бы там ни было, а ливонская дипломатия оказалась намного проворней московской. Помимо того что власти Ордена поступили под покровительство Польши и Литвы, их обращения к Датскому и Шведскому королевствам также не пропадут даром. Так что Ливония на ближайшее будущее заручилась поддержкой целого ряда потенциальных противников Москвы, в то время как последняя показала себя бессильной помешать сложиться противной ей коалиции и осталась в полной изоляции. Совершенно не нужная русской стороне в момент наивысших ее успехов приостановка военных действий немало способствовала тому, что в войну против нее оказался втянутым целый ряд государств. И нельзя лучше обозначить влияние этой передышки как на весь дальнейший ход Ливонской войны, так и на сам ее финал, чем это всего несколькими словами сделал историк Д. И. Иловайский: «Это шестимесячное перемирие имело важные последствия: оно не спасло самобытного существования Ливонии, но немало помогло ей ускользнуть от русского завоевания».

Кроме всего прочего, возобновление военных действий застало русскую сторону врасплох. Помимо дипломатических просчетов, слабость русских заключалась в их доверчивости, в то время как отличительной чертой противника было коварство. Не дождавшись истечения срока перемирия, нарушив тем самым договоренность, Ливония вероломно развязала военные действия. Осенью магистр вновь повел наступление на Дерпт. Для новой кампании Кетлер призвал из Германии отряды наемников, для уплаты жалованья которым занял у городов Риги и Ревеля 30 тысяч гульденов под залог своего замка, и вновь собрал под свои знамена рыцарей из южной и центральной частей Ливонии. Кампания началась с того, что магистр неожиданным нападением разбил небольшой отряд воеводы Плещеева, стоявший возле Дерпта, и который ввиду еще не истекшего срока перемирия не предпринял элементарных мер боевой готовности. В сентябре 1559 года немцы подступили к Дерпту. Оставленный в крепости малочисленный русский гарнизон во главе с князем Кавтыревым-Ростовским отбил первый приступ, а неожиданной вылазкой отбросил противника на версту от города. А тем временем от Пскова к осажденному Дерпту во главе большого войска шел Петр Шуйский. Последние неудачи вынудили царя вновь поставить над главным войском героя прошлой годней кампании. По осенней распутице войско двигалось медленно, но, не надеясь до его подхода овладеть Дерптом, Кетлер отступил от крепости. Отходя на запад, магистр решил восполнить неуспех своего похода взятием крепости Лаис, которую защищали четыреста стрельцов во главе

с полковником Кошкаровым. Осадная артиллерия пробила стены, но на их развалинах магистр встретил сопротивление, знакомое ему по осаде Рингена. Двое суток непрерывного приступа не привели немцев к успеху. Понеся большие потери, Кетлер отошел и от Лаиса.

Шуйский шел по пятам за бегущим Кетлером, огнем и мечом карая Ливонию за вероломство. За зимнюю кампанию 1559–1560 гг. его войска прошли от Пскова до Рижского залива, нигде не встретив сопротивления. В январе они овладели сильной ливонской крепостью Мариенбург, расположенной на острове посреди озера, а один из отрядов, посланных в северную часть Ливонии, нанес немцам поражение при Верпеле. К тому часу нанятое магистром войско, ввиду неудач и недовольства в связи с невыплатой жалованья, почти все разбежалось.

Перед весенне-летней кампанией 1560 года правительство царя Ивана ставило задачу покончить, наконец, с Ливонией одним мощным ударом. Для этого, казалось, были все предпосылки. Орден держался из последних сил, рыцарская держава издыхала, и было совершенно очевидно, что она не в состоянии противиться московскому могуществу. Необходимость скорейшего разрешения ливонского вопроса диктовалась еще и тем, что Орден пока еще оставался в борьбе с Москвой один на один, время продолжало работать на русскую сторону, но время это истекало. В кремле были прекрасно осведомлены о предварительных договоренностях противника с польско-литовским союзом, а потому заступничества за Ливонию третьей стороны следовало ожидать со дня на день. К этому времени Сигизмунд уже получил от Ордена обещанные за покровительство земли, но с реальной помощью не спешил, отговариваясь тем, что у него с Москвой мир. Впрочем, без дипломатического нажима на русского царя не обошлось. Отправленное польским королем в Москву посольство вручило грамоту, в которой Грозному царю советовалось оставить Ливонию в покое. Тем временем виленский воевода Николай Радзивилл, согласно заключенному в сентябре ливонским правительством с Сигизмундом-Августом договору, по которому король должен был защищать Орден от московского нападения, вступил в Ливонию с войсками и расставил их гарнизонами в переданных Литве замках. Последняя акция подкрепляла советы королевской дипломатической миссии в Москве отстать от Ливонии, по сути дела она превращала эти советы в требования. Королевская сторона однозначно давала понять, что Ливония отдалась под ее покровительство. В свою очередь, московская сторона обвинила литовскую в том, что та вступилась за землю, которая является данником Москвы. По неписаным нормам международного права того времени вступать на землю, являющуюся чьим бы то ни было данником, то есть не обладающую полным статусом экономической независимости, означало то же, что напасть на того, кому эта земля обязана платить дань. В подтверждение оснований своих обвинений литовским послам предъявили грамоту дерптского епископа, по которой тот признавал себя должником Москвы.

Но как бы там ни было, и нормы международного права остаются нормами, а все-таки в кремле не могли не понимать, что прибытие посольства и одновременный ввод королевских войск в ливонские замки звучит последним предупреждением. В ответной грамоте Сигизмунду-Августу Иван Васильевич, между прочим, написал: «Тебе очень хорошо известно, что Ливонская земля от предков наших по сие время не принадлежала никакому другому государству, кроме нашего, платила нам дань, а от Римского государства избирала себе духовных мужей и магистров для своего закона по утвержденным грамотам наших прародителей. Ты пишешь, что когда ты вздумал идти войною на Ливонскую землю, то я за нее не вступался и тем показал, что это не моя земля; знай, что по всемогущего Бога воле начиная от великого государя русского Рюрика до сих пор держим Русское государство и, как в зеркале смотря на поведение прародителей своих, о безделье писать и говорить не хотим. Шел ты и стоял на своих землях, а на наши данные земли не наступал и вреда им никакого не делал; так зачем было нам к тебе писать о твоих землях? Как хотел, так на них и стоял; если какую им истому сделал, то сам знаешь. А если магистр и вся Ливонская земля вопреки крестному целованию и утвержденным грамотам к тебе приезжали и церкви наши русские разорили, то за эти их неправды огонь, меч и расхищение на них не перестанут, пока не обратятся и не исправятся».

Нет надобности подвергать приведенный выше шедевр красноречия русского царя детальному анализу, чтобы убедиться в несостоятельности всех заверений московского самодура насчет своих прав на Ливонию. В ответном послании Великий литовский князь лишь заметил: «Ты называешь Ливонию своею; но как же при деде твоём была лютая война у Москвы с ливонцами и прекращена перемирием? Какой государь воюет со своими подданными и перемирие заключает?»

Понятно, что все эти взаимные предъявления прав на Ливонию не могли разрешиться иначе, как оружием. Но поскольку помощь польско-литовского союза ограничивалась на тот момент лишь демонстрацией силы где-то на задворках орденских владений, помощь же Дании и Швеции вообще пока оставалась мифом, и при этом московские воеводы прочно удерживали стратегическую инициативу в своих руках, Грозный предпринял отчаянную попытку довершить разгром Ордена.

Весной 1560 года царь послал в Ливонию новое большое войско, повелев ему двигаться в район Дерпта. Главное воеводство Грозный доверил на этот раз молодому талантливому военачальнику, князю А. М. Курбскому.

С именем Андрея Михайловича Курбского у нашего соотечественника ассоциируется, может быть, самое неординарное, лучше сказать, из ряда вон выходящее событие, способное произвести на российского обывателя не совсем заурядное впечатление. В чем заключалось это событие можно, забегая вперед, рассказать без особого ущерба для последовательности нашего повествования. Читателю и без того хорошо известно, что

в разгар войны на Западе герой взятия Казани и завоевания Ливонии, командующий русскими войсками в Прибалтике князь А. М. Курбский перебежал в Литву и отдался в руки заклятому врагу своего отечества. Но при детальном анализе рассматриваемой эпохи и после тщательного знакомства с личностью Андрея Курбского событие это не будет выглядеть уж столь неординарным и станет ясной главная причина случившегося. А она кроется в личных качествах самого князя. Действительно, Андрей Курбский мало чем походил на своих современников, и только внешняя сторона жизни и деятельности князя до побега в Литву роднит его с прочими выходцами из той же, что и он, социальной среды, если не брать во внимание более быстрое его восхождение по ступеням иерархической лестницы. Ведь в 24 года князь Курбский был уже полковым воеводой, а в 32 — командующим армией. Но за внешней стороной сквозь толщу четырех с половиной столетий просматривается внутренний мир Курбского, разительно отличающий его от побратимов по классу.

Судьба предшествовавших князю Андрею поколений рода Курбских типична для массы московской служилой аристократии. Ничем отличным не отмечено ни начало жизненного пути, ни складывающаяся судьба и у князя Андрея Михайловича. С семнадцати лет он на военной службе. Принимал участие во всех казанских походах 1545–1552 гг., из которых последний, наиболее памятный в нашей истории, принес молодому князю громкую славу. Знаменитая эпопея на берегах Волги дала нашей военной истории много славных имен, но, пожалуй, ни одно из них не покрылось таким налетом легендарности, как имя князя Андрея Курбского.

В новой войне на западе князя Курбского можно было видеть участником всех ее первых кампаний. Он состоял в числе воевод в январском нашествии на Ливонию Шиг-Алея, а затем в должности воеводы передового полка находился в главном войске Шуйского во время летнего похода 1558 года. Принимал участие в осаде и взятии Нейгауза и Дерпта. Приступая к кампании весны-лета 1560 года, царь не решался доверить главное воеводство никому из своих бывших командующих. Во главе войска он поставил Андрея Курбского. Изъявляя молодому воеводе особую доверенность, он призвал Курбского к себе и сказал: «Мне должно или самому ехать в Ливонию, или вместо себя послать воеводу опытного, бодрого, смелого с благоразумием: избираю тебя, моего любимого! Иди и побеждай!» Этот поход, как и вся кампания 1560 года, стал решающим для окончательного разгрома Ордена, он же явился пиком в военной деятельности князя Курбского.

В апреле князь был уже в Дерпте, а в мае выступил с войском на северо-запад, в сторону Вейсенштейна, где дислоцировались основные силы орденовских войск во главе с бывшим магистром Фирстенбергом.

Свой первый удар новый главный воевода нанес по замку Фегефеер, принадлежавший ревельскому епископу. Крепкие стены замка не выдержали, резиденция епископа пала. Опустошив Коскильскую область, войска Курбского вышли к Вейсенштейну. Под его стенами они разбили вышед-

ших навстречу рыцарей, причем захватили в плен целый немецкий отряд. От пленных Курбский узнал, что Фирстенберг стоит с большими силами в восьми милях от города в вязкой, болотистой местности. Отправив обоз и часть войск назад, к Дерпту, воевода с пятью тысячами отборного войска направился к ставке бывшего магистра. Пробраться пришлось через топкие болота, и если бы немцы вовремя обнаружили русских, то и с меньшими силами могли их легко уничтожить. Но магистр ждал появления Курбского с ровной местности. Немец не предвидел отчаянного и рискованного маневра и жестоко за то поплатился. Весь день воевода переправлялся с войском через трясины, а к ночи, появившись на фланге у неприятеля, дерзко атаковал его, не дожидаясь рассвета. Немцы успели развернуть фронт навстречу атакующим, и два часа на месте разыгравшейся баталии гремела артиллерийская дуэль, в которой русские пушкари имели ту выгоду, что стоявший на поляне противник был хорошо освещен луной. Наконец, русский воевода бросил в атаку всю свою пехоту и конницу. Не выдерживая натиска, немцы отступали, пока не ударились в бегство. Русские преследовали их шесть верст до реки, где под отступающими обрушился мост. Кто не погиб в схватке и не потонул в реке, сдавался в плен. Сам Фирстенберг сумел убежать к Феллину. На рассвете Курбский вернулся к лагерю магистра, взял весь его обоз и отправил в Дерпт вместе с пленными.

От Вейсенштейна князь повернул на юг, в сторону считавшегося самым неприступным городом Ливонии — Феллина. Овладение этой крепостью было главной целью кампании. Последняя мощная немецкая твердыня защищалась гарнизоном во главе с бежавшим сюда из-под Вейсенштейна бывшим орденским магистром. Сюда же направлялась и другая русская рать под командованием Петра Шуйского. Тогда же один из лучших орденских военачальников, ландмаршал Филипп Бель предпринял последнюю, отчаянную попытку остановить наступление московских войск и не допустить их к Феллину. Собрав около тысячи вооруженных людей, он внезапно атаковал следовавший в русском авангарде полк воеводы Барбашина, у которого было 12 тысяч человек. Баталия случилась под городом Эрмесом. Пользуясь громадным численным превосходством, Барбашин полностью истребил отряд Беля за исключением 120 ратников и 11 комендоров, попавших в плен. В числе последних оказался и сам ландмаршал.

После победы при Эрмесе воеводы беспрепятственно вышли к Феллину. Под его стенами Курбский нанес Фирстенбергу очередное крупное поражение. Здесь он заманил немца в ловушку, поставив в засаде, не доходя до города, всю армию и выслал к крепости лишь несколько сотен татарских всадников. Приняв степных наездников за передовые разъезды русской армии, считая, что основные ее силы еще далеко, немцы вышли из крепости большим числом, а татары, отступив, навели их на засаду Курбского. И вновь Фирстенберг сумел ускользнуть и спрятаться за стенами, но многие его рыцари остались лежать на поле перед крепостью. Вскоре

подошла и рать Шуйского. В августе воеводы повели осаду, немцы оборонялись очень храбро и искусно, воскресив в памяти русских баталии под Нейгаузом и Дерптом двухгодичной давности. Обстрел крепости из тяжелого наряда продолжался более трех недель, но даже когда русская артиллерия разбила стены и башни, надежд на овладение крепостью было немного. Глубокие рвы, опоясывавшие город, обилие у гарнизона артиллерии и боеприпасов оставляли нападавшим мало шансов на счастливый исход. Защитники Феллина продолжали упорное сопротивление на крепостных развалинах. Развязка пришла неожиданно. Пришлые немецкие наемники вдруг отказались воевать по причине задержки жалованья. Тщетно Фирстенберг уговаривал ландскнехтов не складывать оружие и продолжать борьбу. Те не соглашались, а когда, вдобавок, русская артиллерия повела огонь калеными ядрами, отчего в городе тотчас вспыхнули пожары, настроение защитников совсем упало, после чего гарнизон прекратил сопротивление. Трофеями русских воевод стали 450 крепостных орудий.

Плененного Фирстенберга воеводы отправили в Москву, где тот был милостиво принят русским царем. Иван Грозный даже подарил знатному пленнику в полное владение городок Любим, что в Ярославской земле, где бывший магистр Ливонского Ордена спокойно дожил свой век.

Совсем непохожей на эту стала судьба другого именитого ливонского пленника.

Взятый в плен в битве при Эрмесе орденский ландмаршал Бель, последний защитник Ливонии и последняя надежда Ордена, держал себя в плену с таким достоинством, что русские воеводы невольно были вынуждены оказывать ему знаки почтения. Они с большим уважением, чуть ли не по-товарищески обходились с ним, сажали с собой за стол, вели общие беседы, ничем не напоминая ему о его положении пленника. Несчастия, снизошедшие на Орден, пленный ландмаршал объяснял отступлением от старой веры, от древних рыцарских обычаев, осуждал привнесенную новой религией распущенность нравов. Отправляя именитого пленника в столицу, воеводы хлопотали перед царем быть милостивым к нему, и в этом был их просчет. Хлопоты дали обратный результат. Русский царь увидел рыцаря другими глазами, чем его воеводы. Военным людям было не трудно по достоинству оценить наполненного подлинным благородством их собрата по оружию, что оказалось не под силу малодушному, насквозь лживому и лицемерному обладателю кремлевского трона. Надо думать, что отрицательный эффект имели и боярские просьбы за пленника. Хлопоча перед царем о милостивом отношении к рыцарю, воеводы не учли, что Грозный давно уже стал принципиально поступать в пику своему окружению, а в последнее время к тому же всех бояр мало помалу стал зачислять в оппозицию. А потому, когда в Москве пленный ландмаршал прямо в глаза обвиняя царя в несправедливой, захватнической войне, заявил тому: «Ты неправдою и кровопийством овладеваешь нашим отечеством, не так, как прилично царю христианскому», Грозный велел отрубить ему голову.

С падением Феллина история Ливонского Ордена как государственного образования завершалась. Правда, войско князя Мстиславского не смогло овладеть Вейсенштейном, но другие замки после Феллина сдавались русским воеводам уже без сопротивления. В конце 1560 года близ города Вольмара войска Курбского нанесли поражение новому орденскому ландмаршалу, после чего вопрос о сохранении независимости Ливонского государства в самой Ливонии больше не поднимался даже самыми оптимистично настроенными умами.

Последние победы русских войск в Ливонии не привели к завоеванию края, зато они предрешили окончательный развал Ордена. Успехи Москвы ускорили активное вмешательство Литвы, Дании и Швеции в происходящие события. Их правительства понимали, что ждать больше нельзя, тянуть со вступлением самим на ливонскую землю означает для них согласие с захватом орденских владений Москвой.

Первым дорогу к распадению рыцарской державы указал эзельский епископ Менингаузен. До сих пор немощь и собственная несостоятельность ливонских властей выражалась в поисках заступничества, пусть даже сопровождавшегося отдачей в аренду части своей территории. Правда, в аренду сомнительную, ибо все стороны понимали ее необратимость. Но вот эзельский епископ, владения которого простирались на остров Эзель и провинцию Вик, расположенную на полоске южного побережья Финского залива, отчего и само епископство правильнее будет называть эзель-викским, в начале 1560 года без согласия орденских властей за 20 тысяч талеров продал землю своего епископства датскому королю Фридриху, на что не имел ни малейших прав. Больше того, к проданному товару он присовокупил еще свои собственные владения в Южной Ливонии (округ Пильтен), на что также не имел права без санкции ливонского правительства. Совершив сделку, епископ удалился в Вестфалию, где вдали от всех треволнений спокойно дожил свой век. Позицию епископа объяснить нетрудно. Он давно понял, что отстаивать Ливонию как самостоятельное государственное образование, а вместе с ней и свое положение, не удастся. Вопрос только в том, под чью зависимость попадет его епископство. Но при любом раскладе дальнейших событий оставаться сейчас на ливонской земле означало окунуться в напряженную и опасную борьбу и, что самое важное, без всякой материальной выгоды. Потому-то епископ и решил выйти из игры, сулящей одни неприятности, и при этом воспользовался возможностью туго набить себе карманы. А вот позицию датского короля, прекрасно понимавшего, что сделка с епископом незаконна и что он покупает владения, не принадлежавшие тому, кто их продает, можно объяснить только тем, что он решился на войну. Фридрих не мог не догадываться, что к его покупке равнодушно не отнесутся ни власти не добитой еще пока Ливонии, ни те из ее соседей, кто помимо него намеревается отхватить от орденских территорий что-нибудь для себя. От перспективы скорой войны Фридриха не избавляло даже то, что, свершив с епископом сделку, он тут же передал купленные владения

в управление своему младшему брату, герцогу Магнусу. Последний тоже не строил себе иллюзий насчет того, что в новых владениях его ожидают спокойные времена, а потому, прибыв в том же году на Эзель и заняв бывшие епископские палаты в городе Аренсбурге, он моментально наводнил остров отрядами датских войск.

Примеру эзельского решил последовать и ревельский епископ Врангель. Он также за деньги предложил Магнусу свои владения, на что тот немедленно согласился, но ревельцы не приняли датчан. Они, отнюдь, не собирались защищаться от московского нашествия самостоятельно, но посчитали для себя более подходящим покровительство Швеции, нежели Дании. Северная Ливония вообще тяготела к Швеции, с которой у нее были налажены тесные торговые отношения, их роднила общность нравов, а теперь, после перехода в протестантство, и общая религия. Потому-то Ревель и прилегающий округ не поддались на уговоры своего епископа, которому после неудачи с передачей своих владений датчанам попросту пришлось бежать. Ревельцы обратились к преемнику недавно умершего Густава Вазы, один раз отказавшего им в покровительстве, к новому шведскому королю Эрику XIV, и тот не заставил просить себя дважды. Все старания магистра Кетлера, стремившегося во что бы то ни стало сохранить целостность Ордена и отговаривавшего ревельцев от перехода в шведское подданство, оказались тщетными. В июне 1561 года Ревель с прилегающей провинцией формально отложился от Ордена, присягнув шведскому королю и был провозглашен собственностью шведской короны.

Но, приняв новые земли, шведская сторона не могла не понимать, что теперь ей будет противостоять не только Москва, но и польско-литовский союз, объявивший о своем покровительстве над всей Ливонией. Понимал Эрик и то, что Москва не захочет воевать против него и Сигизмунда-Августа одновременно. А потому он решил сначала заручиться, хотя бы на время, миром с русским царем, чтобы прочнее закрепиться на новых землях в Ливонии и дожидаться, пока в московско-литовском противоборстве обе стороны не растратят все свои силы. Срок перемирия, заключенного Иваном Грозным с Густавом Вазой после недавнего конфликта накануне ливонской войны, не истек, что давало сейчас Эрику надежды на такие перспективы. Но для гарантии этих перспектив шведский король, уже приняв решение насчет земель ревельского епископства, но, еще формально не включив их в свои владения, отправил в Москву посольство с целью подтверждения срока перемирия. Переговоры проходили очень трудно и далеко не дружественно, но главное в том, что в них ни одна из сторон деликатно не упоминала о Ревеле. То же самое продолжилось и в шведской столице, куда русский царь отправил ответное посольство. Перемирие было сохранено; в условиях начавшегося заступничества за Ливонию западных соседей правительству Грозного необходимо было заручиться нейтралитетом хотя бы кого-нибудь из них. В Москве ясно осознавали, что основным ее противником в Ливонии будет Польша,

вернее польско-литовский союз, разделившись с которым, можно будет повернуть оружие и против Швеции. Сейчас же все внимание русской стороны становилось прикованным к Литве.

А примкнуть к Литве явно обнаруживала свое стремление южная и большая часть центральной Ливонии. Потому-то не преуспев на севере, где тамошние орденские провинции поделили между собой датчане и шведы, магистр без особого труда склонил рыцарство центральных областей и все сколько-нибудь весомые орденские чины отдать под верховное владычество польско-литовской короны. Дело перехода под власть Сигизмунда-Августа облегчалось еще и тем, что наиболее влиятельный из всех ливонских епископов, рижский архиепископ Вильгельм, приходился родственником польско-литовскому королю. Орденские власти официально признали упразднение Ливонского ордена как государственного образования. В ноябре 1561 года в Вильно между польским королем, бывшим, как мы уже говорили, одновременно и Великим князем Литовским, Сигизмундом-Августом и магистром ордена Кетлером было подписано соглашение, по которому Ливонский орден объявлялся распущенным. Единственным осколком бывшей рыцарской державы, сохранившим некое подобие суверенитета, стала самая южная часть Ливонии. Получив название Курляндии и Семигалии, она провозглашалась наследственным герцогством, но стоящим в вассальной зависимости от Польской короны. Титул герцога Курляндии и Семигалии принял на себя последний орденский магистр Готгард Кетлер. Основная же часть Ливонии, не попавшая под власть Швеции или Дании, присоединялась к великому княжеству Литовскому, и Кетлер становился наместником короля на ливонских землях. Тогда же герцог Магнус, новый эзельский правитель, обменял купленный его братом у Менигхаузена Пильтенский округ, оказавшийся теперь в центре Курляндского герцогства, на замки Гапсаль и Леаль, расположенные в северной части Ливонии. Особым статусом наделялась Рига. Ее жители и городские власти сумели при присоединении к польско-литовской короне выговорить себе условия самоуправления и некоторые другие льготы и привилегии.

В результате к концу 1561 года Ливония не только утратила суверенитет, но и потеряла целостность, распавшись на пять отдельных областей. Остров Эзель с прибрежной провинцией Вик отошел во владение датского герцога Магнуса; Ревель с северной частью древней земли эстов попал в подданство Швеции; Курляндия и Семигалия стали в вассальную зависимость от Польши; большая часть центральной Ливонии, а также некоторые земли южной ее части присоединились к великому княжеству Литовскому. И только северо-восточный край теперь уже бывших ливонских владений с такими городами, как Нарва и Дерпт удерживался на тот момент силами Московского государства.

Раздел Ливонии стал неизбежным исходом первого этапа войны. Его результаты в достаточной мере дают нам представление о раскладе сил воюющих сторон и указывают на потенциал их дипломатических

возможностей. После почти четырех лет непрерывных баталий, заметим, баталий для русских исключительно победных, в руках московских завоевателей оказалась от силы четвертая часть территории государства, за овладение которым и разгорелась вся эта бойня. При этом кроме Нарвы, отделяемой от русского Ивангорода руслом неширокой реки, в русские владения не попало больше ни одной пяди морского побережья, к которому так стремился Грозный, и добыча которого явилась основной причиной войны. Но и это не самый главный итог первого этапа войны. Если бы на состоявшемся к концу 1561 года разделе Ливонии стороны ставили точку и заключали бы мир, то войну для русской стороны с определенными натяжками можно было бы считать все-таки успешной. Но в том то и дело, что если Швеция и Дания вполне довольствовались полученным, то Польско-Литовское королевство в своих договоренностях с Орденом, документально закрепленных в ноябре 1561 года, предусматривало включение в состав великого княжества Литовского всей территории Ливонии, в том числе и той, что сейчас находилась под русской оккупацией. А это значило, что за удержание завоеванного предстояла тяжелая война против польско-литовского союза. И не только против него. Противником Москвы оставались и собственно ливонские немцы, принявшие литовское подданство и выступавшие теперь против восточного агрессора единым фронтом со своим покровителем и заступником. И вот когда Московское государство в тяжелых осадах и штурмах немецких крепостей во многом расходовало свои силы, утратив на будущее наступательную активность, и оказалось в полной политической изоляции, оно стало перед неизбежностью продолжения войны, но уже против более сильного противника, решившего не выпускать из своих рук Ливонии и не делиться ею с Москвой.

Достоянием потомков стал любопытный документ, излагающий причины, по которым польско-литовская сторона решилась на вмешательство в московско-ливонский конфликт. Это Львовская летопись, составленная со слов обращения короля Сигизмунда-Августа к гражданам и всем чинам королевства с объяснением своего решения на присоединение ливонских владений: «Ни в одной части государства нет такого количества городов, крепостей и замков, как в Пруссии, но Ливония богатством крепких мест превосходит Пруссию или по крайней уже мере равняется ей. Государство же Польское особенно нуждается в укрепленных местах, потому что с севера и востока окружено дикими и варварскими народами. Ливония знаменита своим приморским положением, обилием гаваней; если эта страна будет принадлежать королю, то ему будет принадлежать и владычество над морем. О пользе иметь гавани в государстве засвидетельствуют все знатные фамилии в Польше: необыкновенно увеличилось благосостояние частных людей с тех пор, как королевство получило во владение прусские гавани, и теперь народ наш не многим европейским народам уступит в роскоши относительно одежды и украшений, в обилии золота и серебра; обогатится и казна королевская взиманием податей

торговых. Кроме этого как увеличатся могущества, силы королевства чрез присоединение такой обширной страны! Как легко будет тогда управляться с Москвою, как легко будет сдерживать неприятеля, если у короля будет столько крепостей! Но главная причина, заставляющая нас принять Ливонию, состоит в том, что если мы ее отвергнем, то эта славная своими гаванями, городами, крепостями, судоходными реками, плодородием страна перейдет к опасному соседу. Или надобно вести войну против Москвы с постоянством, всеми силами, или заключить честный и выгодный мир; но условия мира не могут называться ни честными, ни выгодными, если мы уступим ей Ливонию. Но если мы должны непременно выгнать москвитян из Ливонии, то с какой стати нам не брать Ливонии себе, с какой стати отвергать награду за победу? Вместе с москвитянами должны быть изгнаны и шведы, которых могущество также опасно для нас; но прежде надобно покончить с Москвою».

Комментируя позицию польских властей, выраженную в приведенной выдержке из документа, историк С. М. Соловьев отметил: «Это изложение причин, почему Польша должна была овладеть Ливониею, показывало, почему и Москва стремилась к тому же; но у Польши были прусские гавани на Балтийском море, тогда как у Москвы не было никаких; вот почему Иоанн даже не хотел поделиться Ливониею с Сигизмундом-Августом, удержавши только свои завоевания в этой стране, ибо завоевания его, за исключением Нарвы, ограничились внутренними областями, не имевшими для него важного значения».

Много комментировать позицию польско-литовской стороны нет необходимости. Приведенное выше изложение причин принятия ливонских земель в королевские владения говорит само за себя. Немало выдает себя и царящий на польской стороне антимосковский настрой. Непримируемая вражда с восточным соседом понимается в Польше как нечто само собою разумеющееся, безальтернативное. Но нельзя не видеть и разницы в подходе к ливонскому вопросу той и другой стороны. И эта разница, в первую очередь, заключается не в отношении к Ливонии Москвы или Вильно. Последнее, как раз, одинаково, где каждый из более сильных соседей смотрит на Ливонию как на лакомый кусок. Разница в обратном отношении, в отношении самой Ливонии к Москве и к Вильно. Орден добровольно подался в подданство Литвы. Не без того, что в Ливонии тогда находились, наверное, и сторонники обратной ориентации, но у исследователя нет даже самых ничтожных оснований приписывать присоединению Ливонии к великому княжеству Литовскому насильственный характер. И дальнейшая борьба немцев Ливонии в одном строю с польско-литовскими военными силами против Москвы не может быть объяснена только служебным долгом, долгом верноподданного. К пришельцу же с востока отношение в Ливонии всегда оставалось сугубо враждебным. Так было тогда, когда Орден в одиночку, как мог, сопротивлялся нашествию, так будет и впоследствии, когда рыцарство совместно с литовцами станет представлять собой единую сторону.

То же самое можно наблюдать и в северных районах Ливонии. Тамошнее местное население искало защиту от московского покушения и нашло ее, что ни в коем случае не попадает под категорию торговой сделки. Мы видели, как жители Ревеля попросту не пустили датчан в город после того, как их епископ попытался решить проблему именно торговой сделкой. И в то же время те же самые ревельцы обратились за помощью к шведам и открыли им ворота своего города. И удачная торговая сделка эзельского епископа объясняется не только пронырливостью и изворотливостью последнего. Датчане завладели Эзелем не потому, что купили остров у епископа, а потому, что тамошние жители всегда были расположены к Дании, и обратись они к ней за помощью пораньше, Эзель достался бы датскому королевству даром. Но основное в позиции как Дании, так и Швеции, это то, что при их острой взаимной вражде они обе не стремились расширить полученные владения за счет ливонских земель, отошедших к Литве, чего нельзя сказать о самой польско-литовской и, конечно же, о московской стороне. А потому обе эти стороны, оставив каждая выяснение своих отношений и с датчанами и со шведами на потом, обратились друг против друга.

И, конечно, рассуждая о Ливонской войне, нельзя пройти мимо высказывания историка Д. И. Иловайского, так резюмировавшего результаты ее первого этапа:

«Раздел Ливонии между соседними государствами ясно показал, в какой степени были правы советники Иоанна, не одобрявшие его слишком широких завоевательных замыслов с этой стороны. Ливонский Орден оказался несостоятельным в борьбе с могущественным Московским государством; но было бы великою ошибкой считать эту землю легкой добычей и стремиться к ее полному скорому захвату: вместо одного слабого Ордена приходилось иметь дело с несколькими сильными претендентами на его наследство. Едва ли умные советники Иоанна не предвидели двух главных затруднений, долженствовавших воспрепятствовать быстрому и легкому завоеванию Ливонии. Во-первых, множество крепких городов и замков. Ливонию отнюдь нельзя было сравнивать с Казанским царством, где по взятии столицы оставалось только усмирять полудикие туземные народцы и взимать с них ясак. Здесь каждый город, каждый замок, имевший сколько-нибудь мужественного комендора, приходилось добывать трудною и долгою осадкою; а в осадном деле, где требовалась борьба с артиллерией, именно московская рать была наименее искусна. Поэтому после трехлетней войны, после страшных опустошений неприятельской земли, Москвитяне могли похвалиться приобретением не более одной четвертой ее части. Во-вторых, это (сравнительно с потраченными усилиями) небольшое приобретение, в соединении с дальнейшими притязаниями, приводило нас к одновременному столкновению с Швецией, Данией и Польско-Литовским государством. На первых порах Москве удалось отклонить новую войну со шведами, которые обратились на датчан, желая отнять у них северо-западную часть Ливонии; но борьба с главным наследником Ливонского Ордена, т. е. с Польско-Литовским королем, оказалась неизбежною».

Глава 6

Старый соперник

В нашей отечественной истории отношения с Литовским, или вернее сказать с Польско-Литовским государством, занимают особое место. Мы не случайно поправились, уточнив «с Польско-Литовским», поскольку уже на ранней стадии отношений Руси с Литвой последняя вступила с Польшей в длительный интеграционный процесс, постепенно приведший к их полному объединению. Так вот характер отношений Москвы с Литвой, а позже, после этого объединения, характер отношений Москвы с Речью Посполитой коротко, в двух словах можно обозначить как непримиримое противостояние. На протяжении нескольких веков между двумя соседями не унималась острая вражда, которую можно называть открытой даже для периодов затишья, всякий раз провозглашаемых слабым и ненадежным перемирием, необходимым для восстановления сил после завершения очередной бойни и в преддверии следующей. Пожалуй, во всей мировой истории подобному противостоянию найдется не так много аналогов, когда бы оба соперника с таким принципиальным упорством, нескрываемым неприятием друг друга и каким-то вычурным антагонизмом, отвергая все возможности компромисса, готовы были броситься и при первом же случае бросались в обоюдную резню.

На фоне всей внешнеполитической деятельности Московской державы ее отношения с Литвой, а после и с Речью Посполитой, выделялись двумя характерными признаками. Во-первых, незначительностью поводов к очередной войне, поводов, которые остались бы просто незамеченными и не привели бы ни к какому, даже самому малейшему конфликту с каким-либо другим соседом. Во-вторых, как мы сказали выше, даже в периоды затишья, мира и согласия не было, и над обеими сторонами продолжал постоянно довлеть какой-то враждебный настрой, отчего и внутренняя вражда, вражда сознаний, никогда не прекращалась. Собственно, этим, вторым признаком и объясняется первый, когда для очередной войны не требовалось настоящей, серьезной причины.

Такая непримиримость, когда стороны оставались врагами даже в условиях формального мира, усугублялась еще и тем, что противоборство между ними продолжалось слишком долго. Ведь острое соперничество двух народов берет начало еще с X столетия, когда киевский князь Владимир отнял у Польши так называемые червенские города. А «вечный мир» с Речью Посполитой был заключен Россией только в 1686 году, то есть уже во времена формального правления Петра, после чего военные

действия между старыми соперниками прекратились навсегда. Но и тогда ни о каком примирении не могло быть речи, а открытая вражда умолкла только потому, что одна из сторон ослабла настолько, что стала не в состоянии соперничать с другой. Напротив, другая окрепла так, что для нее пропала надобность добиваться своих интересов оружием, ей теперь не стоило больших трудов при любом раскладе событий включить старого противника в сферу своих интересов и подчинить того своей воле без малейших покушений на применение силы. При этом взаимная неприязнь оставалась прежней, так что о прекращении враждебности говорить не приходится. Так продолжалось еще столетие, пока, наконец, полный упадок одной стороны и могущество другой не привели к тому, что вторая поглотила первую, правда, сделала это не без помощи соседей, но все же оставив за собой львиную долю наследства своего бывшего соперника. Выдающийся русский историк Н. И. Костомаров дал этому многовековому противостоянию название «Старый спор», определив его как борьбу за главенство в славянском мире. По мнению ученого, эта застарелая бескомпромиссная вражда не могла завершиться ничем иным, как исчезновением одного из враждующих государств с политической карты Европы. Поглощение одним соперником другого Костомаров называл неизбежным и рассматривал финал польско-литовской государственности в конце XVIII века как безальтернативный.

Слишком долго затянувшееся противоборство имело следствием еще и то, что сейчас трудно назвать время его наибольшего обострения, так сказать его пик. Таких пиков, наверное, было несколько, и мы не ошибемся, если будем утверждать, что один из них пришелся на период Ливонской войны. И недаром именно в годы этой войны произошло окончательное объединение Польши и Литвы в одно государственное образование, к чему вынудила тогда западных соседей Москвы сложившаяся внешнеполитическая обстановка.

Для более ясного понимания той обстановки, как и сути всех связанных с ней событий, бросим хотя бы поверхностный взгляд на их предысторию.

Первые военные столкновения Руси с Польшей, отмеченные концом X века и связанные с именем киевского князя Владимира Святославича, не сразу привели народы к открытой конфронтации. Какое-то время вражда протекала вяло, да и касалась она преимущественно самого юго-западного угла древнерусских земель, Галицко-Волынского княжества, оторванного от других русских областей и оказавшегося во времена апогея феодальной раздробленности вдали от вновь поднимающегося жизненного центра, твердо обосновавшегося на русском северо-востоке. А именно с последним у нас и должно в основном ассоциироваться противостояние Руси с западным соседом. Но дело в том, что северо-восточные области Руси, послужившие ядром образования новой державы — Московского государства, не скоро пришли в непосредственное соприкосновение с Польским королевством. Кроме русского полоцкого

княжества, охватившего своей территорией самые западные земли восточнославянского расселения и также слабо связанного с русским северо-востоком, от нового политического центра Руси владения польской короны отделялись землями литовских племен, клином врезавшимися между Русью и Польшей. Именно этим племенам и суждено было играть главенствующую роль в отношениях Руси с западом и занять столь заметное место в нашей истории.

В отношениях Руси с Литвой до начала XIII столетия можно наблюдать точное подобие тому, что мы видели в те же времена в отношениях Руси с аборигенами Ливонского края. И там и там характер соседства представляет мало интереса для исследователя, а его история обделена сколько-нибудь запоминающимися событиями. Если говорить об отношениях недружественного характера, то тут, конечно, следует упомянуть о частых конфликтах населения пограничных русских областей с литовскими племенами. И аналогично тому, как для новгородцев и псковичей в течение долгого времени были за обычай походы в Ливонскую землю до завоевания ее крестоносцами, так и русские люди из самых западных княжеств — Полоцкого, Смоленского и все той же Новгородско-Псковской земли — давно освоили пути вглубь литовских владений. Но не о каких серьезных военных столкновениях говорить не приходится, как не приходится говорить о попытках со стороны Руси колонизации литовского края. Сами конфликты протекали вяло, а их разрешения в виде обоюдных вторжений на земли друг друга скорее напоминали акты заурядной мести и имели основной целью предотвращение подобных попыток противника на будущее. Летописные источники оставили нам скудные сведения о тех событиях, что говорит о слабости их притязаний быть записанными в анналах истории. Наиболее ярко столкновения Руси с Литвой того времени отражены в знаменитом «Слове о полку Игореве», но и там автор посвятил им всего несколько строк. Много и подробно рассказывая о терзании Южной Руси половцами, неизвестный певец лишь вкратце удостоил своим вниманием Полоцкое княжество, страдающее от литовских набегов:

*«Уже Сула не течет светлыми струями к городу Переяславу,
а Двина мутно течет у Полочан под грозным кликом поганой Литвы.*

*Один только Изяслав сын Васильков
позвонил острыми мечами о шеломы литовские,
сореvнью славе деда своего Всеслава;
но и сам он лежит в кровавой мураве под червлеными щитами,
изрубленный мечами литовскими».*

И, конечно, говоря о влиянии Руси на западного соседа, нет никаких оснований упоминать о христианском миссионерстве. Во все время этих отношений и еще много позже Литва будет пребывать в язычестве.

Историческая жизнь начинает касаться этих мест только где-то с конца XII — начала XIII столетия. Многие деятели исторической науки

называют побудительной причиной активного подъема литовской государственности захват соседней Ливонии крестоносцами и, как следствие, возникшую у северных границ расселения литовских племен опасность в лице немецкого рыцарства. Думается, что это не совсем верно. Вряд ли опасность агрессии, от кого бы она ни исходила, могла побудить народ к переходу от одной формы государственного устройства к другой. Для этого нужны причины иного характера, должно пройти время, необходимое для полного разложения родового строя, и отнюдь не искусственным путем должны сложиться условия для объединения племен. Ко времени вторжения крестоносцев в соседнюю Ливонию на литовских землях уже существовали союзы племен, народы которых переживали раннефеодальную стадию экономических и политических отношений. И до полного объединения племенных союзов в государственное образование, пусть даже с преобладанием родовых отношений, как это на несколько веков ранее сложилось на Руси, оставался один шаг.

И не случайно Литва выстояла против пришельцев с запада. Завоевательное движение рыцарей остановилось по берегам Западной Двины в ее нижнем течении, там, где исторически проходила граница племен ливов и латышей с литовскими племенами. Вряд ли такой успех был бы возможен, не будь у последних крепкой государственности. А, тем более, вряд ли такую государственность можно создать за одно поколение, да к тому же без объективных исторических оснований, а лишь под влиянием возникшей опасности. Надо, конечно, отметить, что наиболее слабое в государственном отношении из всех литовских племен, племя ятвягов, в скором времени все же будет покорено, но покорено отнюдь не немецкими пришельцами, а своими славянскими соседями — Польшей и Галицко-Волынскими князьями. Но главные литовские племена — Жмудь и собственно Литва уже в конце XII столетия представляли собой примерно то же, что и Русь тремя столетиями ранее, когда она начала выходить из своего состояния племенного разобщения и собираться в одну формацию, призванную жить государственной жизнью.

Но, к сожалению, в историческом процессе часто приходится наблюдать, как возвышение тех или иных народов и государств зачастую неразрывно сопряжено с активизацией их агрессии против соседей, а потому само понятие «жить государственной жизнью» у нас небезосновательно ассоциируется со стремлением расширить свои владения за счет чужих территорий. Не стала исключением и поднимающаяся из небытия Литва. Ее экспансия на восток конца XII — начала XIII века, в результате которой подвластными Литве оказались Полоцкая, Витебская и Пинская области, не отмечена сколько-нибудь заметными военными столкновениями. Оттого-то мы и можем утверждать, что серьезного сопротивления захватчику здесь практически оказано не было, чему причиной стала слабость тамошних русских княжеств. Наши историки рисуют нам картину их слияния с литовскими владениями, судя по которой литовскую сторону вообще нельзя назвать захватчиком, а сам процесс присоединения ею

новых земель захватом. Вот, например, суждение на этот счет историка Д. И. Иловайского: «Усилению Литвы на этой уkraine, как известно, более всего способствовала слабость Полоцко-Кривской земли. Князья полоцкие, искавшие союзников во время борьбы за уделы и в войнах с другими русскими князьями, сами призывали литовских вождей, роднились с ними и вступали в тесные связи; чем проложили пути к последующему возвышению Литвы за счет Кривской Руси. То силою оружия, то родственными связями и принятием православия соседние литовские вожди водворялись в русских областях и, подчиняясь русской гражданственности, начинали новое смешанное поколение литовско-русских князей».

Во многом расширению литовской экспансии на восток способствовал Батыев разгром соседних с Литвой русских областей во время монгольского нашествия конца 30-х — начала 40-х годов XIII столетия. Растерзанная русская земля, оборонный потенциал которой упал чуть ли не до нуля, манила к себе завоевателей. Недаром тогда же обострилась борьба Руси со шведами и с ливонскими немцами, причем инициатива войны исходила исключительно с запада. Перенесшим страшный опустошительный погром русским князьям тогда было не до наступательной активности. Предоставим вновь слово историку Иловайскому: «Но более всего помог возвышению Литвы на счет соседних с нею русских областей постигший последних татарский погром. Тогда усилились литовские набеги; не ограничиваясь добычею и пленными, многочисленные литовские вожди устремились в разоренные земли и начали их захватывать в свои руки. Остатки жителей, вероятно, тем менее оказывали сопротивление, что им приходилось выбирать между литовским владычеством и более варварским татарским игом».

Но мы уже говорили выше, что счастье Руси оказалось в том, что необъяснимое провидение спасло от азиатского завоевателя западные и северо-западные русские области. Благодаря этому Псковская, Новгородская и Смоленская земли, не тронутые Батыем, стали щитом для Руси от нападений с запада. Об отражении князем Александром шведской и немецкой опасности нашему соотечественнику хорошо известно, но по непонятным причинам нашей историографией не очень популяризируется тот факт, что вслед за Невской битвой и Ледовым побоищем тем же героем была пресечена литовская напасть. К тому времени Литва, ранее поглотившая владения полоцких и пинских князей, продвинула свои границы на восток вплоть до Смоленского княжества. Теперь ее отдельные князья не переставали одиночными нападениями тревожить Новгородскую, Псковскую и Смоленскую земли. Русские отвечали рейдами в литовские владения. Противостояние обещало принять затяжной характер, но случай предоставил возможность одним ударом надолго пресечь очередную агрессию.

Летом 1245 года объединенные силы многих литовских князей вторглись в новгородские владения и дошли до Торжка, города на границе с Тверским княжеством. Здесь они одержали победу над местным кня-

зем Ярославом Владимировичем. Довольные успехом, они повернули назад и направились к своим рубежам через территорию Смоленского княжества, а Ярослав, вновь собрав свои дружины и получив помощь из Твери, бросился вдогонку. В то же время наперерез уходящим литовским полкам из Новгорода шел Александр Невский. Ярослав настиг противника на Смоленской земле под Торопцом, и на этот раз успех сопутствовал русскому оружию. От полного поражения литовцы спаслись, запершись за стенами города. На следующий день к месту событий подошли новгородцы с Александром. Ярослав после тяжелого боя накануне дал отдых своему уставшему воинству, но Александр, досадуя на то, что не успел к вчерашней битве и потому не смог разделить с Ярославом победных лавров, прямо с походного марша бросил новгородцев на приступ. Штурм закончился взятием города. В бою погибло восемь литовских князей.

С нашествием на Русь было покончено, но новгородский князь твердо решил в корне уничтожить сами очаги агрессии. Отпустив в Новгород ополчение, Александр отправился походом в Литву с одной своей дружиной. Противник встретил русского князя у озера Жизца, на берегу которого и разыгралось решающее сражение. В результате его литовцы были не просто разбиты: новгородская дружина уничтожила противника до последнего человека, в битве погибло и несколько литовских князей. Из боя не вышел никто. После победы Александр возвращался назад, когда литовцы предприняли еще одну, последнюю и самую отчаянную попытку повернуть удачу лицом в свою сторону и вырвать инициативу из рук новгородского князя. Собрав все, какие удалось, силы, они встретили дружину Александра у местечка Усвята в Полоцком княжестве. Русский князь не стал дожидаться нападения, первым атаковал неприятеля и в коротком бою разбил его наголову.

Победы легендарного князя надолго отвели с этой стороны опасность от северо-западных русских земель, но страсть к завоеваниям у литовского соседа не унялась. Потерпев последние поражения, он перенаправил свою активность на Южные и Юго-Западные русские княжества. Начало агрессии против этих уделов бывшей Киевской Руси связано с именем знаменитого литовского князя Миндовга, выдвинувшегося на историческую сцену в 40-х годах XIII столетия. Появлению Миндовга на исторической сцене историк Иловайский придает исключительно важное значение: «В это время на литовско-русской Украине является замечательный человек, положивший начало политическому объединению Литвы и соседней с нею Русью. То был Миндовг, в значительной степени обладавший теми политическими качествами, которыми обыкновенно отличаются основатели государственной силы».

Здесь надо правильно понимать, что имеет в виду ученый под политическим объединением Литвы «и соседней с ней Русью». Объединяя под своей властью литовских князей, Миндовг распространял этот процесс и на соседние русские области, так что вернее было бы говорить о политическом объединении Литвы и захвате русской земли. Сколотив союз

литовских князей, Миндовг положил начало агрессии против Южной Руси. Это движение в недалеком будущем на несколько столетий приведет юго-западные области бывшей Киевской Руси под польско-литовскую власть, но при жизни самого Миндовга и его ближайших потомков русско-литовское противостояние и здесь пройдет под знаком явного перевеса русской стороны. Больше того, первый этап этого противостояния закончится даже с территориальной выгодой для Руси, и во многом своим успехам Русь будет обязана галицко-волынскому князю Даниле Романовичу.

Первое столкновение галицкого князя с Литвой относится к 1246 году. Тогда Данило вместе с братом Васильком настиг у Пинска возвращающегося после очередного набега на Русь Миндовга с добычей и разбил его наголову, отняв все награбленное. В следующем году Данило сам организует поход в Литву и вновь наносит литовским князьям настолько тяжелое поражение, что несколько лет после этого литовский соперник не попадает в поле интересов русского князя.

Только в 50-х годах галицко-волинский князь вынужден снова обратить свое внимание на север. В 1252 году, он организует большую кампанию против Литвы. Русские дружины двинулись походом в Литовскую землю в трех направлениях. Сам Данило шел с войском на Здитов, его брат Василько на Волковыйск, а сын Роман на Слоним. Заняв несколько городов и набрав добычи, дружины вернулись на Русь практически без потерь. Новый поход состоялся через год. На этот раз галицкий князь завоевал Новогрудокскую область, а Василько совместно с Романом овладел Гродеком. Миндовг отвечал редкими и незначительными по масштабам набегами на русское порубежье, не перевешивающими успехов походов русских князей. В конце концов, литовский князь первым обратился с предложением мира. Заключенный в 1255 году мир отличался неоспоримыми преимуществами для русской стороны. Галицко-волинские князья приобретали Новогрудок, Слоним и Волковыйск в собственное владение.

Не меньшая удача сопутствовала галицким князьям в их тогдашней борьбе и с другим племенем литовского корня, не подчиненным Миндовгу, — ятвягами. Продолжавшийся много лет спор закончился в 1256 году, когда ятвяги прислали к князю Даниле послов с просьбой о мире и обещанием регулярного платежа дани. Правда, данник Руси племени ятвягов оставалось недолго. Вскоре оно утратило всякую самостоятельность под ударами Польши. С покорения поляками земли ятвягов, как данников галицко-волинского князя, можно вести отсчет новой волны агрессии против Руси, агрессии, закончившейся потерей южнорусскими княжествами своей государственности.

Вскоре после смерти князя Данилы Романовича (1264 г.) в его родную Галицию вторглись венгры, и с этого времени Галицко-Волинское княжество прекратило свое существование как независимое государственное образование. На этом борьба за Данилово наследство не прекратилась, но далее она протекала уже без участия русской стороны как самостоятельной силы. Венгры тоже недолго владели Галицией и Волинью. Основная

же борьба за них развернулась между княжеством Литовским, которое к тому времени все больше начинает титуловаться Великим, и Польшей. Очень скоро опасность со стороны немецкого рыцарства и не меньшая опасность с востока от поднимающейся Москвы приведут Польшу и Литву не только к прочному и нерушимому союзу, но и к полному объединению, но пока, как видим, эти две державы еще враждуют между собой. Сначала счастье в борьбе за галицко-волынские земли улыбалось литовской стороне, и последняя, казалось, надолго утвердилась там, но вот в 1340 году после захвата Казимиром Великим Галиции и Волыни они становятся собственностью польской короны.

Все другие земли Юго-Западной Руси очень быстро разделили судьбу Галицко-Волинского княжества.

Новая, мощная волна литовской экспансии, затянувшаяся на несколько десятков лет, нахлынула на Юго-Западную Русь в конце XIII столетия. Захватчики не встретили на русской земле серьезного сопротивления. Обессиленная, так и не пришедшая в себя после азиатского погрома конца 30-х — начала 40-х годов Русь оказалась не в состоянии противостоять агрессору. Больше других городов сопротивлялся Киев. Собрав последние силы, объединившись с князем переяславским и поставив под знамена остатки воинства, бежавшего перед тем с Волыни, тогдашний киевский князь встретил литовские полки в 1321 году на реке Ирпень. Во главе войск захватчика тогда стоял знаменитый Гедемин, которому в этой войне воинское счастье не изменило. Потерпев поражение, русские смогли еще выдержать двухмесячную осаду за киевскими стенами, после чего были вынуждены открыть победителю Золотые ворота. Другие города следовали примеру бывшей столицы уже без всякого сопротивления.

Вот где-то к середине XIV века и начинает обнаруживаться та обоюдоострая непримиримость в отношениях с западным соседом, о которой мы говорили выше. Ее причиной стал дележ наследства Киевской Руси. Спустя сотню лет после азиатского погрома и окончательного размежевания отдельных русских областей на развалинах Древнерусской державы образуются два средоточия материальной силы и, как следствие, два центра объединения. Один на русском северо-востоке, в медвежьем углу бывшей Древнерусской державы, который мы зовем Великороссией, другой на западе, в лесах неманской поймы, собственно даже не в русской земле, но тоже в непроходимой глуши. Уже во второй четверти XIV столетия становятся заметными успехи русского северо-востока в деле объединения разрозненных и разгромленных русских княжеств. И как сказал по этому поводу историк В. О. Ключевский: «В начале XIV столетия в нашей истории все более явственно начинает себя обнаруживать процесс, обратный по характеру тому, что наблюдался в предшествующую эпоху: одна из младших ветвей потомков владими́ро-суздальских князей, которой в наследственное владение достался ничтожный уголок на окраине суздальского княжества — Москва, начинает собирать до этого дробившиеся на уделы русские земли в нечто целое».

То же самое происходит и на западе, там успехи объединения и создания новой мощной державы не менее впечатляющие. Разница в том, что на востоке русские земли под знамена своей державы объединял русский князь, пусть даже владелец самого что ни на есть ничтожного удела. Но он объединял окружающие его уделы, принадлежавшие его роду, и ставил под свою власть их владельцев, которые были одной с ним фамилии. На западе русские земли объединялись под стягом чужого князя. Основу для объединения на западе, так же как и на русском северо-востоке, положило захудалое княжество во главе с таким же захудалым князьком. И тот так же стал собирать в одно целое близ лежащие к нему земли, но это были земли не его рода. А надо знать, как ревностно относились князья Рюриковичи к своей земле, и тогда станет понятной та непримиримость, что сопутствовала всей истории отношений Москвы к западному соседу.

Таким образом, те задачи, что решались на северо-востоке по созданию и укреплению централизованного государства, одновременно решались и на русском западе. Те же процессы объединения и становления государства были свойственны обеим частям Руси. Отличие в том, что на северо-востоке это делалось руками русских людей, возглавляемых своим русским князем, создававшим свою русскую государственность. На западе и юго-западе тот же процесс проводился князем Литвы, объединявшим русские земли под своим, литовским стягом, в свою, но чуждую для русских людей, державу.

Иногда на страницах литературных трудов, посвященных исторической теме, можно встретить мнение, что Литва тогда была более русской, нежели литовской. Это верно, но только в том смысле, что в ней преобладало население русского происхождения. На огромных пространствах западных, юго-западных и южных княжеств бывшей Киевской Руси, вошедших теперь в Великое княжество Литовское, островок собственно литовской земли, прилепившийся к самому северо-западному углу вновь рожденной державы, и откуда собственно произошел корень литовской народности, оставался незамеченным. И, тем не менее, мы не можем согласиться с мнением, что эта держава была больше русской по содержанию и по существу. Например, историк Иловайский утверждает, что «в это время великое княжество Литовское во внутреннем устройстве, очевидно, попадает решительному влиянию своих русских областей, т.е. влиянию русской гражданственности». Интересно, что ученый имеет в виду под понятием гражданственности? Если только под этим понимать основы государственного устройства, то историк не прав. Правда, он тут же разбавляет свою мысль словом «очевидно», что само по себе выдает сомнение автора фразы в приводимом утверждении. На самом деле, на присоединяемых к Литве русских землях немедленно водворялся литовский порядок правления, учреждалась литовская администрация, русские области обязаны были поставлять свои ратные силы во время войн литовских князей с кем бы то ни было из соседей,

будь то московские князья или псковичи с новгородцами. Трудно судить о том, какие нравы и обычаи царили тогда при дворе великого Литовского князя и других литовских князей и переняли ли последние что-нибудь у русских побратимов по классу. Сведений об этом нет, зато более чем достаточно сведений о том, как чуть позже, едва только Литва станет входить в более тесный контакт с Польшей, еще задолго до их полного объединения, сначала высшая власть Литвы, затем всех рангов служилая знать и просто магнаты, а за ними и все население собственно литовского корня с готовностью станут перенимать все польское, начиная от привычек и обычаев и заканчивая языком и религией. Так что мы должны с большим сомнением относиться к тому, что многие даже очень видные наши историки называют Литву времен позднего средневековья литовско-русским государством или Литовской Русью. Думается, что несмотря на преобладание русского населения, называть литовское государство Русью, пусть даже с добавлением прилагательного Литовская, не совсем корректно. Край был действительно русским, даже без добавления этого прилагательного, но государство все-таки оставалось сугубо литовским. И для того чтобы это утверждать, достаточно привести только один аргумент. Полное преобладание русского, а следовательно, православного населения за многие годы не привело к полной христианизации собственно Литвы, которая оставалась языческой. Были, конечно, в этом направлении кое-какие подвижки, но похвалиться, что обратили в Христову веру всю Литву, русские люди не могли. Зато едва только наметилось сближение Литвы с Польшей, обращение этнических литовцев в католицизм стало повальным явлением. Тогда в латинскую веру обратились не только литовские язычники, но и те, которые ранее успели креститься в православие, наконец, католическому соблазну подверглись даже многие русские люди, потомки выходцев из Киевской Руси. В особенности последнее станет характерным для представителей привилегированного сословия, отчего принадлежность к православной вере в так называемой Литовской Руси можно будет встретить только среди простого народа русского корня.

Выше мы говорили, что история одарила оба поднимающиеся государства одинаково выдающимися личностями. В то время, когда процесс объединения русских земель вокруг Москвы стал необратим и его успех неразрывно связался с именем князя Ивана Калиты, у западного соседа такой же успех сопутствовал князю Гедемину. При жизни обоих столкновения между ними еще не произошло, но именно их деятельность запрограммировала такое столкновение на будущее. Их обоюдные успехи и следование их преемников продиктованной ими политике будет иметь результатом долгое, непримиримое противостояние.

Рано или поздно, но продолжатели дела Калиты и Гедемина должны были столкнуться на пути расширения своих владений. Московские князья в силу исторического взгляда на свои земли и на свою власть над ними смотрели на все владения рода Св. Владимира как на свою собственность.

Литовские власти тоже не останавливали себя пониманием только защиты захваченных русских земель. Теперь, когда их подданными стали многие князья Рюрикова рода, во владении которого во времена родового равенства находилась вся русская земля, они посчитали себя в таком же праве претендовать целиком на наследие Древнерусской державы, что и князья московские. Столкновение на московско-литовском порубежье стало исторически неизбежным.

Два активных средоточия общественной жизни на востоке Европы, два накопителя материальной силы должны были войти в тесное соприкосновение. Пока между ними существовала разделительная полоса в виде независимых или полузависимых княжеств, нечто вроде санитарного кордона, видимых мест пересечения интересов Москвы и Вильно заметно не было. Но оба государственных образования, безжалостно изживая каждое у своих границ остатки сепаратизма, стремительно двигались навстречу друг другу. Теснимая с запада немецким давлением, испытывая не унимающуюся агрессию тевтонского рыцарства, Литва искала выхода на востоке. Оставаясь в вассальной зависимости от Сарая, а потому ограниченная в своем движении на восток и все более испытывавшая неудобства от нападков бесчисленных осколков бывшей Чингизидовой империи, Московская Русь стремилась на запад. Да и помимо такого стремления оставалась причина столкновения, которую мы уже называли. Еще во времена номинального подчинения Орде становится заметной тенденция московских правителей, не изменившая им до конца, — стремление подчинить под власть своей державы все земли бывшей империи Рюриковичей. Выше мы уже говорили об исторически сложившемся взгляде московской власти на рюриковы владения и на саму себя как на их наследника. А владения эти, не входившие сейчас в состав Московской державы, принадлежали литовскому князю.

Если Гедемину удалось избежать прямой конфронтации с Москвой, то его сыну, великому князю Ольгерду довелось-таки столкнуться с соперником по собиранию русских земель, великим московским князем. Сначала поводом к столкновению послужил Новгород. Надо сказать, что вольный город не благоволил властолюбивым московским притязаниям, и в периоды обострения своих отношений с великими князьями иногда искал заступничества у Литвы. В Новгороде никогда не переставала действовать довольно весомая и влиятельная литовская партия, открыто стоявшая на позициях отдачи всей обширной области под власть соседней державы. И хотя промосковски настроенных людей в новгородском краю было немного, и они никогда не представляли реальной политической силы, литовская ориентация, тем не менее, не могла стать сколько-нибудь преобладающей из-за пресловутой тяги новгородцев к вольности. При любом конфликте с Москвой вольный город, в конце концов, отворачивался от литовского покровительства, боясь поступиться свободой. Да и Литва при этом никогда не отваживалась на последний, решительный шаг. Надо сказать, что и Москва долгое время не решалась наложить тяжелую руку

на вольный и строптивый город, отчего новгородцам и удавалось долго лавировать между своей кажущейся свободой и московскими притязаниями, чередующимися с уступками и послаблениями.

Последнее обращение новгородцев к Литве за помощью от московских притеснений прозвучало в 1345 году как протест князю Симеону после его очередных выпадов в сторону вольного города. На это обращение Ольгерд ответил вводом своих войск в новгородские владения, но до настоящего завоевания дело не дошло. Повоевав окрестности и добившись лишь того, что в Новгороде в очередной раз выше обычного подняла голову литовская партия, пришлый князь повернул обратно. Примерно с таким результатом будут заканчиваться и все последующие притязания Литвы на вольный город. Что касается Пскова, то там у Литвы отмечены даже частые военные союзы с псковичами против ливонских немцев. Пограничное положение Пскова роднило его с Литвой ввиду общей опасности. Недаром псковичи часто принимали к себе князем литовского выходца.

Но ни Новгороду и ни Пскову грозила в первую очередь литовская опасность. Тогда, во второй половине XIV столетия, по-настоящему серьезное давление от возвышающейся Литовской державы начинают испытывать Смоленск и Северская Украина.

Мы говорили, что как и Новгород с Псковом, Смоленск с большей частью территории своего княжества чудом избежал ужасов Батыева погрома, которому подверглись остальные земли Древней Руси. Зато начиная с середины XIV столетия Смоленская земля на несколько столетий оказывается в объективе внимания сначала московско-литовского противостояния, постепенно переросшего в московско-польское, а затем и вообще становится центром средоточия военных действий, периодически разворачивающихся на западных границах Московской державы. В древние времена Смоленск находился, пожалуй, в самом выгодном в смысле внешних опасностей положении из всех владений Рюрикова рода. Он располагался в центре русских земель, и если говорить о потенциальной опасности с запада, то с этой стороны его надежно прикрывали Полоцкое, Пинское, Витебское и другие более мелкие княжества. Но вот после захвата западных русских владений литовскими правителями этого щита у Смоленска не стало. И именно в это же время Смоленск начинает испытывать на себе тяжелую руку Москвы, которая, уже достаточно преуспев в собирании русских земель, наконец, добралась и до Смоленска. Спасшись от азиатского погрома, Смоленск более ста лет потом жил своей самобытной жизнью, не тревожимый ни с одной стороны соседями. Наконец, эти времена кончились. Смоленск вдруг оказался зажатым между двумя активными собирательницами Руси, и стало совершенно очевидно, что сохранить и дальше свою самобытность не удастся. Вопрос оставался только в том, к какой стороне примкнуть. Надо сказать, что сами смоляне больше тяготели к западу. Может быть оттого, что Москва, не разбиравшаяся в приемах и меньше всего прибегавшая к средствам

дипломатии, предпочитая всему этому грубую силу, уже успела отнять у Смоленска его некоторые земли, например, Можайский уезд. А может быть оттого, что смоленские люди в западном соседе продолжали видеть близких им полочан, в которых Литва буквально растворилась. Ведь с полочкой землей у Смоленска издревле был налажен тесный контакт, и естественное тяготение смолян к западным соседям, ни в государственном устройстве, ни в самобытности которых они не ощущали преобладания литовского элемента, брало верх над московской ориентацией. Как бы там ни было, но смоленские князья пошли на союз отнюдь не с московскими, а с литовскими князьями, правда, первое время еще наивно надеясь, что Литва бескорыстно поможет им в борьбе с Москвой и сама не покусится на смоленскую независимость.

В 1352 году во время похода великого московского князя Симеона на Смоленск литовский князь Ольгерд по просьбе смолян выступил навстречу москвичам. До открытого столкновения не дошло, дело удалось разрешить миром. Но на переговорах смоленской стороны с московской литовский правитель выступал тогда как союзник и покровитель первой. Понятно, что такие услуги даром не оказываются, а потому Смоленск ставил себя в зависимость от своего покровителя. В данном конкретном случае смоляне рассчитались с литовским князем тем, что отдали ему во владение город Ржев на Волге, имевший выгодное положение на границе Смоленского княжества с московскими владениями. Но Ольгерд не остановился на подаренном Ржеве. В последующие годы он уже силой захватил принадлежавший смоленскому княжеству город Мстиславль и некоторые села.

Во второй половине XIV столетия Смоленское княжество все еще формально числится самостоятельным государственным образованием. Но влияние на него Литвы уже такое, что смоленский князь либо безоговорочно посылает свои дружины на помощь тамошнему князю в войнах того против крестоносцев, либо сам во главе своих ратных сил выступает со своим литовским союзником в их совместных походах. Причем последние все чаще направляются в сторону Москвы. Впрочем, верно ли будет называть смоленского князя союзником литовского. Скорее это вассал последнего, его подручник, все более и более попадающий в его зависимость. Тем не менее еще какое-то время Смоленск сохраняет номинальный суверенитет. Литва, то ли из-за осторожности, не желая прямым его захватом раздражать Москву, то ли еще почему, но не решается на последний шаг. Зато именно такой шаг предпринимает тогда западная собирательница Руси в отношении Северной Украины.

Земли, получившие в нашей истории название Северной Украины — это бывшие во времена Киевской Руси владения Черниговских князей. Характерная их особенность в том, что еще до Батыева нашествия они раздробились на столь большое число мелких уделов, что выделялись этим свойством даже на общем фоне феодальной чересполосицы, казалось бы, свойственной всем русским землям той поры. И не удиви-

тельно, что именно эта часть Древней Руси пришла в упадок больший, чем все остальные, так что после прохождения по ней азиатских орд на этой земле нельзя было различить даже признаков к возрождению. И может быть именно поэтому после погрома уцелевшие в горниле нашествия на этой земле русские люди вернулись к привычной феодальной резне с таким ожесточением, какого тоже не заметно в других областях Руси. И неудивительно, что обессилевшая Северская земля с ее непрекращающимися внутренними распрями стала для хищных соседей приманкой более соблазнительной, чем все остальные. Уже в XIII веке она подвергается частым набегам литовцев. Это движение, в конце концов, поставит Северщину под власть Литвы, но это произойдет не скоро, и долгое время наследие бывших Черниговских князей оспаривалось между Литвой и правителями соседних русских владений, из которых больший успех сопутствовал Смоленским князьям. Во второй четверти XIV столетия смоляне завладели самым сильным из уделов Северской земли — Брянским. Но этот успех не пошел на пользу ни Смоленским князьям, приобретшим богатую волость, ни попавшим под их власть жителям Брянска. Новоприобретенную смолянами область вдруг охватила череда смут и раздоров, которая с небольшими перерывами продлилась несколько десятков лет. В одной из таких смут дело дошло даже до того, что народ на городском вече убил своего князя.

Таковыми неурядицами в этой части русской земли и таким ее нестройством не мог не воспользоваться литовский собиратель Руси. В конце 50-х — начале 60-х годов XIV столетия Ольгерд совершает в эти края несколько походов, в результате которых Брянск оказывается в его руках. После Брянска литовскому князю с необыкновенной легкостью покоряются и некоторые другие города Северской Украины: Чернигов, Новгород-Северский, Трубчевск, Стародуб-Северский. На этом литовский правитель не успокоился. На очереди к захвату стояли другие русские города со своими уездами, которые пока ввиду недостаточности сил и удаленности не могла прибрать к рукам Москва. Это Козельск, Новосиль, Одоев, Воротыньск, Белев, Елец и др., мелкие владельцы которых были не в состоянии противостоять натиску с запада. Литовский же князь не скрывал своих устремлений на этот счет, и, действительно, время, когда западный собиратель Руси поставит названные области под свою власть, придет очень скоро, но пока его вдруг отвлекло от завоевания Северской Украины иное, не менее заманчивое предприятие.

До сих пор московско-литовские столкновения протекали вяло или проявлялись как-то косвенно. Либо Литва почти без усилий захватывала наследие бывшей Киевской Руси, на что Москва была не в состоянии повлиять должным образом, либо московский правитель также без применения оружия выхватывал добычу из-под носа у западного соперника. И в тех и в других случаях дело по большей части решалось расположением или, напротив, нерасположением местного населения к той или иной стороне. До открытых военных столкновений не доходило. Были

случаи военных походов, но противостояние, как мы видели, разрешалось взаимными договоренностями, причем выгода от последних для каждой стороны опять же определялась настроением жителей областей, за которые шел спор. Но нельзя не видеть, как при этом обе стороны активно накапливали взаимную неприязнь, постепенно переросшую в вековую непримиримость. Наконец, история стала свидетельницей открытого столкновения соперников по собиранию Руси, и это столкновение неразрывно связано с именем великого московского князя Дмитрия Ивановича.

Основанием для первой открытой войны Москвы с Литвой стало заступничество Ольгерда за тверского князя Михаила, на сестре которого был женат литовский князь. В свою очередь, Михаил вступил в соперничество с Дмитрием московским за великое княжение. Как известно, русские князья, соискатели великого княжения, ездили в Сарай на поклон к властелину, а тот, занятый своими заботами и увлеченный собственной борьбой за власть и выживание, отмахивался от просителей ярлыком, этим символом высшей власти среди русских князей, действуя по принципу: «кто больше даст». В этом смысле у московского князя не было конкурентов. Москва давно стала богаче своих соперников. Впрочем, выдав ярлык по самой высокой цене, хан, вслед за тем, не смущаясь, мог выдать такой же и следующему соискателю по цене, какую тот мог заплатить, а там, дескать, разбирайтесь сами, как хотите. И русские князья разбирались привычным, давно испытанным способом — оружием. Ну а поскольку военной силы у Москвы тоже было больше, то ее противникам оставалось прибегать к союзам. Так получилось и на этот раз. Выдав ярлык на великое княжение молодому московскому князю Дмитрию, хан затем выдал такой же тверскому князю Михаилу, у которого и без этого накопилось много причин для недовольства Москвой.

В 1368 году, заключив между собой союз, Михаил и Ольгерд совместными силами внезапно напали на Московскую землю. Конечно, у литовского князя цели войны были куда глубже, нежели просто поддержать своего шурина. Перед Литвой открывалась перспектива: пользуясь неурядицами в русской земле, малой ценой захватить само Московское княжество. Вторжение было столь неожиданным, что Дмитрий не успел собрать войско и заперся в кремле с малой дружиной. Лишь один сторожевой полк встретил нашествие и пытался его остановить на реке Тросне в Рузском уезде, но был разбит. После этого противники беспрепятственно прошли Московскую землю, но оказались бессильными перед мощными каменными стенами и башнями нового кремля. Крепость была построена всего за несколько лет вместо старой деревянной, и ее существование стало полной неожиданностью для пришельцев. Простояв три дня перед неприступными стенами, незадачливые завоеватели повернули обратно, жестоко опустошив по пути беззащитные московские владения. В отместку московский князь через год огнем и мечом прошелся по тверской земле, оплачивая врагу за свое разорение, но литовскому противнику еще долго будет удаваться избегать мести.

В 1370 году история повторилась теми же действующими лицами. Вдобавок, войско противника на этот раз пополнилось ратными людьми Смоленска. Трудно сказать, на что надеялись на этот раз союзники. Овладеть каменной крепостью было невозможно. В этом они убедились два года назад. Не исключено, что теперь они рассчитывали захватить ее неожиданным нападением, пока москвичи не успеют затворить ворота, но делать на это ставку было бы слишком наивным, и, скорее всего, Ольгерд шел прельщенный легкой добычей с беззащитных московских вежей, зная наперед, что расплачиваться придется его союзнику, тверскому князю, который меньше всего был дорог Ольгерду, и что до Литовской земли московский князь не доберется. Поход закончился с еще меньшими результатами, чем предыдущий. Внезапности не получилось. Правда, московский князь не успел изготовить войска к встрече врага на своих рубежах и вновь заперся в кремле, поручив сбор ратных сил серпуховскому князю Владимиру. Тот довольно успешно справился с поручением, и, когда Ольгерд вышел к Москве, Владимир двинулся на вырочку столицы с другой стороны. Серпуховской князь стоял уже в Перемышле, когда весть о его приближении дошла до лагеря противника, после чего Ольгерд, всегда отличавшийся осторожностью, решил не испытывать судьбу в открытом столкновении и, повернув к своим рубежам, ушел восвояси. За ним поплелся и его союзник, неудачливый претендент на великое княжение, тверской князь Михаил.

Еще через два года — третья и последняя попытка тех же союзников нарушить сложившуюся расстановку сил, но на этот раз их ждал просто полный провал. Московский князь сумел собрать большие силы и встретить неприятеля на дальних подступах к своей столице, у города Любутска. Здесь авангард Дмитриевой рати наголову разбил сторожевой полк литовского войска. Основные силы Ольгерда укрепились в труднодоступной местности, защищенной глубоким оврагом. А далее литовский князь не стал проявлять никакой активности, о его известной осторожности мы уже говорили. Не чужд осторожности, свойственной всем отпрыскам калитинского племени, предпочитающим действовать только наверняка, оказался и московский князь. Простояв какое-то время друг против друга, противники заключили перемирие и разошлись. После этого литовский князь навсегда прекратил попытки захвата Москвы. Он понял бесперспективность каких-либо происков в сердце Руси. Но он также хорошо понял возможность медленного и постепенного присоединения к своей державе окраинных русских земель, слабо связанных с центром. Этому направлению своей деятельности он остался верен, не прекратив его до конца своего княжения и передав потомкам.

После смерти Ольгерда в 1377 году и утверждения на великом княжении одного из его сыновей — Ягайло в Литве не обошлось без смут и раздоров. Этим и спешил воспользоваться московский князь, попытавшись перейти от оборонительного характера долгого противостояния к наступлению. Целью ближайших устремлений Дмитрия Московского было

отвоевание захваченных недавно Литвой северских княжеств. В 1379 году русская рать, возглавляемая серпуховским князем Владимиром Андреевичем, вошла в литовские владения и в результате кампании отняла у противника старые русские города Трубчевск и Стародуб. Большого добиться не удалось, и кампания завершилась со скромными успехами, но она же привела к еще большему обострению отношений Руси с Литвой, окончившемуся союзом последней с правителем Золотой Орды, темником Мамаем, что потребовало от Москвы мобилизации максимума сил для отражения в следующем году совместной ордынско-литовской агрессии. Как известно, во время знаменитого похода Мамая на Дон, закончившегося Куликовским побоищем, Ягайло спешил туда же, и в день знаменитой битвы стоял со своим войском в одном переходе от Куликова поля.

Тем временем накал обстановки в самой Литве несколько способствовал ослаблению московско-литовского противостояния и давал московской стороне хоть какое-то время для передышки. Надо сказать, что западный сосед переживал тогда драматические времена, там чуть ли не ежедневно свершались политические события поистине шекспировского характера. Литва вступила в решающую фазу борьбы за единое государственное устройство против сепаратизма и феодальной анархии. То же самое тогда происходило и на московской земле. Борьба за власть между потомками Гедемина достигла своего апогея и своими кровавыми способами разрешения не уступала тому, что творилось вокруг великокняжеского двора в Москве и в сопредельных с ним других русских княжествах. Мы не будем даже мельком останавливаться на всех этих подробностях, ибо это выходит за рамки предмета нашего рассказа, но отметим лишь то, что как в Москве, так и в Вильно накал внутренних страстей не позволил ни одной из сторон взять верх над другой. Каждый из соперников был вынужден одинаково отвлекаться на внутренние распри. И хотя положение Ягайло на великокняжеском столе казалось устойчивым, врагов внутри Литвы у него было достаточно, и им было уделено все внимание великого литовского князя. А потому натиск на московские земли пришлось заметно ослабить, что было на руку московскому князю, у которого недостатка во внутренних врагах тоже никогда не было, и бушующие междоусобные страсти продолжали захлестывать Русь. Нельзя не отметить, что во внутренней борьбе своим гнусным коварством Ягайло не уступал московским властелинам. Вершиной его злодеяний стало вероломное предательство и убийство родного дяди, старого князя Кейстута.

Кроме того, у каждой из сторон оставались заботы внешнего характера. Так, если для Москвы источником внешних потрясений служила Орда с ее бесконечными терзаниями русской земли, то для западного соседа таким источником оставался Тевтонский Орден, который, видя усиление Литвы и понимая опасность для себя с ее стороны, всеми средствами пытался препятствовать ее возвышению.

Но, конечно, главной особенностью последней четверти XIV века становятся польские события, положившие начало польско-литовской унии.

В 1370 году умер польский король Казимир Великий, не оставивший после себя прямого потомства, а потому еще при жизни завещавший польский престол племяннику, сыну своей сестры, бывшему тогда королем Венгрии — Людовику. Но Людовик оказался чуждым польской короне. Став королем Польши, он лишь формально числился им, считая лишним даже изредка посещать свое новое королевство, все время проживая в Венгрии и ограничивая свой интерес к Польше взиманием с нее налогов и податей. Процарствовал таким образом 12 лет, он благополучно скончался, также не оставив после себя мужского потомства, а двум дочерям завещал по королевству. Старшая Мария получала в наследство польскую корону, младшая Ядвига — венгерскую. Но и в Кракове и в Пеште общество не очень-то приняло распоряжение покойного короля. Поляки были недовольны тем, что Мария обручена с маркграфом Бранденбургским, которому теперь надлежало стать их королем. А он был немцем, что одного только достаточно, чтобы быть не принятым и не признанным поляками. Ядвигу не хотели признавать королевой за ее молодость. Принцессе было всего 12 лет, и венграм не улыбалась перспектива жить под правлением ребенка. Общий компромисс нашли в форме обмена. Венгрия досталась Марии, где не очень обращали внимание на то, кто ее супруг, а поляки пригласили младшую сестру с условием, что они сами подберут ей жениха, то есть своего будущего короля. Дело несколько усложнялось тем, что Ядвига еще в раннем детстве была помолвлена с наследником австрийского престола. Но тот отнюдь не собирался менять королевский трон в Вене на трон в Кракове. К тому же этот жених также был немцем. В конце концов, удалось преодолеть все эти препоны, и в октябре 1384 года четырнадцатилетняя принцесса Ядвига короновалась в Кракове польской короной.

Мы опускаем тут все подробности и не сообщаем о происшествиях, в том числе и о кровавых, которые два года, считая со смерти короля Людовика и до вступления на польский престол Ядвиги, будоражили польское, венгерское и литовское общество. Эти два года оказались насыщенные событиями, которые могли подарить романистам несколько десятков захватывающих сюжетов. Еще два года, доверху наполненных таким же содержанием, прошли в борьбе за жениховство, пока, наконец, не была утверждена кандидатура на роль нового польского короля. В 1385 году в результате победы при краковском дворе литовской партии мужем Ядвиги и, следовательно, королем Польши становится великий литовский князь Ягайло.

Избранию последнего на польский престол его сторонники спешили придать вид исключительной межгосударственной важности, а еще более того — законности. Для этого была заключена уния, получившая название Кревской по имени города, в котором литовский князь дал согласие принять польскую корону. Согласно статьям Кревской унии, Польша и Литва оставались независимыми государствами, но находились отныне под властью единого государя.

В начале 1386 года литовский князь прибыл в Краков, 15 февраля он, ранее успев принять православие, перекрестился в католицизм, 18 февраля состоялся его торжественный брак с польской королевой, а 4 марта последовало коронование самого Ягайло польской короной.

Так было положено начало процессу объединения Польши и Литвы в одно государственное образование. Процесс этот растянется почти на два столетия, но уже первый его шаг во многом определил будущее как самого Польско-Литовского государства, так и его соседей. Историк Иловайский по поводу этого отметил:

«Переход великого князя Литовского в католичество и вступление его на польский престол решили издавна происходившую здесь борьбу между западным и восточным обрядом не в пользу последнего, и именно в то время, когда Литва находилась под сильным и непосредственным влиянием православно-русской гражданственности. Отныне с этим влиянием входила в столкновение гражданственность латино-польская, вооруженная авторитетом власти, светской и церковной. Брак Ягайла с Ядвигаго получил всемирно-историческое значение и в том смысле, что он повел к политическому соединению трех славянских народов, т. е. поляков, литовцев и западноруссов. Польская народность, дотоль сравнительно небольшая и не игравшая значительной роли в Европейской истории, соединясь с обширным Русско-литовским государством, быстро возвысилась на степень могущественной державы в восточной половине Европы и приобрела важное влияние на ее дальнейшие судьбы.

Не вдруг, однако, совершилось государственное объединение Литвы и Западной Руси с Польшею; оно должно было пройти еще разные ступени и подвергнуться некоторым колебаниям».

Это положение известного ученого, как, впрочем, и мнения согласных с ним многих других отечественных историков, дает достаточно поводов для полемики. Мы уже выше говорили о том, что красной нитью через всю историю польско-литовско-русской государственности проводят наши исследователи мысль о преобладании русской гражданственности на территории Литовского государства, которое те же исследователи именуют Русско-литовским. Теперь о преобладании той же русской гражданственности будет говориться в отношении объединенных Польши и Литвы. А так ли это на самом деле?

Обратим еще раз внимание на то, как в последнем высказывании Иловайский подчеркивает незначительность польской народности, уступающей в этом смысле литовской. Но это верно только в том случае, если под литовской народностью понимать русско-литовскую. Сама же Литва, как таковая, то есть этническая Литва, с двух сторон прижатая дремучими лесами к обоим берегам Немана на протяжении всего-то каких-нибудь двух-трех сотен верст по его течению, была мизерной в сравнении с Польшей. Но уже в создании самого русско-литовского государства мы имеем уникальный в истории случай. Не русские княжества поглотили Литву, а напротив, присоединив к себе обширные, густонаселенные территории

бывших уделов Киевской Руси, Литва в государственном понимании поглотила русские княжества. И сколько бы нам не говорили о преобладании русской гражданственности, у нас относительно этого утверждения всегда останутся сомнения. Достаточно взять неразрывно связанный с гражданственностью вопрос о религии. Выше мы уже отмечали, что за долгое время вхождения многих древнерусских уделов в Литовское государство, при всем, якобы, преобладании гражданственности, русский элемент не очень-то преуспел в деле христианского миссионерства. В то время как только наметившееся объединение Литвы с Польшей, выразившееся лишь в династическом браке носителей высшей власти, открыло дорогу к повальному окатоличиванию этнических литовцев, впрочем, как и некоторых русских. И вся последующая история развития польско-литовской государственности — это история активного наступления воинствующего католицизма на православие и грубое притеснение русской церкви, поставленной властями буквально вне закона. Тогда о каком преобладании русской православной гражданственности может вестись речь? Но для нашего рассказа куда более важен другой показатель.

Расширение границ Литовского государства и прирост его населения за счет присоединения русских уделов приводится нашими историками как причина усиления военной мощи западного соседа, как объяснение его успехов и московских неудач. Особенно отмечают стойкость и воинские доблести русских дружин, вынужденных воевать под литовскими знаменами против единоплеменной и единоверной Москвы. Позже, когда самой боеспособной единицей польско-литовской армии станет украинское казачество, а оно всюду заявит о себе уже во время Ливонской войны, письменные источники будут единодушно подчеркивать особый антимосковский настрой русского казацкого войска, его неприкрытый антирусизм, что не может быть объяснено лишь одним служебным долгом. Как же так, и где преобладание русской православной гражданственности? Конечно, государство может заставить работать на себя покоренные народы и тем самым укреплять свой экономический потенциал. Оно может даже заставить воевать на своей стороне, в том смысле, что в состоянии поставить покоренного под свои знамена. Но никакое государство не в силах искусственно привить своему подданному враждебное настроение к кому бы то ни было, а тем более к единоверцу и единоплеменнику.

Здесь стоит обратить внимание на такой момент.

До начала объединения Польша и Литва немало воевали между собой. В особенности яблоком раздора для них служили Галиция и Волынь. Именно за эти бывшие русские земли и шла самая ожесточенная борьба. Но эта борьба разом прекратилась, едва стороны предприняли первый шаг к объединению. Заметим, никакого объединения еще нет, есть два различных государства, как и прежде. Совершен лишь династический союз, который в дальнейшем будет то крепнуть, то вновь ослабевать вплоть до полного распада, но между старыми врагами не только

никогда больше не будет войн, но всегда будет военный союз, и противник будет только общий для обоих. Что же в этом смысле мы видим в московско-литовских отношениях? Там подобных союзов, за время пока еще Польша и Литва оставались отдельными государствами, будет не меньше. И великие московские князья будут родниться с великими князьями литовскими чуть ли не в каждом поколении. Но ни один такой акт не только не принесет мира, но, напротив, всякий раз будет служить толчком к очередной войне.

Можно привести еще много примеров, но и упомянутых будет достаточно, чтобы усомниться в том, что в недрах Литовского, а позже Польско-Литовского государства, несмотря на полное преобладание русского элемента, преобладала русская гражданственность.

Коронование Ягайло польской короной не убавило накала во внутренних смутах в литовском княжестве. Ближайшие за коронацией годы отмечены острой вспышкой очередной междоусобной брани, основные события которой начинают концентрироваться вокруг еще одной незаурядной личности, вышедшей тогда на авансцену политической истории Восточной Европы — знаменитого князя Витовта.

Витовт был сыном погубленного Ягайлом князя Кейстута, то есть приходился двоюродным братом новому польскому королю. Тут тоже можно провести полную аналогию с Московской державой, где быть тогда двоюродным братом великому князю, а зачастую и родным, за редким исключением означало стоять к нему в оппозиции и быть отмеченным не только темными интригами, но и кровавыми злодеяниями. Кроме того, что Витовт считал своим долгом отомстить за отца, Ягайло нанес новое оскорбление двоюродному брату еще и тем, что обошел того при своей коронации чинами и землями. Витовт надеялся получить должность королевского наместника в Литве и вступить во владение принадлежавшим его отцу уделом. Но Ягайло поставил в Литве своим наместником родного брата Скиргайла, возведя того в достоинство Великого князя Литовского. Но и этого новому польскому королю показалось мало и он подарил родному брату удел покойного Кейстута, на который рассчитывал Витовт. Последовавшая затем братоубийственная война с привлечением Витовтом на свою сторону Тевтонских немцев и с неоднократными покушениями на литовскую столицу выходит за пределы рассматриваемого нами предмета. Важно, что, в конце концов, Витовт добился для себя великого литовского княжения. Ягайло остался лишь королем Польским. Власть над обоими государствами закреплялась за одной династией, династией Гедеминовичей, но благодаря стараниям Витовта власть польского короля не распространялась на Литву. Бывший наместник польского короля в Литве, родной брат Ягайло, Скиргайло оставил Вильно и получил во владение Киевское княжество, став, таким образом, подручником нового великого князя.

Ограничив власть Ягайла одной Польшей, Витовт практически стал во главе обширного литовского государства. Но для нас важно то, что

именно с князем Витовтом связан новый виток московско-литовского противостояния. И при этом Витовт стал первым из правящей литовской династии, кто близко породнился с Великими князьями Московскими. В 1387 году он выдал замуж свою дочь Софью за сына Дмитрия Донского, великого князя Василия. Брак оказался счастливым на потомство, так что все последующие представители московского великокняжеского дома являются в то же время прямыми потомками литовского князя. Но несмотря на это, как мы уже отмечали, не в пример польско-литовским брачным союзам династический брак Москвы и Вильно не принес им мира, и как высказался по этому поводу Иловайский: «Можно было только надеяться, что Витовт явится союзником против враждебного Москве Ягайла, и едва ли кто предполагал, что не этот государь, а именно Витовт окажется самым опасным соседом для Москвы, что он широко воспользуется родственными к ней отношениями в свою пользу и во вред Восточной Руси».

В первую очередь с именем Витовта у нас должна ассоциироваться одна из самых крупных акций агрессии за все время противоборства Московской Руси с Литвой. В 1395 году великий литовский князь захватил Смоленск, изгнав из него наследного князя Юрия Святославича. Этот западный форпост Москвы и раньше, как мы видели, во многом находился в зависимости от Литвы, так что его ратные силы даже принимали участие в походах литовских князей на московские рубежи. Но все же формально Смоленское княжество, хоть и в урезанном виде, после того как Москва отхватила от него некоторые восточные уезды, а Литва западные, сохраняло номинальную самостоятельность. Теперь этот древний русский город, один из крупнейших центров старой Киевской Руси, вместе с областью попал в состав чужой державы и обратное возвращение его в лоно русской государственности станет проблемой многих поколений русских людей и их правителей. Город на долгое время останется предметом спора обеих враждующих сторон, он будет отвоевываться оружием и вновь теряться, и пройдет почти три столетия, пока, наконец, уже при новой московской династии Смоленск окончательно станет принадлежностью России.

Первый раз Смоленск вернулся своему законному хозяину уже через шесть лет после захвата его Витовтом. В 1401 году бывший смоленский князь Юрий Святославич, пользуясь ослаблением Литвы неудачной войной с ханами Золотой Орды, вернул себе Смоленск, но из-за своей недальновидной политики вновь скоро потерял его. Заняв город, Юрий принялся расправляться не только со ставленниками Витовта, но и с горожанами, благоволившими литовским властям, или с теми, кто таковыми казались русскому князю. В результате при очередном приступе Витовта к Смоленску местные жители, недовольные жестокостями Юрия, сами открыли литовским пришельцам ворота.

После Смоленска великий литовский князь обратил притязания на владения Великого Новгорода. В 1405 году неожиданным нападением

он захватил Псковский пригород Коложу. Московский князь бросил против тестя свои воинские силы, и, хотя до крупных столкновений дело не доходило, все же в течение трех лет (1406–1408 годы) в новгородско-псковских краях не утихали мелкие баталии. Последняя стычка случилась на пограничной реке Угре, где, в конце концов, стороны заключили мир. После этого воинской активности Витовта в отношении русских владений больше не заметно. Может быть, причиной тому стало резкое обострение отношений Литвы и Польши с Тевтонским Орденом, приведшее к большой, но последней войне, завершившейся в 1410 году разгромом рыцарей в знаменитой битве при Грюнвальде.

Грюнвальдская победа продемонстрировала торжество объединительной политики Польши и Литвы. Она стала показателем успехов единения и явилась следствием консолидации славянских народов против общего врага. В дальнейшем процесс польско-литовского объединения продолжался. Так в 1413 году в городке Городель была заключена следующая уния, послужившая дальнейшему сближению Польши с Литвой. Городельская уния — это еще один шаг в создании единой державы. Согласно ей, Литва формально оставалась независимым государством, но фактически ее независимость уже сильно ограничивалась вассальным отношением великого князя к королю Польши. Сам Витовт негативно воспринимал многие статьи Городельской унии как урезавшие его власть и ставившие его в ранг обычного наместника польского короля в Литве. Оно и понятно. Как и над другими крупными магнатами, над Витовтом продолжало довлеть средневековое феодальное сознание своей удельной независимости. Он был не против единой державной власти, но власти, сосредоточенной в его руках. На деле же приходилось быть, по сути дела, подручником польского короля. Но именно это его положение, положение подручника, как и подобное положение любого русского удельного князя, попавшего в вассальную зависимость к великому князю Московскому, предопределяло на будущее успехи объединения в обоих соседних государствах. Но успехи обеих держав на ниве объединения одинаково толкали их самих навстречу друг другу.

Надо сказать, что в противостоянии с западным соседом, начиная с упомянутых выше походов Ольгерда, при князе Дмитрие Ивановиче и практически весь последующий XV век военные действия со стороны Москвы носили в основном сугубо оборонительный характер. У занятой ордынскими и своими внутригосударственными делами Руси не было сил для серьезного наступления на запад. Да и Литва все эти годы пыталась организовать наступление на Русь отнюдь не собственными силами, а, как правило, в союзе то с Ордой, то с русскими удельными противниками Москвы. Зато именно в это самое время становится особенно заметным наступление на русскую православную церковь в самой Литве. Раньше, до начала объединительного процесса Литвы с Польшей, это явление просматривалось слабо. Но уже сразу после Кревской унии, предусматривавшей, между прочим, своими статьями обращение в като-

лицизм все православное население Литвы, на принадлежавших Литве русских землях можно наблюдать все признаки идущей с запада религиозной экспансии. А знаменитая Флорентийская уния 1439 года начала постепенно перестраивать православную церковь в литовских владениях на римско-католический лад. Ожесточенное сопротивление православия католичеству и униатству и привело к наиболее резкому обострению отношений Москвы с западным соседом. Проявления этого обострения с московской стороны станут особенно заметными к концу XV столетия, тогда же Москва решительно перейдет от оборонительных действий в долгом противостоянии к наступательным. Это объясняется свержением Московской Русью азиатского ига, окончательным выходом из-под ордынской зависимости и, что не менее важно, полным присоединением к Московскому государству пограничного с Литвой Новгорода Великого с его обширными владениями. Именно присоединение Новгорода кардинально изменит расклад сил между Москвой и Вильно и, следовательно, характер военных действий между ними. Отныне со стороны Москвы они будут преимущественно наступательными. Но это будет еще не скоро, а пока, до конца XV столетия, с переменным успехом, не желая отдавать предпочтения ни той, ни другой стороне, будет тянуться долгая, изнуряющая вражда. Она будет проходить на фоне почти никогда не прекращающихся малых приграничных конфликтов. Так что чаще всего, несмотря на официальную необъявленность военных действий, на всем московско-литовском порубежье будут постоянно отмечаться военные столкновения.

Но самой характерной чертой этого противостояния стал переход литовских служилых людей на сторону Московского государства. Поначалу это в основном было свойственно людям русского происхождения, хотя и не только. Так, например, еще во время знаменитой войны Дмитрия Ивановича против Мамая и его союзника Ягайла в составе войск великого Московского князя находились дружины двух Ольгердовичей, то есть родных братьев литовского князя: Андрея Полоцкого и Корибута Брянского. Причем первый из них покинул Литву, в которой владел бывшим русским уделом — Полоцким княжеством, еще при вокняжении Ягайла и тогда же нанялся на службу псковичам. Позже, когда Мамай двинулся на Русь, а с запада на нее поднялся литовский князь, оба Ольгердовича стали под знамена московского князя.

Обратное движение — из Московского государства в Литву также имело место, но оно было менее заметным, тогда как переход литовских служилых людей на московскую сторону со второй половины XV века принял массовый характер. К концу столетия княжившие в пограничных с Русью областях Литвы магнаты переходили в московское подданство вместе со своими владениями, так что задача, поставленная Москвой по возвращению земель, некогда попавших под власть западного соседа, упрощалась уже сложившимися условиями и реальной обстановкой. Это же положение вещей во многом и определяло успех Москвы в единоборстве

с западным соседом. Удачное наступление и присоединение бывших уделов зачастую достигалось не силой оружия. Выше мы отмечали, как в русско-литовском противостоянии можно было нередко наблюдать на захваченных русских землях приверженность коренного населения литовской государственности и антимосковский настрой определенной части общества. Но наряду с этим можно было видеть и обратную тенденцию, когда проживавшие на тех же землях, ставших предметом обоюдных претензий, русские люди православного вероисповедания не испытывали желаний воевать за иноверную Литву. Спор о том, какая тенденция была преобладающей, сейчас был бы бесперспективным и бессмысленным, но совершенно очевидно, что в восточных регионах Литовской Руси, например, в Северной Украине, наблюдалось большее тяготение к Москве. Но уже в центральных ее районах, где-то, к примеру, во владениях бывшего Киевского княжества, такая тенденция была не особенно заметной, и чем далее на запад, тем московские позиции становились слабее. И массовый переход русских людей в московские пределы характерен именно из восточных областей. Но и его было достаточно, чтобы стать еще одной причиной противоречий с западным соседом. Отношения между державами ухудшались стремительно и ни о каком примирении не могло быть речи. Источник противоречий усиливался еще и тем, что, как мы отметили, на захваченных Литвой русских землях все больше и больше проявлялись признаки католической конфессиональной экспансии.

Надо сказать, что политика литовских князей по удержанию за собой некогда захваченных территорий, населенных преимущественно представителями русской народности, исповедующими православие, была крайне недалновидной и, мягко говоря, не отличалась гибкостью. Ничего иного не придумали литовские власти, как объявить на бывших русских землях гонение на православие и заняться насильственным окатоличиванием русского народа. Оттого-то и так никогда не прекращавшийся переход русских людей под власть московского государя стал повальным явлением. Со своей стороны литовские правители требовали от московской стороны возвращения принадлежавших беглецам земель и выдачи их самих, но понятно, что эти требования на Москве не находили никакого отклика. Что же касается более решительных действий, то после упомянутых войн Московского князя Василия Дмитриевича против своего тестя Витовта, случившихся в первое десятилетие XV века и продолжавшихся до последней четверти столетия, их не наблюдалось, и московско-литовские отношения в этот довольно длительный период не отличались военной активностью. Но именно этому периоду обе соседние державы обязаны пику подъема строительства каждой своей государственности и успехам в решении внутривнутриполитических проблем. В северо-восточной Руси шел необратимый процесс консолидации удельных княжеств вокруг Москвы, очередной виток которого связан с именем внука Дмитрия Донского, великого московского князя Василия

Темного. Успешно изживал остатки удельного сепаратизма и западный сосед. Кроме того, там после некоторого ослабления польско-литовской унии вновь взяла верх объединительная тенденция.

Временное ослабление польско-литовского государственного единства было, как мы уже отмечали, связано с именем князя Витовта, который, не изменяя процессу единения собственно литовских земель, в том числе и попавших под власть Литвы русских, стремился к полной независимости, а потому всячески противостоял попыткам польской короны превратить Литву в нечто вроде своего наместничества. Надо сказать, что эта деятельность имела успех и почти привела к распаду унии. Но в 1430 году Витовт умер, и с его смертью в Литве, попавшей в водоворот междоусобий за великое княжение, противодействие польским притязаниям стихло. Ягайло вновь подчинил себе свое бывшее великое княжество. Но в 1434 году скончался и Ягайло. Казалось, теперь не только не останется следов от зачатков единой польско-литовской государственности, но и сами Польша и Литва по раздельности, будучи охваченными междоусобными распрями, распадутся и исчезнут в горниле феодальной анархии. Однако на деле все вышло наоборот.

У обоих враждующих соседей, как у Москвы, так и у Вильно, процесс становления централизованного государства с единодержавной властью, сосредоточенной в одних руках и с наследной передачей ее от отца к сыну, стал необратимым. В то время в Москве можно было видеть, как при всех бушующих страстях борьбы между претендентами, великое княжение неизменно доставалось прямому наследнику умершего великого князя, несмотря на то, что этот наследник зачастую был ребенком и, находясь в окружении сильных и опытных врагов, казался беззащитным. Мы знаем, как в последней феодальной войне на Руси победителем вышел князь, находившийся в плену у своих врагов, к тому же князь слепой. Единодержавные устремления взяли верх, и они оказались сильнее всех других обстоятельств. То же самое происходило тогда и у западного соседа. Это позже, когда в Речи Посполитой возобладают элементы шляхетской вольности, помноженной на польскую распущенность, когда прельщенные кажущейся свободой литовские магнаты по образу своих польских собратьев отдадут предпочтение сеймовой монархии перед абсолютной, и, наконец, поменяют ее на выборную, под польско-литовскую государственность окажется заложена мина. А пока в самой Литве, включавшей в себя обширные русские области, шли процессы, аналогичные московским. И им подчинялось польское общество. После смерти Ягайло несколько лет не обошлись без кровавых потрясений. Но все же в 1440 году великокняжеский стол в Вильно занял сын Ягайла Казимир. Еще через семь лет он же надел на голову польскую корону. Уния была восстановлена во всех своих статьях.

Конечно, внутренние несогласия вплоть до раздоров между Польшей и Литвой будут наблюдаться еще долго. Ведь союз был только династическим, и оба государства номинально оставались самостоятельными.

Но внутри каждого из них централизованные тенденции уже неизменно взяли верх. А в свете нами затронутого предмета еще важнее то, что во внешних отношениях Польша и Литва будут теперь представлять если еще пока и не совсем одно, то уже почти одно целое, и вражда с восточным соседом делается для них общим делом. Отсюда и Москва получит в лице вставших на необратимый путь объединения Польши и Литвы более сильного соперника.

И все-таки, несмотря на объединительные процессы, протекавшие тогда на стороне соперника, равновесие сил в московско-литовском противостоянии сохранилось. Дело в том, что на интеграцию Литвы и Польши Москва ответила адекватными действиями, и на русской земле также произошло объединение двух государств. Пути объединения были несколько иные, и само объединение по русскому обыкновению не прошло бескровно, но результат был тем же, что и у западного соседа — удвоение силы. Читатель уже наверно догадался, о чем идет речь: на рубеже последней четверти XV века Московская Русь подчинила себе Русь Новгородскую.

В отличие от польско-литовского объединения, которое по сути дела было добровольным союзом, московско-новгородское объединение явилось насильственной со стороны Москвы политической акцией. Потому-то мы и называем его подчинением, но надо помнить, что на Руси не насильственно ничего никогда не делалось. И все же присоединение к Москве Великого Новгорода стоит особняком в длинном ряду других успехов объединительной политики Москвы. Это было не рядовое присоединение очередного захолустного княжества. Владения Новгорода по размерам и материальным богатствам превышали московские.

И если московско-литовские отношения и раньше всегда отличались особой остротой, то к последней трети XV столетия они еще больше обострились в связи с новгородскими событиями.

А события эти со второй половины века нарастали, как снежный ком.

До сих пор Москва и Вильно соперничали за мелкие, разрозненные уделы, владетельные князьки которых не помышляли о сохранении за собой хоть какой-нибудь самостоятельности и только ждали того часа, когда в процессе собирания русских земель очередь дойдет до их уделов. Все, на что они могли рассчитывать, ограничивалось предпочтением попасть под власть того, а не иного собирателя Руси. Из всех потерявших политическую независимость, а потому ставших принадлежностью одной из держав — соперниц русских княжеств, наиболее крупным и сильным было княжество Смоленское. Потому-то из-за него, больше, чем из-за какого-либо другого, и обострилась и без того непримиримая вражда с западным соседом. Но даже Смоленское княжество, вполне способное претендовать на самостоятельное государственное образование, по своим размерам, силе и богатству не шло ни в какое сравнение с Новгородской республикой. А именно последней суждено было стать причиной очередной вспышки страстей, когда между Москвой и Литвой не осталось

больше санитарного кордона в виде захудалых княжеств, поглотить которые той или иной стороной вовсе не значило нарушить сложившееся равновесие сил. Вот тогда предметом обоюдных притязаний соперников стал Господин Великий Новгород.

Нет, за овладение Новгородом между Москвой и Литвой не было войны, как это было и еще будет в этом и последующем столетии за иные русские земли, расположенные в Северной Украине или на Смоленщине. Но зато за овладение Новгородом у Москвы не без негативного влияния Литвы случилась война с самим Новгородом, отчего и присоединение его к Московской державе не прошло мирно.

Как же складывалась тогда обстановка вокруг Новгорода, какие отношения связывали его с обоими соперниками и претендентами на обладание им и какие перспективы открывались перед вольным городом при сложившемся балансе сил?

К тому времени попаданию Новгорода под власть Москвы альтернативы почти не оставалось. Вторая половина XV века на Руси может называться временем полного торжества объединительной политики Москвы. Именно тогда на политической карте Европы возникло огромное, не знающее себе равных по размерам, мощное в военно-политическом смысле образование — Московское государство. Время же, наступившее с последней четверти XV столетия, может считаться эпохой полного и окончательного утверждения российского самодержавия и первых шагов абсолютистского монархического государства.

Новая эпоха возникла не на ровном месте, она подготавливалась всей историей предшествующих десятилетий. Уже с середины XV века четко вырисовался государственный статус России, определивший всю ее будущность. Именно тогда с ее политической карты исчезли последние очаги удельной системы и завершилось формирование единого государства с прочными самодержавными началами.

Процесс строительства Московской державы занял около двух столетий и был связан с деятельностью многих исторических лиц, каждое из которых внесло свою лепту в создание нового мощного государственного образования. Итогом же двухвекового строительства стала деятельность великого московского князя Ивана Васильевича III, к годам правления которого (1462–1505) и относится окончательное становление единого и независимого российского государства как одно из самых важных явлений в нашей отечественной истории. Историк С. М. Соловьев, описывая процесс медленного и кропотливого строительства Московского государства, призывал отдать дань уважения и признания каждому поколению его строителей:

«Иногда видим мы, — говорит ученый, — как целые поколения в продолжение многих и многих лет тяжелыми трудами накапливают большие богатства: сын прибавляет к тому, что было накоплено отцом, внук увеличивает собранное отцом и дедом; тихо, медленно, незаметно действуют они, подвергаются лишениям, живут бедно; и вот наконец

счастливым наследник трудолюбивых и бережливых предков начинает пользоваться доставшимся ему богатством. Он не расточает его, напротив, увеличивает; но при этом способ его действий по самой обширности средств отличается уже большими размерами, становится громок, виден, обращает на себя всеобщее внимание, ибо имеет влияние на судьбу, на благосостояние многих. Честь и слава человеку, который так благоразумно умел воспользоваться доставшимися ему средствами, — но при этом должны ли быть забыты скромные предки, которые своими трудами, бережливостью, лишениями доставили ему эти средства?».

Продолжая начатое его предшественниками дело собирания русских земель в один государственный организм, Иван Васильевич III за время своего великого княжения присоединил к своей державе Тверское княжество, Ярославль и Ростов Великий. По этому поводу другой замечательный русский историк Н. И. Костомаров отметил: «Эпоха великого князя Ивана Васильевича составляет перелом в русской истории. Эта эпоха завершает собою все, что выработали условия предшествовавших столетий, и открывает путь тому, что должно было выработаться в последующие столетия. С этой эпохи начинается бытие самостоятельного монархического русского государства».

И, конечно, одним из главных успехов его объединительной политики стало присоединение к своей державе Новгородской республики, по размерам и природным богатствам не уступающей самому Московскому государству, каким оно было до присоединения Новгородских областей. И как сказал по этому поводу историк Д. И. Иловайский, «относительно собирания Руси самым важным деянием Ивана Васильевича было присоединение Великого Новгорода со всеми его обширными владениями».

Нет, мы не отвлеклись от основной линии нашего сюжета, как это поначалу может показаться. Все, о чем мы пытаемся рассказать, предопределило расклад последующих событий, приведших, в конце концов, к Ливонской войне, обозначило расстановку сил в ходе ее самой, а отсюда и имело итогом известные результаты, а потому оно с самого начала оказалось туго завязанным в один узел. И нас в этом завязывающемся чуть ли не за столетие до Ливонской войны клубке взаимных отношений больше всего интересует положение Новгорода, доживавшего тогда последние годы своей независимости. Суверенный вольный город стал тогда краеугольным камнем, на котором сталкивались интересы всех соседей Ливонии и через который поднимающаяся Московская держава вынуждена была проводить свою внешнюю политику. Вспомним, что долгое время любые контакты Руси с западными соседями, будь то с Орденом, Швецией, да и во многом с Литвой, определялись контактами с последними именно Новгородской или Новгородско-Псковской Руси. В особенности это относится к отношениям с Ливонией и Швецией. С Литвой у Москвы в последнее столетие наметился собственный контакт, минуя Новгород, но это случилось в основном благодаря наступательной политике литовских князей, в результате чего их владения

достигли западной границы московского княжества. Тогда особую тревогу московских правителей вызывали опасения потерять Новгород, ибо ситуация складывалась так, что отжившая свой век вечевая республика с ее кажущейся архаической вольностью могла быть легко, подобно иным западным русским княжествам, захвачена Литвой.

К тому времени новгородское народоправление переживало глубокий кризис, и процесс этот стал необратимым. Мы знаем, что на протяжении долгого времени, уходящего еще в добатыеву эпоху, отношения Новгорода с великими владимирскими, а позже с московскими князьями складывались более чем непросто. Как знаем и то, что это не было соперничеством за великое княжение, и Новгород никогда не претендовал на власть над другими территориями. Поползновения вольного города были всегда иными: он стремился к полной самостоятельности и независимости от владимирских и московских князей. Торговый город и весь обширный, принадлежащий ему богатый край уже давно поддерживал у себя систему вечевого правления, но раздраемая внутренними противоречиями новгородская самобытность клонилась к упадку. Постоянная вражда внутриновгородских партий не способствовала укреплению политической стабильности в крае. А слабость выборных правительственных лиц, как правило, не отличающихся гражданскими или воинскими доблестями, имела следствием то, что при колоссальных богатствах, накопленных в крае, в новгородском обществе явно ощущалось как отсутствие высокого гражданского и национального самосознания, так и недостаток военных сил. И как выразился по этому поводу тот же Иловайский, «ничто так не свидетельствует о внутреннем упадке Великого Новгорода, как полный недостаток мужей, которые бы выдвинулись в эту эпоху своими талантами и гражданскими доблестями».

Последнее обстоятельство, в особенности в связи с обострением внешнеполитической обстановки, грозило утратой единства Руси. Во все предшествующие времена новгородское порубежье неоднократно становилось ареной ожесточенной борьбы со вспышками европейской агрессии, справляться с которой удавалось лишь при помощи объединенных сил многих русских княжеств. Мы знаем, как новгородцы зачастую и самостоятельно решали проблемы пресечения иноземных посягательств на свою землю, но то все были мелкие по масштабам поползновения соседних государств, при этом страдавших своими внутренними болезнями, а потому не представлявших серьезной угрозы. К тому же господствовавшая на новгородской земле вечевая республиканская форма правления до поры до времени оставалась неизжитой, вполне соответствовавшей решению текущих задач внутренней и внешней политики и способной гарантировать устойчивость государственного организма. В первую очередь это объясняется тем, что тогда все соседи и потенциальные противники Новгорода переживали свои внутренние смуты, раздоры и неурядицы и с трудом преодолевали все последствия торжества феодальных порядков. Ко второй половине XV столетия картина стала понемногу меняться.

Как и для Руси, так и для ее соседей наступала эпоха торжества объединения и становления централизованных государств, для которых разгул феодальной анархии уходил в прошлое. В такой обстановке республиканская форма правления со свойственными тому времени примитивными приемами выборности власти и со средневековым сознанием общества становилась неприемлемой. Она грозила Новгородской республике потерей национального суверенитета. Больше чем от других такая угроза исходила от великого княжества Литовского, вдруг неожиданно выросшего в огромное государство за счет постоянного наращивания своей территории. Присоединяя к себе земли западных русских княжеств, Литва ко второй половине XV века распространила свои владения чуть ли не до западных окраин Москвы и до южных окраин Новгорода. К этому же времени отношения Москвы с Новгородом и Литвой оказались заплетенными в сложный дипломатический узел. Политика всегда имевшей в Новгороде особый вес антимосковской партии препятствовала набравшему силу процессу консолидации русских земель, объединению их вокруг Москвы и образованию единого русского государства.

Древний вольный город очутился меж двух огней, его самобытности приходил конец, на повестку дня ставился вопрос, кому из двух активных собирателей Руси достанутся обширные новгородские владения. Или свою успешную поступь в деле собирания русских земель продолжит Москва, или Новгород ожидает участь Смоленска. Это сто лет спустя, во время знаменитого опричного похода Ивана IV на бывший вольный город, такой вопрос отдавал неприкрытой архаичностью, а сам поход стал эталоном несуразности. Но во времена правления на Москве деда Грозного попадание Новгорода под власть чужой державы было делом вполне вероятным. Судя по сохранившимся документам, настроение в Новгороде насчет того, в какую сторону податься, делилось примерно поровну.

Сложившаяся вокруг новгородской проблемы ситуация требовала скорейшего разрешения, потому как промедление одной из сторон могло иметь непоправимые последствия, ибо отобрать назад всегда труднее, чем сразу не упустить. Противники московской ориентации не могли не понимать всей опасности своего положения, как не могли они не понимать того, что сохранить вольность не удастся. Оставалось примкнуть к противной Москве стороне. Нельзя сказать, что сторонники отдачи Новгорода под власть Литвы так сильно тяготели к последней. Скорее, это были сторонники вольности, пытавшиеся сохранить веками сложившийся статус своей земли. Но, понимая, что это невозможно, они, то ли по наивности, то ли еще почему, были убеждены, что Литва меньше покусится на их свободу, нежели Москва. Надо сказать, что основания для таких умозаключений были. Повидавшие разные страны новгородцы не могли не видеть, что наглоатавшаяся азиатчины и много унаследовавшая от ордынских начал Москва признает для всех без исключения своих подданных только одну форму существования — абсолютное рабство. В то

время как в затронутой европейской цивилизацией Литве ее подданные пользуются определенной свободой.

Единственно, что удерживало литовских сторонников в Новгороде от последнего шага, так это разность религий. С. М. Соловьев так передал состояние русского человека в Новгороде, оказавшегося перед выбором:

«Кроме великого князя московского, теперь сильного, спокойного, замышлявшего нанести последний удар Новгороду, был еще великий князь литовский, который назывался также и русским; к этому князю отъезжали из Северо-Восточной Руси все князья недовольные, лишенные отчин, угрожаемые князем московским; к нему обратились и новгородцы в последний, решительный час. Но великий князь литовский и вместе король польский был католик; отложиться от московского князя и податься литовскому, отложиться от московского митрополита и признать свою зависимость от митрополита киевского, митрополита, подозрительно по своему постановлению,... в глазах многих, в глазах большинства в Новгороде, в глазах всего северного русского народонаселения значило изменить православие, приложиться к латинству или, по крайней мере, подвергнуть древнее благочестие сильной опасности. Таким образом, мысль о подданстве великому князю литовскому встречала сопротивление в господствующем чувстве большинства в Новгороде, в привязанности к вере предков; таким образом, Москва в окончательной борьбе своей с Новгородом имела могущественного нравственного союзника, обещавшего верную победу; этот союзник было православие.

И прежде не раз великие князья литовские предлагали свое покровительство Новгороду; их предложения были отвергаемы; и нельзя не заметить, что главным побуждением к тому было иноверие Гедеминовичей, хотя, с другой стороны, и от Москвы не было еще тогда такой опасности, которая заставила бы новгородцев быть внимательнее к предложениям из Литвы. Но мысль, что рано или поздно придется просить помощи у Литвы, эта мысль не могла уже быть чуждою в Новгороде, и здесь нашлись люди, которые не разделяли мнения большинства относительно препятствий к соединению с Литвою».

Положение еще более усугубилось, когда в 1470 году в Новгороде скончался глава новгородской церковной епархии, архиепископ Иона, активный сторонник промосковской ориентации. После его смерти антимосковская сторона, располагавшая к тому же основными материальными средствами края, открыто подняла голову. Антимосковские настроения возобладали. Литовская партия открыто перешла к решительным действиям. Эта партия быстро и легко нашла поддержку в стане новгородских противников объединительной политики Москвы, а далее она стала искать такую же поддержку и у литовского князя Казимира, бывшего одновременно и королем польским и, надо сказать, на словах нашла ее. После ряда вечевых буйств, в которых литовская, или вернее сказать антимосковская партия, одержала верх, что ставит под сомнение вышеприведенное утверждение Соловьева о преобладании в Новгороде

промосковского настроения, было решено признать Казимира своим великим князем. После этого к польско-литовскому королю было снаряжено посольство, которое от имени Новгорода заключило с Казимиром договор приблизительно на тех же условиях, на каких раньше заключались договоры с московскими князьями. Особой статьей оговаривалась неприкосновенность на Новгородской земле православной веры. Поскольку вслед за таким актом ожидалось противодействие Москвы, то тем же договором оговаривались поддержка и помощь новгородцам со стороны короля.

Фактически эта поддержка и эта помощь оказались мифом. Но сам факт пусть даже договорного, не имевшего реального значения союза носил в себе глубокий политический смысл. Одно то, что польско-литовский Казимир был католиком, союз с ним против Москвы расценивался как измена православию. К тому же новгородцы пожелали, чтобы новый их архиепископ был поставлен не московским митрополитом, как это было принято ранее, а киевским, митрополия которого распространялась на юго-западные русские земли, подчиненные Литве, сам же киевский митрополит был ярким сторонником ненавистной для православных унии. Последнее обстоятельство явилось уже открытым вызовом.

Попытки московского князя Ивана Васильевича покончить дело миром результатов не дали. Посольство Москвы в Новгород с грамотами, в которых великий князь напоминал новгородцам, что их земля всегда была вотчиной рода Св. Владимира, так же как и послание московского митрополита с увещаниями новгородцев не изменять православию, успеха не имели. Война стала неизбежной.

Летом 1471 года Москва выступила в поход. Примечательно то, что с московскими войсками против крамольного Новгорода шел и великий князь, что придавало всему предприятию глубокий политический смысл и чем подчеркивалась важность затеянной кампании.

Новгородцы в начавшейся войне остались предоставленными своим собственным силам. Помощи от Казимира не последовало никакой. Вялый, нерешительный и далеко не воинственный король не принял ни малейшего участия в войне, к развязыванию которой он, тем не менее, имел прямое отношение. Ведь заключая договор с новгородцами, он по сути бросал вызов московскому князю и одновременно давал гарантию защиты вольному городу. Это было равносильно объявлению войны, и новгородцы, поднимая оружие против Москвы, рассчитывали на его помощь. Так что снимать ответственность с литовской стороны за разразившуюся на русской земле бойню нельзя, хотя непосредственно литовская сторона в боевых действиях вроде бы и не участвовала.

Остались глухи к призывам новгородцев и их вечные союзники — псковичи. Напротив, последние откликнулись на призыв великого князя стать под его знамена и приняли деятельное участие в войне на стороне Москвы. В самом Новгороде сказался полный упадок воинских сил. Отсутствие служилых князей и их дружин, недостаток в богатом крае про-

фессионального воинского контингента предрешили неудачу Новгорода в войне против закаленных в боях московских ратников. Вожаки крупной в Новгороде антимосковской партии были непревзойденными мастерами устраивать в свою пользу городские вече, но никак не воеводствовать над полками. Сами же новгородские полки были наспех собраны из городского посадского, преимущественно ремесленного населения, хорошо обученного драться дрекольем на волховском мосту с противной стороной при вечевых спорах, но не владеть оружием и противостоять в открытом поле профессиональному московскому войску.

Война вышла очень скоротечной. Мы здесь опускаем подробности состоявшихся в ней батальей, ибо это не задевает сути нашего сюжета, скажем только, что несмотря на мужественное сопротивление, новгородское воинство потерпело сокрушительное поражение. В результате 11 августа 1471 года в ставке великого князя у села Коростына на берегу озера Ильмень между московской и новгородской сторонами был подписан договор. По его статьям Новгород еще не становился составной частью Московского государства. За побежденными еще оставались определенные права вольного города. В этом сказался характер великого князя. Он ничего не решал одним разом, оставляя окончательное и полное достижение поставленной цели на потом, предпочитая двигаться к ней мелкими шагами. Но скорый конец новгородской вольности ни у кого больше не вызывал сомнений. И это случилось семь лет спустя, когда новый поход московского князя на Новгород (1477–1478) завершился окончательным падением вечевого республиканского строя.

Надо сказать, что после поражения в кампании 1471 года новгородцы не сумели сделать правильных выводов о сложившейся вокруг их кажущейся вольности ситуации. Результаты войны не оказали отрезвляющего действия на горячие головы сторонников антимосковской партии. Не проявила реальной действительности и позиция Вильно, не оставившего своей подстрекательской политики. Литва не хотела прямо вмешиваться в московско-новгородский конфликт, но, имея целью расшатать обе враждующие стороны, подорвав их силы во внутренней междоусобной войне, продолжала заверять своих новгородских сторонников в поддержке. Историк Д. И. Иловайский насчет царившей тогда в Новгороде политической атмосферы говорил:

«Неудачная война с Иваном III и Коростынский мир повели за собой еще горшие внутренние смуты и еще более ожесточенную борьбу партий в Новгороде, как это обыкновенно бывает при упадке и разложении какого-либо общественного строя. Народноправление, процветавшее в течение нескольких столетий, теперь очевидно отживало свой век. Каково бы ни было неравенство сил в борьбе новгородцев с Москвою за свою самобытность, во всяком случае только надорванный и расшатанный организм мог оказать такое слабое сопротивление, какое оказал тогда Новгород Великий».

Разразившийся в городе и крае разгул анархии с преобладанием антимосковского настроя не ограничивал себя шумными вечами. Стали открыто преследоваться сторонники Москвы вплоть до избиения и даже убийств. Наконец, когда снова поднялся голос, призывающий польско-литовского короля, московский князь выступил в новый поход. На этот раз новгородцы, вспомнив уроки прошлой войны, отказались от сражений с московскими воеводами в открытом поле, полностью посвятив свои заботы защите города. В результате кампании Новгород оказался в тесной блокаде, не выдержав которой в январе 1478 года сдался на всех условиях, выдвинутых московской стороной. Отныне новгородские владения превращались в область Московского государства. Вечевой феодальной республики и вольного города на русской земле более не существовало.

Подводя итог существованию Новгородской республики, Иловайский писал:

«Так прекратились самобытность и народоправление Великого Новгорода, продолжавшееся на глазах истории более четырех веков с половиной (считая со времени Ярослава I). Подобно республикам древнего мира и средневековым западноевропейским, сие народоправление прошло все ступени развития и, пережив эпоху своего процветания, достигло периода упадка и разложения. В этом периоде особенно выступило наружу несоответствие его вечевого устройства с огромной территорией и с ее внешней обороной. Неизмеримые пространства его земли, удаленные на север и восток, представлялись почти недоступными великим князьям Южной Руси; отношения изменились с развитием соседней Новгороду Суздальско-Московской государственности. Теперь, когда древняя Русь почти собралась около двух средоточий, Москвы и Литвы, Новгороду пришлось выбирать между ними; ибо он был слишком слаб для того, чтобы сохранить свое отдельное существование между такими сильными соседями. Он попытался, было, противопоставить Москве государя Литовского, наследника южнорусских князей, но безуспешно. При разнородности и малой сплоченности своих земель только такие личности, как Ольгерд и Витовт могли вести удачную борьбу с возникшей Московской государственностью, опиравшейся на большую часть могучего Великорусского племени. Казимиру IV такая борьба была не под силу, несмотря на то, что он стоял во главе не только Литвы и Западной Руси, но и Польши. Предоставленные собственным средствам, новгородцы могли только дорого продать свою политическую самобытность; но тут, как мы видели, обнаружился у них полный упадок военных доблестей и гражданского чувства вместе с отсутствием единодушия и правительственной безурядицей. Его вечевое устройство так и не выработало строго определенных, устойчивых форм. При том же, как бы ни был различен политический строй Новгорода и Москвы, все же эти две части Великорусского племени имели так много общего, что неудержимо тянули друг к другу.

Объясняя причины сравнительно легкой победы, которая в сем случае досталась Москве, и становясь на сторону ее великой объединительной задачи, история однако не может отказать в своем сочувствии многим сторонам новгородской самобытной старины, а также тем страданиям и великим жертвам, с которыми сопряжено было выполнение этой задачи».

Политический акт включения Новгородской республики в состав Московской державы можно считать своего рода ответом на тогда еще полностью не завершившееся, но уже во многом предопределившееся объединение Польши и Литвы, очередным шагом укрепления своих позиций в историческом противостоянии с традиционным соперником.

На гребне обоюдных внутривнутриполитических объединительных успехов соперники в самом конце XV столетия пришли к очередной вспышке противостояния. При этом инициатором самых активных, наступательных военных действий впервые по-настоящему стала московская сторона. Накануне великий московский князь победой завершил войну с Сарайским правителем, ханом Ахматом. Поражение последнего на Угре ставило точку ордынского владычества над Русью. Для той войны Ахмат заручился союзом с Польско-литовским королем, и только реальная опасность со стороны крымского хана удержала тогда Казимира от прямого участия в войне на стороне Орды. Освободившись от азиатского гнета и преуспев в деле объединения русских земель, великий московский князь больше не хотел терпеть у себя под боком опасного соседства. Вспомним, как еще во времена Дмитрия Донского литовский Ольгерд появлялся под стенами русской столицы столь неожиданно, что московский правитель не успевал собрать воинские силы для его отпора и был вынужден отсиживаться за крепостными стенами. Граница проходила так близко от столицы, что даже при тогдашних возможностях передвижения войск нападавшая сторона оставалась не обнаруженной вплоть до самого подхода к Москве. А за прошедшие с той поры годы под литовскую оккупацию попал, как мы знаем, Смоленск, так что западная граница русской державы еще ближе передвинулась к Москве.

В 1492 году умер польско-литовский король Казимир. После него династический союз удалось сохранить. Польша и Литва оставались под властью одной династии, но разных ее лиц. Польская корона досталась старшему сыну Казимира — Яну Альбрехту, Литва — младшему Александру.

Еще через три года состоялось событие, на которое и в Москве и в Вильно возлагали большие надежды. Великий Московский князь Иван Васильевич выдал замуж свою дочь Елену за великого князя Литвы Александра. Заключенный ранее с Литвой мирный договор не имел прочного основания. В последние годы уходящего столетия противоречия с западным соседом набирали силу, и отношения между двумя державами ухудшались стремительно. Главным источником противоречий по-прежнему оставались захваченные прежде Литвой русские земли, на которых, к тому же, к рассматриваемому времени обнаружилось открытое

гонение на православную веру. Династический брак также не принес мира. Женитьба Литовского Александра на дочери русского государя поначалу вселяла надежды на искоренение взаимных территориальных претензий. Но надеждам этим не суждено было сбыться. Одним из условий брачного договора было неукоснительное соблюдение великой княгиней Еленой православия. Но, очутившись в центре великокняжеского двора в Вильно, Елена с первых дней почувствовала со стороны католического окружения резкое недовольство ее религиозной принадлежностью, постепенно переросшее в условиях поднимающейся волны воинствующего католицизма в открытое притеснение ее религиозных чувств. Великую княгиню склоняли к переходу в «латинскую» веру, ей отказали в постройке православной церкви и запретили держать при себе московского священника, что было явным нарушением статей брачного договора. Московские послы в Вильно не раз высказывали Александру от лица московского князя недовольство по поводу невыполнения зятем брачных условий, но положение дочери русского государя в Литве не менялось. В результате Иван послал зятю разметную грамоту, что означало объявление войны. Конечно же, истинные ее причины намного глубже, чем заурядный семейный раздор, пусть даже вызванный такими высокими для средневекового человека морально-этическими соображениями, как религиозные притеснения.

В 1500 году вспыхнула война. На ее театре с русской стороны развертывались крупные силы. В приграничных с Литвой областях были сформированы три группировки войск: северная, наступающая из района Волока в направлении Великих Лук, западная, наступающая от Вязьмы на Дорогобуж, и южная, нацеленная на Путивль. Направлением главного удара было западное, и здесь в тылу стояла резервная московская рать, образующая второй эшелон.

Военные действия начались в мае, и, как ожидалось, основные их события развернулись на западном направлении. Русская рать захватила Дорогобуж и вышла на подступы к Смоленску. Здесь ее наступление остановили главные силы литовских войск во главе с гетманом Константином Острожским. Противнику удалось потеснить передовой отряд русских, а далее гетман попытался обогнуть западную группировку с фланга и зайти ей в тыл. Но с тыла подошла резервная рать, преградив путь обходному маневру гетмана. Тут надо заметить, что во главе резервной рати стоял потомок литовского выходца, перешедшего на службу московскому государству в начале XV века — Даниил Щеня. С его именем будут связаны многие победные события как этой войны, так и многих последующих войн против исторического отечества. А сейчас, после соединения резервной рати с западной группировкой, Щеня принял на себя главное командование.

Отступивший перед первым натиском литовцев русский авангард заманил противника на восточный берег реки Ведроши. Здесь 14 июля 1500 года произошло одно из самых знаменитых сражений эпохи.

Ожесточенная битва длилась шесть часов и, наконец, решилась в пользу русских. Войска гетмана были разбиты наголову. Среди тысяч оказавшихся в руках русского командования пленных был и предводитель побежденных — князь Константин Острожский.

Полный разгром литовского войска на Ведроши — крупнейшая победа русского оружия. Став украшением русской военной истории и вершиной военного искусства эпохи, ведрошская победа имела огромное значение для хода всей войны с Литвой.

Успешно развивались военные действия и на южном направлении. Сначала русские войска взяли Брянск, а затем в ходе наступления освободили от противника Северскую Украину с городами Путивль, Чернигов, Гомель, Ногород-Северский и др. В состав русского государства возвращались все земли по Десне и ее притокам.

В следующем году в войну на стороне Литвы вступил Ливонский Орден, возглавляемый магистром Плеттенбергом. О военных действиях на Ливонском театре мы рассказывали выше, в главе, посвященной истории отношений Москвы с Прибалтийскими соседями. Напомним, что кампания против Ордена завершилась тогда в целом успешно и была последней военной акцией вплоть до начала Ливонской войны времен Ивана Грозного.

А основные события русско-литовской войны начала XVI столетия продолжали разворачиваться под Смоленском. Несмотря на крупное поражение, нанесенное литовцам под Мстиславлем в ноябре 1501 года, овладеть Смоленском не удалось. Затянувшаяся война и, как следствие, недостаток сил и средств не позволили русской стороне решить одну из главных стратегических задач, и Смоленск остался в руках неприятеля. Впрочем, результаты войны могут считаться вполне положительными. В марте 1501 года с Литвой было заключено шестилетнее перемирие, согласно которому к Москве отходили все завоеванные на протяжении войны земли с десятками городов на тысячеверстном пространстве от верховьев Западной Двины до среднего течения Донца. Граница Русского государства проходила теперь под самым Смоленском, с восточной его стороны, и далее вниз по Днепру, пересекала Десну в нижнем ее течении, проходя менее чем в пятидесяти верстах восточнее Киева.

Обе стороны с трудом дождались истечения срока перемирия. Впечатление такое, что враждующие державы считали по дням приближение его окончания, а с ним и начала новой войны. К этому времени к высшей власти в обоих враждующих государствах пришли новые люди. После смерти Ивана Васильевича великим князем, государем Всея Руси, стал его сын Василий. В Литве вместо Александра, всего на один год пережившего своего тестя, на великокняжеский стол сел его младший брат Сигизмунд. Он же вскоре был возведен на Польский престол, так что власть в Польше и в Литве, и ранее не выходившая из рук одной династии, теперь вновь сосредоточилась в одном лице.

Военные действия начались в 1508 году, но продолжались они на этот раз очень недолго. Сначала русские воеводы осадили Оршу. На помощь

осажденным прибыл сам король во главе огромной армии. Тогда воеводы отступили от Орши, при этом блокировали с юга, востока и севера Смоленск. В марте 1509 года с западным соседом в очередной раз был заключен мир, но и он из-за своего компромиссного характера оказался лишь небольшим перемирием.

Начиная новую войну, московское правительство ставило твердую цель — возвращение Смоленска с областью. В начале 1513 года в поход выступил сам великий московский князь. Зимний приступ к Смоленску не дал положительных результатов, продолжавшаяся шесть недель осада не привела к победе. Расположенный на крутых днепровских берегах, хорошо укрепленный город устоял под натиском московских ратей. Ни к чему не привела попытка взять Смоленск летом того же года. Несмотря на то что русские войска выиграли под стенами крепости открытую битву, овладеть самим городом они не сумели. Вновь пришлось довольствоваться разорением и опустошением литовской земли. Но нельзя не отдать должного настойчивости и решимости московского князя и его окружения. На совете Боярской думы в Москве было твердо постановлено: добывать Смоленск в следующей кампании во что бы то ни стало.

Летом 1514 года воеводы, уже в третий раз за последнюю войну, подступили к Смоленску. И вновь при войске находился великий князь. Артиллерия принялась неустанно громить город, а приступы к стенам и башням повторялись все чаще. Наконец разрушения сделали свое дело, и жители отворили ворота. 31 июля по указу великого князя главный воевода русского войска Даниил Щеня вошел в город, привел его жителей к присяге и сменил литовский гарнизон на части своих войск. На следующий день в Смоленск вступил великий князь со своим двором. В продолжавшейся войне все попытки противника вернуть потерянный город-крепость потерпели провал. Не помогла литовцам и одержанная ими вскоре после занятия русскими войсками Смоленска большая победа над русской ратью под Оршей. Несмотря на поражение, Смоленск теперь на сто лет останется в руках московских воевод. Вскоре в московские владения были включены и последние уделы, приграничные с Северной Украиной и сохранявшие дотоле подданство Литве, — Мценск, Елец, Кромы, Любутск, Стародуб и др. Чаша весов в затянувшемся противостоянии явно склонялась в московскую сторону. К этому времени становится все более заметным переход на службу Москве не только литовских подданных русского происхождения, но и коренных этнических литовцев и даже прямых потомков самого Гедемина. Выше мы отмечали, что единичные такие случаи наблюдались и ранее, но это было скорее исключением. Теперь же, где-то ко второй трети XVI века, московский двор настолько изобиловал литовскими выходцами, причем не русского происхождения, что трудно было определить, какие фамилии там встречаются чаще — Рюриковичи или Гедеминовичи.

Военные неудачи подвинули литовские власти к шагам по усилению своей военной машины. Историк Г. В. Вернадский так прокоммен-

тировал реакцию Вильно на последние поражения в противостоянии с Москвой:

«В 1528 и 1529 гг. литовским сеймом был принят целый ряд указов, касающихся укрепления военной организации. В предшествующем году сейм повелел должностным лицам, находящимся во главе каждого повета, назначить двоих достойных доверия представителей для проведения переписи во всех дворянских земельных владениях. Перепись решено было провести с тем, чтобы определить какое количество людей и средств можно будет, в случае необходимости, мобилизовать для нужд армии. В государственные владения с той же целью были направлены особые чиновники. Крупные собственники должны были провести учет населения в своих владениях. На основе этой переписи был составлен список всех землевладельцев с указанием количества рекрутов, который каждый из них обязан был набрать».

Целью этих мероприятий была попытка упорядочить набор в войско и, если возможно, увеличить число набираемых под государственные знамена людей. Так на момент созыва сейма 1529 года каждый вотчинник поставлял в кавалерию одного служивого человека с десяти крестьянских хозяйств. Теперь, согласно новому постановлению сейма, одного ратника были обязаны представить только восемь хозяйств. Мелкопоместное дворянство противилось такой мере, ссылаясь на непосильную тяжесть такой повинности, но властям удалось провести новый закон через сейм. Правда, оговаривалось, что эта мера временная, устанавливается только на десятилетний срок. В действительности такая норма просуществовала 15 лет и постановлением от 1544 года заменялась призывом одного конного ратника с девяти хозяйств. Забегая вперед, скажем, что со вступлением Литвы в Ливонскую войну правительство, оставив норму 1544 года, каждому вотчиннику добавило в обязанность на двух конных поставлять одного пехотинца. Последнее решение было подтверждено постановлениями сеймов 1563 и 1567 годов.

Взвалив на служилое сословие, казалось бы, непосильную повинность, власти в Вильно стремились подвести под нее материальную базу. Историк Вернадский так повествует об этом направлении их деятельности:

«Следует заметить, что литовское правительство пыталось взять на себя заботу не только о военных проблемах, но и о финансовых. Поскольку сельское хозяйство составляло основу национальной экономики великого княжества, следовало предпринять серьезные усилия для увеличения дохода с крестьянских хозяйств. Великий князь, понимая это, провел целый ряд реформ по управлению великокняжескими землями. Этому примеру последовало дворянство.

В 1514 и 1529 гг. великий князь Сигизмунд издал указ, обязывающий... принять ряд мер для увеличения великокняжеской казны...

В 1548г. великий князь Сигизмунд-Август ввел новое требование: более равномерно распределять по «службам» крестьянские платежи

и задолженности. Кроме того, крестьянам запретили продавать или сдавать в аренду свои участки...

Те аграрные реформы, которые предпринял Сигизмунд-Август, отразили дух времени. На его счастье, ему удалось набрать на службу в свою канцелярию ряд выдающихся специалистов в области управления финансами... Именно они взяли на себя задачу проведения реформ».

Но вернемся к событиям начала 30-х годов.

Решение сейма 1529 года обеспечило существенное увеличение численности литовской армии и дало некоторым горячим головам в соседнем государстве основание считать, что пришла пора нарушить сложившийся в застарелом противостоянии баланс. Тогда не последнюю роль в решении начать военные действия против Москвы сыграл факт малолетства великого московского князя Ивана IV. В Вильно посчитали, что царящие при дворе вдовствующей московской великой княгини, играющей роль правительницы, смуты и неурядицы, дают хорошие шансы изменить сложившееся на московско-литовских рубежах равновесие сил. Кроме того, западные соседи наивно полагали, что московская правительница, мать малолетнего великого князя, будучи по происхождению чистокровной литовкой, больше расположена к исторической родине, чем к Москве. Толчком к новой войне послужило бегство за литовские рубежи двух московских воевод Семена Бельского и Ивана Ляцкого, назначенных на службу в приграничные с Литвой области. Но расчет западного соседа на московские беспорядки и несогласия, а тем более на неверность великой княгини новому отечеству не оправдался.

Летом 1534 года литовские войска вторглись в Северскую Украину. Нападение как всегда для русской стороны оказалось неожиданным. Противник поначалу не встретил никакого сопротивления и только при попытке овладеть Черниговом был отбит. То же повторилось под Стародубом. В то же время другая неприятельская рать подступала к Смоленску, где также потерпела неудачу. Но решительного отпора Литве московская сторона противопоставить не могла. В то лето ожидали нашествия из Крыма, а потому главные силы были сосредоточены на южных степных рубежах, и только глубокой осенью, когда стало ясно, что нашествия Крымской Орды в этом году не будет, московское командование организовало ответный удар по Литве, что для старого соперника также оказалось большой неожиданностью. Не встретив летом русского сопротивления в открытом поле и потерпев неудачи под стенами укрепленных мест, в Литве посчитали, что на осеннюю кампанию Москва не отважится. И в самом деле, начинать войны поздней осенью было не в практике московских воевод. Теперь эти воеводы, получив возможность беспрепятственно опустошать литовские вежи, всего сорок верст не дошли до Вильно.

Летом следующего года Литва предприняла очередную кампанию против Москвы, и, как и год назад, ее главный удар пришелся по Северной Украине. На этот раз противнику поначалу сопутствовал

успех. Его войска взяли Гомель, а затем и Стародуб. Бои за последний носили особенно ожесточенный характер, и если бы неприятель не сумел сделать подкоп под крепостную стену и не взорвал ее, овладеть городом ему бы не удалось. Русским же еще был не ведом такой способ осады, как подземная минная война, в результате которой город был взят, гарнизон перебит, а воевода попал в плен. Впрочем, закрепить за собой взятый город противник даже не пытался. Разрушив укрепления, литовцы оставили Стародуб и ушли восвояси. Русские снова поставили в город свой гарнизон и принялись за восстановление. На других театрах войны успехи противника были еще ничтожнее. Литовцы пытались осадить пограничные русские крепости Себеж, Велиж и Заволочье, но везде были отбиты с большим уроном, а в открытом сражении под Себежем потерпели полное поражение.

Поняв, что никакой смуты в Москве его вторжение не вызвало и что война грозит принять затяжной характер, Сигизмунд первым пошел на переговоры. Эти переговоры состоялись в Москве, и они замечательны тем, что стороны теперь традиционно станут предъявлять друг другу требования территориальных уступок. Москва будет неизменно претендовать на Киев и все другие южные и юго-западные владения бывшей Древнерусской державы. Литва с такой же настойчивостью станет заявлять свои претензии на Смоленск, Брянск, Чернигов, а то даже на Новгород и Псков. Требования взаимонеприемлемые, а потому противники никогда не найдут компромисса и будут лишь довольствоваться слабыми перемириями. Так и сейчас, заключив в 1537 году мир сроком на пять лет, стороны разошлись с тем, с чем и начинали эту последнюю войну. Следующим поводом к их столкновению послужат события Ливонской войны, и к нерешенным ранее территориальным проблемам добавится проблема раздела чужого имущества. Не оставив своих взаимных, ставших традиционными, претензий, старые соперники в следующий раз теперь сойдутся в смертельной схватке уже за ливонское наследство.

Ко времени распада Ливонии такие неопределенные отношения Москвы с Литвой насчитывали уже четверть века. После военных столкновений середины 30-х годов тут не было ни войны, ни мира, а всякий раз продлились временные перемирия, густо перемежавшиеся с бесконечными разговорами о «вечном мире». Но все попытки заключения последнего неизменно разбивались о неприемлемые требования обеих сторон, когда русская заявляла вдруг свои права на Киевскую, Галицко-Волынскую, Полоцкую, Витебскую и иные области, ссылаясь на их принадлежность некогда роду теперешней московской династии. Аналогичные требования звучали с литовской стороны относительно Смоленска. За этими переговорами произошла смена на польско-литовском престоле. После смерти Сигизмунда I в 1548 году объединенной короной завладел его сын Сигизмунд-Август. С ним и было в 1556 году заключено последнее перемирие сроком на шесть лет.

Весьма символично, что факт окончательного исчезновения Ливонского государства с политической карты совпал по времени с истечением срока последнего московско-литовского перемирия. Конечно, надо полагать, что будь этот срок более продолжителен и не завершился он в тот момент, Литва не осталась бы безучастной к захвату Прибалтийских земель своим старым соперником. Нарушать не то что перемирия, но даже и «вечный мир» давно вошло в практику европейских государств. Государственные интересы всегда преобладали над дипломатической корректностью, а в данном случае западный сосед не мог не понимать, что захватом Ливонии Москва нарушает сложившееся равновесие, кардинально меняя расстановку сил в регионе в свою пользу. Допустить это означало для Литвы самой себя поставить следующей на очереди московских захватов. От завоевания Ливонии до поглощения Московской Русью великого княжества Литовского оставался бы один шаг. Так оно и случится через пару столетий, но сейчас Литва не могла не воспользоваться шансом, дающим возможность отвести от себя прямую угрозу, или, по меньшей мере, отсрочить такую перспективу. Дело для нее упрощалось еще и тем, что ей, в отличие от Москвы, Ливонию не надо было завоевывать. Ливония сама шла ей в руки. Поняв, что ему не устоять перед натиском московской агрессии, Орден отдавался на покровительство польско-литовскому королю:

От вступления в войну Сигизмунда-Августа не удержал даже его далеко не воинственный характер, который правильнее было бы назвать абсолютно бездейственным. Кстати, здесь будет не лишним привести хотя бы несколько штрихов к нравственному портрету польско-литовского короля. Например, историк С. М. Соловьев, знакомя нас с образом последнего Ягеллона и вместе с ним характеризую сложившийся тогда во многом благодаря королю, а вернее сказать, разложившийся внутренний строй Польши пишет:

«Мать, королева Бона, воспитала его согласно со своими правилами и целями: она ослабила его душевные силы, держа его постоянно среди женщин, не допуская ни до каких серьезных занятий. Такое воспитание отразилось на поведении короля во время его правления, и он был прозван *король-завтра* по привычке откладывать и медлить... Последнее время жизни Сигизмунд-Август провел окруженный наложницами, которые его грабили, колдуньями, которых он призывал для восстановления сил, потерянных от неводержанности... Когда король умер, то в казне его не нашлось денег, чтоб заплатить за похороны, не нашлось ни одной золотой цепи, ни одного кольца, которые должно было надеть на покойника. Но не от характера Сигизмунда-Августа только зависело внутреннее расстройство его владений, медленность в отправлении государственной жизни: жажда покоя, изнеженность, роскошь овладели высшим сословием; и эта жажда покоя, отвращение от войны оправдывались политическим расчетом — не давать посредством войны усиливаться королевскому значению...».

А долго бывший при королевском дворе в Кракове посол папы римского, кардинал Коммендонте, выступая в польском Сенате, говорил:

«Не похожи вы стали на предков ваших: они не на пирах за чашами распространили государство, а сидя на конях, трудными подвигами воинскими; они спорили не о том, кто больше осушит бокалов, но о том, кто кого превзойдет в искусстве военном».

Кардиналу вторит истинно русский человек. Оказавшийся при краковском дворе, московский воевода, князь Курбский в своих записках замечает:

«Здесьшний король думает не о том, как бы воевать с неверными, а только о плясках и маскарадах; также и вельможи знают только пить да есть сладко; пьяные они очень храбры: берут и Москву, и Константинополь... А когда лягут на постели между толстыми перинами, то едва к полудню проспят... Вельможи и княжата так робки и истомлены своими женами, что, услышав варварское нахождение, забьются в претвердые города и, вооружившись, надев доспехи, сядут за стол, за кубки и болтают со своими пьяными бабами, из ворот же городских ни на шаг. А если выступят в поход, то идут издалека за врагом и, походивши дня два или три, возвращаются домой и, что бедные жители успели спасти от татар в лесах, какое-нибудь имение или скот, все поедят и последнее разграбят».

Тем более можно понять, насколько в Польше и в Литве осознавали тогда нависшую с востока опасность, опасность московской агрессии, если при описанном выше образе жизни король, выражая намерение общества, все же решился на войну.

Правда, вступившись за Ливонию, он не сразу прибег к оружию. Мы видели, что королевская сторона использовала все меры дипломатического характера. Посольство Сигизмунда-Августа в Москве, надеясь продлить срок истекающего перемирия, пыталось в то же время обосновать свои права на орденское наследство и тем отвратить от него московские притязания. Но правительство Ивана Грозного ничего не могло придумать лучшего, как упрямо повторять о принадлежности в древние времена орденских земель предкам теперешнего московского государя, приводя в подтверждение аргументы весьма сомнительного характера. При этом московские власти всегда вспоминали о какой-то дани, которую исстари должны были платить и платили аборигены ливонского края великим князьям рода Св. Владимира и пр. В довершение всего московский самодур, вспомнив, что ведет переговоры с полномочными представителями польско-литовского короля, вдруг отвлеклся от Ливонии и переключался на требования Киева, Полоцка и других бывших владений своего рода. Понятно, что такие переговоры не могли дать иного результата, как возможности дожидаться обеими сторонами окончания срока перемирия. Перспектив на мирное разрешение проблемы не открыла даже попытка уладить отношения при помощи родственного союза.

Видя, что прийти к соглашению не удастся и реальным исходом конфликта неизбежно станет большая война, Грозный, который перед

тем недавно овдовел, вдруг посватался к младшей сестре польско-литовского короля Екатерине. Надо сказать, что расчет в целом был верен. В недалеком будущем польско-литовской государственности угрожал династический кризис. Сигизмунд-Август был бездетен, к тому же он оставался последним из Ягайловой ветви Гедеминовой династии. «Последний Ягеллон», как назовут его позже наши историки. А пресечение династии в средневековом монархическом государстве всегда чревато смутами, способными поколебать государственные устои. И вот Иван Васильевич вызвался выправить положение, в том смысле, что его общее с Екатериной потомство будет обладать наследными правами на великое литовское княжение. О Польше русский государь пока не думал. На самом деле планы обладателя московского трона были куда шире. Грозный царь наивно полагал, что королевская сестра, имеющая все права на Литву, принесет их русскому царю в качестве приданного. Тогда соседнее государство можно будет бескровно присоединить к своим владениям.

В то время, конечно, никто не мог догадываться, что Московское государство стоит на пороге такого же династического кризиса и что царь Иван IV станет пусть не последним, но предпоследним в Калитинской ветви Рюриковой фамилии. Так что от вымирания царственной династии Московская Русь отстояла тогда дальше, чем Литва всего на одно поколение. При этом Москва переживет свой династический кризис намного больше, чем ее западный сосед. Но и не догадываясь об этом, литовская сторона не прельстилась на предложение. Нет, король, конечно, высказался за такой брачный союз, но при этом оговорил заранее неприемлемые условия, что переводило все мероприятие в разряд нереальных. Литовская сторона соглашалась на брак только при полном прекращении Ливонской войны, выводе всех русских войск с занятых территорий, подписании вечного мира и уступке Литве Новгорода, Пскова и Смоленска с областями. Собственно говоря, это был своеобразный отказ польского короля русскому царю на его предложение. Нет надобности говорить о том, что при таких условиях переговорах о браке было суждено завершиться ничем.

Можно назвать еще несколько причин, ставивших московско-литовский конфликт в разряд неразрешимых. Например, спор о титуле. Во всех посольских документах, как и в устных обращениях литовских представителей, московский государь именовался великим князем и только. Противная сторона долго и упорно не желала называть его царем, ставя ему в укор незаконное и необоснованное, самовольное присвоение титула, которым не обладали ни его деды, ни прадеды. И вот этот, казалось бы, ничтожный момент и тогда, и в будущем послужит препятствием в разрешении многих спорных вопросов, когда стороны, оставив сам предмет спора и даже забыв про него, будут долго доказывать друг другу правомочность, или, напротив, неправомочность, ношения московским самодержцем царского венца на своей голове. Иной раз дело будет доходить до такого абсурда, что то или иное посольство после многодневных

бесплодных дискуссий с царскими дьяками насчет титула, не получив аудиенции у царя и, следовательно, не вручив ему посольских грамот, так и отбудет назад, не выполнив миссии. И все это только потому, что не сумеет договориться о том, как обращаться к владельцу московского трона. То же самое будет наблюдаться при ответных посольствах москвичей в Вильно или Краков. Всякий раз, отправляясь с подобной миссией, московские дипломаты будут получать от своего царя строжайший наказ, каким титулом называть своего владыку. А московские люди хорошо знали, что для них значит не исполнить царского повеления и сделать попустительство тамошним властям, не назвав полным титулом царя Ивана Васильевича. Но посольская речь при чужом дворе обрывалась сразу же, как только московский самодержец назывался царем. И вот эти споры из-за титула, как было отмечено, долго не позволяли, перейти к непосредственно предмету посольства. Надо сказать, что такое будет свойственно не только относительно Литвы или Польши. То же самое наблюдалось и в отношениях со Швецией, с Крымом и другими соседями.

Другой, более веской причиной, не позволившей договориться обеим сторонам, стала обоюдная подстрекательская политика с привлечением третьей стороны в лице Крымских ханов. Во все время московско-литовских переговоров, как и позже, на всем протяжении Ливонской войны, Сигизмунд-Август, а после него и его преемник на троне не переставали подбивать крымских правителей к акциям против Москвы, прельщая ордынцев тем, что войск у нее на южных рубежах мало и что все силы русских сосредоточены в Ливонии. И это была правда. Москва не могла держать одновременно два фронта. А потому, стремясь отвести угрозу от своих южных рубежей, московские политики также натравливали Крым против Литвы. Каждая из сторон была прекрасно осведомлена о происках противной стороны и потому не скупилась на упреки, но поскольку старания обоих соперников были одинаковыми, то и взаимные упреки обоих по поводу подстрекательств могут считаться безосновательными.

Но нельзя не отметить, что в деле подстрекательства крымских Гиреев к нападкам на своего соперника литовская сторона преуспела больше, и во все продолжение войны на западе напряженность не оставит южные московские рубежи.

Но все же главным фактором нового этапа войны за Ливонию стало открытое вступление в нее Литвы.

Глава 7

Время
больших перемен

Известный наш отечественный историк Р. Ю. Виппер отмечал, что «если бы Иван IV умер в 1556 г., историческая память присвоила бы ему имя великого завоевателя, подобного Александру Македонскому».

С этим высказыванием ученого в целом нельзя не согласиться, но единственно, что вызывает недоумение, так это то, почему он ограничил величие завоеваний Грозного 1556 годом. К этой дате можно смело добавить еще семь лет. Ведь во весь первый победный этап Ливонской войны успехи русского царя на ниве завоевания чужих земель продолжались и в 1563 году достигли своего пика.

В этом году, когда русские войска овладели Полоцком, что по праву может считаться вершиной успехов не только в Ливонской войне, но и всего царствования Грозного, Ивану Васильевичу шел 33-й год. Столько же было Александру Македонскому в момент его смерти. Но герою эпохи античности повезло больше в том смысле, что он не дождался краха своих начинаний, а потому вся вина за развал созданной им империи пала на его преемников. Русскому царю после завоеваний на западе довелось самому же пережить и горечь их утрат. А потому, характеризуя Ливонскую войну как дело жизни царя Ивана и представляя ее «источником его крайних увлечений», тот же Виппер называет ее и «трагедией его царствования».

Выше мы отмечали, что во всех своих начинаниях Грозный поначалу имел успех, но все эти начинания в своем финале неизменно кончались крахом. Это можно отнести ко всему его царствованию в целом, которое Ключевский справедливо назвал «прекраснейшим по началу», а конечные результаты которого другой наш историк Н. М. Карамзин сопоставлял «с монгольским игом и с бедствиями удельного времени». Это же останется справедливым и в отношении всех предприятий Грозного в отдельности. Не будет исключением и Ливонская война. Объяснять причины последующих поражений только тем, что против Москвы сколотился целый союз враждебных держав, было бы необъективно и исторически некорректно, во-первых, потому, что состояться такому союзу позволили именно просчеты московской дипломатии, во-вторых, России и раньше приходилось скрещивать оружие с коалицией тех же врагов и при этом одерживать пусть не блестящие, но все-таки победы. Безусловно, случались и поражения, но все же не такие провальные, не с таким катастрофическим финалом, какой ожидался теперь.

О внешнеполитических просчетах московского самодура, позволивших состояться такой коалиции, а самому при этом оказаться в полной изоляции, мы уже говорили, будем к этому возвращаться и впредь. Сейчас же несколько отвлечемся на некоторые внутривосточные аспекты деятельности Грозного, без понимания которых нельзя объяснить череду неудач на западном фронте, не изменившую русскому оружию до конца войны.

Причину поворота судьбы царствования Ивана Грозного объясняет истинно русский человек, герой казанской и всех кампаний и сражений первого, победного этапа Ливонской войны, князь А. М. Курбский. Можно много в чем упрекать этого человека, поддавшегося инстинкту самосохранения и бежавшего в разгар войны за литовский рубеж. Но нельзя полностью не признавать правоты его суждения, смысл которого в том, что пока царь Иван полагался на своих добрых испытанных воевод, Россия одерживала блестящие победы и одна за другой падали грозные твердыни врага. Но стоило государю, окружив себя ничтожными личностями, поднять гонения на лучших людей, как удача отвернулась от царя, а вместе с ним и от России.

Время первого этапа войны на западе до вступления в нее литовской стороны совпало с последними годами деятельности в Москве Избранной рады. А именно с ней связаны и внутри и внешнеполитические успехи первых лет царствования Грозного. Но вот между царем и его верными соратниками начинает обнаруживаться едва заметное отчуждение, затем все больше проявляющееся недоверие, наконец, происходит окончательный разрыв. Не в поиске причин такой перемены отношений царя со вчерашними советниками наша задача. Отметим только, что главной чертой Грозного, то ли унаследованной, то ли привитой с детства, чертой, усиленно будоражившей его воспаленное воображение и неуравновешенный характер, всю жизнь оставалась болезненная ревность к своей власти, глубокая убежденность не только в ее божественном происхождении, но и в своем неземном предназначении для нее. Все это, помноженное на маниакальный страх возможной потери этой власти, и привело к неумолимости в поступках, поскольку Иван считал себя выше нравственных законов. И как сказал по этому поводу Костомаров, «с молоком кормилицы всосал он мысль о том, что он рожден существом высшим, что со временем он будет самодержавным государем, что могущественнее его нет никого на свете».

Понятно, что человек, наделенный, подобно Ивану, нервным темпераментом и при этом нравственно испорченный, не только с раннего детства привыкший к злу, но и находивший в злодеяниях удовольствие, постоянно осознавая свое превосходство над окружением, превосходство, которое гарантировано ему божественным промыслом, сделавшим его самодержцем, при болезненно ревностном отношении к своему неземному величию получил и особое направление политического образа мыслей, а уж последний оказал свое вредное влияние на образ действий. Относительно этого Ключевский скажет: «Он с любовью созерцал...

величественные образы ветхозаветных избранников и помазанников Божиих. Но в этих образах он, как в зеркале, старался разглядеть самого себя, свою собственную царственную фигуру, уловить в них отражение своего блеска или перенести на себя самого отблеск их света и величия. Понятно, что он залюбовался собой, что его собственная особа в подобном отражении представлялась ему озаренной блеском и величием, какого и не чуяли на себе его предки... Иван IV был первый из московских государей, который узрел и живо почувствовал в себе царя в настоящем библейском смысле, помазанника Божия. Это было для него политическим откровением, и с той поры его царственное я сделалось для него предметом набожного поклонения. Он сам для себя стал святыней и в помыслах своих создал целое богословие политического самообожания в виде ученой теории своей царской власти».

Формирование таких взглядов на самого себя не происходит вдруг, оно свершается постепенно с взрослением и под воздействием многих внешних факторов. Такими факторами для Грозного стали успехи первых лет его царствования, возвысившие его в своих собственных глазах. Возмужавший царь переоценил свои личные заслуги и, напротив, не проставил должной оценки заслугам своих сподвижников. Если к этому добавить, что Иван при малейшем жизненном затруднении необычайно легко склонялся в дурную сторону, то станет понятным, какие могли быть последствия и для окружающих, и для всего государства при той, глубоко усвоенной им, идее божественного происхождения своей персоны.

Выше мы уже приводили мысль историка Ключевского насчет того, что Грозный остался верен только простой, голой идее своей власти, не доведя ее до практической разработки, какой требует всякая идея для своего воплощения в реальную политическую программу и последующего внедрения в общественную жизнь. А без такой разработки теория власти неизбежно превращается в каприз самовластия, постепенно вырождаясь в инструмент беззакония и неограниченного произвола.

Говоря проще, впитав в себя идею абсолютного всевластия, понимая в своем сознании доставшееся ему в наследство государство как частное феодальное владение, фамильную вотчину, а его население как холопов, рабов, царь Иван, определив бесправное их отношение к своей особе и свое абсолютное право целиком распоряжаться как их судьбами, так и самим государством, не допустил до своего сознания одного важного момента. Это момент, который везде во все времена являлся нравственным мерилем способностей государственных деятелей. Царь не задумался о своей ответственности перед государством и его народом, о том, что он не собственник, не хозяин в своем поместье, в котором что хочет, то может и делать. А если и хозяин, то рачительный, а главное — мудрый управитель, отвечающий за судьбы миллионов подданных. Конечно, отвечающий не юридически, а нравственно.

Но именно нравственно испорченный с детства, рано усвоивший идею абсолютной и божественной власти, не догадывавшийся о существова-

нии такого понятия, как цена человеческой жизни, а потому воспринимавший окружающих не как равноценные себе человеческие существа, Иван до поры до времени обладал рассудком, еще не помутившимся до болезненного состояния. Но очаги болезни разрастались, и болезнь прогрессировала. Первым толчком стал тяжелый физический недуг, чуть не лишивший молодого царя жизни и расколовший команду его соратников, когда некоторые из них отказались присягать годовалому сыну Грозного. Едва оправившегося от недуга царя ждали новые удары судьбы. Сначала последовала трагическая гибель сына-наследника Дмитрия, того самого, из-за присяги которому и разгорелся сыр-бор во время болезни. Наконец, внезапная смерть горячо любимой супруги, царицы Анастасии. Из всех этих жизненных передряг Иван вышел другим человеком. Именно тогда, судя по заметкам современников, в нем и произошла разительная перемена. В первую очередь это выразилось в том, что он, понимавший высоту своего положения как недостижимую для своего окружения, повел решительную атаку на вчерашних советников, сподвижников своих дел.

Историк Иловайский эту перемену в царе охарактеризовал так:

«Таким образом в душе Иоанна постепенно накапливалась горечь против своих советников и руководителей, и только их великое нравственное превосходство пока сдерживало его стремление к ничем не обузданному самовластию. Тринадцать лет согласия — это большой срок для столь испорченной, деспотичной натуры, какова была Иоаннова. Но вот он подвинулся к тридцатилетнему возрасту, т. е. к периоду возмужалости, а вместе с тем к периоду полного развития своих страстей, дотоле подавляемых внутри себя, и потому вырвавшихся наружу с особою силою, когда не стало подле него смягчающего и умиротворяющего влияния его любимой супруги».

Разрыв отношений с бывшими соратниками не ограничился роспуском Избранной рады. Правда, эпоха массовых казней тогда еще не наступила, но уже были видны все признаки ее приближения. А пока в отношении своих недавних сподвижников Иван ограничился тем, что наложил на каждого из них опалу и отправил по далеким ссылкам. Но такое снисходительное отношение царя к своей бывшей команде продлится недолго. Скоро он всех их вместе с родственниками и близкими отправит на плаху или переморит по тюрьмам.

Вот истории судеб только некоторых из них.

В 1560 году царь наложил опалу на одного из руководителей Избранной рады протопопа Сильвестра и удалил того из столицы в один из дальних монастырей. Тогда же другой приближенный к Ивану человек, Алексей Адашев, до этого занимавший самые высокие посты в дипломатическом ведомстве, вдруг был отправлен воеводой в Ливонию. Туда же Грозный послал его брата Даниила, который ранее прославился подвигами в военных акциях против Крыма.

Вскоре Алексей Адашев был назначен воеводой в недавно завоеванный русскими Феллин, и это назначение обошлось бывшему дипломату утратой последнего расположения царя.

Тогдашнее окружение Грозного можно грубо разделить на два идейно противостоящих лагеря: партию войны и партию ее противников. Вообще говоря, последних нельзя в полной мере считать противниками войны, ибо они ратовали за наступление на Крым. Но под партией войны однозначно понимается лагерь сторонников завоевания Ливонии. Адашев до конца был против Ливонской войны, считая ее развязывание большой ошибкой. А на посту феллинского воеводы он запомнился миролюбивым, дружеским и даже каким-то приветливым отношением к населению оккупированного края. И как следствие такого отношения, некоторые ливонские города сдавались русским воеводам без боя. Но русскому царю была не по нраву такая расположенность одного из его воевод к завоеванному народу, хотя благодаря именно такой расположенности положение русских в завоеванном крае упрочнялось. Кроме того, у Адашева, в связи с его успехами, появилось много завистников и недоброжелателей как среди высших чинов московского войска в самой Ливонии, так и при дворе Ивана IV. В результате царю поступил донос, где Алексей Адашев, который к тому времени был переведен воеводствовать в Дерпт, выставился изменником.

В сентябре 1560 года Грозный устроил судилище над Сильвестром и Адашевым, для чего собрал Боярскую думу и церковный Совет. Но сами подсудимые вызваны не были, судилище проходило в их отсутствие. Нет надобности говорить о том, что вся процедура не имела под собой даже каких-нибудь основ юридической законности. Предложение выступившего было в защиту обвиняемых митрополита Макария вызвать подсудимых в Москву было отвергнуто. Суд приговорил Сильвестра к заточению в еще более дальний монастырь — Соловецкий, что на острове в Белом море, а Адашева — к заключению в тюрьму, где тот в том же году неожиданно умер. Большинство наших отечественных историков склонно считать, что бывший дипломат, он же феллинский и дерптский воевода, по указке царя был отравлен.

Гонение на бывших приближенных продолжалось на протяжении всей войны. Результат такой позиции царя долго себя ждать не заставил: после заступничества за Орден польско-литовской стороны и взятия Ливонии великим литовским князем под свою опеку Москва начала сдавать свои позиции в Прибалтике, и процесс этот стал необратимым. Но история вошла бы в противоречие с нашими, ранее прозвучавшими утверждениями о том, что Грозный неизменно имел успех на первых порах всех своих предприятий, если бы удача отвернулась от русского оружия сразу после вступления Литвы в войну. Ведь к тому времени Ливония как государственное образование перестала существовать. Теперь начиналась война за ее территориальное наследство. Следовательно, новую войну между Москвой и Литвой надо рассматривать, как еще одно предприятие Грозного. А раз так, то, согласно нашим утверждениям, началу этого предприятия должен сопутствовать успех. Так оно и оказалось. Первая же серьезная кампания новой войны принесла победу, перед которой поблек даже казанский триумф русского царя.

Первое столкновение с Литвой в новой войне отмечено концом 1560 года. В Москве еще продолжались переговоры, когда Литва предприняла покушение на захваченные Россией земли разгромленного Ордена. Тогда передовые литовские отряды подошли к Вендену, но тут были опрокинуты войсками Курбского, обращены в бегство, а затем и выброшены за пределы Ливонии. Так состоялась первая встреча традиционных соперников в новой войне.

Военные действия возобновились летом 1561 года наступлением литовцев на русские завоевания в Ливонии последних лет. Войска гетмана Радзивилла осадили крепость Тарваст и в сентябре, после пятидневной осады, взяли ее. Московская сторона ответила тем, что воеводы Глинский и Серебряный разгромили крупные силы гетмана под Перновом, после чего противник вынужден был оставить Тарваст, который тут же вновь заняли русские.

Годы 1561–1562 характерны разрастанием военных действий. Сначала они велись на территории Ливонии, но постепенно их театр стал перемещаться на земли Литвы. Впрочем, эти действия поначалу оставались довольно пассивными и слабыми. Стороны довольствовались мелкими стычками, но к концу 1562 года московское правительство разработало план крупного наступления. Противнику предполагалось нанести серьезный удар. Для этого в январе 1563 года из района Великих Лук в сторону литовской границы выступило огромное войско (по некоторым данным 130 тысяч человек). Целью похода был давно попавший под власть Литвы древний русский город Полоцк на Западной Двине. Полоцк был богатым торговым центром и важным стратегическим пунктом, где сходились многие транспортные артерии, как сухопутные, так и речные. Кроме того, отвоевание Полоцка отвечало общей политике Москвы, направленной на возвращение в свое лоно всех русских земель, а потому полоцкому походу придавалось большое политическое значение. Но прежде чем перейти непосредственно к полоцкой операции и к ее итогам, нужно отметить еще одну особенность тех лет.

Конец деятельности Избранной рады, отстранение Грозным всех своих соратников и резкое изменение внутривластного курса в первую очередь выразилось в открытом гонении на бояр. Успехи прежних лет, прежде всего успехи военные, в умах обывателей прочно ассоциировались с самыми именитыми московскими фамилиями, что особенно раздражало царя. И это обстоятельство, вызванное болезненно-ревностным отношением к власти и славе, постепенно приведет к тому, что в условиях новой войны на западе на руководство армии, сплошь состоящее из представителей титулованной знати, царь обрушит самый страшный удар, что станет еще одной причиной тяжелого поражения.

Здесь надо отметить, что еще задолго до Грозного, а именно где-то со времен успехов объединительной политики его деда, Ивана III, иными словами, со времен окончательного утверждения в московском государстве самодержавия, обнаруживается общая едва ли не для всех главных

действующих лиц нашей военной истории черта. Теперь судьбы подавляющего большинства из них становятся сложными, драматичными, а порой и трагичными.

Дело в том, что после окончательного становления московского государства с прочными единоподержавными началами произошло коренное изменение в составе верхнего эшелона руководства его вооруженных сил. До этого в нем можно было видеть только носителей высшей или удельной власти, а это все были самостоятельные, ни от кого не зависящие правители. В эпоху становления самодержавия представители великокняжеского дома постепенно исчезают с военно-иерархической лестницы, в том числе и с ее верхних ступеней. Их места занимают выходцы из служилого сословия. Особенность сложившейся к моменту становления единого централизованного российского государства ситуации в том, что отношения между верховной властью и высшим генералитетом теперь и во все последующие времена будут складываться очень непросто. За несколько последующих столетий эти отношения по своей форме претерпят существенные изменения и, в конце концов, от дикого и необузданного со стороны власти произвола придут к вполне приемлемым и цивилизованным, но по своему содержанию останутся сложными и натянутыми. Власть никогда не простит ни в чем не повинному высшему командному составу вооруженных сил утрату возможности самой добывать военную славу, сделавшуюся целиком прерогативой и достоянием подчиненного служилого сословия. Хорошо известно, насколько в России популярны всегда были у народа главные герои его военной истории, а, следовательно, должно быть понятным и то, насколько эта популярность теперь будет раздражать лишенную возможности стяжать собственную воинскую славу верховную власть, всегда к тому же ревностно относившуюся к славе чужой.

Ситуация постоянно усугублялась еще и личными качествами, свойственными лучшим представителям военной верхушки российского общества. Испокон века военные люди отличались открытостью, прямоотой, простодушием и независимостью как в суждениях, так и в поступках. И уж совершенно излишне напоминать о том, что дерзкому духу военной профессии всегда были абсолютно чужды лесть и угодничество, а тем более раболепие и низкопоклонство. А это властью в России во все времена воспринималось как открытый вызов и ставило наделенных такими свойствами людей чуть ли не вне закона, потому и судьбы большинства военных деятелей нашего прошлого были более чем незавидными.

Теперь, после того как мы указали на некоторые свойства личности Ивана Грозного, не будет большой надобности говорить о том, что в его эпоху неприязненные отношения царя к высшему военному руководству государства достигли своего пика. И раньше основной формой проявления преданности престолу самодержавие считало рабское низкопоклонство, в окружении же Грозного такая форма преданности становится нормой и необходимым условием выживания. Заметим, не достаточным

условием, а только необходимым. Но чуждая воинскому духу наука раболепия с трудом усваивалась представителями военной профессии, а потому московское самодержавие ни на минуту не переставало ощущать в военно-служилом сословии для себя опасность.

Драматизм ситуации заключался в том, что чем больше теперь деятельность русских полководцев благоприятствовала усилению Московского государства, чем больше она способствовала упрочнению основ русского самодержавия, тем больше она формировала систему неограниченного произвола, носящего в себе опасность для них самих. Иными словами, военные деятели Руси того времени, укрепляя своими победами Московскую державу, тем самым готовили себе гибель. Ибо сама сущность самодержавия, помноженная на личные качества самодержца, зачастую ставившего свою власть выше всяких нравственных законов, оборачивалась для лучших представителей военно-служилого сословия тяжелыми испытаниями. Деспотические наклонности московских государей испытали на себе все без исключения военные деятели периода правления деда Грозного, его отца и его самого. Но все же во времена правления Ивана III и его сына Василия полные драматизма судьбы лучших русских полководцев на фоне последующих поколений могут смотреться вполне благополучно. А вот судьбы военных деятелей, равно как и других лучших людей России следующего правления — царствования Ивана Грозного, полны трагизма.

И вот начиная именно с полоцкого похода можно вести отсчет открытого гонения царем высших иерархов московского войска. Прежде всего, это обстоятельство проявилось в том, что во главе наступающей на Полоцк армии встал сам царь Иван, отведя воеводам роль «на подхвате». Этим царь не столько подчеркивал общегосударственную значимость предприятия, сколько свою собственную роль в его осуществлении. Более десяти лет, со времен знаменитой казанской кампании, Иван Грозный не вставал на челе своих войск, да и тогда роль царя носила чисто символический характер, и это понимали и царь, и все его тогдашние приближенные. Теперь, отказавшись от прежнего окружения и стремясь каждым своим шагом подчеркнуть свою самостоятельность, резко изменив внутривластный курс, придав ему явно выраженную антибоярскую направленность, царь был вынужден не просто участвовать в крупной военной операции, но и руководить ею. Ему это теперь было необходимо для демонстрации собственной способности в управлении военной машиной государства и своей независимости от все более приобретающих в московском обществе авторитет и завоевывающих славу военачальников. Не последнюю роль в решении царя возглавить войска сыграло его ревностное отношение к успехам своих воевод, которых к тому времени царь Иван огульно всех начал зачислять в оппозицию. Под московскими знаменами в полоцкой операции стояли лучшие воеводы, прославившие русское оружие под Казанью и в Ливонии, но все они теперь в присутствии царя играли второстепенные роли. Так, например,

командующий всеми русскими войсками в Прибалтике князь Андрей Курбский находился сейчас всего-навсего на посту воеводы Сторожевого полка. Далеко от главного командования в царской армии под Полоцком оказался и Петр Шуйский.

В конце января 1563 года русская армия подошла к Полоцку, а 31 числа началась его осада. Главную роль в овладении крепостью сыграла тяжелая артиллерия. Осадные орудия ни на один день не прерывали обстрел, причем для этой цели использовали зажигательные снаряды и каленые ядра. В результате, через неделю после начала осады стена была частью снесена, частью выжжена. 7 февраля московские ратники овладели посадом, еще через неделю комендант крепости сдал кремль, после чего он и местный епископ, взятые в плен, были отосланы в Москву. Всех бывших в литовском гарнизоне наемников русский царь, щедро одарив, отпустил на родину. После взятия Полоцка московские воеводы углубились в литовскую территорию и едва не дошли до Вильно.

Завоевание Полоцка знаменовало собой пик успехов Московского воинства в Ливонской войне. Уведомляя главу русской церкви, митрополита Макария, об этой своей победе, царь писал ему в Москву: «Исполнилось пророчество русского угодника, чудотворца Петра-митрополита о городе Москве, что взыдут руки его на плечи врагов его: Бог несказанную свою милость изливал на нас, недостойных, вотчину нашу, город Полоцк, нам в руки дал».

Победа над Полоцком отдавала триумфом, воскресившим в памяти времена покорения Казани и Астрахани. Ссылаясь на летописи того времени, историк С. М. Соловьев так описывает триумфальное возвращение царя в Москву:

«Царь возвратился в Москву так же торжественно, как из-под Казани: в Иосифовом монастыре встретил его старший сын, царевич Иван; на последнем ночлеге к Москве, в селе Крылатском, встретили его младший сын, царевич Федор, брат Юрий, ростовский архиепископ Никандр с другими епископами, архимандритами, игуменами. Митрополит со всем духовенством московским встретил у церкви Бориса и Глеба на Арбате; Иоанн бил им челом, что милостию пречистой богородицы, молитвами великих чудотворцев и их молитвами Господь Бог милосердие свое свыше послал, вотчину его, город Полоцк, в руки дал. Духовенство государю многолетствовало на его вотчине, благодарение великое и похвалы воздавало, что своим великим подвигом церкви святые от иконоборцев-люторей очистил и остальных христиан в православие собрал».

А историк Виппер относительно полоцкого завоевания оставил такое суждение:

«Грозный имел право гордиться своей победой. В механизме военной монархии все колеса, рычаги и приводы действовали точно и отчетливо, оправдывали намерения организаторов; под стать военным средствам складывалось и управление вновь покоренного края».

Сам царь очень высоко ценил завоевание Полоцка и гордился этой своей победой. В нем не было и тени сомнения в том, что город с окру-

жающей его областью попал в его державу навсегда, а потому он принял самые радикальные меры для его укрепления и бережения. Воеводой в Полоцке Иван Васильевич оставил князя Петра Шуйского. Достоянием потомков стал подробный наказ царя новому полоцкому воеводе:

«Укреплять город наспех, не мешкая, чтоб было бесстрашно; где будет нужно, рвы старые вычистить и новые покопать, чтобы были рвы глубокие и крутые; и в остроге, которое место выгорело, велеть заделать накрепко, стены в три или четыре. Литовских людей в город, приезжих и тутошних детей боярских, землян и черных людей ни под каким видом не пускать, а в какой-нибудь торжественный, в великий праздник, попросятся в Софийский собор литовские люди, бурмистры и земские люди, то пустить их в город понемногу, учинивши в это время береженье большое, прибавя во все места голов; и ни под каким бы видом без боярского ведома и без приставов ни один человек, ни шляхтич, ни посадский, в город не входил, в городе должны жить одни попы у церквей со своими семьями, а лишние люди у попов не жили бы. В городе сделать светлицу, и ночевать в ней каждую ночь воеводам со своими полками поочередно; с фонарем ходить по городу беспрестанно. Управу давать литовским людям, расспрося про здешние всякие обиходы, как у них обычаи ведутся, по их обычаем и судить; судебню сделать за городом в остроге; выбрать голов добрых из дворян, кому можно верить, и приказать им судить в судебне всякие дела безволочитно и к присяге их привести, чтоб судили прямо, посулов ли поминков не брали, а записывать у них земским дьякам, выбрав из земских людей; на суде быть с ними бурмистрам. Кто из детей боярских, шляхты и посадских людей останется жить на посаде, у тех бы не было никакого ратного оружия. Если в ком-нибудь из них воеводы приметят шатость, таких людей, не вдруг, затеявши какое-нибудь дело, ссылать во Псков, в Новгород, в Луки Великие, а оттуда в Москву».

Король Сигизмунд-Август тяжело переживал потерю Полоцка. Новая война для него начинала складываться неудачно. Поставив целью войны изгнание русских из Ливонии, он вдруг начал с того, что, не освободив и пяди земли своего подопечного, понес потерю своего кровного достояния. Буквально сразу за потерей Полоцка литовская сторона обратилась с предложением переговоров о мире. Москва дала согласие, и война снова приостановилась, что явилось очередной ошибкой Грозного, не устававшего удивлять своей поразительной способностью прерывать военные действия в пору наивысших успехов, когда инициатива целиком находилась в его руках. Понимая, что после потери Полоцка ему не приходится рассчитывать на сколько-нибудь достойный мир, король, как мог, тянул время, регулярно присылая в Москву гонцов с просьбами переноса срока начала переговоров, а тем временем продолжал сноситься с крымским ханом, подбивая того к походу на Москву. Кстати, в ту зиму, когда Грозный овладел Полоцком, хан клятвенно обещал королю напасть на московские пределы и не выполнил клятвы, чем может быть частично объяснена русская удача под Полоцком. Сигизмунд верил ханским

клятвам, а потому считал свои рубежи в безопасности, по крайней мере, в тот год. Теперь король с упреком выговаривал хану, зачем крымский властитель не исполнил обещания, ставя ему в вину свое поражение под Полоцком и требуя от того нашествия на Москву как долга.

В это же самое время Литва начинает усиленно подбивать к войне на своей стороне Швецию. В Москве об этом стало известно благодаря случайно перехваченным в Ливонии письмам Сигизмунда-Августа к властям Ревеля, адресованным туда для последующей передачи шведскому королю. По этому поводу Грозный когда, наконец-таки, в Москву прибыли послы из Вильно и начались очередные переговоры, велел сказать послам:

«Это ли брата нашего правда, что ссылается с шведским на нас; а что он не бережет своей чести, пишется шведскому братом равным, то это его дело, хотя бы и водовозу своего назвался братом — в том его воля. А то брата нашего правда ли? К нам пишет, что Лифляндская земля — его вотчина, а к шведскому пишет, что он вступился за убогих людей, за повоеванную и опустошенную землю; значит, это уже не его земля! Нас называет беззаконником, а какие в его земле безбожные беззакония совершаются, о том не думает. Брат наш к шведскому, пригоже ли такое укорительное слово, пишет, что москвичи — христианские враги, что с ними нельзя постоянного мира, дружбы и союза иметь...».

С таких претензий русской стороны начались очередные переговоры о мире. Понятно, что при полном обоюдном недоверии трудно было найти какое-нибудь соглашение, вдобавок Москва выставила требования, не просто неприемлемые противной стороной, а даже абсурдные. Ведавшие переговорами бояре к традиционным претензиям на Киев вдруг потребовали Галиции, Волыни и Подолии, не принадлежавших Литве. Эти земли были собственностью польской короны, объединительный союз которой с Литвой ограничивался только династической унией, и внутри союза владения каждого из государств были четко обозначены. Литовские послы так и отвечали московским дипломатам, что они, дескать, не могут вести разговоры о чужой земле, о том-де надо говорить с польскими людьми. В конце концов, московская сторона оставила требования не только подольской и галицко-волынской земли, но и Киева, принадлежавшего Литве, и ограничилась Полоцкой областью и своими завоеваниями в Ливонии. Литовцы соглашались только на сам Полоцк, как находящийся в руках русских воевод, но всю окружающую его область, то есть владения бывшего полоцкого княжества требовали вернуть себе. И, конечно же, Литва ничего не соглашалась уступать из ливонских владений, ссылаясь на то, что Орден добровольно подался под протекторат великого литовского князя, а потому настаивала на том, чтобы русские очистили захваченные в Прибалтике земли от своих войск. Наконец, русский царь согласился уступить некоторые свои приобретения в Ливонии и предложил свой вариант границы между московскими и королевскими владениями,

предлагая на этих условиях заключить мир на 10–15 лет. Послы, видя уступчивость царя, поняли его последние предложения как проявления слабости и отказались, требуя полной очистки Ливонии.

Услышав очередной раз от бояра о настойчивости литовской стороны, теряя терпение, царь сам вышел к послам и обратился к ним с речью, текст которой со слов записывающих ее дьяков передал нам в своей обработке историк С. М. Соловьев:

«Я, государь христианский, презрел свою царскую честь, с вами, брата своего слугами, изустно говорю; что надобно было боярам нашим с вами говорить, то я сам с вами говорю: если у вас есть от брата нашего указ о любви и добром согласии как между нами доброе дело постановить, то вы нам скажите.... Вы говорите, что мы припоминали и те города, которые в Польше, но мы припоминали не новое дело: Киев был прародителя нашего, великого князя Владимира, а те все города были к Киеву; от великого князя Владимира прародителя наши великие государи, великие князья русские, теми городами и землями владели, а зашли эти земли и города за предков государя вашего невзгодами прародителей наших, как приходил Батый на Русскую землю, и мы припоминаем брату нашему не о чужом, припоминаем о своей искони вечной вотчине. Мы у брата своего чести никакой не убавляем; а брат наш описывает наше царское имя не сполна, отнимает, что нам Бог дал; изобрели мы свое, а не чужое; наше имя пишут полным наименованием все государи, которые и повыше будут вашего государя; и если он имя наше сполна описывать не хочет, то его воля, сам он про то знает. А прародители наши ведут свое происхождение от Августа-кесаря, так и мы от своих прародителей на своих государствах государи, и что нам Бог дал, то кто у нас возьмет? Мы свое имя в грамотах описываем, как нам Бог дал; а если брат наш не пишет нас в своих грамотах полным наименованием, то нам его описывание не нужно».

Через весь этот шедевр Иванова красноречия сквозит сама природа русского царя. Заметим, он вышел к послам, подвигнутый к тому их явным затягиванием переговоров, но уже после первых слов обращения можно было подумать, что он забыл, зачем он здесь. Снова звучит Киев, претензии на который в последнее время были оставлены, и снова слышим нелепое обоснование русским царем своих прав на него. Ну и, конечно, довольно скоро, буквально через несколько фраз, забыв уже про все территориальные претензии, в том числе и про Киев, Иван начинает полемизировать по поводу своего царского титула, что одно только способно привести любые переговоры в безвыходный тупик. Можно полагать, что Сигизмунд специально умалял титул русского царя, преследуя цель выиграть время. Он не поступился бы честью, даже если и назвал бы Ивана полным царским именем, но тогда послам оставалось бы больше времени на деловые переговоры, что было не в интересах литовской стороны. Ну и уже совершенно поражает своей несуразностью придуманная при Ивановом дворе легенда о происхождении его пращуря Рюрика от Римских императоров.

Главным источником московско-литовских противоречий оставалась Ливония, а потому, как не называй друг друга воюющие монархи, а нежелание каждой из сторон отказаться от своих прав на земли разгромленного Ордена ставило проблему в разряд, не разрешаемый дипломатическими методами. Рассудить стороны могло только оружие. Литовская миссия в Москве и на этот раз закончилась ничем, впрочем, кое-каких позитивных результатов король все-таки добился. Как мы уже говорили, русская сторона поддалась на уловку, очевидно, рассчитывая на то, что потеря Полоцка сделает противника сговорчивей, и остановила наступательные действия в момент, когда полностью владела инициативой. Противник не стал сговорчивей, но время, нужное ему для сбора и перегруппировки сил, он все-таки выиграл. Конечно, не только благодаря этому обстоятельству, но и ему тоже, победа над Полоцком, победа славная и блестящая, явившая собой наибольшую удачу царя Ивана IV, стала для русского оружия в той войне и последней.

Завоевание Полоцка подводило черту под победными вехами эпохи и завершало собой светлый период царствования Грозного. Последовавшие затем события открывали полосу неудач, не изменивших русскому царю до конца дней и ставших для России началом одной из самых мрачных страниц за всю ее историю. А началось все с военного поражения воеводы Шуйского, первого и последнего в его военной биографии, поражения, ставшего для него роковым.

В январе 1564 года, после срыва переговоров, русское командование предприняло попытку нового наступления. Из района Смоленска в сторону Орши шло крупное русское войско под командованием князя Серебряного. Простоявшему ровно год в Полоцке Шуйскому царь повелел идти со всеми имевшимися у него силами к Орше на соединение с Серебряным для последующего наступления вглубь Литвы.

В конце января прославленный воевода выступил в свой последний поход. Войска шли в лесистой местности, не предприняв элементарных мер предосторожности. Остается только недоумевать, как опытнейший воевода мог допустить такую оплошность. Непонятно, что произошло со знаменитым полководцем, изучившим за многие годы службы повадки любого врага. Русские воины шли беспорядочными толпами, безо всякого, даже походного построения, не говоря уже о боевом, без доспехов и оружия, погрузив их на сани. Не велась разведка, воевода даже не выслал вперед дозоры. Такое беспечное состояние войска на марше непростительно даже куда менее опытному военачальнику, и осталось загадкой, что притупило чувство возможной опасности и сознание реальной обстановки князя Шуйского.

Расплата настигла русское войско и его командующего 26 января у местечка Чашники на речке Ула, что на полпути от Полоцка до Орши. Здесь следовавшая из Вильно литовская армия внезапно атаковала абсолютно не готовые к встрече с противником боевые порядки Шуйского. Воеводы Троцкий и Радзивилл имели точные сведения о состоянии московского

войска и сполна воспользовались представившейся возможностью разгромить его. С первых минут нападения в нестройных рядах атакованных поднялась невообразимая паника. Большинство безоружных воинов бросилось в лес, искали спасения в бегстве, но главный воевода смело вступил в битву и, как рядовой ратник, мужественно отбивался от нападавших врагов, пока изрубленный не упал на землю. По одной из версий израненному полководцу удалось выбраться с места затихшего сражения и пробраться в ближайшую литовскую деревушку, где он был убит крестьянами, но большинство исследователей утверждает, что Петр Шуйский погиб непосредственно в схватке, в бою. Как бы там ни было, но полководец собственной жизнью рассчитался за свою оплошность. Так погиб покоритель Казани, Нейгауза, Дерпта, Мариенбурга, Феллина, Полоцка.

Узнав о разгроме армии Шуйского, следовавший на соединение с ней воевода Серебряный остановился и повернул вспять. Наступательная кампания была сорвана. Оршинское поражение и гибель командующего предопределили поворот в войне.

И все же судьба князя Петра Шуйского не столь трагична, как судьбы многих, если не всех, видных военачальников, героев Казанской и Ливонской войн. К тому времени гонение на бояр достигло стадии перехода от безобидных форм, каковыми были опалы и ссылки, к более радикальным. Начиналась эпоха массового террора. Существует даже предположение, будто Шуйский, видя надвигающуюся грозу Ивановых безумств и понимая неотвратимую перспективу мучений в пыточном каземате и бесславной гибели в опричном застенке, предпочел честную и достойную воина гибель в бою, а потому специально не хотел призвать к боевой готовности вверенное ему войско. Думается, что эта версия далека от объективности. Не хочется верить в то, что такой человек, как Петр Шуйский был способен преднамеренно уготовить своей армии поражение и даже уничтожение только для того, чтобы, погибнув самому, избежать печальной участи жертвы царского террора. Скорее всего, провидение через необъяснимую беспечность воеводы спасло его от участи других славных деятелей Иванова царствования. История не любит сослагательного наклонения, но все же с огромной долей вероятности можно утверждать, что в недалеком будущем прославленный полководец не избежал бы непосредственного контакта с палачом на плахе, как не избежали его все другие герои эпохи Грозного. Петр Шуйский закончил свою жизнь среди грома битвы, под аккомпанемент стука сабель и треска копий, и он стал одним из очень немногих больших государевых воевод, кто удостоился от судьбы чести умереть столь славной смертью. Россия уже стояла на пороге новых, еще неслыханных потрясений. Грозного царя уже захватывал экстаз кровавых безумств, через год грянет опричная гроза и зальет кровью лучших людей русскую землю.

Всего этого, к счастью своему, уже не увидит князь Петр Шуйский, как не увидит теперь Россия побед в продолжавшейся после его смерти еще 20 лет войне. Ценой огромных жертв, напрягая последние силы, Россия

будет теперь пытаться удержать завоеванный Ливонский край, а позже, когда все завоеванное будет потеряно и война перенесется на русскую землю, той же ценой она будет отстаивать свое исконное достоинство. Причин такого поворота событий можно отметить несколько, и некоторые из них, связанные с просчетами царя, мы уже называли. Теперь следует указать еще одну причину, полностью обозначившуюся только сейчас, где-то к середине 60-х годов — это внутренняя политика обезумевшего русского царя, если вообще эта кровавая оргия могла называться политикой. Конечно, это не единственная причина последующих военных неудач, но одна из них. Именно благодаря ей краеугольным камнем станет кадровая чехарда в руководстве армии. На воеводстве русскими полками замелькают лица, подолгу не задерживаясь на своих постах. Недолгое командование и мученический венец, принятый на плахе или виселице, станут уделом многих русских воевод, с завистью взиравших на достойную воина смерть Петра Шуйского. Опытные воеводы быстро сойдут с исторической сцены, русская армия буквально через несколько лет после полоцкой победы останется обезглавленной.

Вот только несколько примеров участия больших государевых воевод времен Иванова царствования.

Раньше других испытал на себе все ужасы кремлевских застенков первый герой казанского взятия, воевода князь Михаил Иванович Воротынский. Он был арестован еще в конце 1562 года по нелепому обвинению в измене, столь любимому царем, находившему отклик в его помутившемся сознании, а потому и распространенному тогда в московском обществе. Доблестный полководец был лишен имений, состояния и после мучительных пыток заточен в монастырскую тюрьму на Белом Озере. Через четыре года заключения царь освободил Воротынского из тюрьмы, вернул ему часть состояния и назначил главным воеводой на Окский оборонительный рубеж для противостояния крымским нашествиям. Видимо, время окончательной расправы над прославленным воеводой еще не настало. Но оно придет. Царь Иван любил и умел менять гнев на милость и, особенно, наоборот. В своих безумных выходках он не знал предела, но типичным для его садистского коварства было не решать с приговоренным одним ударом. Иван любил растянуть для себя удовольствие на несколько заходов, причем после каждой очередной опалы следовало возвращение и возвышение опального, зачастую сопровождавшееся царскими ласками, дабы последний, уже предрешенный удар воспринимался больнее.

Вместе с Михаилом жертвой царского произвола в 1562 году стал и его брат Александр Воротынский, также обвиненный в измене, лишенный состояния и заточенный в тюрьму. Через год царь простил Александра, но вынудил того принять иноческий чин и затвориться в монастыре. Такая же судьба постигла одного из самых выдающихся членов Избранной рады, князя Дмитрия Курлятева. За мнимую измену он был арестован, брошен в тюрьму вместе с женой, сыном и двумя дочерьми. От смерти все смогли спастись только приняв монашеский постриг.

В 1562 году был казнен воевода Даниил Адашев, брат Алексея.

Жертвой внутренней политики Ивана стал и другой герой знаменитой казанской эпопеи, один из самых видных русских полководцев середины XVI века, князь Александр Борисович Горбатый, которого князь Андрей Курбский называл «великим гетманом царской армии». Трагическая судьба князя А. Б. Горбатого связана с появлением в Московском государстве опричнины.

Известно, что создание в 1565 году опричнины явилось вершиной Ивановых безумств, самым чудовищным его изобретением. На века это слово стало нарицательным обозначением крайнего беззакония, необузданного произвола и массового истребления ни в чем не повинных людей. Для существования опричнины, этого государства в государстве, требовалось обязательное выполнение одного условия — наличия оппозиции царской власти, условия, без которого опричнина как таковая теряла смысл. И если оппозиции не было, то ее надо было придумать, а придумать ее воспаленному уму Грозного было нетрудно. В оппозицию царь зачислил всю целиком оставшуюся вне опричнины большую часть государства — земщину. Оказались в земской оппозиции и все воеводы русского царя вместе с армией, которая, напрягая последние силы, вступила тогда в самую тяжелую стадию затянувшейся войны на западе. Заметим, что появление этого страшного и позорного репрессивного аппарата относится к разгару войны, когда удача начала отворачиваться от русского оружия и как никогда требовалась прочность и устойчивость тыла. Вместо этого в тылу одна, причем самая ничтожная, часть общества принялась терзать другую. И как сказал историк В. О. Ключевский, «опричнина при первом взгляде на нее, особенно при таком поведении царя, представляется учреждением, лишенным всякого политического смысла». И тут же знаменитый историк вынужден поправиться, говоря далее, что все-таки «у опричнины был свой смысл, хотя и довольно печальный». И далее, поясняя свое положение о печальном смысле опричнины, Ключевский говорит, что «она была в значительной мере плодом чересчур пугливого воображения царя... Тогда вопрос о государственном порядке превратился для него в вопрос о личной безопасности, и он, как не в меру испугавшийся человек, закрыв глаза, начал бить направо и налево, не разбирая друзей и врагов... Усвоив себе чрезвычайно исключительную и нетерпеливую, чисто отвлеченную идею верховной власти, он решил, что не может править государством, как правили его отец и дед..., но, как иначе он должен править, этого он и сам не мог уяснить себе. Превратив политический вопрос о порядке в ожесточенную борьбу с лицами в бесцельную и неразборчивую резню, он своей опричниной внес в общество страшную смуту...».

Вспышки необузданного деспотизма отмечались за царем Иваном и ранее, но с учреждением опричнины кровавый террор принял массовый характер и был возведен чуть ли не в ранг внутренней государственной политики. Рождение опричнины ознаменовалось массовыми

кровапролитиями, и одной из первых жертв разгула опричного террора стал прославленный московский воевода, герой казанской эпопеи князь А. Б. Горбатовый.

Вершившее так называемое правосудие опричное окружение царя не утруждало себя заботой придавать хоть какую-нибудь тень правдоподобия в выдвигаемых обвинениях, не пыталось добыть хоть сколько-нибудь достоверные улики и создать хотя бы иллюзию возлагаемой на свои жертвы вины. Чаще других главным обвинителем, стряпавшим свои вердикты, не смущаясь их нелепостью и несуразностью, выступал сам царь.

Сразу после учреждения опричнины, будучи в Александровой слободе, царь принял депутацию Боярской думы, которой объявил, что они уже давно изменили ему, стремятся уничтожить его и сделать законным государем выходца из рода князей Горбатовых. Присутствовавшие прекрасно поняли намек царя. Из всех Горбатовых в живых оставался только доблестный казанский герой, князь Александр Борисович. Позже такие же обвинения в изобилии станут сыпаться и на другие фамилии, но первым царь выбрал самого популярного в народе героя и самого влиятельного среди московской знати. Прямой и непреклонный характер князя только удачно дополнил его «вину»: по сути дела, его характер в совокупности со славой и популярностью и был главной виной князя. Участь Александра Горбатого была решена. Он был казнен вместе со своим пятнадцатилетним сыном.

Но, безусловно, самым громким, а потому наиболее запомнившимся Ивановым безумием стало обвинение им в заговоре двоюродного брата, князя Владимира Андреевича Старицкого вместе с матерью. Только заступничество за них высших иерархов русской церкви спасло князей Старицких от неминуемой расправы.

Тогдашнее внутреннее состояние Московского государства можно охарактеризовать словами историка Г. В. Вернадского:

«Все эти казни и репрессии привели в замешательство высших представителей русской армии и администрации, которые вместе составляли правящий институт — двор. Никто не считал себя в безопасности. Мораль была подорвана, некоторые думали о побеге в Западную Русь, т. е. в Великое княжество Литовское»

Литовские князья хорошо знали об этой ситуации. По их совету Сигизмунд Август начал посылать секретные послания тем московским боярам и чиновникам, которые явно намеревались бежать от царя Ивана IV. Он пригласил их перейти на литовскую сторону и обещал высокое положение и владения в Литве».

Здесь, цитируя известного ученого, мы вплотную подошли к еще одному явлению нашей истории.

Перечень жертв беззаконий русского царя можно было бы продолжать долго. Подавляющее большинство русских воевод, составлявших гордость русской армии, наводивших ужас на неприятеля, а потому высоко чтимых в его лагере, героев бесчисленных походов и битв погибло на плахе, в тюремном застенке или пыточном каземате. Но не меньше трагизма

и в судьбах бежавших от безысходности за рубеж, подобно, пожалуй, самому выдающемуся полководцу эпохи Андрею Курбскому.

Открывшаяся полоса военных неудач на западном фронте не обошла стороной и этого героя. Еще до Оршинского разгрома русской рати Шуйского в небольшом бою под Невелем поражение потерпел и Андрей Курбский. Оно существенно не повлияло на стратегическую обстановку и вообще имело характер досадного эпизода, но хуже было то, что, как и другие неудачи тех лет, эта совпала с резкой переменой во внутренней политике Грозного. Первый этап «прекраснейшего по началу» царствования завершился. Наступала самая зловещая страница российской истории. Еще не вошла полностью в свои права эпоха опричнины, но ее идея уже бродила в воспаленном мозгу русского царя. Москва еще не цепенела, но уже содрогалась под впечатлением казней, которые впоследствии на фоне опричного террора не будут называться массовыми. Уже отправились в отставку и вскоре погибнут в застенках члены Избранной рады, которой Россия обязана «прекраснейшим началом» царствования Грозного. Занималась заря мрачного времени, а с ней приближалась кульминация драмы одного из самых передовых людей московского общества.

Еще вскоре после взятия Полоцка царь назначил Курбского воеводой в Дерпт. Здесь в стычках местного значения князь Андрей провел год. Приближалась развязка. Вечером 30 апреля 1564 года воевода объезжал позиции вокруг крепости. Возвращаясь, он сумел незаметно для других оставить за городскими стенами оседланного коня. Ночью под видом проверки караулов князь поднялся на городскую стену. Чтобы не вызывать подозрения у стражи, он не воспользовался воротами, спустился со стены по веревке, нашел своего коня и ускакал в сторону литовского лагеря. Утром 1 мая князь явился в ставку литовского командующего близ города Вольмара и назвал себя. Произведенный эффект не подлежит описанию. Изумлению литовцев предела не было.

Это событие воспринялось тогда всеми слоями российского общества как нечто невероятное и произвело огромное впечатление на московского обывателя. Но позже оно уже не выглядело таким необычным и не казалось таким уж из ряда вон выходящим. При детальном анализе той эпохи и при тщательном знакомстве с личностью Курбского становится понятной главная причина случившегося. Дело в том, что князь Андрей мало походил на своих современников.

Что же случилось с прославленным полководцем? Чем вызван был его поступок?

На эти вопросы пытаются дать ответы многие поколения отечественных историков, но убедительной версии до сих пор нет, хотя, как кажется, особой загадки история тут не задает. В объяснениях причины измены князя доминирует инстинкт самосохранения, побудивший его искать спасения от готовящейся опалы с неминуемой расправой. Этот довод имеет под собой веские основания. По-настоящему эпоха кровавых безумств Ивана IV еще не наступила, но недюжинному уму

князя Курбского нетрудно было разглядеть ее приближение. Воевода умел просчитывать на несколько шагов вперед. Его незаурядный, отличающий князя от окружающих интеллект позволял ему это. Уже отправлено в отставку прогрессивное правительство Ивана, возглавляемое Адашевым, к которому был близок и Курбский. Не довольствуясь этим, царь устроил над членами бывшего адашевского кружка позорное судилище, отправившее их в заключение, в котором все они скоро погибли. Тогда же Москва увидела первые массовые казни, позже несколько заслоненные в сознании москвичей еще более жестоким и бессмысленным разгулом опричнины. Мучительную смерть приняли лучшие люди начала царствования Грозного, а главный герой казанской эпопеи князь М. И. Воротынский после жестоких пыток отправился с семьей в первое свое тюремное заточение.

Курбский видел, как тучи сгущаются над ним самим. После победы над Полоцком, где князь был одним из первых героев, он мог рассчитывать на собственный триумф и награды. Но царь не выразил ему даже благодарности. Вместо этого он отправил князя воеводой в Дерпт. До этого дерптское воеводство стало местом ссылки опального Адашева, кончившееся арестом и заключением последнего. Охлаждение царя к князю было налицо. Ждать чего-то было бессмысленно, и последствия подтвердили обоснованность тревоги князя. В ближайшие вслед за тем годы арестам, мучительным пыткам и казням будут подвергнуты все без исключения побратимы Курбского по Казанской и Ливонской войнам.

Но только ли поиски личного спасения подвинули князя на его поступок?

Другие историки объясняют случившееся тем, что князь прибег к историческому праву свободной перемены места службы, перейдя от одного господина к другому. Но это право, действительно имевшее место в удельные времена, к рассматриваемой эпохе стало архаизмом, а потому не может быть объяснением случившегося. Главная причина лежит глубже, она кроется в личности князя, а личность эта настолько неординарна, насколько неординарен был на первый взгляд его поступок.

И, пожалуй, самое объективное объяснение случившемуся с Курбским дает замечательный русский историк Н. И. Костомаров:

«Если в личности Курбского можно указать на что-нибудь черное, то никак не на бегство его в Литву, а скорее на участие в войне против своего бывшего отечества; но это происходило именно оттого, что... московские люди, даже лучшие, были слуги, а не граждане. Курбский был преступен только как гражданин; как слуга он был совершенно прав, исполняя волю господина, которому добровольно обязался служить и который его, изгнанника, принял и облагодетельствовал... Руководясь русским патриотизмом, конечно, можно клеймить Курбского, убежавшего из Москвы в Литву и потом, в качестве литовского служилого человека, ходившего войною на московские пределы, но в то же время не находить дурных качеств за теми, которые из Литвы переходили в Москву и по

приказанию московских государей ходили войною на своих прежних соотечественников: эти последние нам служили, следовательно, хорошо делали! Рассуждая беспристрастно, окажется, что ни тех, ни других не следует обвинять, да и вообще, чтобы вменить человеку измену в тяжкое преступление, надо прежде требовать, чтобы он был *гражданин* (курсив мой — А. Ш.), чтобы, вследствие политических и общественных условий, в нем было развито и чувство и сознание долга гражданина: без этого он или слуга, или раб. Если он слуга, то что дурного, когда слуга оставляет господина, который не умеет его привязать к себе, и переходит на службу к другому? Если же он раб, то преступления раба против господина могут быть судимы только перед судом того общества, которое допускает рабство, но не перед судом истории».

Смысл сказанного великим ученым-историком предельно ясен: слуга, а тем более раб, не может быть изменником; для того чтобы стать изменником, сначала нужно стать *гражданином*. В рассматриваемую эпоху в московском обществе граждан не было, да и само общество было начисто лишено гражданских начал. Даже те, кого принято называть «лучшими людьми», только с большой натяжкой могли называться слугами, а по сути дела и они были рабами. А потому ни мы, ни история не вправе судить князя Андрея Курбского, как и некоторых других его современников, бежавших от безысходности за рубеж. И вот тут Костомаров ближе других подходит к истинной причине, толкнувшей князя на его поступок, но и он не до конца раскрывает сути этой причины. Попробуем теперь мы довести мысль ученого до конца.

Выше мы отметили, что князь Курбский мало походил на своих современников, в том числе и на выходцев из одной с ним социальной среды. И сейчас, спустя четыре с половиной столетия, за внешней стороной тех событий просматривается внутренний мир князя Курбского, разительный отличающий его от побратимов по классу. Отличие это в том, что, оставаясь подобно всем без исключения русским людям рабом в своем государстве, он не был рабом в душе. В своем сознании князь оставался свободным человеком, и в этом была его трагедия. Именно в этом и заключается неординарность личности Курбского, а отсюда и неординарность его поступка. Попробуем разъяснить.

В толковании большинства деятелей отечественной исторической науки князь Курбский представляется идеологом крупной российской аристократии, выступающей против усиления самодержавной власти. Это, очевидно, так и есть. И Литва с ее порядками, а позже, после объединения ее с Польшей в одно государство, Речь Посполитая с ее шляхетскими правами и вольностями, с ограничивающим монаршую власть сеймом, была больше по душе русскому князю. Но все же неверным будет понимать Курбского как полного противника самодержавия и сторонника удельно-вечевых порядков. Высокая образованность князя вряд ли оставляла в его сознании место для альтернативы сильной централизованной власти, необходимой для крепости государства. Скорее

всего, Курбский был противником лишь диких, унаследованных от Орды варварско-азиатских форм самодержавного деспотизма и бессмысленной тирании. Нет, князь не был западником. Он до конца оставался истинно русским человеком, но русским, более других сумевшим сохранить в себе устои и характер добатыевых времен и менее других за время ордынского влияния на формирование личности впитавшим в себя от его начал. А потому внутреннему содержанию Курбского, главными чертами которого оставались собственное достоинство и самоуважение, претило доходящее до идолопоклонства низменное раболепие перед властью и смирение перед ее произволом. Его личность не могла мириться с необузданным беззаконием. Именно этим князь Андрей и отличался от своего окружения.

Чтобы до конца понять значимость этого отличия, надо постараться проникнуться нравственной и духовной стороной жизни московского общества в рассматриваемую эпоху, когда подавляющее большинство представителей даже его аристократической верхушки оставалось неграмотным. Выдающийся русский историк С. М. Соловьев, обличая нравственную несостоятельность русского общества того времени, назвав главной ее причиной отсутствие просвещения, указал и на условия ее породившие: «... застой, коснение, узкость горизонта, малочисленность интересов, которые поднимают человека над мелочами повседневной жизни, очищают нравственную атмосферу... словом — недостаток просвещения.... Главное зло для подобного общества заключается в том, что человек входил в него нравственным недоноском. Для старинного русского человека не было того необходимого переходного времени между детскою и обществом, которое у нас теперь наполняется учением или тем, что превосходно выражает слово *образование*. В Древней Руси человек вступал в общество прямо из детской, развитие физическое несколько не соответствовало духовному».

Из последнего правила Андрей Курбский был исключением. В детстве, отрочестве и юности он изучал грамматику, риторику, философию, астрономию. В зрелые годы он стал незаурядным писателем-публицистом. Написанный им в 1573 году памфлет «История о великом князе Московском» являет собой ценнейший исторический материал о Казанской и Ливонской войнах, о деятельности Избранной рады и других современных ему событиях. Можно много полемизировать о субъективности и научно-исторической стороне повествуемого, но не вызывают сомнений высокие литературные достоинства произведения. Князь обладал богатейшей личной библиотекой, какой не было ни у кого в государстве, да и у самого государства. Он не расставался с ней даже во всех своих бесконечных походах, а когда ее пришлось оставить в Дерпте, он жалел потом о ней до конца жизни. И нам должно быть сегодня понятно, насколько возвышался этот человек над своими соотечественниками, и что, принадлежа к числу самых образованных людей своего времени, он не мог мириться с существующими порядками.

Хорошо известно, что образованность как ничто другое способствует уничтожению в человеке раба, а потому князь Курбский был чем-то вроде «белой вороны», он выделялся своей незаурядностью на общем фоне московского общества. И не секрет, что таким людям всегда не просто было жить в нашем отечестве, «горе от ума» не переставало преследовать их, что особенно становилось заметным в периоды обострения деспотизма и произвола власти. И тогда не желаящим, а главное, неспособным в силу своих свойств мириться с существующим порядком вещей и не имеющим возможности противостоять ему оставалось одно средство протеста — эмиграция. И такими примерами, продолжавшимися вплоть до самого последнего времени, полна наша история.

Отъезд Курбского произвел эффект разорвавшейся бомбы, хотя пионером князь в этом деле не был. Такие примеры отмечались и до него, но только измена Курбского вызвала столь мощный резонанс, ибо все другие перебежчики не стояли так высоко на общественной лестнице, не были так близки к престолу и не пользовались таким доверием царя. Да, пожалуй, и измена Курбского не породила бы впоследствии такой полемики, если бы, бежав к врагу, князь затем не поднял бы против отечества оружие. Но даже и с учетом этого факта наши отечественные историки самых разных школ далеки от обвинения Курбского в предательстве. Их объяснения поступку воеводы звучат в целом нейтрально, либо оправдательно, и никто не осмеливается назвать князя открыто изменником. Тут дело, наверное, в том, что во времена Курбского обществом еще не было сполна выработано чувство национальной принадлежности и всех тех, связанных с ним, понятий верности своей земле и своему народу, то есть того, что впоследствии получит название патриотизма. Да и как можно обвинять Курбского в измене отечеству, если само отечество тогда было наводнено выходцами из той же Литвы, бежавшими в Россию и служившими ей с оружием в руках против своей бывшей родины. Наверное, именно поэтому князя Андрея Курбского так никто официально изменником и не назвал, за исключением разве что самого царя Ивана Васильевича, который, очевидно, забыл, что сам он в таком случае прямой потомок изменника. Ведь мать Грозного была дочерью крупного литовского магната, бежавшего в Москву в период очередной вспышки русско-литовского противостояния, послужившего потом много на пользу России в ущерб своему бывшему отечеству. Так что родной дед Грозного такой же изменник, и у внука было мало оснований упрекать в измене Курбского.

Случай с Курбским переключил на себя внимание царя, его окружения, да и всего московского общества, так что сама война как-то отодвинулась на второй план, стала не такой заметной; поступок знаменитого воеводы заслонил собой все другие обстоятельства последнего времени. Впрочем, после Оршинского погрома на театре войны ничего особенного долго не происходило. Московская сторона не решалась на новую наступательную операцию, литовская также довольствовалась лишь мелкими рейдами по районам, занятым русскими войсками.

Наиболее крупная стычка произошла у Озерища, где воевода Юрий Токмаков потерпел неудачу в битве против литовских отрядов под командованием Паца. Летом 1564 года Токмаков, имея у себя под ружьем 13 тысяч человек войска, выступил из Невеля и, дойдя до литовской крепости Озерище, осадил ее. На помощь осажденным из Витебска пошло литовское войско в составе 12 тысяч человек. Московский воевода недооценил сил противника и атаковал его одной конницей, оставив пехоту и артиллерию под стенами осажденной крепости. Первой же атакой русским удалось смять передовые порядки литовцев. Но те были тут же подкреплены подошедшими основными силами своего войска, так что повторная атака московской конницы была отбита, а, не имея поддержки своей пехотой, она не выдержала первого же контрудара противника и в беспорядке отступила. Потеряв в бою около пяти тысяч своих людей, Токмаков был вынужден прекратить осаду Озерища. После этого наступательная инициатива русскими воеводами была окончательно утеряна.

События на западном театре дополнялись враждебными акциями крымцев на юге. Осенью 1564 года Девлет-Гирей, пользуясь тем, что война за Ливонию отвлекла к себе основную массу московских войск и степной участок границы остался неприкрытым, вторгся с шестидесятитысячным войском в рязанскую землю и основательно разграбил ее, не встретив никакого сопротивления.

Тогда же на западном фронте воевода Петр Щенятев отбил попытку гетмана Радзивилла приступить к Полоцку, а наступление противника на Северной Украине остановил воевода Василий Прозоровский под Черниговом, что несколько снизило напряженность на литовском фронте, но положение на южной границе продолжало оставаться тревожным. Ровно через год после нападения на рязанскую окраину ободренный его успехом хан снова подошел к южным русским рубежам, но на этот раз его здесь ждала неудача. Пользуясь стабилизацией положения в Прибалтике, московское командование успело перебросить сюда из Ливонии соединения войск воевод И. Д. Бельского и И. Ф. Мстиславского. Увидев перед собой крупные силы русских, Девлет-Гирей не решился на баталию и повернул обратно.

Вялые действия обеих сторон на западе привели к новым переговорам. Но интересно, что в них русский царь уже не столько заостряет свое внимание на территориальной проблеме, сколько печется о своем престиже, переживая о том, что тот мог пошатнуться от измены Курбского и от навязанного в последний год Грозным террора внутри своей страны. Так, посылая в начале 1565 года в Вильно своего гонца с опасной грамотой для литовских послов, царь Иван дает ему строгий наказ:

«Если спросят про Андрея Курбского, для чего он от государя побегал, то отвечать: государь было его пожаловал великим жалованьем, а он стал государю делать изменные дела; государь хотел было его понаказать, а он государю изменил, но это не диво; езжали из государства и не в Курбского версту, да и те изменники государству Московскому не сделали

ничего; Божиим милосердием и государя нашего здоровьем Московское государство не без людей; Курбский государю нашему изменил, собакою потек, собакой и пропадет».

Заметим, этот наказ дан не послу, не какому-то еще чиновнику от дипломатии, а простому гонцу, задача которого состоит только в том, чтобы отвезти бумагу. Но насколько этим своим наказом царь выдает внутреннее состояние своей души. Он больше всего боится, что при дворе державы-соперницы правильно оценят его внутреннюю политику, благодаря которой от него начинают разбегаться лучшие люди. А когда вскоре в Москву приехал гонец от Сигизмунда, миссия которого также заключалась только в передаче бумаг и с которым, как с последним человеком при литовском дворе, никаких разговоров вести не полагалось, встречавшим его приставам, тем не менее, было наказано:

«Если спросит: что это теперь у государя вашего слывет опричнина, отвечать: у государя никакой опричнины нет, живет государь на своем царском дворе, и, которые дворяне служат ему правдою, те и при государе живут близко, а которые делали неправды, те живут от государя подальше, а что мужичье, не зная, зовет опричниной, то мужичьим речам верить нечего; волен государь, где хочет дворы и хоромы ставить, там и ставит; от кого государю отделяться?».

Здесь московский царь снова выдает себя с головой. Он наивно пытается удержать в секрете свое собственное изобретение, прекрасно понимая не только его непопулярность, но и нелепую чудовищность, роняющую изобретателя в глазах стороннего наблюдателя. Грозный всеми силами стремится к тому, чтобы творимый им в стране произвол не стал достоянием иностранцев. Когда же, наконец, весной 1566 года в Москву явилось очередное посольство из Литвы, ведавшие переговорами бояре получили от царя жесткие инструкции, как отвечать на вопросы послов о казненных или просто об опальных людях из известных московских фамилий. Так, например: «Если спросят послы о князе Михайле Воротынском, про его опалу, то отвечать: Бог один без греха, а государю холоп без вины не живет; князь Михайла государю погрубил, и государь на него опалу было положил; а теперь государь его пожаловал по-старому, вотчину его старую, город Одоев и Новосиль, совсем ему отдал, и больше старого».

Но тревоги царя были напрасными. Послы не поднимали вопросов ни об опричнине, ни о царских опальниках. Зато снова поднялся и встал в тупик вопрос о взаимных территориальных претензиях. И это несмотря на то, что король вдруг стал гораздо более уступчивым. На традиционные требования московской стороной Киева, Волыни и много чего еще он не только не ответил знакомыми требованиями Смоленска, Пскова и Новгорода, но и согласился оставить в руках русских Полоцк и все захваченные ранее города в Ливонии. Но Грозный рассчитывал на большее. Он требовал Риги, Вендена, Вольмара и других городов. С одной стороны понять русского царя можно. Он хотел ливонских городов и земель, которыми

сейчас владела Литва, но владела благодаря победам над Ливонией московского воинства. Ведь за всю свою недолгую историю Ливония была таким же заклятым врагом Литвы, как и России. А когда разгром Ордена подвинул его правительство податься под власть Литвы, то последняя, не потратив ни малейших усилий, получила то, за что Москва пролила реки крови своих людей. Но с другой стороны, нельзя было не опасаться и того, что соблазн получить больше может привести к печальным последствиям, что и вышло в действительности, а потому отказ от предложений короля стал очередной и может быть самой большой ошибкой Грозного. Вот это состояние раздвоенности, когда царь вдруг снова оказался перед проблемой выбора, историк Соловьев описал так:

«Согласие короля на уступку всех городов и земель, занятых московскими войсками, заставило Иоанна задуматься; ему, естественно, представлялся вопрос, следует ли продолжать тяжелую войну, успехи которой были очень сомнительны. Оршинское поражение, отъезд Курбского подавали мало надежды; перемирие с удержанием всех завоеваний — Юрьева, Полоцка, — такое перемирие было славно; притом король слаб здоровьем, бездетен: вся Литва без войны может соединиться с Москвою! Но с другой стороны, отказаться от морских берегов, отказаться, следовательно, от главной цели войны, позволить литовскому королю удержать за собою Ригу и другие важные города ливонские, взятые даром благодаря русскому же оружию, было тяжело, досадно для Иоанна».

В конце концов, упрямство, алчность и недалечность одержали верх. Грозный не воспользовался возможностью с честью выйти из войны. Он, правда, разыграл очередную комедию, из которой выходило так, что решение о продолжении войны принималось не им одним. Для этого в июле 1566 года царь собрал в Москве представительный орган — Земскую думу, перед которой и поставил вопрос: мириться с королем на предлагаемых им условиях или продолжать воевать. Отдавая проблему на суд земли, Иван обратился к собранию с речью, из которой всякому было более чем понятно, чего хочет русский царь, а потому неудивительно, что представители всех слоев московского общества единодушно поддержали идею войны.

Против такого решения единственным оставался думный дьяк Иван Висковатый. Он, правда, в деликатной форме, не смея открыто перечить царю, советовал собранию отказаться от требований Риги и некоторых других ливонских городов. Но позиция Висковатого не получила одобрения и литовским послам было сообщено, что дальнейшие переговоры бесполезны.

Заручившись поддержкой большинства, царь в следующем году снарядил свое посольство в Литву с твердым наказом не заключать никаких перемирий, не только не получив всей Ливонии, но даже и в том случае, если король, согласясь на любые условия, откажется при этом выдать ему Курбского. Летом 1567 года король встретил московских послов в Гродно, но едва те увидели в окружении Сигизмунда князя Курбского,

развернулись и покинули королевскую резиденцию. Встреча прервалась, не успев начаться. После этого обе стороны еще неоднократно сходились для переговоров, но всякий раз безрезультатно. Москва твердо стояла на требовании отдачи ей всех владений бывшего Ордена, занятых сейчас Литвой. Больше того, она не скрывала намерения обратить после этого оружие против датчан и шведов. Такие условия не устраивали короля, несмотря на его искреннее желание мира. Продолжение войны сделалось неизбежным, и в октябре Сигизмунд послал русскому царю разметную грамоту, в которой, между прочим, можно прочесть: «Я вижу, что ты хочешь кровопролития; говоря о мире, приводишь полки в движение. Надеюсь, что Господь благословит мое оружие в защите необходимой и справедливой». Верхом Иванова варварства стало то, что тогда же, по прочтении королевской грамоты, он велел бросить привезшего ее литовского посланника в тюрьму.

После случая с Андреем Курбским польский король в борьбе с Иваном Грозным кроме пружек и посольских грамот стал широко использовать еще одно средство — подстрекательство к побегу на свою сторону русских воевод. В 1567 году такое предложение от короля получили четверо выдающихся русских военачальников: Бельский, Мстиславский, Воротынский и Федоров. Все четверо, боясь подвоха, сразу заявили о случившемся царю и заверили того в своей преданности. Но история помнит и примеры, когда получатели подобных приглашений, будучи уверенными в том, что это не происки Ивановых агентов, скрывали такие факты от царя, оставляя за собой возможность побега, а нередко и прибегали к последнему. Но вернемся к переписке короля с самим Грозным.

В цитируемом нами последнем письме Сигизмунда король не зря выговаривал Ивану о движении русских войск. В ту осень московские воеводы действительно следовали с крупными силами из районов Смоленска и Вязьмы в сторону литовской границы, так что могло показаться, будто затевается серьезная военная акция. Но ничего серьезного не произошло. Остановившись на московско-литовском рубеже, заложив там несколько новых острогов и поставив в них гарнизоны, войска повернули назад. В следующем году такую же невыразительную демонстрацию сил провела литовская сторона. Собрав до 60 тысяч войска, король дошел до границ со Смоленской областью, где повоевал несколько приграничных сел. В начале 1568 года гетман Ходкевич осадил крепость Улу, но, не добившись успеха, через три недели снял осаду, после чего военная активность Литвы снова сошла на нет. Мира не было, но и война по-настоящему не желала разгораться. Результатом такого осторожного приграничного прошупывания друг друга стала новая попытка короля возобновить переговоры. В самом конце 1568 года в Москву снова прибыл гонец от литовского короля с просьбой опасной грамоты для послов. Интересно, что на этот раз, обращаясь через гонца к Ивану Васильевичу, Сигизмунд впервые назвал его царем. Опасная грамота была выдана, но вместо послов в Москву в начале 1569 года вдруг пришла весть, что

литовцы неожиданным нападением захватили русский город Изборск и пленили тамошнего воеводу. Царь повелел немедленно отбить у врага город, что и было исполнено, но сама такая враждебная акция чуть не сорвала готовившиеся переговоры.

В то же время неожиданно обострилась обстановка на юге, но на этот раз дело не ограничилось участием в нем только крымской стороны. В восточные интересы Москвы вмешалась Турция. Как выяснилось позже, все предыдущие годы, начиная с астраханского завоевания, Османская империя, не признавшая присоединения Астрахани к России, готовилась к ответной акции против Москвы. Стратегическое положение Астрахани для турок было важнее, чем Казани. Через Астрахань и далее через Каспий лежал водный путь во враждебную для Турции Персию.

Весной 1569 года турецкий экспедиционный корпус в составе 15 тысяч человек начал свой поход от турецкой крепости Азов, что в самых низовьях Дона вверх по реке. Пехота с артиллерией двигались на судах, конница шла берегом. За турками выступили их вечные союзники — крымские татары. В пути следования к последним примкнули орды ногайцев и черкесов.

Подойдя к месту, где Дон ближе всего сходится с Волгой, командование союзной турецко-татарской армии предприняло отчаянную попытку прокопать между обеими реками канал и провести по нему свою флотилию с войсками и вооружением. Попытка оказалась тщетной, что и предопределило неуспех всего предприятия. Перетащить волоком до волжского берега суда и тяжелые орудия было не под силу, после чего в лагере союзных войск приняли решение отправить суда с тяжелой артиллерией обратно к Азову. Турецко-татарская армия вышла к Астрахани, имея лишь несколько легких полевых орудий, а потому обстрел крепости не дал противнику положительного эффекта. В результате после двух недель бесполезного топтания под стенами Астрахани противник снял осаду и отступил.

Тем временем готовы были возобновиться очередные переговоры с Литвой.

Литовские послы прибыли в Москву в следующем 1570 году, но к этому времени произошло воистину эпохальное событие, имевшее важное значение не только для той эпохи, но и на будущее.

Наши отечественные историки особенно подчеркивают, что правление Сигизмунда-Августа отмечено тремя знаменательными событиями. Во-первых, войной с Москвой и, как следствие, разделом Ливонского Ордена в пользу Литвы, во-вторых, наступлением реформации и успехами протестантизма и, наконец, в-третьих, Люблинской унией, окончательно завершившей объединение Польши и Литвы в одно общее государственное образование. Но если первые два остались событиями текущего дня, то последнее во многом предопределило судьбу нескольких последующих поколений, как самих поляков и литовцев, так и их соседей. Во всю мощь влияние этого события сказалось на дальнейшей истории Московского государства.

Мы видели, что где-то с середины 60-х годов война на западе, запомнившаяся по грому сражений первых ее лет, вдруг стихла и далее потекла вяло, скучно и как бы нехотя. После блестящей победы над Полоцком в 1563 году и поражения Шуйского под Оршей в 1564 у обеих сторон спал воинственный пыл и опустили руки. И если не знакомиться с общей историей как России, так и Литвы и не знать того, что тогда творилось вдали от театра военных действий, ограничивая свой интерес сугубо батальными событиями, то действительно может создаться впечатление полного уныния, вдруг охватившего обоих противников. Причем впечатление это не изменится, если еще принять во внимание и дипломатические потуги обеих сторон, отличавшиеся, как мы видели, все той же пассивностью и больше напоминавшие проволочку времени. Но впечатление это обманчиво. И в этом легко будет убедиться, если посмотреть на как никогда в те годы оживленную внутривнутриполитическую жизнь, буквально бушевавшую тогда по обе стороны московско-литовской границы. И, наверное, именно потому и притихли военные страсти, ибо каждой из сторон оказалось не под силу, окунувшись в стихию внутренних забот, продолжать активные боевые действия. Оттого-то каждая и стремилась тянуть время в бесконечных посольских переговорах. Но насколько различными были цели устремлений каждой из сторон в своей внутренней политике, а еще более различались между собой способы их достижения!

Формально цели были вроде бы одинаковы. И там и там правители держав-соперниц стремились к усилению государственности. Но безумная политика Грозного привела к результату, обратному поставленной цели.

Мы не случайно, как это может показаться, вдруг перешли от внешней политики Грозного, от Ливонской войны к несколько иной стороне деятельности Ивана IV. Но, называя причины смены победной эпохи на полосу неудач, приводя те или иные доводы, обусловившие такую смену, нельзя обойти стороной внутреннюю политику русского царя, которая не могла не сказаться на внешних успехах. Кровавый, бессмысленный террор внутри страны неуклонно вел Россию к тяжелому поражению на фронте. Это, конечно, не единственная причина военных неудач, но одна из них, ведь именно начало этих неудач совпало с резкой переменой во внутренней политике Грозного.

Вторая половина 60-х годов стала пиком безумств русского царя, именно этот период времени предопределил расстройство государственного механизма, разруху, получившую в нашей истории название «великого разорения», тяжелое поражение в войне и заложил основы самого страшного явления нашей истории, известного как Смута. Результаты деятельности литовского правителя диаметрально противоположны. Достаточно сказать, что через четверть века после окончания Ливонской войны, то есть во время Смуты, когда Московское государство встанет на грань исчезновения с политической карты, объединенное Польско-Литовское государство чуть не поглотит его. И такой дисбаланс сил

сложится именно благодаря основам, заложенным каждым монархом под свое государство во второй половине 60-х годов XVI века.

Внутригосударственная деятельность царя Ивана в эти годы нашему соотечественнику известна. Но мало кто у нас знает, что эти же годы для польско-литовского короля стали временем самых напряженных усилий и острой внутривосточной борьбы за окончательное объединение Литвы с Польшей. Причем борьбы, несмотря на весь ее накал и противоборство, как отдельных лиц, так и целых партий и группировок, бескровной, без привлечения к арсеналу средств таких свойственных нашему отечеству атрибутов, как плаха и виселица.

Внутреннее состояние Польско-Литовского королевства в последние годы жизни последнего Ягеллона в плане взглядов на политическое единение можно передать словами историка Иловайского:

«По мере того как бездетный Сигизмунд-Август приближался к старости и ясно становилось, что вместе с ним должна угаснуть литовско-польская династия Ягеллонов, все более и более выдвигался тревожный вопрос о дальнейшей судьбе единения Польши с Литвой. Начиная с Казимира IV, Литва и Польша фактически уже более ста лет имели одного государя, за исключением короткого промежутка (при Яне Альбрехте и Александре). В особенности два такие продолжительные царствования, как Казимира IV и Сигизмунда I, много содействовали тесному сближению обеих половин соединенного государства или, вернее, подчинению литовско-русских земель польскому влиянию. Сигизмунд I еще при жизни своей короновал своего сына и великим князем Литвы, и королем Польши, чтобы обеспечить ему наследование в обеих странах и вместе упрочить их политическое единство. Это единство, доказав на деле свою пользу в случаях борьбы с сильными соседями, составляло теперь насущную и взаимную потребность обеих стран. Но отношения их к вопросу о самой форме единства были различны. Меж тем как литовские чины довольствовались одним внешним союзом или чисто личной унией, т. е. совмещением обеих корон на одной голове, и старались удержать свою самостоятельность во внутренних делах, поляки, наоборот, стремились к полному слиянию обеих стран в одно государственное тело с общими правами и учреждениями. В сущности, они стремились к господству в обширных и благодатных литовско-русских землях. Отсюда в царствование последнего Ягеллона происходит любопытная и деятельная борьба, исход которой, впрочем, не трудно было предвидеть, если с одной стороны взять в расчет замечательное единодушие поляков в этом деле, а с другой — отсутствие единодушия между чинами собственно литовскими и западно-русскими и недостаток политического центра, около которого они могли бы сосредоточиться. Сама Ягеллоновская династия опоячалась и еще ранее склоняла решение вопроса в польскую сторону; а теперь в лице своего последнего представителя явно стала на ту же сторону, чем дала ей решительный перевес. Наконец, ничем не огражденное географическое положение Литовско-Русского государства,

между Польшей и надвигавшейся с востока Москвой, заставляло его возможно скорее и теснее примкнуть к первой, чтобы опереться на нее в борьбе со второй».

Все, что связано с подготовкой исторического Люблинского сейма, призванного объединить Польшу с Литвой в одно целое, есть тема отдельного обширного исследования, выходящего за рамки нашей работы. Скажем только, что в этом направлении состарившийся Сигизмунд проявил удивительную напористость, истратив весь остаток жизненных сил, и старания его не пропали даром. Этим объясняется все: и спад военной активности, и проволочка переговоров с Москвой, и неопределенность отношений со Швецией, когда Литва безучастно смотрела на захват шведами северной части Ливонии. Наконец, в декабре 1568 года в Люблине собрался сейм, которому было суждено поставить точку в затянувшемся процессе. Но если мы сказали, что только подготовка к нему может послужить отдельным сюжетом для исторического повествования, то в еще большей степени это относится к проведению самого сейма. Коротко о нем рассказать нельзя, а повествовать подробно значило бы создавать отдельный фундаментальный труд. А потому отметим лишь, что его работа длилась более восьми месяцев, накал страстей нередко выплескивался наружу, сейм неоднократно прерывался, часть делегаций покидала его, отчего кворум терялся, и работа останавливалась, затем делегации снова возвращались, и работа возобновлялась. Ну и, конечно, нельзя не отметить выдающуюся роль короля Сигизмунда-Августа, последнего из Ягеллонов, довершившего дело польско-литовской унии, заботами и стараниями которого стало возможным реальное сотворение новой, довольно мощной державы — Речи Посполитой, сыгравшей заметную роль в истории Восточной Европы.

С создания объединенного польско-литовского государства в отношениях с западным соседом можно вести новый отсчет времени. Наметившийся к середине 60-х годов дисбаланс сил теперь еще более становился не в пользу Москвы. Равновесие нарушилось, и чаша весов в застарелом противостоянии все более начинала склоняться в сторону противника.

Послушаем на этот счет мнение историка Р. Ю. Виппера:

«В шестидесятых годах Иван IV был наверху могущества. Он владел выходом к морю и восточной половиной Ливонии, обеспечив себе торговую и военную дорогу по Западной Двине. Высоко стоит его военно-организационная слава и популярность. Но за этим подъемом московской военной монархии следует жестокий удар. Сигизмунду II удастся поднять против Грозного старого врага Москвы, крымского хана. В 1571 г. степной вихрь налетел на Великороссию, угрожая вместе с пожаром Москвы испепелить всю державу».

И далее известный ученый указывает на причины былых успехов Московской державы, равно как и на причины того, почему на рубеже 60-х — 70-х годов эти успехи сошли на нет, и им на смену пришли поражения:

«Крупные успехи, одержанные Иваном IV в 60-х годах в Ливонии, развитие сношений с Западом, начало русской внешней торговли — все это было достигнуто в значительной мере благодаря выгодному международному положению Москвы. Между двумя скандинавскими державами, имевшими притязания на Балтику, Данией и Швецией происходила в 1563–1570 гг. ожесточенная борьба, которая отвлекала их силы и внимание от Ливонии. В то же время удавалось оберегать Москву от фланговых ударов со стороны беспокойного южного соседа, крымцев. Внешняя политика польско-литовского государства была парализована предстоящим концом династии Ягеллонов, скреплявшей три столь различные страны и народности, как Польша, Литва и западная Русь.

К концу 60-х годов это выгодное для Москвы положение прекратилось. В Швеции свержение Эрика XIV (1568) и вступление его брата Юхана III, женатого на Ягеллонке, сестре Сигизмунда II, наметило союз скандинавского государства с Польшей. Вместе с тем окончилась семилетняя война, сковывавшая Швецию. С Юхана III начинается ряд предприимчивых королей, которые сумели использовать воинственный пыл шведского дворянства и поднять незначительное государство на степень первоклассной европейской державы. Так на севере вырастает неожиданно противник, запирающий Москве морские выходы, противник странный, который не мог взять сам промышленной и торговой выгоды, ибо не имел индустрии и не занимался транзитом, но который с успехом исполнял роль тормоза в отношении Москвы, задерживая столь опасный в глазах Польши и Германии культурный рост многочисленного и способного народа русского.

Другой ряд неудач для Москвы наметился благодаря искусной политике последнего Ягеллона. Сигизмунду II удалось победить предубеждения литовского и западно-русского шляхетства против унии с Польшей, и решение люблинского сейма 1569 г. предотвратило опасность отторжения Литвы. Затем Сигизмунд сумел расстроить в Крыму московское влияние и направить хана на поход к Москве 1571 г., который оказался полной неожиданностью для Ивана IV и закончился жестоким разорением замосковского края

Эти удары судьбы отразились на внутренних делах Московского государства в виде тяжелого кризиса 1570–1571 гг. Для нас в нем много неясного...».

Трудно согласиться с тем, что в разразившемся с начала 70-х годов в Московском государстве тяжелом кризисе что-то неясно. Как раз в нем нам все должно быть ясно, но причина непонимания его известным историком в том, что, отмечая начало полосы неудач, указывая на условия ее породившие, ученый строго ограничивает свое объяснение этих явлений только внешними факторами и не замечает внутренних. Невыгодно сложившуюся расстановку сил на международной арене он объясняет исключительно случайными обстоятельствами, не упоминая о просчетах московской дипломатии и о непродуманных действиях

правительства русского царя. И, конечно же, говоря о начале мрачных страниц Иванова царствования, историк старается обойти стороной безумную внутреннюю политику тех лет, вылившуюся в бессмысленный кровавый террор против своего народа. А если ученый где и касается этой политики, поскольку совсем про нее в силу ее размаха забыть нельзя, то пытается рассказать о ней по возможности оправдательно, со ссылками все на тех же пресловутых изменников. Здесь Виппер путает причину со следствием, тогда как на самом деле не резко изменившаяся внешнеполитическая обстановка привела к глубокому внутривнутриполитическому кризису, о чем толкует ученый, а как раз наоборот, внутривнутриполитический кризис привел к обострению внешнеполитической обстановки. А вот кризис внутри страны стал результатом деятельности Грозного безо всяких внешних воздействий.

Выше мы подчеркивали, что затишье на фронте обе воюющие стороны старались максимально использовать для решения своих внутренних проблем, и рассказали об успехе на этом поприще западного соседа, успехе, выразившемся в объединении двух соседних держав. Чем же на внутривнутриполитические успехи своего противника ответил русский царь? В чем состояла забота Грозного об укреплении своей державы и каковы ее результаты?

Мы не станем передавать все детали внутренней политики Ивана IV. Наша задача постараться дать беспристрастную картину Ливонской войны как одного из событий царствования Грозного, пусть даже события самого продолжительного по времени из всех остальных. Но именно поэтому мы не можем пройти мимо тех аспектов деятельности царя, что оказали прямое и непосредственное влияние на ход войны и ее результаты. Таких аспектов можно было бы привести много, но мы остановимся только на одном «подвиге» русского царя. Это злодейство стало верхом всех его чудовищных преступлений, пиком его безумств, раздвинувшим все до того возможно мыслимые границы самого что ни на есть жесточайшего и бессмысленного террора. И недаром все апологеты Ивана Грозного не упоминают об этом факте, как будто его никогда и не было. Это и понятно, ибо все другие чудовищные и бессмысленные злодеяния царя, которые хоть и нельзя оправдать, то, по меньшей мере, пустив в оборот словесную казуистику и вооружившись взглядами, в основе которых лежит предвзятость подхода, можно как-то, на уровне детского лепета, объяснить или на что-то списать. Но это чудовищное преступление Грозного не могут объяснить даже самые изошренные и поднаторевшие в полемическом смысле оправдатели Ивановых безумств. Больше того, никто из них не может найти зарубежного аналога этому преступлению русского царя. И чудовищность этого преступления нисколько не умалится от того, если мы примем на веру самое минимальное число его жертв из всех сообщаемых нам об этом источниками, со всеми поправками историков позднейших времен и их ссылками на недостоверность летописей и склонность к завышению количественных оценок.

Читатель уже давно догадался, что речь идет о тверском, новгородском и псковском погромах в зиму 1569–70 года.

Представим себе картину. Заканчивается 1569 год, год исторической Люблинской унии, окончательно соединившей Польшу и Литву в одно государственное тело и тем самым во многом предопределившей успех России в Ливонском противостоянии. Двенадцатый год продолжается война на западе, где уже давно спала наступательная активность русской стороны, а теперь, после соединения Польши с Литвой и готовности встать на их сторону Швеции, что вскоре и случится, Москва начнет неуклонно уступать все свои прежние завоевания в Прибалтике. Как никогда тревожно на южном степном рубеже. Не проходит и года без того, чтобы хан не прошупывал на прочность русскую границу, а потому напряженность здесь не спадает. Война на западе поглощает все ресурсы, не оставляя таковых для прикрытия южного рубежа. Через полтора года это закончится практически беспрепятственным походом Девлет-Гирея в центральные районы государства, сожжением Москвы и неисчислимыми жертвами мирного населения. Но это будет еще только через полтора года, а сейчас, в первых числах декабря 1569 года, русская земля становится свидетелем большого похода своего воинства, в очередной раз возглавляемого царем. Крупные контингенты войск выступают из Москвы и из ее предместий, главным образом из Александровой слободы, где тогда, в годы опричнины, располагалась резиденция русского царя, и двигаются на северо-запад. По всему видно, что затевается крупная военная кампания; особую торжественность и значимость походу придает тот факт, что во главе войск вновь встал государь, а направление их движения подсказывает, что новая военная акция готовится на западном фронте. Но русские люди ошибаются в своих предположениях. Затеянное царем на этот раз не укладывается в умах ни современников тех событий, ни привыкшего здраво размышлять сегодняшнего человека.

Для рассказа о происходившем далее предоставим слово Н. М. Карамзину. Историк, ссылаясь на летописи, повествует нам, как царь «миновал Москву и пришел в Клин, первый город бывшего Тверского великого княжения. Думая, вероятно, что все жители сей области, покоренной его дедом, суть тайные враги самодержавия, Иоанн велел смертоносному легиону своему начать войну, убийства, грабежи там, где никто не мыслил о неприятеле, никто не знал вины за собою; где мирные подданные встречали государя как отца и защитника. Дома, улицы наполнились трупами; не щадили ни жен, ни младенцев. От Клина до Городни и далее истребители шли с обнаженными мечами, обагрив их кровью бедных жителей до самой Твери... Иоанн не хотел въехать в Тверь и пять дней жил в одном из ближайших монастырей, между тем как сонмы неистовых воинов грабили сей город, начав с духовенства и не оставив ни одного дома целого, брали легкое, драгоценное; жгли, чего не могли взять с собою; людей мучили, убивали, вешали в забаву; одним словом, напомнили несчастным тверитянам ужасы 1327 года, когда жестокая

месть хана Узбека совершалась над их предками. Многие литовские пленники, заключенные в тамошних темницах, были изрублены или утоплены в прорубях Волги: Иоанн смотрел на сие душегубство! — Оставив наконец дымящуюся кровью Тверь, он также свирепствовал в Медном, в Торжке, где в одной башне сидели крымские, в другой ливонские пленники, окованные цепями: их умертвили... Вышний Волочек и все места до Ильменя были опустошены огнем и мечом. Всякого, кто встречался на дороге, убивали, для того, что поход Иоаннов долженствовал быть *тайною* для России!»

В первых числах января 1570 года славное победоносное российское воинство, возглавляемое царем Иваном, развивая блестящую наступательную операцию, достигло Новгорода Великого. Для рассказа о том, что произошло здесь, передадим слово другому отечественному ученому, историку С. М. Соловьеву.

«2 января 1570 года явился в Новгород передовой отряд царской дружины, которому велено было устроить крепкие заставы вокруг всего города, чтоб ни один человек не убежал; бояре и дети боярские из того же передового полка бросились на подгородные монастыри, запечатали монастырские казны; игуменов и монахов, числом более 5000, взяли в Новгород и поставили на правеж до государева приезда; другие дети боярские собрали ото всех новгородских церквей священников и дьяконов и отдали их на соблюдение приставам, по десяти человек каждому приставу; их держали в железных оковах и каждый день с утра до вечера били на правеже, правили по 20 рублей; подцерковные и домовные палаты у всех приходских церквей и кладовые именитых людей были перепечатаны; гостей, приказных и торговых людей перехватывали и отдали приставам, дома, имущество их были опечатаны, жен и детей держали под стражею. 6 числа приехал сам царь с сыном Иваном, со всем двором и 1500 стрельцами, стал на торговой стороне, на Городище. На другой день вышло первое повеление: игуменов и монахов, которые стояли на правеже, бить палками до смерти и трупы развозить по монастырям для погребения. На третий день, в воскресенье, Иоанн отправился в кремль к св. Софии к обедне; на Волховском мосту встретил его, по обычаю, владыка Пимен и хотел осенить крестом; но царь ко кресту не подошел и сказал архиепископу: «Ты, злочестивый, держишь в руке не крест животворящий, а оружие и этим оружием хочешь уязвить наше сердце: с своими единомышленниками, здешними горожанами, хочешь нашу отчину, этот великий богоспасаемый Новгород, предать иноплеменникам, литовскому королю Сигизмунду-Августу; с этих пор ты не пастырь и не учитель, но волк, хищник, губитель, изменник, нашей царственной багрянице и венцу досадитель». Проговоривши это, царь велел Пимену идти с крестом в Софийский собор и служить обедню, у которой был сам со всеми своими, после обедни пошел к архиепископу в Столовую палату обедать, сел за стол, начал есть и вдруг дал знак своим князьям и боярам, по обычаю, страшным криком; по этому знаку начали грабить казну

архиепископа и весь его двор, бояр и слуг его перехватили, самого владыку, ограбив, отдали под стражу, давали ему на корм ежедневно по две деньги. Дворецкий Лев Салтыков и духовник протопоп Евстафий с боярами пошли в Софийский собор, забрали там ризницу и все церковные вещи, то же было сделано по всем церквам и монастырям. Между тем Иоанн с сыном отправился из архиепископского дома к себе на Городище, где начался суд: к нему приводили новгородцев, содержавшихся под стражею, и пытали, жгли их какою-то «составною мудростию огненною», которую летописец называет *поджаром*; обвиненных привязывали к саням, волокли к Волховскому мосту и оттуда бросали в реку; жен и детей их бросали туда же с высокого моста, связавши им руки и ноги, младенцев, привязавши к матерям; чтоб никто не мог спастись, дети боярские и стрельцы ездили на маленьких лодках по Волхову с рогатинами, копьями, баграми, топорами и, кто всплывает наверх, того прихватывали баграми, кололи рогатинами и копьями и погружали в глубину; так делалось каждый день в продолжении пяти недель. По окончании суда и расправы Иоанн начал ездить около Новгорода по монастырям и там приказывал грабить кельи, служебные дома, жечь в житницах и на скирдах хлеб, бить скот; приехавши из монастырей, велел по всему Новгороду, по торговым рядам и улицам товары грабить, амбары, лавки рассекать и до основания рассыпать; потом начал ездить по посадам, велел грабить все дома, всех жителей, без исключения, дворы и хоромы ломать, окна и ворота высекать; в то же время вооруженные толпы отправлены были во все четыре стороны, в пятины, по станам и волостям, верст за 200 и за 250, с приказанием везде пустошить и грабить. Весь этот разгром продолжался шесть недель. Наконец 13 февраля утром государь велел выбрать из каждой улицы по лучшему человеку и поставить перед собой. Они стали перед ним с трепетом, изможденные, унылые, как мертвецы, но царь взглянул на них милостивым и кротким оком и сказал: «Жители Великого Новгорода, оставшиеся в живых! Молите Господа Бога, пречистую его мать и всех святых о нашем благочестивом царском державстве, о детях моих благоверных, царевичах Иване и Федоре, о всем нашем христоролюбивом воинстве, чтоб Господь Бог даровал нам победу и одоление на всех видимых и невидимых врагов, а судит Бог общему изменнику моему и вашему, владыке Пимену, его злым советникам и единомышленникам: вся эта кровь взыщется на них, изменниках...» В тот же день Иоанн выехал из Новгорода по дороге в Псков».

Здесь особенно хочется обратить внимание читателя на речь Ивана, обращенную к оставшимся в живых новгородцам. Сколько лицемерия и низиизма в словах царя!

Не следует думать, что для описания тех событий автор настоящего повествования специально подбирает цитаты из работ историков, наиболее негативно оценивающих личность царя Ивана. Отнюдь нет. В таком же ключе строится рассказ и у всех других отечественных ученых, а все, относящиеся более или менее позитивно к деятельности Грозного,

просто предпочитают не упоминать об этом факте нашей истории. Что же касается, например, Костомарова, то у него эти события нарисованы в еще более мрачных тонах и звучат еще более трагично. Не составляют исключения и многие исследователи советской эпохи. Картину, подобную той, что мы представили выше, рисует самый известный историк последних десятилетий XX века и начала века нынешнего вплоть до наших дней Р.Г. Скрынников.

Единственно, в чем не согласуется картина новгородского погрома в изображении представителей исторической науки с той, что приводится летописными источниками, так это в количестве жертв.

Дело в том, что к количественным оценкам, взятым из древних источников, следует относиться крайне осторожно. Это равно касается литературных актов всех возможных типов, будь то летописи, воспоминания современников, другого рода письменные документы и т. п. Давно известно, и на это делают акцент буквально все деятели исторической науки, что всем таким источникам свойственно завышать количественные оценки, относящиеся к тем или иным событиям прошлого. Поэтому на страницах своих научных трудов известные наши историки, приводя выдержки из летописей или других древних актов, содержащие количественные данные, неизменно подвергают их сомнениям или даже прямо говорят об их ошибочности, давая при этом свои цифры, основанные на научном исследовании и логическом рассуждении. Так вот, рассказывая о новгородском погроме Грозного 1570 года, разные источники, от летописей до сохранившихся письменных воспоминаний современников, утверждают, что число жертв того страшного события простиралось от 20 до 60 тысяч, но наши отечественные историки не просто ставят эти числа под большое сомнение, но и просто отвергают их. Данные действительно несуразные, поскольку во всем Новгороде тогда проживало около 25–30 тысяч, и тот же Скрынников, говоря о числе жертв Новгородского погрома, приводит число погибших от рук палачей в три тысячи человек. Несуразен и тот факт, что палачи разъезжали по Волхову в лодках и копьями и баграми топили тех, кому удавалось всплыть. Это в январе-то месяце на севере русской земли. Вероятно, что убийство свершалось в полыньях и в прорубях, где счет жертв мог идти на десятки, самое большее на сотни человек в день, отсюда число в три тысячи погибших при новгородском погроме, о чем утверждает Скрынников, наиболее достоверно. А поскольку население города тогда не превышало 30 тысяч, выходит, что убит был каждый десятый, не говоря уже о том, что убит был совершенно безвинно, и этому страшному злодеянию мы не найдем аналога в мировой истории.

Описание новгородского погрома русскими летописцами и историками можно дополнить известиями одного из иностранных участников тех событий, служилого немецкого человека при дворе Ивана Грозного Генриха фон Штадена. Вот что он сообщает в своих дневниках:

«Я был с великим князем в новгородской кампании с одним конем и двумя слугами. Я возвратился в мое имение с сорока девятью конями,

из которых двадцать два были запряжены в сани с добром. Все это я отправил в свой дом в Москве».

Заметим, царев слуга из числа иностранных наемников хвалится тем, что он разжился, разбогател на новгородском погроме.

Итак, из Новгорода Иван повел свое христолюбивое воинство на Псков. Здесь не столько для того, чтобы разнообразить речь новым слогом, сколько для того, чтобы не дать читателю повода заподозрить автора в предвзятости к рассматриваемому предмету, предоставим слово еще одному деятелю нашей отечественной исторической науки Д. И. Иловайскому. Предупредим читателя, что его описание разгрома Твери и Новгорода в общих чертах совпадает с теми, что мы приводили, цитируя Карамзина и Соловьева соответственно.

«Пскову Иван Васильевич готовил участь Новгорода. Но судьба пощадила его, хотя и не вполне. Спасение его летописи объясняют разными причинами. Уже великий звон, раздавшийся посреди ночи и призывавший к заутрене, умилил Иоанна, остановившегося в загородном Николаевском монастыре на Любятове. На следующий день он вступил в город. Тут по совету своего наместника и воеводы князя Юрия Токмакова псковичи при въезде Ивана Васильевича встретили его каждый перед своим домом с накрытыми столами и хлебом-солью, стоя на коленях со всеми своими семьями. Эти знаки преданности и покорности тронули даже Иоанна. Может быть, тиран был уже пресыщен страшными новгородским избиениями и на этот раз оказался доступнее другим чувствам сравнительно с жаждою крови. Встреченный духовенством с печорским игуменом Корнилием во главе, он отслушал молебен в Троицком соборе и поклонился гробу Всеволода Гавриила; причем с любопытством осмотрел его тяжелый меч. А затем выехал из города и расположился в предместье. Во время короткого пребывания своего здесь он ограничился немногими казнями псковичей и грабежом их имущества; так он отобрал себе из монастырей казну, наиболее дорогую утварь... Опричникам своим он позволил грабить самых зажиточных граждан, только священников и монахов запретил трогать. Предание прибавляет, что псковский блаженный человек Никола..., когда царь посетил его келью, будто бы стал угощать его куском сырого мяса; причем укорял его в кровожадности и предсказывая ему самое большое бедствие, если он посягнет на город Псков. Тиран сначала не обратил большого внимания на его слова; но когда он велел снять большой колокол с Троицкого собора, тотчас пал его лучший конь, согласно с предсказанием блаженного; тогда царь ужаснулся и вскоре уехал из Пскова».

А вот взгляд на псковские события Р. Г. Скрынникова. Современный историк не разделяет точку зрения насчет снисходительного отношения Грозного к служителям культа. Он пишет:

«Царь не пощадил Пскова, но всю ярость обрушил на местное духовенство. Печерскому игумену, вышедшему навстречу царю с крестами и иконами, отрубили голову, Псковские церкви были ограблены до

нитки. Опричники сняли с соборов и увезли в слободу колокола, забрали церковную утварь. Перед отъездом царь отдал город опричникам на разграбление. Но опричники не успели завершить начатое дело.

Во времена Грозного ходило немало легенд относительно внезапного прекращения псковского погрома. Участники опричного похода сообщали, будто на улицах Пскова Грозный встретил юродивого, и тот подал ему совет ехать прочь из города, чтобы избежать большого несчастья. Церковники снабдили легенду о царе и юродивом множеством вымышленных подробностей. Блаженный будто бы поучал царя «ужасными словесы еще престати от веляя кровопролития и не дерзнути еще грабити святыя божия церкви». Не слушая юродивого, Иван велел снять колокол с Троицкого собора. В тот же час под царем пал конь. Пророчества Николы стали сбываться. Царь в ужасе бежал.

Полоумный псковский юродивый оказался одним из немногих людей, осмелившихся открыто перечить Грозному. Его слова, возможно, ускорили отъезд опричников: царь Иван был подвержен всем суевериям своего времени. Но пророчества Николы нисколько не помешали антицерковным мероприятиям опричнины. Царь покинул Псков лишь после того, как ограбил до нитки псковское духовенство... По приказу царя опричники устроили псковичам кровавую баню, перебив 220 мужчин с женами и детьми. Царя вполне удовлетворила эта резня, и только поэтому он пощадил прочих жителей Пскова. Из Пскова Грозный уехал в Старицу, а оттуда в Слободу. Карательный поход был окончен.

Кто же был повинен в ужасной трагедии? Об этом даже многие очевидцы и участники событий имели смутное представление».

На последний, поставленный известным современным ученым вопрос нельзя найти ответа, если искать его в области сколько-нибудь объективных, материальных начал. Но именно там его преимущественно и ищут, а потому и не находят.

Грозный царь вообще не предъявлял своим жертвам никаких обвинений, либо, прикрываясь, предъявлял такие, в которые ни он сам, и никто другой не верил. К последней категории относится и обвинение новгородцев в измене. Якобы кто-то донес царю, что Новгород хочет отойти от Москвы и податься в подданство Литвы. Что об этом составлена грамота от имени новгородцев и спрятана в Софийском соборе за иконами. Царь ухватился за этот донос, отправил людей в Новгород искать упомянутую грамоту, и та действительно сыскалась. Она якобы подтверждала, что заговорщики собирались лишить жизни царя Ивана, вместо него возвести на престол в Москве его двоюродного брата, удельного старицкого князя Владимира Андреевича, а Новгород и Псков отдать великому князю Литовскому. Этот донос и сама грамота, если только она была, слишком отвечали умонастроению и всем чаяниям царя Ивана, чтобы он в них не поверил. Может быть, для того, чтобы придать обвинению новгородцев в измене больше правдоподобия, царь не сразу закончил дело. Вот, например, что пишет об этом историк Иловайский:

«Погромом Новгорода дело о мнимой новгородской измене однако не кончилось. Начались усердные розыски о единомышленниках Пимена в самой Москве. Помощию жестоких пыток у разных сановных лиц, обвиненных в измене, вымучены были признания об их намерении отдать Новгород и Псков Литве, извести царя и посадить на престол князя Владимира Андреевича, — обвинения, сами говорящие за себя явную свою нелепостию. Тем не менее все обвиненные осуждены были на казнь, вместе с остатком опальных новгородцев».

Здесь бросается в глаза не просто нелепость и несуразность обвинения, а и неестественное сочетание разноречивых обвинений. Ведь если русские люди хотели избавиться от Грозного и возвести на трон другого, то зачем при этом отдавать литовцам Новгород и Псков? Или наоборот, если псковичи и новгородцы решили отойти со своей землей под власть Литвы, то зачем им убивать русского царя, и какая им в этом случае разница, кто будет сидеть на троне в Москве? Далее, можно себе представить измену и переход на сторону врага отдельных лиц, но как себе вообразить переход на сторону Литвы или какого-то еще государства целых городов вместе с окружающими их волостями?

Даже за сто лет до описываемых событий, то есть во времена удельной независимости новгородской республики, такое было маловероятным. Вспомним, как настаивала на передаче вольного города великому князю литовскому новгородская антимосковская партия во времена княжения Ивана III. Номинально Новгород тогда обладал государственным суверенитетом, управлялся народным вечем, и вече большинством голосов решило перейти под скипетр Литовской державы. С ее правителем об этом был даже заключен договор, который по существовавшим тогда нормам международного права обладал полной юридической силой. И, тем не менее, никакого объединения Новгородской республики с западным соседом тогда не произошло. И вовсе не в силу нерешительности польско-литовского Казимира. Безусловно, характер последнего сыграл свою роль и стал какой-то причиной того, что договор не имел реального воплощения, но не единственной причиной и далеко не главной. Главной причиной стало отсутствие механизма, способного не на бумаге, а на деле объединить два разных народа. Для Москвы задача стояла проще. Там такой механизм существовал, он заключался в духовном единстве этих народов, а потому был запущен в действие уже давно. Да, на последнем этапе объединения великому князю пришлось применить силу и пролить кровь. Но дело даже не в том, что количество пролитой тогда дедом крови не идет ни в какое сравнение с тем, какое спустя сто лет пролил внук. А дело в том, что кровь была пролита *на войне, в боевых действиях*. Оставив в стороне свои политические пристрастия и симпатии к каждой из сторон, мы не можем не признать того, что жертвами тогда стали люди, державшие в руках оружие. Репрессии, учиненные тогда великим князем над побежденными, коснулись не многих, и опять же, количественная оценка здесь не главная. Главное то, что всем репресси-

рованным было предъявлено конкретное обвинение. Спустя сто лет мы видим другую картину, картину истязания безоружного и беззащитного, не знающего за собой никакой вины народа.

Потому-то, не имея даже малейшей возможности дать объяснение карательной экспедиции русского царя в зиму 1569–70 гг., деятели науки из стана приверженцев Грозного просто предпочитают о ней умалчивать. Но вот Р. Ю. Виппер, отношение которого к Грозному в целом нельзя назвать позитивным, тем не менее, допускает возможность измены. Так, пытаясь объяснить природу охватившего страну с начала 70-х годов кризиса, он осторожно, с некоторым сомнением, но все же говорит: «Открыли изменников, которые подготовляли передачу Новгорода и Пскова Литве; открыли других изменников, которые помогли крымцам незаметно подойти к Москве».

Интересно, какие изменники в состоянии передать два огромных по меркам того времени города с окружающими областями из одного государства в другое? Мы уже сказали, что такое не удавалось приверженцам литовской ориентации, а их были не единицы, а судя по некоторым показателям, большинство в вольном городе даже в удельные времена. Но сторонники такой концепции, оправдывая Грозного за его новгородскую экзекуцию и убеждая нас в какой-то пресловутой измене, выразившейся в попытке передать Новгород и Псков врагу, рассказывают об этом так, как будто речь идет не об обширных территориальных владениях, а о предмете, который можно унести в кармане, пусть даже предмете очень дорогим и похищенном из царской казны.

И, наконец, если Новгород и Псков действительно поразила измена, то чем можно объяснить погром Твери?

Ясно, что это либо плод большого воображения русского царя, либо, что еще вероятнее, им самим сочиненная фантазия измены, дабы был повод для кровавой оргии. Зачем? За что?

Эти вопросы могут показаться выходящими из предмета нашего рассмотрения, но это не совсем так. Устроенная внутри своей страны Грозным кровавая бойня не могла не повлиять на ход войны и ее результаты, и это утверждение не нуждается в доказательствах. Но, говоря о следствиях учиненной царем резни, не можем совсем не остановиться и на своем видении причин случившегося, ибо все условия, приведшие в той войне к тяжелому поражению, оказались туго завязанными в один узел. И своей политике, частью которой стал карательный новгородский поход, русский царь не изменил до конца жизни. А потому объединение Литвы с Польшей, создавшее мощное государство, и становление на его сторону Швеции явились не единственной причиной того, почему бороться с таким союзом Москве стало не под силу.

Так что же все-таки побудило Грозного к не имеющей аналогов в мировой истории выходке?

Причина таких устремлений царя хорошо согласуется все с той же его болезненной идеей самодержавной власти, и не только с ревностным

ее охранением, но и мстью за покушение на нее. Пусть даже эта месть запоздалая и направлена на ни в чем не повинных потомков тех, кто действительно когда-то на эту власть покушался. Напомним читателю о том, что история становления Московского государства — это история острой вражды, долгое время определявшей основное содержание отношений между удельными русскими правителями. Но даже на общем кровавом фоне этих отношений своим непримиримым соперничеством выделялась борьба между Москвой и Тверью. Эта тяжелая, зачастую кровавая борьба за первенство, за великое княжение, к которому равно стремились и Москва и Тверь, за старшинство в Рюриковом роде между двумя его ветвями достигла пика еще в первой половине XIV века, хотя полное подчинение удельного Тверского княжества Москве произошло лишь при деде Грозного, великом московском князе Иване III. Иван Грозный знал историю своего государства и своей династии и как прямой потомок московского великокняжеского дома мог носить в себе неприязнь к потомкам соперников своей фамилии. Зная характер царя, его неуравновешенный темперамент и склонность к дурным поступкам, не просто нравственно низким, но и противным здравой логике, можно допустить, что, будучи в состоянии очередного помутнения рассудка, царь мог, как бы нелепо это сейчас ни звучало, взыскать с Твери и со всего бывшего княжества за ее враждебность в отношении предков Грозного. Принимая во внимание внутреннюю сущность царя Ивана IV, анализируя другие его выходки, такая, казалось бы, на первый взгляд несуразность не покажется невероятной.

То же касается и Новгорода. Нет, Новгород никогда не пытался, подобно Твери, к великому княжению и стать выше Москвы; его вражда с Москвою была вызвана иными побуждениями. Богатый торговый город всегда стремился оставаться самостоятельным государственным образованием, независимым от Москвы или еще от кого бы то ни было. По этой причине вражда Новгорода с Москвой имеет более долгую историю, чем московско-тверское противостояние. Достаточно сказать, что тяга новгородцев к самобытности и полной независимости, их борьба против посягательства на эту независимость владими́ро-суздальских князей (предков московских) уходит корнями еще в добатыеву эпоху. Но от этого неприязнь царя Ивана к Новгороду не становилась меньше. Его не могло не раздражать то, что этому городу в совсем еще недавние времена добавляли эпитет «вольный», что там никогда, даже в более древние времена, не было крепкой княжеской власти, и новгородцы всегда могли с необычайной легкостью указать князю дорогу из города. Это прямому-то предку Ивана Васильевича! Город в своих устоях и обычаях не имел монархических начал, и это в особенности терзало больную душу русского царя, считавшего и сами монархические начала, и свое положение в них священными понятиями. Как и Тверское княжество, Новгород попал в подчинение Московского государства при Иване III. Попал в результате ряда тяжелых, полномасштабных и кровопролитных войн.

Ну и опять же, зная русского царя Ивана IV, вполне можно допустить, будто тот посчитал, что все исторические грехи Вольному городу еще не отпущены, и при очередном приступе жажды крови и мучительств сочинил этот карательный поход под видом искоренения измены, а на деле с целью наказания потомков за проступки предков. Повторимся, что все это при всей кажущейся несуразности не противоречит образу мыслей и поступков Грозного.

Так или иначе, древний богатый и цветущий город, чудом уцелевший во время Батыева нашествия, спустя 330 лет после тех событий был в лучших ордынских традициях разграблен и разорен своим царем. Иван IV исправил ошибку Батыева, вернее сказать, довел до конца его дело, устранив недоделки. Тогда в горниле азиатского погрома погибло много русских городов и было уничтожено практически все их население. Новгород остался одним из очень немногих и самым крупным из спасшихся благодаря необъяснимому провидению. Сохранив свой людской потенциал, он стал щитом для Руси от очередной, еще более страшной агрессии, дав истоки новой жизни и новой государственности для русской земли. В середине XVI столетия он был вторым после Москвы по величине и богатству городом государства, намного опережая третий и все остальные. Москва поднялась из небытия и выросла за счет того, что была столицей и в нее стекались основные жизненные силы и материальные ресурсы государства. Новгород процветал и динамично развивался благодаря сохранившемуся в нем с древности и не утраченному при Батыевом погроме Руси жизненному потенциалу. Этот факт негласного соперничества Новгорода с Москвой не мог не тревожить беснующуюся душу русского царя, напоминая ему о былом противостоянии этих городов, равно как мог подтолкнуть Грозного к мысли привести Новгород к уровню, к какому приводил все русские города хан Батый. По свидетельствам современников новгородского разгрома и первых последующих после того события поколений, Новгород опустел, утратил былое значение фактически второй столицы, обеднел, обезлюдел и больше так никогда и не поднялся. Превратившись из крупного административного, религиозного, культурного, экономически развитого центра в третьестепенный город, он таким и остался на все последующие времена.

О негативном влиянии случившегося потрясения на ход войны, когда события на фронте целиком зависят от стабильности тыла, говорить излишне. Трагедия всегда таковой и останется, но данная конкретная трагедия, кроме всего прочего, характерна еще и тем, что она случилась ни где-нибудь, а в прифронтовой полосе, в области, являвшейся базой для ведения военных действий. Новгородская и псковская земли служили плацдармом для наступлений как на Литву, так и на Ливонию. Здесь дислоцировались войска, готовившиеся к очередной кампании, сюда они возвращались после ее проведения на зимние квартиры и проводили время в ожидании следующей вспышки военных действий и в подготовке к очередной военной акции. В Новгороде и Пскове расположили свои

ставки главные русские воеводы, командующие войсками в Ливонской войне. Здесь же при них хранилась войсковая казна. В других городах новгородско-псковского края организовали свои ставки полковые воеводы всех рангов, и обосновалась прочая войсковая администрация. Тут же находились склады с оружием и боеприпасами, сюда на протяжении всей войны нескончаемым потоком из центральных районов страны двигались обозы с продовольствием для войск. Даже во время затишья на фронте жизнь здесь не изменяла военному характеру. Отсюда рассылались отряды для рейдов по вражеской территории с целью разведки и для подрыва продовольственной базы противника, производилась смена гарнизонов в захваченных ливонских крепостях и обеспечивалась поддержка линий коммуникации между ними. В усиленном режиме все эти годы работал новгородский пушечный двор, второй по производительности после московского, а во время войны ставший первым. Край жил по законам военного времени, а что касается конкретно Пскова, пограничного города, который от территории противника отделялся только рекой Великой, то он во все время войны находился по сути дела чуть ли не на осадном положении.

И ничего нет странного в том, что если и раньше военное счастье уже начало отворачиваться от русского оружия, то теперь, после знаменитого опричного похода на Новгород, неудачи, поражения, всякого рода потрясения стали сыпаться на Московскую державу как из рога изобилия.

И вот начиная с тех самых времен российского обывателя хотят убедить в том, что этот край благодаря каким-то изменникам, чьих имен, за исключением имени главы новгородской епархии, архиепископа Пимена, так и не назвали, чуть было не отошел к Литве.

Нет большей нелепости, чем такое объяснение причин царской расправы над своей страной и над своим народом.

Не менее нелепо звучит объяснение успеха похода на Москву крымского хана в 1571 году как результат происков тех же изменников. Вспомним, как у Виппера: «... открыли других изменников, которые помогли крымцам незаметно подойти к Москве».

Интересно все-таки, что это за изменники такие, которым удалось провести через многотверстное пространство более чем стотысячное ханское войско и причем сделать это совершенно незаметно, так что в Кремле об этом узнали, только когда хан вышел к предместьям столицы? Да это не изменники, а какие-то кудесники!

Эта акция случилась на совсем другом театре и была совершена противником, не состоящем в коалиции западных врагов Москвы, но она настолько дополняет собой события войны в Прибалтике, что рассматривать ее вне связи с последней просто невозможно. О крымском нашествии 1571 года, как о неотъемлемой странице Ливонской войны, мы расскажем чуть позже. Сейчас же лишь отметим, что успех того нашествия и полная беспомощность и недееспособность московской оборонительной линии целиком объясняются безумной внутренней политикой русского царя.

Но вернемся на западный театр военных событий.

Чем же там было отмечено противостояние Москвы с врагом в самые первые годы образования Речи Посполитой?

Сразу после завершения исторического Люблинского сейма, в Москву от Сигизмунда прибыли большие послы Николай Тавлош и Ян Кротошевский. После долгих переговоров, сводившихся к скучным территориальным спорам, наконец, было-таки заключено трехлетнее перемирие с условием, что за каждой из сторон на этот срок остается то, чем она на тот момент владеет. После этого для подтверждения таких условий в Литву было снаряжено московское посольство. Из данного ему наказа следовало, что Грозный не столько заботился о перемирии, сколько о впечатлении, произведенном на западе его новгородской резней. Так одна из инструкций послам гласила:

«Если станут говорить: государь ваш в Новгороде, Пскове и Москве много людей казнил, отвечать: разве вам это известно? Если скажут, что известно, то говорить: если вам это известно, то нам нечего вам и рассказывать: о котором лихом деле вы с государскими изменниками лазучеством ссылались, Бог ту измену государю нашему объявил, потому над изменниками так и случилось: нелепо было это и затевать... Если спросят: зачем государь ваш казнил... дьяков, детей боярских и подьячих многих, отвечать: о чем государский изменник Курбский и вы, паны радные, с этими государскими изменниками ссылались, о том Бог нашему государю объявил; потому они и казнены, и кровь их взыщется на тех, которые такие дела лукавством делали, а Новгороду и Пскову за Литвою быть непригоже».

Думается, что нет надобности лишний раз комментировать душевное состояние русского царя, способного в период просветления оценить свои преступления, когда он всеми этими жалкими псевдодипломатическими уловками пытается оправдать содеянное им в глазах соседа. Но при этом он нисколько не убавляет свойственного ему высокомерия, ибо дальше следует наставление, как вести себя послам в случае смерти Сигизмунда, которой ждали тогда со дня на день:

«Если король умер и на его место посадят государя из другого государства, то с ним перемирия не подтверждать, а требовать, чтоб он отправил послов в Москву. А если на королевстве сядет кто-нибудь из панов радных, то послам на двор не ездить; а если силою заставят ехать и велят быть в посольстве, то послам, вошедши в избу, сесть, а поклона и посольства не править, сказать: это наш брат; к такому мы не присланы; государю нашему с холопами, с нашим братом, не приходится через нас, великих послов, ссылаться».

Но беспокойства на этот счет Грозного были напрасными, престарелый король продолжал жить и здравствовать, и достигнутые в Москве условия перемирия были подтверждены и здесь, в Вильно. Может показаться, что русский царь поспешил, упустив в очередной раз возможность получить большее. Ведь его послы доносили тогда из Литвы о большой

тревоге короля за свои владения вплоть до столицы. Вот строки одного из посольских донесений: «Из Вильны все дела король вывез; не прочит себе вперед Вильны, говорит: куда пошел Полоцк, туда и Вильне ехать за ним; Вильна местом и приступом Полоцка не крепче, а московские люди, к чему приступятся, от того не отступятся...».

Но сейчас Москве было не до Вильно, и Грозный с готовностью ухватился за перемирие с Литвой, потому как истекло заключенное еще в 1563 году семилетнее перемирие со Швецией, а на возобновление или продление его перспектив не было. Россия стояла перед фактом открытия военных действий против шведов.

К тому времени у русского царя относительно Ливонии созрел оригинальный план действий. Понимая трудности как овладения ею, так и дальнейшего ее удержания, причем не столько по причине своей экономической, военной или еще какой слабости, сколько ввиду отличия тамошнего народонаселения от московского люда в языке, культуре, вероисповедании и всего образа жизни, он решил сделать из Ливонии вассальное государство с сохранением атрибутов ее кажущейся самостоятельности. Для этого Грозный решил дать Ливонии правителя, близкого ей корня, но который бы оставался марионеткой в руках Москвы. Тогда весь завоеванный ливонский край становился бы по отношению к Москве тем же, чем было Курляндское герцогство по отношению к Литве или к Польше. Сначала Иван обратился с предложением возглавить Ливонию ее бывшему магистру Фирстенбергу, который, как мы помним, уже давно пребывал в московском плену. Бывшему магистру надлежало от имени всех чинов ливонской земли присягнуть на верность московскому государю, признав за ним и его потомками верховную наследственную власть над Ливонией. С этим условием Фирстенберг мог хоть сейчас отправляться на родину и господствовать над нею. Но именитый московский пленник отказался от такой чести, сославшись на верность присяге, данной им некогда Священной Римской империи. Кстати, тотчас же, вслед за этим бывший магистр скончался, так что даже в случае его согласия на предложение русского царя вновь погосподствовать в бывших своих владениях он просто бы не успел.

Но Грозный не оставил своего намерения и по совету двух ливонских пленников Иогана Таубе и Елерта Крузе, с которыми русский царь неожиданно сдружился в последнее время, остановил свой выбор еще на одном бывшем магистре Ордена, Кетлере, который в свое время сменил Фирстенберга и который сейчас был герцогом Курляндским. Но и этот, как и его предшественник, тоже не прельстился на сомнительную перспективу московского вассалитета. Видимо, его больше устраивало зависимое положение от польско-литовского государя, где можно было себя чувствовать более свободным, а главное быть в безопасности от безудержного произвола, находясь при особе московского самодура. Но, потерпев неудачу с обоими бывшими магистрами, царь не успокоился и по совету тех же ливонцев обратился к еще одной кандидатуре — дат-

скому принцу Магнусу, владевшему тогда островом Эзель, и этот дал согласие. В том же 1570 году принц прибыл в Москву, где русский царь торжественно провозгласил его королем Ливонии. Кроме того, Грозный оказал Магнусу особую честь, обручив его со своей двоюродной племянницей, дочерью старицкого князя Владимира Андреевича.

Датский принц принес московскому царю присягу на верность, причем условия присяги до этого состряпал сам Грозный. Конечно, главными из них были условия военного союза, предусматривавшие совместные действия датчан и русских в Ливонии, при этом датские войска принца содержались из кремлевской казны. В августе того же года Магнус вступил в Ливонию с 25-тысячным русским корпусом и отрядом своих войск, но поскольку только что заключенное перемирие с Сигизмундом не позволяло действовать против городов, занятых польскими и литовскими гарнизонами, то принц начал с Северной Эстонии, где уже около десяти лет хозяйничали шведы.

Здесь нам следует пояснить, что за ситуация сложилась к тому времени в русско-шведских отношениях.

Долгое время Ивану Васильевичу удавалось поддерживать дружеский контакт со шведским королем Эриком. Московский царь сумел даже заключить с ним мир в 1563 году, то есть тогда, когда тот захватил Ревель и некоторые другие земли в северной части Ливонии. И это несмотря на то, что Грозный объявил себя собственником всех владений бывшего Ордена. Но этот мир был не прочен, и на него Москва пошла только потому, что в войну за орденское наследство тогда вмешалась Литва, а Грозный даже при всей своей недалёковидности понимал сомнительность перспектив войны против Литвы и Швеции одновременно. Но непрочность этого мира скажется чуть позже, а тогда, в начале 60-х годов, московская сторона оказалась в явном выигрыше. Особенно это стало заметно после того, как Сигизмунд-Август, так же как и Иван IV, объявивший все орденские владения собственностью своей короны, в ответ на занятие шведами Ревеля объявил королю Эрику войну. Но вот позитивно складывавшаяся для Москвы расстановка сил стала меняться. Началось с того, что брат Эрика, финляндский герцог Юхан, женившись тогда же на сестре Сигизмунда-Августа Екатерине, к которой ранее безуспешно сватался Грозный, в войну брата против польско-литовского короля принял сторону последнего. Надо сказать, что Юхан отличался неприкрытым антирусизмом и потому настойчиво советовал Эрику сначала помириться с Сигизмундом, уступить ему все занятые шведами в Ливонии города, а затем совместными силами обрушиться на царя московского. Видя, что король не внемлет его советам, Юхан стал помогать шурина в войне против Эрика, ссужая того деньгами и беря под залог некоторые места в Ливонии. Последнее явилось прямым предательством, поскольку герцогство Финляндское было составной частью шведской короны, а сам Юхан подданным шведского короля. В результате Эрик арестовал брата за государственную измену, заключил в замок и еще

больше сблизился с русским царем, в помощи которого нуждался против Сигизмунда. Дружба с Грозным дошла до того, что шведский король обещал московскому царю Екатерину, жену заключенного брата Юхана. А за это Грозный отказывался в пользу Швеции от Ревеля и всей северной части Ливонии и обещал помогать в войне против Литвы. Правда, позже Иван Васильевич будет оправдывать этот несостоявшийся акт беззакония тем, что он был дезинформирован шведским королем, утверждавшим, что его брат Юхан мертв, следовательно, Екатерина — вдова. И вообще будто бы она ему была нужна не как жена и тем более не как наложница, а лишь как средство добиться от ее брата Сигизмунда-Августа более выгодных условий мира. Интересно, что приводя в свое оправдание этот последний довод, русский царь не замечает низости этого аргумента, как не замечает он гнусности своего желания завладеть сестрой польско-литовского короля с целью использования ее для решения межгосударственных проблем.

К чему бы все это привело неизвестно, но в сентябре 1568 года в Швеции вспыхнуло восстание против короля, закончившееся свержением Эрика и возведением на трон его брата Юхана, всегда враждебно настроенного к Москве, а потому с его воцарением отношение северного соседа к Москве резко переменилось. В несколько дней Швеция из друга превратилась во врага Москвы, и, напротив, прекратилась ее война против польско-литовского союза. Новый король терпеливо дождался окончания семилетнего срока перемирия, заключенного с Грозным его братом, но на продление его московской стороне рассчитывать не приходилось. В следующем за этим событием году, как мы знаем, состоялось окончательное объединение Литвы с Польшей в единый государственный организм — Речь Посполитую и заключение последней военного союза со Швецией против Москвы.

Недружелюбие нового шведского короля проявилось сразу же после его воцарения. Обстоятельства случайно сложились так, что во время восстания против Эрика и его свержения в Стокгольме пребывало посольство русского царя, и первым шагом нового шведского короля было взятие под стражу московских посланников, которых при этом до нитки ограбили. После этого русские дипломаты восемь месяцев провели под арестом и вернулись в Москву только в июле 1569 года. Король не скрывал своего недружелюбия, Грозный царь отвечал тем же. Когда в следующем году Юхан прислал в Москву просить опасной грамоты для своих послов, то грамоту дали, но по приезде в 1570 году шведских послов их первым делом ограбили, как некогда московских в Стокгольме, объявив:

«Юхан-король присылал к царю и великому князю бить челом, чтоб велел государь дать опасную грамоту на его послов и велел своим новгородским наместникам с ним мир и соседство учинить по прежним обычаям. По этой грамоте царь и великий князь к Юхану-королю писал и опасную грамоту ему послал. Но Юхан-король, не рассмотря той отписки и опасной государевой грамоты, прислал послов своих с бездельем

не по опасной грамоте. Юхан пишет, чтоб заключить с ним мир на тех же условиях, как царское величество пожаловал было брата его, Эрика-короля, принял в dokonчание для сестры польского короля Екатерины. Если Юхан-король и теперь польского короля сестру, Екатерину-королевну, к царскому величеству пришлет, то государь и с ним заключит мир по тому приговору, как делалось с Эриком-королем: с вами о королевне Екатерине приказ есть ли?»

Если и прежними своими речами и наказами русский царь достаточно показывал свою сущность, то этой последней он просто превзошел самого себя. Заметим, что он согласен заключить мир с новым шведским королем на условиях, которые обговаривались с его предшественником, и среди прочих снова звучит условие присылки царю сестры польского короля. При этом Грозным игнорируется тот факт, что речь сейчас идет уже не просто о сестре Сигизмунда, а о жене самого Юхана, шведской королеве. И условие это выставляется не кому-то, а самому королю Юхану, мужу Екатерины, с которым московский самодур заводит торг на предмет его жены. Не удивительно, что на такие поползновения русского государя послы отвечали:

«Мы о Юхановой присылке не знаем, что он к царю писал; а приехали мы от своего государя не браниться, приехали мы с тем, чтоб государю нашему с царем мир и соседство сделать, и, что с нами государь наш наказал, то мы и говорим».

На том переговоры и завершились. С дипмиссией в Москве обошлись так же, как за два года до этого обошлись с московскими дипломатами в Стокгольме. Посольство отправили в заключение в Муром. Иван уже не хотел мира еще и потому, что к этому времени ему, как показалось, наконец, удалось решить проблему с ливонским вассалитетом. В Москву явился Магнус, готовый к ливонской кампании против шведов.

Итак, в августе 1570 года во главе русского войска, разбавленного небольшим числом своих датчан, Магнус вторгся в Северную Ливонию. Первой целью предприятия был находившийся в шведских руках Ревель. После того как ревельцы категорически отвергли предложение нового ливонского правителя открыть ворота и сдать город, датский принц решил на осаду. Она продолжалась тридцать недель и стала демонстрацией полной беспомощности как московского войска, так и его датского предводителя. Ревель оказался первоклассной крепостью, а осаждавшие были незнакомы даже с азами осадного искусства. Мы помним, с каким трудом давалось московскому оружию овладение немецкими крепостями в центральной Ливонии. Но Ревель оказался орешком крепче других ливонских твердынь. Здесь московская артиллерия, перед которой в свое время не устояли Нарва, Нейгауз, Дерпт и Феллин, оказалась бессильной. Русские бомбардиры не смогли причинить сколько-нибудь существенного вреда городу, напротив, крепостная артиллерия за все время осады ни на минуту не оставляла в покое лагерь осаждавших. Кроме всего прочего, гарнизон осажденной крепости являл из себя на этот раз иного противника.

Вместо разложившегося, давно отжившего Ордена, который ничего не мог противопоставить московскому могуществу кроме энтузиазма, воинственного запала и рыцарского фанатизма переживших свой век нескольких отдельных комендоров, под стенами Ревеля русское воинство столкнулось с военной машиной набиравшей силу шведской монархии. Не последнюю роль в неуспехе московской стороны под Ревелем сыграло отсутствие у нее флота, отчего стала невозможной полная блокада города. За все время кампании шведские корабли беспрепятственно заходили на ревельский рейд, доставляя все необходимое для обороны и нормальной жизни города, начиная с продовольствия и заканчивая боеприпасами и живой воинской силой. Магнус знал об этом преимуществе противника, но, приступая к осаде, он рассчитывал на то, что его родная Дания не откажет ему в помощи и пришлет к Ревелю в поддержку его воинства свой флот. Но Дания осталась глуха к просьбам принца, и тогда, поняв бессмысленность дальнейшей осады, Магнус в марте 1571 года, сняв лагерь, отступил от города. Ревельская неудача стала досадной еще и потому, что приступая к кампании, русская сторона, непонятно почему, надеялась на быстрый и легкий успех.

Удрученный неудачей, боясь царского гнева, несостоявшийся ливонский правитель удалился к себе на остров Эзель, но, как ни странно, Грозный не проявил неудовольствия от провала предприятия. Он спешил заверить Магнуса в своем прежнем расположении к нему, просил забыть про случившееся, сожалел о безвременной кончине своей родственницы, невесты датского принца и обещал помолвить того с другой своей племянницей, младшей сестрой умершей. Но главным в увещаниях русского царя была надежда на продолжение затеянного. Грозный не отказался от мысли о создании в Ливонии вассального от Москвы государства. Он понимал, что это наиболее реальный путь овладения краем, а потому по-прежнему делал на Магнуса свою ставку.

А для нас Ревельская кампания памятна еще и тем, что с нее начинается новая страница в истории Ливонской войны. Под стенами Ревеля на тринадцатом году военных действий на западе Москва бросила вызов Швеции, пополнив тем самым ряд своих противников. И если уже и раньше, сразу после прихода к власти нового шведского короля, по причине его родства с польско-литовским королем отношения с северным соседом перестали быть дружескими, то теперь, после ревельской акции, Швеция делается союзником Речи Посполитой и открытым врагом Москвы.

Глава 8

Еще один
старый соперник

Если говорить о давности контактов Руси со Швецией, то тут надо понимать контакты с последней исключительно лишь Руси Новгородской, история непосредственных отношений которой с северным соседом уходит вглубь веков. О застарелости и прочности этих отношений говорит один уникальный для политической истории нашего государства факт. Даже после окончательного вхождения Новгородской земли в состав Московской державы кремлевские правители оставили за новгородскими наместниками право напрямую сноситься с верховной властью шведского королевства по любым межгосударственным вопросам, будь-то торговым или военным, вплоть до заключения мирных договоров, как с равными партнерами. Этот факт не может не показаться удивительным, потому как Москва еще в период только становления единодержавия, не говоря уже о времени, наступившем после его окончательного утверждения, всегда предельно ревностно относилась к своей власти. И это, в первую очередь, проявлялось в подавлении всяческих зачатков сепаратизма, в уничтожении даже внешних атрибутов местной самостоятельности. И, пожалуй, из всех бывших удельных княжеств прежде всего это касалось Великого Новгорода, дольше других сопротивлявшегося подчинению Москве. Попавший позже остальных под власть московского княжеского дома, а потому и в более поздние времена во многом сохранивший в себе устои былой независимости, Новгород с его вековой тягой к вольности оставался предметом особой заботы кремлевских владельцев. И вдруг этому самому городу с подчиненной ему областью покоривший его силой оружия великий московский князь Иван III дает право непосредственного сношения с иноземной державой, и в дальнейшем это право за Новгородом оставляет и сын, и внук Ивана III. И не странно, что располагавшие таким правом новгородцы по собственной наивности не могли себя не чувствовать на особом положении, ведь их наместник по сути дела уравнивался с коронованными монархами соседнего государства. Конечно, никакой независимости у бывшего вольного города в действительности не было, как не было никакой самостоятельности у новгородской администрации, служившей игрушкой в руках московского властелина. Понятно, что все касающееся русско-шведских отношений решалось в Московском кремле, а вот зачем нужна была кремлевским правителям такая долгая инсценировка с показной внешнеполитической новгородской независимостью, — вопрос, выходящий за рамки рассматриваемого нами предмета. Единственно, что

в этом отношении может представлять интерес в плане нашей работы, то это раздражающая шведскую сторону необходимость сношений не напрямую с московскими правителями, а с их чиновниками, причем не столичными, а сидящими на периферии. Не меньший интерес представляет собой и упорство, с каким московская сторона отвергала все стремления северного соседа войти в непосредственный контакт с царем. Так, завершая в канун ливонской эпопеи очередную русско-шведскую войну, король Густав Ваза, минуя новгородские власти и пытаясь наладить прямой диалог с Иваном Грозным, начинает свое послание к нему со следующего обращения:

«Мы, Густав, Божию милостию свейский, готский и венденский король, челом бью твоему велеможнейшеству князю, государю Ивану Васильевичу, о твоей милости. Великий князь и царь всея Русския земли!»

Здесь, с одной стороны, перечислением собственных титулов шведский король стремится подчеркнуть свое равенство с московским самодержцем, но с другой — своим челобитьем, то есть низким поклоном, он это равенство отрицает. И дальше это же послание, в целом направленное на скорейшее заключение мира, содержит условие, что в случае договоренности мирное соглашение должно быть подписано монархами обеих сторон, а не так, как было ранее — монархом одной из сторон и новгородскими наместниками с другой. Свою позицию шведская дипломатия подкрепляла тем положением, что «наместники новгородские — люди великие, но холоп государю не брат». На это предложение Иван отвечал не просто отказом. Он буквально унижал владельца шведского трона:

«... Если король свои гордостные мысли оставит и за свое крестопреступление и за все свои неправды станет нам бить челом покорно своими большими послами, то мы челобитье его примем и велим наместникам своим новгородским подкрепить с ним перемирье по старым грамотам,... Если же у короля и теперь та же гордость на мысли, что ему с нашими наместниками новгородскими не ссылатся, то он бы нам и послов не отправлял, потому что старые обычаи порушиться не могут... Наместники новгородские — люди великие: князь Федор Даирович — внук казанского царя Ибрагима; князь Михайло Кислый и князь Борис Горбатый — суздальские князья от корня государей русских; князь Булгаков — литовскому королю брат в четвертом колене; теперь князь Михайла Васильевич Глинский — деда его, князя Михайла Львовича, в немецких землях знали многие; Плещеев — известный государский боярин родов за тридцать и больше. А про вашего государя в рассуд вам скажем, а не в укор, какого он рода и как животиною торговал и в Шведскую землю пришел: это делалось недавно, всем ведомо».

Как видим, русский царь считает шведского короля не только ниже своих бояр, но и ставит вровень с его же шведскими торговыми людьми. Надо думать, что причиной такой заносчивости Грозного стали не неудачи шведов в последней войне, там и у русской стороны особых успехов заметно не было. Здесь попросту начали сказываться особенности натуры

Ивана Васильевича, в первую очередь, его ничем не обоснованное высокомерие, которое будет за ним замечаться еще не раз и которое станет причиной многих неудач его царствования.

После смерти Густава Вазы унаследовавший шведскую корону его сын Эрик еще больше, чем отец, не мог равнодушно покоряться устоявшемуся унижительному обычаю, запрещающему ему напрямую сноситься с русским царем. Сразу по восшествии на престол он отправил послов в Москву с требованием, чтобы мирные договоренности, достигнутые Грозным с его отцом и утвержденные с русской стороны новгородскими наместниками и скрепленные их печатями, были скреплены печатями царскими и чтобы впредь шведскому королю ссылаться только с самим царем. На это шведским посланникам в Москве ответили:

«Того себе в мыслях не держите, чтобы государю нашему прародительские старинные обычаи порушить, грамоты перемирные переиначить; Густав-король таким же гордостным обычаем, как и государь ваш теперь, с молодости помыслил, захотел было того же, чтоб ему ссылаться с государем нашим, и за эту гордость свою сколько невинной крови людей своих пролил и сколько земле своей запустенья причинил? Да, то был человек разумный: грехом проступил и за свою проступку великими своими и разумными людьми мог и челом добить; а вашего разума рассудить не можем: с чего это в такую высоту начали?... Тяжелее всего на свете прародительскую старину порушить».

В 1563 году, заключая с Москвой семилетнее перемирие, Эрик вновь поднял вопрос о том, чтобы ему без новгородского посредничества сноситься с царем, и снова получил отказ. Несмотря на это, между обеими державами, благодаря общей враждебности к Литве, очень скоро установились дружественные отношения, нарушенные, как мы говорили, уже при новом шведском короле.

А предысторию отношений Руси к Швеции бегло можно осветить так...

Еще со времен княжения в Новгороде Владимира Святославича, будущего киевского князя Красное Солнышко, на русской земле как нередкое явление начинает наблюдаться присутствие скандинавского элемента. Особенно много выходцев с северных берегов Балтики было в рядах княжеских дружин, где они играли не последнюю роль в остром соперничестве князей за власть. Именно благодаря заморским наемникам Владимир вышел победителем в борьбе за киевское княжение со своими братьями, у которых по родовым счетам прав на старшинство было больше, чем у новгородского князя. Та же история повторилась после смерти Владимира, когда великим княжением завладел его сын Ярослав, который своим успехом остался должен наемной заморской дружине. Но мы не можем знать, насколько пришлый контингент дружин новгородских князей был именно шведским. Древние письменные источники называют его варяжским, не дробя и не относя к конкретному племени. Но под варягами на Руси понимались любые северные пришельцы, выходцы из каких угодно задворков Балтийских государств:

Дании, Норвегии, Швеции. Всех их одинаково называли на Руси варягами или норманнами.

По-настоящему же тесный контакт именно со Швецией устанавливается у Новгорода во время княжения в нем Ярослава, будущего киевского князя, прозванного Мудрым. Будучи еще при жизни отца наместником в Новгороде, Ярослав пребывал в постоянном общении с северным соседом, где сумел не только приобрести много друзей, но и расположить к себе двор, результатом чего стала его женитьба на принцессе Ингигерде, дочери шведского короля Олава Скетконунга. Одним из условий брачного контракта предусматривалась передача женихом невесте в виде подарка одного из пригородов Новгорода — города Ладоги, расположенного на южном берегу Ладожского озера у места впадения в него реки Волхов. Условие было выполнено, после чего управление Ладогой с окружающей областью перешло в руки одного из родственников невесты, но шведское влияние в крае не стало от этого сколько-нибудь преобладающим. Русский элемент продолжал здесь доминировать, скорее пришельцы, привнося некоторые свои специфические особенности в быт аборигенов, в целом принимали устои последних, постепенно растворяясь среди славянского корня. И такое положение вещей не нарушилось обилием родственных связей русских людей со шведами, когда многие новгородцы, начиная с приближенной к Ярославу боярской верхушки, а затем и рядовых дружинников, последовали примеру своего князя.

Но, безусловно, более памятными для истории остались враждебные отношения Руси со Швецией.

Тут надо отметить, что до последних десятилетий XIII столетия военный контакт новгородцев со шведами оставался весьма ограниченным, не отмеченным регулярностью или постоянством. Дело в том, что в отличие от западных соседей, будь то Литвы, или Ливонии, от Швеции Русь была отделена морем, а потому долгое время новгородские пятины не имели на суше общей границы с владениями шведской короны. На севере владения Великого Новгорода включали в себя восточную часть южного побережья Финского залива, далее, оставляя за собой все русло Невы, они охватывали с западной стороны Ладожское озеро, и затем через земли корелов — племени финского корня условная и призрачная граница доходила до Белого моря. Таким образом, на севере новгородская земля граничила лишь с землями финского племени Емь, переживавшим тогда раннефеодальный период развития, почти не тронутый государственными отношениями. Да и с тем граница проходила только по западному побережью Ладоги, а также по среднему и нижнему течению Невы, оставляя свободным ее устье, то есть выход в море. Отношения новгородцев с народами финских племен всегда были мирными, может быть не столько благодаря дружественному характеру последних, сколько благодаря их слабости, чего нельзя сказать о шведах и о варягах вообще. Но шведам, для того чтобы потревожить новгородские владения, необходимо было пересечь Балтийское море и пройти всей протяженностью

Финского залива. И хотя все скандинавы и были великолепными мореплавателями и располагали первоклассным по понятиям того времени флотом, шведские терзания русской земли носили характер редких, кратковременных набегов на почти пустынные берега Невы и Ладоги. Будучи отрезанной от Руси морем, Швеция до поры до времени была не в состоянии организовать сколько-нибудь серьезную военную акцию, позволившую бы ей закрепиться на берегах Невы или в южной части Финского залива, закрыв тем самым русский выход в море. А именно к этому и сходились все помыслы северного соседа Руси, стремившегося к полному господству на Балтике.

Русь довольно успешно пресекала такие поползновения. Нашему соотечественнику наиболее памятной стала победа новгородцев, руководимых князем Александром, в 1240 году на Неве, невдалеке от устья невского притока, реки Ижоры. Это событие ничем не отличалось бы от множества ему подобных и дополнило бы собой длинный ряд других, если бы оно не пришлось на самый тяжелый момент русской истории. Тогда для не успевшей оправиться после Батыева погрома Руси Невская победа стала больше, чем просто победа:

Здесь мы снова, уже в который раз, должны затронуть наше внимание уникальным историческим фактом, остающимся для нас до сих пор загадкой. Это то, что гроза Батыева нашествия не тронула Новгород, не подвергла разорению его обширные и богатые земли. И когда в ожесточенном сопротивлении азиатскому нашествию практически полностью оказался уничтоженным профессиональный военный контингент Древнерусского государства — княжеские дружинники, а вместе с ними значительному истреблению подверглись и их вожди, новгородская земля сохранила свой людской и, следовательно, военный потенциал. Тогда в горниле нашествия погибла добрая половина княжеской фамилии Рюрика рода, но для будущего России необъяснимое провидение спасло князя Александра.

Агрессия 1240 года прилась на время правления в Швеции короля Эрика Эриксона, а возглавлялась она зятем короля Биргером. Кроме страстного стремления к единоличному господству на Балтийском море, очередная враждебная акция подстрекалась еще и папскими призывами к крестовому походу против Новгородской земли с целью обращения ее населения в католицизм.

В последних числах июня шведские корабли вошли в Неву и, поднявшись против течения, встали в устье Ижоры. Отсюда Биргер прислал Александру дерзкий вызов: «Если можешь, сопротивляйся, знай, что я уже здесь и пленю твою землю». Целью шведского похода было завоевание не только всего невского побережья, но и южного берега Ладожского озера с захватом города Ладоги, запирающего выход из Волхова в озеро. Таким образом, шведы намеревались одной кампанией забрать в свои руки весь главный путь новгородской торговли с Северо-западной Европой. Их не смущала на этот раз отдаленность театра событий от своих баз

и всего прочего, приводившего шведскую сторону к неудаче в прошлых подобных кампаниях. Противник делал ставку на бессилие Руси после азиатского погрома, смотрел на нее, как на легкую добычу, и просчитался. Надо сказать, Биргер с самого начала показал себя опытным воином. Он не прельстился открытостью мест, их пустынностью, начиная с невыхских берегов от устья до истоков и далее до устья Волхова. Ведь, казалось бы, добыча сама шла ему в руки. От самого невыхского устья, что в восточной части Финского залива и до слабо укрепленного городка Ладоги, что на южном берегу озера с тем же названием, причем городка, защищаемого немногочисленным гарнизоном, у русских в этом краю не было никаких воинских сил. Но шведский предводитель понимал, что дойдя до Ладоги и заняв ее, он окажется у русских в глубоком тылу. Новгородцы, собрав силы, легко перережут путь отступления его кораблям в любом месте невыхского русла, и тогда он окажется в ловушке. Поэтому он решил сначала разделаться с главными силами новгородцев и только в случае удачи, не имея ниоткуда угрозы, продолжить путь к берегам Ладоги. Но при всей своей опытности Биргер совершил один промах. Он не допустил мысли, что новгородцы не станут собирать крупных сил, на что им потребовалось бы время, а потому оказался неготовым к русскому нападению.

Когда в Новгороде узнали о появлении на Неве шведской флотилии, Александр, руководствуясь тем соображением, что время дорого, не только не стал обращаться за помощью к отцу, бывшему тогда великим князем Владимирским, но он не стал даже собирать ополчения с дальних новгородских пригородов и их волостей. С одним только собственно новгородским полком и со своей дружиной он решительно двинулся навстречу врагу, а потому появление его стало для незваных пришельцев полной неожиданностью. Потерпев 15 июля полное поражение, шведы ретировались за море к своим берегам.

Невская победа имела огромное политическое и моральное значение. После пережитого тяжелейшего ордынского удара и охватившего русскую землю уныния малой кровью была одержана блестящая победа над сильным и опасным врагом. Кроме того что на какое-то время исчезла угроза со стороны шведского королевства и победа подняла дух русского народа, она имела и глубокий религиозный смысл. Вся Европа ее восприняла как провал инспирированного папой очередного крестового похода, как поражение «латинства». Русью Невская победа понималась, напротив, как торжество православия.

Какую-то передышку на северном порубежье новгородских владений Невская победа все же дала. Но вот к концу XIII века наступательная активность северного соседа вновь дает о себе знать, и при этом полностью меняется характер его агрессии. От пиратских набегов, не способных повлиять на расстановку сил, противник, оказавшись к тому времени в сухопутном соседстве с новгородскими владениями, действуя теперь с суши, переходит к наращиванию против Руси постоянной и стабильной вооруженной экспансии. Дело в том, что во все предшествующие времена

морские набеги шведов на русские берега проходили с одновременным наступлением шведской короны на народы Финляндии. В результате шведы покорили чуть не все финские племена по восточную сторону Ботнического залива. К последней четверти XIII столетия центральная и юго-западная Финляндия оказалась под властью Швеции. Для Руси это значило, что вместо дружелюбного и слабого во всех отношениях финского соседа она вдруг получила сильного, неукротимого и агрессивно настроенного к ней врага. И вот со времени завоевания шведами земель финского племени Емь, в результате чего владения шведской короны вошли в непосредственное соприкосновения с владениями Новгородской феодальной республики, наступает эпоха принципиально новых отношений Руси со Швецией, непримиримо враждебный характер которых не изменится за несколько последующих столетий.

Надо сказать, что между Новгородской Русью и Швецией никаких официальных соглашений по территориальным вопросам никогда ранее не заключалось. Поскольку на суше эти два государства между собой не соседствовали, то и необходимости в таких договоренностях не было. Александр Невский не позаботился об этом даже после своей крупной победы, дававшей ему хорошие шансы на заключение выгодного соглашения. Но неправильно было бы думать, что новгородский князь был чужд дипломатии. Отнюдь нет, ведь ровно через два года, то есть после разгрома ливонских рыцарей на Чудском льду, он заключит с властями Ордена пространное соглашение, строго оговаривавшее общую границу. Но там речь шла о сухопутной границе, а коль скоро со Швецией таковой нет, то и вопрос о границе не ставился, и это в те времена было свойственно не только для Руси, но и часто замечалось во всей международной практике. Напротив, с финскими племенами, с которыми новгородцы соседствовали на суше, они давно имели строго определенную географическую границу, которая теперь, после завоевания Финляндии, становилась границей между Швецией и землей Великого Новгорода. Эта граница тоже долго не будет утверждена никакими договоренностями, но на практике, видоизменяясь время от времени как следствие успехов или, наоборот, неудач в очередном военном конфликте, она просуществует несколько десятилетий. И граница эта проходила с запада на восток несколько севернее русла Невы, пересекая сухопутное пространство между Ладожским озером и Финским заливом Балтийского моря, известное под названием Карельского перешейка.

Захват Карельского перешейка открывал перед Швецией большие стратегические перспективы. Он мог теперь служить плацдармом для наращивания вооруженной экспансии против Новгорода. От перешейка до неевского русла оставалось, что называется рукой подать, а именно Нева и выход новгородцев в море больше всего и не давали покоя северному соседу Руси, всеми силами стремившегося прервать русским путем сношений с Западом, а потому расширение наступления на новгородские владения ждать себя не заставило.

В 1283 году шведские корабли вошли в устье Невы, прошли всей ее протяженностью до Ладожского озера и на самом озере до нитки ограбили новгородских купцов, направлявшихся на судах к неским истокам. Такой же подвиг потомки викингов повторили в следующем году. После этого восемь лет на Ладоге, Неве и на их берегах все было спокойно, но вот в 1292 году вновь по Неве от ее устья поднимается отряд шведских кораблей, и карельская и ижорская земли подвергаются разграблению. Все эти пиратские набеги были давно знакомы новгородцам, которые привыкли относиться к ним как к заурядным разбойничьим акциям, не меняющим общей расстановки сил. Но на этот раз дело вышло по-иному. Теперь, когда владения противника вошли в непосредственное соприкосновение с русскими землями, последние его происки стали не просто пиратскими выходками. То была разведка боем в преддверии более серьезных актов агрессии.

В 1293 году на западном побережье Карельского перешейка у устья реки Вуоксы шведы заложили каменную крепость Выборг и сосредоточили в районе ее массы своих войск. Возведение крепости продвигалось необычайно быстро, одновременно при ней строилась гавань, куда из центральных районов Швеции нескончаемым потоком прибывали корабли с военными грузами.

Надо сказать, что здесь русские допустили непоправимый стратегический просчет, который в дальнейшем им будет дорого стоить. Этот просчет, во-первых, состоял в том, что за все предыдущие времена новгородцы не позаботились о том, чтобы как-то самим укрепить границу. Последним укрепленным местом на водном пути в Европу русским людям служил уже упоминаемый нами городок Ладога в устье реки Волхов, а по побережью самого озера и далее по берегам Невы, не говоря уже о самом перешейке, в новгородских владениях не было ни одного даже мало-мальски укрепленного опорного пункта. В результате водный торговый путь, являвшийся основным источником материальных богатств Новгородской вечековой республики, проходил по открытым и пустынным местам, подверженным любым нападениям. При соседстве с финскими племенами такое понять и объяснить еще можно. Не имея вблизи себя реального противника, русские люди считали лишним тратить силы и средства на строительство крепостей и содержание их гарнизонов. Но не унимающаяся шведская экспансия против финских племен, а с ней и приближающаяся опасность иного соседства должны были подвигнуть новгородцев на иной образ действий. Однако этого не произошло, и граница до конца оставалась открытой. Выйдя к этой границе, шведы упредили новгородцев, и закладкой Выборгской крепости они показали себя намного дальновиднее русских. Кроме того, просчет русской стороны состоял в том, что она позволила потенциальному противнику закрепиться на его новых рубежах. Новгородцы не могли не знать о закладке у их северных рубежей новой крепости, следовательно, не могли не сознавать всю исходящую от этого опасность, но, тем не менее,

не помешали ее строительству. Иногда на страницах исторической литературы можно встретить объяснение такого попустительства тем, что будучи обремененными внутренними заботами и междоусобными распрями, русские люди не могли тогда отвлекать свои силы на новую пограничную заботу. Думается, что принимать такой аргумент как объяснение того, почему русские люди позволили создать у себя под боком плацдарм для агрессии против них самих, нельзя. Спокойно на Руси не было никогда, но все же именно эти годы не отмечены какой-то особой напряженностью. И не зря во все время строительства Выборгской крепости шведская сторона держала в тех местах крупные контингенты своих войск, ожидая русского противодействия. Выходит, тревожились шведы напрасно. Только когда крепость была уже почти полностью готова, шведское командование, оставив в ней гарнизон, отвело основную массу войск вглубь страны. И вот тогда новгородцы, наконец, совершили поход под Выборг, но безрезультатно. Новый сосед успел к тому времени основательно утвердиться на захваченном рубеже.

Постройка крепости означала окончательное закрепление шведского присутствия в западной части Карельского перешейка, но на этом своем успехе новый сосед новгородцев не думал останавливаться. Через два года он предпринял следующий акт агрессии на новгородском приграничье. Очередной удар пришелся по восточной части перешейка. Здесь в 1295 году шведы захватили городок Корела на западном побережье Ладожского озера. Но тут им закрепиться русские люди не позволили. На этот раз реакция новгородцев была мгновенной, они отбили захваченный шведами город и выбросили неприятеля из восточной части перешейка. Западное Приладожье осталось в русских руках. После этого шведское наступление избирает своей ближайшей целью бассейн Невы, борьба за овладение которым становится основным содержанием всех последующих русско-шведских столкновений и средоточием военных усилий обеих сторон.

Напряженность здесь не будет униматься еще и оттого, что обе стороны прекрасно понимали: с захватом шведами невских берегов главная артерия водного торгового пути на запад ставится под контроль северного соседа Руси, позволяя тому в любой момент парализовать всю внешнюю торговлю, а с ней и в целом экономику Великого Новгорода.

Первая полномасштабная акция шведской агрессии против Новгородской Руси относится к 1300 году, когда в устье Невы в очередной раз вошла армада шведских военных кораблей. Эту кампанию можно считать началом постепенного, методичного, растянувшегося на несколько столетий захвата шведами невских берегов. Источники оставили нам довольно противоречивые сведения о воинских силах неприятеля в том походе, но все они единодушны в том, что вошедший тогда в Неву флот был самым крупным за всю предшествующую военную историю Швеции. Позднейшие исследования показали, что в его составе находилось от 30 до 50 судов. Еще более разноречивые сведения остаются о численности

живой силы. Наиболее авторитетные исследователи утверждают, что приводимые некоторыми шведскими источниками данные, согласно которым под королевскими знаменами тогда собралось 1100 рыцарей, вполне реальны. Мы должны понимать, что такая численность армии по меркам того времени считалась огромной. Ведь рыцари составляли только отборную часть войска, в котором на каждого рыцаря приходилось по несколько, а то и по несколько десятков других воинов, о которых в древних источниках упоминать было не принято. То же самое свойственно и русским летописям. Говоря о военных кампаниях, они приводят численные данные, касающиеся исключительно только княжеских дружин, не вспоминая об ополчениях, являвших собой основную массу войск.

Ни в одной из прежних кампаний столь крупный флот не входил в Неву, и никогда ранее не вступали на новгородскую землю такие крупные контингенты вражеских войск. А еще одной, и может быть самой главной особенностью этого вторжения, было то, что при неприятельском войске находились мастера фортификационного дела. Преимущественно это были иностранцы, в частности, источники упоминают об итальянских фортификаторах, считавшихся в те времена лучшими специалистами в Европе по возведению крепостей. Последний факт говорил сам за себя: очередной поход на русские владения не был заурядным разбойничьим набегом, ограничивающим себя грабежом мирного населения с таким же поспешным отступлением. Противник шел сюда с целью закрепиться здесь надолго. Все указывает на то, что шведский поход на Неву 1300 года был тщательно спланированной и детально подготовленной операцией.

Поставленная противником военно-стратегическая задача облегчалась полным отсутствием у русских в этом краю хоть каких-нибудь укреплений. Урок Выборга с запоздалой попыткой ликвидировать опасность новой крепости пропал даром. Новгородцы не сделали должных выводов. За истекшие после неудачной выборгской операции несколько лет они не предприняли ничего для укрепления невских берегов от возможного вторжения. И это обстоятельство во многом содействовало первоначальному успеху агрессора.

Источники не оставили нам точной даты прибытия неприятельской эскадры к невским берегам, но шведская хроника сообщает, что отбыла она от главной гавани страны — Стокгольма 30 мая 1300 года. Следовательно, самое большее, через несколько дней она вошла в невские воды. Первой задачей пришельцев было возведение в устье Невы мощной крепости, позволившей бы им надежно закрепиться в крае и взять под полный контроль выход в море. Надо сказать, что место для строительства новой крепости шведы выбрали очень удачное. Можно полагать, что выбор этот случился не теперь, не вдруг. Вся местность вокруг была изучена шведами ранее, возможно, что они, будучи прирожденными моряками, располагали описаниями невского устья и низовий самой реки, и даже картами. Приглядеть место для строительства они могли

давно, потому как раз побывав тут, не заметить его было просто невозможно. Местом для новой крепости шведы выбрали устье реки Охты, где она впадает в Неву и где, сливаясь, эти две реки образуют острый угол. Тогда построенная в виде стилизованного треугольника крепость двумя своими сторонами, причем самыми протяженными, будет иметь естественную водную защиту. О том, насколько серьезную преграду являет собой Нева, говорить излишне. Но и Охта в те времена была довольно широка и глубока. Достаточно сказать, что пристань при крепости со всеми ее причалами шведы устроили именно на Охте, а не на Неве. Следовательно, укрепить оставалось только третью, напольную сторону крепости, выходящую в междуречье Невы и Охты. Возглавлявший всю экспедицию тогдашний фактический правитель шведского государства маршал Тюргильс Кнутссон поставил основной своей задачей закончить все строительные работы по возведению крепости в один летний сезон. Он понимал, что новгородцы быстро отреагируют на его приход, для того-то он и привел с собой такую массу войск. Но он понимал также и то, что прокормить такое количество людей в пустынной малонаселенной стране нельзя, как нельзя организовать снабжение такой огромной армии через море. Потому-то он и торопился со строительством, стремясь как можно быстрее привести крепость в полную боевую готовность, чтобы, оставив в ней небольшой гарнизон, освободить основные воинские силы. Надо сказать, что это шведскому предводителю удалось. Правда, крепость была построена из дерева, а не из камня, что, вообще говоря, не свойственно шведскому, да и всему западноевропейскому военному искусству. Но камня в этих и близких к нему местах добыть негде, а возить его издалека, значило недопустимо задержать темпы строительства. Зато леса вокруг изобилие. С южной, напольной стороны крепости выкопали глубокий ров, из добытой земли насыпали вал, на котором и установили бревенчатую стену с восемью башнями. Несколько меньшие укрепления поставили по сторонам обеих рек, поскольку последние сами являлись по сути дела непреодолимой преградой. Новой крепости дали название Ландскрона, что означает «Венец земли».

Появление крупных вражеских сил в русской земле и закладка в ней крепости, грозившей захватом важнейшей артерии новгородской торговли, застало русских людей врасплох, стало для них полной неожиданностью. Впрочем, странного в этом ничего нет. Быть всегда неготовым к чему бы то ни было есть природное, естественное состояние русского человека, которого любое событие, даже самое что ни на есть предвиденное, обязательно застанет врасплох. В данном конкретном случае ситуация усугублялась еще и тем, что на тот момент в Новгороде не было князя, что тоже, кстати сказать, не странно. К тому времени в Новгороде сложилась отличная от других русских областей обстановка, познакомить с которой читателя означало бы создать отдельный фундаментальный труд. А вкратце ее можно охарактеризовать так: князь в Великом Новгороде, городе, который уже давно именовался не иначе

как с эпитетом Вольный, не был ни правителем, ни властителем, а играл лишь роль вооруженного наемного слуги. При этом за новгородцами, все более впадавшими в разгул анархии, оставалось право выдворения князя при первом недовольстве им. В конце концов, такое положение вещей обернется для вольного города слабостью его военных сил и, несмотря на обилие материальных богатств, приведет новгородский край к утрате политической независимости и подчинению его Великому княжеству Московскому, уступавшему Новгородской республике как по территориальным, так и по многим экономическим показателям. Но все это случится много позже, а сейчас жители вольного города не в первый раз в своей истории столкнулись с ситуацией, когда они остались без вооруженного защитника. Узнав от местного ижорского населения о происходящих в невском устье событиях, новгородцы собрали ополчение и привычным водным путем по Волхову, Ладожскому озеру и Неве на судах отправились к месту строительства. Видимо силы русских были не малые, ибо высланный им навстречу передовой шведский отряд, расположившийся на Ореховом острове и подкарауливавший новгородцев у выхода Невы из Ладожского озера, при виде новгородской судовой рати не стал вступать в баталию и ретировался вниз по Неве к своим.

О силе русской рати говорит и тот факт, что при ее подходе к неприятельскому лагерю шведы, при всей своей многочисленности, отказались от наступательного образа действий, предпочтя ему глухую оборону. Свои происки на неприятеля русские начали с того, что попытались поджечь стоявшие на Охте шведские корабли. Для этого они пустили вниз по течению зажженные плоты, и если бы те доплыли до сгрудившихся возле строящейся крепости судов и столкнулись бы с ними, флот неприятеля был бы уничтожен огнем. Но шведы сумели предотвратить опасность, перегородив реку длинными сосновыми бревнами, задержавшими пылающие плоты.

Неудача с попыткой уничтожения неприятельского флота была не последней для русских в той кампании. Не меньшей неудачей завершился и штурм новой, к тому же еще недостроенной крепости. Ко времени прихода новгородской рати и их приступа к шведскому лагерю противник успел только прокопать между руслами обеих рек ров и насыпать за ним земляной вал. Возвести же на валу стену еще только предстояло, но и такой позиции оказалось достаточно для того, чтобы отбить русское нападение. Шведская хроника донесла до нас яркое описание того штурма, отдавая должное храбрости и мужеству русских ратников. Согласно ей, в разгар боя штурмующие, преодолев ров, в нескольких местах сумели взобраться на вал и прорвать первую линию обороны. Только ввод шведским командованием в дело своего последнего резерва — тяжеловооруженных рыцарей спасло положение противника. Понесшим большие потери русским пришлось отступить. В ближайшем лесу они разбили свой лагерь.

На следующий день шведы готовили наступательную операцию, но утром обнаружилось, что русский лагерь брошен. Новгородцы не стали ждать

продолжения кампании и, убедившись в невозможности взять имеющимися у них силами новую шведскую твердыню, той же ночью ушли.

В объяснениях русской неудачи в кампании 1300 года позднейшими исследователями, вплоть до современных, преобладает тот факт, что новгородцы поторопились и, не собрав достаточно сил, были обречены на поражение. Некоторые историки высказывают даже такое мнение, что не имевшим своего князя новгородцам следовало обратиться за помощью к великому князю Владимирскому. Мы не можем согласиться с такими положениями, потому как любой сбор дополнительных сил, а тем более обращение в иные земли, привело бы к лишней трате времени. А этого только и нужно было противнику, стремившемуся закончить строительство до появления русских. И чем больше новгородцы собрали бы войск под своими знаменами, тем больше бы они потратили на это время, следовательно, тем прочнее была бы новая шведская твердыня. Вспомним, что ровно за 60 лет до этого Александр Невский одержал победу над тем же противником именно благодаря быстроте и стремительности своих действий, когда он отказался от сбора ратных сил даже со своей новгородской земли, на что ушло бы много времени. Хотя тогда можно было и не торопиться, ведь Биргер не собирался возводить в русской земле крепостей. Сейчас обстоятельства в корне изменились. В былые времена и Биргер, и все прочие пришельцы из-за моря не могли доставить на русскую землю крупных контингентов своих войск. Теперь, когда шведские владения простерлись до бассейна Невы, агрессивно настроенному северному соседу стало намного проще появиться под боком у Новгорода с огромной армией и со всем необходимым для строительства. И вот с этих-то пор при любом нашествии с севера русская сторона всегда будет стоять перед проблемой выбора. Или собирать силы, тратя на это самое драгоценное на войне достояние — время, позволяя противнику закрепиться и тем самым обрекая себя на поражение, или, не тратя время на сборы и вообще на подготовку, противостоять врагу силами, имеющимися под рукой, а это всегда малые силы, что одинаково дает мало шансов на успех. Решиться эта проблема могла только одним путем, — это заблаговременным строительством на пограничье своих укреплений. Но этот вариант по-настоящему был уже упущен. За долгое время своего присутствия на невских берегах и в восточной части Финского залива Господин Великий Новгород, располагая несметными материальными богатствами и более чем достаточными людскими ресурсами, не побеспокоился о своей северной границе. Зато шведы отнеслись к этой проблеме совсем по-иному. Сначала Выборг, и вот теперь Ландскрона.

Осенью, завершив полностью строительство новой крепости и оставив в ней гарнизон из трехсот человек, погрузившись на суда, шведское войнство отбыло к своим берегам.

Поражение 1300 года не остановило стремления новгородцев вернуть себе утраченное господство по невскому пути. Возникшая опасность вызвала большое беспокойство, и зимой власти вольного города обра-

тились с просьбой о помощи к великому князю Владимирскому Андрею Александровичу. Русь не могла оставаться безучастной к событиям на северо-западе, и весной 1301 года сын Невского с основными силами великокняжеской рати уже был в Новгороде. Этот факт, как и вся подготовка нового похода под шведскую крепость, показал, что кампания вышла из сферы деятельности только новгородской республики и носила общерусский характер. Кроме всего прочего, потеря Русью неевского устья, следовательно, и выхода в море, ставила под угрозу жизненные интересы Любека и всего Ганзейского союза, с которым у Новгорода были налажены тесные торговые контакты. В прошлое лето из-за военных действий, вызванных шведской агрессией, торговое судоходство на Неве было нарушено, что больно ударило по интересам ганзейских купцов, и, поскольку в наступившем году военно-политическая ситуация для торгового судоходства продолжала оставаться во многом неясной, торговые партнеры Новгорода опасались повторения. По этой причине весной в Новгород прибыл гонец из Любека с целью выяснения обстановки. Заморские купцы хотели знать, безопасно ли отправлять с началом навигации торговые караваны в Новгород по невавскому пути, дойдут ли они до места назначения или станут жертвой пиратства. Поскольку не благоприятствующие торговле события разворачивались на территории, официально считавшейся русской, то русская сторона была обязана обеспечить безопасность купеческих караванов, и на власти Новгорода ложилась вся ответственность за ее соблюдение. Любекский гонец привез грамоту, содержащую вопрос, гарантируют ли новгородские власти надлежащие условия и должный порядок на невавском торговом пути.

Ответить отрицательно, или пусть даже только уклончиво, значило навсегда или, по меньшей мере, надолго потерять выгодного торгового партнера. В Новгороде прекрасно понимали, что отказ в гарантии безопасности оттолкнет западноевропейских купцов от Руси, что кроме потери престижа будет невыгодно Новгороду и в чисто практическом смысле. А потому в Любек немедленно была отослана ответная грамота, в которой наряду с заверениями о необходимости продолжения добрых отношений с Ганзой гарантировалась полная безопасность для ее торговых людей. Нет, новгородцы не приукрашали обстановку и не вводили партнера в заблуждение. Они подтверждали факт того, что их общий враг захватил устье Невы и воздвиг там мощную крепость, перекрыв вход в Неву из моря. Но при этом новгородские власти, как от себя, так и от лица великого князя, клятвенно обещали к летнему сезону очистить свою землю от шведов. Думается, что русская сторона не случайно дала такое обещание торговому партнеру, дабы в предстоящей военной кампании чувствовать на себе больше ответственности и иметь больший стимул к победе. Дав такое слово, проиграть было просто невозможно. Надо заметить, предпосылкой для оптимизма у новгородцев было достаточно. К моменту отправки грамоты основные приготовления к походу были закончены. Собранные для кампании силы не шли ни в какое сравнение

с теми, что выступали против шведского вторжения в прошлом году. Все это вселяло в русских людей уверенность в победе.

К сожалению, мы не располагаем сведениями о точных сроках русского наступления на неприятельскую крепость и вообще о датах осады от ее начала и до падения Ландскроны. Источники называют только год — 1301. Но по косвенным признакам можно с большой степенью вероятности полагать, что кампания выпала на конец весны. Раньше она вряд ли могла состояться, и причин тому несколько. Во-первых, источники утверждают, что поход был тщательно спланирован и подготовлен, а на это нужно время. И те же самые источники говорят, что великий князь прибыл в Новгород только весной, не уточняя, когда именно, но лишь с его прибытием и началась основная подготовка. Скорее всего, он появился в Новгороде ранней весной. Во-вторых, и это было общим правилом ведения всех войн, поход не мог состояться пока не пройдет время весенней распутицы. Что же касается лета, то оно тоже не могло быть сроком кампании, потому как это слишком поздний для нее срок. На русской стороне, планируя предстоящую операцию, понимали, что до лета со шведской крепостью должно быть покончено. Кроме того что край должен быть очищен до подхода сюда купеческих караванов, оставлять операцию на лето было нельзя еще и по тому соображению, что с приходом лета, а с ним и навигации, силы шведской крепости возрастут. Дело в том, что Финский залив и Нева замерзают, и смена гарнизона Ландскроны, как и доставка туда продовольствия и вообще любая помощь, могут прийти из Швеции, только когда сойдет лед и откроется навигация. А это в тех краях бывает в самом конце весны — в начале лета. Следовательно, с наступлением навигации и прибытием в крепость свежих сил дело придется иметь с более сильным противником.

Вот это последнее обстоятельство, когда русские войска подошли к крепости раньше, чем гарнизон мог получить помощь с «большой земли», и решило исход кампании. Надо сказать, что к приходу русских под стены крепости ее гарнизон держался из последних сил. Если шведы и успели в прошлом году до наступления холодов завершить все фортификационные работы, то на устройство жилых помещений, а также складских помещений для продовольствия времени и сил уже не хватило. Места в тех краях низинные и болотистые, а потому запасы продовольствия отсырели и сгнили. Суровую зиму люди пережили в сырых землянках, где от голода, холода и от повальных болезней, в первую очередь цинги, многие погибли. Добыть продовольствие в тех местах, среди редкого и враждебно настроенного населения, невозможно, да и у малочисленного гарнизона не было лишних людей для формирования команд фуражиров и совсем не было лошадей. Близость границы мало что давала захватчику, потому как присоединенная силой оружия территория была населена враждебными финскими племенами, да и всякое сообщение в зимнее время, как и ранней весной, крайне затруднено. Надо сказать, что и гарнизон Выборга, стоявший на считавшейся своей земле, испы-

тывал те же самые трудности. Реальная помощь могла прийти только из центральных районов Швеции, и только морским путем. Обо всем этом хорошо знали в Новгороде. Конечно, там может быть и не догадывались об истинном состоянии гарнизона Ландскроны, но то, что с открытием навигации ситуация изменится в пользу противника, не понимать не могли. А потому, основываясь на приведенных размышлениях, можно утверждать, что вся кампания по овладению вражеской крепостью произошла где-то в конце весны.

Но если древние письменные источники не называют дат осады и штурма Ландскроны, то зато они, как шведские, так и отечественные (новгородская летопись), оставили потомкам довольно красочное описание батальных сцен, из которых можно воссоздать картину взятия крепости. Из нее следует, что битвы по овладению шведской твердыней в низовьях Невы были упорные. Можно много говорить о мужестве обоих противников, но все же большой численный перевес одной из сторон и крайняя, доходящая до измождения утомленность другой, решили исход дела. Силой русского оружия крепость была взята, а ее гарнизон перебит.

Итак, в руках победителей оказалась сооруженная врагами крепость, и надо полагать, что после взятия она оставалась в боеспособном состоянии. Эпоха огнестрельного оружия еще не наступила, метательные орудия, по-видимому, русской стороной при взятии Ландскроны не применялись, иначе об этом было бы обязательно упомянуто в источниках, следовательно, если разрушения и были, то небольшие, и могли быть быстро исправлены. Но Русь не воспользовалась возможностью оставить за собой воздвигнутую в чрезвычайно важном стратегическом месте своих владений уже готовую и добытую трудами и кровью твердыню. Вместо этого русские люди остановились на самом нелепом решении. Они разрушили крепость, что, наверняка, стоило гораздо больших трудов, чем ее восстановление, и, оставив освобожденный от врага край безо всякой защиты, ушли. Чем можно объяснить такую позицию новгородцев, остается непонятным. Иногда можно встретить объяснение такой стратегии нежеланием русских людей иметь здесь укрепления, потому как в случае захвата их противником эти же укрепления могли быть использованы против них самих. Но этим можно объяснить нежелание возводить новых крепостей. Но почему нужно разрушать уже готовую крепость, возведенную чужими руками? И как показал опыт, противник на незащищенном русском пограничье за предельно короткий срок может сам возводить крепости, отбить которые потом гораздо сложнее, чем защищать свои. Но новгородцы остались верны своей стратегической линии, и пройдет еще немало времени, наполненного горькими уроками, прежде чем они поймут ее ошибочность.

После кампаний 1300–1301 гг. на русско-шведском пограничье на несколько десятилетий наступает относительное затишье. Нет, северный сосед Новгородской Руси не утратил агрессивности своего характера, и спад его военной активности целиком объясняется внутрисоциальным

неустройством и кризисом власти. После предшествующего периода стабильности внутриполитическая обстановка в соседнем государстве вдруг резко сменилась острой междоусобной борьбой, продолжавшейся более двух десятилетий. В такой ситуации Швеции стало не до завоеваний, хотя полностью вооруженные столкновения не утихали, и все это время оставалось отмеченным пограничными конфликтами. В первое десятилетие XIV века не проходило ни одного года, чтобы отдельные мелкие отряды шведских судов не проникали в Неву и даже в Ладожское озеро и там не грабили бы новгородских купцов. Беспokoйно было и на Карельском перешейке. На все происки северного соседа новгородцы отвечали своими рейдами в землю противника. Наиболее крупной такой акцией стала кампания новгородцев 1311 года, местом действия для которой они выбрали центральные районы Финляндии. Цели этого похода остаются для нас во многом неясными. Присоединенные не так давно к шведской короне, эти земли оставались населенными исключительно народом финского племени Емь, традиционно дружественного Руси. Кроме как нанести ущерб экономической, прежде всего продовольственной базе Швеции, как потенциальному противнику Новгорода, другой цели в той кампании не просматривается. А может быть, она просто стала акцией заурядной мести за такие же нападения шведской стороны на новгородское приграничье. Но в любом случае от этого предприятия больше пострадали народы финских племен, чем шведы, постоянного присутствия которых в этих краях почти незаметно.

Тут надо сказать, что новгородцы никогда не отличались сколько-нибудь острым политическим чутьем, а полуанархический характер их военной организации был способен больше навредить делу, чем помочь ему. В новгородском ополчении зачастую было трудно отделить земскую составляющую от ушкуйников, то есть морских или речных разбойников, привыкших грабить всех без разбора, а именно ушкуйники и представляли основную силу новгородцев при походах на соседей, походах, практически не отличавшихся по сути от разбойных набегов. И не удивительно, что настрой финских племен по отношению к русским мог меняться. Иначе ничем другим нельзя объяснить события, случившегося в 1314 году в Кореле.

Центр одного из финских племен город Корела на западном побережье Ладожского озера уже трудно сказать с каких пор входил в состав Новгородской республики, и его коренные жители, как и аборигены во всей округе, давно сроднились с представителями славянского корня. И вот вдруг в 1314 году эти самые коренные жители подняли восстание против новгородской власти, перебили русских жителей города и призвали шведов. Причины такого поступка аборигенов остались неизвестными, но можно с большой долей вероятности полагать, что их к этому побудила разнузданность новгородских ушкуйников, которые если в Новгороде и поддавались хоть какому-то порядку, то на отдаленной периферии становились совершенно неуправляемыми. Вполне допустимо, что свою

роль сыграл и новгородский поход 1311 года в соседнюю землю Еми, в результате которого не мог не пострадать близкий карелам народ.

Шведы не преминули воспользоваться приглашением и в том же году заняли город. Правда, и на этот раз, как и почти 20 лет назад, шведам не удалось закрепиться в восточной части Карельского перешейка. В Новгороде на потерю Корелы отреагировали должным образом. В Западное Приладожье было отправлено срочно собранное для этой цели войско, но еще до его подхода настроение в Кореле вновь переменялось. Может быть оттого, что шведы успели чем-то насолить местному населению, а может быть оттого, что местное население убоилось мести новгородцев за измену, но только при подходе русских войск жители открыли им ворота. Но и после этого шведский гарнизон оказывал сопротивление, пока весь без остатка не был перебит. Русская власть в городе была восстановлена.

После этого шведская сторона больше не предпринимала попыток пробиться к западному побережью Ладоги, но именно с этого времени учащаются ее набеги в бассейн Невы и на южный берег озера. Так еще до захвата Корелы, в 1311 году шведские суда на Неве и на Ладоге ограбили торговые корабли, принадлежавшие ганзейским купцам. Интересно, что на этот раз власти Любека не стали предъявлять претензий новгородским властям, ответственным за безопасность торгового пути. Вместо этого они обратились напрямую к правящим кругам Швеции с требованием возместить убытки и восстановить нормальные условия для торгового судоходства на Балтике и на Неве. Заинтересованной в сохранении добрых отношений с Ганзейским союзом Швеции пришлось пойти на уступки. Но Руси от этого не становилось легче. Впоследствии действительно больше не отмечено нападения викингов на суда иноземных торговых людей, зато весь удар теперь приходился по русским купеческим кораблям и непосредственно по русскому побережью. Так в 1313 году отряд шведских кораблей, пройдя руслом Невы и вдоль южного берега Ладожского озера, вошел в устье Волхова и напал на город Ладогу. Город по естественным причинам, о которых мы говорили выше, оказался неготовым к нападению, защиты не было почти никакой, а потому и результаты нападения были очень тяжелыми. Пришельцы зажгли посад, отчего деревянный город был практически полностью уничтожен огнём.

Как мы уже сказали, после неудачи с Корелой шведы еще больше активизировали свои происки в бассейне Невы и на Ладоге. Самой крупной их акцией стал поход 1317 года, когда они разгромили на Ладожском озере купеческую флотилию из Обонежья, направлявшуюся от устья Свири к устью Волхова для проезда в Новгород. Но все же все эти враждебные акции не выходили из рамок заурядных разбойничьих набегов, давно знакомых новгородцам, и на которые сами новгородцы умели и любили платить той же монетой. Серьезных же военных действий после провала шведской агрессии в устье Невы 1300–1301 гг. со стороны

противника не было. Но вот, наконец, снова приходит пора настоящих баталий, и инициатором их к концу второго десятилетия века становится русская сторона.

В 1318 году ухудшение внутренней обстановки в Швеции достигло своего пика. Междоусобная борьба приняла открытый характер. Вряд ли в Новгороде было известно об этом, но именно в этот год, вероятно по чистой случайности, новгородцы совершили большой поход в Финляндию. Пройдя на судах Финским заливом, они захватили столицу племени Емь город Або, где располагалась резиденция шведского наместника. Русским войскам удалось взять главный оплот шведской власти в Финляндии — Абоский замок и епископский замок Куусто, причем в последнем был захвачен церковный налог за пять лет, собранный со всей Финляндии и подлежащий отправке главе католической церкви.

После этой акции борьба с обеих сторон стала набирать обороты, принимая с каждой все более агрессивный характер. К началу 20-х годов внутренняя обстановка в Швеции понемногу стала стабилизироваться. До полного успокоения там было еще далеко, но пик противостояния во внутренних смутах остался пройденным. Пользуясь не столько временной стабильностью внутри страны, сколько очередной передышкой в междоусобной брани, противник решил одной очередной кампанией решить затянувшийся спор об обладании Карельским перешейком в свою пользу. Для этого в 1322 году шведы снова попытались овладеть городом Корела и снова потерпели неудачу. Русские отбили нападение.

Ответная акция новгородцев ждать себя не заставила. И если шведы, прочно утвердившиеся к тому времени в западной части перешейка, тщетно пытались пробиться к Ладожскому озеру и завладеть восточной, где основным опорным пунктом русских оставался город Корела, то новгородцы, напротив, владея восточной частью перешейка, стремились овладеть западной, где главным и единственным препятствием на пути их к полному господству над перешейком был Выборг.

Походу на Выборг предшествовала тщательная подготовка. О том, какое важное значение придавали новгородцы выборгской операции, говорит тот факт, что они вновь, как это бывало только перед самыми ответственными кампаниями, обратились за помощью к великому князю. Бывший тогда великим московским князем Юрий Данилович откликнулся на просьбу, и в том же 1322 году, когда новгородцы еще отбивали неприятеля от стен Корелы в восточной части перешейка, он прибыл в Новгород и лично возглавил всю подготовку и организацию похода.

Надо сказать, что, как и ее северный сосед, русская земля переживала тогда очередную вспышку внутренних распрей и междоусобий. Кстати, в Швеции внутренние конфликты явно сходили на нет, и начиная с 1322 года можно говорить о прекращении там открытой борьбы различных группировок вокруг трона. Скрытая борьба еще оставалась, но все же уже можно было заметить первые шаги к стабильности. На Руси как раз только начинала подниматься очередная волна междоусобия.

Казалось, разворачивающиеся на новгородской земле события прились как нельзя некстати, и, конечно же, очень трудно было рассчитывать на то, что в такой ситуации Юрий московский откликнется на просьбу новгородцев. Ведь тогда московский князь окунулся в напряженную борьбу за великое княжение, где главными его соперниками были тверские князья, у которых по родовым счетам прав на старшинство было больше, чем у московского княжеского дома. Но, как видим, вышло все по-иному, московский князь не оставил своим вниманием и заботами вольный город. Загадки тут никакой нет, и только непосвященный в специфику общественных отношений на Руси может удивиться такому, казалось бы, нелогичному поступку князя, когда он, бросив все дела, устремился в не принадлежавший ему северо-западный край Руси. А нелогичного тут как раз ничего нет. Дело в том, что в тяжелой, непримиримой, порой кровавой борьбе за великое княжение каждому борющемуся за него было необходимо заручиться поддержкой многих окраинных земель и в первую очередь богатого и сильного Новгорода. Многие из соискателей великого княжения этого не понимали, полагая, что великое княжение можно получить и удержать только заискиванием перед ордынскими повелителями Руси, и потому проиграли. Московские князья, всегда верно оценивавшие политическую обстановку, в борьбе за великое княжение искали союзников в русских землях и всегда особое расположение оказывали Новгороду и поэтому, в конце концов, вышли победителями. И вот сейчас, стремясь закрепить тесный союз с Новгородом, Юрий московский организовал и возглавил крупную наступательную операцию против главного врага новгородской земли, хотя у самой Москвы, казалось бы, прямой заинтересованности в этом не было.

О походе русского войска 1322 года под Выборг сохранилось достаточно свидетельств, причем наиболее подробные принадлежат шведской стороне, но и они не называют точных дат выборгской операции русских, ограничиваясь годом. Поскольку кампанию возглавлял великий князь, то можно полагать, что в ней приняли участие воинские силы многих русских княжеств. Об этом же свидетельствуют шведские источники, акцентируя внимание на огромных размерах войска, осадившего Выборг. По всей видимости, выборгский поход стал самой крупной военной операцией за все предыдущие и за многие последующие годы русско-шведских военных столкновений, во всяком случае, по количеству сражающихся сил. Но как и первый поход почти 30-летней давности этот также не привел к положительному результату. За тридцать лет существования выборгской крепости шведы сумели настолько укрепить ее, что она практически стала неприступной. Мощная каменная твердыня устояла под русским натиском. Не помогли осаждающим и шесть метательных машин, привезенных под стены крепости и забрасывающих ее камнями. После месяца осады великий князь отступил от Выборга.

Вспомним, что противостояние Руси и Швеции началось с начала 90-х годов XIII столетия, когда земли северного соседа вошли в тесное

соприкосновение с владениями Великого Новгорода. Следовательно, после тридцати лет непрерывных баталий, основательно израсходовав силы, ни одна из сторон не добилась перевеса. После выборгской кампании в отношениях между соседями наступает время, которое соперники попытались использовать для урегулирования взаимных споров дипломатическими методами, и на этом поприще они добились успехов больших, чем в сражениях. Но сначала нужно отметить одну особенность, проявившуюся у русской стороны под конец войны и после ее.

Одним из итогов последней войны стал пересмотр новгородцами своей долго доминировавшей стратегической позиции, согласно которой они не строили укреплений как на своих рубежах, так и по невскому торговому пути. Более того, как мы видели, если противник сам пытался возводить укрепления на Неве или в порубежных землях, новгородцы стремились их немедленно разрушить. После завершения новгородско-шведской войны конца XIII — первых десятилетий XIV века новгородцы начинают понемногу изменять такой стратегии. Еще в ходе войны, после неоднократной попытки противника захватить Корелу и укрепиться на западных берегах Ладоги, русские люди, опасаясь того, что шведы и впредь не оставят этого своего намерения, развернули вокруг Корелы грандиозные строительные работы, в результате которых вместо слабых, чисто символических корельских укреплений возвели грозную крепость.

Но, безусловно, самым отличительным показателем новой стратегической линии новгородцев стали закладка и строительство ими в 1323 году мощной крепости в истоках Невы, там, где, вытекая из Ладожского озера, река разделяется на два рукава, образуя остров, именуемый в русских летописях Ореховым. Место для новой крепости было выбрано очень удачное. Насколько удачно в свое время шведы подыскивали место в низовьях Невы для Ландскроны, закрывшей выход в море, настолько удачно теперь новгородцы нашли место в верховьях могучей реки, запирающее дорогу из невского русла в озеро, а, следовательно, и во внутренние новгородские области. Примечательно, что изменив стратегии, русские люди не начали с того, чтобы строить крепости в устье Невы, что было бы ближе к морю, но зато в оторванности от своего жизненного центра. Они, напротив, стали наступать от центра к окраинам, что во всех отношениях отвечало общей стратегии борьбы за сохранение выхода к морю и способствовало давно выработанным тактическим приемам ее осуществления. Новой крепости дали имя от названия острова — Орешек. Первоначально оборонительные сооружения возвели из дерева и забили землей. В таком состоянии крепость просуществовала более четверти века, а в конце сороковых годов, во время очередной войны со шведами, после штурма крепости, сопровождавшегося пожаром, остатки полуобгоревших деревянных укреплений стали менять на каменные. Эту работу завершили к 1352 году. До наступления эпохи огнестрельного оружия с использованием тяжелой осадной артиллерии островное положение крепости делало ее почти неприступной, но история новой крепости

начиналась отнюдь не с батальных сцен. Политическая биография легендарной впоследствии крепости берет начало с 1323 года, когда сразу после завершения ее строительства она стала местом переговоров и заключения первого русско-шведского договора, вошедшего в историю как Ореховецкий мирный договор.

Согласно статьям Ореховецкого договора, между Швецией и Новгородской республикой устанавливалась и подтверждалась граница, сложившаяся в результате последнего военного противостояния. Русло Невы вплоть до устья оставалось за русской стороной, так что последняя сохраняла за собой выход в море. Но граница проходила в северной части Карельского перешейка, в непосредственной близости от неевского русла, что одно только, несмотря на все обоюдные заверения в «вечном мире», которыми изобилует Ореховецкий договор, способно было вызвать напряженность в регионе и привести стороны к новой войне.

Мир на новгородско-шведском пограничье продержался 14 лет и нарушился попыткой северного соседа в очередной раз захватить и удержать за собой Корелу. Может быть шведская сторона и не пошла бы так откровенно на нарушение договоренностей, если бы местные власти в Кореле, вступившие с врагом в тайный сговор, сами вновь не предложили тому занять город. Соблазн был слишком велик, чтобы шведы от него отказались. Но новгородцы выслали войско и вернули Корелу. Впрочем, это событие не сопровождалось большими баталиями, а после него в том краю еще на одиннадцать лет воцарился покой, пока на новгородскую землю снова не пришла большая война. В 1348 году под знаменем крестового похода Швеция предприняла попытку завоевания неевского русла и всех северо-западных русских земель, прилегавших к Финскому заливу. Этот поход связан с именем правившего тогда в Швеции короля Магнуса.

Ситуация на Руси тогда не благоприятствовала успеху во внешних войнах. В тот год великий московский князь Симеон, прозванный Гордым, был занят своими внутренними делами, междоусобиями, сложными, запутанными отношениями с Ордой и, что самое главное, враждой с князем Литовским. Все это отвлекало внимание князя от русского северо-запада и не позволило в нужный момент оказать помощь Новгороду. Напротив, в Швеции обстановка дала противнику возможность сосредоточить максимальные усилия на затеянной кампании. Магнус приходился племянником своему предшественнику, свергнутому в результате заговора шведского короля Биргера, и он же был сыном дочери норвежского короля, а потому, в связи с недавним прекращением норвежской королевской династии, он одновременно становился и королем Норвегии, объединив, таким образом, обе державы династическим союзом. Кроме того, в результате распада Датского королевства, к шведской короне тогда же отошла богатая и многонаселенная датская область Сконе. Все эти внешнеполитические успехи Магнус спешил закрепить большой победой на востоке Балтики.

Новая наступательная операция именовалась крестовым походом и обставлялась необходимостью потрудиться за правое дело обращения язычников в истинную веру — христианство католической направленности. Совершенно очевидно, что это была только маскировка истинных, завоевательных целей шведских властей. По-настоящему эпоха крестовых походов канула в Лету, сама их идея к тому времени стала архаизмом, а в данном конкретном случае следует отметить, что населявшие восточные балтийские берега народы были христианами и давно забыли про языческое прошлое своих предков. Правда, они были христианами православного исповедания, получившие крещение от русских, но для западного агрессора все эти тонкости не имели значения. Он пользовался удобным лозунгом обращения язычников в «истинную веру», не смущаясь его нелепостью, стремясь как-то прикрыть свои захватнические устремления.

Объектом новой кампании, как и всех предыдущих кампаний шведов, стал бассейн Невы, главной водной артерии новгородской торговли, поставить которую под свой контроль и было главной целью предприятия. Но сама операция, особенно в начале, коренным образом отличалась от всех иных.

В начале лета 1348 года неприятельский флот пересек Балтийское море и встал на якоре у западного берега Карельского перешейка, вблизи у Березового острова, что у самой русской границы. Далее, если верить летописи, король предпринял действия, которые не поддаются логике. Вместо того, чтобы, пользуясь внезапностью своего появления у русских берегов и извечной неготовностью Руси к отражению нападения, приступить к военным действиям по захвату ее территории, король вдруг прислал новгородским властям грамоту с совершенно неожиданным, а потому изумившим русскую сторону предложением устроить религиозный диспут на предмет того, чья вера лучше. Биргер просил новгородцев прислать своих богословов в его лагерь и религиозным спором решить давно назревшую территориальную проблему. По мнению короля, тот, кто окажется побежденным, не сумеет риторическим способом доказать превосходство своей религии, тот не только обязан будет принять религию победителя, но и уступить тому во всех спорных территориальных вопросах. По всему видно, что шведский король был серьезно настроен одержать большую победу над ставшим уже традиционным противником без применения оружия; он был уверен, что его богословы докажут неоспоримое превосходство католицизма над варварским вероучением православной церкви.

О факте такого неожиданного, если не сказать больше, несуразного, предложения шведского короля, известно только из новгородской летописи. На него ссылаются многие наши историки, но объективная реальность его никогда не подвергалась глубокому исследованию, а потому не может не вызывать у нас серьезных сомнений. Ведь маловероятно, чтобы Магнус и его приближенные могли всерьез рассчитывать добиться крупной политической победы, круто меняющей стратегическую обстановку

в важном для обеих сторон регионе, только в результате богословского спора. Тут выдают себя своей нереальностью два момента. Во-первых, уже тогда всем было известно, что никогда никто не признает вероучение, к которому до сих пор был расположен, ошибочным только под давлением потока словесной казуистики. Все известные истории примеры успешного обращения в другую религию обязаны только насилию. Конечно, история знает о добровольных перекрещенцах и ренегатах, но их были единицы, но чтобы в иную религию обратилось население огромного государственного образования, каким была Новгородская республика, представить себе невозможно. Во-вторых, даже если одна из сторон потерпит поражение в диспуте и признает ошибочность своей религии, то чего вдруг на этом основании она поступится своим материальным, в частности территориальным, достоянием. Никогда принадлежность к общей вере не способна была примирить два государства, если только на чем-нибудь сталкивались их интересы, и история полна примеров кровавых войн между народами, исповедующими одну и ту же религию.

Кроме того, знакомясь с некоторыми свойствами тогдашнего шведского короля, нельзя и полностью отрицать факт попытки устройства им такого диспута. В своем религиозном сознании Магнус был крайне фанатичен, что, в общем-то, не странно для эпохи средневековья, но, кроме того, он легко попадал под влияние всякого рода религиозно-мистических натур и прорицателей, попросту сказать шарлатанов, вроде наших юродивых. Так, например, в годы его правления большой известностью в Швеции пользовалась некая христианская подвижница Бригитта, объявленная после смерти святой. Именно она наставляла короля к распространению христианства среди язычников мирным путем, при этом под христианством надо понимать католицизм, а под язычниками — всех приверженцев иных вероисповеданий. Возможно, что под ее влиянием и под воздействием внушенных ею идей король и предпринял столь необычное решение. Зная его умонастроение и вообще некоторую неординарность в поступках, такое его поведение, когда он, располагая преимуществом внезапного нападения, для завоевания чужой земли вдруг отдал предпочтение религиозному диспуту, может и не показаться несуразным. Во всяком случае, очевидным остается то, что Магнус действительно, достигнув со своим флотом русских берегов, вместо того, чтобы их завоевывать, отправил в Новгород посольство с мирными инициативами. Но, скорее всего, там не было и упоминания о каком-то религиозном диспуте. Возможно, что король просто к бывшим договоренностям хотел дополнительных уступок со стороны Руси, а приведенную армаду кораблей использовал как демонстрацию силы, дабы сделать новгородцев сговорчивее.

И хотя русская летопись, рассказывая о королевской инициативе, утверждает именно о диспуте, реакция новгородских властей способна посеять большие сомнения на этот счет и, скорее всего, предполагает со стороны Швеции попытку заурядных мирных переговоров.

Новгородскую власть всегда представляли собой трезвомыслящие политики. Они не могли всерьез воспринять фантастическую идею правителя соседней державы, понимая всю ее нелепость и бесперспективность, и потому, будь она на самом деле, не только не приняли бы ее, но они бы, наверняка, совсем отказались от дипломатического контакта с Магнусом, посчитав его безумным. Тем не менее, поскольку предложение шведской стороны, чего бы оно в действительности не содержало, являлось дипломатическим актом, а Новгород был заинтересован в поддержании с соседом отношений, установленных последним мирным договором, то новгородцы спешно снарядили к Березовому острову ответное посольство. Его целью, как это следует из той же новгородской летописи, было попытаться любым путем предотвратить военные действия, или, по меньшей мере, как можно дольше их отсрочить. Но поскольку та же летопись упомянула о королевском предложении религиозного диспута, то она не могла далее обойти стороной реакцию новгородских властей на эту инициативу. Отправляя в королевский лагерь послов, последним, якобы, на шведское предложение было наказано отвечать: поскольку православие на Руси пошло от Византии, то для выяснения любых вопросов о его правильности или неправильности следует обращаться к главе православной церкви — константинопольскому патриарху. Так что у исследователя должно быть достаточно оснований полагать, что ни о каком религиозном диспуте не было никаких предложений, но в ту эпоху, эпоху острой борьбы православия с католицизмом, причем борьбы зачастую далекой от дискуссионной, новгородскому летописцу нужно было все это придумать.

Посольство отправилось из Новгорода традиционным водным путем по Волхову, Ладоге и Неве.¹ Примечательно, что когда оно достигло Орехового острова, состоявший в числе послов новгородский тысяцкий Аврам остался там и не поплыл дальше. Посольство справляли посадник Федор Данилович и архиепископ Василий. Это объясняет многое. Должность тысяцкого предусматривает командование над новгородским ополчением, то есть тысяцкий по сути дела стоит во главе воинских сил республики, и, конечно, новгородские власти не могли пустить его в логово врага, дабы не оставлять военную организацию без высшего руководства, и, скорее всего, его остановка на Ореховом острове была запланированной. Вероятно, что тысяцкий остался в недавно построенной крепости для того, чтобы подготовить ее к осаде, на случай, если посольство не сможет уладить спорные вопросы мирным путем.

Тем временем посольство прибыло в ставку шведского короля, где с ним не собирались вести переговоров ни по светским вопросам, ни вступать в диспут на религиозные темы. Магнус сразу предъявил послам ультиматум, что либо Новгород со всеми своими городами и весями переходит в лоно католической церкви, либо король идет на Русь войной. Послы, не раздумывая, дали королю отрицательный ответ, после чего их не стали задерживать во вражеском лагере, и те спокойно вернулись

назад. Через несколько дней королевский флот стоял уже в истоках Невы, неприятельские войска заняли оба берега реки против крепости, а также обосновались на незанятой крепостью части острова. Надо сказать, что первая крепость на Ореховом острове не только была деревянной, но она и не занимала всей территории острова, а потому она только частично защищалась водой, и на самом острове оставалось достаточно места для плацдарма, удобного для наступления на саму крепость.

Началась осада Орешка, одновременно отряды шведских войск, рассыпавшись по окрестностям, приступили к святой задаче насильственного обращения огнем и мечом местного, как они называли языческого, населения, преимущественно ижорских племен, в «истинную веру». Пришельцев совершенно не смущал тот факт, что местное население давно окрещено в христианскую веру по православному обряду. За ижорской пришла очередь соседней с ней земли племени Водь, другая часть неприятельских войск двинулась на север в землю корелов. Военно-политическая ситуация на северной окраине Новгородской республики стала угрожающей, захватчик оккупировал области ижорской, водской и корельской земли и держал в плотной осаде главный форпост Новгорода в этом крае — крепость Орешек. В такой ситуации, не надеясь на свои силы, новгородцы обратились с просьбой о помощи к великому московскому князю Симеону. Но тот, то ли не имея возможности отвлечься от иных своих забот, то ли не придав особого значения разворачивающимся на русском северо-западе событиям, отказал новгородцам в непосредственной помощи. Правда, он послал в Новгород вместо себя своего младшего брата Ивана с большим числом войск, но выбор великим князем себе замены оказался неудачным. Иван показал себя недостойным выпавшей на него чести возглавить все новгородские силы в разразившейся войне. Прибыв в Новгород, он надолго остановился в нем и не спешил на театр событий. В то время новгородцы собирали войска со своих земель, назначив местом сбора Ладогу. Но московский князь не пошел с приведенными с собой дружинами даже к Ладоге. Всем своим поведением он демонстрировал пассивность и нежелание участвовать в новгородских делах. Наконец, когда в Новгород пришло известие о взятии шведами Орешка и, следовательно, об ухудшении всей обстановки, Иван московский покинул новгородскую землю и вместе с приведенными с собой войсками удалился обратно в Москву. Новгородцы оказались брошенными московским княжеским домом на произвол судьбы и могли рассчитывать теперь только на собственные силы. Не помог должным образом Новгороду и его сосед и давний побратим Псков. С Псковом у Новгорода на тот момент был разлад отношений. Правда, псковичи не оставили совсем Новгород в беде, прислали ему на подмогу ополчение, но очень немногочисленное и ненадежное.

Воинские силы Новгорода собрались в Ладоге. Отсюда воеводы принялись рассылать отряды войск в корельскую, ижорскую и водскую земли для очистки их от шведов. Видимо силы в Ладоге собраны были

немалые, ибо источники говорят о том, что только в корельскую область был послан отряд в тысячу человек. В результате шведы оказались вытесненными из многих новгородских провинций. Наибольшее их присутствие наблюдалось в корельской земле, где противник осадил главный ее город, стремясь, уже трудно сказать в который раз, овладеть Корелой. Наиболее тяжелые поражения неприятель понес в водьской и ижорской землях. Так в битве на Жабче поле, где новгородцы одержали самую убедительную победу над шведами, противник только убитыми потерял около 500 человек. Победа на Жабче поле круто изменила ход кампании. После поражения шведские войска оставались только под Корелой, завоевание же ижорской и водьской земель неприятель оставил, вернув войска в королевский лагерь под Орешек, где Магнус, собрав максимум сил, решал главную задачу войны, направленную на захват новой русской крепости. Надо сказать, что положение ее к тому времени стало критическим.

Осада Орешка длилась шесть недель, и 6 августа 1348 года крепость пала. Оставив в ней гарнизон из 800 человек, король отправился в обратный путь. Приближалась осень, а с ней и конец сезона навигации, который в тех краях очень непродолжителен и обрывается с началом ежегодных осенних штормов на Балтике. Оставаться было бессмысленно, так как прокормить огромную армию в чужом краю, среди далеко недружелюбно настроенного населения было невозможно. С закрытием навигации обрывалась связь с внутренними районами Швеции, откуда, надо полагать, во все время кампании поступало продовольствие для воюющей армии. Теперь армии и флоту короля грозило быть отрезанными от «большой земли» сначала штормами, а потом и ледоставом.

Взятие Орешка, русской крепости в невских истоках, стало крупной военно-политической победой старого противника Новгородской Руси, но отбытие основной массы шведских войск с театра войны резко изменило ситуацию в пользу русской стороны. Новгород приступил к подготовке крупной наступательной операции, имевшей целью возврат крепости. День 15 августа можно считать датой начала новой осады, но теперь уже осады шведского гарнизона русскими силами. В этот день, то есть всего через девять дней после овладения противником Орешком, новгородцы разбили в открытом поле шведский отряд, направившийся в крепость, и тем самым прервали сношения гарнизона с внешним миром. Тогда же другая русская рать разгромила крупные силы шведов, уже давно, чуть ли не с начала лета, безуспешно осаждавших Корелу. Теперь можно было все усилия сосредоточить на единственном месте шведского присутствия в русских владениях, на осажденном Орешке.

Надо думать, что шестинедельная осада Орешка королевским воинством принесла существенные разрушения крепости. На этот раз древние письменные источники упоминают об использовании осаждавшими стенобитных и камнеметных орудий. А поскольку король с главными силами армии после своей победы удалился сразу, может быть от силы

через несколько дней, то времени у неприятеля на восстановление укреплений не было. Ведь осада крепости русскими началась буквально сразу после отхода с места событий королевских войск. Поэтому можно полагать, что положение оставленного в крепости гарнизона, оказавшегося один на один со всей массой новгородских войск, высвободившихся к тому времени с других участков фронта, было незавидным. Еще как следует не начиналась осень, а первую помощь можно было ждать только с началом новой навигации. Наверняка запасы продовольствия были строго лимитированы. Одним словом, крепость не могла продержаться долго, а потому участь осажденных была решена. Напротив, обстановка в осадном лагере вселяла надежды и оптимизм. На положение осаждавших даже не повлиял тот факт, что в разгар осады псковское ополчение оставило позиции и покинуло театр военных действий. Надо сказать, что отношения между новгородскими властями и руководителями псковского ополчения с самого начала войны были натянутыми и, в конце концов, обострились до крайности. Псков к тому времени, выйдя из административного подчинения Новгороду, обрел полную независимость, а недовольства за многие годы подчинения пригорода «старшему брату» накопилось много. Но на решение псковичей оставить соседа в настоящей кампании сыграл тот факт, что псковская земля сама оказалась под угрозой серьезной агрессии. В ту осень в осадный лагерь под Орешком из псковской земли пришли тревожные вести о нападениях ливонских немцев. Псковичи не могли после этого оставаться у Орехового острова, тем более что их уход сколько-нибудь существенно не повлиял на соотношение сил.

На этот раз осада продолжалась более полугодом. Такой длительный ее срок объясняется тем, что новгородцы не хотели тратить лишних сил и проливать лишнюю кровь в кампании, итог которой уже предрешен, а потому осаждавшие отказались от штурма и решили взять крепость измором. Действительно, гарнизон изнемогал, он не мог вынести полной блокады, и в последние месяцы осады шведы держались из последних сил.

В феврале 1349 года новгородское командование пришло к неожиданному решению, ускоряющему окончательную победу, но и не приводящему к лишним напрасным жертвам. На русской стороне поняли, что крепость, такая, какая она есть, сыграла свою роль и оставлять ее в том же виде нет смысла. В любом случае, после изгнания из нее неприятеля нужно будет строить новую из камня. А главное, новая крепость должна будет встать по периметру всего острова, чтобы на нем не оставалось свободного места вне крепости и чтобы вода повсюду служила естественной защитой. В таком случае деревянные стены старой крепости, за которыми сейчас скрывался враг, оставалось только поджечь, что и было сделано. 25 февраля, когда огонь разгорелся, и вся крепость напоминала огромный костер, новгородцы ринулись на приступ и перебили оставшихся в живых защитников. На этом очередную попытку соседа оттеснить русских от моря, отобрав у них невский путь сношений с западной

Европой, можно считать окончательно провалившейся. Русская сторона в очередной раз торжествовала победу. Характерной особенностью ее на этот раз стало то, что новгородцы справились с врагом исключительно своими силами, без помощи московского князя.

Потерпев провал в попытке одолеть Новгородскую Русь силой оружия, Магнус развернул кипучую деятельность по организации торговой блокады Руси. Летом 1349 года он предложил союзу Ганзейских городов, главному торговому партнеру Новгорода, прекратить торговлю с русскими. В следующем году королевский наместник в Ревеле, бывшем тогда шведской провинцией, сообщил городскому магистрату о запрещении купцам доставлять товары в Новгород и вывозить товары из него. В том же году Магнус потребовал от Дерптских властей наложить арест на товары купцов, имеющих торговые сношения с Новгородом.

Но помимо торговой блокады, шведский король не оставил идею нового военного предприятия против Руси, и тогда главным адресатом короля стал глава католической церкви папа Климент VI. Магнус посылал тому просьбу за просьбой, моля о помощи в организации нового крестового похода на Русь. Но как королю не удалось организовать торговую блокаду Новгорода, так не удалось ему подвигнуть католическую Европу выступить против иноверной Руси. Правда, папа не остался глух к просьбам шведского короля и издал несколько своих булл, адресованных правителям Скандинавских и других стран Балтики, а также немецким рыцарским Орденам, призывая тех к крестовому походу, но призывы остались призывами, а помощь римского первосвященника — мифом.

Наибольшую надежду в поисках союзника король возлагал на Ливонию. Здесь он рассчитывал на традиционную враждебность Ордена к соседнему Новгороду, однако и тут Магнус не сумел добиться каких-нибудь результатов. Рыцарство не отозвалось на его призывы.

Не получив реальной поддержки, король был вынужден искать мира. Кроме всего прочего, к мирным инициативам его подталкивали наступательные действия русских, к которым они перешли после своей последней победы.

Летом 1349 года новгородцы совершили морской поход от своих самых северных провинций, что на Кольском полуострове, к берегам Норвегии, находившейся тогда, как мы уже рассказывали, под властью шведского короля. Объектом нападения стало норвежское побережье.

Весной 1351 года новгородское войско, возглавляемое тысяцким, совершило поход на Выборг. Подступив к городу, русские уничтожили огнем посад, но островное положение главной цитадели крепости, делавшее ее почти неприступной, не оставляло шансов на полный успех. Понимая это, новгородцы не рассчитывали овладеть крепостью, не готовили ее осады, они даже не брали с собой в поход стенобитных и камнеточных машин и рассматривали всю операцию только как демонстрацию силы, способствующую прекращению войны. Правда, совсем без баталий под стенами Выборга не обошлось. Когда русские вышли к замку, шве-

ды устроили вылазку большими силами, но в открытом бою потерпели сокрушительное поражение, после чего их остатки спешно скрылись за стенами замка. Вернулись новгородцы из похода почти без потерь.

Во время Выборгской кампании очередной политической кризис разразился в самой Швеции. Начался он в недавно присоединенной к короне бывшей датской провинции Сконе, население которой выразило явное недовольство королевской властью. При этом движение в Сконе против Магнуса возглавил его зять герцог Мекленбургский. Именно по этой причине король во время русского похода под Выборг не мог послать войск на помощь крепости. Собранные для этой цели силы пришлось направлять в Сконе.

Поход под Выборг стал последней кампанией той войны. В довершение всех неудач в Западной Европе в 1351 году вспыхнула эпидемия моровой язвы, в значительной мере коснувшаяся Скандинавии. В этих условиях Швеции стало совсем не до войны.

Убедившись в безуспешности попыток организовать новую военную акцию против Руси и переживая собственные внутренние неурядицы, шведская сторона согласилась на мирные переговоры. Их местом летом 1351 года стал ливонский город Дерпт. Дело в том, что заинтересованное в скорейшем прекращении войны между соседями ливонское правительство, к которому так настойчиво взывал шведский король, подбивая его на военные действия против Новгорода, выступило посредником в предстоящих переговорах и предложило для их проведения свою территорию. В результате переговоров стороны пришли к заключению мирного соглашения, которое повторяло статьи Ореховецкого договора, то есть, между Швецией и Новгородской республикой подтверждалась старая граница по Карельскому перешейку с оставлением неевского русла за русской стороной. Этим признавался провал очередной агрессии против Руси.

Поражение Швеции в последней войне привело к острому экономическому и политическому кризису внутри страны и к осложнению ее международного положения. В результате Магнус оказался свергнутым с престола и вынужден был бежать из Швеции. В нашей истории он остался как автор и руководитель последнего крестового похода против Новгородской Руси.

В последующие годы можно говорить об ослаблении шведского государства, в котором на смену некоторой политической стабильности снова пришли раздоры. Занявший после Магнуса шведский трон немецкий князь Альбрехт Мекленбургский не смог улучшить внутривнутриполитическую ситуацию, и при нем королевство продолжала раздирать междоусобная война, а потому участь его очень напоминает участь его предшественника. Недовольство королем привело к его свержению.

В конце XIV века Швеция, Норвегия и практически возродившаяся из пепла Дания создают нечто вроде конфедерации Скандинавских государств под общим протекторатом Дании. Фактически Швеция попадает под власть датской короны, и такое ее положение будет сохраняться более

ста лет. Хотя шведское королевство номинально и сохранит собственную автономию, но практически оно перестает вести самостоятельную внешнюю политику, которая станет прерогативой датских королей, к тому же, будучи крайне ослабленной, Швеция больше не попытается возобновить полномасштабную агрессию против Руси, но мелкие терзания новгородского приграничья будут продолжаться еще не одно столетие.

Что же в это время происходит на северо-западе русской земли?

Из наиболее значительных событий, случившихся тогда на русской стороне, прежде всего, следует отметить строительство каменной крепости на Ореховом острове, нового Орешка вместо сожженного старого. Завершилось возведение крепости в 1352 году.

Вторая половина XIV, как и первая половина XV столетий не отмечены сколько-нибудь крупными баталиями на новгородско-шведском порубежье. Небольшие пограничные столкновения, вызванные обоюдными грабительскими нападениями, безусловно, наблюдались, как наблюдались проникновения небольших отрядов с той и с другой стороны на чужую территорию. Все эти незначительные акты агрессии совершались приграничными силами и, скорее всего, без ведома высших властей, как на одной, так и на другой стороне. К серьезным же военным акциям стороны больше не прибегали, а из мелких надо отметить следующие.

В 1392 году небольшой отряд шведских судов, войдя в Неву, поднялся вверх по реке, не дойдя пяти верст до Орехового острова, и пограбил на пути множество прибрежных сел. Но новгородцы не оставили выходку безнаказанной. Служилый новгородский князь, выходец из Литвы, Симеон Олгердович нагнал уходящих шведов в низовьях Невы и разбил их наголову. В 1395 году шведы покушались на город Ям, но были отбиты. В 1396 году шведские ратные силы, выступив из Выборга, вторглись в корельскую землю, где повоевали несколько поселений, а в 1397 году шведы захватили и разграбили семь сел в окрестностях Яма.

Из наиболее запомнившихся истории нападений русской стороны на владения соседа следует отметить поход новгородских ушкуйников 1375 года в устье реки Оулу на побережье Ботнического залива, где шведами недавно была возведена крепость. Взять крепость не удалось, пришлось довольствоваться опустошением окрестностей, впрочем, ввиду малонаселенности края, поживиться здесь ушкуйникам особенно было нечем.

В 1411 году на русскую территорию из-под Выборга снова вторглось шведское войско, и на этот раз успех у противника был более значителен. Ему удалось захватить укрепленный Тиверский городок, что на Карельском перешейке. Ответ новгородцев ждать себя не заставил. В том же году они с князем Симеоном Олгердовичем двинулись походом на шведское пограничье. Повоевав владения соседа на перешейке, новгородцы вышли к Выборгу, где сумели взять наружные укрепления. Успевшие скрыться за стенами замка нашли там спасение. В том же году подчиненный Новгороду двинский воевода снова ходил морским походом к берегам Норвегии. Начиная с этого похода, эпицентр столкно-

вений русских людей с их северным соседом на несколько последующих десятилетий перемещается из бассейна Невы и с Карельского перешейка на север, в низовья Северной Двины, к берегам Кольского полуострова и Норвегии. Отныне жители самых северных новгородских провинций воюют со шведами преимущественно по берегам Белого моря. Так в 1445 году подданные Новгорода заволочские кореляне снова нападали на норвежские земли, а в отместку за это шведы приходили на судах в Двинскую губу, где повоевали несколько посадов. Но новгородцы не дали противнику уйти, собрав силы, они догнали неприятеля, так что только немногие успели погрузиться на корабли и уйти в море.

В 1443 году отмечено нападение шведов на псковские владения. Тогда отряд шведских судов пришел из Выборга в устье Наровы, где неожиданным нападением перебил несколько псковских служилых людей и около трех десятков захватил в плен. Среди последних оказался сын псковского посадника Максим Ларионов, которого сумели выкупить через год.

Но все эти мелкие обоюдные происки были не способны изменить сложившегося баланса сил, отчего на русско-шведской границе еще долго наблюдалось равновесие, попытки нарушить которое не прекращались вплоть до конца существования Новгородской республики.

Вот в связи с прекращением новгородской независимости в истории русского северо-запада наступают иные времена.

Где-то с последней четверти XV столетия в русско-шведских отношениях открывается новая страница, и особенность ее в том, что вместо удельного, независимого Новгорода со шведской стороной теперь будет иметь дело единое централизованное Московское государство, и все обоюдные проблемы теперь будут решаться не с тысяцкими и посадниками Вольного города, а с великим князем Московским, который теперь зовется Государем Всея Руси. За местной же новгородской властью останется только призрачное право утверждения с санкции Москвы межгосударственных актов, что, как мы видели, еще долго будет служить раздражителем шведских королей, вынужденных сноситься с московскими монархами через их слуг.

С присоединением новгородских владений к Московской державе в ее внешней политике встают новые задачи, связанные с балтийской проблемой, в том числе поднимается вопрос об избавлении русской торговли от ганзейского посредничества, и первым шагом на пути такого избавления стало строительство на Балтийском море первого русского города-порта. Утверждение своего присутствия на Балтике московский князь начал с того, что на всякий случай выстроил в Новгороде взамен старой деревянной новую каменную крепость. А в 1492 году в низовьях реки Наровы, почти у самого ее устья началось строительство крепости, призванной стать морскими воротами Московского государства. «Той же весной своим повелением великий князь Иван Васильевич заложил город на немецком рубеже, на реке Нарове, против немецкого города Ругодива на Девичьей горе, и нарек его своим именем Ивангород», — сообщает

летопись. Расположенные по соседству Ревель и Дерпт, состоявшие членами Ганзейского союза и благосостояние которых держалось на перепродаже русских товаров, понимали возникшую опасность, которой грозит им московская сторона, если она, располагая своими гаванями, наладит непосредственный контакт с Европой. Но город строился на русской земле, и это лишало соседей оснований для формального протеста, а потому члены Ганзейского союза прибегли к торговой блокаде Руси. Они под страхом сурового наказания запретили своим купцам возить товары в Ивангород, так что возникновение русского порта на Балтике не изменило ситуации.

Своего морского флота, способного совершать далекие плавания, у Руси не было. Весь водный путь внешней новгородской торговли завершался вблизи Невского устья, а вот теперь такой же окраиной могло стать устье Наровы. Заставить же иноземные суда приходить в новый русский порт, минуя посредников, можно было только прорвав ганзейский бойкот. Но прорвать его можно было не иначе как путем войны, и московский князь Иван Васильевич, в конце концов, встал на такой путь. Из всех государств, покровительствовавших Ганзейскому союзу, главным была Швеция, на войну с которой и решился московский князь. Для этого он заручился союзом с давним противником Швеции Данией.

Решительное наступление на Ганзу Иван III начал с того, что отменил все привилегии, которыми с давних пор пользовались ганзейские купцы. Подвергая анализу последний поступок московского властелина, историк Н. М. Карамзин приводит на счет этого некоторые соображения. Он пишет, будто бы некоторые историки утверждают, «что Иоанн видел в ганзейских купцах проповедников народной вольности, питающих дух мятежа в Новгороде, и для того гнал их; но сия мысль не имеет никакого исторического основания и не согласна ни с духом времени, ни с характером Ганзы, которая думала единственно о своих торговых выгодах, не вмешиваясь в политические отношения граждан к правительству, и, несмотря на покорение Новгорода, еще несколько лет купечествовала там свободно. Другие пишут, что великий князь сделал то в угоду королю датскому, ее (Ганзы — А. Ш.) неприятелю; что они условились вместе воевать Швецию; что король уступал Иоанну знатную часть Финляндии, требуя уничтожения ганзейской конторы в Новгороде».

Последнее соображение историка ближе к истине, ибо великий князь действительно повелел разгромить в Новгороде Ганзейский торговый двор и тем самым, говоря словами Карамзина, «... в порыве досады разрушил благое дело веков, к обоюдному вреду Ганзы и России, в противность собственному его всегдашнему старанию быть в связи с образованною Европою».

А современный наш историк Н. С. Борисов относительно разрыва великого князя с Ганзейским союзом говорит:

«Разгром Ганзейского двора в Новгороде относится к числу сомнительных предприятий Ивана III. Одни историки считают это решение

ошибочным и объясняют его слишком ревностным исполнением пожеланий датского короля Ганса. Другие видят здесь обычную прозорливость «государя Всея Руси» и полагают, что тем самым он нанес сокрушительный удар ганзейской монополии на Балтике, а также окончательно добил строптивое новгородское купечество. За недостатком источников трудно уверенно поддержать ту или другую точку зрения. Заметим лишь, что не следует лишать московского князя права на ошибки и представлять его своего рода машиной для принятия наилучших решений. Давно сложившийся в исторической литературе образ Ивана III как человека медлительного, осторожного, расчетливого, но при этом настойчивого и неизменно достигающего своих целей, грешит явным схематизмом. Ивану не раз случалось испытывать «головокружение от успехов». Он бросал одно предприятие и поспешно хватался за другое, поманившее его призраком небывалой удачи. При всей его опытности и проницательности, он был еще и человеком страстным, подверженным приступам ярости или восторга.

Следующий после разгрома Ганзейского двора в Новгороде свой удар Иван нанес по ближайшему партнеру и покровителю Ганзы — Швеции. К тому времени объявленных военных действий между Русью и ее северным соседом не было полтора года, а установленная Ореховецким договором граница не менялась с 1323 года. Если какая и была все эти годы неприязнь, то она гасилась мелкими пограничными конфликтами. И вот теперь, воодушевившись союзом с датским королем, московский князь решил нарушить старую границу. Немало претензий к Руси накопилось за долгие годы и у северного соседа. Достаточно сказать, что с возникновением первого русского порта на Балтийском море конфликт со Швецией стал неизбежен.

Сначала стороны попытались разрешить все споры мирным путем. Но состоявшиеся весной 1495 года переговоры московских и шведских дипломатов об урегулировании территориальных проблем результатов не дали. С начала лета того же года небольшие отряды русских войск стали тревожить принадлежавшую шведской короне землю Карелии. Началась война. Главной ее целью с русской стороны снова, как и более чем столетие назад, стала Выборгская крепость — главный оплот противника на перешейке. В августе 1495 года главное войско под командованием воеводы Д. В. Щени выступило из Новгорода, а 4 сентября оно было у Выборга. Уже который раз в своей истории мощная крепость оказалась в русской осаде. Но выборгская кампания 1495 года замечательна тем, что она оказалась первой, которая пришлась на эпоху огнестрельного оружия. До сих пор успех не сопутствовал русским ни в одной выборгской операции, что и понятно. Мощные укрепления были способны выдержать любой натиск наступавших, если те не поддерживались огнем. Сейчас воеводы возлагали надежды на мощь осадной артиллерии.

Другой чертой, отличающей настоящую выборгскую кампанию от всех предыдущих, было то, что в результате ее решался не просто территориальный вопрос. В случае поражения шведов под Выборгом русская сторона

получала весомый шанс на снятие ганзейской блокады с Ивангорода, так что Выборгская операция давала Москве возможность реализовать свой проект балтийской торговли через Ивангород, минуя ганзейское посредничество. Насколько московский князь придавал значение взятию Выборга, говорит тот факт, что он сам в разгар кампании прибыл в Новгород, чтобы быть ближе к военным действиям и содействовать их руководству. Но, надо сказать, никакие меры московского правителя по поддержке своих войск и на этот раз не привели к успеху.

Понимая все трудности в овладении крепостью, Щеня тщательно готовился к осаде. Только когда закончились все работы, он приказал начинать бомбардировку. Артиллерийский огонь не прекращался три месяца, и когда, наконец, были разрушены две башни и образовался большой проем в третьей, воевода отдал приказ к штурму. Русские ратники ринулись на приступ, но и на этот раз шведская твердыня устояла. Поначалу успех сопутствовал наступающим. Им удалось захватить часть стены, но далее гарнизон во главе с комендантом Кнутом Поссе оказал такое яростное сопротивление, что все попытки русских развить успех остались тщетными. В декабре Щеня снял осаду, и его войска, разорив дотла окрестности, вернулись в Новгород.

Неудача под Выборгом не остановила наступательного характера войны. В начале 1496 года русская рать совершила рейд по территории принадлежавшей шведской короне Финляндии. Воеводы выступили из Новгорода в середине января, а в марте, разорив и опустошив южные районы Финляндии и уклонившись от сражения с посланной против них армией, благополучно вернулись в Новгород. Летом 1496 года московские воеводы нанесли по противнику двойной удар. Первый из них, нанесенный по Лапландии с севера, со стороны моря, стал совершенно неожиданным и ошеломляющим. Легкие гребные русские суда, выйдя из Северной Двины и пройдя Белое море, обогнули Кольский полуостров, у берегов которого захватили три шведских корабля, и по рекам Финляндии проникли в ее северные районы. Здесь с судов высадился десант, разоривший окрестности. Второй удар нанесла сухопутная рать по традиционному направлению с юга в район карельского перешейка. Здесь во главе войск вновь стоял большой московский воевода Д. В. Щеня, а собранные для похода силы и значительное количество артиллерии, причем тяжелой, дают основание полагать, что Иван III хотел повторить поход под Выборг, когда вдруг нависшая угроза над Ивангородом заставила московского князя прекратить начатую операцию.

К тому времени шведское командование выработало для себя верную стратегию военных действий, правда, не дающую ему возможности отвоевать что-нибудь из русских владений, но и задачи такой шведская сторона в настоящей войне не ставила, зато позволяющую сорвать любую наступательную операцию русских. Стратегия эта базировалась на том, что шведская сторона располагала первоклассным морским флотом, тогда как у русской стороны флота не было никакого.

И вот в августе того же года, когда русские рати громили внутренние области Швеции, противник внезапно с моря напал на Ивангород. Его эскадра из 70 судов пересекла Финский залив и атаковала только что основанный русский город-порт на Балтике. Осада продолжалась всего одну неделю, после чего совершенно не готовая к обороне крепость пала. Но, взяв и разорив ее дотла, шведы немедленно ушли. Удержать город за собой противник даже не пытался и, услышав, что приближаются крупные силы московских войск, поспешил отплыть к Выборгу. Но свое дело шведское нападение на Ивангород сделало. Противник не ставил целью закрепиться в городе и оставить его за собой, ему нужно было только сорвать русское наступление на Карельском перешейке и возможный поход к Выборгу. И действительно, когда в ставке главного воеводы стало известно о событиях в устье Наровы, он немедленно развернул войска и бросил их на другой театр военных действий освобождать захваченный город. Правда, шведы не дождались подхода главных сил русского войска. Вспугнувшими и заставившими их спешно удалиться были воинские силы соседнего Пскова, до которого скорее дошла весть о драматических событиях в Ивангороде.

Современный историк Н. С. Борисов дает примечательную оценку ивангородским событиям конца лета 1496 года:

«Разгром шведами Ивангорода — символа «русской мечты» на Балтике — едва ли не самая печальная страница отечественной военной истории времен Ивана III. Летописцы рассказывают об этом с горечью и сарказмом. Здесь в полном цвете проявились те пороки, которыми страдала русская армия, — равнодушие далекого «центра», беспечность и трусость местных военачальников, их неумение и нежелание действовать сообща, исходя из интересов дела...

С особым сарказмом летописцы изображают позорное поведение ивангородского воеводы».

Например, пермская летопись оставила нам такой рассказ: «В то же лето пришли свейские немцы (шведы — А. Ш.) с моря в бусах и взяли Ивангород пищалями огненными. А воеводой великого князя был тогда Юрий Бабич, убежавший из города через стену, выпроводив наперед княгиню и награбивши бесчисленно».

Не меньше интереса представляет собой реакция на ивангородские события наиболее из всех русских городов близко расположенного к нему Пскова. Как мы уже сказали, псковичи первыми пришли на помощь терпящему бедствие Ивангороду, но... давайте послушаем рассуждения на эту тему того же современного историка:

«Поспешный уход шведов из захваченного Ивангорода — пишет Борисов, — объясняется просто: со стороны Пскова на них уже шло войско под началом псковского наместника князя Александра Владимировича Ростовского. Рассказывая об этом походе, псковские летописи приводят некоторые подробности ивангородского дела. Шведы взяли крепость 26 августа, то есть через неделю после начала осады. Расправа с защитниками

и мирными жителями была свирепой: «людей мужей и жен и детей мечу предаша, а во граде хоромы и животы огневи предаша». Гонец с вестью о нападении шведов на Ивангород примчался во Псков 22 или 23 августа. (Расстояние от Ивангорода до Пскова — около 200 км. Не слезая с седла и меняя лошадей на ямах, этот путь можно преодолеть за два дня.) Псковский наместник князь Александр Ростовский выступил в поход на третий день после падения Ивангорода — в воскресенье 28 августа. А четыре дня спустя, 1 сентября, из Пскова в сторону Гдова (расположенного на полпути к Ивангороду) выступило и псковское ополчение во главе с посадниками. Поражает медлительность псковичей: они смогли выступить на помощь осажденному Ивангороду только спустя пять дней после получения тревожного известия. (Очевидно, князь Александр Ростовский более других опасался наказания за промедление и потому вышел четырьмя днями ранее основных сил.) Относительно долгие сборы псковичей объясняются прежде всего тем, что приход шведов стал для них полной неожиданностью. Помимо этого, они, вероятно, понадеялись на то, что крепость способна выдержать длительную осаду. В сущности, и здесь, во Пскове, наблюдается та же картина, что и в Ивангороде: беспечность, своекорыстие, низкая мобилизационная готовность».

Итак, поскольку столкновение с сухопутными русскими войсками, ввиду сомнительности надежд на успех, не входило в планы шведов, неприятель оставил разоренный Ивангород и, не приняв боя, ушел в море. Вся ставка в выбранной противником стратегии делалась только на флот. Пока шведы в течение нескольких дней владели Ивангородом, они предлагали его ливонским властям в подарок, но те не рискнули занять город, понимая, какую реакцию это вызовет с русской стороны. Таким образом, захват и разгром Ивангорода, если не считать, что он сорвал московское наступление на перешеек, в котором шансы у русских на успех в овладении Выборгом и без того были мизерными, остался ненужной, бесполезной победой. Обменявшись ударами, противники разошлись с тем, с чем и вступили в войну. Больших успехов не добилась ни одна из сторон, первый русский морской порт на Балтике остался в московских владениях, но прорвать торговую блокаду Ганзейского союза так и не удалось. Московский государь не сумел повернуть путь караванов купеческих судов к Ивангороду, потому как не смог вынудить шведов не препятствовать им на этом пути. В марте 1497 года со Швецией было заключено шестилетнее перемирие. В том же году датский король при поддержке шведской знати захватил Стокгольм и занял шведский престол. Пожалуй, этот факт, когда Ганс уместил на своей голове сразу три короны — Дании, Швеции и Норвегии, и стал главным результатом войны, а что при этом выиграла союзная ему русская сторона, остается только догадываться.

Но если военный спор по балтийской проблеме можно считать закончившемся вничью, то разрыв Иваном III отношений с Ганзейским союзом остался его крупным дипломатическим поражением. Только в 1514 году

сын Ивана III, великий князь Василий восстановит Ганзейский двор в Новгороде и возобновит все отношения с Ганзой. Но невозможно подсчитать, сколько убытков понесла за двадцать лет блокады московская казна.

В течение последующего, довольно продолжительного времени между Московским государством и Швецией снова установились мирные отношения, хотя симпатий у обоих соседей друг к другу никогда не было. Но Швеция не вмешивалась в конфликты Москвы с Ливонией, а Русь больше не пыталась нарушить равновесие на Карельском перешейке. В 1508 году уже в княжение Василия Ивановича со Швецией был заключен мирный договор сроком на 60 лет, дважды подтверждавшийся — в 1513 и в 1524 годах.

В 1537 году, во время правления Елены в годы малолетства Грозного был заключен новый мирный договор со Швецией. Согласно ему, правивший тогда в Швеции король Густав Ваза обязывался не вступать в военные союзы ни с Литвой, ни с Ливонией в случае войн последних против Москвы.

Затишье на северном пограничье московских владений было довольно долгим. Мир со Швецией продлился до 1554 года, пока на старых новгородских рубежах снова не вспыхнула война с северным соседом.

Причиной новой русско-шведской войны наши историки называют участвовавшие пограничные ссоры. Думается, что это не единственная причина, и не главная. Пограничные ссоры и мелкие конфликты на русско-шведском порубежье не утихали никогда и раньше, но они далеко не всегда приводили к большой войне. Сейчас главным побудителем к военным действиям, надо полагать, стала перемена настроения в кремле. После недавнего успеха на Волге и захвата Казани у владельца московского трона начал появляться вкус к завоеваниям. По-настоящему он проявится в развязывании Ливонской войны, но уже сейчас Грозный был не прочь прощупать на прочность других своих балтийских соседей, возможных союзников Ливонии в будущей войне. Ведь во всех прошлых военных столкновениях с Ливонией, в особенности случавшихся во времена правления деда Грозного, Орден неизменно стремился заручиться союзом со Швецией, равно как и Швеция часто искала заступничества Ливонии в своих многократных войнах против Руси. Близость их балтийских интересов позволяла им легко находить общий язык и видеть в русской стороне общего врага.

Проснувшаяся вдруг в московском царе тяга к завоеваниям исключала возможность поиска иных путей урегулирования пограничных споров. При другом настрое эти споры легко могли быть улажены мирными средствами, но Грозный уже навсегда изменил иному настрою, а вместе с ним и мирным средствам в улаживании внешних конфликтов. Не чужды излишней агрессивности были и шведы.

Своим ходом новая война во многом повторяла все предыдущие. Избегая открытых встреч, противники снова обменялись взаимными ударами по опорным базам каждого. Пользуясь тем, что русские не имеют

флота, шведы старались максимально использовать выгоду водного пути. Их эскадра вновь беспрепятственно прошла Финским заливом и всей протяженностью неевского русла, достигнув первого русского укрепления на этом пути на Ореховом острове. Здесь противник безуспешно осаждал Орешек, несколько раз приступая к нему, потом снимая осаду, прерывая кампанию и вновь начиная ее после небольшой передышки. То же самое предпринимали русские против Выборга. Пройдя перешейком, где у противника не было воинских сил и где в лесистой, заболоченной местности можно было не опасаться навязанного ему открытого сражения, русское воинство вышло к знакомой шведской крепости и уже который раз в истории повело ее безуспешную осаду. Излишне говорить о том, что окрестности обеих осажденных крепостей были страшно опустошены, и в этом и был главный, да и единственный результат войны. В стратегическом и тактическом смысле он остался нулевым. Стороны не добились для себя ни малейшего успеха. Но нельзя не сказать, что во все время войны, а она продлилась три года, шведская сторона упорно искала союза с Польшей и с Орденом, настойчиво призывая к совместным военным действиям против Москвы. Так и не дождавшись помощи, шведский король первым заговорил о мире. Выдержки из присланной тогда русскому царю шведским королем грамоты мы цитировали в начале этой главы, и они как нельзя лучше передают настроение короля, вернее, его обиду и раздражение необходимостью сноситься не с самим царем, как себе равным, а с новгородскими наместниками. Царь, как мы уже отмечали, не изменил обычая, но на мирные инициативы короля отвечал согласием: «Мы для королевского челобитья разлитие крови христианской велим унять... также и рубежи велим очистить по старым перемирным грамотам; мы не захотим нигде не взять его земли через старые рубежи, потому что по своей государской справедливости мы довольны своими землями, которые нам Бог дал из старины».

Согласно заключенному тогда договору (1557 г.), шведы могли выкупать из русского плена своих людей, а русских пленных должны были вернуть бесплатно. Кроме того, в договоре уделялось много внимания условиям взаимной торговли и проезда через владения друг друга в другие земли:

«Шведским купцам в вотчину великого государя, в Великий Новгород, в Москву, в Казань и Астрахань ездить вольно, им и послам шведским ездить во всякие государства, в Индию и Китай... гости и купцы отчин великого государя из многих городов говорят, чтоб им в торговых делах была воля, которые захотят торговать в Шведской земле, и те б торговали в Шведской земле, а которые захотят идти из Шведской земли в Любек и Антверпен, в Испанскую землю, Англию, Францию — тем была бы воля и береженье, и корабли были бы им готовы».

Главным же условием договора было подтверждение прежней границы. Таким хрупким миром и завершилось дело, если не считать возобновлявшееся время от времени просьбы короля сноситься напрямую

с царем, на что Москва неизменно отвечала ссылкой на невозможность нарушения древних обычаев. Старина нарушена не была, зато вспыхнувшая на следующий год война за Ливонию нарушила и без того неустойчивое равновесие в регионе. Разглядеть в Швеции потенциального для Москвы противника в новой войне было не трудно. Заинтересованность ее в ливонском побережье и стремление не допустить до него русских не вызывали ни у кого сомнений. Правда, прошло более десяти лет войны, прежде чем Москва скрестила оружие со старым соперником. Сложная, запутанная обстановка, переплетение взаимных интересов и занятость северного соседа войной с другим противником способствовали отсрочке очередного столкновения Москвы со Швецией. Тут дело даже не в мирных договоренностях, которые были заключены прежде и которыми до истечения их сроков были повязаны обе стороны. При других обстоятельствах любая из них нарушила бы мир, не останавливаясь перед химерой дипломатической корректности. Но Швеции необходимо было завершить затянувшуюся войну с Данией, а перед Москвой вырисовался куда более грозный противник, сначала Литва, а с 1569 года и Польша. Поэтому и Швеция и Московское государство легко пошли на заключение в 1563 году семилетнего перемирия. Вспышка же в 1570 году новой войны со шведами объясняется вовсе не окончанием срока перемирия, который просто случайно совпал с завершением войны Дании со Швецией и заключением последней антимосковского союза с Речью Посполитой. Теперь война Швеции против Москвы становилась реальностью. Но даже и сейчас ее инициатива принадлежала московской стороне.

К тому времени прошло уже несколько лет, как русский царь вынашивал идею дать Ливонии статус вассального от Москвы государства, поставив во главе его зависимого от себя правителя. Получив, как мы уже рассказывали, сначала отказ от одного бывшего орденского мигистра, затем от другого, Грозный, по подсказке советников, остановил свой выбор на эзельском правителе Магнусе, и выбор этот, как казалось, был очень удачным. Принц Магнус был не только датским подданным, но и членом королевской семьи. А с Данией у Швеции уже несколько лет продолжалась война за северные территории Ливонии. Правда, к этому времени с обеих сторон уже прозвучали мирные инициативы, которые скоро приведут к окончанию войны, но в Москве об этом пока ничего не знали. В этой ситуации вступление в войну эзельского правителя можно было рассматривать как очередную кампанию Дании против Швеции в продолжающейся войне, в которой Москва вроде бы и не принимает никакого участия. Конечно, все это шито белыми нитками, ведь вряд ли можно долго удержать в секрете договор, заключенный в Москве Магнусом с русским царем. К тому же под знаменами датского принца будут стоять русские войска, и их контингент будет преобладающим в войсках эзельского правителя, при этом представить их как наемников не удастся, в Европе всем хорошо известно, что русские ратники не используются в качестве наемной вооруженной силы. Одним словом,

рассчитывать на то, что можно влезть в войну под чужой маской и не быть при этом опознанным, было бы слишком наивно, но наивность как раз та черта, которой Грозный царь лишен не был. А главное, он при этом ничего не терял, ведь война со Швецией сделалась неизбежной, так почему было не попробовать использовать такую маскировку.

Но Грозный не был бы сам собой, если бы не испортил все в самом начале. Еще до подступа его войск под знаменами Магнуса к Ревелю преданные ему ливонцы стали сноситься с ревельскими жителями, подбивая тех податься на сторону московского царя. Содержание прелестных писем можно передать выдержкой одного из них:

«Что представляет Ливония в течение двенадцати лет? Картину ужасных бедствий, кровопролитий, разорений. Никто не уверен ни в жизни, ни в достоянии. Мы служим великому царю московскому, но не изменили своему первому, истинному отечеству, коему хотим добра и спасения. Знаем, что он намерен всеми силами ударить на Ливонию: выгнать шведов, поляков и датчан. Где защитники? Германия о вас не думает: беспечность и слабость императора вам известны. Король датский не смеет молвить царю грубого слова. Дряхлый Сигизмунд унижается, ищет мира в Москве, а своих ливонских подданных только утешает. Швеция ждет мести и казни: вы уже сидели бы в осаде, если бы жестокая язва, свирепствуя в России, не препятствовала царю мыслить о воинских действиях. Он любит немцев; сам происходит от Дома *баварского* и дает вам слово, что под его державою не будет города счастливее Ревеля. Изберите себе властителя из князей германских: не вы, но единственно сей властитель должен зависеть от Иоанна, как немецкие принцы зависят от императора — не более. Наслаждайтесь миром, вольностию, всеми выгодами торговли, не платя дани, не зная трудов службы воинской. Царь желает быть единственно вашим благодетелем!».

Не станем подвергать разборке все эти увещевания и обещания прелестей, даваемых русским царем чужеродным и иноверным людям, царем, который в это самое время вырезает целые города своих людей. Зададимся только вопросом, зачем после таких воззваний нужен камуфляж с датским принцем. Но ревельцы, как мы видели, не поддались ни на обещанные прелести безмятежной жизни под московским царем, ни на маскировку московской агрессии под датское вмешательство. Очередная авантюра кремлевского самодура с треском провалилась. Вслед за тем в Москве узнали о мире шведского короля с датским.

Война за обладание Ливонией входила в свою последнюю стадию. Но прежде чем русские люди скрестят в ней оружие с северным соседом, Москва будет вынуждена испытать страшную силу удар с юга.

Глава 9

Удар с юга

Выше мы достаточно рассказали о том, что решая проблему выбора направления для очередной агрессии между Востоком и Западом, то есть между Крымом и Ливонией, Грозный в противовес большинству своих тогдашних советников и приближенных выбрал для себя второй путь. Равно как и постарались вскрыть все «за» и «против» каждого из вариантов, при этом большинство аргументов показали ошибочность выбранного русским царем направления. Так вот все это не совсем верно, ибо на самом деле, выбирая себе противника между Орденом со всеми его возможными союзниками и Крымским ханством, московский государь выбрал обоих. И нужно целиком согласиться с тем положением историка Г. В. Вернадского, когда он утверждает, что «реальная дилемма, с которой столкнулся царь Иван IV, состояла не в выборе между войной с Крымом и походом на Ливонию, а в выборе между войной только с Крымом и войной на два фронта как с Крымом, так и с Ливонией. Иван IV выбрал последнее. Результаты оказались ужасающими».

Насколько удобный для себя момент вступления в Ливонскую войну нашли западные союзники Ордена, когда московское воинство в непрерывных штурмах крепостей и замков, сломив сопротивление издыхающего рыцарства, растратило при этом и свои силы, настолько же удобный момент нашел для себя и крымский хан. Он давно ждал такого момента для своего очередного полномасштабного нашествия, он не мог не видеть резкого снижения военного потенциала Москвы, и такой момент для крымского властелина, наконец, настал. К тому времени, когда в мае 1571 года Девлет-Гирей подошел к Оке с более чем стотысячным войском, московское правительство уже в течение нескольких лет не только никак не укрепляло и не пополняло живой силой своего южного рубежа, но и снимало с него целые части, перебрасывая их на запад.

Во главе поредевших войск, занимавших окский рубеж, представлявший собой сейчас призрачную линию обороны, стоял воевода князь М. И. Воротынский. Выше мы уже называли это имя в связи с упоминанием жертв устроенного русским царем внутри своей страны кровавого террора. Теперь традиционным отступлением постараемся несколько подробнее дать портрет этого героя, удачно дополняющий собой характер той эпохи.

Жизненный путь князя Михаила Ивановича Воротынского, как и вся его судьба, настолько типичен для времени царствования Грозного, что

мог бы служить иллюстрацией к нему самому. В его биографии, как в капле воды, отразились все явления тогдашней московской жизни.

Через толщу веков личность князя М. И. Воротынского представляется нам как эталон благородства, равно как его деятельность на службе русского престола стала эталоном воинской доблести. Впрочем, то же самое можно отнести и ко многим другим деятелям эпохи царя Ивана, целиком отдавшим себя ратной службе, своими заслугами прославившим отечество и ставшим жертвами его безумного правителя.

Князья Воротынские ведут свою родословную от сына черниговского князя Всеволода Чермного, Михаила, последнего князя, занимавшего перед нашествием в 1240 году на Южную Русь Батыевых орд киевский стол, бросившего тогда столицу, бежавшего в Венгрию, позже вернувшегося на Русь и убитого в Сарае по приказу Батыя. Православная церковь причислила князя Михаила Всеволодовича к лику святых, но для истории больший интерес представляет то, что его далекий, но прямой потомок Михаил Воротынский, ставший одним из самых знаменитых русских полководцев XVI века, целиком посвятил себя борьбе с татарской агрессией, идущей от осколков Золотой Орды. И именно он нанес потомкам некогда могущественных покорителей Руси столь чувствительные удары, что сама агрессия с Востока если еще и терзала русское государство, то уже не представляла собой угрозы для его целостности и независимости.

Род князей Воротынских владел обширными земельными угодьями в Северной Украине, принадлежавшей Великому княжеству Литовскому. В конце XV столетия, во времена правления Ивана III, когда многие литовские подданные русского происхождения из сопредельных с Русью областей переходили на службу к московскому князю, в Москву переехал служить отец будущего полководца, князь Иван Михайлович Воротынский.

Во времена правления отца Ивана Грозного, великого князя Василия, Иван Воротынский занимал довольно высокое положение в иерархии русской армии, неизменно неся службу на самых опасных рубежах Московского государства. Судьба постоянно перебрасывала его с одного театра военных событий на другой, чередуя традиционную для крымско-татарских вторжений окскую оборонительную линию с походами в Литву, но основным местом службы для Воротынского-старшего все же стала пограничная служба на Оке, где князь многие годы возглавлял преимущественно Передовой полк.

А начало военной службы сына, князя Михаила, относится к 1541 году и связано с большим походом к московским рубежам крымского хана Саип-Гирея. Летом того года крымские орды вышли к Оке в районе Коломны, были отбиты на переправах и отступили в степи, бросив часть обоза и артиллерии, ставших трофеями московских воевод. На обратном пути хан осадил город Пронск в Рязанской земле, пытаясь хоть чем-нибудь восполнить неудачу предприятия, но и там не добился успеха. Первые приступы к Пронску горожане отбили, а приближение

преследующих хана воевод заставило его снять осаду и спешно ретироваться. Московские полки преследовали хана до берегов Дона, а потом, разделившись на отряды, очищали свою территорию от бросившихся на грабеж и загулявших отдельных частей крымского воинства. Вот в связи с этими-то последними действиями и упоминается впервые имя князя Михаила Воротынского. В августе 1541 года во главе небольшого отряда московских войск он разбил царевича Иминя, задержавшегося для грабежа в Одоевском уезде. Этим эпизодом и открывается послужной список полководца.

С 1543 года Михаил Воротынский находится в составе войск, расположенных в Белеве. С 1544 года он сначала наместник, а позже и воевода в Калуге, с 1550 года он наместник в Коломне, с 1551 года в Одоеве. В 1552 году он наместник Коломны и Рязани.

В 1552 году произошло самое знаменитое событие царствования Ивана Грозного и одно из самых блестящих завоеваний российской внешней политики — присоединение к Московскому государству Казанского ханства, и одним из главных героев казанской эпопеи стал князь М. И. Воротынский. На протяжении всей кампании он занимал должность второго воеводы Большого полка и принимал самое деятельное участие как в разработке, так и в непосредственном осуществлении казанской операции. Символично то, что когда к исходу дня 2 октября в результате ожесточенной битвы Казань, наконец, пала, именно Воротынский первым известил царя о победе. При этом летопись со свойственными ей в таких случаях пафосом и напыщенностью слога так передает слова князя, обращенные к царю: «Радуйся, благочестивый самодержец! Твоим мужеством и счастьем победа свершилась: Казань наша, царь ее в твоих руках...».

Трудно, даже невозможно судить о том, в каких именно выражениях в действительности передал царю весть о победе фактически главный воевода русского войска под Казанью. Может быть, и впрямь упомянул доблестный князь о мужестве монарха, которым тот никогда не отличался, чего не мог не видеть и не понимать полководец.

По окончании казанской кампании царь посылает Воротынского на Оку, поручив ему возглавить оборону южного рубежа государства и назначив его первым воеводой Большого полка стоящих на Оке войск. Царь хорошо помнил, что князь Воротынский еще по своей службе до казанского похода превосходно зарекомендовал себя надежным полевым воеводой, а потому и направил его именно сюда, будучи уверенным, что лучше его никто с этой задачей не справится. И не ошибся.

Князь умело организовал защиту вверенного ему рубежа. Налаженная служба дозоров и разведки позволила воеводе располагать информацией обо всех приготовлениях и направлениях движения противника. Воевода еще до казанской кампании освоил тактику оперативной переброски войск с одного узла обороны на другой так, что искусным маневрированием мог восполнить недостаток их численности. В результате все ханские подступы к южным рубежам решительно пресекались. На окских

переправах с успехом отбивались все попытки крымской орды вступить на левый берег реки. В 1553–1562 гг., когда не было лета, чтобы крымцы не предприняли нападения, им так ни разу и не удалось прорваться в центральные районы страны.

Положение усложнилось с началом Ливонской войны. Война на западе с первой своей кампании приковала к себе основное внимание правительства, и она же поглотила все ресурсы государства. Самые отборные и боеспособные войска и самые опытные воеводы были отправлены на запад. Южное направление стало второстепенным, сюда трудно стало выпросить у царя и свежих войск на пополнение, и дополнительных вооружений. И, тем не менее, южная граница Московского государства в течение первых лет войны на западе оставалась надежно закрытой. А далее, как мы знаем, стали происходить события, связанные с переменой в образе правления царя Ивана, не способствующие укреплению обороноспособности.

В конце 1562 года Михаил Воротынский был арестован по нелепому обвинению в измене, столь любимому царем, легко находившему отклик в его помутненном сознании, а потому и широко распространенному тогда в московском обществе. Доблестный воевода был лишен имений и состояния и сослан с семьей в заточение в монастырскую тюрьму на Белом озере.

Через четыре года царь освободил воеводу из заключения, вернул ему часть состояния и вновь назначил выполнять привычный круг обязанностей по защите окского оборонительного рубежа. После четырех лет отсутствия, прибыв теперь в знакомые места, Воротынский нашел состояние дел еще более усугубившимся. К продолжающейся Ливонской войне добавилось новое зло — творимые царем массовые репрессии, коснувшиеся в первую очередь верхов военного руководства. Волна террора буквально захлестывала Россию, пагубно сказываясь на ее оборонном потенциале. Страна вступила в полосу кровавых безумств своего царя, не прекратившуюся до самой его смерти.

В 1568 году над князем Воротынским вновь сгустились тучи. К царю поступил донос о новой «измене» прославленного воеводы, но никакой реальной вины полководца не сумели изобрести даже изощренные в этих делах Ивановы клеветы. Волны массовых казней конца 60-х годов миновали героя.

В начале 70-х годов общее состояние Московской державы стало особенно тяжелым. В войну на Западе, принявшую затяжной характер, уже давно к тому времени против России вступили Литва и Польша, объединившиеся в 1569 году в одно государственное образование. А теперь, желая что-нибудь отхватить от земель разгромленного Ордена, в нее вступила и Швеция. Пора военных побед сменилась на полосу неудач, и русская сторона начала понемногу уступать свои прежние завоевания в Прибалтике. На внешних неудачах не могла не сказываться и внутренняя политика обезумевшего царя. Кровавый террор, апогеем которого стала учиненная царем в зиму 1569–70 гг. массовая резня в Твери, Новгороде и Пскове, неуклонно вел Россию к тяжелому военному поражению.

Об упадке обороноспособности пограничной линии на Оке не могли не знать в Бахчисарае. Соблазн нападения на южные рубежи Московского государства, а при благоприятных обстоятельствах и поход на саму русскую столицу, был очень велик. Не поддаться ему было не в силах хана. Искушение взяло верх, и расчеты крымской стороны полностью оправдались. К моменту подступа крымской орды к окским переправам на всей протяженности линии обороны по Оке численность русских войск не превышала двадцати тысяч человек, а Большой полк главного воеводы Воротынского едва насчитывал шесть тысяч ратников. Напомним, что Девлет-Гирей привел с собой армию численностью около 120 тысяч человек, при этом русские войска были растянуты в тонкую цепочку по всему оборонительному рубежу, тогда как Орда собрала свои силы в кулак, что давало ей шансы на успех при ударе по линии русской обороны в любом ее месте. Но даже и тогда крымский правитель не рискнул идти напролом и нашел для переправы наиболее уязвимое для русских место. Впрочем, это было уже ни к чему. С таким соотношением сил Воротынский не стал стягивать войска навстречу захватчику, а велел всем воеводам отступать к столице и защищать Москву на ее ближних подступах. Туда же со своим полком отступил и сам князь.

С началом кампании русский царь выказал было немалую воинскую ретивость. С первыми слухами о приближении ханского войска к московским рубежам Грозный прибыл на Оку и основал свою ставку в районе Серпухова. Но воинственности у московского самодержца хватило не надолго. Когда стало ясно, что это не рядовой набег с целью заурядных терзаний русских окраин, а полномасштабное нашествие, что силы Девлет-Гирея огромны, царь Иван в панике бежал в Москву, а оттуда в Александрову слободу. Армия после бегства царя осталась в полном замешательстве, а воеводы пребывали в недоумении оттого, что им в такой ситуации следует предпринимать.

Хан беспрепятственно перешел Оку у Калуги, и его воинство устремилось к Москве. Тогда трусливый царь по своему обыкновению бросил не только столицу, но и расположенную в достаточной удаленности от нее Александрову слободу. Грозный бежал на север, — сначала в Ростов, а оттуда еще дальше — в Ярославль и, наконец, в Вологду, где и спрятался на Белом озере, поручив перед бегством защищать Москву своей опричной гвардии. Но татары легко разметали отряды опричников. Эти элитные, привилегированные части московского воинства, великолепно зарекомендовавшие себя перед царем в деле истязания собственного беззащитного народа, перед лицом настоящего врага показали свою полную беспомощность. Но Москва к приходу хана все же сумела собрать кое-какие силы. На защиту столицы прежде всего встали отряды поместного ополчения. На южной окраине Москвы, на Таганском поле, со своим полком встал и Михаил Воротынский. Но и здесь, располагая огромным перевесом в силах, хан не решился штурмовать город. В очередной раз в истории татары зажгли московские посады. Огонь вспыхнул в нескольких местах,

а сильный ветер быстро распространил пламя. В несколько часов деревянный город выгорел, в пламени и в дыму погибли тысячи москвичей. Со времен Тохтамышева нашествия 1382 года Москва и ее жители не терпели подобного бедствия. Этот печальный и трагический эпизод нашей истории, согласно старым летописям, в обработке Н. М. Карамзина, с опусканием некоторых деталей и подробностей звучит так:

«... Хан, вооружив всех своих улусников, тысяч сто или более, с необыкновенной скоростью вступил в южные пределы России, где встретили его некоторые беглецы, наши дети боярские, изгнанные из отечества ужасом московских казней: сии изменники сказали Девлет-Гирею, что голод, язва и непрестанные опалы в два года истребили большую часть Иоаннова войска; что остальное в Ливонии и в крепостях; что путь к Москве открыт; что Иоанн только для славы, только для вида может выйти в поле с малочисленною опричиною, но не замедлит бежать в северные пустыни; что в истине того они ручаются своею головою, и будут верными путеводителями крымцев. Изменники, к несчастью, сказали правду: мы имели уже гораздо менее воевод мужественных и войска исправного. Князя Бельский, Мстиславский, Воротынский, бояре Морозов, Шереметев спешили, как обыкновенно, занять берега Оки, но не успели: хан обошел их и другим путем приблизился к Серпухову, где был сам Иоанн с опричиною».

Вспомним, как историк Виппер успех ханского вторжения 1571 года объяснял изменой некоторых москвичей, незаметно подведших Орду к столице. Очевидно, историк черпал информацию из тех же летописей, что и Карамзин, а то и просто он пользовался лишь трудами последнего. Но любопытно, что и летописи, а за ними и Карамзин не называют имени одного из изменников. Хорошо известно, что летописцы, создавая в монастырях для последующих поколений свои творения, руководствовались только одним принципом: они стремились как можно более угодить светской власти. И чем ближе монастырь к столице, тем такая тенденция просматривалась более отчетливо, а что касается кремлевских монастырей, то там вообще летописи писались под диктовку обладателей трона. Так вот, скорее всего, изменники были придуманы царем для оправдания собственного бессилия защитить столицу, тем более что такое оправдание очень хорошо согласуется с духом времени, отвечает характеру эпохи. Ведь находить и выставлять изменников везде и во всем тогда было очень принято. И нам трудно сегодня не согласиться с другим историком, с Н. И. Костомаровым, который, анализируя события 1571 года, утверждал, что «тиран для оправдания своей трусости выдумал измену и обвинял других». Если бы изменниками были реальные лица, то скрыть их имена, всех до единого, не в силах было бы даже время. Однако ни одного имени не называется. Но если даже и нашлись русские люди, вставшие на сторону хана, то чем они могли помочь ему? О состоянии дел на Москве в ставке Девлет-Гирея было хорошо известно. Такая информация вообще никогда не может удержаться в секрете. Ссылка на то, что

эти изменники помогли подойти хану к русской столице незамеченным, вообще не выдерживает критики. Во-первых, за долгую историю ордынских вторжений степняки великолепно изучили все тропинки, ведущие к Москве, все броды и переправы на Оке, они издревле настолько освоили пути из своих самых дальних кочевий в сердце Руси, что не нуждались ни в каких проводниках. Во-вторых, те же источники, что ссылаются на изменников, которые будто бы незаметно подвели врага к Москве, тут же противоречат себе, говоря о большой тревоге в столице тогда, когда хан только еще подходил к Оке. В столицу первые вести о наступлении Орды пришли из далекой пограничной крепости Путивль. А это даже не дальние подступы к Москве, это дальние подступы к русской границе. Следовательно, неожиданности в ханском вторжении не было. Так что оправдание провала в защите столицы происками каких-то изменников отдает полной несостоятельностью.

Но вернемся к описанию тех событий Карамзиным. В его трактовке, основанием для которой послужили те же самые летописи, причины провала не называются, но они напрашивается у читателя, и причины эти кроются в личности русского царя.

«Требовалось решительности, великодушия: царь бежал!... в Коломну, оттуда в Слободу, мимо несчастной Москвы; из Слободы к Ярославлю, чтобы спастись от неприятеля, спастись от изменников: ибо ему казалось, что и воеводы и Россия выдают его татарам! Москва осталась без войска, без начальников, без всякого устройства: а хан уже стоял в тридцати верстах! Но воеводы царские с берегов Оки, не отдыхая, приспели для защиты — и что же сделали? Вместо того чтобы встретить, отразить хана в поле, заняли предместия московские, наполненные бесчисленным множеством беглецов из деревень окрестных; хотели обороняться между тесными, бранными зданиями. Князь Иван Бельский и Морозов с большим полком стали на Варламовской улице; Мстиславский и Шереметев с правою рукою на Якимовской; Воротынский и Татев на Таганском лугу против Крутиц; Темкин с дружиною опричников за Неглинною. На другой день, мая 24, в праздник Вознесения, хан подступил к Москве — и случилось, чего ожидать надлежало: он велел зажечь предместия. Утро было тихое, ясное. Россияне мужественно готовились к битве, но увидели себя объатыми пламенем: деревянные дома и хижины вспыхнули в десяти разных местах. Небо омрачилось дымом; поднялся вихрь и через несколько минут огненное, бурное море разлилось из конца в конец города с ужасным шумом и ревом. Никакая сила человеческая не могла остановить разрушения: никто не думал тушить; народ, воины в беспамятстве искали спасения и гибли под развалинами пылающих зданий или в тесноте давили друг друга, стремясь в город, в Китай, но отовсюду, гонимые пламенем, бросались в реку и тонули. Начальники уже не повелевали, или их не слушались: успели только завалить Кремлевские ворота, не впуская никого в сие последнее убежище спасения, огражденное высокими стенами. Люди горели, падали мертвые от

жара и дыма в церквах каменных. Татары хотели, но не могли грабить в предместьях: огонь выгнал их, и сам хан, уstraшенный сим адом, удалился к селу Коломенскому. В три часа не стало Москвы: ни посадов, ни Китая-города; уцелел один Кремль, где в церкви Успения Богоматери сидел митрополит Кирилл с святынею и с казною; арбатский любимый дворец Иоаннов разрушился. Людей погубило невероятное множество: более ста двадцати тысяч воинов и граждан, кроме жен, младенцев и жителей сельских, бежавших в Москву от неприятеля; а всех около восьмисот тысяч. Главный воевода князь Бельский задохнулся в погребе на своем дворе, также боярин Михайло Иванович Вороной, первый доктор Иоаннов, Арнольф Лензей, и 25 лондонских купцов. На пепле бывших зданий лежали груды обгорелых трупов человеческих и конских. «Кто видел сие зрелище, — пишут очевидцы, — тот вспоминает об нем всегда с новым ужасом и молит Бога не видать оногo вторично.

Девлет-Гирей совершил подвиг: не хотел осаждать Кремля, и с Воробьевых гор обозрев свое торжество, кучи дымящегося пепла на пространстве тридцати верст, немедленно решился идти назад, испуганный, как уверяют, ложным слухом, что герцог или король Магнус приближается с многочисленным войском. Иоанн в Ростове, получив весть об удалении врага, велел князю Воротынскому идти за ханом, который, однако ж, успел разорить большую часть юго-восточных областей московских и привел в Тавриду более ста тысяч пленников. Не имея великодушия быть утешителем своих подданных в страшном бедствии, боясь видеть театр ужаса и слез, царь не хотел ехать на пепелище столицы: возвратился в Слободу и дал указ очистить московские развалины от гниющих трупов. Хоронить было некому: только знатных или богатых погребали с христианскими обрядами; телами других наполнили Москву-реку, так что ее течение пресеклось: они лежали грудями, заражая ядом тления и воздух и воду; а колодези осушились или были засыпаны: остальные жители изнемогали от жажды. Наконец собрали людей из окрестных городов; вытаскали трупы из реки и предали их земле».

Так описал эту мрачную и трагическую картину Карамзин, приблизительно в таких же тонах она выглядит и у С. М. Соловьева, что неудивительно. Ведь наверняка оба пользовались одними и теми же источниками — старыми московскими летописями. Примечательно, что Соловьев, обычно очень критически относящийся к количественным оценкам, приводимым древними источниками, утверждающий, что они всегда склонны завышать действительные цифры, здесь в целом соглашается с ними и склонен доверять летописцу. «По иностранным известиям, — пишет он, — войска и народу погубло до 800000; допустив преувеличение при невозможности верного счета, вспомним, однако, что при вести о татарах в Москву сбежалось много народу из окрестностей, что во время пожара бежать было некуда: в поле — татары, в кремль — не пускали... По русским известиям, людей погорело бесчисленное множество;... осаждать кремль хан не решился и ушел с множеством пленных — по некоторым известиям, до 150000...».

А у Н.И. Костомарова эта же картина выглядит так:

«Трудно было бежать из обширного города, куда кроме жителей набилось много народа из окрестностей; тех захватил пламень, другие задохлись от дыма и жара. В числе последних был главный воевода князь Иван Бельский. Огромные толпы народа бросились в ворота, находившиеся в той стороне, которая была удалена от неприятеля; толпа напирала на толпу, передние попадали, задние пошли по ним, за ними другие повалили их, и таким образом многие тысячи были задавлены и задушены. Москва-река была запружена телами. В два месяца, говорил англичанин-очевидец, едва можно было убрать кучи людских и конских трупов. Татары не могли ничего награть; все имущество жителей Москвы сгорело...

Иван Васильевич был унижен, поражен, но, сообразно своему характеру, столько же падал духом, когда постигало его бедствие, сколько чванился в счастье. Иван послал к хану гонца с челобитьем, предлагал деньги, писал, что готов отдать ему Астрахань, только просил отсрочки; он хотел как-нибудь хитростью и проволочкою времени оттянуть обещаемую уступку земель».

От сожженной Москвы крымский хан повернул назад, грабежами и убийствами сопровождая свой обратный путь. Остатки русского воинства следовали за Ордой, но, не имея сил вступить в решающее сражение, ограничивались нападениями на отдельные отставшие отряды, провожая отступающее татарское воинство до самой Оки.

После ухода Орды царь не захотел видеть московского пепелища, он вернулся в Александрову слободу, где и принялся расследовать причины случившейся трагедии. Конечно, более других русского царя устраивала версия измены приближенных, в частности его воевод, оттого-то, видимо, эта причина и нашла отражение в тогдашних летописях и вообще прочно поселилась в московских умах. В результате были казнены четверо опричных воевод, которым поручалась защита столицы, в том числе и главный опричный воевода, князь Черкасский, близкий родственник второй жены Грозного. Но понятно, что все это были «козлы отпущения».

Нашествие Девлет-Гирея летом 1571 года осталось тяжелым военным поражением России в ее истории. Впервые после многих лет не удалось удержать врага на окских переправах, остановить крымцев на дальних подступах к Москве, что позволило им огнем уничтожить столицу.

Но ни с каким материальным ущербом не сравнится моральное унижение России от понесенного поражения и унижение самого царя. Вот как об этом повествует нам Карамзин:

«Теперь увидим, сколь тиран был малодушен в сем первом, важнейшем злоключении своего царствования. 15 июня он приблизился к Москве и остановился на Братовщине, где представили ему двух гонцов от Девлет-Гирея, который, выходя из России, как величавый победитель желал с ним искренне объясниться. Царь был в простой одежде: бояре и дворяне также в знак скорби или неуважения к хану. На вопрос Иоаннов

о здравии брата его, Девлет-Гирея, чиновник ханский отвечивал: «*Так говорит тебе царь наш: мы назывались друзьями; ныне стали неприятелями. Братья ссорятся и мирятся. Отдай Казань с Астраханью: тогда усердно пойду на врагов твоих*». Сказав, гонец явил дары ханские: нож, окованный золотом, и промолвил: «Девлет-Гирей носил его на бедре своей: носи и ты. Государь мой еще хотел послать тебе коня; но кони наши утомились в земле твоей.» Иоанн отвергнул сей дар *непристойный* и велел читать Девлет-Гирееву грамоту: «Жгу и пустошу Россию (писал хан) единственно за Казань и Астрахань; а богатство и деньги *применяю* к праху. Я везде искал тебя, в Серпухове и в самой Москве; хотел венца и головы твоей: но ты бежал из Серпухова, бежал из Москвы — и смеешь хвалиться своим царским величием, не имея ни мужества, ни стыда! Ныне узнал я пути государства твоего: снова буду к тебе, если не освободишь посла моего, бесполезно томимого неволю в России; если не сделаешь, чего требую, и не дашь мне клятвенной грамоты за себя, за детей и внучат своих». Как же поступил Иоанн, столь надменный против христианских, знаменитых венценосцев Европы? *Бил челом хану: обещал уступить ему Астрахань при торжественном заключении мира; а до того времени молил его не тревожить России; не отвечал на слова бранные и насмешки язвительные; соглашался отпустить посла крымского, если хан отпустит Афанасия Нагого (русский посланник при дворе крымского Гирея — А. Ш.) и придет в Москву вельможу для дальнейших переговоров. Действительно готовый в крайности отказаться от своего блестящего завоевания, Иоанн писал в Тавриду Нагому, что мы должны по крайней мере вместе с ханом утверждать будущих царей астраханских на их престоле; то есть желал сохранить тень власти над сею державою. Изменяя нашей государственной чести и пользе, он не усомнился изменить и правилам церкви: в угодность Девлет-Гирею выдал ему тогда же одного знатного крымского пленника, сына княжеского, добровольно принявшего в Москве Веру христианскую; выдал на муку или на перемену Закона к неслыханному соблазну для православия.*

Унижаясь перед врагом, Иоанн как бы обрадовался новому поводу к душегубству в бедной земле своей, и еще Москва дымилась, еще татары злодействовали в наших пределах, а царь уже казил и мучил подданных!»

Кажется, трудно представить большее унижение царского величества и всей его державы, чем унижение России и ее царя перед крымским венценосцем после его московского похода 1571 года. От всего этого отдало давно пережитыми временами ордынского ига над Русью.

Кто же виноват в случившейся трагедии?

Даже не принимая во внимание доходящее до отвратительной низости малодушие русского царя, проявленное им в этом печальнейшем событии нашей истории, не придавая значения его омерзительной трусости, когда он бросил на произвол судьбы свою столицу и весь сбегавшийся туда народ, а просто лишь учитывая один только факт, что

хан без боя занял русскую столицу и так и не был изгнан из нее, а ушел оттуда сам, а русский царь не освободил и пяди своей земли, а терпеливо дождался, пока враг не покинул ее, можем ли мы успех предпринятого крымцами похода списывать на каких-то изменников и не складывать главную вину на русского царя.

Анализируя событие лета 1571 года, нельзя не учитывать, что оно произошло через сто лет после падения ордынского ига. Да, надо признать, что все предшествующие нашествию Девлет-Гирея годы осколки бывшей азиатской империи продолжали терзать русские земли, причем наибольшую опасность для Московского государства являло в этом смысле Крымское ханство, и именно этот осколок бывшей Чингизидовой державы больше других улусов имел успехов в нападениях на Русь. Но и он не только никогда не знал того, как выглядит Москва, но уже много десятков лет не переступал южной границы Руси, проходившей в прежние времена по Оке. Напротив, Русь все более и более углублялась в заокскую степь, переноса туда свой южный рубеж и передвигая в этом направлении свои засечные линии. Ко времени воцарения на московском престоле Ивана IV последним рубежом, до которого удавалось доходить крымскому воинству, стала Тула. Дальше путь захватчику был заказан. И вот теперь, по прошествии двадцати лет после покорения Казани и более десяти лет после Астрахани, то есть после того, как была полностью обеспечена безопасность государства с его восточной стороны и, стало быть, тем самым высвобождены воинские силы для обороны южного рубежа, когда, как говорят, был достигнут пик торжества внешней политики царя Ивана IV на Востоке, в год наибольшего разгула опричнины, а стало быть, во время расцвета внутренней политики Грозного, крымский хан беспрепятственно переходит старый пограничный окский рубеж, с необычайной легкостью расшвыривает одни отряды царских воевод, искусно в смысле маневренности обходит другие и, как нож сквозь масло, проходит через центральные районы государства до самых кремлевских стен. Там он дотла выжигает Москву, оставляет горы трупов русских людей и, набравши множества полону, что и являлось главной целью этого и всех других набегов Орды, живущей исключительно торговлей живым товаром, преспокойно и практически без потерь возвращается к себе за Перекоп.

За тринадцать лет до этого события царь не решился на кампанию против Крыма. Тогда, когда разведывательные рейды его второстепенных воевод с отрядами в несколько тысяч человек наводили ужас на крымцев, не осмеливавшихся оказать русским никакого отпора, Грозный не поверил в успех крупного наступления на полуостров. Он посчитал предприятие малоперспективным, а встречу с врагом на крымской земле или на подступах к ней не сулящей победу. Теперь он встретился с этим врагом, мало сказать, на своей земле, встреча произошла под самыми кремлевскими стенами, и та самая акция, от которой в свое время отказался московский правитель и на которую теперь решился крымский

властелин, принесла последнему полный успех. Безусловно, ханскому успеху содействовал выбранный для нападения момент, когда силы Москвы были сосредоточены на западе. Но в Кремле обязаны были это предвидеть, как обязаны были понимать, что война на два фронта будет Москве не под силу.

И, конечно же, кроме внешних факторов к катастрофическим последствиям крымского нашествия 1571 года привел фактор внутренний. Трагедия лета 1571 года стала результатом устроенного Грозным внутри страны кровавого и бессмысленного террора.

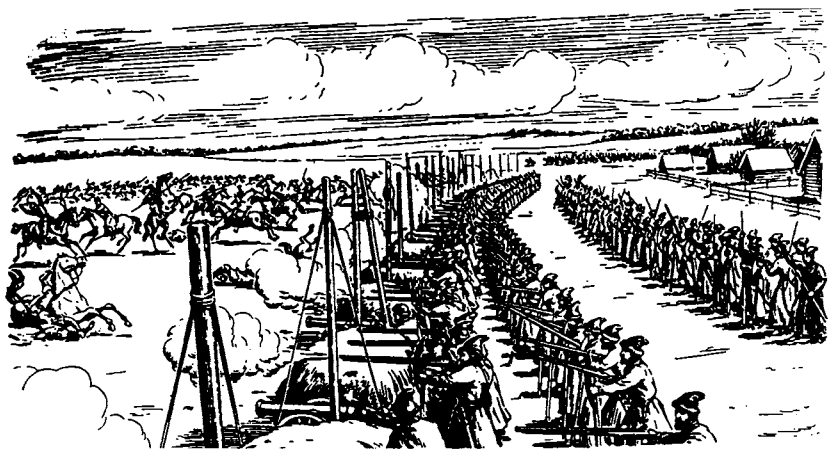
Но легкость, с которой крымский правитель осуществил всю операцию, сыграла с ним злую шутку. Победная эйфория ровно через год толкнула его на повторение прошлогоднего подвига. Воодушевленный большой удачей, Девлет-Гирей попытался летом следующего года повторить свой успех, но на этот раз результат вышел обратным. Убедившись в слабости русской обороны и еще более усугубившемся состоянии дел на Ливонском театре войны, хан заявил о своем намерении повторить акцию годичной давности, но на этот раз его ждала полная неудача. Провал задуманного плана и разгром крымского воинства явились финалом похода 1572 года.

В последних числах июля крымские войска численностью в 120 тысяч человек снова, как и год назад, вышли к Москве. Но трагедия прошлогоднего нападения заставила русского царя сделать кое-какие выводы. В результате за прошедший год правительство сумело усилить южный оборонительный рубеж. Пользуясь временным затишьем военных действий в Прибалтике и очередными переговорами со своим главным противником на западе — с Речью Посполитой, Москва перебросила на Оку крупные контингенты войск. Теперь здесь под знаменами главного воеводы стояло 60 тысяч ратников, только его Большой полк насчитывал 20 тысяч человек. Этого было немного для удержания окского рубежа, но все же с такими силами можно рассчитывать на успех, шансы не допустить неприятеля к столице оставались намного выше, чем год назад. Но царь и теперь не стал искушать судьбу и ожидать прихода врага в столице. Больше того, он уже не чувствовал себя в безопасности даже на севере, в Ярославских и Вологодских землях. На этот раз при первых же слухах о готовящейся в Крыму кампании против Москвы, несмотря на усиление окского оборонительного рубежа, царь укрылся в Новгороде. Его переселение туда говорило о том, что он не надеется на успех отражения очередной агрессии. Страх настолько глубоко поселился в душе Грозного, что, убегая в Новгород, он прихватил с собой из Москвы всю казну и все имущество. Согласно летописям, царские ценности перевезли на 450 телегах, а полный вес груза составил около 160 тонн. Перевезенные богатства сложили в подвалах трех новгородских церквей, охрану которых несли сотни стрельцов. Судя по всему, царя охватила паника, страх, навеянный московской трагедией прошлого года, был так велик, что Грозный чувствовал вокруг себя опасность везде, где бы он ни был.

Кампания началась с того, что татарам, как и год назад, удалось найти незащищенное место для переправы. Главным воеводой над русскими войсками на Оке по-прежнему оставался князь М. И. Воротынский. В ночь на 28 июля орда перешла на левый берег и устремилась к серпуховской дороге. Не успевший к месту переправы Воротынский пошел за ханом параллельным курсом, догоняя его арьергарды и нанося фланговые удары на марше. Одновременно князь приказал всем находившимся в его распоряжении воеводам двигаться к Москве наперерез хану и во что бы то ни стало перекрыть дорогу к столице. К концу того же дня, 28 июля, передовым отрядам русских войск удалось нагнать главные силы орды у деревни Молоди, что в 50 верстах к югу от Москвы, и навязать ему здесь генеральное сражение. Первым настиг Девлет-Гирей полк под командованием воеводы Хворостинина. Смелой атакой с фланга воевода опрокинул арьергард хана, возглавляемый сыновьями Девлет-Гирей. Хан был вынужден остановиться и бросить против Хворостинина крупные силы, но полк русского воеводы выстоял, отразив все наскоки ордынской конницы. На следующий день хан продолжил попытки отбросить вцепившийся ему в тыл и во фланг русский авангардный полк. Но Хворостинин продолжал стойко отбиваться, а к месту разыгравшегося большого сражения уже подходил полк главного воеводы.

Именно здесь в битве, вошедшей в историю как битва при Молодах, впервые отмечено использование русской армией гуляй-города как нового тактического средства тогдашней войны, существенно обогатившего отечественное военное искусство. Прибыв на место побоища, воины Большого полка быстро соорудили гуляй-город по соседству с позициями, занимаемыми Хворостининым, а тот, отбивая очередную атаку ордынской конницы, подвел ее под эти вновь сооруженные укрепления. Залп пушек и пищалей нанес огромный урон атакующей массе крымских всадников. Тем же заканчивались и все последующие атаки орды. На следующий день сражение возобновилось с новой силой. Девлет-Гирей бросал все свои силы против Воротынского, стремясь разорвать укрепленный лагерь Большого полка, но все наскоки татарской конницы разбивались о легкие защитные сооружения гуляй-города. Одновременно бои гремели и в других местах окрестностей Молодей. Продолжавшие подходить от Оки русские отряды с марша вступали в битву, отчего она распалась на ряд отдельных боев на флангах и в тылу крымского войска. Но основные события, которым суждено было определить исход кампании, разворачивались на позициях Большого полка главного русского воеводы. Особенно ожесточенные схватки произошли здесь 2 августа, в день, когда и решилась участь сражения. Отбив очередной яростный приступ татар к гуляй-городу и оставив в нем Хворостинина, главный воевода с половиной полка незаметно вышел из своей полевой крепости и, обогнув фланг противника, неожиданно ударил ему в тыл. В то же время Хворостинин атаковал его из своих полевых укреплений, предварительно осыпав сильным артиллерийским огнем. Удара с двух сторон

изнуренная бесплодными четырехдневными атаками и потерявшая в них много людей орда не выдержала. К концу дня 2 августа началось всеобщее и паническое бегство ее к Оке.

Отражение русской пехотой атаки ордынской конницы

На следующий день, 3 августа, на окском берегу авангард Воротынского уничтожил пятитысячный крымский отряд, прикрывавший переправу остатков своей разбитой армии. Это стало последним аккордом в затянувшейся на несколько дней битве, последней точкой в истории похода Девлет-Гирея. Потери противника были огромны. Кроме доставшихся победителям богатых трофеев, в плену у воевод оказались главнокомандующий ханским войском Дивей-мурза и много других крупных ордынских военачальников. Сам хан сумел спастись бегством. С ним ушло в Крым, как повествуют древние источники, не более двадцати тысяч человек из его воинства.

6 августа весть о победе пришла в Новгород, и только тогда, снова нагружившись всем своим добром, царь отправился в обратный путь, в Москву.

Победа при Молодях надолго отвела крымских захватчиков от посягательств на русскую землю, на какое-то время, как это бывает после большой победы, на южном рубеже воцарилось спокойствие. Важное значение битвы при Молодях заключается и в том, что была, наконец, одержана блестящая победа после длинной череды неудач, преследовавших русское оружие в последние годы. Кроме того, разгром орды при Молодях показал слабость крымского воинства, а следовательно, кампания 1572 года стала еще одним доказательством неверности решения царя, отказавшегося в свое время от наступления на Крым. Ведь неудача прошлого года целиком объясняется грубыми, недопустимыми просчетами московской стороны, но никак не силой противника.

Переменился и тон в сношениях между соперниками. После провала похода 1572 года Девлет-Гирей больше не упоминал о Казани и в своих требованиях русскому царю ограничивался только одной Астраханью. Но Грозный после большой победы уже не шел ни на какие уступки.

Комментируя итоги победы при Молодях, историк Костомаров, между прочим, отмечает:

«Эта победа не могла, однако, загладить бедствия, нанесенные в 1571 году. Русская земля потеряла огромную часть своего народонаселения, а столица помнила посещение Девлет-Гирея так долго, что даже в XVII веке, после новых бедствий Смутного времени, это событие не стерлось из памяти потомства. Иван, всегда подозрительный, боязливый, всегда страшившийся то заговоров, то измен и восстаний, теперь более чем когда-нибудь вправе был ожидать вспышки народного негодования: оно могло прорваться, подобно тому, как это сделалось некогда после московского пожара».

Но, по мнению Костомарова, московская трагедия 1571 года имела и свою позитивную сторону, она подвигла власти на укрепление южного пограничного рубежа. «Бедствие, постигшее тогда Москву, — пишет историк, — повело, однако, к принятию на будущее время лучших мер безопасности. С этих пор в южных пределах государства образовалась сторожевая и станичная служба: из детей боярских, казаков, стрельцов, а частью из охотников, посадских людей выбирались сторожи и станичники; первые, товариществами, попеременно держали сторожу на известных местах; вторые, также товариществами, ездили из города до города, от сторожи к стороже. Тогда на юге возникали новые города; так появились Венев, Елифань, Чернь, Данков, Ряжск, Болхов, Орел. Города эти были сначала небольшие острожки, с деревянными стенами и башнями, окруженные рвами. Они мало-помалу привлекали к себе население людей смелых и отважных. Туда стекались так называемые гулящие и вольные люди, то есть не записанные в тягло и необязанные нести повинностей: то были молодые сыновья и племянники людей всякого звания, и служилых, и посадских, и крестьян».

Но при всех заботах правительства надежная оборона южного степного рубежа до тех пор, пока не стихнет война за Ливонию, будет теперь обеспечиваться только за счет ослабления русских позиций на западном фронте. Последующие события покажут, что любая активизация военных действий в Ливонии окажется связанной с переброской войск с окских берегов и, напротив, укрепление пограничной линии на юге будет возможно только с уступкой инициативы Швеции или Литве. Это будет как «тришкин кафтан», что лишний раз подтверждает правоту идейных противников Грозного, в свое время отговаривавших его от завоевания Ливонии, тогда как война против Крыма была бы войной только с одним противником, без угрозы возникновения второго фронта. Все, что могла дать победа над ордой летом 1572 года, — это гарантию спокойствия на южном рубеже на какое-то время, и, следовательно, возможность только

на это время сосредоточить все усилия на западном фронте, правда, как покажут последующие события, успехов от этого там не прибавится.

И уж, коль скоро мы затронули личность князя Воротынского, то, следуя принятой тенденции, доведем рассказ о нем до конца.

Разгром крымской орды при Молодях сделал имя князя Воротынского символом воинской доблести, для своих современников воевода стал главным героем эпохи, а вот этого уже царь Иван Васильевич вытерпеть не мог. После блестящей победы, спасшей Москву, ее главный герой был арестован по обвинению, нелепость которого была очевидна даже еще не вышедшему из средневековой тьмы московскому обывателю. Воеводу подвергли мучительным пыткам, а потом в беспамятном состоянии отправили в знакомое место заключения, в монастырскую тюрьму на Белом озере, куда довести полководца не успели. По дороге князь М. И. Воротынский умер.

Судьбу полководца разделили многие представители московской военно-служилой аристократии. Посвятить жизнь безупречной службе государству и закончить ее, пав жертвой его безумного правителя, стало обычаем и нормой для лучших людей московского общества.

Глава 10

Поражения

военные и дипломатические

Но не московское разорение, не угрозы новых нашествий с юга, остававшиеся реальностью вплоть до повторного похода Девлет-Гирея, владели помыслами царя Ивана. Все его сознание оставалось нацеленным на Ливонию, сюда было полностью приковано его внимание. Ливония сделалась его страстью, азарт овладения ею целиком захватил русского царя.

После того как против него сколотилась целая коалиция, Грозный первоочередной своей задачей поставил очистить северные районы Ливонии от шведов. Прошлогодня осада Ревеля Магнусом не охладила воинственного пыла московского властелина. Во время своего пребывания в Новгороде в конце 1571 года он велел собираться здесь воеводам со своими полками, но сначала все же решил попробовать закончить дело миром, договорившись со шведским королем. Надо полагать, царь Иван рассчитывал на уступчивость северного соседа, который испугается русских приготовлений к серьезным военным акциям. Для переговоров с королевской стороной в Новгород привезли арестованных шведских послов, которых все это время держали в Муроме. Дело происходило до разгрома орды при Молодах, но уже сейчас от унижения и смирения, выказанных недавно Грозным при встрече с крымскими послами, не осталось и следа. Перед шведскими дипломатами московский царь проявил такую спесь и заносчивость, что нельзя было поверить в то, что несколько месяцев назад враг дотла выжег его столицу, угнал в неволю десятки тысяч его подданных и ушел за свои рубежи практически безнаказанным. Как нельзя было поверить в то, что этот царь совсем недавно пресмыкался перед посланниками своего заклятого крымского врага, обещал вернуть ему одно из самых главных завоеваний своего царствования — Астрахань и униженно просил не беспокоить русских пределов.

Нет, Грозный не забыл своего поражения, и уверенности за безопасность своего южного рубежа у него не будет вплоть до победы Воротынского при Молодах. Но царь не считал Швецию таким грозным противником, во всяком случае, не видел от нее угрозы своим владениям, и это было правдой: Швеция не посягала на московские земли, а потому в сношениях с северным соседом можно было вернуться к своему обычному высокомерию.

Иван заявил послам, что он не начнет войны против шведского королевства, если их король выведет свои войска с занятых им ливонских земель и откажется на будущее от всех притязаний на эти края. Кроме

того, русский царь требовал от Юхана шведского сумму в 10 000 ефимков в качестве компенсации за оскорбление, нанесенное московским послам в Швеции во время свержения Эрика. Но и этого московскому самодуру казалось мало. Он поставил условие, чтобы шведский король заключил с ним военный союз против Литвы и в случае войны поставил бы в русское войско тысячу конных и пятьсот пеших ратных людей. Кроме всего прочего, Швеция, если только она хотела мира с русским царем, не должна была чинить препятствий проезду в Московское государство специалистов самых разных отраслей, в том числе и военных, и обязывалась свободно пропускать любые товары, что ранее всегда находилось под запретом правительств европейских держав, державших под контролем Балтийский торговый путь. Верхом Ивановых требований стало условие включения королем в титул русского царя добавки шведского. Последнее означало ни много, ни мало признание шведским королем своей вассальной зависимости от России, а то, может быть, даже и больше — прямого присоединения Швеции к Московской державе. Как известно, Иван Грозный стал именоваться, помимо всего прочего, царем казанским и астраханским именно после завоевания этих царств. Теперь на равную ступень подчинения себе московский властелин пытался поставить независимую Швецию. Он даже требовал от послов, чтобы их король прислал ему свой герб для помещения его в герб Московского государства. В завершении всего Грозный оправдывался перед послами относительно требований Екатерины, супруги шведского короля: «Мы просили у Эрика сестры польского короля, Екатерины, для того, чтобы нам было к повышению над недругом нашим, польским королем: через нее хотели мы с ним доброе дело постановить; а про Юхана нам сказали, что он умер и детей у него не осталось».

Изможденные долгим и тяжелым заключением послы, не чаявшие уже больше увидеть белый свет, во всем поручились за своего короля и подписались под всеми требованиями московского владыки, заверяя его, что их король «во всем исправится и добьет челом». Понятно, что послами руководило только одно желание: выбраться отсюда живыми, в особенности после того, как Грозный царь на последнем приеме относительно шведского короля заявил: «да исполнит волю нашу или увидим, чей меч острее».

Отпуская послов, Грозный передал через них для короля письмо, в котором, между прочим, были слова:

«Ничем не умолишь меня, если не откажешься от Ливонии. Надежда твоя на цесаря есть пустая. Говори, что хочешь; но словами не защитишь земли своей».

Мы и раньше знакомились с дипломатическими приемами Грозного. Помним его выпады в сторону Ордена накануне Ливонской войны. Но тогда русскому царю представлялся слабый противник, каким была Ливония, а о возможном заступничестве за нее кого бы то ни было московский государь не догадывался. Здесь же его дипломатическая несостоятельность выходит наружу во всем своем блеске. На четырнадцатом

году войны, принявшей затяжной характер, и туманные перспективы которой понемногу стали приобретать ясные очертания, причем ясность эта явно была не в пользу московской стороны, русский самодержец продолжал сохранять тот же тон, с которым он начинал эту бойню против слабого во всех отношениях противника. Понятно одно, русский царь потерял почву под ногами, он не соизмерял своих возможностей с реальным положением вещей, не чувствовал этого положения и совершенно не ориентировался в происходящем вокруг, а потому все больше и больше оказывался в изоляции. Он продолжал сноситься с Литвой, вернее с Речью Посполитой, с которой у него не было ни настоящей войны, ни прочного мира, и обе стороны, как могли, использовали очередную передышку, накапливая силы для будущего. Датский король Фредерик после заключения мира со Швецией пытался в ливонских делах сохранять нейтралитет, или, во всяком случае, делал вид, что не участвует ни на чьей стороне. Он заверял русского царя в искренней дружбе, но дружба эта не шла дальше пустых обещаний в поддержке против торговой блокады. Фредерик даже не сообщил Ивану Грозному о своем мире со Швецией, наивно полагая, что такую информацию можно долго держать в секрете. Впрочем, непонятно, что он хотел добиться таким утаиванием. Но именно через датского короля император Максимилиан обращался к московскому царю с просьбой опасной грамоты для своих послов. Царский ответ в Данию звучал так:

«Фредерик хорошо делает, что желает нам быть верным другом до конца жизни; но то нехорошо, что без нашего веления мирится с неприятелем России. Да исправится; да стоит с нами заедино; да убедит шведов повиноваться воле моей!.. Послов брата нашего, Максимилиана, ожидаем: им путь свободен сюда и отсюда».

Но, безусловно, основными для Москвы оставались отношения с Речью Посполитой. Здесь тон был совсем иным, чем с властями Швеции, видимо у Грозного хватало соображения не раздражать излишней заносчивостью и высокомерием своего главного и наиболее серьезного противника. В 1571 году велись переговоры с посланником Сигизмунда, который от имени короля выразил недовольство тем, что русские в противность договора заняли Тарваст, что ставленник русского царя герцог Магнус во время ревельского похода повоевал некоторые погосты, принадлежавшие Литве. Польский король предлагал царю Ивану некоторые ливонские города за Полоцк. Русская сторона, а ее на переговорах представлял думный дьяк Андрей Щелкалов, оправдывалась тем, что Магнус воевал не литовские, а шведские владения, что Тарваст занят русскими согласно достигнутым ранее договоренностям, что, наконец, царь уступит королю Полоцк, если Сигизмунд согласится уступить всю Ливонию. Чуть позже Грозный согласился оставить в руках короля и Курляндию. Кроме всего прочего, дипломаты Грозного всячески пытались склонить западного соседа к союзу с Москвой против Швеции, а это условие для польско-литовской стороны было самым неприемлемым. Противники

России к тому времени полностью определились с внешнеполитическими целями, и Речь Посполитая уже заручилась союзом Швеции против Москвы. Но на ближайшее время непосредственно военные действия в Ливонии ожидалось на шведском участке фронта.

Можно понять, как оскорбился Юхан шведский требованиями русского царя, в особенности теми, что касались королевы. Шведский король ничем не ответил Грозному и тем показал, что он не собирается искать мира на условиях, предлагаемых московским самодуром. Но вот воевода в Орешке, который напрямую сносился с Выборгским королевским наместником, сообщил царю, что из Выборга идут слухи, будто бы московский царь сам просит мира у шведской стороны. Негодованию русского царя не было предела. А тут еще к этому времени как раз поспела весть о победе над татарами при Молодях. И если Грозный даже после поражения от хана в сношениях со шведским королем не изменял своему привычному тону, то можно понять, до какой степени вознеслась его спесь после большой победы. Тогда царь Иван разразился в адрес шведского короля такой грамотой:

«Скипетродержателя Российского царства грозное повеление с великосильною заповедью: послы твои уродливым обычаем нашей степени величество раздражили; хотел я за твое недоумие гнев свой на твою землю простереть, но гнев отложил на время, и мы послали к тебе повеление, как тебе нашей степени величество умолить. Мы думали, что ты и Шведская земля в своих глупостях сознались уже; а ты точно обезумел, до сих пор от тебя никакого ответа нет, да еще Выборгский твой приказчик пишет, будто нашей степени величество сами просили мира у ваших послов! Увидишь нашего порога степени величества прощенье этою зимою; не такое оно будет, как той зимы! Или думаешь, что по-прежнему воровать Шведской земле, как отец твой через перемирие Орешек воевал? А как брат твой обманом хотел отдать нам жену твою, а его самого с королевства сослали! Осенью сказали, что ты умер, а весною сказали, что тебя сбили с государства. Сказывают, что сидишь ты в Стекольне в осаде, а брат твой, Эрик, к тебе приступает. И то уже ваше воровство все наружи: опрометывается, точно гад, разными видами. Земли своей и людей тебе не жаль; надеешься на деньги, что богат. Мы много писать не хотим, положили упование на Бога. А что крымскому без нас от наших воевод приключилось, о том спроси, узнаешь. Мы теперь поехали в свое царство на Москву и опять будем в своей отчине, в Великом Новгороде, в декабре месяце, и ты тогда посмотришь, как мы и люди наши станем у тебя мира просить».

Король не остался в долгу и на последние выпады Грозного отвечал бранным же письмом. Этим дипломатические приемы урегулирования спорных вопросов оказались исчерпанными. Война стала неизбежной, и осенью 1572 года восьмидесятитысячное русское войско вступило в Северную Ливонию.

О серьезности задуманной кампании говорят собранные для ее проведения силы. Армия стала второй по численности за все время

Ливонской войны и уступала лишь силам, собранным для полоцкой операции 10-летней давности. А общим между обеими кампаниями стало то, что русскую армию на этот раз вновь возглавил царь. Последняя победа над Девлет-Гиреем, обеспечившая относительное спокойствие на южном рубеже, а также временное затишье на литовском участке фронта, вызванное внутренними событиями в Речи Посполитой, позволили русскому царю организовать крупную наступательную операцию против шведского присутствия в северной части Ливонии. Конечной целью русское командование вновь ставило овладение Ревелем, но на этот раз, в отличие от кампании Магнуса двухлетней давности, оно не стало углубляться в контролируемую шведами территорию, оставляя за собой находившиеся в руках противника крепости и замки. Воеводы решили захватить все опорные пункты неприятеля на пути из своей земли к Ревелю и планомерно очистить от врага всю территорию от своих границ вплоть до его главной морской базы, а уже в последнюю очередь овладеть ей самой.

Первым на пути московского царя встал замок Вейсенштейн, обороняемый гарнизоном из пятидесяти человек, правда, на защиту замка встало все гражданское население, сбежавшееся из окрестностей ввиду приближения русских. Здесь царские воеводы встретили сопротивление, какого не ожидали. Горстка немцев и шведов несколько дней противостояла десяткам тысяч ратников московского войска, и только когда тяжелая артиллерия разнесла стены и башни, а внутри замка от каленых ядер и зажигательных снарядов пылали пожары, бросившаяся на приступ русская пехота сумела подавить сопротивление последних защитников.

Торжествуя победу, Грозный отправил шведскому королю новое письмо:

«Что в твоей грамоте написана брань, на то ответ после; а теперь своим государевым высокодостойным чести величества обычаем подлинный ответ со смирением даем: во-первых, ты пишешь свое имя впереди нашего — это непригоже, потому что нам цесарь римский — брат и другие великие государи; а тебе им братом называться невозможно, потому что Шведская земля тех государств честию ниже...

Казним тебя и Швецию, правые всегда торжествуют! Обманутые ложным слухом о вдовстве Екатерины, мы хотели иметь ее в руках своих единственно для того, чтобы отдать королю польскому, а за нее без кровопролития взять Ливонию. Вот истина, вопреки клеветам вашим. Что мне в жене твоей? Стоит ли она войны? Польские королевы бывали и за конюхами. Спроси у людей знающих, кто был Войдило при Ягайле? Не дорог мне и король Эрик: смешно думать, чтобы я мыслил возвратить ему престол, для коего ни он, ни ты не родился. Скажи, чей сын отец твой? Как звали вашего деда? Пришли нам свою родословную; уличи нас в заблуждении: ибо мы доселе уверены, что вы крестьянского племени. О каких древних королях шведских ты писал к нам в своей грамоте? Был

у вас один король Магнус, и то самозванец: ибо ему надлежало бы именоваться князем. Мы хотели иметь печать твою и титул *государя шведского* не даром, а за честь, коей ты от нас требовал: за честь сноситься прямо со мною, мимо новгородских наместников. Избирай любое: или имей дело с ними, как всегда бывало, или нам поддайся. Народ ваш искони служил моим предкам: в старых летописях упоминается о варягах, которые находились в войске самодержца Ярослава-Георгия: а варяги были шведы, следственно, его подданные. Ты писал, что мы употребляем печать римского царства: нет, собственную нашу, прародительскую. Впрочем, и римская не есть для нас чужая: ибо мы происходим от Августа-Кесаря. Не хвалимся и тебя не хулим, а говорим истину, да образумишься. Хочешь ли мира? Да явятся послы твои перед нами!»

Комментировать это очередное послание Грозного значило бы снова заострять внимание на внутренней сущности русского царя, что уже было бы явно излишним, тем более что эта сущность сама сквозит в каждой строке, равно как там просматривается основная черта московского властелина, сопровождавшая его во всех отношениях с соседями — полное отсутствие политической гибкости. Что касается этого последнего послания, то, кроме всего прочего, оно написано под впечатлением своей военной победы, но вот вопрос: может ли взятие Вейсенштейна считаться победой? Грозный мог, конечно, в силу некоторых особенностей характера записать эту последнюю операцию в свой актив как победу, но если это и было победой, то победой Пирровой. В результате взятия замка Вейсенштейн русская армия понесла такие потери, что дальнейшее наступление ее стало невозможным, а потому все дальнейшие действия были свернуты и войска вернулись на место дислокации в город Яма. Итак, вся кампания, целью которой было очистить Северные районы Ливонии от шведских войск и в завершении всего овладеть главной морской базой Швеции в Ливонии — Ревелем, ограничилась взятием всего лишь одного замка, который защищался гарнизоном из пятидесяти человек.

Большие потери лишили русскую армию сил для продолжения кампании, но для Грозного Вейсенштейн остался памятным еще и потому, что при его штурме погиб любимец царя, бывший глава опричного корпуса Григорий Лукьянович Бельский, более известный в нашей истории как Малюта Скуратов. И эта потеря для царя была более тяжелой, чем тысячи других павших русских воинов. В честь гибели своего любимца Грозный устроил небывалую для Руси со времен упразднения язычества тризну: он сжег заживо на костре всех пленных шведов и немцев.

Однако передышка была недолгой, и в самом начале 1573 года военные действия в Северной Ливонии возобновились, хотя царь непосредственно уже в них участия не принимал, доверив продолжение кампании своим воеводам. Те начали, было, удачно. Воевода Н. Р. Юрьев с боем взял у шведов замок Каркус, но дальше все дело было испорчено, и причиной тому стал недостаток военного искусства, не позволявший московским ратникам достойно сразиться с неприятелем в открытом

поле. Поколениями воспитанные на войнах с казанцами, крымцами и ногайцами, где успех решался исключительно числом, и в какой-то степени, может быть, внезапностью, русские воины мало что могли противопоставить «правильному оружию» европейцев. Если, держа оборону своих крепостей, выдерживая тяжелую осаду и отбивая штурмы врага, где в основном дело решалось стойкостью воинов и их вооружением, русские ратники не уступали любому противнику, то в полевых сражениях незнакомое с азами военного искусства московское воинство, даже будучи значительно больше числом, не могло противостоять европейским армиям. Так случилось и весной 1573 года близ города Лоде, где шестнадцатитысячный корпус воеводы Мстиславского потерпел сокрушительное поражение от выступившего навстречу ему из Ревеля двухтысячного шведского отряда под командованием генерала Клауса Акесона Тотта. Противнику достались обоз, артиллерия и знамена побежденных.

После этой неудачи изменился тон Ивановых посланий к шведскому королю. Московский царь, забыв свою спесь, вдруг принялся усиленно хлопотать о мире. Причины такой резкой перемены мы постараемся вскрыть позже, но уже сейчас ясно, что это не могло быть вызвано одним единственным поражением, причем пораженцем, не изменившим в корне стратегической ситуации на фронте. Но интересно то, что инициатива все-таки исходила от русского царя, которого совсем недавно глубоко оскорбляли слухи, будто бы он ищет мира, а сама перспектива мирного урегулирования спорных проблем после столь вызывающего тона московского государя могла иметь мало шансов на счастливое разрешение. Поэтому, когда московский гонец привез шведскому королю грамоту с предложениями о мире, король, полагая, что она написана в прежнем тоне, не хотел ее принимать и поручил это сделать своим чиновникам. Но любой посланник, вплоть до рядового гонца, прекрасно знал ритуал дипломатической службы и никогда бы не вручил посольского документа никому из самых высокопоставленных вельмож, пусть как угодно близких к трону. Такая грамота вручалась только непосредственно в руки монарха. В противном случае действие дипломата считалось унижительным для стороны, которую он представляет. А московские люди хорошо знали, что значит поступить неуважительно в отношении своего государя. Потому-то и сейчас гонец Ивана наотрез отказался вручать грамоту в чьи бы то ни было руки, кроме королевских.

Дело для московской стороны усугублялось еще и тем, что гонца прислали ко двору шведского короля, не испросив для него заранее опасной грамоты. Это считалось нарушением норм дипломатического этикета, а поскольку стороны на тот момент находились в состоянии войны, то неприкосновенность и даже безопасность гонца не гарантировались.

Процедура вручения грамоты растянулась на несколько месяцев. Она вылилась в сложную драму, сопровождавшуюся сначала уговорами, потом угрозами королевских людей, с одной стороны, и стойкостью посланника — с другой. «Приехал ты в нашего государя землю, так

и должен исполнять нашу волю, что нам надобно», — настаивали шведы. На что гонец отвечал: «Приехал я в вашего государя землю, а волю мне исполнять царского величества, своего государя, а не вашего».

Сломить волю московского посланника не могли ни угрозы пыткой голодом, ни побои. Шведы продолжали упорно стоять на своем: «Ты это сделал не гораздо, что ехал без королевской опасной грамоты; сам знаешь, что государь твой нашему государю большой недруг, такой, какого еще не бывает; государя нашего короля хотел извести, государыню нашу королеву хотел к себе взять, землю повоевал, два города взял, послов наших бесчестил да писал к нашему государю грамоту неподобную, такую, что нельзя слышать и простому человеку; и над тобою государь наш сделает то же, если не отдашь нам грамоты своего государя». Московский гонец оставался непреклонным. Король по-прежнему не желал принимать грамоты, будучи уверенным, что в ней та же брань, что и во всех последних посланиях московского царя, а это для короля было крайним унижением. Дошло до того, что гонца и всех прибывших с ним людей обыскали, тщательно проверили все их вещи, вплоть до того, что снимали оклады с имевшихся у них икон, но грамоты так и не нашли. Осталось загадкой, где они сумели ее спрятать. Наконец, дело уладилось просто. Русских посланников пригласили на прием к королю и позволили вручить грамоту. Но тем, никогда в глаза не видевшим шведского Юхана, было невдомек, что они вручили цареву грамоту не королю, а одному из его вельмож, посаженному на королевское место, а сам Юхан-король наблюдал эту сцену со стороны, находясь среди других приближенных. Как бы то ни было, но ритуал, который устраивал всех, был соблюден, и никто не остался в обиде. Тем более, что грамота Грозного к неописуемому удивлению шведов была написана в благопристойном тоне.

Наконец, дошли до вопроса о мирных переговорах. Тут снова было много споров о месте их проведения, об опасных грамотах для послов и тому подобному. Много времени уходило на письменные препирательства, где всякий раз, после очередного выпада одной из сторон, надо было посылать запрос в Москву, а затем ждать из нее ответа. При этом и Грозный и его стокгольмский корреспондент в каждом из писем в подробностях перечисляли прошлые обиды, не скупившись на взаимные упреки, и казалось этому никогда не будет конца. В конце концов, договорились о встрече больших послов. Местом для нее назначили пограничную реку Сестру, правда, не без спора обошлось по вопросу, на чьем берегу встречаться. Шведская сторона предлагала проводить переговоры в шатре, установленном на специально для этой цели наведенном через реку мосту, чтобы место считалось нейтральным. Русская сторона отговаривалась тем, что таких важных дел на мостах не решают. В конце концов, шведы уступили и согласились перейти на русский берег. Но что касается самого предмета переговоров, то тут шведская сторона оказалась не такой уступчивой. Накануне она укрепила свой воинский контингент в Ливонии двумя тысячами английских и тремя тысячами шотландских

наемников. Располагавший стотысячной армией, дислоцированной на Ливонском театре войны, Иван Грозный требовал от шведов очистить все занятые ими районы Ливонии. Насколько мучительно долго проходила подготовка к этим переговорам, настолько тяжело протекали они сами, и при всем этом мира заключить так и не удалось. Стороны довольствовались только слабым перемирием на два года, с июля 1575 по июль 1577.

Условия этого перемирия очень неопределенные. В них не было ни одного слова о Ливонии. Московская сторона обязывалась не нападать на шведские владения в Финляндии, шведы обещали не тревожить новгородских владений. Можно подумать, что застарелый вопрос о взаимных претензиях на Карельском перешейке был главным побудителем этих переговоров. А вопрос о Ливонии, который действительно привел в последние годы к прямой конфронтации, оставался открытым. Правда, подписывая перемирие, московские послы от имени своего государя выразили надежду, что шведская сторона в скором будущем пришлет своих людей в Москву для заключения прочного мира, но такое пожелание осталось призрачной иллюзией. Условия заключенного тогда перемирия давали слишком много оснований для тревоги на будущее, и такие опасения полностью подтвердились впоследствии.

Что же побудило Грозного, всегда настроенного излишне воинственно, к этим переговорам, и почему он согласился на мир на ничего не дающих ему условиях?

Вспомним, что первым инициативу в поисках мира проявил именно он, после того как его воинство потерпело тяжелое поражение. Однако одной этой причины для сворачивания военных действий было явно недостаточно, а русский царь был не таким дальновидным и прозорливым, чтобы увидеть за очередным поражением надвигающийся крах всем своим планам на Западе. Но вот встает еще одна причина: не успел царь пережить поражение Мстиславского при Лоде, как его известили о восстании татар и черемис в казанском крае. Сама по себе эта причина тоже не велика, но в совокупности с военным поражением на шведском фронте она уже стоит немало. Но главное, конечно, не в этом. Основным побудителем поисков хоть какого-нибудь мира стало случившееся тогда событие в Речи Посполитой, событие, из-за которого русскому царю стал тогда нужен не столько мир, сколько затяжка времени с одной из воюющих сторон для урегулирования вопросов с другой. Заметим, русская сторона тогда не столько стремилась к миру со Швецией, сколько занималась подготовкой переговоров о мире, а затем и самими пустыми переговорами. Вспомним, как с самого начала тянулась, казалось бы, бесконечная волокита с московским посланником, прибывшим к шведскому двору с грамотой от царя, но без опасной грамоты от шведской стороны. Потом несколько месяцев пустых разговоров о большом московском посольстве с томительным выяснением ненужных деталей. Потом само московское посольство с заранее неприемлемыми требованиями,

ставящими проблему в разряд не решаемых. Наконец, после двух лет топтания на месте, следует подписание странного, ничего не дающего обеим сторонам перемирия, ради которого не стоило тратить столько времени на его подготовку.

Все объясняется просто, если посмотреть на суть произошедшего в Речи Посполитой события и на его возможные последствия. Не станем принимать во внимание позиции шведской стороны в последнем ее дипломатическом столкновении с Москвой. Она там не диктовала своей политики и в отношениях с русской стороной была ведомой. А вот русской стороне как воздух стала нужна проволочка времени на неопределенный срок.

Что же случилось в польско-литовском королевстве?

В июле 1572 года скончался бездетный король Речи Посполитой Сигизмунд Август. Русскому царю об этом стало известно в самом начале осенней кампании, закончившейся, как известно, Пирровой победой под Вейсенштейном. Со смертью Сигизмунда угасла династия, в течение около двухсот лет правившая в Польше и в Литве, объединенных династической унией. Трон в соседнем государстве оказался вакантным. Среди претендентов на него прозвучала и кандидатура представителя московского царствующего дома. Безусловно, борьба за польско-литовское королевство предстояла трудная, и в этих условиях русскому царю, как бы он ни был одержим Ливонией, стало не до войны. Тем более что успех в борьбе за трон соседнего государства, причем в борьбе сугубо дипломатической, решал и ливонскую проблему. В случае такого успеха Москва не только бескровно присоединяла бы к себе занятую Литвой часть Ливонии, но она присоединяла бы к себе и саму Речь Посполитую. Но для того чтобы победить, надо было на время оставить все другие заботы. Понятно, что правительство Грозного, не раздумывая, отозвалось положительно на предложение польско-литовской стороны заключить с ней перемирие на весь срок процедуры выборов нового короля и, кроме того, само инициировало заключение какого ни на есть перемирия со Швецией.

Не менее понятной, если мы примем во внимание польские события, станет нам позиция Москвы, когда она с необычайной легкостью нарушит это последнее перемирие со Швецией. К тому времени в дипломатической борьбе за трон соседнего государства русский царь потерпит полное фиаско. И тогда, пользуясь тем, что в самой Речи Посполитой проблема, хотя уже без участия русского претендента, но еще будет далека от решения, Грозный попытается разделаться со Швецией, пока союзная ей польско-литовская сторона будет занята внутренними делами. Но об этом несколько позже, а сейчас вернемся непосредственно к событиям, последовавшим за смертью польского короля.

Претендентов на освободившийся престол было немало, но никто из кровных поляков или литовцев не рассчитывал на него реально. Исторически сложилось так, что в недрах собственно польско-литовского государства с его, казалось бы, прочными и глубокими монархическими

устоями, пусть даже монархии выборной, а устоями в последнее время несколько поколебленными опытами парламентаризма, не оказалось ни одной персоны, которая имела бы такое влияние в обществе, что сейм смог бы доверить ей корону. И это при том, что великокняжеское родословное древо Гедеминовичей, с его густой кроной, продолжало изобиловать представителями этой знаменитой фамилии. Но все эти призрачные претенденты на высшую власть, рассчитывавшие на нее больше гипотетически, отпали очень быстро.

Определяющим в избрании нового короля стал религиозный вопрос. За время правления последнего Ягеллона в Польше заметно усилилось движение в пользу протестантизма, причем отнюдь не в простом народе. Сильными позиции протестантов становились и среди влиятельной шляхты и даже в сейме. Понятно, что протестанты хотели видеть на престоле короля одного с ними вероисповедания или хотя бы такого, который бы лояльно относился к их вере. После того как одним за другим отпали кандидатуры некоторых своих представителей, протестантская партия поддержала кандидатуру императора Максимилиана или его сына Эрнеста. Максимилиан считался светским главой всех германских земель, на большинстве которых к тому времени утвердилось лютеранство, а потому польские протестанты считали эту кандидатуру для себя вполне приемлемой. Католики стояли против, и их сторону активно поддержал бывший тогда в Польше послом от римского папы кардинал Коммендонте. Собственно говоря, ему-то и принадлежит основная заслуга победы сторонников католицизма над протестантами. Ловкий кардинал сумел дезавуировать своих идейных противников в Польше, так что позиции протестантов не выдерживали конкуренции с католиками. А главным претендентом на польско-литовский престол от католической партии был младший брат французского короля Карла IX, герцог Анжуйский, Генрих.

Но так было в Польше, иное дело было в Литве. Нет, там не было сколько-нибудь заметного движения протестантов, и этническая Литва оставалась в лоне римской церкви. Но именно только этническая. Большинство же населения Великого княжества Литовского, включавшего в себя ядро земель некогда Древнерусской державы, исповедовало православие. На тот момент, когда Литва и Польша только-только объединились в одно государство, влияние Польши еще не было преобладающим, и католицизм не успел распространиться на литовские земли, населенные этническими русскими людьми. Там приверженными православию тогда оставалась даже аристократическая верхушка. Это позже, во времена открытого гонения в Речи Посполитой на русскую церковь потомки старых княжеских и боярских фамилий переменяют веру на латинскую, или, как говорят, ополячатся. А в те времена, о которых мы рассказываем, позиции православной церкви в Литве оставались незыблемыми.

Может быть именно поэтому в Литве и прозвучала кандидатура от московского правящего дома, и уж совсем интересно то, что она была

поддержана и на территории Польши. Выходит, что в государстве, воюющем против России, существовала довольно сильная промосковская партия. Конечно, особенно влиятельной она была на территории Литвы, где, как мы сказали, оставалось много коренного русского православного населения, но нельзя не отметить, что даже этнические литовцы, и, наконец, некоторые поляки-католики, очевидно те, что были заинтересованы в сильной государственной власти, наподобие московской, тяготели к России. Эта-то партия и выдвинула кандидатом на престол младшего сына русского царя Ивана Грозного, царевича Федора. Понятно, что если бы тогда удалось посадить на трон в Кракове кого бы то ни было из Иванова семейства, то, несмотря на ограниченность королевской власти в соседнем государстве и на отсутствие права передачи ее по наследству, за годы нахождения на краковском престоле русского царственного отпрыска можно было решить все те задачи, что ставило правительство Грозного, вступая в Ливонскую войну. Но для это сначала нужно было постараться, чтобы московская кандидатура победила на выборах. Но русский царь и тут сделал все, чтобы провалить дело. Грозный повел себя так, чтобы результат оказался как нельзя худшим для Москвы.

Поскольку Сигизмунд был стар, то и польское бескорольевье, как результат его смерти, не стало неожиданностью. А потому и имена возможных претендентов на освобождающийся престол прозвучали задолго до смерти короля. При этом от московской стороны сначала долго называлось имя самого царя Ивана IV. Но позже, когда на западе стали лучше представлять крутой характер московского властелина и его суровый нрав, сторонников у него среди польско-литовской шляхты, привыкшей к вольности, доходящей до полной распущенности, значительно поубавилось. Последними каплями, приведшими к полному падению популярности Грозного на западе, стала учиненная им в своей стране резня, когда он свой народ начал вырезать целыми городами, как это случилось во время знаменитого опричного похода на Тверь, Новгород и Псков. Но насколько были сильны позиции московской кандидатуры, говорит тот факт, что даже после всех этих страшных злодеяний сторонников промосковской ориентации в деле выбора нового короля у западного соседа не убавилось, а лишь была заменена кандидатура Грозного на кандидатуру его сына. Приверженцев Москвы не смущало даже то, что Федор еще очень юн и что он вообще не годится для государственной деятельности. Поскольку Литва и Московская держава были ближайшими соседями с хорошо налаженными тесными контактами, то об умственной неполноценности младшего сына русского царя в Вильно не знать не могли. Следовательно, там не могли не понимать и того, что в случае избрания Федора именем нового короля будет править его отец.

Тем не менее позиции московского кандидата оставались очень твердыми. Причин тому много. Мы уже говорили об этническом и религиозном родстве, свойственном подавляющему большинству населения Литвы. Нетрудно увидеть и причины, побуждающие принять московскую

кандидатуру многих этнических литовцев и поляков-католиков. Это, прежде всего, опасность со стороны общих врагов, в первую очередь Крыма, а за ним и Турции. Тут трезвомыслящие политики не могли, несмотря на различие вероисповеданий, не видеть пользы для себя со стороны московского могущества. Бедную, нищую Польшу, постоянно терзаемую с запада немецкой, с севера шведской, а с юга турецко-татарской агрессией, не могло не привлекать богатство Московской державы, сулящей ей в случае тесного союза защиту и покровительство.

Но когда еще в качестве одного из претендентов на престол в соседнем государстве называлась кандидатура самого Грозного, московский царь, узнав об этом, не только не проявил никакой дипломатической расторопности, но и заявил так, чтобы его слова стали известны в Вильно и в Кракове: «Я им нужен, а не они мне!» Но, невзирая на его ничем не обоснованную заносчивость и неоправданное высокомерие, в Москву все же было снаряжено посольство из Речи Посполитой, правда, уже не с предложением престола самому Ивану, а с просьбой отпустить на королевство сына Федора в случае избрания того на польско-литовский трон. Ответ русского царя литовскому посланнику заслуживает особого внимания, а потому, опуская некоторые детали, приведем его несколько подробнее. Со слов записывающих дьяков и в последующей обработке историка С. М. Соловьева ответная речь Ивана звучала так:

«Пришел ты ко мне от панов своих польских и литовских и принес мне от них грамоту с извещением, что брат мой, Сигизмунд-Август, умер, о чем я и прежде слышал, да не верил... Но теперь уже я верю и жалею о смерти брата моего; особенно же жалею о том, что отошел он к Господу Богу, не оставивши по себе ни брата, ни сына, который бы позаботился об его душе и о теле по королевскому достоинству. Ваши паны польские и литовские теперь без главы, потому что хотя в Короне Польской и Великом княжестве Литовском и много голов, однако одной доброй головы нет, которая бы всеми управляла, к которой бы все вы могли прибегать, как потоки или воды к морю стекают. Не малое время были мы с братом своим, Сигизмундом-Августом, в ссоре, но потом дело начало было клониться к доброй приязни между нами. Прежде чем приязнь эта окончательно утвердилась, Господь Бог взял его к себе; за нашим несогласием басурманская рука высится, а христианская низится, и кровь разливается. Если ваши паны, будучи теперь без государя, захотят меня взять в государи, то увидят, какого получат во мне защитника и доброго государя, сила поганская тогда высится не будет; да не только поганство, Рим и ни одно королевство против нас не устоит, когда земли ваши будут заодно с нашими. В вашей земле многие говорят, что я зол: правда, я зол и гневлив, не хвалюсь, однако пусть спросят меня, на кого я зол? Я отвечу, что, кто против меня зол, на того и я зол, а кто добр, тому не пожалею отдать и эту цепь с себя и это платье...

Паны польские и литовские знают о богатстве деда и отца моего, но я вдвое богаче их казною и землями. Неудивительно, что ваши паны

людей своих любят, потому что и те панов своих любят; а мои люди подвели меня к крымским татарам... Притом же я ничего не знал: хотя передо мною и шли шестеро воевод с большими силами, но они не дали мне знать о татарах... Я не силы татарской боялся, но видел измену своих людей и потому своротил немного в сторону от татар. В это время татары вторглись в Москву, которую можно было бы оборонять и тысячью человек; но когда большие люди оборонять не хотели, то меньшим как было это сделать? Москву уже сожгли, а я ничего об этом не знал. Так разумеи, какова была измена моих людей против меня! Если кто и был после этого казнен, то казнен за свою вину. Спрашиваю тебя: у вас изменника казнят или милуют? Думаю, что казнят...

Так скажи панам польским и литовским, чтоб, посоветовавшись между собою обо всем и, уговорившись, отправляли скорее ко мне послов. А если Богу будет угодно, чтоб я был их государем, то наперед обещаю Богу и им, что сохраню все их права и вольности и, смотря по надобности, дам большие. Я о своей доброте или злости говорить не хочу; если бы паны польские и литовские ко мне или к детям моим своих сыновей на службу присылали, то узнали бы, как я зол и как я добр. Пусть не дивятся тому, что изменники мои говорят обо мне: у них уже такой обычай говорить о государях своих дурно; как бы я их ни учестил и ни обдарил, они все не перестанут говорить обо мне дурно. Есть люди, которые приехали из моей земли в вашу, надобно бояться, чтоб не ушли они в другую землю,... если почуют, что паны польские и литовские хотят взять меня в государи. Пусть паны ваши постараются задержать их, а я, клянусь Богом, не буду им мстить. Курбский к вам приехал;... а я, свидетельствуюсь Богом, не думал его казнить, хотел только посбавить у него чинов, уряды отобрать и потом помиловать; а он, испугавшись, отъехал в Литву. Пусть паны ваши отнимут у него уряды и смотрят, чтоб он куда-нибудь не ушел. Что касается до Ливонии, то, когда буду вашим государем, Ливония, Москва, Новгород и Псков одно будут».

Далее царь ставит требования на случай, если его не изберут в польско-литовские короли. Здесь он преследует главную цель — Ливонию: «А если меня в государи взять не захотят, то пусть приезжают ко мне великие послы для доброго постановления. Я за Полоцк не стою и со всеми его пригородами уступлю и свое Московское, пусть только уступят мне Ливонию по Двину, и заключим мы вечный мир с Литвою; я и на детей своих наложу клятву, чтоб не вели войны с Литвою, пока род наш не прекратится».

И, наконец, царь устаивает вниманием ту сторону проблемы, что явилась предметом этого посольства. Грозный вдруг вспоминает, что литовская сторона пришла к нему с просьбой отдать, в случае избрания, на королевство сына.

«А если паны хотят взять к себе в государи кого-нибудь из сыновей моих, то их у меня только два, как два глаза у головы; отдать которого-нибудь из них все равно, что из человека сердце вырвать».

Анализировать эту речь Грозного значило бы во многом повторять наши комментарии ко всем предыдущим его дипломатическим опусам. Здесь снова в далекой от логики последовательности перечисляются оправдания в своих кровавых злодействах, но на этот раз они перемежаются с обещаниями в случае избрания его в короли не нарушать прав и вольностей народов соседнего государства. В свою очередь, сами злодейства списываются на все те же пресловутые измены, которым, кажется, не будет конца и которые вынуждают царя прибегать к строгим мерам. Снова выходит, что изменниками кишит весь его двор, весь его служилый класс и, что самое важное, военная верхушка московского общества. Во всей своей мощи выдает себя опаска царя выглядеть в глазах иностранцев в неприглядном виде. Как не может не обратить на себя внимание его неуверенность в собственной правоте, когда он снова и снова, похоже не столько для объяснения другим, сколько для убеждения себя самого, пытается оправдать учиненный им в стране кровавый террор. Но вот новое в речи царя: он оправдывает себя за московскую катастрофу полуторагодичной давности. Грозный понимает, что триумф Девлет-Гирея в кампании 1571 года не компенсируется случившейся через год русской победой при Молодях. В последней битве русские отстояли столицу, не дали в очередной раз врагу увидеть, как выглядят кремлевские стены. Но это не подвиг, в этом их обязанность, как и обязанность русского царя защищать свою землю. А тем временем Москва стоит выгоревшей, как напоминание о трагедии, вину за которую снять с царя невозможно, и Грозному необходимо оправдание. Оправдание в том, как он трусливо бежал от хана, бросив на произвол судьбы столицу. И он, для которого забота о своем престиже всегда оставалась важным атрибутом во всей его деятельности и который понимает, что престиж этот в последнее время сильно умалился, распинается в жалких объяснениях своего провала, пытаясь свалить вину все на тех же изменников. При этом царь совершенно не понимает того, что если он у себя дома окружен сонмом изменников, тогда что его ждет на троне чужой державы. Во всем этом сквозит какая-то политическая несостоятельность московского властелина. Ведь даже не перед большими послами, а всего лишь перед рядовым посланником, по сути дела гонцом, привезшим грамоту, царь раздражается пространной, неуместной, а потому совершенно не нужной речью, суть которой сводится к перечислению бед, свалившихся в последнее время на его державу и на него самого, пытаясь при этом обвинить в этих бедах кого угодно и выгородить самого себя. Все это мы встречали за ним и ранее, но вот что самое интересное в этом последнем выступлении Грозного: *царь соглашается принять королевскую корону соседнего государства, не смущаясь тем, что ему ее никто не предлагает.*

Заметим, посланник привез к русскому царю просьбу отпустить на королевство сына в случае избрания последнего на краковский трон. А царь в ответ сообщает посольству, что не отпустит сына, но согласен принять корону сам. Грозному даже невдомек, что не следует соглашаться на то,

что ему не предлагают, но такой нюанс оказался слишком тонок для русского царя. Ведь ему даже косвенно не намекали еще на то, что он может поучаствовать в конкурсе на вакантное место. Все, чем он до сих пор располагал в свою пользу, то это доходившими из Литвы до Москвы ничем не подтвержденными и не проверенными слухами о том, что его имя называют среди других кандидатов на высшую власть в Речи Посполитой. Сейчас московская сторона, наконец, впервые получила официальное сообщение об этом. Но оно касалось не Грозного и не московского царственного дома вообще, где вопрос выдвижения кандидатуры на польско-литовский престол давался бы на рассмотрение самих его членов. Предложение касалось конкретно сына Ивана Грозного, царевича Федора.

Понятно, что Ивану Васильевичу самому хотелось бы занять королевский трон, попросту говоря, бескровно присоединить Речь Посполитую к Московской державе, но в данном его заявлении проявилось полное отсутствие политического глазомера, ибо кандидатуру Федора во всех отношениях было легче провести на краковский престол. Посланник ни с чем уехал обратно, объяснив московскому самодуру, что он не уполномочен решать такую проблему и что предложение русского царя следует выносить на рассмотрение сейма.

Все дальнейшие трения по поводу избрания на польско-литовский трон московской кандидатуры главной своей причиной имели разное понимание в Москве и на Западе значения короля, независимо от того, от какого царствующего дома он будет избран. В сознании московского человека государь воспринимался как вотчинник, безраздельный хозяин на своей земле с полным правом распоряжаться по своему усмотрению и ею самой и всеми живущими на ней людьми. В этом смысле избрание королем Ивана Грозного однозначно понималось им как присоединение польско-литовского государства к Московской державе. Почти та же перспектива виделась Грозному в случае утверждения на троне в Кракове его сына, пусть даже с некоторыми натяжками, устранение которых потребует от него определенной дипломатической активности.

В Кракове и в Вильно все это виделось совсем по-иному. Даже в случае победы на выборах самого Ивана IV, не говоря уже о его сыне, Речь Посполитая и Московская держава в польском и литовском понимании оставались бы независимыми государственными образованиями, каждая со своей короной, пусть даже умещавшимися на одной голове. В этом случае можно было говорить лишь о династическом союзе, подобном тому, что в течение предшествующих двух сотен лет существовал на польско-литовских землях, когда Польша и Литва оставались абсолютно суверенными государствами, каждое со строго очерченными границами, но при этом государствами, управляемыми одним лицом.

Заурядному московскому уму такое положение вещей оставалось непонятным. Даже будучи прекрасно осведомленным о выборном характере королевской власти и отсутствии права передавать ее по наследству, московский человек от обывателя до владельца кремлевского трона

плохо понимал ограниченность в праве монарха владения как землей, так и народом, на ней проживающим. А потому избрание на вакантный трон кого бы то ни было из царствующего на Москве семейства не сулило обеим сторонам тех выгод, на которые обе рассчитывали. Польские и литовские паны наивно полагали, что их сеймовая монархия и во многом республиканская форма правления смогут обуздать московскую тиранию, подчинить ее своим законам. Очевидно, что и Иван, хоть и клялся не нарушить вольностей соседнего государства, на самом деле, надо полагать, рассчитывал железной рукой подавить шляхетскую распущенность. Конечно, мы не знаем того, что на самом деле думал об этом русский тиран, но ясно одно: будучи избранным на престол в соседнем государстве, он не смог бы править по-иному, отлично от того, как привык. Любая другая форма правления была ему абсолютно чуждой. Точно так же, как абсолютно чуждыми были бы для поляков московские приемы их нового короля, и можно быть уверенными, что польские и литовские паны не стали бы терпеть такую деспотию, какую терпели их московские собратья по классу. Отсюда взрыв был бы неизбежен.

Но все-таки при всей своей бесперспективности утверждение русской кандидатуры на троне Речи Посполитой, пусть даже только на какое-то время, при условии взвешенного и мудрого подхода могло бы иметь позитивные последствия. В первую очередь, можно было бы решить проблему спорных территорий, к которым теперь добавилась еще и Ливония. И за одно это стоило побороться за высшую власть в соседнем государстве, но мы верно подметили, что позитив имел бы место только при *мудром и взвешенном* подходе. А именно мудрости и взвешенности Грозному царю всегда и не хватало.

Последующие полгода на сейме в Кракове действительно жарко обсуждалась кандидатура Грозного. Но, во-первых, бесцеремонное и высокомерное заявление московского царя заметно поубавило приверженцев русской партии в Польше. Тамошним людям все более становилось понятным, с кем они имеют дело, и многие из них не хотели уже видеть на престоле своего государства и Федора, справедливо полагая, что его именем станет править отец. Во-вторых, во время всей последующей работы сейма и при обсуждении на нем кандидатур ни в Вильно, ни в Кракове не было представителей Москвы. Надо сказать, что к тому времени у Грозного не осталось искусных дипломатов. «Избранную раду», которой царь был обязан своими первыми успехами, он разогнал и всех ее членов переморил по тюрьмам. Советников своих он либо давно перестал спрашивать, либо демонстративно поступал против их советов и тоже всех планомерно уничтожал. Так что вместо советников вокруг него толпились кивающие головой поддакиватели, согласные со всем, что бы он ни изрекал. Но главное, русский царь Иван игнорировал сейм потому, что считал влияние на его работу ниже своего достоинства, унижением себя и своего величия. Он был глубоко убежден в том, что избрание его в короли — высочайшая честь для литовцев и поляков.

Впрочем, упрекать русского царя за отсутствие у него политической гибкости было бы несправедливо. Ведь нельзя же винить человека в том, что по происхождению он деспот и тиран, что по воспитанию и убеждениям он понимает только грубое и высокомерное отношение к низшим и рабское отношение с их стороны к себе. Что, наконец, он внутренне абсолютно и глубоко уверен, что все нижестоящие искренне воспринимают все его выходки, вплоть до самых кровавых, как высокую для себя честь (а так, собственно говоря, они и воспринимались всеми его подданными). И вот сейчас этот человек, сформировавшийся в апологетике абсолютного рабства, столкнулся со свободным народом, знакомым с понятием уважения личности.

Тем не менее сейм не отказал московской стороне. Через полгода в Москву из Речи Посполитой прибыло посольство во главе с известным литовским дипломатом Михаилом Гарабурдой. Русский царь встретил посольство, кипя гневом и возмущением: почему это поляки и литовцы заставляют его так долго ждать. Гарабурда оправдывался тем, что в Польше и Литве свирепствует эпидемия чумы, помешавшая работе сейма. Далее посол от имени Речи Посполитой обратился к царю с вопросом, намерен ли он сам баллотироваться в короли или все-таки согласен отпустить сына. Но в любом случае польско-литовская сторона требовала от московской кандидатуры обязательства в ненарушении шляхетских прав и вольностей и, кроме того, ставила условие пересмотра существующих границ, в частности, передачи ей некоторых русских областей с городами, в том числе назывались Смоленск, Полоцк, Усвят, Озерище. Не трудно догадаться, как воспринял царь Иван посольскую речь. Ответ Грозного гласил:

«Ты говорил, что паны радные так долго не присылали к нам по причине морового поветрия — это воля Божия; а надобно было бы панам подумать, чтоб дело поскорее уладить, потому что без государя земле быть невыгодно... Ты говорил о подтверждении прав и вольностей: дело известное, что, в каких землях какие обычаи есть, отменять их не годится. Ты говорил, чтоб мы возвратили Литве Смоленск и Полоцк, Усвят и Озерище. Это пустое: для чего нам уменьшать свое государство? Хорошо государства увеличивать, а не уменьшать. Для чего я вам дам сына своего, князя Феодора, к убытку для своего государства? Хотят, чтоб я дал сыну еще другие города и волости; но и без наших городов и волостей в Короне Польской и Великом княжестве Литовском много есть городов и волостей, доходами с которых мы и сын наш можем содержать свой двор. И то, по-нашему, не годится, что по смерти государя государство не принадлежит потомкам его, что Корона Польская и Великое княжество Литовское не будут в соединении с государством Московским; так нельзя, так мы сына своего, Феодора, не дадим».

Здесь можно пронаблюдать, как сталкиваются интересы по обе стороны московско-литовской границы. Речь Посполитая не отказывает Русскому царю в его притязаниях на ее корону, но ставит условия, заранее

неприемлемые. Она требует русских городов и тем самым показывает, что никакого объединения государств, как это мечталось Грозному, на деле не будет. При объединении государств нет надобности передавать города из одного в другое, как нет надобности в пересмотре границ. При объединении государств граница между ними вообще стирается. Так что выдвигаемыми условиями польско-литовская сторона дает понять московскому правителю, что избрание на трон в Кракове кого бы то ни было из его семейства, пусть даже и его самого, не будет являться включением Речи Посполитой в состав Московской державы. А передачу городов сейм рассматривает как плату за избрание на трон.

Русский царь не остается в долгу. Его встречные требования не менее неприемлемы поляками и литовцами, чем те, что сами поляки и литовцы выставляют Москве. Грозный соглашается на предлагаемый ему трон сам или обещает отпустить сына, но только с условием сохранения королевской власти за его родом. Другими словами, он требует, чтобы проводимые сейчас выборы короля стали последними в истории. Монархия в Речи Посполитой, в случае избрания в короли представителя московской царствующей фамилии, должна стать наследственной. И, конечно же, снова повторяет идею объединения государств. Ситуация складывается тупиковая, но все же интерес подогревается заманчивой перспективой, и обе стороны пытаются найти согласие. Далее в той же речи, обращенной к польско-литовскому посольству, Иван говорит:

«Знаем, что цесарь и король французский прислали к вам; но нам это не пример, потому что, кроме нас да турецкого султана, ни в одном государстве нет государя, которого бы род царствовал непрерывно через двести лет; потому они и выпрашивают себе почести; а мы от государства господари, начавши от Августа-цесаря из начала веков, и всем людям это известно. Корона Польская и Великое княжество Литовское — государства не голые, пробить на них можно, а наш сын не девка, чтоб за ним еще приданое давать. Если паны радные польские и литовские хотят нашей приязни, то прежде всего пусть пишут титул наш сполна, потому что мы наше царское имя получили от предков своих, а не у чужих взяли. Вторых, если Бог возьмет сына нашего Феодора с этого света и останутся у него дети, то чтобы Корона Польская и Великое княжество Литовское мимо детей сына нашего другого государя не искали; а не будет у нашего сына детей, то Польша и Литва от нашего рода не отрывались бы... А наши дети и потомки, кто будет на Короне Польской и в Великом княжестве Литовском, прав и вольностей их ни в чем нарушать не будут; и пусть Польша и Литва соединятся с нашим государством, и в титуле нашем писалось бы наперед царство Московское, потом Корона Польская и Великое княжество Литовское; стоять и обороняться от всех неприятелей им заодно, а Киев для нашего царского именованья уступить нашему государству. Что прежде наша отчина была по реку Березину, того мы для покою христианского отступаемся, но Полоцк со всеми пригородами и вся земля Ливонская в нашу сторону, к государству Московскому, и без

этих условий сына нашего, Феодора, отпустить к вам на государство нельзя; к тому же он несовершеннолетний, против неприятелей стоять не может».

Здесь не может не удивить непоследовательность в рассуждениях русского царя, и какая-то сумбурность его мыслей. Заметим, он снова настаивает на идее полного государственного объединения Речи Посполитой с Московской державой, без этого он не видит перспектив нахождения себя или своего сына на троне в Кракове. При этом, называя титул, он акцентирует на первенстве Москвы, а польско-литовскую составляющую своего будущего государства видит как придаток. Но при всем том он требует, чтобы Литва передала московской стороне Киев и согласилась бы на уступку Полоцка, хотя, казалось бы, если это одно государство, то что можно внутри него передавать? Или Грозный не до конца понимает все вокруг него происходящее, или не верит в затеянное. Второе из этих положений подтверждается еще и тем, что русский царь тут же, в продолжение той же речи, переходит к проблеме урегулирования спорных вопросов на случай провала его кандидатуры на выборах:

«Что же касается до вечного мира, то мы хотим его на таких условиях: Полоцк со всеми пригородами и Курляндия — к Литве, а Ливония — к Москве; Двина будет границею, а Полоцку и его пригородам с нашими землями граница будет по старым межам; и быть бы всем трем государствам на всех неприятелей заодно, а в короли выбрать цесарского сына, который должен быть с нами в братстве, и подтвердить вечный мир; мы готовы жить с цесарским сыном точно так же, как бы жили со своим сыном Феодором, если б дали его вам в государи. Знаю, что некоторые из поляков и из ваших хотят выбрать меня самого в короли, а не сына моего, и гораздо лучше, если б я сам был вашим государем».

Посол выражал сомнения на счет того, как Его Величество, царь Иван Васильевич, будет управляться с таким государством и будет ли он в состоянии обеспечить надежную его оборону по причине обширности этого государства, на что Грозный, как всегда пространно, отвечал:

«Мы на Московском государстве, в Польше и Литве государем быть хотим; управлять всеми государствами можем... Причины, тобою приведенные, делу не мешают; в титуле нашем стоять прежде царству Московскому, потом Польше и Литве, а для имени написать к Московскому государству Киев один, без пригородов; Полоцк с пригородами и Курляндию — к Литве, а Ливонию — к нашему государству Московскому; полный титул будет такой: Божию милостию государь, царь и великий князь Иван Васильевич всей Руси, киевский, владимирский, московский, король польский и великий князь литовский и великий князь русский, Великого Новгорода, царь казанский, царь астраханский, а потом расписать области русские, польские и литовские по старшинству. Вере нашей быть в почете; церкви в наших замках, волостях и дворах, каменные и деревянные, вольно нам ставить; митрополитов и владык почитать нам по нашему обычаю, прав и вольностей панских и шляхетских не нарушать,

а увеличивать. Вольно нам в старости будет отойти в монастырь, и тогда паны и вся земля выбирают себе в государи из наших сыновей, который им будет люб; а сам я неугодного им назначать не буду. А если бы Великое княжество Литовское захотело нашего государствования одно, без Короны Польской, то нам еще приятнее».

Последнее высказывание русского царя представляет особый интерес.

При всей, казалось бы, неумемной одержимости увеличить свою державу Грозный, где-то уже далеко хватив через край, все-таки чувствовал предел, на котором следует остановиться. В этом смысле он понимал выгоду объединения только с одной Литвой, без Польши. Литва, включавшая в себя обширные земли бывшей Древнерусской державы, была намного богаче и сильнее Польской Короны, к тому же имевшей опасное соседство на западе со стороны воинственных германских народов. А потому Польша, в случае присоединения ее к Московскому царству, больше требовала бы для своей защиты, чем что-то давала бы сама. Не говоря уже об этнической и религиозной розни ее с Великороссией. Иное дело Литва. Подавляющее ее население было близко московским людям по родству и едино с ними по вере. Католицизм на землях Великого княжества Литовского за несколько лет после Люблинской унии еще не стал сколько-нибудь доминирующим, а вольность и распушенность, присущая полякам, не успела распространиться среди шляхетского сословия Литвы. И при этом Русь не входила бы в непосредственный контакт с воинственным германским западом, Польша оставалась бы для нее прикрытием, своего рода санитарным кордоном. А потому объединение с одной только Литвой было более приемлемо Грозным прежде всего тем, что оно не отдавало русского царя в руки своевольным панам. По этому поводу историк С. М. Соловьев отмечал:

«Отсюда, естественно, должно было у него (Ивана Грозного — А. Ш.) родиться желание быть избранным только в великие князья литовские, отдельно от Польши. Здесь уничтожалось главное препятствие относительно сопоставления двух государств, из которых ни одно не хотело уступить первенства другому, ибо Литва, привыкнув занимать второстепенное положение при Польше, легко могла занять такое же при соединении с царством Московским; притом в Литве преобладал элемент русский; большую часть Великого княжества составляли земли, которые Иван считал своими отчинами; по многочисленности православного народонаселения дать здесь господство православию было легко; вследствие близости и второстепенного положения Литвы управлять ею и ладить с панами было легче».

Но Грозный понимает, что для того, чтобы объединиться только с одной Литвой, сначала нужно разъединить ее с Польшей, а потому, развивая перед послом дальше эту свою идею, он продолжает:

«Мы на Великом княжестве Литовском быть хотим: хотим держать государство Московское и Великое княжество Литовское заодно, как были прежде Польша и Литва; титул наш будет, как прежде сказано; а кото-

рые земли литовские забраны к Короне Польской, те будем отыскивать и присоединим их к Литве, кроме одного Киева, который должен отойти к Москве».

Впрочем, предвидя невозможность такого исхода, в первую очередь по причине уже состоявшегося союза Литвы с Польшей, царь, как на последний вариант, остается согласным и на присоединение к своей державе обеих.

«Еще надобно уговориться о дворовых людях, без которых я не могу ехать в Польшу и Литву... И то еще тебе объявляю, что буду ездить в Польшу и Литву не один, а с детьми, потому что они по летам своим еще не могут без нас оставаться; доходят до нас слухи из ваших сторон, что поляки и литовцы хотят взять у нас сына обманом, чтоб отдать его турецкому. Не знаю, правда ли это, или злые люди выдумали, только я должен тебе об этом объявить, потому что хочу все высказать. Особенно объявляю тебе то, что я уже старею, и в такие три обширные государства ездить мне для управления трудно, так лучше было бы, если бы Польша и Литва взяли в государя цесарского сына, а с нами заключили вечный мир на условиях, какие я уже сказал, — нам это было бы спокойнее, да и землям также. Но если Польша и Литва не хотят цесарского сына, а хотят нас, то мы согласны быть их государем; только паны должны дать присягу и грамоту, что им над нами и над нашими детьми ничего дурного не делать и ни одного государя против нас не подводить, ни в какое государство нас не выдать и никакой хитрости не замышлять, чтоб нам и детям нашим можно было беспечно приезжать для разных дел в Польшу и Литву, как в свою землю. А если и одно княжество Литовское, без Польши, захочет нашего государствования, то это нам еще приятнее. Скажи панам радным, чтоб не выбирали в короли француза, потому что он будет больше желать добра турецкому, чем христианству; а если возьмете француза, то вы, Литва, знайте, что мне над вами промышлять. Еще объявляю тебе: из ваших земель многие писали ко мне, чтоб я шел с войском к Полоцку, и тогда вы будете нам бить челом, чтоб, не пустоша земли, был я вашим государем. Другие писали такие вещи, которые к делу нейдут, иные просили денег и соболей, за что обещали хлопотать, чтоб сын наш был выбран в короли; скажи это панам радным».

Здесь во всей своей остроте выступает такая свойственная русскому царю черта, как мания преследования. Он требует не только присяги, но и грамоты от панов радных в том, что они не станут ни над ним, ни над его детьми чинить никакого злого умысла. Все это на Московском государстве было хорошо известно. И не только служилый человек, но и рядовой московский обыватель давно привык к тому, что видевший во всем измену царь мог по несколько раз в день брать клятвы верности от своих подданных. А потом, так и не разуверившись в их неверности, без предъявления им каких бы то ни было обвинений отправлять на всякий случай всех давших клятвы верности на плаху. Но для граждан соседнего государства такое было в новинку. Там, напротив, король приносил

клятву верности своему народу и государству. А потому такое требование русского царя не добавляло ему шансов на победу на выборах.

Но и без этого шансы уже были невелики. Ведь все, что царь говорил послу, становилось достоянием общественности Речи Посполитой. А если обратить внимание на заключительную речь царя, то трудно не согласиться с тем, что она для учебника по дипломатии и международным отношениям могла бы служить примером того, как настроить против себя соседнее государство. Не станем даже принимать во внимание то, что он берется советовать думным чинам чужой державы, кого им следует избрать на трон, если не его самого. Укажем лишь на то, что он грозит войной, если выберут француза. Иными словами, этот человек, рассчитывая занять в соседней земле трон, в то же время при другом раскладе событий готов воевать и опустошать эту же самую землю.

Но больше другого польско-литовскую сторону раздражало то, что Иван IV не старается повлиять на работу сейма, не стремится заручиться лишними голосами, перетянуть на свою сторону кого бы то ни было из польских или литовских вельмож, что, наконец, он не пытается подкупить кого-то из них. Все это резко контрастировало с тем, что предпринимали другие соискатели польской короны. Краков и Вильно были тогда буквально наводнены представителями цесарского и французского дворов. Дипломаты, шпионы, всех мастей агенты сновали вокруг работы сейма, звенели серебром, составляли и подбрасывали подметные письма, одних возносили, других порочили, чего-то вынюхивали, выспрашивали, словом, суетились как могли, отстаивая своего претендента. Ничего этого не было с московской стороны. Там не было ни одного человека, представлявшего собой московскую кандидатуру. Вместо этого через регулярные посольства звучали непомерные требования русского царя. Всем своим поведением Грозный демонстрировал игнорирование работы сейма, свое влияние на него он ограничил диктатом условий, что не могло послужить падением акций московской кандидатуры. Теперь антимосковские настроения усилились еще и привезенными Гарабурдой из Москвы статьями. Эти статьи вручили польскому послу перед самым его отъездом с наказом, что только при неукоснительном их соблюдении русский царь примет королевский трон.

Кстати, провозжая литовского посла, московские бояре, все-таки не теряя надежды на то, что удастся объединиться с одной лишь Литвой без Польши, от лица царя еще раз заверяли: «Если Великое княжество Литовское хочет видеть его своим государем, то он на это согласен; и будьте покойны, Польши не бойтесь: государь помирит с ней Литву».

А врученные тогда Гарабурде статьи заключали в себе следующее.

1. Короноваться и ставиться на Корону Польскую и Великое княжество Литовское государю нашему по христианскому обычаю, от архиепископов и епископов, и римского закона бискупам по римскому закону в то время не действовать, а быть бискупам в своем чину с панями радными.

2. Божьим судом царское величество и его сын царевич Иван Иванович не имеют у себя супруг, а царевич князь Феодор Иванович приближается к тому возрасту, когда жениться надобно; так паны радные волю бы дали царскому величеству в Русском царстве, в Короне Польской и Великом княжестве Литовском выбирать и высматривать из подданных, кого пригоже по их государскому чину. А у государей жениться царскому величеству нейдет, к пожитью несхоже, потому что так высмотреть наперед нельзя. А если выйдет такой случай, что можно будет жениться на государственной дочери, то царское величество будет говорить о том с панами радными. А у государей наших издавна ведется, что выбирают и высматривают себе в супруги из подданных своих.

3. Когда государь приедет со своими детьми на Корону Польскую, и учинится мятеж между государем и землею, и помириться нельзя будет, то паны должны отпустить царя и детей его безо всякой зацепки.

Из этих статей интерес представляет только первая, две другие могут считаться нейтральными. Именно первой статьей Грозный оговаривает условие короноваться короной Речи Посполитой по православному обряду, что одно только уже неприемлемо для польско-литовской стороны. Надо сказать, что в то же время сейм также выработывал подобные кондиции на случай победы на выборах московской кандидатуры. И там тоже было жестко оговорено, что кто бы ни был избран новым монархом, он не только будет короноваться по католическому обряду, но и должен перейти в католицизм, какую бы религию он не исповедовал ранее. И это условие также было абсолютно неприемлемо для русской стороны. Грозный еще не знал о нем, он об этом узнает позже, когда его кандидатура уже отпадет, но трудно поверить, чтобы он об этом не догадывался. Будучи сам ярым приверженцем православия, он был прекрасно осведомлен, что вся Польша и этническая Литва во главе с великокняжеским двором в Вильно такие же ярые приверженцы своей религии, то есть католицизма, и от него они никогда не отступятся сами и никогда не откажут ему как в государственной религии. И одно только это уже ставило проблему выбора московского представителя на престол в Кракове в разряд неразрешимых.

Результаты внутриполитических баталий в Речи Посполитой лучше всего подытожить словами С. М. Соловьева:

«Речи Ивана Гарабурде, высказавшееся в них колебание, желание и нежелание быть выбранным, условия выбора, предложенные царем, явное нежелание отдать сына в короли — все это не могло усилить московскую сторону на сейме; послы московские не являлись с льстивыми словами, обещаниями и подарками для панов, и Ходкевичу (лидер оппозиционной Москве партии — А. Ш.) легко было заглушить голос приверженцев царя».

В унисон приведенному звучит и высказывание на этот счет историка Костомарова:

«Во второе посольство к царю, которое возложено было на Михаила Гарабурду, царь явно гневался за медленность поляков и литовцев, и на

этот раз уже не торопился с прежним жаром сделаться польским королем, говорил ни то, ни се: то соглашался отдать полякам в короли сына, но не иначе, как наследственно, то сам себя предлагал в короли и также наследственно, то заявлял желание быть выбранным на литовский престол без польской короны, то, наконец, вовсе не желал, чтоб у поляков и литовцев был королем он, московский царь, или его сын, а рекомендовал принца из австрийского дома».

И далее тот же историк рассказывает о полной пассивности московского государя уже во время работы избирательного сейма:

«Иван не старался подвигать этого вопроса к разрешению в пользу своей державы никоим образом. У него не было ни искусных посланцев на сейме, не развязал он своей скупой московской калиты на подарки... Понятно, что дело обратилось совсем в противную сторону и на польский престол избран был французский принц; совершилось такое избрание, насчет которого царь Иван Васильевич предупреждал литовского посла, что если оно состоится, то ему, царю, над Литвою промышлять».

Надо сказать, что после провала московской кандидатуры борьба между оставшимися двумя претендентами была недолгой. Хитрый и ловкий французский посол Монтлюк подарками, красноречием, обещаниями расположил поляков в пользу дома Валуа. Произошло именно то, чего больше всего не хотелось московскому государю. На престол в Речи Посполитой взошел брат французского короля, сын Екатерины Медичи, Генрих Анжуйский.

Здесь может быть следует несколько отвлечься для того, чтобы пояснить, почему русский царь был так настроен против французской кандидатуры.

Дело в том, что у Франции тогда был прочный альянс с Османской империей, а потому нахождение на краковском престоле ставленника Парижа обещало сдружить Речь Посполитую с Турцией. До сих пор и Польша и Литва пребывали в натянутых отношениях с Портой из-за постоянных крымских набегов, инспирируемых, подогреваемых и поддерживаемых Стамбулом. То же можно сказать и о Московском государстве. Русь всегда лавировала в отношениях с Гиреями, стремясь перенаправить крымские терзания от себя на владения западного соседа. Тем же самым платила Москве Литва, а потому всем троим долгое время удавалось поддерживать какое ни на есть равновесие. Дружба же с Турцией отводила от Речи Посполитой угрозу крымских нашествий, и тогда последние целиком были бы нацелены на русские земли. Больше того, Крым и Краков становились союзниками, и тогда на западных и юго-западных московских рубежах возникал мощный военный альянс из традиционно недружественных Москве государств. Потому-то Иван Васильевич и был категорически против избрания французского ставленника на польско-литовский престол, что ничуть не говорит о его политической дальновидности, ибо не видеть вреда Руси от такого избрания просто невозможно. И именно поэтому русский царь советовал полякам избрать в короли

представителя венского двора — Максимилиана или его сына, потому как Австрия, в противовес Франции, была лютым врагом Османской империи. Тогда в случае избрания на трон в Кракове кого бы то ни было из дома германского императора Речь Посполитая оставалась бы врагом Стамбула, что и нужно было России. Правда, историк Н. И. Костомаров не разделяет такого мнения и считает, что кандидатура германского императора была наиболее невыгодна для России:

«Его (Ивана IV — А. Ш.) благоволение к избранию на польский престол — пишет Костомаров, — принца из австрийского дома не показывает в нем прозорливости. Допущение в Польшу этой династии было бы вовсе невыгодно для Московского государства, и, вероятно, если б оно совершилось, то повело бы к худшим последствиям, чем те, которые произошли тогда вразрез с желаниями царя Ивана».

Мы позволим себе не согласиться с мнением известного историка, так как оно подтверждается им всего одним, притом весьма слабо аргументированным положением. Дело в том, что Костомаров располагал сведениями, полученными одним его ученым коллегой из Венского архива, где якобы значилось, что царь Иван Грозный в конце жизни в своем духовном завещании назначил передачу всего Московского государства в распоряжение дома Габсбургов, и свой трон завещал тому самому Эрнесту, сыну императора Максимилиана. Так вот, по мнению Костомарова, такое завещание могло бы иметь больше силы, а стало быть и больше шансов на реальное воплощение, если бы к тому времени, то есть ко времени смерти Грозного, и Речь Посполитая находилась бы под властью представителя цесарского дома. Но нам трудно поверить в то, что прочные и глубокие корни нашего отечественного престолонаследия могли так просто уступить одному завещанию, даже если такое и было, и отдать Россию под скипетр чужой державы.

Но уже тогда все вышло не так, как того хотелось русскому царю, и на трон в соседнем государстве попала самая неприемлемая для Грозного кандидатура. Правда, нахождение на нем француза оказалось очень недолгим.

В мае 1573 года Генрих Валуа был провозглашен польским королем. В августе за ним в Париж приехала целая делегация от избирательного сейма, но только в начале следующего года, после долгих, мучительных переговоров об условиях, на которых герцог Анжуйский соглашался принять польскую корону, он, наконец, прибыл в свою новую столицу и короновался короной Речи Посполитой. Но уже в июне того же года он получил известие о неожиданной смерти брата, французского короля Карла IX, трон которого должен был наследовать Генрих, но только в том случае, если бы он не носил на голове другой короны. Понятно, что трон в Париже Анжуйскому герцогу был больше по душе, чем трон в Кракове, и он согласился на последний только потому, что ничто не предвещало скорой смерти брата. Теперь он вдруг увидел, что теряет наследство рода Валуа и все только потому, что поторопился принять чужую корону. Все

дальнейшие действия нового польского короля могут показаться не отвечающими его характеру. Вялый, нерешительный, нерасторопный, изнеженный и бездеятельный, он вдруг проявил несвойственную ему прыть. Видимо сознание того, что из рук уплывает корона, и не какая-нибудь там польско-литовская, приютившаяся на задворках Европы, а корона Франции, превратило вдруг герцога в непохожего на самого себя. Прежде всего, он скрыл от окружающих известие о смерти брата, дабы никто его не заподозрил в истинных намерениях. Но по законам Речи Посполитой король мог покинуть пределы страны только с разрешения сейма, а Генрих знал, как долго собираются польские паны на свои сборища, кроме того, он был не уверен, что сейм согласится на его отъезд. Потому-то он ночью тайком покинул Краков и бежал за границу.

В Польше долго не знали того, куда пропал их новый король, а когда выяснилось, что Генрих в Париже, послали ему туда предупреждение, что если он через девять месяцев не вернется в Краков, то будет развенчан а сейм приступит к выборам нового короля. Впрочем, этим извещением польские власти лишь выполнили соответствующий ритуал. Они прекрасно понимали, что их новый король не вернется и что снова придется выбирать монарха.

Приступили к новым выборам, снова прозвучала московская кандидатура, и снова была составлена промосковская партия. После предательства Генриха, с нескрываемым пренебрежением бросившего польский престол, акции Грозного заметно возросли, поступок француза давал солидные козыри в руки сторонников русского царя. Можно было склонить на московскую сторону многих на сейме, но для этого нужны были деньги. Польские и литовские сторонники Грозного обращались с такой просьбой к Ивану, но тот отказал, хотя в кремлевской казне были немалые средства. Дело здесь было отнюдь не в материальной стороне. Русский царь посчитал ниже своего достоинства покупать себе трон, он и так, как ему представлялось, оказывал неслыханную честь полякам и литовцам, соглашаясь принять их королевство. Какие тут еще могли быть деньги и покупки?! Иными словами, русский царь оставался самим собой до конца. Больше всего он боялся унизиться, сделать какой-нибудь недостойный его божественного сана шаг. Но тогда царь не догадывался, что всем своим отношением к делу он только приближает это самое унижение. В конце концов, его опасения оправдаются, потеря им своего достоинства станет полной, случится именно то, чего он так опасался. Но об этом речь еще впереди.

Только в ноябре 1575 года в Польше вновь открылся избирательный сейм, на котором московская кандидатура почти не рассматривалась. Во все время нового бескорольевья активность русского царя продолжала заключаться в повторении всех своих первоначальных требований, а нежелание раскошелиться полностью дезавуировало промосковскую партию. Больше других голосов звучало в пользу императора Максимилиана, за него ратовали крупные польские вельможи. Неожиданно в число пре-

тендентов на польскую корону вмешался король Швеции Юхан. Шведский посол в Кракове вдруг огласил его кандидатуру, мотивируя тем, что жена Юхана есть родная сестра покойного Сигизмунда-Августа и что их сын остается по матери единственным представителем Ягеллонова рода. Но, как это не покажется странным, удачливее христианских государей в деле проведения на польский престол своей кандидатуры оказался турецкий султан. Он предложил своего ставленника, христианина по вере, но подданного Османской империи, седмиградского князя Стефана Батория. Расчет султана был прост. Он понимал, что в случае победы на сейме кандидатуры Максимилиана традиционно враждебная ему Австрия будет состоять в союзе с Речью Посполитой.

Едва посол седмиградского князя прибыл в Краков и после неизменного в таких случаях перечисления добродетелей и доблестей своего господина огласил его обещания, за Батория стало большинство средней и мелкой шляхты как в Литве, так и в Польше. А дальше разгул знаменитой польской вольности, доходящей до буйства, и несовершенство парламентаризма выплеснулись через край. На сейме, на котором голоса за императора и седмиградского князя поделились примерно поровну, уже никто никого не слушал. Дело закончилось тем, что 12 декабря 1575 года стоящая за германского императора партия провозгласила его королем Речи Посполитой, а 14 декабря партия сторонников Стефана Батория также провозгласила королем своего кандидата. Каждому из провозглашенных королей своя партия отправила извещение о его избрании с приглашением явиться в Краков и занять трон.

Понятно, что оба короля, провозглашенные таким странным образом, знали каждый о своем сопернике, и здесь победа определялась характером, решительностью и настойчивостью каждого. В этом смысле Максимилиан не мог оказать соперничества Баторию. Не обладавший ни большой энергией, ни надлежащей смелостью, ни тем более воинственностью, он легко уступил первенство борьбы за престол седмиградскому князю. Получив от послов известие о своем избрании и одновременно о том, что у него есть соперник, также провозглашенный королем, германский император проявил крайнюю медлительность, заведя разговоры с послами насчет условий, которые на самом деле были уже давно все оговорены, иначе бы и не состоялось его избрание. Потом вдруг предложил послам вместо себя в короли сына, полагая, что так будет лучше для всех. Изумленные послы отвечали, что они не правомочны решать такой проблемы, что выборы короля дело решенное и т. п. Но выбравшая сразу двух королей Речь Посполитая недолго оставалась в столь неопределенном положении. Ее из него вывели нерешительность одного короля и энергия другого.

Едва получив весть о своем избрании, Баторий не медля двинулся в Польшу. 18 апреля он вступил в Краков, не раздумывая подтвердил все предложенные ему сеймом условия и 1 мая короновался короной Речи Посполитой.

Но еще раньше, едва каждый из двух кандидатов на трон узнал о своем избрании, об этом же стало известно и в Москве.

Все это время русский царь поддерживал кандидатуру императора, вернее не поддерживал, а просто был на ее стороне, ибо поддержка предполагает какое-то содействие, влияние на работу сейма, а именно этого Грозный и избегал, боясь уронить свой престиж. Он за свою-то собственную кандидатуру не хотел сделать лишнего движения, считая это за унижение. Но сердцем он оставался на стороне императора, и мы выше приводили объяснения этому: царю был нелишним альянс Речи Посполитой с Германской империей против турецко-татарского союза.

Еще в декабре 1575 года в Москву прибыло посольство из Вены с просьбой к русскому царю поддержать кандидатуру Максимилиана или его сына. Венский двор словно не видел того, что московский властелин в свою-то поддержку не хочет ничего сделать. Тогда, обращаясь к Ивану, посол говорил:

«Избрание Эрнеста в короли будет очень выгодно твоему величеству: ты, Эрнест, цесарь, король испанский, папа римский и другие христианские государи вместе на сухом пути и на море нападете на главного недруга вашего, султана турецкого, и в короткое время выгоните неверных в Азию; тогда по воле цесаря, папы, короля испанского, эрцгерцога Эрнеста, князей имперских и всех орденов все цесарство Греческое восточное будет уступлено твоему величеству и ваша пресветлость будете провозглашены восточным цесарем».

Грозный и без того понимал выгоду союза с Германской империей, объединенной с короной Речи Посполитой, но поскольку и сам был не прочь отхватить что-нибудь из Ягеллонова наследства, опять вспоминал вдруг, что неплохо было бы получить для себя Великое княжество Литовское без Польши. С этой идеей он обратился теперь к послам Максимилиана, настаивая на том, что Литва должна отойти к нему, а император или его сын пусть ограничатся одной Польшей. Послы выразили сомнения, поскольку у Литвы с Польшей успел сложиться крепкий союз и разрушить его на сейме не удастся никакими дипломатическими усилиями. Сторона императора продолжала настаивать на общей короне Речи Посполитой и на том, что принадлежать она должна представителю венского двора, больше ратуя при этом за Эрнеста. Московского царя венские послы старались успокоить тем, что став королем Речи Посполитой, Эрнест уступит русской стороне Киев и некоторые другие города как плату за поддержку. Интересно, что пока польско-литовская шляхта решала на сейме судьбу короны своей державы, русский царь и германский император принялись делить ее между собой. Вместо того чтобы как-то в свою пользу повлиять на работу сейма, Грозный, имевший поначалу немало шансов на победу и постепенно растерявший их полностью, и Максимилиан, сохранивший шансы до конца и даже избранный в короли, но избранный вместе с соперником, с которым судьбу трона приходилось теперь решать в очной борьбе, занялись дележом Речи Посполитой так, будто она уже принадлежала им.

Грозный не очень верил цесарским обещаниям насчет Киева и других мест, а главное, в позиции Вены русскому царю не нравилось то, что она настаивала, чтобы Москва отступилась от Ливонии. А потому насчет заверений императора и всего, что касается орденских земель, Грозный через послов отвечал Максимилиану так:

«Хотим, чтоб брата нашего дражайшего сын, Эрнест, князь австрийский, был на Короне Польской, а Литовское Великое княжество с Киевом было бы к нашему государству Московскому; Ливонская же земля изначала была наша вотчина, и нашим прародителям ливонские немцы дань давали, да, забыв правду, от нас отступили, и потому над ними так и сталось; Ливонской земле и Курляндии всей быть к нашему государству, что мы уже посадили в ней подручника своего Магнуса: так брат бы наш дражайший, Максимилиан-цесарь, в Ливонскую землю не вступался и этим бы нам любовь свою показал; а мы Ливонской земли достаем и впредь хотим искать. К панам польским пошлем, чтоб они выбрали в короли Эрнеста-князя, а к литовским — чтоб оставались за нами; если Литва не согласится отстать от Польши, то пусть она выбирает Эрнеста; если же и Польша и Литва не согласятся иметь государем ни нас, ни Эрнеста, то нам с цесарем Максимилианом над ними промышлять со-обща и в неволю приводить».

Нет надобности в очередной раз заострять внимание читателя на ничем не прикрытом цинизме русского царя. Мы видели, что он и раньше грозил войной в случае, если на вакантный трон изберут негодную ему кандидатуру. В этом не было бы ничего особенного, если бы он сам не пытался занять этот трон. Теперь он предлагает это же самое делать в союзе с другим возможным неудачником. Дескать, давай вместе в случае своего провала повоюем землю народа, править которым собираемся в случае удачи.

Но вот московский властелин получает известие об одновременном избрании двух монархов на один трон. Правда, привезший эту весть гонец Бастанов сообщает царю, что в Кракове не надеются на то, что кто-нибудь из них займет вакантное место, а тем более утвердится на нем. В Речи Посполитой многие сомневаются, что такое странное избрание может быть законным и иметь следствием прочное воцарение кого-нибудь из обоих. В этом смысле русскому царю не следует опускать руки, борьба за польско-литовский престол может иметь продолжение, и в ней у Грозного неплохие шансы. В особенности это касается Литвы. Например, староста минский говорил московскому посланнику: «Чтоб государю послать раньше, не мешкая, к панам радным и к рыцарству? А тем у нас не бывать ни одному на королевстве, вся земля хочет государя царя».

Получив известие об избрании Максимилиана, Грозный отправил в Литву с грамотой своего посла. Тот, возвратившись, доносил, что когда он отдал царскую грамоту с жалованным словом сейму, то даже ярый противник московской ориентации Ходкевич вынужден был признать:

«Только бы государь такие грамоты прежде к нам прислал, то давно был бы избран. Государь домогался от нас опасных грамот на своих

послов; но я приказывал с Ельчаниновым (русский посланник в Речи Посполитой — А. Ш.), чтоб государь отправлял послов скорее и без опасных грамот: опасные грамоты потому не посланы, что к ним все пань радные прикладывают свои печати, но из панов одни служат вашему государю, а другие его не хотят и потому опасными грамотами волочат, печатей своих не прикладывают; услышавши о гонце Бастанове, я думал, что он едет к нам с грамотами, с жалованным словом и указом, но он приехал ни с чем; мы уже поневоле выбрали Максимилиана; Максимилиан-цесарь стар и болен, и мы тебя затем держим, что ждем от цесаря присылки, думаем, что он откажется от престола; ляхи выбирают на государство Батория и к нам уже в другой раз присылают, чтоб мы его выбрали; но нам ни под каким видом Батория на государство не брать. Баторий — турецкий ставленник, и как нам отдать христианское государство басурманам в руки? Ты едешь к полякам, так сам увидишь польскую правду: они ни за что не пошлют с тобою опасной грамоты на государевых послов, а я царю-государю рад служить всюю своею душою, только бы государь у нас вольностей наших не отнял, потому что мы люди вольные».

Тогда же вернувшийся из Вильно московский посланник Новосильцев доносил, что если бы царь действовал решительнее, успех на выборах московской стороне был бы гарантирован. Один из представителей крупной шляхты Николай Радзивилл говорил ему: «Пань за посулы выбирают цесаря и Батория, но рыцарство всюю землею их не хочет, а хочет царя; пань радные увязли в посулах и сами не знают как быть».

Интересно то, что теперь уже и Грозный не знал того, как ему быть. Может быть что-то еще можно было изменить, но решительность и энергичность седмиградского князя сняли проблему с повестки дня. Еще в апреле 1576 года Максимилиан, как король Речи Посполитой, писал Грозному в Москву:

«Думаем, ты давно уже знаешь, что мы в прошлом декабре с великою славою и честью выбраны на королевство Польское и Великое княжество Литовское, думаем, что вашему пресветлейшеству то будет не в кручину».

Русскому царю то было не в кручину, а совсем даже наоборот. Но всего через несколько дней в кремль пришло новое известие, на этот раз о том, что Стефан Баторий коронован польско-литовской короной. Тогда Грозный, лишенный и дипломатической выдержки, и политического чутья, написал своему венскому корреспонденту следующее послание:

«Мы твоему избранию порадовались; но после узнали, что пань мимо тебя выбрали на королевство Стефана Батория, воеводу седмиградского, который уже приехал в Краков, короновался и женился на королевне Анне, и все пань, кроме троих, поехали к нему. Мы такому непостоянному разуму у панов удивляемся; чему верить, если слову и душе не верить? Так ты бы, брат наш дражайший, промышлял о том деле поскорее, пока Стефан Баторий на тех государствах крепко не утвердился; и к нам отпиши со скорым гонцом, с легким, как нам своим и твоим делом над Польшею и Литвою промышлять, чтоб те государства мимо нас не про-

шли и Баторий на них не утвердился. А тебе самому хорошо известно: если Баторий на них утвердится из рук мусульманских, то нам, всем христианским государям, будет к великому убытку».

На счет того, что Баторий не крепко утвердился в польской короне, царь Иван ошибался. Едва вступив в свои новые владения, седмиградский князь твердо взял власть в руки. От высказываемых Грозным перспектив промышлять над Польшей и Литвой веет наивностью, но мы уже знаем, что русский царь давно потерял реальное ощущение окружающих его вещей. Видимо, на тот момент он еще не догадывался, что ему в самую пору подумать самому о том, как защититься от промыслов под него нового польско-литовского короля. Его недавний политический партнер, император Максимилиан, то ли от старости, к которой он совсем растерял не то что воинственность, а даже последние остатки жизненной энергии, то ли от более объективного понимания обстановки, не стремился поддержать русского царя в деле происков под Речь Посполитую. Вместо этого он, раздражая Грозного, советовал тому совсем отступить от владений бывшего Ордена, в то время как тот, потерпев полный провал в Польше, еще более утвердился в решении любой ценой покончить с Ливонией.

Утверждением Батория на престоле Речи Посполитой дипломатический раунд борьбы за орденское наследство завершился и завершился он полным поражением русской стороны. Объяснение этому поражению и ожидаемые от него последствия лучше всего привести словами историка Н. И. Костомарова:

«Избрание на польский престол либо самого Ивана, либо его сына непременно совершилось бы, если б сам Иван не помешал этому своим колебанием, скупостью, пустым высокомерием и вообще неумением вести дело. Мы не будем сожалеть, что не случилось именно того, что могло случиться, уже потому, что не решимся положительно утверждать, чтоб это послужило к пользе Русской Земли в будущем. Но несомненно, что Иван не руководился какими-либо глубокими соображениями о последствиях в будущем и не показал ни малейших следов той мудрой политики, которая клонилась к тому, чтоб тем или другим способом дело в Польше окончилось к пользе московской державы. Все его речи и поступки показывают, что он действовал по впечатлениям, по тем или другим страстным движениям, а никак не по разумному плану».

Еще не стихли в Речи Посполитой выборные страсти, как для русской стороны дипломатические баталии сменились на военные. Едва только Грозному царю стало ясно, что кандидатура как его самого, так и его сына не проходят, затягивать военные действия дальше стало бессмысленно. Ситуация для Москвы складывалась вполне благоприятная. Еще не истек срок перемирия с Речью Посполитой. Кроме того, в Москве прекрасно понимали, что окончательные выборы короля и утверждение того на престоле, кто бы им ни был, потребуют времени, в течение которого польско-литовской стороне будет не до войны, так что она не нарушит перемирия. Этим обстоятельством глупо было не воспользоваться, чтобы

попытаться разделаться со Швецией, пока она не может получить помощи от Литвы. Правда, со Швецией тоже не истек срок перемирия, но мы видели, насколько это перемирие было странным, и в нем не оговаривался ливонский театр войны, и сам мир касался лишь района Карельского перешейка. А кроме всего прочего, нарушение перемирия не представлялось кремлевскому хозяину чем-то предосудительным, и поздней осенью 1575 года русское войско вторглось в северные районы Ливонии.

Для очередной кампании Грозный вернулся к своему прежнему плану — сделать из Ливонии вассальное государство во главе все с тем же датским принцем Магнусом, который к настоящему времени успел жениться на двоюродной племяннице русского царя, дочери старицкого князя Владимира Андреевича. Теперь новый царский зять снова выступал во главе московских полков, отчасти разбавленных датским контингентом. Почти не встретив нигде сопротивления, поскольку шведы и немцы, надеясь на перемирие, оказались неготовыми к отпору, Магнус быстро овладел всей северо-западной частью Ливонии и в конце года подошел к крепости Пернов. Здесь русские встретили упорное сопротивление, знакомое им по взятию других ливонских твердынь. Последним таким крепким орешком, мы помним, был Вейсенштейн, взятие которого лишило русскую армию сил для дальнейшего наступления. То же самое случилось теперь под Перновом. В конце концов, крепость пала, но эта победа стоила московским воеводам семи тысяч человек только убитых, так что никаких серьезных наступательных акций проводить уже было больше нельзя. Требовалась передышка, хотя бы короткая, и воеводы вновь отвели войска на свою территорию, так что и эта победа стала сродни Пирровой. Правда, то, что не всегда удавалось добиться оружием, иногда добывалось мирными средствами. Назначенный воеводой в поверженный Пернов московский боярин Никита Романович Юрьев проявил к побежденным такое великодушие, что не только позволил всем не желавшим подданства московскому царю свободный выход из города со своим добром, но и разрешил сколько угодно раз возвращаться за оставшимся, если не удавалось вывезти одним разом. В результате такого миролюбия укрепленные места Гельмет, Ермис, Руэн и Пуркель сдались русским воеводам добровольно и открыли ворота московскому воинству, когда оно отправлялось на отдых и пополнение к своим рубежам.

То же самое продолжалось и в начале следующей кампании, когда в 1576 году русские войска снова вступили в северные районы Ливонии. Замки Леаль, Лоде, Фиккель были заняты без единого выстрела. Но то все были мелкие городки с укреплениями, не представлявшими собой надежного оплота обороны. Но вот перед русским воинством распахнула ворота довольно сильная крепость Гапсаль, имевшая важное стратегическое значение и не уступавшая по своей мощи Пернову. Рассчитывавшие встретить здесь упорное сопротивление воеводы изумились такой капитулянтской политике гапсальских властей, тем более что в обороняемой крупным гарнизоном крепости кроме обилия оружия и боеприпасов

оказались громадные запасы продовольствия. Еще больше изумлялись московские люди тому, как повели себя гарнизон и местные жители сразу после сдачи крепости. Вечером того же дня, когда перед московскими воеводами были открыты ворота, немцы и бывшие в гарнизоне шведы устроили пышное праздничное пиршество с обильным употреблением горячительных напитков и веселыми танцами. Глядя на происходящее, русские говорили: «Что за странный народ немцы! Если бы мы, русские, сдали без нужды такой город, то не посмели бы поднять глаз на честного человека, а царь наш не знал бы, какую казнь нас казнить. А вы, немцы, празднуете стыд свой».

После Гапсаля перед напором московского воинства не устояла крепость Падис. Там гарнизон не думал добровольно складывать оружие, но силы его были не в состоянии противостоять наступавшим. Русские овладели крепостью после одного дня боев. В последующие дни шведы подтянули к Падису крупные силы, надеясь его вернуть, но неоднократные попытки противника отбить крепость не увенчались успехом, Падис оставался в русских руках. Этим кампания 1576 года завершилась.

Наступивший 1577 год стал переломным и в своем роде определяющим для всей войны. Кампании предыдущих лет для русской стороны с теми или иными натяжками можно было считать все-таки более или менее удачными, но 1577 год положил конец даже частным военным успехам Москвы. Казалось бы, что к тому году Россия подошла с неплохой основой для будущих успехов. За время последних кампаний она полностью очистила северные районы Ливонии от шведов, в руках которых оставался лишь Ревель. Но что толку от всех этих побед, если противник продолжал удерживать главную морскую базу и основной опорный пункт своего присутствия в Ливонии. А потому на начало года московское правительство планировало крупную наступательную операцию, целью которой ставило овладение Ревелем.

В январе русское войско в составе 50 тысяч человек, возглавляемое воеводами Ф. И. Мстиславским и И. В. Шереметевым, во второй раз за эту войну подступило к Ревелю. При этом воевода Шереметев поклялся, что возьмет Ревель или сложит под ним свою голову. Поход на Ревель 1577 года стал последней наступательной операцией Москвы на шведском участке Ливонского фронта, а сама операция отмечена как одно из самых крупных поражений московского воинства в той войне.

Главной причиной неудачи русских в битве за Ревель следует называть превосходство противника в артиллерии. Надо сказать, что город основательно подготовился к осаде. В первую очередь это выразалось в том, что осажденные имели в пять раз больше стволов артиллерии, чем осадившая их армия. Московские воеводы под Ревелем располагали всего 28 орудиями. Эта цифра просто несерьезная, когда речь идет об операции по осаде и взятию такой мощной крепости, как Ревель. Лучше у защитников обстояли дела и с артиллерийскими снарядами. Сохранившиеся записи разрядного и пушкарского приказов донесли до нас сведения, что

во время осады Ревеля на каждое орудие в осадном лагере приходилось не более чем по 700 ядер, что также далеко недостаточно для успешного проведения задуманной операции.

Четко на стороне противника была налажена и вся организация обороны города. И это несмотря на то, что разыгравшиеся с начала кампании бури на Балтике лишили гарнизон поддержки морем со стороны «большой земли». Началось с того, что еще при подходе русской армии к Ревелю шторм разбил и уничтожил следовавший к Ревелю отряд судов с грузом для осажденных. И в дальнейшем в течение всей кампании корабли с подкреплениями для ревельского гарнизона из-за сильных штормов не могли пересечь Балтийское море и подойти на ревельский рейд, так что жители и гарнизон города остались предоставленными себе самим. Но комендант крепости шведский генерал Горн оказался опытным и знающим свое дело военным специалистом. Предложенное им расположение батарей на укреплениях города не имело изъянов, так что осадный лагерь русских страдал от обстрела с крепостных бастионов больше, чем сам мог нанести вреда осажденным. В результате осадная армия понесла значительно большие потери, чем защитники города. А во время одной артиллерийской дуэли был убит и нацвал шведским ядром один из главных военачальников русского войска Иван Шереметев, так что воевода полностью сдержал данное им слово.

Особенностью этой осады Ревеля и заслугой его защитников стало то, что они, зная об излюбленном приеме русских использовать при осадах зажигательные снаряды и каленые ядра, неизменно приводящих к пожарам, что в той войне стало причиной падения многих ливонских крепостей, заранее приняли все надлежащие меры и наладили службу пожаротушения. Каждому жителю вменялось в обязанность сторожить свой дом днем и ночью от пожара, а специальные команды непрерывно разъезжали по городу, наблюдая, не упало ли где каленое ядро.

Другой особенностью той памятной осады стали частые вылазки осажденных против лагеря осаждающих. Следует отметить, что в ту войну такое явление ранее не наблюдалось, во всяком случае, источники молчат о нем, отчего следует полагать, что вылазки, если они и были, то не стали характерным признаком прошлых осад. Но вот под Ревелем в 1577 году это было именно так, причем наряду со шведскими солдатами и немецкими ландскнехтами в вылазках принимало участие гражданское население города. Из гражданских лиц даже был составлен отряд в 400 человек под командой мещанского сына, некоего Иво Шенкенберга.

А монархи воюющих держав во все время осады продолжали сноситься друг с другом. Так Юхан шведский писал московскому Ивану, что Швеция продает Ревель германскому императору, а потому русскому царю нет надобности громить город. И если он так ему нужен, то пусть требует его от германских властей.

В то же время русское командование под Ревелем распускало слух, что будто бы на помощь осадной армии следуют крупные силы во главе

с самим царем. Расчет был на то, что такой слух дойдет до защитников и устрашит их. Слух действительно доходил по назначению, но ни малейшего страха гарнизон при этом не испытывал. То ли ревельцы не верили этому, то ли просто не боялись появления под стенами своего города пусть даже самого русского царя, а потому о капитуляции не хотели и слышать. Тем более что вместе с этими слухами до гарнизона крепости доходили известия о том, что в русском лагере нет веры в успех, что среди воевод нет согласия и единства, а у воинов нет доверия к воеводам. В довершение всего к концу зимы на Балтике стихли штормы, и на ревельский рейд стали заходить вереницы судов с грузами и пополнениями для осажденных.

Перспектив в овладении крепостью не было никаких, русское командование даже не ставило на повестку дня вопрос о возможном штурме. Наконец, видя бессмысленность дальнейшего топтания под стенами Ревеля, московские воеводы 13 марта, после семи недель осады, сняли лагерь и отвели армию за свои рубежи.

Но отступлением московских воевод от стен Ревеля кампания 1577 года не закончилась, как не закончились с ней все неудачи того года. Неожиданно шведы, ободренные успехом, перешли в контрнаступление и прошлись следом за отступающими русскими полками, отбив у русских по пути замок Вейсенштейн, с таким трудом и громадными потерями добытый в кампании пятилетней давности, и крепость Пернов, с наименьшими трудностями и потерями добытую полтора года назад. Кроме этих двух крупных опорных пунктов, русские оставили неприятелю ряд более мелких, так что почти все завоевания последних лет в северной части Ливонии оказались сведенными к нулю.

Тем временем русский царь действительно собирался с крупными силами для следующего большого похода, так что слухи, распускаемые воеводами под стенами Ревеля, были не так уж и не верны. Но целью очередной кампании царя на этот раз был не Ревель. То ли Грозный после двух попыток покушения разуверился в успехе против этой мощной твердыни, то ли еще почему, но он решил оставить пока Северную Ливонию в покое и перенести удар на южные ее районы, занятые литовцами. Расчет был тот же, что и в кампании 1575 года против шведов: пока не истек срок перемирия с Речью Посполитой, царю предоставлялась возможность попытаться счастья против неготового к отпору противника. И здесь, как и в последнем наступлении на севере Ливонии, поначалу московской стороне сопутствовал успех. Но как прошлая кампания стала последней наступательной операцией русских на шведском участке фронта, так и эта стала последним наступлением на юге Ливонии, а с ним и вообще последней наступательной акцией России в той войне.

Еще одним характерным показателем той кампании стала измена Грозному датского принца Магнуса.

Этот игрушечный король Ливонии уже давно вынашивал изменческие планы. Многие наши историки измену Магнуса объясняют

уж слишком банальными и меркантильными причинами, имеющими в основе материальную обиду, нанесенную датскому принцу Грозным. Дескать, царь ущемлял того в имениях, вотчинах, прочих земельных пожалованиях, обещанных ранее и на которые вполне объективно мог рассчитывать принц. В особенности часто приводится факт недодачи царем обещанного приданного за племянницей. Там речь идет о целых городах с окружающими их волостями.

Думается, что это не главная причина измены.

А главная причина в том, что Магнусу надоела роль гипотетического правителя Ливонии, борьба за которую в последнее время все больше и больше приобретала сомнительные перспективы. Больше того, Магнус понимал, что даже в случае ее завоевания русским оружием при таком властелине, как Грозный, он никогда не будет ее настоящим правителем и его уделом всегда будет оставаться жалкая и унижительная роль марионеточного царька при неукротимом и непредсказуемом хозяине московского трона. Надо отдать должное датскому принцу, он был не так близорук, коль скоро понял, что польско-литовская ориентация для него более перспективна. По всему видно, он чувствовал, что противостояние за Ливонию закончится торжеством Речи Посполитой, политика Москвы и ее внутреннее состояние не сулят ей победы. Конечно, больше всего Магнусу хотелось бы полного, ни от кого независимого правления над Ливонией, но он не был настолько наивным, чтобы считать такой вариант за реальный. Время ливонского суверенитета кануло в Лету, но у датчанина хватало проницательности понять, что вассальная зависимость от польской короны, дающая определенную свободу в принятии решений, носит в себе больше достоинств, чем зависимость от московской деспотии, начисто лишаящей мнимого правителя даже призрачной самостоятельности.

И Магнус завел тайные сношения с панями радными, а также с крупными польскими и литовскими магнатами и даже с герцогом Курляндским, бывшим последним орденом магистром. Он был готов содействовать полякам и литовцам в их предстоящей борьбе с московским тираном, предлагая себя в качестве того же оружия, в которое его самого пытался превратить русский царь. Датский принц уверял поляков, что Ливонией легче овладеть, используя его имя, что ливонские немцы скорее пойдут за тем, на чьей стороне будет стоять представитель датской королевской фамилии. И в этом Магнус был прав. Его прежние неудачи и отсутствие от его имени ожидаемого эффекта объясняются тем, чью сторону до этого он представлял. Если стоять на стороне московского тирана, который был пугалом для Европы, то не имеет особого значения тот факт, что в жилах его ставленника течет королевская кровь. Другое дело — Речь Посполитая. Нахождение такого ставленника на ее стороне имело бы иной эффект, и ближайшие события это подтвердили.

Грозный знал или, по крайней мере, догадывался об изменнических настроениях Магнуса, но ничего не предпринимал. Интересно, что он,

всегда излишне подозрительный, ко всем без исключения недоверчивый, во всем видевший измену, подозревавший всех и вся, обвинявший в изменах всех подряд безо всяких на то оснований, отправлявший преданнейших ему людей массаами на виселицу и на эшафот без малейших доказательств вины, а просто голословно предъявив нелепые обвинения в мнимых преступлениях, не увидел подле себя действительной измены. Впрочем, это не так странно, этим и характерны противоречивые натуры.

Итак, летом 1577 года московское командование повело очередную и последнюю наступательную кампанию на Ливонском фронте, и на этот раз она была направлена против южной части бывших орденских земель, которыми сейчас владели поляки и литовцы. В июле крупные русские силы, возглавляемые самим царем, выступили из района города Острова и вторглись в переделы Ливонии, держа общее направление на Дюнабург. Как и ожидалось, противник рассчитывал на перемирие, а потому оказался совершенно не готовым к отражению наступления. В Речи Посполитой знали о русских приготовлениях, средоточие массы войск вблизи границы не могло остаться незамеченным, но по каким-то причинам там были уверены, что русский царь снова поведет наступление на Ревель. Жители Риги даже отправили в Ревель в поддержку своего союзника несколько кораблей с военными грузами и продовольствием, сопроводив посланием, в котором звучали слова ободрения: «Мужайтесь снова, готовьтесь к третьей, ужаснейшей буре — и в третий раз да спасет вас Господь от злочестивого тирана!»

Небольшие литовские гарнизоны ливонских городов бежали при приближении русских вместе с воеводами. Покинул край, укрывшись глубоко за своими рубежами, и главный воевода, гетман Хоткевич. За несколько дней похода московские полки без единого выстрела заняли Мариенгаузен, Люцин, Дюнабург. Затем, повернув на северо-запад, вышли к Крейцбургу и овладели им. Всех, кто без раздумья сдавался царю на милость, Грозный отпускал на свободу, но тех, кто хоть минуту раздумывал, царь забирал в плен. Во всех занятых городах русские оставляли свои гарнизоны. Наконец, русские ратники встретили первое сопротивление. На пути следования московских войск в сторону Вендена встал небольшой укрепленный городок Зесвеген, защищаемый не литовским, а немецким гарнизоном, который наотрез отказался сложить оружие. С большим трудом русские овладели посадом, но долго не могли овладеть замком, так что командовавший московскими силами под Зесвегеном воевода Бутурлин вынужден был просить у царя помощи, сообщая тому, что немцы в крепости *сидят на смерть*. В ответ царь сам прибыл к месту побоища и велел громить замок из пушек до тех пор, пока его укрепления не сравняются с землей, что и было исполнено. К оставшимся чудом в живых защитникам не было никакой милости. Грозный велел посадить пленных на кол. После этого русским, опять же без боя, сдались замки Берсон и Кальценау. В ответ на такую покорность

русский царь отпустил всех защитников, а это были немцы, и пожелавших уйти жителей на все четыре стороны.

Еще в июле, только выступая в поход, царь послал в авангарде своего войска Магнуса с передовым корпусом, состоящим преимущественно из его датчан, определив ему направление на Венден. При этом Грозный строго обозначил территорию, за которую датскому принцу с его воинством ступить не следовало.

Успехи у Магнуса были не менее впечатляющими, чем у царя. Ему также сдавался город за городом, причем абсолютно добровольно, но скоро между царем и его ставленником возник конфликт. Царю города, если и сдавались без боя, то от страха перед возмездием, которое ожидало защитников в случае сопротивления. Магнусу города отдавались, что называется по любви. Надо сказать, что ни со стороны немцев, ни со стороны литовцев у Магнуса не было противников, потому как и жители и гарнизоны были расположены к датскому принцу, и он уже не представлялся ни тем ни другим ставленником русского царя. Очевидно, свою роль здесь сыграли польские, литовские и, возможно, немецкие эмиссары Магнуса, сумевшие должным образом подготовить к его приходу местное население. Немалая заслуга и самого принца, который в этом походе обращался к жителям и воинским формированиям противника так, что его уже можно было открыто обвинять в измене русскому царю, хотя он еще и оставлял за собой на всякий случай возможности для оправданий. Так, например, он говорил ливонцам:

«Хотите ли спасти жизнь, свободу, достояние? Покоритесь мне, или увидите над собою меч и оковы в руках московитян».

Как видим, он прямо противопоставляет себя московскому царю и его воинству. Наконец, он дошел до того, что без ведома царя начинает занимать города, не предназначенные для него. Датскому принцу открывают ворота Кокенгаузен, Ашераден, Ленвард, Роннебург, Вольмар и много других помельче, расположенные там, куда Грозный Магнусу вступать не велел. В конце концов, он без боя овладевает Венденом, что и было главной целью похода. А вот дальше происходит не совсем понятное. Датский принц извещает русского царя о своих успехах и требует от того, заметим, не просит, а требует, чтобы тот не трогал ливонских городов, принадлежавших ему, Магнусу, законному королю Ливонии. Причем в числе последних он называет не только те, что заняты им сейчас, в этом последнем походе, но и все те, в которых стоят русские гарнизоны. Среди принадлежавших ему городов Магнус называет даже Дерпт. По сути дела, он тем самым объявляет себя ни много, ни мало не мнимым, а действительным королем Ливонии. Конечно, согласно затеянной Грозным инсценировке, так оно и должно было быть, и завоевание Ливонии делалось с целью отдачи ее Магнусу, но договаривавшиеся стороны знали о том, что это именно инсценировка. Теперь вдруг датский принц почувствовал себя настоящим правителем завоеванного края. И объяснить такую метаморфозу можно только одним. Принц, очевидно,

заручился обещаниями от польско-литовской шляхты, а может быть от кого-то еще, в поддержке, а потому он вдруг себя возомнил вне зависимости, а что еще важнее, вне опасности от русского царя. Но, во-первых, он поторопился с объявлением Грозному своих требований не беспокоить Ливонию, когда польско-литовская сторона, связанная перемирием, была еще не готова к активным действиям против Москвы. Во-вторых, он не учел одного важного момента. Он не придал значения роли нового польского короля Стефана Батория в последующих событиях, посчитав того не особенно важной политической фигурой. Так, например, после занятия Вольмара Магнус грубо и неуважительно обошелся с воеводой Батория, назначенным туда лично королем, а потому настроил последнего против себя. Он продолжал в основном сноситься с польской шляхтой, считая ее главной силой Речи Посполитой, а к Баторию относился довольно пренебрежительно, полагая, что тому не удастся закрепиться на польском троне. В этом был его грубый просчет, но откуда принцу было знать, что новый польский король уже во весь голос заявил о себе, а почувствовавшая на себе его крепкую руку шляхта, естественно, не спешила поддерживать датского принца.

Как же изумился Грозный, получив требования от своего карманного ливонского правителя. В ответ он послал Магнусу ответ такого содержания:

«Хочешь брать у нас города — бери: мы здесь от тебя близко, ты об этих городах не заботься: их и без тебя берегут. Приставов в твои городки, сколько Бог помощи подаст, пошлем, а деньги у нас — сухари, какие случились. Если не захочешь нас слушать, то мы готовы, а тебе от нас нашу отчину отводить не следовало. Если тебе нечем на Кеси жить, то ступай в свою землю за море, а еще лучше сослать тебя в Казань; если поедешь за море, то мы свою вотчину, Лифляндскую землю, и без тебя очистим».

И уже совсем не стало пределов негодованию русского царя, когда он узнал о тайных сношениях Магнуса с польскими шляхтичами и панями. Грозный тотчас повелел воеводам овладеть городами, которые занял Магнус, и сам вслед за ними двинулся против своего строптивного вассала. В первом же освобожденном от магнусовских приверженцев, ранее занятом датским принцем городе Кокенгаузене, царь приказал казнить пятьдесят человек из личной гвардии принца. Вслед за тем царю покорились Ашераден, Ленвард, Шваненбург и другие города, ранее занятые Магнусом, так что из всех владений новоявленного ливонского короля у него остались лишь Венден и Вольмар. Наконец, Иван Грозный подошел к Вендену, где находился сам ливонский король, а воевода Бельский осадил Вольмар, в котором заперся один из ближайших сановников Магнуса, Георг Вильке.

Сначала Вильке, было, отказался наотрез впускать царских людей в крепость, объясняя, что она *взята королевскою саблею*, следовательно, принадлежит Магнусу, но, видя готовность Бельского к штурму и не надеясь устоять, сам выехал к воеводе, сказав тому: «Знаю, что мой король присяжник царя: удерживаюсь от кровопролития. Возьмите город:

еду к Магнусу». Но Бельский отослал его к царю как пленника и с ним еще двадцать немцев из магнусовой дружины. Там их ждала незавидная участь, но других воинов ливонского короля такая же участь постигла прямо сейчас. Семьдесят из них стрельцы Бельского тут же изрубили бердышами и саблями. Многих в оковах отправили в заточение.

В то же время царь повелел Магнусу выйти к нему из Вендена, но тот не решился и прислал Грозному для переговоров двух своих послов. Но московский государь посчитал ниже своего достоинства вступать в переговоры с посланниками изменившего ему слуги. Он тут же велел высечь их розгами и отправил обратно к их королю с тем, чтобы передали ему настоятельное требование царя принести повинную. К царским требованиям добавились просьбы жителей города, умолявших Магнуса покориться царю и тем самым отвести беду от города. Жители хорошо знали, что такое подвергнуть свой город участи взятого на щит. В конце концов Магнус сдался и в окружении двадцати пяти приближенных явился в царском стане, предварительно впустив в крепость московских ратников, но оставив при этом замок в руках преданного ему гарнизона, повелев не сдавать замок до последней возможности.

Представ перед Грозным, развенчанный ливонский король пал на колени и молил о прощении. Иван отвечал:

«Глупец! Если б ты не был королевским сыном, то я бы научил тебя, как мне противиться и забирать мои города. Ты дерзнул мечтать о королевстве ливонском? Ты, бродяга, нищий, принятый в мое семейство, женатый на моей возлюбленной племяннице, одетый, обутый мною, наделенный казною и городами — ты изменил мне, своему государю, отцу, благодетелю? Дай ответ! Сколько раз слышал я о твоих замыслах гнусных? Но не верил, молчал. Ныне все открылось. Ты хотел обманом взять Ливонию и быть слугою польским. Но Господь милосердный сохранил меня и предает тебя в мои руки. И так будь жертвою правосудия; возврати мое и снова пресмыкайся в ничтожестве!»

Оставив окончательное решение судьбы датского принца на потом, царь пока ограничился взятием того под стражу.

Но если ливонский король так легко сдался на милость русского царя, то не так легко поддались ему запершиеся в замке жители города. Московским воеводам пришлось громить замок тяжелой артиллерией, а потом добывать его несколькими попытками упорных штурмов. Бои на стенах и башнях продолжались три дня, и когда защитники увидели, что выхода нет, они решили подорвать себя сами. Запершись в одной из башен, подкатив под нее несколько бочек пороха и бросив в порох горящий факел, остававшиеся в живых воины гарнизона и жители города взлетели на воздух вместе с остатками замка и бросившимися на приступ московскими ратниками. После побоища Грозный повелел казнить всех, кого удастся обнаружить в живых. Такие действительно нашлись, но поскольку их было немного, к тому же они были, как правило, ранены и изуродованы, а большею частью находились без сознания, то русского

царя масштабы такой казни удовлетворить не могли, и он приказал казнить многих пленных, захваченных ранее. В числе последних оказался и взятый воеводой Бельским под Вольмаром Георг Вильке и двадцать других немцев из его окружения. По распоряжению Грозного их всех посадили на кол.

Насытившись местью, русский царь продолжил завоевания и после Вендена овладел городами Роннебург, Трикат и Шмильтен, обороняемых литовскими гарнизонами, а потому тут Грозный снова не встретил ни малейшего сопротивления. В конце сентября авангардные русские полки вышли к предместьям Риги. Своими мощными бастионами крепость напомнила московским воеводам Ревель, а приморское положение города обещало бесперебойную помощь защитникам со стороны моря. Предвидя все, уже не раз испытанные трудности, Грозный не решился на осаду и поздней осенью, оставив гарнизоны в занятых крепостях и послав часть конницы, преимущественно татарской, в район Ревеля для опустошения шведских владений, отвел войска к Дерпту. Здесь московский властелин пышно и торжественно отпраздновал свои победы, а по возвращению царя в столицу еще более пышные празднества в честь его побед гремели в Москве, но самому пристальному глазу усмотреть победы в последней кампании русских остается весьма трудной задачей.

Кроме взятых Зесвегена и Венденского замка, которые удались русскому воинству ценой огромных потерь, московские воеводы в прошедшей кампании не одержали ни одной победы, да и не выпало на их долю ни одного сражения. Вся кампания за исключением овладения двумя названными укрепленными местечками свелась к бескровному для русских походу, на всем протяжении которого перед царем распахивали ворота все встреченные им на пути крепости и замки. Недостаток кровопролития Иван компенсировал массовыми казнями сдавших ему на милость воинских гарнизонов, если только сдача происходила не сразу при появлении под стенами крепости русских войск, а через какое-то время, которое противник брал на обдумывание. Жестокому избиению при этом подвергалось и все без исключения гражданское население городов. По мнению многих наших отечественных историков, строящих свои выводы на основе свидетельств, оставленных летописцами, последняя наступательная операция русского воинства в Ливонской войне, операция 1577 года, по жестокости, проявленной в отношении мирных жителей, была сродни первой наступательной кампании 1558 года. Но главная особенность кампании 1577 года та, что она окончательно ослепила русского царя. Он придал слишком большое значение своим победам, которых по сути дела не было, и не увидел причин той легкости, с которой ему удалось за два-три месяца пройти всю южную часть Ливонии, заняв по пути более двух десятков укрепленных мест. Он не принял во внимание того, что его главный соперник по той войне еще не отошел от выборов и, следовательно, не оправился от затянувшегося бескоролья. Что этот соперник оказался слишком доверчивым, положившись на перемирие,

срок которого еще далеко не вышел, а потому он оказался не готовым к отпору. Что, наконец, главные силы поляков и литовцев вместе с воеводами оставили театр военных действий сразу же с началом русского вторжения, очевидно, наказав оставшимся малочисленным гарнизонам не вступать в баталии и избегать кровопролитий, дабы сохранить людской потенциал на будущее. Заметим, что сопротивлялись русским под Венденом и раздумывали, сдаваться ли им или вступать в баталию, только немецкие гарнизоны. Литовцы же, не мешкая, складывали оружие при появлении русских. Недальновидный русский царь не углядел, что такое поведение противника вызвано тем, что новый польский король готовит против Москвы ответную акцию, перед которой русское оружие устоять не сможет. Вместо всего этого московский самодур превозносил себя и свои мнимые победы в последней кампании и пренебрежительно смотрел на, как ему казалось, поверженного и посрамленного противника.

Радость царя была такой, что он милостиво обошелся с оставшимися у него в руках ливонскими пленниками. Некоторые, конечно, не избежали отправки в оковах в Москву, но большинство захваченных во время последнего рейда царь отпустил на волю. И, наконец, к невероятному изумлению всех, царь простил ожидавшего верной смерти Магнуса. Мы уже говорили о том, что противоречивость натуры Грозного, кроме всего прочего, проявлялась еще и в том, что он массами мог истреблять ни в чем не повинных людей по ложному обвинению или просто по подозрению, а настоящего изменника не только не казнил, но после недолгого содержания под стражей освободил, вновь осыпал милостями и одарил больше прежнего. Сразу вернувшись в Дерпт из своего последнего похода, торжествующий Грозный объявил бывшему ливонскому королю свободу, взяв с того лишь ни к чему не обязывающее слово быть в дальнейшем верным русскому царю. Он возвратил Магнусу подаренные тому ранее города Оберпален и Каркус, прибавив к ним еще Гельмет, Розенберг, Зигесвальде и некоторые другие. Московский владыка снова произвел датского принца в короли Ливонии, себе оставив имя верховного ливонского правителя. Словом, все, что тогда ни делал царь Иван Васильевич, выдавало в нем торжество души.

Это тогдашнее состояние Ивана Грозного очень точно передал Н. М. Карамзин:

«Доселе Иван брал, что хотел; свирепствовал, казнил Ливонию беспрепятственно; смеялся над слабостью врагов; с надменностью воображал ужас, отчаяние королей шведского и польского; думал, что оружие уже все решило; что остальное прибавят договоры сильного с бессильными... Здесь конец наших успехов в Ливонии, хотя и не весьма важных для потомства, но знаменитых, блестящих для тогдашних россиян, которые славились взятием *двадцати семи городов* в два или три месяца. Увидим жестокий оборот Судьбы, злополучие отечества и стыд царя; увидим новое доказательство, что малодушие свойственно тирану: ибо бедствия для него казнь, а не искушение, и доверенность к Провидению столь же

чужда его сердцу боязливому, сколь и доверенность к народному усердию!... Торжествуя в Москве свои ливонские завоевания, презирая Батория и Швецию, Иван, кажется, не видел, не угадывал великих для себя опасностей...».

А между тем даже временным триумфом русского царя кампания 1577 года не завершилась. Не успело русское воинство убраться за свои рубежи, как его следом прошлись оправившиеся от внезапного нападения воеводы нового польского короля, отбив у русских почти все завоевания их последнего похода. С необычайной легкостью литовцы овладели Венденом, который всего два месяца назад русское оружие добыло с величайшими трудностями. Свою роль сыграла беспечность царских воевод, которым невольно передалось настроение царя. Не меньше оплошности проявил гарнизон взятого накануне у немцев Дюнабурга, в результате чего противник вступил в крепость практически без одного выстрела. Та же участь постигла и некоторые другие, более мелкие укрепленные места.

Единственным городом, где противник встретил упорное сопротивление, стал Ленварден, защищаемый несколькими десятками человек гарнизона во главе с князем Иваном Елецким. Горстка русских выдержала месячную осаду литовских и немецких войск, сопровождавшуюся ежедневными штурмами с боями на стенах и башнях. Особенно защитники страдали от голода, поскольку противник настолько быстро подошел к городу после отхода от него главных русских сил, что гарнизон не успел запастись продовольствием. И все же крепость выстояла. После месяца непрерывных боев неприятель отошел от Ленвардена, оставив под его стенами горы трупов своих людей. Но это, пожалуй, единственный подобный пример конца кампании 1577 года.

Тогда же находившийся в Оберпалене, прощенный царем и снова возведенный им в сан названного ливонского короля, Магнус, видя такую перемену обстановки и понимая, что еще одного поворота в пользу Москвы не будет, изменил Грозному еще раз и уже окончательно. Оставив Оберпален, который тут же достался врагу, он бежал к Баторию и осел в отведенном ему королем городке Пильтен в Курляндии.

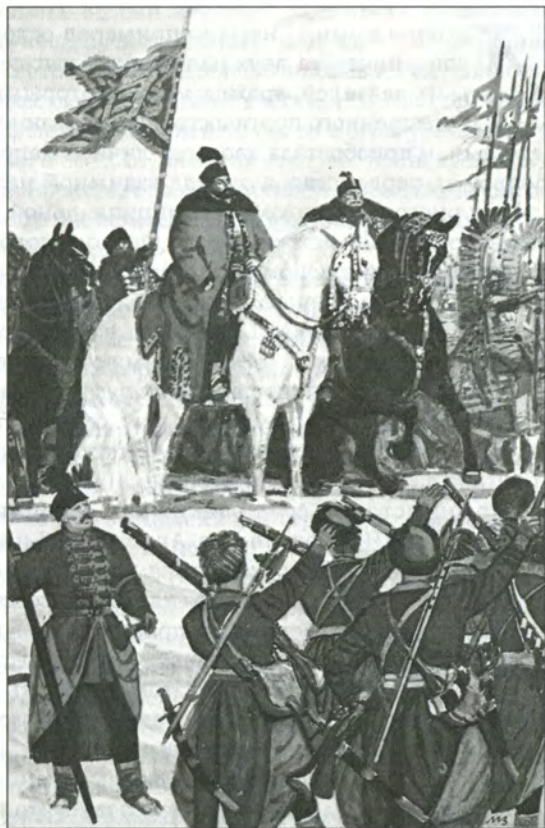
Еще вчера сознававший себя владельцем Ливонии, когда вся она кроме Риги и Ревеля была у него в руках, сегодня русский царь вдруг увидел, насколько ненадежными оказались его последние завоевания. Схватившись, Грозный попытался, было, остановить потерю своих недавних приобретений. С этой целью он послал в Ливонию воеводу И. Ф. Мстиславского с наказом остановить литовское наступление, и в первую очередь, во что бы то ни стало отбить у неприятеля Венден. Мстиславский был в числе главных воевод, недавно добывавших Венден, а потому Грозный считал, что поручает воеводе дело, хорошо тому знакомое. Но на этот раз операция не удалась. Простояв под Венденом несколько дней, громя его из пушек, Мстиславский так и не смог отчаяться на решающий штурм, очевидно, помня, какой ценой замок достался ему в прошлый раз в присутствии самого царя. А когда в осадный лагерь

пришли вести, что к осажденному замку приближается литовская армия во главе с гетманом Хоткевичем, московский воевода снял осаду и отступил.

Не мог быть спокойным русский царь и за свои завоевания в Северной Ливонии, на шведском участке фронта. Там после отступления русских от Ревеля, вызванного его неудачной осадой, противник продолжал наращивать давление на занятые московскими гарнизонами замки и другие укрепленные пункты. Некоторые шведские отряды доходили даже до Дерпта, где сожгли его предместье и убили много русских людей. Серьезного наступления, способного в корне изменить ситуацию, шведы организовать не могли, но напряжение в северной части Ливонии не спадало. Так в конце того же 1577 года отряд шведских судов под командованием адмирала Гилленанкера показался под Нарвой, обстрелял крепость, где от вражеских снарядов сгорел посад, все деревянные постройки и погибло много людей.

Последние неудачи стали провозвестником надвигавшейся катастрофы. Наступивший 1578 год можно назвать годом начала крушения московской военной машины, а с ним и конца русского присутствия в Прибалтике. До сих пор победы противника прорывались наружу хоть все чаще и чаще, но как-то в одиночку, тормозя и даже приостанавливая московское продвижение на запад, но не сметая его полностью. Со следующего года военные поражения будут сыпаться на Россию, как из рога изобилия, а шквал вражеского наступления не просто перечеркнет планы Грозного на западе, но и поставит на повестку дня вопрос о сохранении целостности российского государства.

Глава 11

На грани
катастрофы

История помнит немало примеров острого, непримиримого соперничества двух наделенных высшей властью политических деятелей, вражда между которыми выходила за рамки естественного противостояния, вызванного государственными интересами, и приобретала характер личной неприязни, помноженной на борьбу за первенство, а отсюда — взаимной неприемлемости, какого-то вычурного антагонизма и принципиальной бескомпромиссности. Что касается древней истории, то тут, приводя подобные примеры, в первую очередь следует вспомнить северского князя Игоря Святославича и половецкого хана Кончака. Ведь это благодаря гениальной древнерусской поэме, да еще опере А. П. Бородина, в сознании большинства наших соотечественников вражда между обоими сосредоточена в одном единственном, печально закончившемся для русского князя походе. А ведь на самом деле она протекала многие годы, охватив большую часть жизни обоих соперников, и сопровождалась десятком кампаний, подобных той, что описана в «Слове о полку Игореве».

Из новой истории среди таких пар-соперников можно назвать Петра I и Карла XII и, конечно же, Александра I и Наполеона Бонапарта. Практически все годы их правления прошли именно в такой бескомпромиссной, принципиальной вражде, когда собственно отстаиваемые интересы были не единственной причиной кровопролитных боен; эти интересы удачно дополнялись личным соперничеством, имевшим стремление не просто победить, но при этом и унижить противника.

Но ни в одной среди названных пар острота вражды, взаимная личная неприязнь и стремление посрамить одним другого не выступали так рельефно, как между русским царем Иваном IV и королем Речи Посполитой Стефаном Баторием. Безусловно, что тут свою роль сыграла застарелая традиционная вражда держав-соперниц, которая, как мы отмечали выше, сама по себе давно уже приняла характер принципиального спора. Но, конечно, основной причиной полного обоюдного неприятия стали личные качества обоих монархов.

Негласная, невидимая, скрытная борьба между русским царем и польским королем началась еще до вступления Батория на престол, когда Иван IV, сам претендуя на корону соседнего государства, не только не знал, что у него есть такой потенциальный соперник, но ничего еще и не слышал о существовании на свете этого человека. Ведь имя семиградского князя было названо среди претендентов на польскую корону

только тогда, когда кандидатура Грозного уже практически отпала. И вот московский властелин, хоть и в заочном споре, но уступает в хитросплетениях политической борьбы неизвестному доселе ему противнику. А не проиграть Грозный просто не мог. И нет ничего удивительного в том, что при нерешительности русского царя, вся деятельность которого во время работы избирательного сейма сводилась к упрямому повторению своих непомерных притязаний, перевес взяла противная Москве партия. И для того чтобы увидеть истоки нерасположенности русского царя к неизвестно откуда взявшемуся сопернику, нам надо еще раз принять во внимание степень святости почитания Грозным своей персоны, равно как и сознание им божественности своей власти. И тогда станет понятным, насколько он, унаследовавший венец, как он в этом убеждал других и, похоже, убедил самого себя, от римских кесарей, пренебрежительно воспринял на польском престоле такую личность, как Стефан Баторий, личность сомнительного происхождения, к тому же выкопанную где-то на глухих европейских задворках.

Интересно, что московский самодур, узнав о выборе в короли Батория, то есть о своем окончательном провале, выразил сейму недовольство и повторил все территориальные претензии, оговариваемые им ранее, как условия его согласия принять корону. Теперь он снова выставлял те же требования, хотя вопрос о выборе его в короли уже отпал. В противном случае кремлевский правитель грозился оружием.

Войну он действительно получил. Последующие годы стали свидетелями поражений русской армии, граничащих с катастрофой и, как следствие, того самого полного унижения, которого Грозный царь более всего опасался. В 1576 году для главного противника России период бескоролья, наконец, завершился, и престол в соседнем государстве обрел своего хозяина. Это был умный, смелый, энергичный, решительный, предприимчивый и воинственный человек, причем воинственность его удачно сочеталась с незаурядными полководческими способностями. Последующие за тем годы ознаменовались крупными успехами польско-литовских войск, которым Речь Посполитая была обязана своему новому королю. Во всех кампаниях Баторий сам возглавлял свою армию и, отнюдь, не номинально, как в некоторых походах русского войска его возглавлял Иван Грозный. Польский король лично руководил всеми военными операциями, проявив при этом исключительные военные дарования. Не будет преувеличением сказать, что Стефан Баторий может по праву считаться выдающимся полководцем своего времени. Не последней чертой нового короля была его явная нерасположенность к Москве, если можно так выразиться, открытый антирусизм. И вот эта его глубокая антирусская направленность придавала всем его начинаниям особую остроту.

Собственно говоря, русофобия Батория и явилась, с одной стороны, главной причиной того крайне непримиримого противостояния, о котором мы сказали выше. С другой же стороны, со стороны Грозного, такой

причиной выступило пренебрежение к низкому происхождению его противника, во всяком случае, низкому в сравнении с божественным происхождением самого царя Ивана. Судя по всему, Грозный царь не страдал национальными предрассудками, но их в нем заменяли предрассудки, обусловленные древностью и знатностью рода. Именно по этому признаку он выстраивал всех европейских венценосцев в ряд, и в этом ряду для себя неизменно всегда оставлял первое место. Ну и, конечно, сеймовая монархия, да вдобавок еще во главе которой теперь встал владелец заштатного княжества, воспринималась Грозным почти в насмешку.

Но вот теперь во многом благодаря личным качествам польского короля, несмотря на ограниченность его власти, противник быстро сумел показать свое полное военное превосходство над русской стороной со всеми ее абсолютистски самодержавными началами.

Первым и неременным условием своего избрания в короли Баторий обязывался вернуть литовские земли, отнятые русским царем, а это Полоцк с прилегающей к нему областью, а также очистить от московского присутствия Ливонию. Какое-то время приступить к этим мероприятиям ему не позволяли внутренние заботы. Затянувшееся бескоролье имело свои негативные последствия. Борьба партий и группировок и усилившееся своеволие шляхты требовали восстановить нарушенный государственный порядок. Больше других беспокойств новому королю внушал Данциг, не признавший Батория королем и присягнувший Германскому императору. Жители Данцига с окружающим округом вообще были не расположены к седмиградскому князю, они рассчитывали на войну Максимилиана с Баторием, в которой готовились встать на сторону первого. Но неожиданно император умер, однако его приверженцы в Данциге, оставаясь уверенными в том, что Баторию долго не удержаться на краковском троне, объявили ему войну. Речь Посполитая оказалась ввергнутой в крупный междоусобный конфликт, но именно в нем новый король и показал всем свой твердый характер. В конце концов, Данциг был покорен силой оружия, и тогда польский король смог приступить к выполнению своего обещания освободить Полоцк и Ливонию от власти московского царя.

В 1576 году, сразу после вступления на престол, когда перед новым королем Речи Посполитой еще стояли задачи утишения внутренних смут, он постарался подтвердить перемирие с Москвой и даже попытался его на какое-то время продлить. Для этого он снарядил посольство к Грозному, но даже при всей своей заинтересованности в отсрочке войны с Россией не мог не поддасться соблазну уязвить русского царя, не назвав его полным титулом, а, напротив, себя именовав королем Ливонским. Выслушав посольскую речь, принимавшие тогда послов московские бояре отвечали:

«Мы удивились, что государь ваш не называет нашего государя царем и великим князем смоленским и полоцким и отчину нашего государя, землю Лифляндскую, написал в своем титуле. Государь

ваш пришел на королевство Польское с небольшого места, с воеводства Седмиградского, которое подчинено было Венгерскому государству; а нашего государя все его братья, великие господа, главные на своих королевствах, называют царем: так вам бы, паны, пригоже было советовать Стефану-королю, чтоб впредь таких дел не начинал, которые к разлитию христианской крови приводят».

Сам Грозный в тот раз послов даже не принял. Можно понять, насколько его раздражала вызывающая позиция нового польско-литовского короля, но опасную грамоту для больших послов Речи Посполитой русский царь все-таки дал. Но, заведя переговоры о посольстве, Грозный в то же время начал новый виток войны. В 1577 году, как мы знаем, он сам во главе большого войска вторгся в южную, польско-литовскую часть Ливонии. Узнав о том, занятый внутренними делами новый польский король выразил упрек русскому царю, на что тот отвечал:

«Твоя досада неосновательна, взяв города свои в Ливонии, я выслал оттуда людей ваших без всякого наказания. Ты король, но не Ливонский... Мы Божьей волею отчину нашу, Лифляндскую землю, очистили, и ты бы свою досаду отложил. Тебе было в Лифляндскую землю вступаться непригоже, потому что тебя взяли с Седмиградского княжества на Корону Польскую и на Великое княжество Литовское, а не на Лифляндскую землю, о Лифляндской земле с Польшею и Литвою что велось, то делалось до тебя: и тебе было тех дел, которые делались до тебя, перед себя брать непригоже. От нашего похода в Лифляндскую землю наша опасная грамота не нарушилась; неприязни мы тебе никакой не оказали, искали мы своего, а не твоего, Литовского Великого княжества и литовских людей ничем не зацепили. Так ты бы кручину и досаду отложил и послов своих отправил к нам не мешкая».

Послов своих король царю все-таки отправил. Ими стали мазовецкий воевода Станислав Крыйский и минский воевода Николай Сапега. В январе 1578 года они были уже в Москве, но содержанием посольства снова стали взаимные упреки и непомерные, заранее неприемлемые требования обеих сторон, а что касается Грозного царя, то он ко всему прочему не переставал укорять польского монарха низостью происхождения, выборностью и ограниченностью власти и т. п. Но главным все-таки оставался территориальный спор, где русская сторона продолжала настаивать не только на признании за ней Полоцка и всей Ливонии, но и требовала Киева и всех прилегавших к нему земель вплоть до Галиции и Волыни. На сей раз Грозный царь подвел под свои претензии новую генеалогическую базу: он вдруг повел род литовских Гедиминовичей от полоцких князей Рогволодовичей, то есть тех же Рюриковичей, следовательно, своих сородичей, и тем самым лишил старую литовскую династию независимого княжения, требуя подчинения ее царю московскому:

«Эти князья, — утверждал царь Иван, — были славные великие государи, наши братья, но всей вселенной ведомые, и по родству нам братья, поэтому Корона Польская и Великое княжество Литовское — наши

вотчины, ибо из этого княжеского рода не осталось никого, а сестра королевская государству не отчич. Князья и короли польские были в равенстве, в дружбе и любви с князьями галицкими и другими в той украине, о Седмиградском же государстве нигде не слышали; и государю вашему, Стефану, в равном братстве с нами быть непригоже, а захочет с нами братства и любви, так он бы нам почет оказал».

Послы, обидевшись, приводили Ивану примеры из истории, когда люди низкого звания попадали на царство, где мудрым и праведным правлением прославляли себя и добивались могущества для своего государства, на что царь отвечал:

«В том ваша воля: мятежом человеческим хотя бы кого и хуже родом выбрали — то вам государь; а к нам с кем пригоже быть в братстве, тот нам и брат, а с кем непригоже, тот нам не брат. Здесь слухи были, что вы хотели посадить на королевство и Яна Костку; и воевода виленский Николай Радзивилл хотел также на государство; так неужели по вашему избранью и этих нам надобно считать братьями? Вы говорите, что мы вашего государя укоряем, но мы его не укоряем, пишем про него правду; можно было бы нам про него и хуже писать, да не хотим для христианства. Государь ваш сам себя укоряет, да и вы его укоряете; во всех грамотах пишете, что Бог его безмерным своим милосердием помиловал, вы его на государство взяли, хвалитесь, что по великому Божию милосердию полюбили его; из этого ясно, что он такого великого государства был недостоин, но Бог его помиловал, да вы его полюбили не по достоинству».

Здесь и далее мы снова речи царя приводим со слов записывавших их дьяков в последующей обработке историка С. М. Соловьева.

Мира тогда заключить не удалось, согласились на трехлетнее продление перемирия, начиная с марта 1578 года. В перемирной грамоте от имени русского царя значилось условие:

«Тебе, *соседу* нашему, Стефану-королю в нашу отчину, Лифляндскую и Курляндскую землю, в наши города, мызы, пристанища морские и во всякие угоды не вступаться, старых городов не воевать и новых не ставить, из Лифляндии и Курляндии людей себе до перемирного срока не принимать».

Стоит обратить внимание на то, как обращается Грозный к польскому королю. Здесь русский царь называет Батория не братом, как это велось между монархами даже в том случае, если они находились в состоянии войны, а соседом. Этим царь грубо нарушает нормы общепринятого тогда в Европе дипломатического этикета, и большего оскорбления в адрес его корреспондента придумать трудно.

В Речи Посполитой составили свой вариант грамоты, и в нем даже не упомянули об условии, чтобы королю не вступаться в Лифляндскую землю, а потому, утверждая договор, Грозный заявил: «целую крест соседу моему Стефану-королю, в том, что исполню условия; но от Ливонской и Курляндской земли не отступаю». Впрочем, все это уже не имело смысла. Баторий к тому времени покончил с внутренними смутами и все

свое внимание переключил на восток. В перемирии польско-литовский король более не нуждался.

В январе 1578 года внеочередной сейм собрался в Варшаве. Вопрос на повестке дня стоял один: с каким из противников в первую очередь воевать — с Крымом или с Москвой. За то время, что королевство терзали внутренние смуты, крымские татары нападали на польские и литовские окраины, что требовало ответной акции, но такая война даже в случае большой удачи не сулила серьезных перспектив. Что можно было взять с нищей крымской орды? Зато легко можно было настроить против себя ее покровителя, турецкого султана. Москва представлялась грозным соперником, но тем славнее были бы лавры победителя. К тому же результатом победы становилась Ливония, богатый приморский край, владение которым обещало большие выгоды.

Решающим на сейме стал голос нового короля, активно ратовавшего за войну с Москвой. Его речь перед полным собранием сейма в обработке историка Карамзина звучит так:

«Имеем двух злых неприятелей: крымцы жгут, россияне берут наши владения. Идти ли на обоих вместе? Или с кого начать?.. Таврида зависит от султана: наступательная война с нею может раздражить его; когда мы будем в Тавриде, оттоманы будут в Польше. И что корысти? Сей дикий неприятель всегда грабит и всегда беден. Лучше до времени искать мира с ханом. — Государство Московское велико и сильно: тем славнее победа! Оно цветет изобилием природы и торговлею: тем более добычи!» и т. д.

Этим своим, ставшим историческим выступлением на сейме, Баторий показал себя тонким политиком. Он сумел сыграть на чувствах поляков и литовцев, задеть, что называется, их за живое. Новый король почти не владел языком народа, которым взялся управлять, плохо знал его традиции и обычаи. Изучение всех этих тонкостей он оставил на потом. Но и впоследствии он мало преуспеет в знакомстве со всем этими мелочами, поскольку времени у короля не будет. Зато он прекрасно знал историю Литвы и Польши. Этими познаниями он поспешил овладеть в первые же два года пребывания на королевстве, невзирая ни на какую занятость, и этот его тонкий расчет целиком себя оправдал. Отстаивая идею войны с Москвой, король исчислял неправды восточного соседа, указывал на земли, отнятые им у польской и литовской короны, тем самым он умело взывал к патриотическим чувствам своих новых подданных, льстил самолюбию, одушевлял идеей послужить отечеству. Старания Батория не пропали даром. Не только Сенат, служивая аристократия и шляхта, но и весь народ и войско Речи Посполитой поддержали своего нового короля.

Итак, решено было возобновить войну с Москвой, для чего новый король объявил наступательную стратегию, имевшую окончательной целью очистить от русских все занятые ими области Литвы и Ливонии. В марте 1578 года Баторий еще продолжал с царем вялые переговоры о мире, просил Грозного не возобновлять войны до возвращения из Литвы русских послов, а тем временем задерживал посольство, проводя время в скучных

прениях насчет царского титула и тому подобного, давно знакомого московским дипломатам по прежним переговорам, когда той или другой стороне нужна была проволочка времени. Однако, польский король сам, как мы видели, первым возобновил военные действия в Ливонии. Его воеводы освободили от русских Венден, Дюнабург и некоторые другие, занятые накануне московскими войсками места. Грозный также не отпускал от себя Баториева посланника, дожидаясь результатов похода своих воевод, коих он направил на отбитие Вендена и иных недавно взятых и тут же снова потерянных крепостей, но вести из Ливонии поступали неутешительные. Кампания на этот раз не складывалась.

Наконец новый король Речи Посполитая посчитал себя полностью готовым к большой войне. К тому времени он заключил союз против Москвы со Швецией, заручился помощью курфюрста Бранденбургского, который прислал Баторию пушки, занял отряды ландскнехтов в Германии и даже в Венгрии, точнее в своем родном седмиградском княжестве. Единственно, кто отказал польскому королю в союзе и в помощи из всех тех, к кому он обращался, был датский король Фредерик. Зато свое благословение и духовное напутствие прислал в Краков римский первосвященник, заверив польского короля в своей поддержке и пообещав ходатайствовать за Речь Посполитую перед всеми дворами Европы. Тогда же Баторий не поскупился на богатые дары крымскому хану в расчете на то, что Орда не побеспокоит польских и литовских пределов во время предстоящей кампании против русских, и здесь расчет короля также оправдался. Находившимся тогда в Стамбуле королевским послам великий визирь говорил:

«Желаем королю славы и победы; возможно, хотя и нелегко одолеть царя московского, коего один султан превосходит грозой».

Тогда же все королевство было обложено новым военным налогом, а сам король отказался от некоторых расходных статей на содержание своего двора в пользу армии и сделал несколько крупных займов за границей.

Московский царь не мог похвалиться подобными успехами в деле приобретения союзников, хотя нельзя сказать, чтобы он не искал их. Но Грозный не сумел тогда даже заручиться хоть какой-нибудь помощью.

Первым, к кому обратился Иван IV, был новый Германский император Рудольф, занявший трон только что умершего Максимилиана. Ему-то Грозный и предложил общими усилиями завоевать Речь Посполитую. Надеясь найти здесь понимание, русский царь исходил из того, что император оставался явным недоброжелателем Батория и к тому же он еще испытывал постоянную опасность со стороны Турции. Последняя не прекращала нажима на окраинные германские владения. В особенности от турецкой экспансии страдали остававшиеся на то время в подданстве императора некоторые провинции Венгрии. Русский же царь обещал цесарю поддержку вплоть до военного союза против султана, но сначала нужно было общими усилиями покончить с Речью Посполитой.

Но отправленный в Вену посол русского царя не сумел склонить императора к войне против Батория. Все, что посол смог привезти в Москву, это обещание Рудольфа прислать вскоре своих больших послов для утверждения братской дружбы. Это прозвучало своеобразным отказом цесаря на предложения кремлевского владыки заключить военный союз против Польши. Более того, Рудольф, подобно своему предшественнику на троне, ссылаясь на бедственное состояние бывших орденских земель, взывал Грозного царя к христианским чувствам и просил того отступить от Ливонии. И как справедливо заметил Карамзин, «слабодушный преемник Максимилианов хотя и ненавидел Батория, хотя и трепетал султана, но не думал воспользоваться союзом царя для того, чтобы взять Польшу и спасти Венгрию».

Еще меньше преуспела дипломатия русского царя в отношениях с Крымом.

Нет, Грозный не искал в Бахчисарае себе союзника для войны против Батория, он понимал бессмысленность и бесперспективность такого предприятия. Он даже не пытался подбить хана к нападению на польские и литовские владения. Все, что хотел царь, это заручиться спокойствием на своих степных границах на время предстоящих военных действий на западе. Но нападение крымцев на земли Речи Посполитой все же состоялось, но это случилось без малейшего содействия русской стороны. Просто в Орде не могли не воспользоваться моментом государственного расстройствa в Польше и Литве, вызванного очередным бескоролевьем. К тому же тогда в Крыму произошла смена первого лица на престоле. Вместо умершего Девлет-Гирея власть наследовал его сын Магмет-Гирей, а по утвердившейся традиции новый властелин был обязан ознаменовать свое воцарение разбойным нападением на соседей, сопровождая его обильным кровопролитием. Иван Васильевич спешил отправить в Крым своего посланника с богатыми дарами и с приветствием хану, причем приветствие было составлено так, что нельзя было понять, приветствуется ли только воцарение, или разбойное нападение на соседей тоже. Зато конечная цель посольства просматривалась вполне ясно: русский царь искал дружбы с бахчисарайским правителем, не скупясь на обещания подачек в будущем. Под дружбой же с Бахчисараем в Москве давно понималась гарантия спокойствия от ордынских набегов.

Хан был не против дружбы, но в виде платы за нее требовал Астрахани, а также ставил условие, чтобы царь свел казаков с Дона и с Днепра. Русская сторона отвечала тем, что Астрахань добыта оружием, в ней утверждена вера христианская, воздвигнуты храмы и монастыри, проживает там православное население, впрочем, ничуть не утесняя мусульман. Что касается донских казаков, то это государевы послушники, беглецы, коих в случае поимки следует казнить, а потому государь за их происки против Крыма не в ответе. Днепровские же казаки суть литовские подданные, воюющие сейчас под знаменами Батория, следовательно, враги Московского государства.

Договориться ни до чего не удалось. Мы не знаем, чем именно, но Баторий быстрее Грозного купил себе крымскую дружбу.

Еще одним потенциальным союзником Москвы оставался король Дании Фредерик. Он мог бы при соответствующей дальновидности, а также и расторопности московской дипломатии, из потенциального стать действительным союзником, но и здесь кремлевские власти сработали как нельзя хуже для себя.

Интересно, что датский король первым обратился к московскому царю с предложением вечного мира на взаимовыгодных условиях. С этой миссией летом 1578 года от датского короля к Ивану Грозному прибыло посольство. Правда, Дания, как мы помним, ранее заключила мир со Швецией, но сделала это под давлением обстоятельств. Искренней дружбы между этими традиционно враждебными государствами быть не могло, слишком много между ними накопилось противоречий, и последнему миру никто ни в Дании, ни в Швеции не верил. Зато Фредерик искренне искал дружбы с Москвой, но в самой Москве то ли в эту искренность не поверили, то ли сочли условия, предлагаемые Данией, для себя невыгодными. Но, скорее всего, здесь верх одержало непонимание московской стороной реальной обстановки, помноженное на обычное упрямство.

Одним из условий договора о вечном мире датская сторона ставила возвращение ей занятых русскими городов Гапсала, Леаля и Лоде, которыми Дания владела ранее, а потому считала их своими. Других претензий у короля к русскому царю не было, и Фредерик в случае возвращения ему названных городов обещал содействовать Москве в изгнании из Ливонии шведов. Датскому королю можно было верить хотя бы потому, что он не доброхотствовал Баторию, и, как мы помним, незадолго до этого он отказался от союза с ним. Но московские политики, словно не чувствуя изменяющейся не в их пользу обстановки, упрямо стояли на своем, не желая ничего уступать. Главным условием мира и союза они требовали от датского короля признания за Московским государством всей Ливонии и Курляндии, оставляя датчанам лишь остров Эзель с прилегающей прибрежной материковой провинцией, так что датская сторона от такого союза ничего не приобретала, зато должна была воевать на стороне русских против шведов. Больше того, в своем проекте договора о мире московская сторона назначила еще целый ряд условий, явно выгодных только для себя одной. Излишне говорить, что и тут дипломатия Грозного потерпела фиаско. Изоляция России стала полной.

Военные приготовления подходили уже к концу, когда Баторию, наконец, представили в Кракове русских послов, томившихся уже давно в Литве в ожидании подтверждения перемирия. Принимая послов, король не встал при упоминании царского имени, не спросил о здоровье царя, словом, демонстративно не соблюл принятых норм дипломатического этикета. Видя такое и поняв, что польский король не скрывает своих намерений насчет войны, послы отказались править посольство.

Но присутствовавший тогда на приеме у короля литовский подканцлер заявил московским дипломатам:

«Пришли вы не с обычаем к обычаю: вашего приказа здесь не будут слушать; как здесь вам скажут, так и делайте; если за вами есть дело, то ступайте к руке королевской и правьте посольство, а государь наш, Стефан-король, не встанет, потому что ваш государь против его поклона не встал».

В результате еще некоторых препирательств, которые с московской стороны сводились к тому, что, дескать, *король царю не ровня*, русское посольство ни с чем отпустили назад. Таким образом, установленное было трехлетнее перемирие подтвердить не удалось, после чего новая эскалация войны стала неизбежной.

Удрученный последними неудачами в Ливонии, когда Мстиславскому не удалось отбить Венден, и обеспокоенный за судьбу своего последнего посольства, Иван IV летом 1578 года писал Баторию:

«Ты, сосед наш, мимо прежнего обычая послов наших задержал; дело, которое по договору послов твоих крестным целованием утверждено, до сих пор еще не довершено, чего никогда прежде ни при каких государях не бывало, да и ни в каких землях христианских не ведется; а послам нашим с твоими панами о Лифляндской земле говорить нечего, потому что с ними об этом наказа нет; то дело особенное, а ты для него шли к нам своих великих послов немедленно».

Но король не собирался отправлять своих послов к московскому двору, вместо этого он послал своих воевод в Ливонию.

В конце октября 1578 года небольшой корпус польско-литовских войск под командованием литовского гетмана Сапеги подошел к Вендену, вновь осажденному московскими полками.

Еще в конце лета воеводы Голицын, Хворостинин и Тюфякин заняли крепость Оберпален, последнее пристанище несостоявшегося ливонского короля Магнуса, которое тот бросил ввиду приближения русских. Оставшийся после бегства незадачливого короля, теперь уже дважды изменившего русскому царю, гарнизон крепости сдался московским воеводам практически без сопротивления. После такой, мягко говоря, победы воеводам следовало спешно выступить к Вендену. Эта крепость совсем недавно выдержала тяжелую осаду, от которой еще не успела оправиться, так что на этот раз могла бы и не устоять. Казалось бы, удача при овладении Оберпаленом, даже вот такая, мнимая, должна была подвигнуть воевод на дальнейшие подвиги. Но московская военная машина тем и отличалась от других, что победы не побуждали к активности, не давали ни малейшего повода к стремлению воспользоваться ими, а напротив, вызывали тягу к передышке, в результате которой, как правило, результаты сводились к нулю. Так вышло и на этот раз. Только после гневных окликов царя воеводы выступили к Вендену, но дорогое время было упущено. К крепости с другой стороны спешил на помощь литовский гетман.

Русские вышли к Вендену раньше литовцев и успели даже устроить вокруг него осадный лагерь, когда вдруг обнаружили приближающегося с тыла противника. Но этим неблагоприятно складывающаяся для московских воевод обстановка не исчерпывалась. Неожиданно к Вендену с другой стороны подошел шведский отряд под командованием генерала Бое. Военные историки до сих пор не могут точно установить того, случайно ли союзные польско-литовские и шведские войска соединились под Венденом, или все-таки встреча была запланированной заранее. Впрочем, это не так важно. В любом случае встреча оказалась для московской стороны роковой.

Русское воинство насчитывало 18 тысяч человек, в рядах объединенных сил противника людей находилось явно меньше, что нетрудно было оценить даже на глаз, а потому московские воеводы не стали ждать на себя нападения за укреплениями осадного лагеря и 21 октября вышли навстречу врагу на открытую местность. Битва была долгой и упорной. Первой не выдержала ударов «правильного оружия» татарская конница и беспорядочно отступила, расстроив ряды русской пехоты, а местами и смяв ее. Пехота смешалась, наконец, дрогнула и, оставив позиции, отошла в осадный лагерь. Почувяв вкус победы, увлеченный азартом, неприятель атаковал русские укрепления, но повсюду был отбит огнем и, понеся большие потери, прекратил нападения. Ночь остановила побоище.

Утром, прежде чем битва возобновилась, на русской стороне вдруг обнаружилось, что главный воевода Голицын, а с ним еще некоторые военачальники помельче ночью бросили свое воинство и тайком покинули лагерь. Как позже выяснится, они, ввиду надвигавшегося поражения, ускакали в Дерпт, так что в наступивший день общее руководство боем было утрачено. Оставшиеся при войске воеводы как могли организовали оборону лагеря, но отсутствие единого командования и упадок боевого духа, как следствие предательства главного военачальника, не оставили шансов хоть на какой-нибудь успех. Тем не менее московские ратники еще долго отражали атаки противника, но, в конце концов, никем не управляемые были полностью разбиты. Потери московского войска оказались огромными. Только убитыми они составили более шести тысяч человек. В бою погибли воеводы В. А. Сицкий, В. Ф. Воронцов, Д. Б. Салтыков и М. В. Тюфякин. Еще четверо русских воевод оказались у противника в плену. Неприятелю достались вся бывшая при войске русская артиллерия, весь обоз и много коней.

Разгром русского войска при Вендене окончательно отдал стратегическую инициативу в руки польско-литовского короля, которую тот больше не выпускал до конца войны.

Но неудача требовала ответного действия, просто так уступать врагу инициативу русский царь не мог, а потому на заседании Боярской думы в конце 1578 года было решено следующим летом провести крупную наступательную операцию. В июле царь был уже в Новгороде, где к тому времени сосредоточились крупные силы для нового похода, целью кото-

рого снова была выбрана Ливония. С прибытием царя новую кампанию можно считать начавшейся, правда сам Иван Васильевич непосредственного участия в ней не принял, оставаясь в Новгороде, но его воеводы повели московские войска в южную часть Ливонии, имея наказ перейти Двину и достигь Курляндии. В этом был очередной просчет Грозного.

Истерзанный, обескровленный, измученный двадцатилетней бойней ливонский край, по которому не один раз во всех направлениях прошли войска противников, давно уже не представлял собой никакой стратегической выгоды. Безусловно то, что его завоевание сулило огромную пользу, но польза эта могла сказаться только после победы, сама же победа каждой из воюющих сторон должна была добываться на территории своего противника. А сама по себе Ливония ни для кого уже не являлась противником, и спор за нее шел между сторонними ей государствами. И кому, в конце концов, достанется земля бывшего рыцарского ордена должно было решиться не на самой этой земле. Все, чего можно было добиться сейчас очередным походом вглубь Ливонии, то это еще раз поупражняться в бесконечных, ничего не решающих и совершенно не нужных, зато кровопролитных штурмах крепостей и замков, которые вскоре снова придется вернуть противнику, потому как оставленные в них слабые ввиду их малочисленности гарнизоны будут не в состоянии эти замки удержать. А оставить сильные гарнизоны было невозможно по той причине, что в вытоптанном и выжженном краю их нечем будет кормить, равно как и невозможно будет наладить хоть какое-нибудь снабжение. Но на русской стороне словно не хотели замечать того, что многие из этих крепостей и замков уже трудно сказать сколько раз за время этой войны переходили из рук в руки, но при этом ни для кого ни на один шаг не приблизилась перспектива успешного завершения войны. Грозный продолжал слепо верить в то, что более прочно утвердиться в Ливонии можно, если еще и еще раз огнем и мечом пройти по ее земле. Для московского властелина было невдомек, что добывать Ливонию следует на землях Речи Посполитой, конкретно, на земле Литвы. Сытый, обустроенный, относительно благополучный край, где войску легче прокормиться, край, население которого расположено к Москве, а шляхетское сословие своим большинством недавно поддерживало московскую кандидатуру на королевских выборах, оставался слабозащищенным в чисто военном отношении. Во всяком случае, менее защищенным, чем искромсанная боями и походами земля Ливонии, покрытая густой сетью каменных крепостей. А каждый завоеванный кусок литовской земли можно было бы использовать как козырную карту на будущих переговорах с противником. Только не нужно на этот кусок смотреть как на постоянное приобретение, а его следует вернуть противной стороне за ее признание Ливонии московским трофеем. Но такая перспектива не попадала в поле зрения московских политиков. Больше того, московская сторона никогда не пошла бы на отдачу и пяди завоеванной литовской территории даже как плату за приобретение Ливонии, ибо изначально

считала русские земли Литвы своим достоянием. А потому ситуация для московской стороны складывалась тупиковая.

Зато новый король Речи Посполитой как тонкий и искусный политик сразу разглядел самый короткий путь к победной перспективе. Он отменил все планы ливонских походов как бессмысленные и продиктовал свою стратегию: Ливония должна добываться на русской территории, а для этого сначала необходимо освободить занятые русскими земли Литвы.

О планах короля русскому царю стало известно сразу по прибытии в Новгород. Здесь уже, как мы сказали, были собраны все полки, расписаны по должностям воеводы, тотчас же отправленные в поход, и сюда же прибыло возвращающееся из Литвы последнее русское посольство, наконец-то отпущенное Баторием. Вернувшиеся послы и сообщили Грозному о том, что польский король с большими силами движется к русским границам. Те же послы доносили тогда своему царю, что настроение в Речи Посполитой не сулит большой удачи ее королю. С их слов следовало, что аристократия не поддерживает Батория в его военных начинаниях, шляхта откровенно саботирует военную службу, сама неохотно идет в войско и не отпускает в него своих людей. Свои наблюдения послы резюмировали тем, что седмиградскому князю недолго сидеть на польском престоле и что большинство поляков и литовцев мечтает видеть у себя королем московского царственного отпрыска.

Доля правды в наблюдениях послов была. Особенно, что касается саботажа военной службы. Нет, шляхта и вообще служилое сословие Речи Посполитой не страдали пацифизмом и в целом разделяли взгляды нового короля на внешнюю политику. Но дело в том, что большинство приближенных Стефана Батория, а за ним и все служилое сословие своей политической дальновидностью не намного превосходило окружение Грозного царя и его самого. А потому и в Польше и в Литве тоже больше ратовали за военные действия в Ливонии. Поляки и литовцы были не прочь повоевать и на русской земле, но только выйдя на нее опять же через Ливонию. То есть хотели сначала закрепить орденские земли за собой, а уже потом использовать их как плацдарм для нападения на Россию. Иными словами, и в Кракове и в Вильно, так же как и в Москве, не понимали, что проблему Ливонии следует решать не в Ливонии, а на земле противника, с которым идет спор за Ливонию. А поскольку король понимал задачу иначе, как и следовало ее понимать, то военное служилое сословие, в полном согласии с распушенностью польских нравов, откровенно саботировало начатую королем кампанию.

Действительно, на военных советах у короля, и не только перед походом, но уже и в процессе его самого, то есть когда, казалось бы, направление похода было строго оговоренным и, следовательно, не подлежащим обсуждению, разворачивались ожесточенные споры на счет того, куда направить удар. Большинство в королевской ставке настаивало на Ливонии, после которой можно будет захватить ближайший к орденским границам русский город Псков. Последний почему-то представлялся окружению

Батория легкой и богатой добычей. Но новый польский король, кроме того, что проявил недюжинный талант политика и полководца, явил собой еще и пример твердости и настойчивости. Причем в его настойчивости не замечалось диктата, как это было свойственно московскому правителю, когда соображения здравого смысла он часто подменял заурядным упрямством. Король вместо этого привел ряд аргументов, где наряду с опустошенностью края и наличием в нем множества занятых русскими крепостей, главным был тот, что в случае похода в Ливонию литовские владения остаются без защиты. В результате часть вельмож и шляхты согласилась с точкой зрения короля, но многие все же остались при прежнем мнении и действительно саботировали кампанию. Но и без них королю удалось собрать под своими знаменами около пятидесяти тысяч человек войска, в большинстве наемного.

И что особенно интересно, начиная кампанию, Баторий известил о том русского царя. Он официально объявил Грозному войну, послав тому вызов. В течение всей последовавшей затем кампании царь не отпускал гонца, привезшего такое дерзкое послание, а отпустил его только после ее окончания, на что Грозного вынудили ее результаты.

Что же касается общего настроения в польско-литовском государстве и желания большинства тамошних граждан видеть у себя на престоле кого-нибудь из царского семейства, а то и чуть ли ни самого Грозного, то тут послы, очевидно, либо выдавали желаемое за действительное, либо в соответствии с неписаными правилами московско-азиатской деспотии откровенно льстили своему царю. Не исключено, что, будучи при королевском дворе в Польше, они слышали подобные чаяния от отдельных лиц, а далее, используя навыки дипломатической казуистики, выдать такие одиночные высказывания за массовые слухи для послов труда не составляло.

Объявление польским королем войны не стало для русской стороны неожиданностью. Грозный считал себя к ней готовым. Но что показалось царю странным, так это то, куда двигались войска противника. Иван Васильевич как сам не представлял для себя другого направления главного удара нежели как по Ливонии, так и не ждал ничего иного от противной стороны. А потому Баторий напрасно беспокоился за незащищенность Литвы в случае, если бы он, согласно мнению большинства, напал на Ливонию. Русский царь и вообразить себе не мог, чтобы его соперник выбрал иное направление, кроме как ливонское. Но Баторий шел не в Ливонию, он вел войска на Полоцк.

Но даже узнав о движении короля, Грозный не хотел этому верить, ему все казалось, что Баторий предпринимает обманный маневр, настолько в сознании царя Ливония оставалась единственно возможным театром военных действий. Конечно, царь знал о мнении большинства в соседнем государстве, знал, что королю стоят в оппозиции чуть ли не все магнаты и вельможи Речи Посполитой. И остается только удивляться, как он, самодур и диктатор, привыкший поступать не считаясь ни с кем

и ни с чем, не допустил возможности, что новый польский король при всей ограниченности его власти, проявив волю, может поступить так же. Скорее всего, зная мнение большинства, Грозный не знал о мнении самого короля. Мнение большинства доходило до русских пределов, а мнение одного человека, пусть даже наделенного высшей властью, могло до последнего момента оставаться в тайне даже в своем государстве, а тем более в соседнем.

Когда русскому царю стало ясно, что движение короля — не обман- ный маневр, отправленные им в южную часть Ливонии полки были уже далеко. Они беспрепятственно дошли до Двины, по обычаю страшно опустошая окрестности, совершенно бессмысленно повоевали ряд мелких, слабозащищенных поселений, а тем временем враг подходил к Полоцку.

Король не случайно выбрал для первого своего удара именно этот город. Полоцк занимал важное стратегическое положение. Кроме того, что в нем сходились сухопутные и водные артерии между Московской державой, Литвой и Ливонией, а по Двине пролегал кратчайший торговый путь к Балтийскому морю, город с прилегающей областью мог еще послужить каждой из воюющих сторон удобным плацдармом для нападения на противника. Недаром историки считают взятие русскими Полоцка в 1563 году величайшей военной удачей Грозного, венчающей все его победы. Но Батория Полоцк привлекал еще и тем, что на начало войны этот город принадлежал государству, корону которого он носил теперь на своей голове, а следовательно, отбитие Полоцка от противника являлось для короля делом чести. Да и в чисто военном отношении, поскольку польский король давно про себя решил вести войну на русской территории, то ему не оставалось ничего иного, как вернуть под свою державу Полоцк, минуя который нельзя было по стратегическим соображениям выйти к московским границам. Оставлять такую крепость у себя в тылу было просто безрассудно.

Король жаждал большой победы. Уже три года, как Баторий на престоле Речи Посполитой, восходя на который он клятвенно обещал вернуть все до него утраченное в этой войне, но до сих пор сдержатъ обещание мешали другие заботы. Правда, ровно год назад королевские войска одержали над воеводами Ивана Грозного блестящую победу под Венденом, но в той битве не было при войске самого короля, теперь, наконец, представился долгожданный случай.

Шестнадцать лет владела Москва Полоцком и окружающими его землями, и вот в августе 1579 года армия Речи Посполитой, возглавляемая самим королем, вышла к Полоцку.

Город оказался неготовым к обороне. Как это часто бывает в нашем Отечестве, неготовность проявляется там, где как раз должна бы быть особая, повышенная готовность. И вот сейчас, во время военных действий, причем в ожидании их очередного обострения, гарнизон расположенной в прифронтовой полосе и имеющей важнейшее стратегическое

значение крепости был ослаблен до крайности. Сама полоцкая крепость представляла собой серьезный оплот обороны, но войск для его удержания в городе было явно недостаточно. Не было дислоцировано войск и в ближайшей округе. Зато крупные силы, собранные для настоящей кампании в Новгороде и в Пскове, хоть это и далековато от Полоцка, но все же в случае оперативной переброски они могли бы содействовать снятию осады, были посланы куда-то в Ливонию для очередного опустошения и разграбления давно выжженных и вытоптанных владений бывшего Ордена.

Полоцк мог гордиться своими укреплениями. Так называемый Большой город окружали естественные высоты, по которым проходила деревянная стена с башнями, перед которой был вырыт глубокий ров. А в центральной части в качестве цитаделей служили два замка: Острог и Стрелецкий, омываемые реками Двиной и Полотою. Воеводой в Большом городе значился князь Телятевский, в Остроге начальствовал воевода Волынский, а в Стрелецком замке князь Щербатов и дьяк Ржевский. Был в городе достаточным и запас огнестрельных снарядов, но недостаток войск не позволил удерживать такую линию обороны, потому после первых нескольких дней боев воеводы зажгли внешние укрепления и, оставив Большой город, перебрались в замки. Там они держались еще три недели, отражая приступ за приступом, но самой страшной бедой осажденных стали пожары, вызванные непрерывными обстрелами, так что приходилось не столько отбиваться на внешней стороне крепости, сколько бороться с огнем внутри нее.

Узнав о происходящем под Полоцком, царь, находившийся тогда в Пскове, спешно собрал отряды детей боярских, бывших в его распоряжении донских казаков, псковских городовых ополченцев и даже кое-кого из своей личной гвардии и, поставив воеводами во главе этого наспех собранного воинства Бориса Шеина и Федора Шереметева, послал их на выручку Полоцка. Но те, подойдя к стану осаждавших, хоть и имели немалые силы, а кроме того могли рассчитывать на удар гарнизона из крепости, ставивший осадную армию меж двух огней, не решились на открытую битву с Баторием и укрылись в ближайшей крепости Сокол, что невдалеке от старой литовско-русской границы. Оттуда русские воеводы рассылали отряды для препятствия королевским фуражирам добывать продовольствие и этим свою помощь осажденному Полоцку ограничили.

Надо сказать, что положение осадного лагеря было не из легких. Помимо отчаянного сопротивления гарнизона, на беду короля все время боев за Полоцк не прекращались проливные дожди. Дороги размокли, так что добывать продовольствие стало трудно. Еще труднее было его хранить и готовить пищу. Город стоял на высотах, но окружающая его местность преимущественно низинная, а потому королевский лагерь стоял в воде, где почти невозможно было сохранить в сухости ни продовольствие, ни порох. Негде было просушиться и самим воинам, в палатки, в которых они жили, постоянно протекала вода. В этом смысле гарнизону

было легче, московские ратники квартировали в нормальных условиях, и запасов продовольствия у них было достаточно.

В результате польские и литовские воеводы потребовали от короля собрать военный совет, на котором настаивали на решающем штурме. Король не соглашался. Судя по всему, Баторий не был уверен в успехе. А штурм — это либо победа, либо поражение. В случае неудачи штурма придется снять осаду и отступить, а это — поражение. Король считал, что лучше брать город измором, продолжая осаду и сопровождая ее небольшими локальными боями на приступах, благо извне помощи осажденным не было. Посланные на выручку Полоцку русские воеводы малодушно отсиживались в Соколе, а главное московское воинство продолжало гулять где-то по Южной Ливонии. Но вот только природа готова была взять осадный лагерь измором раньше, чем королевская армия возьмет тем же манером крепость. Ситуация разрешилась совершенно неожиданно.

В одном из боев на приступе неприятелю удалось сразу в нескольких местах зажечь стену. Русские не могли погасить огня, а противник еще день выжидал, пока выгорят укрепления, и только после этого бросился на решающий штурм. Но защитники крепости, не сумев справиться с пожаром, приняли другое решение: в месте, где прогорела стена, они за день выкопали ров за ее остатками и за ним насыпали вал. И когда польская и венгерская пехота пошла на приступ, полагая, что последнее препятствие уничтожено огнем, она вдруг была встречена залпами из пушек и пищалей. Но все же превосходство в силах и продолжавшийся бушевать пожар решили исход битвы за город. На другой день огонь разгорелся так, что охватил собой все внутренние постройки обоих замков, после чего находиться в цитаделях стало просто невозможно, но даже и тогда мнения насчет предложения капитуляции разделились. Воевода Волынский со стрельцами согласился сложить оружие при условии предоставления свободы. Баторий выполнил условие, но сначала предложил русским ратникам службу в своем войске. Некоторые из русских согласились, но большинство отправилось на родину. Другие воеводы, а с ними и полоцкий архиепископ Киприан наотрез отказались от капитуляции. Сначала они хотели, было, взорвать себя порохом в одной из башен, но ратники из тех, что согласились на капитуляцию, не позволили им этого сделать. Тогда с несколькими стрельцами они заперлись в кафедральном Соборе Св. Софии и продолжали отбиваться до тех пор, пока их не взяли силою. Впрочем, Баторий и этих отпустил на свободу. Одной из утрат взятия Полоцка стала богатейшая библиотека, хранившаяся в Софийском храме, сгоревшая во время подавления сопротивления последних защитников.

Интересно, что во время последних боев за город польский король не надеялся на безопасность своего тыла. Ведь продолжавшийся два дня пожар был такой силы, что его зарево отчетливо видели из Сокола, а стало быть, там ясно понимали, что битва за Полоцк вошла в решающую стадию. Опасаясь удара по своим тылам, что могло привести к неудаче

всей операции, Баторий отрядил чуть ли не половину своей армии для перекрытия дороги от Сокола к Полоцку. Удар по задним рядам нападавших действительно мог облегчить участь осажденных, вплоть до снятия осады, но стоявшие в Соколе воеводы не тронулись с места, не шелохнулись.

Нам трудно судить о том, насколько в выигрыше оказались те, что решили остаться в Литве, перейдя на службу к королю. В письме Батория одному из своих корреспондентов есть информация относительно этого, судя по которой можно полагать, что король оказался не слишком щедрым в отношении своих новых подданных:

«Многие стрельцы и другие люди московские после взятия Полоцка и прочих крепостей русских поддались нам, и мы их наделили пустыми участками земли в старостве Гродненском, но им нечем обрабатывать этих участков. Так приказываем себе взять у подданных наших в Литве клоч самых негодных и мелких штук с полтораста и поделить их между москвичами».

Но с другой стороны нельзя не задаться вопросом: а почему, собственно говоря, король Речи Посполитой должен был рассыпаться в милостях и наградах по отношению к извечным и заклятым врагам? Только потому, что сейчас они сделали такой выбор? Но то, что они перешли в его подданство, еще не значит, что они не изменят при случае и ему. И в конце концов король все-таки наделил их землями, пусть не очень хорошими, но почему он должен предоставлять вчерашним противникам лучшие земли? И, наконец, а чем лучше жаловал русский царь своих верных подданных? И уж если мы вспомнили русского царя, то для ответа на вопрос о том, выиграли или нет те из служилых московских людей, что подались на сторону Литвы, нужно посмотреть, а что ожидало тех, кто вернулся к Грозному после падения Полоцка. Наверно, нет нужды пояснять, что судьба их была незавидной.

Мы уже говорили о том, что среди всех противоречий, коими была полна натура Грозного, нас в нашем повествовании более других привлекает его отношение к своим военачальникам. Истинно талантливых и преданных воевод царь к описываемому времени всех извел. И при этом на высоких постах армии продолжали благоденствовать блеклые и заурядные натуры. Рассказывая о последнем, самом драматичном этапе Ливонской войны, историк Н. М. Карамзин отмечал, что «тени Шуйского, Серебряного, Воротынского мечтались воображению Иоаннову,... изгубив героев, царь в сие время щадил воевод недостойных...» И это было правдой, только царь не просто щадил недостойных, но и возвеличивал. Так, например, в кампании 1579 года он назначил на самые высокие воеводские посты князя Голицына, того самого, что в прошлом году бежал тайком ночью из под Вендена, бросив на погибель вверенное ему войско, а также Палицкого и Шереметева, убежавших тогда же вместе с Голицыным. Историк объясняет такую позицию царя тем, что тот не хотел казнями и опалами подтолкнуть к переходу на польско-литовскую сторону других воевод. Думается, что это неверное объяснение.

Если бы Грозный строгими мерами боялся открыть широкую дорогу изменникам, ему достаточно было бы не предавать Голицына и прочих казни, которую те своим поступком в действительности заслуживали. Но зачем для этого нужно было назначать ничтожных лиц на самые высокие посты в армии? И потом, почему Грозный не боялся перехода на сторону врага своих воевод тогда, когда он десятками отдавал на смерть лучших военачальников? Здесь объяснение следует искать не в области здоровой логики. Объяснение этому лежит в области человеческой психики, которая у натур, подобных Грозному, не то чтобы со здоровой, а вообще с какой бы то ни было логикой не увязывалась.

И потом, не очень-то верится в то, что тени убиенных царем полководцев «мечтались воображению Иоаннову», как о том повествует известный историк. Скорее всего, царь давно забыл о них; люди с характером Грозного менее всего склонны к сентиментализму, а тем более к искреннему раскаянию.

Итак, Полоцк, древний русский город, славное наследие рода Святого Владимира, снова отошел к Литве. Гордость русского царя, его триумф, город, который в течение шестнадцати лет оставался для Грозного символом славы и торжества, был утерян. Надо вспомнить, как пышно праздновал Иван IV эту свою победу, какое значение он ей придавал и как угнетающе подействовала тогда потеря Полоцка на противника, чтобы понять, насколько сейчас был не просто побежден, но и посрамлен московский властелин и как ликовал его торжествующий соперник. Через шестнадцать лет противники поменялись ролями. Взятие Полоцка Грозным в 1563 году стало последним его успехом, оно подводило черту под победными вехами биографии русского царя. Овладение Полоцком польским королем в 1579 году стало первой крупной военной удачей Батория, открывшей череду блестящих побед.

Падение Полоцка означало конец русскому присутствию на землях, принадлежавших до войны Литве. Победа польского короля в полоцкой операции 1579 года возвращала Россию на литовском участке фронта в довоенные границы, лишив ее здесь всех завоеваний предыдущего двадцатилетия. Последний успех Речи Посполитой распалил аппетит ее короля, способствовал нарастанию наступательной активности его войск. Дойдя до предвоенных границ России, Баторий не думал останавливаться.

Покончив с Полоцком и заложив в нем в честь своей победы католический храм, король двинулся к Соколу, пограничной крепости, за стенами которой все еще отсиживались посланные царем на выручку Полоцка Шереметев и Шеин. Часть своего войска, преимущественно легкой конницы, Баторий направил в сторону Пскова для наблюдения за главными силами русских, но поскольку те еще не возвращались из пресловутого ливонского похода, то опасения короля за свои тылы по-прежнему оставались напрасными. Сидевшие в Соколе русские воеводы, наконец, дождались того, что крепость оказалась в плотном

окружении королевских войск. К тому времени бывшие под командой Шереметева и Шеина донские казаки самовольно оставили крепость и покинули театр военных действий. 19 сентября началась осада города, а 25, когда осаждающим снова, как и при овладении Полоцком, удалось зажечь стены, противник устремился на приступ.

Сохранившиеся источники единодушны во мнении, что бойня, разгоревшаяся при штурме Сокола, по упорству обеих сторон не знала себе равных, может быть даже за всю историю той войны. За горящими стенами россияне встретили густые колонны нападавших плотным ружейным и артиллерийским огнем, затем, вдруг перейдя в контратаку, отбросили литовцев и наступавших с ними ландскнехтов от крепости и отчаялись на вылазку. Какое-то время битва продолжалась за стенами вне крепости, но тут сказалось превосходство противника в силах, и русские вынуждены были отступить под защиту того, что осталось от стен. Преследовавшая их немецкая пехота ворвалась внутрь крепости, и злая сеча продолжилась там. К тому времени от непрекращающегося обстрела в крепости не осталось ни одного здания, которое не было бы охвачено пламенем, так что приходилось одновременно сражаться и с наседавшим врагом и с пожаром. В отличие от полоцкого взятия, здесь нападавшие не диктовали ультиматумов, не предлагали капитуляции, а потому ожесточенная битва закончилась почти полным истреблением русского гарнизона. Число павших с русской стороны превысило четыре тысяч человек, в том числе в бою погиб воевода Шеин. Другой воевода, Шереметев, и с ним всего несколько десятков воинов, преимущественно раненых, попали в плен.

Таким образом, гарнизон Сокола, на который первоначально возлагалась задача деблокирования Полоцка, был чуть ли ни полностью уничтожен. И если взятие Полоцка означало освобождение от русских войск всех ранее занятых районов Литвы, то падение Сокола — крепости на старой довоенной русско-литовской границе — выводило королевскую армию на российскую территорию.

Уже сразу после падения Сокола отдельные польские и литовские отряды устремились в рейды по Смоленской области и по Северной Украине. Операцию на Смоленщине возглавил оршанский староста Кмита. На Северной Украине ту же роль исполнял князь Острожский, пововававший русские селения от Стародуба до Почепа. А тем временем главное королевское войско, вступивши в московские пределы и продолживши завоевания, без особых трудов заняло крепости Козьян, Туровль, Нещерду, Ситну. В результате в десятилетиями отлаживаемой системе обороны на русско-литовской границе, которая до начала кампании не вызывала у московского военного руководства никакой тревоги, вдруг образовалась серьезная брешь. В руках противника оказался ряд русских крепостей.

Неспокойно в лето и осень 1579 года было и на северных границах. Шведы нападали на русские владения в районе Ижоры и в Карелии; пытались они и осаждать Нарву, но безуспешно.

А Грозный царь во все время летне-осенней кампании простоял в Пскове, где вся его деятельность сводилась к получению донесений об очередном поражении и о потерях. Все, на что хватило тогда у Ивана Васильевича мужества, это поручить государственному дьяку Андрею Щелкалову без потери достоинства и в то же время без приукрас объявить в Москве о своих поражениях. Щелкалов выполнил эту не совсем приятную миссию, и хотя он и не опустил до приукрас, но совсем без ретуширования истинной картины дело не обошлось. И вот спустя шестнадцать лет после того, как над столицей несколько суток подряд гудел праздничный звон колоколов в честь взятия Полоцка, теперь московский люд услышал:

«Добрые люди! Знайте, что король взял Полоцк и сжег Сокол: весть печальная, но благоразумие требует от нас твердости. Нет постоянства в свете; счастье изменяет и великим государям. Полоцк в руках у Стефана: вся Ливония в наших. Пали некоторые россияне: пало гораздо больше литовцев. Утешимся в малой невзгоде воспоминанием столь многих побед и завоеваний царя православного!»

Действительно, тогда русским людям только и оставалось, что вспоминать дни былой славы.

Еще до взятия противником Сокола, сразу после своей полоцкой победы король отправил русскому царю грамоту, где утверждал, что все его, Батория, старания направлены исключительно на сохранение мира, в чем он и преуспел, найдя понимание всех соседей, кроме Московской державы, царь которой продолжает настаивать на Ливонии. А потому король вынужден взяться за оружие. «Так как нам не годилось, — поясняет далее свои поступки Баторий, — исполнить это требование, то мы сели на коня и пошли под отчинный наш город Полоцк, который Господь Бог нами и возвратил: следовательно, кровь христианская проливается от тебя».

Вся грамота была выдержана в довольно дерзкой и грубой форме, а в заключение король требовал отпустить гонца, привозившего полгода назад царю объявление войны.

Когда в ставке Грозного читали эту грамоту, уже пал и Сокол, и враг вступил на русскую землю, о чем было небезызвестно царю. Грозный не замедлил с ответом, но насколько изменился тон царского послания! В нем еще сквозят штрихи высокомерия, но спеси явно поубавилось, а главное, русский царь отвечает на грубые выпады соперника довольно миролюбиво, и что совсем стало новым, он соглашается называть короля Речи Посполитой братом, а не соседом, как раньше.

«Другие государи, твои соседи, — писал Грозный Баторию, — согласились с тобою жить в мире, потому что им так годилось; а нам как было пригоже, так мы с тобою и сделали; тебе это не полюбилось; а гордым обычаем грамоты мы к тебе не писывали и не дельвали ничего. О Лифляндской же земле и о том, что ты взял Полоцк, теперь говорить нечего; а захочешь узнать наш ответ, то для христианского покоя присы-

дай к нам послов великих, которые бы доброе дело между нами попригожу постановить могли. Мы с тобою хотим доброй приязни и братства и по всем своим границам запретили вести войну; распорядись и ты также по всем своим границам, пока послы великие между нами братство и добрую приязнь поставят; бояре наши били нам челом, чтоб мы кровопролития в христианстве не желали, и велели им ссылаться с твоими панами; мы на просьбу их согласились».

Далее, в той же грамоте царь предлагал решить судьбу пленных и заканчивал просьбой присылки в Москву больших послов: «Не хочу возражать на упреки: ибо хочу быть в братстве с тобою. Даю опасную грамоту на твоих послов, коих ожидаю с доброжелательством. Между тем да будет тишина в Ливонии и на всех границах! А в залог мира отпусти всех пленников российских, на обмен или выкуп».

Тогда же Грозный велел отпустить задержанного с лета гонца Батория, которому от имени царя объявили:

«Пришел ты к нам от своего государя с грамотою, в которой Стефан-король многие укоризненные слова нам писал и нашу перемирную грамоту с тобою к нам прислал: людей, которые с такими грамотами приезжают, везде казнят, но мы, как государь христианский, твоей убогой крови не хотим и, по христианскому обычаю, тебя отпускаем».

Но новому витку переговоров состояться было не суждено, и причина та, что сами переговоры были нужны только русской стороне, король Речи Посполитой в них не нуждался. Он отказался отправлять своих дипломатов в Москву, несмотря на то, что русский царь, как мы видели, с первым же гонцом, снабдил противную сторону опасной грамотой и вообще был готов на многие уступки. Иван соглашался отправить своих больших послов в Литву, но все эти подготовительные мероприятия ни к чему не привели, король лишь тянул время, готовясь к новой кампании.

В зиму 1579–80 гг. Баторий разродился новой законодательной инициативой, призванной увеличить численность его армии, и сумел протащить эту инициативу через сейм. Согласно новому закону, в Речи Посполитой объявлялся дополнительный набор в войска крестьян из королевских имений, откуда под знамена призывался каждый двадцатый человек. Причем закон этот устанавливался только на время войны, а по ее окончании и по возвращении к мирному труду призывавшийся освобождался от всех повинностей вместе со всем своим потомством.

Грозный также лихорадочно пытался найти новые средства для ведения войны. У русского царя не было недостатка в людях, во всяком случае, такого острого, как у его противника, главная нужда царя была в деньгах. Источником пополнения казны могла бы стать церковь с ее несметными богатствами, но Грозный помнил, как провалилась его инициатива отчуждения церковных владений в пользу государства во времена реформ Избранной рады. Трудности затянувшейся войны и последние поражения вернули царя к этому предмету.

В январе 1580 года царь собрал в Москве высших иерархов русской церкви, объявив им, что государство Московское, а с ним и православие в опасности. В напыщенном обращении к созванному собору Грозный назвал себя с сыновьями спасителями отечества, правда, причислив при этом к своей компании некоторых воевод из знатных фамилий, чего раньше, стремясь размежеваться с боярской верхушкой, никогда не делал. Чего хочет царь, церковники поняли сразу, когда тот еще не добрался до главного предмета своего выступления. А понять это можно было, едва только Грозный начал созывать отцов церкви в столицу: казна пустеет, содержать войско нечем, монастыри богатеют, а потому государство требует пожертвований от духовенства. Вопрос был сложным и скользким, и к нему не один раз возвращались правители русской державы. В первых главах нашего повествования мы рассказывали, как на этом предмете потерпел поражение дед Грозного, Великий московский князь Иван III, как не мог преодолеть сопротивления церкви, когда встал вопрос о ее имущественных правах, сам Грозный в первые годы своего царствования, но на этот раз проблему удалось сдвинуть с мертвой точки. Конечно, не в полном объеме, но все же задача пополнения государственной казны за счет церкви, хоть и частично, но была решена. Теперь новым указом Грозного от церквей и монастырей отходили в казну все земли и села, принадлежавшие ранее княжеской знати и когда-то либо выкупленные церковью, либо отошедшие к ней каким-то другим путем.

Но больше всего царь, нутром чуявший надвигающуюся катастрофу, жаждал мира. Но мира не выходило. В марте 1580 года Баторий в ответе Ивану на его последнюю грамоту сообщал:

«Мы к тебе послов своих посылали, но ты отправил их с необычным и к доброй приязни непригожим постановлением, а твои послы, бывшие у нас, ничего доброго не постановили: так после этого теперь нам посылать к тебе послов своих непригоже; присылай ты своих к нам, и присылай немедленно. А что пишешь об освобождении пленных, то сам рассуди, приличное ли теперь к тому время? А нужды им у нас никакой нет».

При этом королевская сторона снабжала русскую опасной грамотой, но даже в самой этой грамоте царь узрел какое-то нарушение обычаев, а потому в очередном послании своему краковскому корреспонденту отвечал:

«Мы послов твоих приняли и отпустили по прежним обычаям, по неволе они ничего не делали, бесчестья и нужды им никакой не было. А наши послы у тебя ничего не постановили потому, что ты не хотел подтвердить постановленного твоими послами у нас, вставил новое дело, наших послов обесчестил, принял их не по прежним обычаям и без дела к нам отослал, а потом прислал к нам гонца Лопатинского с грамотою, и какие речи написал ты в этой грамоте — сам знаешь... В московских перемирных грамотах были слова разные, внесенные в них с ведома и согласия твоих послов. Ты мог отвергнуть сей договор; но для чего же укореешь нас обманом? Для чего без дела выслал наших послов из Кракова, и столь грубо, и писал к нам в выражениях столь язвительных? Забудем

слова гневные, вражду и злобу.... Если нам теперь все эти дела между собою поминать, то никогда христианство покою не получит, так лучше нам позабыть те слова, которые прошли между нами в кручине и в гневе; ты бы, как господарь христианский, дело гневное оставил; а пожелал бы с нами братской приязни и любви; а мы со своей стороны все дела гневные оставили, и ты бы, по обычаю, отправил к нам своих послов».

Но самым острым оставался вопрос о том, где должны состояться переговоры. Король не желал отправлять своих людей в Москву, русский царь был уже согласен перенести переговоры в Краков или в Вильно, хоть это и шло несколько против его самолюбия. Не можем утверждать точно, понимал ли Грозный, что переговорам не суждено было состояться нигде и что Баторий просто тянет время, нужное ему для подготовки нового похода, но, так или иначе, в той же грамоте, что мы цитировали выше, русский царь писал:

«Не в Литве и не в Польше, а в Москве издревле заключались договоры между сими державами и Россиею. Не требуй же нового! Здесь мои бояре с твоими уполномоченными решат все затруднения к обоюдному удовольствию государств наших».

Но отправленному с этой грамотой в Литву специальным эмиссаром царя дворянину Нащокину наказывалось, что в случае несогласия короля на выдвигаемые Москвой условия в смысле места проведения переговоров, а тем паче в случае готовности Батория открыть военные действия, соглашаться на присылку московских дипломатов в Вильно. Тогда же Нащокин и сопровождавшие его люди получили следующую инструкцию:

«Будет в чем нужда, то они должны приставам говорить об том слегка, а не браниться и не грозить; если позволят покупать съестные припасы, то покупать, а не позволят — терпеть; если король о царском здоровье не спросит и против царского поклона не встанет, то пропустить это без внимания, ничего не говорить; если станут бесчестить, теснить, досаждать, бранить, то жаловаться на это приставу слегка, а прытко об этом не говорить, терпеть».

Думается, нет нужды заострять здесь специально внимание читателя на том, насколько поубавилось гонору и спеси у русского царя. За какой-то год от непомерной заносчивости Грозного не осталось и следа. Забыв про элементарное достоинство, он опустился чуть ли ни до полной потери самоуважения. Но унижение не помогло. Встретив Нащокина, Баторий отвечал, что дает царю пять недель сроку для присылки послов в Литву. В Москве на ультиматум короля отреагировали положительно, но пять недель оказались слишком малым сроком для того, чтобы снарядить посольство и чтобы оно успело добраться до Литвы. Большие московские послы находились на пути в Вильно, когда стало известно, что польский король вторгся в пределы России. «Назначенный срок минул, — прочитал Грозный в очередном вызове, — ты должен отдать Литве Новгород, Псков, Смоленск, Великие Луки, а также всю Ливонию, если желаешь мира».

Начиналась кампания 1580 года.

Безусловно, Стефан Баторий был не настолько наивен, чтобы всерьез рассчитывать на Новгород, Смоленск и другие русские города, названные им русскому царю как плату за мир. Король был умным, тонким, а главное, трезвым политиком, а потому не строил иллюзий, понимая, что Речи Посполитой при всех ее блестящих победах никогда не удержать за собой требуемых от царя исконно русских земель и городов, и рассчитывал лишь на то, что реально. А реальной перспективой победы могла быть только Ливония. Но, как мы уже говорили, будучи тонким политиком и блестящим военным стратегом, Баторий ясно видел кратчайший путь к овладению Ливонией. Для этого надо было устроить русскому царю порядочную трепку на его земле, чтобы тот при его политической близорукости почувствовал угрозу ее отторжения. И тогда московский самодур поступится Ливонией, лишь бы не потерять своего, кровного. А воевать в Ливонии, занимаясь ее поочередным опустошением, без серьезных терзаний владений противника, значило продолжать бойню еще лет двадцать, до полного изнеможения.

Но так думал король, но не Речь Посполитая. Конечно, кто-то в соседнем государстве разделял мнение Батория, но большинство тамошнего общества не было настроено на большую войну, имеющую целью захват русских территорий, ратуя лишь за освобождение своей земли и за утверждение за собой Ливонии. Но своя земля была уже освобождена, прогулки по землям бывшего Ордена, как бессмысленные, были не по душе королю, а потому все дальнейшие его начинания теперь встречались его подданными в штыки. В первую очередь, Баторию приходилось выбивать у сейма средства на ведение войны. Пока это, благодаря ораторскому искусству одного из сторонников короля, канцлера Замойского, кое-как удавалось. Но все же отпускаемых средств не хватало, и королю приходилось вкладывать свои личные. В этом поддерживал его брат, князь седмиградский, ссужая деньги и присылая свои воинские отряды. В результате к новой кампании польский король собрал более чем пятидесятитысячную армию и снова двинул ее к русским рубежам.

В Москве тоже, как могли, готовились к предстоящим схваткам с врагом, но поскольку инициатива была полностью упущена, наиболее острым стал вопрос о месте дислокации войск. Владеющий инициативой король мог неожиданно появиться на любом участке русской границы, а потому московское командование было вынуждено растянуть свои силы на всем ее протяжении. А при тогдашней неповоротливости армии и при тех средствах передвижения об оперативной переброске частей войск не могло быть и речи, отсюда эффективность обороны своих рубежей оставляла желать лучшего. Кроме того, в последние годы Ливонской войны стало особенно сказываться отставание русской военной машины от западных аналогов. Это отставание проявлялось и раньше, с первых кампаний войны, но не так явственно и остро, и могло компенсироваться численностью, внезапностью, то бишь вероломством, и, конечно, упор-

ством и стойкостью русских воинов, то есть нещадной эксплуатацией человеческого фактора, к чему веками привыкло прибегать русское государство. Но вот с началом последнего этапа войны, связанного с появлением на исторической сцене Стефана Батория, всех этих показателей стало явно недостаточно. Обилие в королевской армии западного наемного элемента, профессионального, опытного, закаленного, с которым не шли ни в какое сравнение московские ратники, к большей части которых уже в силу самого принципа организации русского войска было неприменимо даже понятие профессионализма, лишало московское воинство перспектив на победу. То же самое касалось военачальников всех рангов. Полководца, равного по военным талантам Стефану Баторию, тогда трудно было найти во всей Европе. Понятно, что такой главнокомандующий не мог держать на офицерских постах своей армии кого угодно, а потому тщательно отбирал каждого. Московское же воинство и тут не знало профессионализма, воеводские должности занимались согласно «породе», где ранг командира строго соответствовал знатности его фамилии. А потому командный состав русской армии был не только не знаком даже с азами военного искусства, но никогда и не слышал о таком. Правда, было среди русских воевод немало талантливых самородков, причем некоторые из них могли считаться весьма незаурядными полководцами, но такие в нашем отечестве всем его правителям были не нужны, а потому наше отечество всегда старалось от них избавляться. А что касается именно Грозного царя, то с его приемами правления такие самородки неизменно кончали жизнь на плахе или в тюремном застенке.

Не гнушался русский царь в столь сложно складывающейся для него обстановке поиском союзников и заступников. Здесь наибольшие свои усилия он по-прежнему направлял в сторону Германского императора, продолжая пытаться подбить того на совместную борьбу против Батория, и писал даже папе в Рим, упрасывая усювестить польского короля, но все такие усилия пока оставались напрасными. Как метко подметил насчет последних шагов царя историк Карамзин, «имея силу в руках, но робость в душе, Иоанн унижался исканием чуждого, отдаленного вспоможения, ненужного и невероятного». Вырваться из международной изоляции Москве так и не удалось. Все, что смог тогда московский властелин, это издать и разослать по церквам и монастырям грамоту, взывающую православных к молитве Всевышнему за заступничество:

«Здесь на нас идет недруг наш, литовский король, со многими силами; мы к нему посылали о мире с покорением, но он с нами мириться не хочет и на нашу землю идет ратью. И вы бы пожаловали, молили Господа Бога и пречистую богородицу и всех святых, чтоб Господь Бог отвратил праведный свой гнев, движущийся на нас, и православного христианства державу сохранил мирну и целу, недвижиму и непоколебиму, а православному бы христианству победы дал на всех видимых и невидимых врагов».

Летом 1580 года королевская армия числом до пятидесяти тысяч человек расположилась у местечка Чашники, невдалеке от литовско-русской

границы. В июле, перейдя границу, она двинулась в направлении города Великие Луки. Как мы помним, король давал Грозному пять недель для присылки послов, по истечении которых, даже зная, что русское посольство уже направляется в Литву, вторгся в пределы Московского государства. Тут, очевидно, дело не в принципиальности короля, не пожелавшим продлить отведенный для присылки послов срок, а в том, что он наверняка знал: договориться ни о чем не удастся, а упускать удобное для кампании летнее время не хотел. Правда, он снова сообщил о своем походе в Москву, добавив, что послы могут явиться к нему в лагерь, где бы он ни был.

Еще общим с кампанией прошлого года стало то, что король снова объявился там, где его не ждали. Только в августе на русской стороне стало ясно, что польско-литовская армия следует к Великим Лукам. Собственно говоря, направление вторжения имело мало значения. Грозный растянул свои силы так, что король прорвал бы русскую оборону в любом ее месте, но все же это направление стало наиболее неожиданным. Путь от Чашников до Великих Лук пролегал по непроходимым лесам и заболоченным равнинам. Королевское войско двигалось медленно, просекая путь в лесных дебрях, наводя мосты и строя гати, зато было вознаграждено тем, что прежде чем русские его обнаружили, оно, оставив позади себя даже ту призрачную линию обороны, вдруг совершенно неожиданно появилось перед русскими крепостями Усвят и Велиж, стоящими на самой границе.

Две небольшие русские крепости не надолго задержали противника под своими стенами. Баторий начал с Велижа. Пользуясь тем, что крепость деревянная, он приказал стрелять по ней калеными ядрами и не бросал людей на штурм даже тогда, когда крепость превратилась в горящий факел. Чудом уцелевшие остатки гарнизона вырвались из пламени и сдались. Усвят, также деревянный, последовал примеру Велижа, не дожидаясь обстрела и пожара. Здесь действия короля лишний раз подтверждают приводимые нами выше рассуждения, что он не рассчитывал всерьез и надолго овладеть русскими областями, они нужны были ему только как разменная монета за Ливонию. Понятно, что Баторий не хотел в кровопролитных штурмах губить своих людей, потому он и предпочел просто сжечь крепости. Но если бы он только собирался оставить эти земли за собой, то он нуждался бы и в крепостях на этой земле. Они были бы ему в этом случае дороже людей, и он не стал бы так оберегать жизнь воинов и жечь ради этого крепости, которые ему наверняка пригодятся в будущем.

От Усвята королевская армия двинулась на север, в середине августа она подошла к Великим Лукам и осадила город.

Тут события почти в точности повторили то, что год назад можно было наблюдать под Полоцком. Брошенный на поддержку Великим Лукам, располагавший большими силами, воевода князь Хилков остановился по соседству, под Торопцом, что в 50 верстах восточнее Великих Лук. Так и не решившись вступить в открытую баталию с польским королем, он простоял там, не двинувшись более в сторону Великих Лук ни на шаг,

так что осажденные и тут остались предоставленными самим себе. Город этот, впрочем, как и Полоцк, являл собой довольно сильную крепость. Его опоясывали мощные укрепления, а гарнизон, возглавляемый воеводой Воейковым, насчитывал до семи тысяч человек. Крепость располагала большими арсеналами оружия и боеприпасов. Но, как и в предыдущих операциях, король не спешил со штурмом, тем более что он уже распознал пассивную тактику московского командования, а потому знал, что помощи осажденным извне оказано не будет.

Баторий приказал вести непрерывный обстрел города зажигательными снарядами, но устроить большой пожар, зажечь стены и башни так, чтобы защитники не могли их быстро потушить, долго не удавалось. А тем временем в королевскую ставку прибыли русские послы Сицкий и Пивов. Король встретил посольство в шатре, демонстративно нарушив весь принятый ритуал: не встал, когда послы кланялись ему от царя, не снял шапку, не ответил на приветствие, не спросил о царском здорьвье. Послы заявили, что им велено править посольство в литовской земле, а не в государевой, а потому они возложенную на них миссию выполнять не будут. Баториево окружение в довольно грубой форме требовало от послов либо делать то, зачем их послали, либо отправляться назад. В конце концов, московские дипломаты согласились править посольство, но с условием, если король снимет с города осаду. Польско-литовская сторона отказала и в этом. Наконец, послы приступили к обязанностям: русская сторона уступала Литве Курляндию и еще 24 ливонских города, но требовала от короля возвратить Полоцк и признать за Москвой удерживаемую ею на то время часть Ливонии, а это Нарва, Дерпт и некоторые другие места. Чуть позже послы отказались и от претензий на Полоцк, но на всем остальном продолжали настаивать. Баторий же требовал всей Ливонии, а помимо того, Великих Лук, Новгорода, Смоленска, Пскова.

Послы заметили королевской стороне, что они не уполномочены брать на себя такие проблемы, а потому было решено послать гонца в Москву, доложить царю о последних требованиях противника. Гонец был отправлен, но король не собирался ждать его возвращения, а потому бомбардировка города продолжалась, пока, наконец, 5 сентября не взорвалась одна из крепостных башен. Очевидно, ядро через одну из пробоин попало в хранившийся в башне пороховой склад. Взрыв был такой силы, что до основания разрушил саму башню и снес значительную часть соседней стены. Видя это, противник, не ожидая приказа, бросился на приступ. Венгерская и польская пехота, немецкие ландскнехты ворвались в горящий город и устроили там страшную резню. В результате защитники крепости погибли все до единого, мало кто остался в живых и из жителей.

Овладение польско-литовским королем Великими Луками имело в той войне для Речи Посполитой такое же значение, какое имело для России овладение Грозным в 1563 году Полоцком. В результате победы в руках короля оказался важный стратегический узел, где, пересекаясь, сходились пути из Литвы и из Ливонии на Псков, Новгород и Смоленск.

Великие Луки были ключом всего северо-запада России. Крепость играла связующую роль в системе обороны большого региона, а окружающая ее территория представляла собой удобный плацдарм для наступления как на новгородско-псковский русский север, так и на центральные области Московского государства. И недаром Великие Луки явились единственной крепостью на русской земле, которую по взятии король велел немедленно восстановить. Судя по всему, она нужна была ему для успешного завершения войны.

И как после взятия королем год назад Полоцка очередь дошла до посланных ему на выручку и бесполезно простоявших поблизости воевод Шереметева и Шеина, так и теперь, покончив с Великими Луками, Баторий обратил оружие против стоявшего у Торопца Хилкова. Для этой операции король отрядил часть своих сил, поставив во главе их воеводу Збаражского. Тот 1 октября вышел к Торопцу и в открытой битве нанес русскому воеводе полное поражение. Победа королевских войск под Торопцом лишала южные новгородские районы последней защиты.

А вот дальше польский король допустил стратегическую ошибку, разделив свою армию надвое и поведя наступление одновременно в двух направлениях: на Смоленск и на Новгород. Наверное, такое решение короля следует объяснить охватившей его победной эйфорией, вызванной последними, крупными удачами. Да и трудно было не поддаться такому соблазну, видя вокруг себя открытую, незащищенную территорию противника. Но главное обстоятельство, толкнувшее Батория на такое решение, которое в другой обстановке могло бы называться безрассудным, — это абсолютная пассивность русской стороны, какая-то напавшая на нее апатия, и, судя по всему, полная потеря воли высшим руководством.

Собственно говоря, просчет короля был не так уж и велик. Неудача подстерегла его воеводу только на Смоленском направлении. Сюда король отрядил корпус своих войск, в составе которого находилось всего девять тысяч человек. Во главе корпуса Баторий поставил оршанского старосту Филона Кмиту. Вряд ли противник рассчитывал с такими силами взять Смоленск, крепостная мощь которого намного превосходила все, с чем королевским войскам до сих пор в этой войне приходилось иметь дело. Скорее всего, поход Кмиты под Смоленск преследовал более разведывательные цели, нежели какие-то другие, когда вступать в большие сражения с крупными контингентами войск противника не следовало, но литовский воевода нарушил это правило, за что и поплатился. Со своими мизерными силами Кмита прошел от Витебска до самого Смоленска беспрепятственно, то есть оказался практически уже в глубоком русском тылу, не встретив сопротивления. Ну а дальше искушение взяло верх, и литовский воевода решил повоевать смоленские предместья. Но приблизительно в пяти верстах от города его вдруг встретили русские полки во главе с воеводой И. М. Бутурлиным. Противник вступил, было, в битву, но, не выдержав натиска, отступил к обозу и приготовился к обороне. Баталию остановила ночь. Ночью Кмита понял бесперспектив-

ность оборонительного боя: он находился в глубине русских владений с ничтожными силами, а помощи ждать было неоткуда. Во всяком случае, быстрой помощи. Литовский командующий сознавал, что окружить его лагерь имевшему значительный перевес Бутурлину не составит большого труда, и тогда вырваться будет трудно. А потому ночью оршанский староста приказал своему войнству сняться с позиций и отступил. Утром русские не обнаружили противника и бросились за ним вдогонку. Настигнуть уходящих удалось в сорока верстах от Смоленска у деревни Настасьино, на Спасских Лугах. Бутурлин с марша атаковал не готовое к бою, отступающее войско противника и разгромил его наголову. Остатки литовского корпуса спасались бегством. Победителям достались 10 пушек, 50 затинных пищалей и множество пленных. Свои трофеи Бутурлин отослал в Москву. Иван Грозный на радостях щедро наградил победителей. Победа при Настасьино в то горькое для русского царя время стала единственным его утешением. Победа была незначительная, не решавшая стратегических задач, не менявшая общего положения дел на фронте, но все-таки победа. Среди сыпавшихся на русского царя как из рога изобилия неудач, военных поражений, дипломатических провалов, вдруг весть о хоть каком-то успехе. Не исключено и то, что последняя удача, пусть даже такая маленькая, породила в душе царя надежду на изменения к лучшему, но серия последовавших вслед за тем новых неудач перечеркнула ее, поставив все на свои прежние места. Дело в том, что на другом направлении польско-литовского наступления, на новгородском, где боевыми действиями своих войск руководил сам король, обстановка для русской стороны продолжала складываться из рук вон плохо.

Взятием Великих Лук Баторий не довольствовался. Великие Луки были только главным звеном в системе русской обороны этого региона, крепость стояла в окружении других, поменьше. Польский король решил покончить со всеми, не откладывая на следующую кампанию, и это ему удалось. Поздней осенью после небольшого сопротивления под ударами неприятеля пал Невель, после него Баторий без особого труда овладел крепостью Озерище. Труднее пришлось с Заволочьем, где гарнизон крепости, возглавляемый воеводой Сабуровым, держался дольше других, но и он, в конце концов, уступил преимуществу нападавших. Со взятием Заволочья завершился 1580 год, но кампания с ним не обрывалась. Она тем и интересна, что зима не прервала ее, как это было в прошлых кампаниях, и наступление противника продолжилось в наступившем году. В феврале армия Батория дошла до озера Ильмень, взяв по пути с боями города Холм и Старую Русу. Только после этого, оставив за собой все завоеванное, основные силы королевских войск вернулись в Литву.

Впрочем, в последней операции, имевшей результатом падение Старой Русы, сам король не участвовал. Доверив дело своим воеводам, он тогда спешил в столицу, где в феврале открывался очередной сейм и где Баторию предстояло вновь доказывать целесообразность проведения в наступившем году новой кампании и выбивать для нее средства.

А подытожить прошедшую кампанию можно так. Если в результате прошлогодних побед короля в русской обороне образовалась, как мы говорили, серьезная брешь, то теперь оборона на западных границах Московского государства оказалась просто взломанной. Россия потеряла значительные территории, а войска противника стояли всего в нескольких десятках верст от Великого Новгорода, и дорога на него оставалась совершенно открытой. Таким образом, к весне 1581 года Россия стала перед фактом тяжелого военного поражения.

Положение усугублялось ухудшением обстановки на других театрах войны. Неудачи на собственно русской территории были в зимней кампании 1580–81 гг. не единственными. Тогда же в качестве вспомогательной акции часть королевской армии предприняла поход в Ливонию. Здесь литовцы дошли почти до Дерпта и Нейгауза, по пути отбив у русских замок Шмильтен. Причем в этом походе под литовскими знаменами принимал участие со своими дружинами изменивший Грозному царю бывший вассальный ливонский король Магнус. Но более тяжелыми стали здесь потери Москвы на шведском участке фронта. В декабре 1580 года после 13 недель осады шведы приступом овладели крепостью Падис, а в начале следующего года они осадили Везенберг, который, не получая поддержки, не выдержав тесной осады и постоянных обстрелов, в марте 1581 года сдался на условиях предоставления свободы гарнизону. Неутешительные вести приходили и с другого театра, из Карелии. Здесь еще в ноябре шведы заняли Кексгольм, при защите которого погибло две тысячи русских.

Последние поражения в Ливонии практически означали конец русскому военному присутствию в Прибалтике. К весне 1581 года московские воеводы контролировали там лишь узкую полосу в восточной части Ливонии, включая Нарву, Дерпт и еще несколько городов чуть к западу от Чудского озера. Это все, что оставалось от блестяще начатых завоеваний. Но ливонские потери, хоть и тяжелые, но были потерями не своего, чужого. Более удручающе воспринимались утраты своего, кровного. И помимо того что враг захватил исконно русские земли, он оголил довольно протяженный участок границы, чем поставил московскую сторону на грань катастрофы.

Положение не поправилось после еще одной незначительной победы русских на смоленском направлении наступления противника. Мы видели, как в октябре 1580 года неудача подстерегла здесь Баториева воеводу Филона Кмиту, потерпевшего тогда поражение от Бутурлина. Весной следующего года русский успех имел здесь продолжение. В марте во главе небольшого корпуса Бутурлин выступил из района Смоленска и, пройдя рейдом, повоевал окрестности литовских городов Дубровны, Орши, Могилева, Радомля. Встретившись под Шкловом с брошенными против него литовскими отрядами, Бутурлин разбил их наголову, но в битве погиб сам. Частный успех не привел к изменению обстановки.

К весне 1581 года напряжение, связанное с обострением военных событий, несколько стихло, очередной раз уступив место вспышке ди-

пломатической активности. Московские послы Сицкий и Пивов от самых Великих Лук в продолжении всей кампании ездили повсюду за польским королем и, выполняя наказ царя, терпеливо и безропотно сносили все насмешки, лишения и обиды, вплоть до побоев. Оказавшись в начале весны в Варшаве, они предложили польской стороне заключить перемирие на любой устраивающий короля срок и на условиях сохранения каждым из противников того, чем он на настоящий момент владеет. Ведавшие переговорами паны отказались даже доносить королю о такой инициативе русских. Победы вскружили противной стороне голову, положение на фронте сделало ее предельно несговорчивой. В отношениях с московскими дипломатами королевские люди надменностью превзошли самих себя, на любое предложение, а тем более просьбу русских они смеялись им в лицо. Терпеть унижение и бесчестие стало для русских послов при польском дворе делом обычным.

Тогда Грозный прислал к Баторию гонца с просьбой опасной грамоты для новых послов. Старое посольство, как мы видели, оказалось по многим вопросам неполномочным. С присланным гонцом царь уверял короля, что новое посольство сумеет договориться по всему, что касается Ливонии, но, судя по некоторым соображениям, Грозный пытался только протянуть время, получить ту самую передышку, о которой хлопотали Сицкий и Пивов, предлагая перемирие. В своем письме Баторию русский царь сообщал, что «этим послам мы велели договориться подробно насчет Лифляндской земли, как делу пригоже стать; тогда по договору и людей из Лифляндской земли велим вывезти, а до тех пор ты бы, *брат наш* (курсив мой — А. Ш.), людей не собирал и убытка казне своей не делал». Сам гонец получил при этом от царя строгий наказ: «Если король о царском здоровье не спросит и против царского поклона не встанет, то об этом ничего не говорить».

Опасная грамота была выдана, и новые послы Писемский и Пушкин в конце апреля 1581 года были уже при королевском дворе. Особый интерес представляет данная им царем пространная инструкция:

«Послы не должны отдавать верительной грамоты никому, кроме короля; должны требовать, чтобы их непременно представили Баторию, а если станут их укорять или бесчестить, или бранить, или бить, то на укоризну, бесчестье и брань отвечать, смотря по делу, что будет пригоже и как их Бог вразумит, слегка, а не браниться, против побоев терпеть и стоять накрепко, чтоб их отпустили к королю, а, пока у короля не будут, до тех пор грамоты верительной никому не давать и посольства ни перед кем не править. Если король не встанет и велит о государевом здоровье спрашивать панам, то и за этим не останавливаться, о государевом здоровье говорить, грамоту верительную подавать, посольство править; если будут их на посольстве бранить или бить — говорить одно, чтоб дали посольство исправить, и ни за чем не останавливаться, самим не задирать и невежливых слов королю не говорить. Если паны станут говорить, чтоб государя царем не писать, и за этим дело остановится, то послам

отвечать: государю нашему царское имя Бог дал, и кто у него отнимет его? Государи наши не со вчерашнего дня государи, извечные государи; а если государь ваш не велел нашего государя царем писать, то государь наш для покоя христианского не велел себя царем писать; все равно как его ни напиши, во всех землях ведают, какой он государь. Если же станут спрашивать, кто же это со вчерашнего дня государь, отвечать: мы говорим про то, что нам государь не со вчерашнего дня государь, а кто со вчерашнего дня государь, тот сам себя знает. Если не захотят писать государя братом королю, то отвечать: государи наши извечные государи; государю нашему брата турецкий цезарь и другие великие государи, и то нашему государю не важно, чтоб с вашим государем писаться братом, и если государь ваш этого не захочет, то мы просто напишем без братства, что взяли перемирие государь с государем. А если станут говорить, чтоб в перемирной грамоте написать так от имени короля: учинили мы тебя (царя) в братстве, и в дружбе, и в любви, — то и за этим дело не останавливать; если король не согласится писать царя смоленским, то соглашаться и на это».

Даже если не быть знакомым с прежними посланиями Грозного, то и тогда не может не броситься в глаза степень унижения русского царя, его согласие на все требования вплоть до смирения перед издевательствами над его полномочными людьми. Теперь он не только называет Стефана Батория братом, но и согласен, если польский король не будет называть братом его, Ивана Васильевича. Он даже не против того, если король Речи Посполитой добавит к своей короне титул царя смоленского. Какой контраст с тем, что можно было наблюдать всего каких-нибудь два года тому назад! И как выразился по этому поводу Н. М. Карамзин, «Иван пил чашу стыда, им, не Россиею заслуженного!»

Единственно в чем Грозный не может себе отказать, так это кольнуть противника его далеко не царственным происхождением, тем, что тот только *со вчерашнего дня государь*. Но это отнюдь не критерий смелости русского царя и не следствие уверенности в своих силах. Всему этому после тяжелейших военных поражений взяться неоткуда. Уколы Грозного суть показатели гнилости его натуры. Он и погибая не может лишиться себя удовольствия уязвить соперника, который как государственный деятель по всем параметрам оказался выше его.

Пушкин и Писемский явились к королю с предложением почти всей Ливонии за исключением самой восточной ее части с городами Дерпт, Нарва, Нейшлот, Нейгауз. Но, как известно, уступчивость одной стороны неизменно приводит к новым требованиям другой. Король настаивал на всей Ливонии до последней пяди, а к ранее требуемым городам Псков, Новгород, Смоленск, добавил Себеж. Кроме того, Баторий требовал от Грозного уплаты суммы в 400 тысяч венгерских золотых за военные издержки. Тут выяснилось, что новые послы полномочны тоже далеко не по всем вопросам, как заверял Грозный, и они отказались брать на себя такие решения. Пришлось снова посылать к царю за разъяснениями, но

на этот раз в Москву за новым наказом послам поскакал гонец Батория. Король ясно видел, что русская сторона тянет время, а потому и отправил своего человека.

Когда посланник Батория явился к царскому двору, Иван Грозный, то ли от того, что уже стал терять терпение от непомерных притязаний соперника, то ли от того, что успел пережить свои последние поражения, успокоиться и как-то прийти после них в самого себя, но только вдруг он изменил заискивающему тону, свойственному его отношениям с королем в самое последнее время, и стал прежним царем Иваном. На приеме гонца царь не встал при упоминании королевского имени, потому как Баторий этого не делал на приемах русских дипломатов. Грозный не спросил о здоровье короля, гонцу не предложили даже сесть. Миссия действительно завершилась быстро, на что и рассчитывал король, послу вручили грамоту и отпустили в обратный путь.

Впрочем, король Речи Посполитой не стал дожидаться царского ответа у себя в столице, летом 1581 года он выступил в свой новый поход. Гонец застал короля в Полоцке, где тот остановился на пути к русским границам. Увидев привезенное гонцом послание Грозного, король изумился. Он уже привык к подробной и пространной манере изложения русским царем своих мыслей. А потому как в каждом письме царь описывал свою родословную, которую он вел от цезаря Августа, то естественно, что его корреспонденции отличались солидной объемностью. Но на этот раз Грозный, похоже, превзошел даже самого себя. Взяв в руки грамоту, обернутую в полотно и опечатанную двумя царскими печатями, король рассмеялся и сказал: «Прежде он никогда не посылал такой большой грамоты; должно быть на этот раз начинает от Адама».

Но размеры грамоты ничто в сравнении с ее содержанием. Ведь что стоило уже только одно ее начало: *«Мы, смиренный Иоанн, царь и великий князь Всея Руси по Божьему изволению, а не по многоятежному человеческому хотению»*. Но, к разочарованью короля, Грозный на этот раз особо не увлекался своим родословным древом. Зато все свое красноречие он сосредоточил на неправдах Батория. Сразу после изложения условий мира царь приступает к обвинениям короля во всевозможных грехах, обильно сдабривая их упреками за высокомерие и за пролитие христианской крови:

«Мы такого превозношенья, — пишет царь, — не слышали нигде и дивимся, что ты мириться хочешь, а паны твои такое безмерье говорят. Они говорили нашим послам, что те приехали торговать Лифляндскою землею: наши послы торгуют Лифляндскою землею, и это нехорошо, что паны твои нами и нашими государствами играют и в гордости своей хотят того, чему нельзя стать: это не торговля, разговор! Когда на вашем государстве были прежние государи христианские, благочестивые, которые о кровопролитии христианском жалели, тогда паны-рада с нашими послами разговорные речи говаривали и многие приговоры дельвали, чтоб на обе стороны любо было. Съезжаются, бывало, много

раз, и побранятся, и опять помирятся, делают долго, не в один час. А теперь видим и слышим, что в твоей земле христианство умалется, потому твои паны-рада, не жалея христианской крови, делают скоро.... Никогда этого не бывало; и если ты прежних государей польских пишешь предками своими, то зачем по их уложению не ходишь? Ты пришел со многими землями и с нашими изменниками, Курбским, Заболоцким, Тетериным и другими; наши воеводы и люди против тебя худо бились, город Полоцк изменю тебе отдали; а ты, идучи к Полоцку, грамоту писал ко всем нашим людям, чтоб они нам изменяли, а тебе с городами поддавались, нас за наших изменников карать хвалился; надеешься не на воинство — на измену! Мы, не желая чрез крестное целование начинать с тобою войну, сами против тебя не пошли и людей больших не послали, а послали в Сокол немногих людей проведать про тебя. Но твой воевода виленский, пришедши под Сокол со многими людьми, город сжег новым умышлением, людей побил и над мертвыми поругался беззаконно, что и у неверных не слыхано. Называешься государем христианским, а дела при тебе делаются не по христианскому обычаю. Христианское ли то дело, что твои паны крови христианской не жалеют, а издержек жалеют: если тебе убыток, так ты бы Заволочья не брал; кто тебе об этом челом бил? Что за мир: казну у нас взявши, обогатившись, нас изубытчивши, на нашу же казну людей нанявши, землю нашу Лифляндскую взявши, наполнивши ее своими людьми, да немного погодя, собравшись еще сильнее прежнего, нас же воевать и остальное отнять! Ясно, что хочешь беспрестанно воевать, а не мира ищешь. Мы бы тебе и всю Лифляндию уступили, да ведь тебя этим не утетишь; и после ты все равно будешь кровь проливать. Вот и теперь у прежних послов просил одного, а у нынешних просишь другого, Себежа; дай тебе это, ты станешь просить еще и ни в чем меры себе не поставишь. Мы ищем того, как бы кровь христианскую унять, а ты ищешь того, как бы воевать; так зачем же нам с тобой мириться? И без миру то же самое будет».

Что же касается собственно главного предмета спора, то есть территориального, то царь уступал королю все занятые им русские города, но себе кроме упоминаемых ранее четырех ливонских крепостей требовал еще 36 замков, в том числе оставлял за собой наиболее памятный ему Вейсенштейн. На таких условиях Грозный предлагал заключить перемирие на шесть-семь лет.

Наши отечественные историки почти единодушны в том мнении, что царь Иван Грозный был великолепным, непревзойденным полемистом. Последнее его письмо к Баторию дает основания сомневаться в этом. В нем он слишком много оставляет простора своему оппоненту. Красной нитью через все его послание проходит укор короля в пролитии христианской крови. Исчисляя грехи своего противника, царь то и дело возвращается именно к этому обвинению, подсказывая тем самым противной стороне, где ей искать контраргументы, так что у той ответная реакция невольно приходит к тому же предмету. Царь, потопивший в крови свою

страну, навязавший ей политику жесточайшего и бессмысленного террора, словно забыл о том, как он пытался скрыть от соседей на западе само явление опричнины, как строго он наказывал в прежние годы каждому своему посольству всячески выкручиваться при вопросах о массовых московских казнях. Он всегда боялся, что творимые им в стране кровавые безобразия станут достоянием иностранных умов. Но не мог же он в самом деле не понимать, что все им содеянное становится-таки известно западному соседу, а потому для того, чтобы не вызвать упреков за это в свой адрес ему следовало бы не вспоминать про подобные грехи своего соперника. Тем более что там речь могла вестись только про пролитие крови на войне, крови, хоть и христианской, но принадлежавшей вооруженному противнику. Тогда как самому ему ничего не стоило учинить массовую резню своих, ни в чем не повинных людей. А потому ответить на все выпады русского царя противной стороне было не сложно.

Баторий поручил сочинить ответ канцлера Замойскому, не уступавшему Грозному в красноречии и в искусстве полемики. Тот от имени короля не оставил без опровержения ни одного царского обвинения. И действительно, поскольку акцент московского послания был проставлен на пролитии королем христианской крови, то и самому московскому властелину его краковский корреспондент ставил в вину то же самое. Так, например, на укор царем Батория в том, что при овладении Соколом королевские воины устроили надругательства над телами убитых, что действительно имело место и что польская сторона никогда не отрицала, король отвечал: «Упрекаешь меня терзанием мертвых, а ты мучишь живых. Что хуже?» Не оставил король своим вниманием и генеалогические притязания русского царя, претендующего происходить от цезаря Августа. Тут король напомнил московскому властелину, что совсем недавно его предки пресмыкались и раболепствовали перед ордынскими ханами. Но для Грозного гораздо более болезненным должно было стать напоминание ему не о столь далеком прошлом его фамилии, а о совсем близком: «Хвалишься своим наследственным государством, — писал Баторий, — не завидую тебе, ибо думаю, что лучше достоинством приобрести корону, нежели родиться на троне от Глинской, дочери Сигизмундова предателя». Тут краковский оппонент Грозного нашел для укола русского царя самое его чувствительное место и выбрал для него самый язвительный аргумент. Ведь мать Грозного была дочерью крупного литовского магната, изменившего своему королю и бежавшего потом в Московское государство от неминуемого возмездия. Надо полагать, царь, которому всю жизнь чудились вокруг одни предатели, который считал измену самым тяжким и страшным преступлением, не любил, чтобы ему напоминали, что сам он во втором колене прямой потомок изменника.

От обвинений Грозного король не оставляет камня на камне: «Осуждаешь мое вероломство мнимое, — пишет далее своему московскому адресату Баторий, — ты, сочинитель подложных договоров, изменяемых в смысле обманом и тайным прибавлением слов, угодных единственно

твоему безумному властолюбию! Называешь изменниками воевод своих, честных пленников, коих мы должны были отпустить к тебе, ибо они верны отечеству! Берем земли доблестью воинскою и не имеем нужды в услуге твоих мнимых предателей. Где же ты, Бог земли русской, как велишь именовать себя рабам несчастным? Еще не видали мы лица твоего, ни сей крестоносной хоругви, коею хвалишься, ужасая крестами своими не врагов, а только бедных россиян. Жалеешь ли крови христианской?... Для чего ты к нам не приехал со своими войсками, для чего своих подданных не оборонял? И бедная курица перед ястребом и орлом птенцов своих крыльями покрывает, а ты, орел двуглавый, ибо такова твоя печать, прячешься!»

Свое послание польский король заканчивает совершенно неожиданным и необычным для московской внешнеполитической практики приемом: он вдруг вызывает русского царя на поединок: «Назначь время и место; явись на коне, и един сразись со мною единым, да правого увенчает Бог победою!»

Относительно же выдвинутых царем в последний раз территориальных условий надо сказать, что польская сторона отвергла их все. Король не нашел оснований, по которым хоть что-нибудь из ливонского наследия нужно было оставлять Москве. Баторий не стал даже встречаться с русскими послами и отправил их назад, не удостоив аудиенции. Последнюю грамоту, выдержки из которой тут цитировались, польский король отправил в Москву со своим человеком. Выслушав ее, царь едва слышно произнес: «Мы будем отвечать *брату* нашему, королю Стефану» и, обращаясь к привезшему грамоту гонцу, в присутствии которого грамота читалась, добавил: «Кланяйся от нас своему государю!»

А государь этот, в то время, как русский царь велел ему кланяться, уже снова шел к русской границе. Был разгар лета 1581 года. Впрочем, границы, как таковой, уже два года не было. Русские крепости, не только пограничные, но и те, что отстояли от границы достаточно вглубь русской земли, были в руках Батория. Не найдя выхода из катастрофического положения в переговорах с врагом и не имея ни мужества, ни сил открыто сразиться с ним, Грозный, хватаясь, подобно утопающему, за соломинку, бросился искать спасения в иностранном посредничестве. Кроме очередного, ставшего уже традиционным, обращения к Германскому императору, Грозный попытался найти содействие у главы католической церкви. С этой целью еще до своего последнего выяснения отношений с Баторием царь отправил с гонцом грамоты в Вену и в Рим.

Из германских земель ответ был настолько же традиционен, насколько традиционно было и само обращение. Вялый, нерешительный, бездеятельный и даже легкомысленный Рудольф отвечал царю невнятно, ссылаясь на какие-то иные заботы, на отсутствие в его окружении в настоящий момент нужных людей и тому подобное. Впрочем, объяснить такое поведение императора можно какими угодно свойствами его натуры, только не легкомыслием. Безусловно, хозяин венского двора

обладал таким свойством, даже в избытке, но не в отказе содействовать московскому царю оно проявилось. Верхом легкомыслия как раз было бы согласиться на предложения кремлевского властелина поучаствовать в его сомнительных военных авантюрах.

Иной была реакция папы Григория XIII.

Нет, блюститель престола Св. Петра не загорелся желанием мобилизации военной помощи Москве, не бросился поднимать своих духовных подданных к походу против Батория. Это и понятно. Католическая Речь Посполитая была ближе Римскому Первосвященнику, нежели православная Русь. Вместо этого папа решил примирить Батория с Грозным, и в этом был его тонкий политический расчет. Дело в том, что тогдашний обладатель престола Св. Петра не страдал политической и религиозной близорукостью. Он хоть и устроил в Риме иллюминацию в честь резни гугенотов во Франции в Варфоломеевскую ночь, но все же признавал пользу от контакта с государями, исповедующими иные направления христианства. Так, например, он видел выгоду от союза с Россией против Турции. Тогда католическая Европа с трудом противостояла против турецкой экспансии, а то и вовсе не могла ей противиться. Османскую империю поддерживали другие мусульманские страны и народы. Григорий XIII из далекого Рима сумел разглядеть в Московском государстве потенциального противника Турции, а следовательно, союзника себе, и в этом смысле ссора Москвы с одним из подвластных в духовном отношении Риму европейских монархов была папе не на руку.

В свою очередь, своим обращением к блюстителю апостольского престола русский царь сам давал немало оснований надеяться на него как на союзника в борьбе против мусульманского Востока. Так в последнем послании к Григорию XIII Грозный писал:

«Мы хотим быть в союзе и согласии с тобою и императором Рудольфом и сражаться вместе против всех мусульманских правителей, с тем, чтобы отныне и далее не проливалось никакой христианской крови, и христианские народы жили в мире, освобожденные от рук мусульман. Мы желаем, чтобы ты, папа Григорий, священник и наставник Римской церкви приказал Стефану Баторию прекратить пролитие христианской крови».

Кроме того, Рим не оставлял мысли объединения христианских церквей под своим патронатом, и в этом направлении были уже видны позитивные для него сдвиги. Церковная уния ступила на русские земли Литвы и за весьма короткое время достаточно там преуспела. Правда, на этом успехи унии и остановились и дальше не пойдут. Но на то время у папы были еще основания надеяться на лучшие перспективы, а для этого нельзя было раздражать главного представителя восточного направления христианства излишним унижением, отвоевывая у него земли.

Не последнюю роль в решении папы стать посредником между Грозным и Баторием сыграл посол императора Рудольфа в Ватикане, некто Кобенцель, ранее бывавший в России, доброхотствующий ей и сумевший настроить римского первосвященника в ее пользу. «Несправедливо

считают их (русских — А. Ш.) врагами нашей Веры, — доносил посол в Вену так, что его донесение становилось достоянием папы, — так могло быть прежде: ныне же россияне любят беседовать о Риме; желают его видеть; знают, что в нем страдали и лежат великие мученики христианства, ими еще более, нежели нами уважаемые; знают, лучше многих немцев и французов, святость Лоретты; не усомнились даже вести меня к образу Николая Чудотворца, главной святыне сего народа, слыша, что я древнего закона, а не Лютерова, для них ненавистного».

В конце концов, папа Григорий XIII решился на посредничество и для примирения воюющих сторон направил своим полномочным послом к Баторию и дальше в Москву известного богослова, члена монашеского ордена иезуитов Антония Поссевина. Тот застал короля в Вильно перед выступлением в поход. После первой встречи иезуита с Баторием могло показаться, что миссия папы не будет иметь успеха. Воинственно настроенный король был не расположен к миру. На предложение своего духовного владыки он отвечал его доверенному лицу так: «Государь московский хочет обмануть Св. Отца; видя грозу над собою, рад все обещать: и соединение Вер и войну с турками; но меня он не обманет. Иди и действуй: не противлюсь; знаю только, что для выгодного и честного мира надобно воевать: мы будем иметь его; даю слово... Если государь московский не хочет уступить мне малых городков ливонских, то я пойду к какому-нибудь большому его городу, ко Пскову или к Новгороду, и только возьму один какой-нибудь большой город, то все немецкие города будут мои».

Но, не разделяя устремлений Рима, Баторий не противодействовал папской миссии. Он пропустил Поссевина через свои владения и проводил того до московской дороги, пожелав успеха в Москве. Но, естественно, ждать результатов не стал. Король давно был убежден в том, что лучшим средством добиться от противной стороны уступчивости является оружие. В самом начале августа 1581 года королевская армия, выступив из Вильно, следуя через Полоцк и Сокол, вторглась на территорию, которая совсем, казалось бы, еще недавно была русской. Началась кампания 1581 года.

Дорога во все стороны Московской державы лежала открытой. Россия тогда словно оцепенела от поражений и горечи потерь. Она казалась бессильной, беззащитной и чуть ли не парализованной. Конечно, такое впечатление было во многом обманчивым, потенциал России был далеко не вычерпан и таящиеся в ее недрах силы еще о себе скажут. Но на тот момент она производила удручающее зрелище. Располагая неисчислимыми воинскими силами, мощными крепостями с гарнизонами и с арсеналами, наполненными оружием и боеприпасами, Россия в то же время была готова впасть в полную апатию. На воевод, хоть и уступающих западному противнику в искусстве войны, но в большинстве своем не страдающих недостатком мужества и решимости, вдруг нашло какое-то безразличие к происходящему. Объяснение этому может быть только одно. Потеряв веру в победу, а с ней и остатки воли, царь полностью утратил способность

к действиям. Два десятилетия Грозный приучал свое окружение к безропотному и раболепному повиновению, выхолостив у него все зачатки самостоятельности и инициативы. Если что-то и проявляли русские военачальники такое, что могло бы называться инициативой, то оно тут же либо подавлялось сверху, либо царь демонстративно поступал напротив. Правом на инициативу обладал только Иван Васильевич, причем последней у него было с избытком. И вдруг у царя словно опустились руки. Крупные поражения привели его в подавленное и смятенное состояние. Естественно, что воеводы оказались в недоуменном и неясном для себя самих положении. Все, что смог тогда царь, это отдаться на волю Божию и посоветовать сделать то же самое своему воинству. «Промышляйте делом государевым и земским, — написал он тогда в своем очередном обращении ко всем воинским чинам, — как Всевышний вразумит вас и как лучше для безопасности России. Все упование мое возлагаю на Бога и на ваше усердие». И нельзя не признать правоты Карамзина, когда он, характеризуя тогдашнее душевное состояние московского общества, записал: «Зрелище удивительное, навеки достопамятное для самого отдаленнейшего потомства, для всех народов и властителей земли; разительное доказательство, сколь тиранство унижает душу, ослепляет ум привидениями страха, мертвит силы и в государе и в государстве! Не изменились россияне, но царь изменил им!»

Отчаявшись добиться военной победы или хотя бы просто стабильного положения на фронте, Грозный бросился искать спасения дипломатическими методами и в этом тоже потерпел фиаско, так что международная изоляция России продолжалась. Правда, в Москву уже спешил полномочный папский посол со спасительной миссией, но кремлевский хозяин пока об этом еще ничего не знал, и его государство не могло ему тогда не казаться стоящим на грани катастрофы.

Глава 12

Псковская эпопея

В первых числах августа 1581 года армия Стефана Батория, возглавляемая самим королем, вступила в пределы России. Некоторые историки полагают, что численность королевского войска тогда достигала ста тысяч человек. Число маловероятное, кроме того, сомневаться в его истинности заставляют данные о тогдашних экономических возможностях польско-литовского государства. Есть еще и другие аргументы, располагающие к недоверию. Так, например, многие источники, как отечественные, так и зарубежные, утверждают, что в основной, да по сути дела и в единственной операции той знаменитой кампании, в псковской осаде, с польско-литовской стороны приняло участие не более пятидесяти тысяч ратников. А поскольку других сколько-нибудь серьезных военных акций королевская сторона тогда не предпринимала, то возникает вопрос: а где же в то время была и чем занималась другая половина армии? Почему король не привлек ее к участию в боях за Псков? Ведь в осадном лагере ощущался явный недостаток войск. Так что думается, численность армии Батория была далека от ста тысяч. Но все-таки, поскольку король в результате этой кампании намеревался покончить с Россией и поставить точку в войне, силы для очередного похода были собраны, по-видимому, немалые, и Речь Посполитая никогда ранее не видела под своими знаменами такого контингента войск.

Надо сказать, что одну победу в этом году король уже одержал, и не где-нибудь, а у себя в столице, на февральском сейме, где он приложил немало стараний, чтобы доказать целесообразность продолжения войны с Московской державой и выколотить под это мероприятие средства. Именно благодаря этой победе Баторий и располагал сейчас огромной армией. Основная заслуга короля та, что он добился согласия сейма произвести сбор налога с земельных имуществ за два года вперед и всю выручку пустить на военные нужды. Спротивление со стороны шляхты было жестким, паны тяготились затянувшейся войной, открыто выражали королю недовольство тем, что в предыдущих кампаниях он не сумел довести дело до окончательной победы. Баторий убеждал оппонентов в том, что нельзя складывать оружие до тех пор, пока Речь Посполитая не будет обладать всей Ливонией. Он доказывал сейму, казалось бы, очевидное, а именно, что прошлые победы не пропадут даром, что каждый такой шаг приближает миг полного торжества, но ни в коем случае нельзя останавливаться, давая противнику передышку, позволяя ему восстановить силы. Король сетовал высокому собранию на то, сколь губительны

для дела эти ежегодные сборища, всякий раз прерывающие военные действия в момент наивысших успехов, когда наступает самое удобное время для их развития. Вместо этого приходится чуть ли не распускать армию и заниматься поиском денег для ее содержания. Он требовал, чтобы ему дали возможность вести войну непрерывно, а не бросать войско для того, чтобы спешить в столицу для выслушивания шумных прений сейма. В его довольно эмоциональных выступлениях, например, звучало: «Радуйтесь победе, но сего не довольно: умеете пользоваться ею. Судьба предаст вам, кажется, все государство Московское: смелость и надежда руководствуют к великому. Хотите ли быть умеренными? Возьмите по крайней мере Ливонию, которая есть главная цель войны, и присоединенная навеки к империи ляхов, останется для потомства знаменитым памятником вашего мужества. Дотоле нет для нас мира!».

В конце концов, король настоял на всех своих инициативах, обещая следующей кампанией закончить войну. Сейм в последний раз пошел навстречу монарху, но не удержался от того, чтобы не напомнить ему, что государство изнемогает от поборов и больше терпеть этого не в состоянии. Через своего канцлера Баторий заверил сейм в том, что Московское государство изнемогает не меньше, и что он, наконец, очередной кампанией вынудит русского царя уступить Речи Посполитой всю Ливонию.

Кроме своих внутренних ресурсов, королю снова пришлось воспользоваться внешними. Помимо курфюрста Бранденбургского, к услугам которого Баторий, как мы помним, прибегал и ранее, он на этот раз рискнул сделать займы у правителей Саксонии и Пруссии. На полученные деньги король мобилизовал добровольные дружины из мелкой шляхты, а также конное ополчение крупных польских и литовских магнатов. Вновь были наняты отряды ландскнехтов в Германии, пополнилось королевское войско и венгерской пехотой. В результате армия для предстоящей кампании, наконец, была собрана, но подготовка заняла слишком много времени, так что противник смог вступить в московские пределы только чуть ли ни под занавес лета. Тем не менее Баторий был уверен, что к приходу зимы ему удастся решить все проблемы войны.

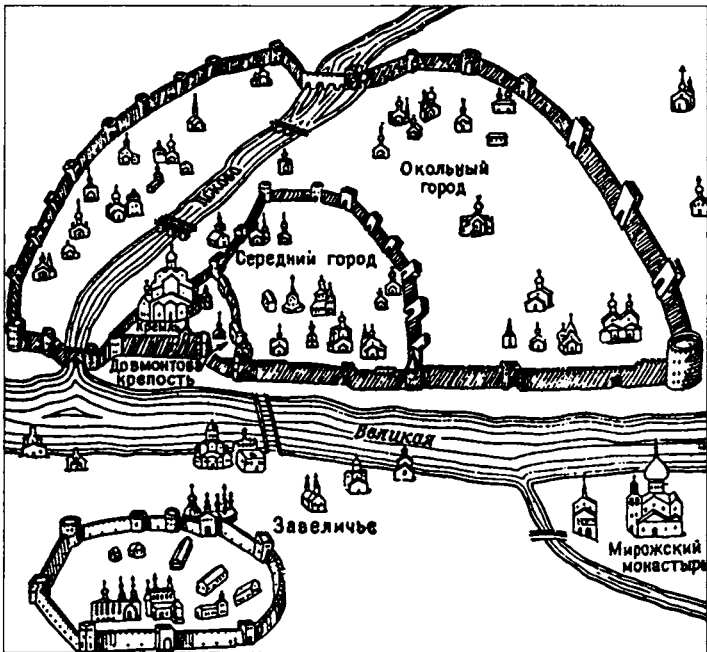
Перед выступлением король собрал военный совет, поставив на повестку дня только один вопрос: куда идти? Вариантов было два: Новгород или Псков. Овладение тем или иным городом наверняка ставило бы точку в войне. Потеряв любой из них, русский царь за его возвращение уж точно принял бы все условия мира и не стал бы цепляться ни за какие крохи в Ливонии. Больше того, потеря одного из этих городов привела бы русскую сторону в такое уныние, вызвала бы у нее такой упадок моральных и нравственных сил, что вполне вероятно могло привести к потере и другого. Конечно, более привлекательным оставался Новгород, дорога на который лежала совершенно открытой. Ведь король выступал из Вильно и шел к московским границам через Полоцк и Сокол, следовательно, прямой путь на Новгород пролегал через Великие Луки, Холм, Старую Русу — русские города-крепости, которыми Баторий овладел еще

в прошлой кампании, стало быть, препятствий на пути его войск к Новгороду не было. В то время как на пути к Пскову продолжали держаться несколько русских укрепленных мест, а на самых подступах к нему стояла мощная каменная крепость Остров, прикрывавшая Псков с юга, то есть именно с той стороны, откуда следовало наступать королевской армии. Кроме того, сам Новгород был менее укреплен, нежели Псков, и не располагал столь сильным гарнизоном, о чем наверняка было известно в ставке Батория. Дело в том, что Псков — пограничный город, причем истари граничащий с агрессивным соседом. Потому он на протяжении веков постоянно, вплоть до последнего времени, укреплялся, и, в конце концов, его не имевшая изъянов система обороны была доведена до совершенства. А в самом городе и в ближайших окрестностях базировались войска для проведения кампаний на территории Ливонии. Новгород же располагался в достаточном отдалении от границ. Исторически сложилось так, что в случае войны с любым из западных соседей Новгород оказывался бы в относительно глубоком тылу возможного театра военных действий. Особенно такому положению способствовали создание и укрепление централизованного Московского государства, в результате чего была ликвидирована прямая угроза бывшему Вольному городу и отодвинута непосредственная опасность для него со стороны внешних врагов. В этих условиях новгородцам не было особой нужды излишне укреплять свой город. И хотя в связи с событиями Ливонской войны Новгород и находился на военном положении, но был как бы вторым эшелонem театра военных действий, и дислоцированные в нем силы значительно уступали тому, чем тогда располагал Псков.

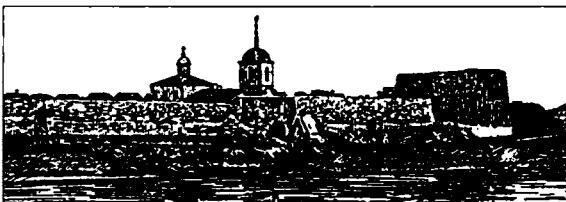
Однако большинство голосов на военном совете было отдано за наступление именно на Псков. Такую точку зрения разделял и король. Недаром он подобрал военачальников себе под стать. Искусный стратег, умеющий верно оценить обстановку, Баторий, как и большинство его генералитета, не прельстился, казалось бы, легкой добычей. Дело в том, что в случае похода короля на Новгород псковская группировка русских войск нависала бы над левым флангом королевской армии. И тогда, следуя пусть даже и действительно по свободной и открытой дороге, Баторию надлежало постоянно опасаться со стороны Пскова флангового удара. А в боях за овладение Новгородом следовало ожидать такого же удара с тыла. И даже в случае захвата Новгорода сложность ситуации оставалась бы в том, что Псков оказывался у короля в тылу. Он отрезал бы Батория от Ливонии, за овладение которой собственно и шла война. А то, что преступная пассивность русских воевод, не пришедших в прошлых кампаниях на помощь ни осажденному Полоцку, ни осажденным Великим Лукам, не лишила Батория воинской осторожности, не породила у него пренебрежительного отношения к противнику, и он остался верен правилам военной тактики, говорит только в его пользу. Забегая вперед, можно сказать, что в новой кампании все повторится снова, и стоявшие в Новгороде воеводы не шевельнутся, чтобы прийти

на помощь истекающему кровью Пскову. Отсюда можно полагать, что и псковичи не пришли бы на выручку новгородцам, если бы король осадил Новгород. Безразличие к происходящему и паралич воли у большинства московских военачальников всех рангов стали к тому времени обычными явлениями в русской армии. Но король Речи Посполитой, незаурядный полководец Стефан Баторий, при принятии решений исходил из общепринятых соображений военной тактики, не делая поправки на степень деградации командного состава армии противника.

А согласно азам военной тактики, оставлять такую мощную крепость, как Псков у себя в тылу было бы верхом безрассудства. А потому командование польско-литовской армией для наступления в очередной кампании выбрало псковское направление.

План Пскова XVI века (со старинного рисунка)

Крепостная стена Пскова со стороны реки Великой

До Опочки, русской крепости, что на полпути между Соколом и Псковом, король дошел беспрепятственно. Здесь русские оказали врагу первое сопротивление, правда, не надолго. В результате скоротечного боя город пал. То же повторилось и с Красным. Более серьезным обещало быть дело под Островом. Но тут Баторий выставил всю артиллерию и громил крепость из пушек в течение трех суток непрерывно, так что рушились каменные стены. В результате гарнизон вместе с воеводой, покинув развалины, вышел из крепости и сдался на милость победителю. 26 августа передовые порядки польско-литовской армии подошли к Пскову.

На протяжении веков Псков был главным форпостом России на ее западных границах, но никогда еще в своей истории он не играл столь важной роли не только в судьбе войны, но и для будущего своего государства, как это случилось сейчас, в конце лета 1581 года. Падение Пскова означало бы для Московского государства настоящую катастрофу, оно не просто отрезало бы Прибалтику от России, но и оголяло бы на ее западных рубежах обширное пространство, создавая тем самым удобный плацдарм для наступления на внутренние районы государства. Напротив, удержание Пскова сводило бы если и не на нет, то, во всяком случае, к минимуму результаты предыдущих успехов противника, делало бессмысленными завоевания русских областей и сохраняло для государства прежние границы. Эту значимость и важность Пскова одинаково понимали с обеих сторон, а потому бои за него носили невиданный по ожесточенности характер и стали мерилom героизма, причем обоюдного, как простых воинов, так и их воевод.

Псков был одной из самых мощных русских крепостей. Главная его цитадель, так называемый Средний город, и примыкающая к ней Довмонтова крепость стояли при слиянии рек Великой и Псковы; за ними к востоку и югу располагался Окольный город, а к северу, в Запсковье — крепость Кром. С запада город вплотную к стенам омывался рекой Великой. Внешняя каменная стена, опоясывающая город, имела восемь верст протяженности, ее высота достигала 8–9 метров, а толщина местами доходила до 5 метров. Крепость имела 48 башен и 37 ворот. Накануне обороны горожане успели обновить старые укрепления и дополнить их новыми. Были полностью снесены пришедшие в ветхость строения, вместо них возвели более прочные. Тогда же псковичи расчистили и углубили опоясывавший город ров. Стены и башни крепости были достаточно снабжены артиллерией и другим оружием, гарнизон располагал солидным запасом пороха и ядер. Численность гарнизона Пскова составляла семь тысяч ратных людей, преимущественно стрельцов и детей боярских.

Следует отметить, что сведения о численности защитников Пскова достаточно разноречивы. Так, например, некоторые источники, причем весьма солидного уровня, приводя данные о живой силе псковского гарнизона, называют число в 30 и даже в 40 тысяч только ратных людей, что абсолютно не реально. При таком скоплении народа внутри замкнутого пространства, ограниченного стеной протяженностью в 8 верст, к стати,

сохранившейся до наших дней, да с учетом того, что кроме ратников в Пскове проживало еще и гражданское население, в городе просто нельзя было бы повернуться, а не то что вести боевые действия. Число в семь тысяч ратных людей на восьмиверстном протяжении линии обороны, с учетом тогдашней тактики защиты укрепленных мест, наиболее реально. В свою очередь, гражданское население Пскова, согласно авторитетным источникам, составляло тогда приблизительно 25 тысяч человек. Если исключить детей и стариков и допустить, что в обороне города принимало участие все взрослое население города, даже женщины, что в те времена было делом обычным, то и тогда число защитников едва достигнет половины от 40 тысяч. Так что сведения о 30–40 тысячах только воинов гарнизона сродни тем, что исчисляют королевскую армию в 100 тысяч. Скорее всего, 30–40 тысяч — это общая численность как гарнизона города, так и полевых войск, дислоцированных в районе Пскова и предназначенных для оказания помощи городу извне, то есть для его деблокады в случае осады. Но, как известно, эти войска, как и 30 тысяч, сосредоточенных в районе Новгорода, и 15 тысяч, расположенных в районе Ржева, в лучших традициях последних кампаний той войны простояли в полной бездеятельности во все время псковской операции.

Первым воеводой в Пскове значился князь Василий Федорович Скопин, вторым воеводой — князь Иван Петрович Шуйский. Но благодаря уму, военным талантам и энергии, последний быстро выдвинулся на первое место, став фактически главой обороны города. Чтя традиции местничества, не желая нарушать веками сложившийся принцип управления московской военной машиной, царь лишь формально оставил за Скопиным главное воеводство как за более родовитым, но при этом перед началом псковской эпопеи не ему, а Ивану Шуйскому во всеуслышанье объявил, что именно на него он возлагает все свои надежды.

Тут, наверное, необходимо в последний раз сделать традиционное отступление, чтобы хотя бы вкратце познакомить читателя с этим новым для нас героем описываемой эпохи.

Князь Иван Петрович Шуйский, безусловно, наиболее яркая в военном отношении личность последнего, самого безрадостного этапа Ливонской войны. Он был сыном погибшего в январе 1564 года в бою с литовцами под Оршей воеводы князя Петра Ивановича Шуйского. Выше мы рассказывали, что в том бою рать П. И. Шуйского потерпела поражение, открывшее длинную череду неудач, надолго ставшей спутницей русского оружия. Наступил самый тяжелый период в войне, когда поражения на фронте дополнялись кровавыми безумствами, творимыми русским самодержцем в тылу, поставившими, в конце концов, Россию на край катастрофы. Один за другим с исторической сцены сошли герои казанской эпопеи и первого, победного этапа завоевания Ливонии. На их место пришли другие, на долю которых выпала задача отстаивания завоеванного их предшественниками, а когда и оно было утрачено, то и защиты своей родной земли и спасения ее престижа.

Наша история всегда складывалась так, что независимо от воли и причуд высшей власти в самые критические моменты судьба выдвигала из недр общества людей, становившихся поистине спасителями Отечества. И в напряженную годину заключительного этапа тяжелейшей Ливонской войны, когда стала реальной угрозой отторжения от России ее западных областей, на историческую арену вышли новые герои, своими подвигами отстоявшими целостность и неделимость России, и первым среди них должен быть назван сын погибшего в 1564 году под Оршей воеводы князь Иван Петрович Шуйский. Его подвиги прозвучали последним аккордом в самой длительной во всей нашей истории войне, насколько это возможно сгладили тяжелое впечатление от предыдущих поражений и позволили России получить хоть и далеко не выгодный, но все же вполне приемлемый в сложившихся условиях мир.

Свою военную биографию князь Иван Петрович начал с участия в знаменитом походе на Полоцк в январе 1563 года. Эта последняя крупная победная кампания войны стала для молодого Шуйского боевым крещением. Череда следовавших затем неудач не застала его на Ливонском фронте. Вскоре после полоцкой победы царь бросил Ивана Шуйского на южное побережье России. Там из-за постоянной крымской опасности царили тревога и напряжение.

Осенью 1565 года князь Иван участвовал в отражении крымцев от Болхова на Оке, а в следующем году царь назначил его воеводой в Серпухов. Нападение крымского Девлет-Гирея в лето 1571 года вписано черной страницей в нашу историю. Тогда растянутым тонкой цепочкой на тысячеверстном рубеже русским войскам не удалось предотвратить вторжение. Хан легко прорвал ослабленную линию русской обороны, беспрепятственно дошел до Москвы и выжег ее посады. Во время этой кампании Иван Шуйский стоял в крепости Данков, что в верховьях Дона, в нескольких сотнях верст от пути ханского вторжения, и ничем не мог помочь защитникам прорванного рубежа. Зато в следующем году при попытке хана повторить прошлогодний успех Иван Шуйский принял самое непосредственное участие в разгроме крымского воинства. К тому времени он командовал Сторожевым полком в прикрывавшем окский рубеж войске главного воеводы Воротынского. Сторожевой полк первым встретил очередное нашествие и в районе Сенькина Брода, близ Серпухова, опрокинув передовые отряды ордынской конницы, обратил их в бегство. После того как хану все-таки удалось форсировать Оку и устремиться к Москве, воеводы остановили его на дальних подступах к столице, у деревни Молоди. Здесь Сторожевой полк и его воевода приняли самое деятельное участие в многодневном сражении, закончившемся полным разгромом нашествия.

В следующем году царь снова переводит Шуйского на Ливонский фронт. Воевода прибыл к новому месту службы вскоре после тяжелого поражения русской армии от шведов близ города Лодде в 1573 году. Здесь он принял активное участие в кампании 1575–1577 гг., когда московское правительство, пользуясь истекающим перемирием с Речью Посполитой,

настойчиво и упорно пыталось овладеть контролируемой шведами северной частью Ливонии. Но, как мы помним, походы русских войск не привели к победе, а наиболее крупным успехом кампании стало овладение в конце 1575 года крепостью Пернов, где среди русских воевод значился и Иван Шуйский. Но большие потери, понесенные тогда при штурме, остановили наступательную активность Москвы.

В 1578 году царь назначил Ивана Шуйского воеводой в Псков.

Отличие кампании 1581 года от двух предыдущих в том, что цель похода королевской армии не стала для русских неожиданностью. Противника ждали у Пскова с начала лета. Направление наступления на этот раз было настолько очевидным, настолько согласующимся с элементарными военными понятиями, что в нем не сомневались даже самые заурядные московские воеводы. Не вызывало сомнений направление удара противника и в столице. Накануне знаменитой эпопеи царь призвал Шуйского и других псковских воевод в Москву. Там он дал им строгий наказ и взял с них торжественную присягу, что они скорее умрут, но не уступят противнику. В Успенском соборе Кремля перед иконой Владимирской Божьей матери Шуйский поклялся, что, пока жив, он не сдаст город Баторию.

Вернувшись в Псков, воеводы обязали такой же клятвой воинов гарнизона и жителей города. Стрельцы, дети боярские, прочие ратники и псковские граждане целовали крест, повторяя: «умрем, но не сдадимся». Затем все вместе во главе с духовенством обошли крестным ходом городские укрепления, неся чудотворные иконы, мощи наиболее почитаемого псковского Святого — князя Всеволода-Гавриила, и моля Всевышнего даровать им победу.

26 августа стоявшая в дозоре на дальних подступах к городу конная застава прискакала в Псков с известием о приближении неприятельских войск. В тот же час в городе ударили в набатный колокол, возвещая тревогу, а воеводы велели зажечь деревянные посады за рекой Великой и все близлежащие деревни с тем, чтобы лишить противника удобных жилищ.

В тот же день, когда с городских стен увидели приближающиеся королевские войска, произошли первые бои псковичей с окружающими город частями неприятельской армии. Чтобы помешать противнику тесно обложить крепость, воеводы организовали несколько вылазок, поддержанных огнем с крепостных стен. Инициатива имела успех. Уже в первый день своего появления под Псковом противник потерял много людей, а главное, вынужден был разбить свой лагерь далеко от города, за естественными укрытиями. Свою ставку король обосновал сначала в непосредственной близости от города, на месте сожженного его защитниками села Любатова, что на московской дороге, и установил, было, шатер близ храма Николая Чудотворца. Но место оказалось слишком опасным, снаряды свистели у короля над головой, рядом падали русские ядра, вокруг рвались бомбы. Не успев устроиться, Баторий велел перенести ставку за речку Череху, где спрятал свой лагерь за прибрежными холмами. Вообще

говоря, такой искусный артиллерийский обстрел королевского лагеря из крепости и, судя по интенсивности огня, обилие у гарнизона снарядов, стали для Батория неожиданностью.

Несколько дней противник устраивал свой лагерь, все это время было относительно тихо, русские его не беспокоили, видя, что прямой угрозы крепости пока нет. Наконец, король велел копать от лагеря к городу траншеи и продвигать свои позиции ближе к крепости. Осажденные тотчас открыли огонь и продолжали его непрерывно, кроме того, начали беспокоить осаждающих частыми вылазками, не давая развернуть осадные работы. Еще больше таким работам препятствовал твердый каменистый грунт, так что в первых числах сентября король был вынужден прекратить работы, установить батареи осадных орудий в местах, куда удалось продвинуться, и приняться за обстрел крепости.

С первых дней осады противник опытным глазом сумел по достоинству оценить мощь псковских укреплений, а большое расстояние, с которого ввиду невозможности продолжать земляные работы приходилось вести обстрел, предопределил и его низкую эффективность. Артиллерийский парк армии Батория насчитывал 240 орудий всех калибров, но осаждающие испытывали большой недостаток пороха, поскольку большое его количество из-за небрежности хранения взорвалось еще в начале похода. А потому командование противника приняло решение не расточать огонь по всему периметру крепости, а сосредоточить его на одном месте русской обороны, разрушить там укрепления, после чего взять город приступом. Все свои усилия противник решил направить против юго-западной оконечности Окольного города, выходящей острым углом к реке Великой, где стояла башня Покровская. Одна сторона этого угла омывалась рекой, другая выходила на открытое пространство и вела к северо-востоку. Самый край этой стороны от угловой Покровской башни до соседней с ней башни, именуемой Свиной, противник и избрал целью своего главного удара.

Обозначив цель, неприятель возобновил попытку продвинуть свои позиции ближе к крепости, поведя их узким коридором в одном, строго намеченном направлении. На этот раз инициатива имела успех. Не прекращавшиеся ни днем, ни ночью работы, когда продвигаться противнику приходилось зигзагами, заняли пять суток, но в результате осаждающие подвели траншеи в непосредственную близость к городскому рву. Здесь король велел установить передовую батарею из 20 орудий самого крупного калибра. Все эти старания не ушли от внимания осажденных. С городских стен было хорошо видно, что предпринимает неприятель, отсюда нетрудно было разгадать его замыслы. Защитники, как могли, мешали неприятельским усилиям, огонь с крепостных валов не затихал во все время осадных работ. Но главная реакция псковичей на королевскую инициативу была той, что они, распознав выбранное противником направление главного удара, в этом месте позади внешней каменной стены насыпали земляной вал и поставили на него еще одну, внутреннюю, бревенчатую стену.

Наконец, командовавший артиллерией осадной армии польский воевода Юрий Угровецкий доложил королю о полном завершении подготовительных работ и готовности осадной артиллерии начать массированную бомбардировку намеченного узла обороны города. Баторий тотчас распорядился начинать обстрел. 6–7 сентября Псков подвергся жесточайшей бомбардировке. Огонь не стихал более суток, и, как и предполагалось, больше других он был сосредоточен против юго-западной оконечности Окольного города, где противник намеревался нанести главный удар. На вторые сутки обстрела оказалась полностью разрушенной Покровская башня, а Свиная — наполовину. Отвалилось и 24 сажени крепостной стены. Пользуясь моментом, король дал сигнал к общему штурму.

Бой 8 сентября стал самым жестоким и упорным в знаменитой псковской эпопее. Под трубные звуки с распущенными знаменами литовская, немецкая и венгерская пехота пошла на приступ. Сзади ее готова была поддержать польская конница. Несмотря на убийственный огонь защитников, противник преодолел расстояние от своего стана до псковских стен, занял развалины разрушенных башен и устремился к образовавшимся в стене проемам. Здесь он с изумлением обнаружил другую линию обороны — деревянную стену на земляном валу, поставленную внутри крепости. С нее атакующих встретил густой ружейный огонь, тучи стрел и камней. Не считаясь с потерями, наступающие упорно пытались преодолеть и этот новый рубеж обороны. Их сбивали пиками, рогатинами, бердышами, саблями, поражали выстрелами. Королевская артиллерия замолчала. Пушкари не могли поддержать натиск огнем, боясь зацепить своих. Тут как никогда на руку защитникам сыграл дефицит в королевской армии пороха. Обычно в таких ситуациях наступающая сторона переносит огонь своей артиллерии на внутренность крепости, стремясь зажечь городские постройки. Тогда защитникам приходится не столько бороться с атакующими, сколько с полыхающими позади них пожарами. Так было, как мы помним, во всех прежних операциях Батория. Но здесь под Псковом, когда в осадной армии на счету был каждый пуд пороха, расходовать его противнику приходилось только непосредственно на разрушение укреплений и против живой силы осажденных. Потому-то едва только стороны сошлись в ближнем бою, артиллерия осаждающих потеряла возможность поддерживать своих, она тотчас же вынуждена была вообще прекратить огонь. А тем временем с городских стен орудия псковичей, напротив, громили задние ряды наступающих.

Был самый напряженный момент сражения, когда штурмующие прочно закрепились на развалинах, толпами лезли на соседние башни, ломая сопротивление их защитников. Тогда Шуйский приказал взорвать пороховой погреб, оставшийся под развалинами Свиной башни, заранее отведя от нее уцелевших защитников. Мощный взрыв потряс место жестокого побоища. На воздух взлетели развалины Свиной башни и части прилегающей к ней стены, густо усеянные наступающими. На руку защитникам сыграло и то, что по чистой случайности взрыв оказался

направленным в противную от них сторону. Обломки башни и стены засыпали толпы штурмующих, некоторые камни долетели даже до королевского лагеря. Осаждающие оцепенели от неожиданности, натиск их захлебнулся. Теперь Шуйский, пользуясь минутой, бросил своих воинов в контратаку. Те устремились в проемы, вмиг очистили их от неприятеля, выбили его отовсюду, где он успел, было, закрепиться, гнали и рубили до самого его лагеря, взяли много пленных и оружия. Дольше, чем в других местах, противник держался на занятых развалинах Покровской башни, но, наконец, бежал и оттуда. Когда закончилась эта страшная битва, была уже ночь. В этот кровавый день противник только убитыми потерял пять тысяч своих людей. Потери защитников составили девятьсот человек погибшими и более полутора тысяч ранеными. Это была большая победа псковичей, крупный успех русского оружия после многих лет неудач. Король был явно раздосадован, но неудача не сломила его, он оставался полон решимости во что бы то ни стало добиться победы над Псковом. Надо отдать должное Баторию, он был бойцом, и поражение при штурме 8 сентября только привело его в азарт.

Осада продолжалась. Оправившись от поражения 8 сентября, противник первым делом снарядил обоз и послал его в Ригу за порохом. Ждать пришлось долго, а главное, пороха снова привезли немного. То ли в Риге его больше не оказалось, то ли тамошние власти, как и большинство на польско-литовской стороне, тяготясь продолжением войны и стремясь любыми средствами способствовать ее прекращению, саботировали поставку пороха в королевский лагерь. Но даже этого доставленного из Риги пороха хватило противнику для того, чтобы он решился прибегнуть к минной войне. Осаждающие сумели в нескольких местах подвести к городской стене подкопы, но псковичи вовремя обнаружили опасность и первыми подорвали устроенные неприятелем минные галереи. Было еще несколько попыток отчаянных штурмов, но все они были отбиты. Особенно запомнился бой 28 октября, когда осаждающие вплотную подошли к Покровским водяным воротам, что с западной стороны города, выходящей к Великой близ Покровской башни, и попытались обрушить стену, и бой 2 ноября, когда на Великой уже стал лед, и король повел атаку со стороны реки. Приступ 2 ноября стал последним покушением неприятеля на русскую крепость, более он не пытался штурмовать город, ограничившись осадой. Но длительное стояние под Псковом обернулось для польско-литовского воинства большими осложнениями. Грянули морозы, началась зима, к которой неприятельская армия оказалась совершенно неготовой. Королевские воины коченели от холода, замерзая в своих шатрах. Еще более серьезным ударом по противнику стал голод. Цены на продукты питания в осадном лагере поднялись на неслыханную высоту, а платить за них было нечем. Казна опустела, так что войску перестали выплачивать жалованье. Фуражиры в поисках пропитания уходили верст за сто и больше, но и подвоз продовольствия издалека стал тоже большой проблемой, поскольку к началу зимы бывшие во вражеской ар-

мии кони от бескормицы пали почти все до единого. Уже с ноября войско неприятеля стало на глазах таять. Первыми покинули осадный лагерь наемники. Под предлогом поисков пропитания по ближайшим окрестностям разбрелись и польско-литовские воины, обратно, как правило, не возвращавшиеся. В довершение всего в декабре месяце оставил свою армию и король, уехав в Польшу добывать средства для дальнейшего ведения войны. Ему предстояло в очередной раз убеждать сейм в необходимости новых жертвований. Во главе осадного лагеря под Псковом Баторий оставил своего лучшего воеводу Замойского.

Но удача отвернулась от польско-литовской стороны полностью, ее не будет уже ни в Вильно, где король, не сдержавший своей клятвы до наступления зимы победой завершить псковскую кампанию, на все свои последующие призывы не получит ни малейшей поддержки со стороны сейма, ни в оставленном под Псковом осадном лагере. Баторий не сумеет склонить сейм к продолжению войны. Королю категорически будет отказано в средствах не только на ее продолжение, но и на выплату жалованья наемникам. Еще меньше успехов будет у оставленного им во главе его воинства воеводы. После отъезда Батория действия его армии носили уже совсем пассивный характер. Замойский пытался склонить псковичей к сдаче, грозя защитникам Пскова страшными бедами, которые их ждут после возвращения короля с новым войском. Но в крепости все, от главного воеводы до простого ратника, понимали, что дело противника под Псковом уже проиграно. Город выстоял. Напротив, в этот последний период осады выросла активность его защитников. Псковичи тревожили осадный лагерь вылазками теперь уже ежедневно. Всего за время знаменитой осады их было сорок шесть. 4 января 1582 года Шуйский вывел за псковские стены почти весь гарнизон и атаковал польско-литовский лагерь. Это была уже не рядовая вылазка, это было настоящее полевое сражение, в котором противники поменялись ролями. В нем русская сторона выступала в качестве атакующей, а противник только оборонялся. Овладеть хорошо укрепленным королевским лагерем не удалось, противник отбил, но не сделал и попытки ответить наступлением. Русский гарнизон вернулся в крепость в полном порядке, никем не преследуемый. После сражения 4 января противник чувствовал себя в своем лагере осажденным не меньше, чем русский гарнизон в Пскове.

Зная, что душой псковской обороны является воевода Иван Шуйский, Замойский послал ему под видом подарка ларец с заложеной в него бомбой, которая должна взорваться при вскрытии. Но князь Иван, как и все Шуйские, отличался большой осторожностью. Почувяв недоброе, он велел вскрыть ларец специалисту — механику-саперу. Тот сумел открыть замок, поднять крышку и обезвредить взрывчатку. Налицо стало гнусное коварство врага.

Через парламентаря Шуйский велел передать польскому воеводе, что его поступок не достоин благородного рыцаря, и вызвал Замойского на открытый поединок. От честного боя польский командующий отказался.

И вновь, как и в предыдущих кампаниях, следует отметить, что помощи извне осажденному Пскову за все время осады не было оказано практически никакой. За всю эпопею отмечено только два случая, когда небольшие отряды московских войск пытались пробиться в город для усиления его гарнизона. Первый такой случай произошел в самом конце сентября. Тогда 600 человек пытались проскочить в Псков на лодках по Великой, но в последний момент были обнаружены противником и перехвачены под самыми стенами города. Завязался бой, в результате которого только ста русским ратникам удалось проникнуть в крепость, остальные вынуждены были отступить, при этом возглавлявший русский отряд стрелецкий голова Никита Хвостов попал в плен. Другой случай может считаться более удачным. Тогда несколькими сотням стрельцов во главе с полковником Мясоедовым посчастливилось с боем пройти сквозь окружающее город кольцо противника и, хоть и потеряв часть своих людей, все же пробиться за крепостные стены.

Впрочем, в такой помощи Псков особенно и нуждался. Если в чем и была нужда гарнизона, то не в людях. Ограниченное замкнутое пространство и не могло вместить в себя живой силы более той, которой уже располагало. Численность гарнизона Пскова оптимально отвечала тому, что требовалось для эффективного удержания линии обороны, лишние люди там просто мешали бы делу. Кроме того, если каким-то отрядам и удалось бы внезапно прорваться к осажденным, то только налегке, как это было в случае с Мясоедовым, и уж никак не удалось бы при этом протащить с собой обоз с продовольствием. А это значило, что вновь прибывшие не столько становились бы лишними воинами, сколько лишними ртами. Известно, что в осажденных крепостях, если осада затягивалась, главным врагом для гарнизона всегда был недостаток продовольствия, которого вдоволь запасти невозможно даже в случае ожидаемой осады. Не стала в этом смысле исключением и псковская эпопея.

Но вот в чем действительно нуждался осажденный город, так это в серьезном ударе по противнику извне, ударе, который псковичи готовы были поддержать ударом из крепости, и это могло иметь следствием не только снятие осады, но и полный разгром королевской армии. Возможность такого исхода кампании теоретически оставалась реальной до самого окончания псковской осады. Но, к сожалению, именно только теоретически. Силы для нанесения удара у московской стороны, казалось, были. На западном театре войны было тогда дислоцировано около восьмидесяти тысяч человек только полевых войск, не считая гарнизонов удерживаемых русскими крепостей. Но беда в том, что сила эта оставалась только материальной, тогда как моральная и нравственная сила на русской стороне полностью отсутствовали. Мы видели, как русские воеводы не приходили на помощь своим осажденным крепостям даже тогда, когда их на это посылал царь. Они стояли в бездействии несмотря на строгие оклики Грозного. Тогда что с них спрашивать теперь, когда полностью утративший волю и нравственно разло-

жившийся царь, махнув на все рукой, лихорадочно искал спасения где угодно, но только не в военной машине своего собственного государства. И, как справедливо заметил по этому поводу историк Д. И. Иловайский, «... в таких печальных для России обстоятельствах, навлеченных на нее близорукой политикой, тиранством и трусостью Ивана Грозного, сей последний как бы забыл о многочисленной остававшейся у него рати и все свои надежды возлагал на переговоры, на иноземное посредничество». А сами воеводы давно разучились мыслить самостоятельно, отвыкли от инициативы, они спокойно взирали на то, как истекает кровью Псков, и смотрели друг на друга в надежде на то, что может быть кто-нибудь из них все-таки решится на что-то определенное, но никто ни на что так и не решился.

Псковская операция была главной, но все же не единственной на литовском участке фронта в той достопамятной кампании, она сопровождалась некоторыми другими, гораздо меньшими по размеру. Здесь, в первую очередь, следует отметить нападение противника на Псково-Печерский монастырь. Эта святая обитель находится в верстах пятидесяти к западу от Пскова, за Великой и за Псковским озером. Она располагалась у самой границы с бывшими орденскими владениями, а потому входила в единую оборонительную систему западных рубежей сначала псковской земли, а позже и Московского государства. Тогда излишне будет напоминать о том, что монастырь славился мощными укреплениями, его каменные стены и башни были в достаточной степени вооружены артиллерией, а арсеналы в изобилии снабжены боеприпасами. Гарнизон обители, помимо братии, составляли несколько сотен стрельцов и детей боярских во главе с воеводой Юрием Нечаевым. С самого начала псковской эпопеи Нечаев наладил происки против двигавшихся из Ливонии и Курляндии к Пскову обозов с грузами для королевской армии, поскольку дорога проходила мимо монастыря. Не давал он покоя и неприятельским фуражирам, добывавшим продовольствие в окрестностях. Наконец Баторию надоела такая дерзость, и он, выделив из своей армии часть войска и снабдив ее артиллерией, распорядился взять монастырь и очистить его от русских воинских сил. Поставленные королем во главе операции наемные военачальники — немец Фаренсбах и венгр Борнемисс — оказались недостойными возложенного на них поручения, полностью провалив дело. Приступив к Святой обители, они потребовали добровольной сдачи, на что монахи отвечали: «Похвально ли для витязей воевать с чернецами? Если хотите битвы и славы, то идите к Пскову, где найдете бойцов достойных. А мы не сдаемся». Разгневанные наемники бросились на монастырские стены, рассчитывая на быстрый и легкий успех, но защитники монастыря отбили все приступы. Понеся большие потери, неудачники ни с чем вернулись в лагерь под Псков.

Другой отряд своей армии, состоявший преимущественно из литовцев, Баторий послал в противоположную сторону, вглубь московских земель. Здесь целью акции было предотвратить возможное, как напрасно

считал король, вторжение русских в пределы Литвы. Во главе отряда король поставил Кристофа Радзивилла и уже знакомого нам Филона Кмиту. Литовцы дошли до Ржева, что в верховьях Волги. Отсюда было рукой подать до Старицы, где тогда находился сам царь Иван. Но, сведав, что Грозный стоит там с большими силами, что на самом деле не соответствовало действительности, литовские воеводы повернули назад. В свою очередь и русский царь, услышав, что неприятель совсем близко подобрался к его ставке, в страхе покинул Старицу и со всем двором, в окружении личной гвардии бежал в Александровскую Слободу. В глубине своих владений, вдали от театра военных действий, практически в полной безопасности, русский царь, хоть и не располагавший большими силами, но все же имея их достаточно для отражения малочисленного неприятельского отряда, дерзнувшего пробраться в глубокий русский тыл и потревожить его, не сведав толком о силах противника, позорно бежал тогда, когда этот противник уже уходил в противоположную сторону. Тогда каких же решительных действий можно было ожидать от него по деблокаде Пскова или в других происках против неприятеля?

Но более серьезные неудачи преследовали тогда русскую сторону на шведском участке фронта.

Пользуясь напряженным положением дел под Псковом и преступным бездействием русских воевод, противник перешел в наступление в северной части Ливонии. В осенне-зимней кампании, в то самое время, когда псковичи отражали яростные приступы польско-литовских войск, под ударами шведов пали ранее захваченные московскими воеводами замки Лоде, Фиккель, Леаль и Гапсаль. Наконец, противник вышел к Нарве, к первому по счету и, может быть, главному завоеванию русских за все предшествующие годы войны. В течение вот уже двадцати трех лет Нарва была русским городом, и, что самое важное, она оставалась все это время действующим морским портом. За долгие годы войны, когда московские воеводы все далее и далее продвигались вглубь Ливонии, Нарва постепенно оказывалась во все более и более глубоком русском тылу, а потому у командования не было за нее серьезных опасений. При всех территориальных спорах с каждым из противников и при любом возможном их разрешении у московской стороны оставалась глубокая уверенность, что при каком угодно раскладе событий Нарва останется в русских руках. А потому ее укреплению не было уделено даже малейшей заботы, что печально сказалось на ее судьбе теперь в осенне-зимнюю кампанию 1581 года. Несмотря на отчаянное и мужественное сопротивление защитников, противник овладел крепостью. В кровопролитном сражении при штурме poleg весь гарнизон, насчитывавший семь тысяч человек. Драматичность ситуации заключалась в том, что Нарва была пограничной крепостью, она стояла на старой русско-ливонской границе, так что с выходом к ней противник снова, как и до войны, оказывался на самых русских рубежах, а падение ее открывало ему путь на русскую территорию. Но, безусловно, особая досада Москвы состояла в том, что

с потерей Нарвы прекращалась уже налаженная торговля с Западной Европой по Балтийскому морю. Более двадцати лет у нарвских причалов, считавшихся русскими, швартовались торговые суда из Дании, Нидерландов, Германии и других стран. Теперь все это было утрачено.

И как три года назад польский король, освободив от московских гарнизонов Полоцк и Сокол и тем самым очистив от русского присутствия свою землю, не остановился на этом успехе и перенес войну на землю своего противника, так и теперь, в начале 1582 года, сразу после освобождения Нарвы шведы, не удовлетвовавшись достигнутым, устремились на русскую территорию. Форсировав Нарову, они первым делом взяли Ивангород, чем открыли себе дорогу вглубь новгородских владений. Развивая наступление, шведы заняли древний русский город Яму, что в низовьях реки Луги, овладели Копорьем, а затем дошли до берегов Ижоры, завоевав их до самого устья, после чего Русь оказалась отрезанной чуть ли не от всего морского побережья, которым владела до начала войны. В то же время на северном русско-шведском порубежье, на карельском перешейке, шведы захватили город Корелу.

А под Псковом тем временем ситуация оставалась прежней. Русские не имели сил развить свой оборонительный успех, противник не мог возобновить наступательной активности. Удрученный псковской неудачей сейм решительно отказал королю в финансовой поддержке. Как Баторий не пытался склонить магнатов и шляхту к продолжению войны, те не соглашались, не имея прямой заинтересованности в захвате чужой территории и вообще в продолжении военных действий, к тому же с сомнительными надеждами на успех. В этой ситуации польско-литовская сторона была готова пойти на переговоры. Терпящая поражение за поражением московская сторона была согласна к переговорам давно, хотя заключить сколько-нибудь достойный мир шансов у Москвы не осталось. Последняя русская удача под Псковом не улучшала ситуации. Победа в чисто оборонительной операции без малейших предпосылок к контрн наступлению не могла изменить стратегического положения на фронте. В отличие от своего западного противника российский монарх не зависел от воли подданных, ему для продолжения войны не нужно было чьего-то согласия, и государственной казной он распоряжался единолично, как своей собственной. Но к тому времени казна была давно пуста и все ресурсы государства вычерпаны.

Еще в разгар псковской эпопеи в деревне Киверова Горка, близ города Ям Запольский, между русской и польско-литовской сторонами при папском посредничестве в лице Антония Поссевина открылись переговоры, имевшие целью поставить точку в затянувшейся войне. А 17 января 1582 года с псковских стен защитники города вдруг увидели приближающуюся к крепости шумную толпу конных и пеших людей. Привыкшие за последние месяцы к самым разнообразным проискам врага, осажденные сначала подумали, что в осадный лагерь вернулся король со свежими воинскими силами, отчего в неприятельском стане и вызвано такое

ликование. Но когда толпа подошла ближе, псковичи заметили, что среди ликующих много своих, русских людей. В осажденном городе никто от главного воеводы до простого ратника не знал о мирных переговорах, тем более никто не знал о том, что они, наконец, завершились подписанием десятилетнего перемирия. Сначала об этом, естественно, стало известно в осадном лагере, что привело его обитателей в восторг, ибо на польско-литовской стороне жаждали мира не менее чем на русской. Так, например, во время переговоров некоторые польские воеводы и другие влиятельные чины то и дело покидали осадный лагерь, в котором было известно о происходящем в Киверовой Горке, и появлялись там затем, чтобы поторопить своих дипломатов подписать какое ни есть мирное соглашение. Свои просьбы они мотивировали тем, что войско гибнет в снегах под Псковом и далее поддерживать осаду оно более не в силах.

Наконец, перемирие было заключено. Подробнее об его условиях мы расскажем ниже, сейчас же только заметим, что по результатам всей войны оно означало для Москвы признание своего поражения. Условия заключенного тогда сторонами договора означали сведение на нет усилий более чем двадцатилетней борьбы за овладение Ливонией. Но по результатам последнего периода войны, в котором Россия потеряла значительную часть своих территорий, эти условия стали если и не успехом, то, во всяком случае, вполне приемлемыми, и решающим фактором этого успеха стала победа под Псковом. Сложившийся к концу войны баланс сил определился героической обороной Пскова и крупным поражением под его стенами армии противника. Падение Пскова привело бы к совсем иной расстановке сил между противоборствующими сторонами и, как следствие, к другим, более тяжелым и унижительным условиям мира.

В войне, закончившейся для России поражением, последний аккорд оказался для нее победным, а потому единственная победа в кампании 1581–1582 гг. под Псковом стала дороже многих иных крупных побед, ибо цена ей — престиж государства.

Глава 13

От Киверовой Горки
до речки Плюсы

Мы оставили папского посла Антония Поссевина на старой московско-литовской границе, где-то в районе Сокола, когда король Речи Посполитой, не слишком веря в успех затеянного римским первосвященником мероприятия, тем не менее пожелал иезуиту удачи в его нелегкой миссии и, расставшись с ним, отпустил в Москву. Зато, абсолютно не сомневаясь в собственном успехе, король тогда же двинул свою армию к Пскову. Уверенность короля, как мы знаем, оказалась напрасной. Под Псковом Батория поджидала неудача, во всяком случае, не такая удача, как в прошлых кампаниях. Король не сумел овладеть крепостью, но такой результат мог считаться для русских победным только на фоне понесенных ими ранее тяжелых поражений. Противник продолжал владеть стратегической инициативой, хоть активность его заметно спала, причем спад этот стал следствием категорического отказа сейма поддерживать войну дальше. Но псковский гарнизон во главе с воеводой Шуйским оставался запертым за крепостными стенами, а тем временем другие московские воеводы, располагавшие огромными контингентами войск, предпочитали предаваться пассивному и безучастному созерцанию происходящего. Во всем этом с русской стороны не было заметно даже предпосылок хоть к какой-нибудь активности. Вот в такой расстановке сил между воюющими сторонами посланник блюстителя престола Св. Петра начал справлять при дворе русского царя свою дипломатическую миссию.

Надо сказать, что папское посредничество для самого Рима не было бескорыстным, и глава католической церкви оставался заинтересованным в своем дипломатическом успехе не меньше, чем терпящая катастрофу Москва, а потому он предельно серьезно отнесся к задуманному предприятию. Прежде всего, это сказалось в выборе им своего полномочного представителя. Следует заметить, что в Западной Европе тогда трудно было найти более искусного и опытного дипломата, чем Антоний Поссевин. Правда, он не был знаком с Россией, но на Западе с ней толком не был знаком никто. Зато он хорошо знал основных противников Москвы по войне — поляков, литовцев и шведов. Ему приходилось посещать ранее их земли, встречаться со многими влиятельными лицами, а что касается Швеции, то там он не только был лично знаком с королем Юханом, но даже склонил того в свое время к переходу из протестантизма в католицизм. Здесь надо отметить, что основной чертой посла была сверхмерная склонность к кипучей политической деятельности.

Свое незнание России Антоний старался компенсировать заочным знакомством с ней, для чего в папской канцелярии он внимательным образом изучил все документы прежних отношений Рима с Москвой, письменные свидетельства купцов, путешественников и прочих, кому доводилось бывать в русских краях.

По всему видно, что на миссию Поссевина ставка в Риме делалась очень высокой. На иезуита возлагалась надежда склонить русского царя к союзу против турок, и не просто к союзу, а к непосредственным военным действиям. В окружении папы почему-то полагали, что едва вылезши из одной истощившей ресурсы государства бойни, Грозный тут же с удовольствием окунется в другую, сулящую ему еще меньшие перспективы на успех. Ну и, конечно, самой большой грезой блюстителя апостольского престола оставалась мысль о соединении церквей. Здесь Рим в первую очередь рассчитывал на то, что для русского царя духовное подчинение Константинопольскому патриарху, который, будучи главой православной церкви, в то же время оставался подданным турецкого султана, то есть мусульманина, должно быть унижительным. Отсюда Григорий XIII полагал, что находиться под духовным владычеством Римского первосвященника для московского властелина будет предпочтительней. Так, в папском наказе послу, между прочим, говорилось:

«Приобретя расположение и доверенность государя московского, приступайте к делу, внушайте как можно искуснее мысль о необходимости принять католическую религию, признать главою церкви первосвященника римского, признаваемого таковым от всех государей христианских; наводите царя на мысль, как неприлично такому великому государю признавать патриарха Константинопольского, который не есть законный пастьрь, но симониан и раб турок; что гораздо лучше и славнее для него будет, если он вместе с другими государями христианскими признает главою церкви первосвященника римского; с этой целью возьмите с собой изложение веры, составленное на Тридентском соборе, в греческом переводе. Так как, быть может, монахи или священники московские частью по грубости своей и отвращению к латинской церкви, частью из опасения потерять свое значение будут противиться нашему благочестивому намерению и употребят все усилия, чтоб не допустить государя оставить греческую веру, то старайтесь всеми силами приобрести их расположение; более всего старайтесь приобрести сведения обо всем, касающемся веры этого народа. Внушайте государю, какие великие следствия будет иметь союз христианских государств против турок, внушайте, что на его долю достанется большая часть славы и выгод, что ему, как соседнему и могущественнейшему владетелю, должны будут достаться многие страны турецкие; вы должны узнать подробно о количестве и качестве военных сил московских, сколько пехоты, конницы, с какой стороны государь московский думает напасть на турок, нет ли какого соседнего народа, с которым бы можно было вступить в союз. Но после всех этих разговоров, воспламенивши желания государя к славным подвигам, вы

обратитесь опять к главному — к духовному союзу. Если встретите затруднения, не теряйте духа, делайте что можете, употребите все средства, чтоб получить от вашего посольства хотя какой-нибудь плод; вы должны испросить позволение на постройку одной или нескольких католических церквей в Москве для тех католиков, которые будут приезжать по торговым делам; объясните, что иначе никогда не установятся торговые сношения с католическими народами».

Как видим, помимо сколачивания антитурецкого союза и объединения христианских церквей, послу вменялось множество иных поручений. Тут и налаживание торговых отношений, и получение прав на проезд в Москву купцов из государств, духовно подчиненных римской курии, и права на постройку в Москве католических храмов. Римский первосвященник снабдил посла обширными инструкциями, причем особый интерес представляют те из них, что предписывали не брезговать откровенно шпионскими действиями. В приведенной цитате явно просматривается интерес Рима к военному потенциалу Москвы, но там он преподносится как естественная потребность в информации о возможностях потенциального союзника в предстоящей войне против Турции. Но, кроме того, послу поручалось собирать и другие сведения о военных силах Московской державы: о числе войск, о вооружении, о содержании имеющихся и строительстве новых крепостей и т. п.

И если процесс снаряжения посольства и его отправка запомнились в Риме своей тщательной подготовкой, выдававшей важность и особую значимость мероприятия, то еще больше запомнилась встреча посольства и его прием на московской земле, но уже своей необычайной торжественностью и какой-то вычурной помпезностью. История московской дипломатии не помнила до тех пор случая оказания таких почестей прежним послам каких бы то ни было иностранных государств. Чуть ли не от самой границы посольский поезд сопровождался кавалерийским конвоем из дворян и детей боярских, причем пышность убранства как коней, так и самих всадников не уступала той, что можно было видеть только на царских выездах по особо важным и торжественным случаям. Начиная от Смоленска, поезд останавливался в каждом местечке, где посреди парадного построения войск послов приветствовали, низко кланяясь им до земли, высокопоставленные московские чиновники.

Наконец, 18 августа посольство прибыло в Старицу, где тогда со всем двором находился царь Иван Васильевич, а 20 августа послу была устроена первая аудиенция. Среди множества даров папа прислал Грозному в богатейшем издании книгу о Флорентийском соборе. Собор это стал знаменит тем, что сделал попытку положить начало объединению западной и восточной ветвей христианства. Именно с него берет начало знаменитая уния, позже, достаточно преуспевшая на западнорусских землях. Своему подарку римский первосвященник придавал особое значение, наивно полагая, что книга подтолкнет московского властелина к исполнению давнейшей мечты всех избранников папского престола в Риме. В переданном тогда царю через посла письме Григорий XIII писал:

«Присылаю твоему величеству книгу о Флорентийском соборе печатную; прошу, чтоб ты ее сам читал и своим докторам приказал читать: великую от того Божию милость и мудрость, и разум получишь; а я от тебя только одного хочу, чтоб святая и апостольская церковь с тобою в одной вере была, а все прочее твоему величеству от нас и от всех христианских государей будет готово».

Встречи как лично самого царя, так и его ближних думных бояр с гостем из Рима стали регулярными и продолжались в течение трех недель. Были затронуты все вопросы, причем ловкий, поднаторевший в словесной казуистике иезуит старался всем им придать одинаково важное значение, но все-таки больший акцент делал на союзе против турок и, как на духовной основе для такого союза, настаивал на единении церквей. «К царствам и богатствам, — говорил Поссевин царю, — которых у тебя много, к славе той, которую ты приобрел расширением земли своей, прибавь славу единения с верою апостольскою и тогда великое множество небесного благословения получишь».

На лъстивые увещевания иезуита московский властелин отвечал:

«Мы никогда не желали и не хотим, чтоб кровопролитие в христианстве было; и Божиим милосердием от младенчества нашего чрез много лет кровопролитие в христианстве не велось. Но ненавидящий добра враг со своими сосудами ввел в Литовской земле новую веру, что называется Лютер Мартын; в ваших странах эта вера сильно распространилась; и как это учение утвердилось, так в христианстве и кровопролитие началось, а как и которым обычаем началось и почему между нами и Стефаном-королем недружба стала, мы тебе об этом после скажем; а теперь извещаем тебе, как нам быть в дружбе и любви с папою и цесарем Рудольфом. Что нынешний папа Григорий хочет между всеми нами, государями христианскими, мирное постановление утвердить, то нам приятно и любительно. Его пресветлейшему опасную грамоту даем, что послам его к нам приехать и отъехать добровольно; а дети наши в нашей воле: Иван, сын, еще государским именем не почтен, а Федор еще не в том возрасте, чтоб мог с нами государством править, и потому их в опасную грамоту писать не нужно, тем более что наше слово ни от кого превратно не будет, у нас не так, как в других государствах: дети, братья и вельможи превращают слово государево. Венецианцам в наше государство приезжать вольно с попами и со всякими товарами, а церквам римским в нашем государстве быть непригоже, потому что до нас этого обычая здесь не бывало, и мы хотим по старине держать».

Но главной для русского царя оставалась проблема мира с польским королем, и при этом он хотел сохранить для себя что-нибудь из Ливонии, дающее ему право на владение морским берегом, а потому далее Грозный говорил:

«Паны радные говорят, что если б Ливония была исстари нашею, то предки наши с нею перемирия не заключали бы: эта земля была особая, а у нас была вотчиною в прикладе, жили в ней все немецкие люди и писали перемирные грамоты с нашими вотчинами, Новгородом и Псковом, по

нашему желанью, как мы им велим, точно так, как мужики волостные между собой записи пишут, как им торговать, а не так, как государи между собою перемирные грамоты пишут; Лифляндия была нашею прикладною вотчиною точно так, как у Стефана-короля Пруссия: пишется он прусским, а в Пруссии свой князь. Ты говоришь, чтоб нам собрать все свои силы на турецкого; но как нам это сделать, пока между нами и Стефаном-королем не будет мира? Мы велели послам своим поступаться, но он ни в чем меры не знает. Он просит у нас денег за убытки: он же нас воюет, нам же ему убытки платить; так не ведется и в басурманских государствах; а кто его заставлял убытчиться? Удивляемся, как это Стефан-король делает, что ни в каких государствах не ведется; уцепится за которое дело, да и хочет на своем поставить. Стефан-король тебе говорил, что не хочет с нами мириться до тех пор, пока не отдам ему обещанной земли, но этому как стать? Хотя бы ему и уступили Ливонию, но вперед миру не будет же! Он и так на нас всю Европу поднял. Недавно к нам привели пленника, французского человека: ясно, что он на нас всю Европу поднял. Тут которому миру быть, что на одну сторону высоко, а на другую низко? Добро то мир, чтоб на обе стороны ровно было. Да и потому нам нельзя уступить королю всей Лифляндской земли: если нам ее всю уступить, то нам не будет ссылки ни с папою, ни с цесарем, ни с какими другими государями европейскими и поморскими местами, разве только когда король польский захочет пропустить наших послов. Король называет меня фараоном и просит у меня 400 000 червонцев; но фараон египетский никому дани не давал».

Но для Рима мир России с ее западным соседом не был главной целью устремлений, и то ли сам Грозный, то ли ведавшие переговорами бояре с первых встреч с римским послом это поняли. А потому дело надо было вести так, чтобы, не раздражая папского представителя отказами на его притязания, оставляя ему надежду на все его просьбы, уговорить сначала посодействовать перед Баторием, дабы склонить того к приемлемым для Москвы условиям мира, после чего можно будет перейти ко всем другим вопросам. На словах русский царь поддерживал идею объединения церквей и, конечно же, хвалил папу за мысль создания военного союза против турок. Но, прежде всего, Москве нужен был мир, и ради него царь уступал королю более шестидесяти городов как в Ливонии, так и в своих землях, завоеванных в последние годы Баторием. Грозный соглашался оставить в руках врага Велиж, Невель, Холм, Заволочье и даже Великие Луки, а это не просто потеря значительной части своей территории. В случае отдачи названных городов противнику литовские владения клином врезались бы между смоленскими и псковско-новгородскими областями и тем самым создавали бы угрозу отторжения от Московского государства самых западных русских земель. Это означало крайне невыгодную для Москвы стратегическую обстановку на будущее. Но Грозный сознательно шел на это, единственно требуя оставить за собой Дерпт, Нарву и еще 35 мелких ливонских городков, что сохраняло бы России морские ворота в Европу.

Туманные обещания к союзу против турок и к объединению церковей царь не скупился подкреплять уступками на более мелкие требования Рима. Например, он разрешал итальянским купцам свободно торговать в России, держать при себе священников и молиться какому угодно Богу, правда, при этом строго оговаривал, что латинских церковей на московской земле нет и не будет. Так или иначе, но царские обещания и боярская изворотливость, помноженные на радушный прием, достигли своей цели, и после многих поражений московская дипломатия одержала, наконец, победу. Нет, не в дипломатической схватке с Баторием, ибо там условия, выдвигаемые московской стороной, по-прежнему останутся в категории неприемлемых. Пока победа была одержана лишь над римским иезуитом. Не продвинувшись на деле ни на один шаг в главных устремлениях Рима, Поссевин был вынужден взяться за посредническую миссию примирения русского царя с польским королем. Вообще говоря, победить в этом вопросе для московской стороны особого труда не составляло, ибо у нее перед римским послом была незыблемая позиция. И заключалась она в том, что Москва не может не только говорить о вступлении в войну против Турции или против какого-то другого противника, но и не может даже думать о создании военного союза, пока она находится в состоянии войны с другим государством. А коль скоро она не может вступать в военный союз, то зачем в этом случае ей нужно объединение церковей? Все сходилось на том, что в первую очередь московскому царю необходим мир с Баторием, все остальные вопросы можно будет рассмотреть позже. Иезуиту ничего не оставалось иного, как отбыть в королевскую ставку под Псков с мирными инициативами Москвы.

При прощании с Поссевином перед отъездом того к Баторию царь сказал ему: «Мы теперь тебя отпускаем к Стефану-королю за важными делами наскоро, а как будешь у нас от короля Стефана, тогда мы тебе дадим знать о вере».

Конечно, победа московской дипломатии, пусть даже всего лишь над папским посредником, оставалась лишь номинальной. Поссевин был достаточно политически дальнзорок для того, чтобы уже по одному только отказу в постройке на Москве католического храма не питать особых надежд в главном вопросе своей миссии, касающемся объединения церковей. В какой степени иезуит надеялся здесь на удачу, сказать трудно, но он понял, что, не примирив Грозного с Баторием, он так и не продвинется к своей главной цели. И он взялся за мирное посредничество всерьез и ответственно, так, как если бы у Рима в этом была собственная заинтересованность.

Нельзя сказать, чтобы у Рима не было совсем такой заинтересованности, во всяком случае, если сумеет склонить воюющие стороны к миру на условиях, которые бы давали пользу стороне посредника. А найти такие условия и настоять на них иезуиту оказалось под силу. Оставшись с сомнительными перспективами на счастливое разрешение в своей главной цели, Поссевин приложил много усилий для того, чтобы

выжать максимум выгоды от примирения польского короля с русским царем. Прежде всего, иезуит переступил через химеру беспристрастного посредничества между противниками и явно встал на польско-литовскую сторону. Католик Стефан Баторий, король католических Польши и Литвы, был ближе Риму, а потому, отдав под его владычество Ливонию, можно было ожидать обращение в католицизм и ее. Протестантство еще не успело как следует закрепиться на бывших орденских землях, на которых несколько сотен лет до этого господствовало католичество. Учение Лютера только-только проникло в эти края, следовательно, можно было рассчитывать на то, что, попав в подданство польской короны, население легко обернется к прежней религии.

Приступая к посреднической миссии, папский посол докладывал письменно в Рим:

«Есть надежда, что при помощи Божией, оказанной католичейшему королю, вся Ливония скоро отойдет к Польше, и тогда не должно упускать случая к восстановлению здесь католической религии при короле, который среди забот военных не оставляет святых мыслей о поддержании и распространении истинной веры. Кроме того, на Руси, в Подолии, Волыни, Литве и Самогитии жители упорно держатся греческого исповедания, хотя имеют господ-католиков. Сенат и особенно король, подозревающий их верность, желает обратить их в католицизм, ибо найдено, что жители этих областей по приверженности к своим единоверцам-москвичам публично молятся о даровании им победы над поляками».

Итак, после первого знакомства с царским двором папский посол вновь отправился к польскому королю, которого он совсем недавно оставил пребывающим в недоверии к успеху посольской миссии, зато в излишней уверенности в своей скорой военной победе. При дворе Грозного остались двое служителей из Антониевой свиты. Иезуит нашел короля в осадном лагере под Псковом. Первым делом по прибытии в ставку Батория посол известил Грозного о том, что король, несмотря на неудачу, полон решимости овладеть Псковом и что сил и средств у него для этого предостаточно. И далее, в продолжение всей своей миссии, Антоний, как мог, старался если и не запугать русского царя, то, во всяком случае, поддерживать его в уверенности насчет того, что шансов на сколько-нибудь счастливый исход кампании у него нет. С королевской стороны Посевин пока вообще не мог вести предметных переговоров, поскольку Баторий твердо решил сначала овладеть Псковом, а уже потом диктовать Москве, а если потребуется, то и посреднику, свои условия. Единственно, на что соглашался король прямо сейчас, то это на мире при условии отдачи ему всей Ливонии, но Грозный царь, даже несмотря на последние поражения, еще не мог примириться с мыслью о потере всех своих прежних завоеваний.

Наконец, увещевания посла все-таки подействовали на русского царя, и тот, если и не устранился соперника, то, во всяком случае, понял бесперспективность дальнейшей борьбы, потому как он вдруг пошел на

уступки. Впрочем, не исключено, что и устранился, ибо именно тогда, вскоре после отъезда посла к королю, рейд литовских войск под предводительством Кмита потревожил Старицу, и царь в страхе бежал в Александрову слободу, о чем мы рассказывали выше. Может быть, свою роль сыграл и тот факт, что в окружении царя плохо представляли истинное положение армии противника под Псковом, а положение это было близко к катастрофическому. Вероятно не зная этого, Грозный вдруг сообщил иезуиту свое последнее решение:

«Теперь по конечной неволе, смотря по нынешнему времени, что литовский король со многими землями и шведский король стоят заодно, с литовским бы королем помириться на том: ливонские бы города, которые за государем, королю уступить, а Луки Великие и другие города, что король взял, пусть он уступит государю; а помирившись с королем Стефаном, стать на шведского, для чего тех городов, которые шведский взял, а также и Ревель не писать в перемирные грамоты с королем Стефаном».

Другими словами, Грозный соглашался уступить все свои завоевания в Ливонии, которыми он пока еще продолжал владеть в обмен на возвращение ему захваченных королем русских городов. Это означало «статус-кво», Россия тем самым ставила себя в территориальные границы, с которых четверть века назад она начинала агрессию против Ордена. Но во всем этом нетрудно было распознать внешнеполитические расчеты царя на самое ближайшее будущее. Здесь он с головой выдает себя упоминанием о еще одном своем противнике, неуклюже раскрывая свои планы относительно Швеции. Даже у самого что ни на есть неискущенного в тонкостях внешней политики человека не могло оставаться сомнений в том, что, замирившись с польско-литовской стороной, Москва обрушит свой удар на северного соседа, и тогда Баторий, связанный только что заключенным миром с Россией, не сможет поддержать шведов. К тому же Польша по-прежнему продолжает претендовать на все ливонские земли, следовательно, ее настоящий мир со Швецией не крепок. Во всей этой ситуации царю Ивану, не говоря уже о возвращении своих только что потерянных кровных владений — Ивангорода, Яма, Копорья, Корелы, виделась перспектива захвата северных провинций Ливонии, которыми на тот час владела Швеция, а это, как минимум, Нарва, а в случае большой удачи, то и Ревель. Таким образом, московский властелин рассчитывал сохранить за собой море с готовыми гаванями, отчего и всю войну можно было бы считать успешной. Но в королевской ставке под Псковом легко разгадали такой ход кремлевского самодура, а потому в своих мирных инициативах там тоже затронули Швецию, но так, что видевшаяся ранее перспектива завоевания северной Ливонии исчезала из поля зрения самых оптимистично настроенных московских умов. Но об этом несколько позже, а пока инициативы оставались инициативами, и мирные переговоры папского посла с королевской стороной, несмотря на полную расположенность к ней иезуита, почти не продвигались вперед. Король тянул дело, намереваясь во что бы то ни стало покончить с Псковом, а потому

всю осень и начало зимы 1581 года как посольские, так и царские гонцы то и дело сновали между осадным лагерем и Александровой слободой, но постоянный обмен мнениями и бесконечное уточнение условий долго не продвигали давно наболевшую проблему.

Наконец, более податливым стал и король, и если на русского царя действовали иезуитские запугивания, то на Батория аналогичное действие оказали затянувшаяся осада Пскова и нежелание сейма поддерживать военные инициативы своего монарха. В декабре, после провала всех попыток овладеть Псковом, а потом после таких же провалов склонить сейм к продолжению войны, король согласился на переговоры. Местом их проведения стала деревня Киверова Горка вблизи города Яма Запольского, что в псковском краю, приблизительно на полпути между городами Псковом и Холмом. Еще никогда в нашей истории не было такого случая, да и не будет его позже, чтобы столь высокого уровня дипломатический акт, такой особой важности переговоры, завершавшие собой самую длительную и одну из самых кровопролитных войн, заключались в никому дотоле неизвестной, заброшенной, глухой деревушке. Местность кругом была разорена войной, население по большей части разбрелось в более сытные и безопасные места, захватив все, что оказалось возможным, и угнав с собой скот. Посольским людям пришлось жить и работать в брошенных крестьянских избах. Зима стояла суровая, а топить печи было нечем, так что послы вместе со своими свитами буквально замерзали. Но самым грозным бичом для стороны противника стал голод. Все, что в таких случаях можно раздобыть в окрестностях, давно было выметено под метлу. Королевские послы прибыли на переговоры прямо из осадного лагеря, оторвавшись от военных действий, а потому были в буквальном смысле слова оборванными. Правда, за время осады они хорошо подружились с голодом, следовательно, лишения, ожидавшие их в Киверовой Горке, были им не новинку. Русское же посольство представляло собой резкий контраст. Оно прибыло сюда с обильными запасами продовольствия, непрерывно пополняемыми из Новгорода, откуда нескончаемым потоком шли обозы. Польские источники, оставившие нам любопытные сведения о тех событиях, в особенности акцентируют на том, что во все время переговоров московские люди щеголяли убранством одежды и ежедневно превосходили самих себя в устройстве пиров и богатых обедов, на которые неизменно приглашали папского посредника. Под непосредственным председательством последнего и проходили все заседания, первое из которых состоялось 13 декабря 1581 года, и на котором были зачитаны верительные грамоты обеих сторон.

С русской стороны посольство возглавлял князь Дмитрий Елецкий, его ближайшим помощником состоял дьяк Роман Алферьев. Польско-литовскую сторону представляли брацлавский воевода Януш Збаражский, надворный литовский маршалок, князь Альбрехт Радзивилл и секретарь Великого княжества Литовского Михаил Гарабурда. Снаряжая посольство и снабдив его соответствующими инструкциями, Грозный, чтобы еще раз

попытаться оставить за собой хоть что-нибудь из морского берега и заручиться в этом поддержкой папского посла, как последний аргумент, велел Елецкому сообщить иезуиту: «Если государь наш уступит всю Ливонию и не будет у него пристаней морских, то ему нельзя будет ссылаться с папою, цесарем и другими поморскими государями, нельзя будет ему войти с ними в союз против басурманских государей; какой же это мир?» Как видим, царь, делая ставку на спасительную миссию посредника, не брезговал самыми жалкими и нестоящими доводами.

Но королевская сторона твердо стояла на своем, а своим она считала всю Ливонию, поэтому на любые ухищрения московских послов отвечала: «Что вы не говорите, а государю нашему без Лифляндской земли не мириться; вы, как видно, присланы говорить, а не делать; мы не хотим торговать Лифляндскою землею; нам государь велел все окончить в три дня, и потому вы с нами говорите раньше, а нам без всей Лифляндской земли не мириться, ни одной пяди не уступим».

Посольские заседания проходили чуть ли не ежедневно, но дело продвигалось очень медленно, иногда его не удавалось сдвинуть с мертвой точки по нескольку дней. Основным предметом споров оставались территориальные претензии обеих сторон на Ливонию. Вроде бы царь, как мы помним, еще до начала переговоров согласился уступить ее полностью взамен на возвращение ему занятых Баторием русских земель. Королевская сторона была не против, как вдруг выяснилось, что под уступкой Москва имела в виду только отнятые у нее прежние ее ливонские завоевания, но никак не те, которыми она продолжает на этот час владеть. Баториевы же послы настаивали на всей Ливонии, чтобы у русской стороны не оставалось и пяди из земель бывшего Ордена, и при этом еще и требовали денежной компенсации за военные издержки. Собственно говоря, московские воеводы из более-менее крупных ливонских городов тогда владели одним лишь Дерптом, все остальное было отнято оружием, и теперь царевы послы пытались удержать хотя бы оставшееся. Надежду московским дипломатам подавало плачевное состояние королевского войска под Псковом. В Москве плохо представляли истинное положение дел на театре войны, и там под впечатлением последних поражений на шведском фронте и продолжающейся осады Пскова сгоряча пошли на явно излишние уступки. Но здесь, в непосредственной близости от военных событий, к тому же имея дело с людьми противника, прибывшими из действующей армии, видя, в каком они находятся положении, нетрудно было понять, в каком состоянии пребывает само королевское воинство. Надо думать, что не лишала царских дипломатов оптимизма и наивная надежда на активность дислоцированных вокруг крупных контингентов московских войск. Несмотря на преступную пассивность русских воевод, надежды дипломатов были не безосновательны, поскольку и королевское войско к тому времени полностью утратило наступательную инициативу, а дезертирство там стало массовым явлением. В этой ситуации спор неизменно решается в пользу того, кто сумеет выстоять в пассивном противоборстве, и тут первенство осталось за противником.

Русские воеводы так и не тронулись с места против ослабевшего, поредевшего и почти небоеспособного неприятеля, в то же время польским воеводам удалось удержать армию и осадный лагерь от окончательного развала. Обращенные к воинам призывы оставшегося во главе армии гетмана Замойского, вроде тех, что «послы московские смотрят на вас из Запольского Яма: если будете мужественны и терпеливы, то они все уступят; если изъявите малодушие, то возгордятся, и мы останемся без мира и без славы, утратив плоды столь многих побед и трудов!», имели успех, и осада Пскова, пусть даже самая пассивная, продолжалась вплоть до самого завершения переговоров.

Баториевы дипломаты буквально по капле выжимали из московских людей все большие уступки. Был момент, когда русская сторона соглашалась с тем, чтобы единственно из всех ливонских приобретений оставить за собой Дерпт с четырнадцатью окрестными замками, и взамен этого отказывалась от своего кровного: Великих Лук, Усвята, Озерища, Велижа, Холма, Заволочья, Невеля и пр. Но и такие условия не устраивали Батория. Ведь русские отказывались от городов, которыми на тот момент и без их согласия владел польский король. Он завоевал их оружием, и в них стояли гарнизоны его войск. А теперь русский царь требовал Ливонских городов, а взамен предлагал противнику то, что уже завоевано этим самым противником.

Ну и, конечно, не может не обратить на себя внимание то, как русская сторона обходила Швецию.

Царевы послы не случайно не упоминали о Швеции и во всех проектах договорной грамоты не затрагивали этого третьего участника войны, как будто бы его и не было вовсе, стремясь тем самым лишить его поддержки со стороны союзника на будущее. Но на противной стороне расчет Москвы был предельно ясен. Недаром поляки не соглашались с таким вариантом и были готовы скорее уступить захваченные ими русские земли, чем оставить царю что-нибудь из Ливонии. Они понимали, что, выйдя из войны с Речью Посполитой, Москва обрушится на Швецию, в руках которой сейчас находится Нарва — морские ворота в Европу и она же главная цель русского царя. Дерптский округ в этом случае может послужить Москве удобным плацдармом для удара по северным районам Ливонии, занятым шведами. А для каждого из противников России не столь важны были территориальные приобретения или, наоборот, уступки, сколько недопущение русских к морю. Так, например, командующий королевской армией гетман Замойский, комментируя проходившие в Киверовой Горке переговоры, говорил у себя в осадном лагере под Псковом: «Согласись мы сейчас оставить за великим князем Московским только часть Ливонской страны, он усилится от морской торговли и может вернуть прежнее могущество; тогда придется вести новую войну. Гораздо же лучше теперь доканать его».

Можно смело утверждать, что в устах гетмана звучало общее настроение Запада, а потому польская сторона продолжала твердо стоять на недопущении русских в Ливонию.

«Когда вы приехали сюда за делом, — говорил Збаражский Елецкому, — а не с пустым многоречием, то скажите, что Ливония наша и внимайте дальнейшим условиям победителя, который уже завоевал немалую часть России, возьмет и Псков и Новгород, ждет решительного слова и дает вам три дня сроку». Здесь противник прибег к явному обману. Польская сторона вдруг распустила слух, что король идет из Вильно с новым войском, и что он дает русской стороне три дня на раздумье, после чего в случае несогласия с его требованиями он возобновляет войну. Московские послы не поверили фальшивке и не клюнули на эту уловку. Тут королевские люди с головой выдали себя тем, что соглашались вернуть Москве завоеванные у нее земли и настаивали лишь на всей Ливонии. Но окружение Елецкого не было так глупо, чтобы не понять, что если бы король одержал победу на сейме, давшей ему возможность собрать свежее войско, то он не стал бы отказываться от завоеваний, а просто потребовал бы Ливонии без всяких уступок со своей стороны. А потому на угрожающий выпад Збаражского и на все его ультиматумы Елецкий отвечал: «Высокомерие не есть миролюбие. Вы хотите, чтобы государь наш без всякого возмездия отдал вам богатую землю и лишился всех морских пристаней, необходимых для свободного сообщения России с иными державами. Вы осаждаете Псков уже четыре месяца, конечно с достохвальным мужеством, но с успехом ли? Имеете ли действительную надежду взять его? А если не возьмете, то не погубите ли войска и всех своих завоеваний?»

Вместо трех отпущенных королем дней переговоры тянулись три недели. 4 января 1582 года Шуйский, как мы помним, произвел самую крупную вылазку из крепости и атаковал неприятеля. После этого осаду Пскова можно считать законченной. Королевская армия сидела запертой за укреплениями осадного лагеря и уже не делала попыток подступов к городу. В тот же день от Замойского в Киверову Горку прискакал гонец с сообщением, что войско не выдерживает, что если не закончить войну сейчас, то через несколько дней разбежится вся армия. Последняя инициатива псковского воеводы давала кое-какие шансы русской стороне, но не могла существенно повлиять на ход переговоров. То, что Псковом врагу не овладеть, понятно было и раньше, как было понятно и то, что ждать наступательной активности от русских воевод бессмысленно. В этом смысле отступление армии противника от псковских стен мало что меняло в стратегической обстановке. В свою очередь, король на утрату своей инициативы под Псковом отреагировал тем, что позволил послам отказаться от требований денежной компенсации за военные издержки. Во всем остальном позиция Батория оставалась прежней: Россия должна была оставаться в своих довоенных границах, отказавшись от всех завоеваний в Литве и в Ливонии, при этом король освобождал почти все занятые им за последние три года русские земли, сохраняя за собой лишь Велиж с примыкающим к нему уездом. Надо сказать, что Грозный заранее был согласен с подобным исходом дела, а потому,

еще только отправляя послов, разрешил им, в случае невозможности добиться большего, заключить мир на таких условиях. Не малую роль сыграла решительность противника, с которой он заявил, что в случае несогласия русской стороны переговоры прекращаются, и это не было пустой декларацией, в то время как русский царь не велел своим послам возвращаться в Москву без мира.

15 января в Киверовой Горке было, наконец, подписано перемирие на 10 лет, по которому Москва вынуждена была освободить от своего присутствия все занимаемые ею земли бывшего Ливонского Ордена, передав их польско-литовской стороне, и отказаться от притязаний на Полоцк, Сокол, Усвят и другие города Литвы, которые в ходе войны какое-то время были в русских руках. В то же время Речь Посполитая возвращала Москве Великие Луки, Остров, Холм, Заволочье и другие, в которых сейчас стояли гарнизоны из войск Батория. Из занятых ранее русских владений на польско-литовской стороне, согласно заключенному договору, оставались лишь Вележ с уездом и приграничная полоска земли в районе Себежа. Это означало, что между Литвой и Московским государством практически признавалась прежняя, довоенная граница, и, сверх того, ее продолжением теперь служила бывшая граница московских владений с Орденом.

Заслугой московской дипломатии можно посчитать и то, что в договоре не упоминалось о шведской стороне. Северная часть Ливонии вплоть до пограничной с Россией Нарвой находилась сейчас в шведских руках. Больше того, в ее руках оставались прибрежная полоса южной стороны Финского залива от устья Наровы и все низовье Невы вплоть до Ижорского устья с русскими городами Ивангородом, Ямом и Копорьем. Таким образом, Россия лишалась выхода к морю, которым владела, вступая в войну. Казалось, договор в Киверовой Горке оставлял Москве права на единоличное разбирательство со шведской стороной, но, как увидим далее, польская дипломатия сумеет подвести дело так, что права эти окажутся призрачными. Но это обнаружится чуть позже, а сейчас последние споры разгорелись вокруг формулировок некоторых условий и, конечно же, вокруг царского титула.

Жаркие прения возникли из-за некоторых выражений насчет передачи русскими полякам ливонских городов. Так польскую сторону особенно обидно задела предложенная московскими послами фраза «царь уступает королю Курляндию и Ливонию». Оно и понятно: уступает, означает дарит, жалует. Выходит, что Грозный делился с королем Ливонией от щедрот своих, в то время как противник имел все основания считать, что он добился такой уступки оружием, то есть вынудил к тому русского царя. Да оно так, по сути дела, и было. Здесь папский посредник решительно вступился за королевских послов. Если раньше он как-то еще пытался завуалировать свое расположение к польской стороне, то сейчас, по поводу этой фразы, иезуит устроил дикую сцену, вырвал грамоту из рук Алферьева, бросил ее на пол, схватил за воротник Елецкого, пытаюсь

вытолкнуть того в двери, и кричал: «Вы пришли воровать, а не посольствовать! Пойдите от меня вон из избы, я не стану с вами ничего говорить!» Заклучению мира снова грозил срыв, послаам даже сообщили, что они могут отправляться в Москву, и это уже тогда, когда в принципе договорились по всем вопросам. Но, в конце концов, и тут удалось добиться компромисса, и в окончательном варианте договорной грамоты записали, что царь уступает королю только те ливонские города, которыми на тот час владеет, но не те, что уже завоеваны Баторием.

Не меньше дебатов возникло насчет титулов. Грозный во всех грамотах хотел именоваться *царем и государем ливонским*, на что противная сторона отвечала категорическим отказом, справедливо и основательно находя в этом нелогичность. Как можно называться ливонским царем, если от Ливонии, как от таковой, этому самому царю пришлось отказаться? Сохраняя же титул *царя ливонского*, Грозный тем самым оставлял за собой юридические права на Ливонию, дающие ему или его потомкам основания претендовать в будущем на эту землю. Тогда что стоит его теперешний отказ от нее? Польские послы не без основания заметили, почему бы тогда Баторию не именоваться королем смоленским. Тут согласие нашли в том, что составили договорную грамоту в двух редакциях. В московской Иван IV значился царем ливонским, в польской тем же титулом был наделен Стефан Баторий, а русский царь значился просто, как *государь*, без всяких добавок. На том и подписали мир.

Заклученный в январе 1582 года в Киверовой Горке договор вошел в историю как Ям Запольский, по имени близлежащего от места его подписания города. Стороны посчитали, что неловко называть такой важности акт именем заброшенной деревушки.

После заключения мира с Речью Посполитой Москва оставалась в состоянии войны со Швецией, но уже сейчас картина вероятного послевоенного исхода в общих чертах просматривалась довольно определенно, как определенным было и то, что все усилия, потраченные во время двадцатипятилетней бойни, оказывались напрасными. Статьи Ям Запольского мирного договора в достаточной степени оттеняют результаты очередного военного столкновения России с польско-литовской стороной. Этот дипломатический акт, ставший логическим следствием безнадежно проваленной войны, как нельзя лучше отразил суть пережитой эпохи и мог бы служить мерилом ее успехов. Историк Н. М. Карамзин со свойственной ему вычурностью слога и может быть с некоторым избытком пафоса, но все же верно по сути, так охарактеризовал результаты войны Грозного за Ливонию:

«Так кончилась война трехлетняя (историк ведет отсчет со времени первой военной кампании Стефана Батория — А. III.), не столь кровопролитная, сколь несчастная для России, менее славная для Батория, чем постыдная для Иоанна, который в любопытных ее происшествиях оказал всю слабость души своей, униженной тиранством; который, с неутомым усилием домогаясь Ливонии, чтобы славно предупредить великое

дело Петра, иметь море и гавани для купеческих и государственных сношений России с Европою — воевав 24 года непрерывно (здесь историк считает срок войны только до Ям Запольского мира — А. Ш.), чтобы медленно, шаг за шагом двигаться к цели — изгубив столько людей и достоинства — повелевая воинством отечественным, едва не равносильным Ксерксу, вдруг все отдал, — и славу и пользу, изнуренным остаткам разноплеменного сонмища Баториева! В первый раз мы заключили мир столь безвыгодный, едва не бесчестный с Литвою и если удерживались еще в своих древних пределах, не отдали и более, то честь принадлежит Пскову: он, как твердый оплот, сокрушил непобедимость Стефанову; взяв его, Баторий не удовольствовался бы Ливониею; не оставил бы за Россию ни Смоленска, ни земли Северной; взял бы, может быть, и Новгород в очаровании Иоаннова страха; ибо современники действительно изъясняли удивительное бездействие наших сил очарованием; писали, что Иоанн, устрешенный видениями и чудесами, ждал только бедствий в войне с Баторием, не веря никаким благоприятным донесениям воевод своих...».

Действительно, царь пребывал тогда в состоянии какого-то очарования, но причинами тому, надо думать, все-таки были не столько видения и чудеса, сколько впечатления от собственных дипломатических просчетов и военных поражений. Не последним фактором, сломившим царя и физически и нравственно, стала смерть старшего сына, в которой виновным был отец. Наверное именно поэтому Грозный царь встретил известие о мире с несвойственными ему ранее смирением и кротостью. Первым делом он написал Баторию грамоту, отправив ее королю с польским гонцом, который в начале последней кампании привозил царю бранное письмо от короля и которого все это время Грозный держал возле себя. В той грамоте московский царь, между прочим, писал: «Прислал ты к нам грамоту и в ней писал многие укорительные и жестокие слова; слова бранные между нами были и прежде, а теперь между нами мирное постановление, и нам, государям великим, о таких делах бранных, которые гнев воздвигают, писать непригоже».

Тут замечательным должно показаться то, что Грозный одинаково называет и себя и Батория *государями великими*. Начав с того, что долго не желая называть польского короля братом, а только соседом, русский царь, наконец, доходит до того, что уравнивает его с собой в достоинстве. А в ожидании приезда в Москву польских послов встречающим их приставам был дан наказ, в котором сквозило еще большее смирение: «Если послы станут хвалиться, — говорилось в наказе, — что король у государя много городов взял, и королевские люди землю государеву во многих местах воевали, и нигде королю и его людям от государя встречи не было, то отвечать: вы на ту уступчивость не смотрите, сколько городов государь наш уступил Стефану-королю в своей вотчине, в Лифляндской земле; а вам этим хвалиться нечего, то дело Божие, на одной мере не стоит, а безмерного и гордого Бог смиряет, не смиренного же презирает. Нам об этом теперь говорить не надобно, то все в Божией руке; нам теперь

о том говорить пригоже, чтоб между государями были братство и любовь и христианству покой, а такое безмерие пригоже оставлять».

В первых числах февраля королевское воинство, отступив от Пскова, вошло в пределы Ливонии с тем, чтобы сменить в крепостях русские гарнизоны на свои. Московские воеводы сдавали литовцам города и замки, последние русские полки покидали земли бывшего рыцарского Ордена. Больше других обидна была потеря Дерпта. Этот ливонский город раньше других был завоеван русским оружием, до него из крупных немецких крепостей пала лишь Нарва. Но в последней кампании Нарва не устояла под натиском шведов, Дерпт же сейчас отдавался без боя. В нем и раньше всегда находилась крупная русская община, на жизнь города в значительной мере влияла русская диаспора, а теперь, более чем за двадцать лет московского владычества, дерптский край совсем обрусел, в нем успело смениться целое поколение русских людей. В городе за это время возникло несколько новых русских церквей, и мы помним, как сразу после взятия его московскими воеводами, еще в далеком 1559 году, там была учреждена православная епископская кафедра. Теперь русское население покидало обжитой край вместе со своими войсками. Переселенцы обосновывались преимущественно в Пскове и в Новгороде.

Уступив Баторию, Москва не утратила надежды взять реванш на шведском фронте. При дворе Грозного шла подготовка к походу на северные районы Ливонии. Начать следовало с возвращения своего, недавно потерянного, но, безусловно, главным объектом промысла должна была стать Нарва. Именно поэтому в Киверовой Горке московская сторона, как могла, старалась не затрагивать Швецию в своих договорных обязательствах. До сих пор это ей удавалось, как удалось уже после Киверовой Горки отклонить предложение Антония Поссевина о посредничестве и с северным соседом. Там Москва не нуждалась в услугах папского легата, считая Швецию не таким уж грозным противником, склонить которого к выгодному для русской стороны миру можно будет силой оружия. Здесь московскую дипломатию ждал очередной просчет, и, очевидно, не малая в том заслуга того же иезуита. Закончив примирение Грозного с Баторием и получив от русских отказ в таком же посредничестве с еще одним их соперником, видя готовность Москвы обрушиться на Швецию, папский посол принялся за главную цель своей миссии — за попытку склонить русского царя к объединению с римской церковью. А в зависимости от успеха, или, напротив, неуспеха в этом начинании, иезуит планировал так или иначе содействовать развитию русско-шведского конфликта.

Вернувшись после дипломатических баталий из Киверовой Горки в Москву, папский посол, уже немало постаравшийся к выгоде польской стороны, приступил к основной задаче. Поскольку основанием для духовного объединения выступала идея общей борьбы против мусульманской Турции, ее союзников и сателлитов, то иезуит начал с попытки поднять русского царя на старого врага Москвы, вассально зависимого от Стамбула крымского хана, понимая, что султан не оставит того без

своей защиты и покровительства. Римский посол полагал, втянув Русь в новую, обещавшую стать изнурительной войну, получить для своей игры лишние козыри. Попавшая в тяжелую ситуацию Москва скорее пойдет на духовное единство со своим союзником. Здесь, надо сказать, также в первую очередь преследовались интересы Речи Посполитой. В завершившейся войне Литва постоянно страдала от татарских набегов, оставалась такая угроза для нее и на все обозримое будущее. Москве с этой стороны в последние годы было спокойнее. После разгрома орды при Молодях крымцы вот уже в течение десяти лет серьезно не покушались на московские пределы. Во весь последний период Ливонской войны, несмотря на его напряженность, Москве удавалось держать на окском оборонительном рубеже солидные контингенты войск, что и гарантировало там безопасность. Теперь, после прекращения военных действий на западе против основного соперника, война против Крыма и его вероятного заступника, Турции, была бы войной больше за интересы своего вчерашнего противника. Пытаясь подбить к такой войне Грозного, папский посол начал свои увещевания так:

«Король Стефан велел тебе сказать, что он желает Московской земле прибытка, а не завладеть ею хочет, чтоб всяким московским торговым людям был вольный проезд через его земли, а литовским людям точно также во все московские земли, чтоб оба государства всякими прибытками наполнились. Король Стефан хочет идти на Перекопского (крымского хана — А. Ш.), чтоб тот вперед христианской крови не разливал, говорит: Перекопский с обоих нас, государей, берет деньги, а наши земли воюет беспрестанно. Стефан-король пойдет на него с одной стороны, а с другой пошел бы на него государь московский или рать свою послал. Когда король пойдет сам на Перекопского, то государь прислал бы к нему в обоз человека доброго посмотреть, как он пойдет против Перекопского мстить за кровь христианскую. А что мы теперь с обеих сторон даем Перекопскому деньги, то лучше эти деньги отдать своим людям и защитить христианство от басурман. Королевским бы людям ходить против Перекопского через государеву землю, как по своей земле, а государевым людям ходить через королевскую землю, по воде и по суше, как по своей земле, чтобы между государями было все заодно. Король говорил также, что он, Стефан, на государстве пришелец, ни поляк, ни литвин, родом венгерец, пришел он на то, чтоб правду и любовь сыскать, а христианство освободить от басурман, чтоб при его государствовании не было от Перекопского разлития крови христианской».

У русского царя после заключения мира с Баторием не было особой заинтересованности в расположенности к нему вчерашнего посредника, а потому Грозный отвечал просто:

«Нам теперь нельзя послать рать свою на Перекопского, потому что наши люди истомились от войны с королем Стефаном, да и потому, что послы наши писали из Крыма о мире, который они заключили с ханом. Мы не знаем еще, на каких условиях заключен этот мир, и если король

хочет стоять с нами заодно на басурман, то он бы приказал об этом со своими послами».

И хотя посла по-прежнему принимали с почестями, оказывая все знаки уважения, иезуит не мог не чувствовать, что при московском дворе в нем более не нуждаются, а за его посредническую миссию особой благодарности не испытывают. А по-иному и не могло быть, и на русской стороне прекрасно понимали, что старания Поссевина были направлены не на ее пользу, и что выгод от мира с Баторием Москва не получила никаких. Слишком явно благоволил иезуит противнику, чтобы сейчас, после Киверовой Горки, русские люди к нему могли питать надежду и доверие. И все же папский посол, может быть и не окрыленный надеждой на большой успех, но довел до конца попытку склонить царя к соединению церквей. Уже потерпев неудачу в подстрекательстве к войне с Крымом, что означало провал в организации союза против турок, Поссевин буквально навязал-таки Грозному разговор о вере.

Грозный долго противился, мотивируя тем, что подобные разговоры ведут к вражде, ибо каждый будет отстаивать свою правоту, и спор перерастет в ругань. Посол настаивал на диспуте, уверяя, что разговор о вере не может быть бранным. При этом иезуит вызывал русского царя к такому разговору наедине, на что царь парировал тем, что о таких важных делах он не только не принимает решения без своих думных людей, но даже и не обсуждает их. «Мы с тобою говорить готовы, — отвечал Грозный, — только не наедине: нам без ближних людей в это время как быть? Да и то порассуди: ты по наказу наивышнего папы и своею службою между нами и Стефаном-королем мирное постановление заключил, и теперь между нами, дал Бог, христианство в покое; а если мы станем говорить о вере, то каждый по своей вере и ревнитель, каждый свою веру будет хвалить, пойдет спор, и мы боимся, чтоб от того вражда не воздвиглась».

Антоний стоял на своем. «Ты государь великий, — льстил он Грозному, — а мне, наименьшему вашему подданному, как бранные слова говорить? Папа Григорий XIII, сопрестольник Петра и Павла, хочет с тобою, великим государем, быть в соединении веры, а римская с греческою одна. Папа хочет, чтоб во всем мире была одна церковь: мы бы ходили в греческую, а славяне греческой веры приходили бы в наши церкви. Если греческие книги не сполна в твоём государстве переведены, то у нас есть подлинные греческие книги, Иоанна Златоустого собственноручные и другие великих святителей. Ты будешь с папою, цесарем и другими государями в любви и будешь не только на прародительской вотчине, в Киеве, но и в Цареграде государем будешь; папа, цесарь и все государи о том будут стараться».

Ловкий иезуит, похоже, знал чувствительные струнки русских государей, иначе бы он не упомянул Киева, который всегда оставался заветной, сказочной целью хозяев кремлевского трона. Но здесь, надо думать, папский посол хватил через край, на этот раз он перехитрил самого

себя, и упоминание Киева сыграло обратную роль. Римский ставленник только что способствовал потере Россией добытого ею большой кровью, а тут вдруг он обещает, что стоит только московскому властелину признать над собой духовное владычество папы, как тот же Киев, который на сегодняшний день есть принадлежность польской короны, станет московским достоянием. Причем ради этого, по уверениям посла, будут стараться все христианские государи. Следовательно, и Стефан Баторий тоже. Выходит, что король Речи Посполитой будет стараться, чтобы Киев перешел из его державы в Московскую. И уж совсем ни к чему зарвавшийся иезуит преподнес царю в подарок и Царьград. Всеми этими перегибами он только навредил себе. На такие, не столько заманчивые, сколько не реальные перспективы, Грозный, понимая цену всей этой сладкоречивой словесной казуистике, отвечал, что ему хватает своих земель, а на другие он не замахивается. Здесь русский царь откровенно кривил душой, он еще толком не вылез из войны, причиной которой стало именно замахивание на чужую землю. Но Грозный иногда знал, что и где говорить, и сейчас он разыгрывал роль, далеко не похожую на роль агрессора. А потому на все следовавшие одна за другой уловки полномочного представителя Св. престола русский царь отвечал:

«Нам с вами не сойтись о вере: наша вера христианская с издавних лет была сама по себе, а римская церковь сама по себе; мы в христианской вере родились и Божьею благодатью дошли до совершенного возраста, нам уже пятьдесят лет с годом, нам уже не для чего переменяться и на большее государство хотеть; мы хотим в будущем принять малое, а в здешнем мире и целой вселенной не хотим, потому что это к греху поползновение; нам, мимо своей веры истинной, христианской, другой веры хотеть нечего. Ты говоришь, что ваша вера римская с греческою одна, но мы держим веру истинную, христианскую, а не греческую; греческая слывет потому, что еще пророк Давид пророчествовал: от Эфиопии предварит рука ее к Богу, а Эфиопия все равно что Византия, Византия же просияла в христианстве, потому и греческая слывет вера; а мы веру истинную, христианскую исповедуем, и с нашею верою христианскою римская вера во многом не сойдется, но мы об этом говорить не хотим, чтоб не было сопротивных слов. Да нам на такое великое дело и дерзнуть нельзя без благословения отца нашего и богомольца митрополита и всего священного собора. Ты, Антоний, хочешь говорить; но ты затем от папы прислан, и сам ты поп, так ты и смело говоришь».

В результате не обошлось без оскорблений, так что Грозный царь оказался прав, когда предупреждал, что не стоит поднимать вопрос о вере, ибо все закончится бранью. Поведя речь о различии в догматах веры и заостря больше внимания на внешних особенностях и проявлениях, царь увлекся до того, что, согласно своему неукротимому нраву, быстро дошел до резких выражений, чересчур страстно стал обличать порядки римской церкви, при этом досталось и самому папе. Особенно он нападал на папскую гордыню, в пользу которой римские первосвященники предпочли

смирение. Зная натуру Грозного, его характер и ревностное отношение к божественному происхождению своей власти, можно понять, что более всего в римской церкви его раздражало главенство духовной власти над властью светской. Он даже мысленно не мог мириться с тем, что римский первосвященник вознесен над монархами, что ему воздаются почести большие, чем те, что воздаются королям и императорам, отчего он уподоблен Христу. Обвиняя блюстителя апостольского престола в том, что он живет не по учению Христа и не по апостольским заповедям, царь, распалившись, договорился до того, что назвал папу не пастырем, а волком.

«Если уже папа — волк, то мне нечего больше говорить», — только и мог на последний выпад своего царственного собеседника ответить Поссевин.

Разгорячившийся царь спохватился слишком поздно, и все чем он мог загладить грубость, то это напомнить собеседнику о своем предупреждении, что споры о вере без ругательств не обойдутся. При этом он даже, по-видимому, не заметил того, что ругательства имели место только с его стороны.

Не подвигнув русского царя к войне против вассально зависимого от Турции Крыма и еще меньше преуспев в вопросе соединения церквей, то есть, не достигнув главных целей своей миссии, Поссевин снова, было, заикнулся о постройке в Москве католического храма и, кроме того, просил Грозного для более тесного сближения русских с Западом отпустить нескольких молодых людей в Рим для обучения наукам. Но и здесь римский посланник столкнулся со стеной непонимания, и на последнюю его просьбу царь отвечал:

«Теперь в скорости таких людей собрать нельзя, которые бы к этому делу были годны; а как, даст Бог, наши приказные люди таких людей наберут, то мы их к папе пошлем. А что ты говорил о венецианцах, то им вольно приезжать в наше государство и попам их с ними, только бы они учения своего между русскими людьми не плодили и костелов не ставили: пусть каждый остается в своей вере; в нашем государстве много разных вер; мы не у кого воли не отымаем, живут все по своей воле, как кто хочет, а церковью иноверных до сих пор еще в нашем государстве не ставливали».

И хотя встречи и беседы царя с послом продолжались, прений о вере больше не было, причем табу на эту тему разговоров исходило исключительно от царя. Грозный попросил лишь иезуита изложить отличие в верах, как он их понимает, письменно, поскольку присланную папой книгу о Флорентийском соборе никто на Москве не может перевести на русский язык. Посол исполнил просьбу и, покидая Москву, оставил царю рукопись о своем видении различий между католической и православной религиями. Перед отъездом посла царь предложил иезуиту посетить митрополичье богослужение в Успенском соборе, на что тот отказался.

В первых числах марта 1582 года Антоний Поссевин отправился в обратный путь. Надо полагать, посол остался неудовлетворенным своей миссией. В главных намерениях Рим потерпел неудачу, и сейчас

отправленный с иезуитом к папе гонец вез грамоту от русского царя, содержание которой, ни к чему не обязывая обе стороны, лишний раз убедительно показывало, что все старания блюстителя Св. престола оказались напрасными.

«Мы грамоту твою, — писал Иван Васильевич Григорию XIII, — радостно приняли и любительно выслушали; посла твоего, Антония, с великою любовью приняли; мы хотим быть в братстве с тобою, цесарем и с другими христианскими государями, чтоб христианство было освобождено из рук мусульманских и пребывало в покое. Когда ты обошлешься с цесарем и со всеми христианскими государями и когда ваши послы у нас будут, то мы велим своим боярам договор учинить, как пригоже. Прислал ты к нам с Антонием книгу о Флорентийском соборе, и мы ту книгу у посла твоего велели взять; а что ты писал к нам и посол твой устно говорил нам о вере, то мы об этом с Антонием говорили».

Итоги папского посольства и обусловленное ими состояние самого посла кратко и в то же время очень верно охарактеризовал историк Д. И. Иловайский, когда говорил, что «неутешительные впечатления увозил с собой из Москвы иезуит Поссевин: все его хлопоты и дипломатические способности разбились о непоколебимую преданность русских своему православию и сильную нелюбовь к латинству, в чем Иван Васильевич явился верным представителем своего народа».

Можно ли этим считать дипломатическую миссию римского представителя исчерпанной? Последующие события не снимают с повестки дня этот вопрос.

Что же произошло дальше?

В войне на западе оставалось исполнить последний аккорд, и на него в Москве делали высокую ставку. Впечатления от всех поражений последних лет, отдачу завоеванного большой кровью и унижительный Ям Запольский мир — все можно было сгладить победным финалом над Швецией. Если бы Грозному удалось тогда отвоевать у нее хоть что-нибудь из Балтийских берегов с ливонскими гаванями, пусть даже всего только одну Нарву, история простила бы ему многие прегрешения и забыла бы про горечь последних неудач. Но и здесь судьба не благоволила России.

Поначалу, казалось, ситуация для Москвы складывалась вполне благоприятно. Договор в Киверовой Горке гарантировал мир с Речью Посполитой сроком на десять лет, следовательно, лишал шведскую сторону союза и поддержки со стороны Батория. Больше того, к весне 1582 года отношения Польши со Швецией обострились до крайности, так что недавние союзники могли легко стать врагами. Причиной такого поворота дел стали претензии Речи Посполитой на всю Ливонию, в том числе и на ту ее часть, которой на тот момент владела Швеция. Приняв от русских воевод контролируемые теми ранее районы Ливонии и поставив в городах и замках гарнизоны своих войск, польский король намеревался то же самое проделать и с северной частью орденских владений, занятых шведами. Он написал тогда Юхану шведскому вызывающее послание,

требуя очистить занятые орденские земли, грозя в противном случае войной. «Ты воспользовался моими успехами, — заявлял Баторий, — и присвоил себе Нарву с другими городами немецкими, собственность Польши», на что шведский король отвечал: «Что приобретено кровью нашей, то наше. Я был в поле, еще не видя знамен твоих. Вспомни, что вся Европа трепетала некогда имени гóтов, коих мы наследовали и силу и могущество: не боимся меча ни русского, ни седмиградского».

Швеция была готова встать между двух огней. С одной стороны на нее, получив последнее послание от шведского короля, намеревался идти Баторий, бросивший тогда Юхану открытый вызов: «возьму, чего требую», с другой стороны в очередной поход против Швеции из Новгорода уже выступили московские полки.

В начале лета 1582 года воеводы Хворостинин и Катырев-Ростовский двинулись в направлении Яма, имея конечной целью Ивангород и Нарву, а воевода Андрей Шуйский вел войска на север, за Неву, в Финляндию, причем успех сопутствовал русским на обоих направлениях. Сначала весть о победе пришла в Москву из Вотской пятины, когда под селом Лялицы воевода Хворостинин наголову разбил пытавшегося заступить русским дорогу неприятеля. В сентябре шведы осадили Орешек, крепость на Ореховом острове, что в истоках Невы. Мы помним баталии вокруг этой твердыни тех же соперников в прошлые времена, теперь история была готова повториться. Орешек запирал выход из Ладogi в Неву и, напротив, открывал ворота к Балтийскому побережью. Сейчас невское устье, благодаря победам неприятеля в последней кампании, находилось в руках шведов, но они намеревались закрепить успех тем, что отрезать Русь и от невского русла. Во главе осадного корпуса под Орешком стоял генерал Деллагарди, тот самый, перед которым ранее не устояли Нарва и Ивангород. На этот раз удача отвернулась от генерала. Отчаянные приступы не удавались, гарнизон отбивал все попытки взять крепость штурмом, а тем временем к театру событий из Новгорода спешил Андрей Шуйский. Узнав о приближении русских, Деллагарди снял осаду и поспешно отступил.

Победа под Лялицами и успешная оборона Орешка открывали хорошие перспективы для развития наступления. Перед Хворостининым лежал открытый путь на Ям и далее на Ивангород, а бежавший с невских берегов шведский генерал оставил без малейшей защиты перешеек и южные районы Финляндии. Как вдруг неожиданно Москва остановила военные действия. Что же произошло?

Еще в конце июня 1582 года в Москву из Речи Посполитой прибыло королевское посольство для подтверждения заключенного в Киверовой Горке перемирия. Посольство состояло из тех же самых лиц, что мы видели на переговорах в зиму 1581–1582 гг., во главе с князем Збаражским. Совершенной неожиданностью для Москвы стало то, что в условиях договора польская сторона выставляла русской стороне требование не воевать против Швеции во все время десятилетнего перемирия с Польшей. Требование звучало категорически; без признания его Москвой Речь

Посполитая наотрез отказывалась ратифицировать Ям Запольское перемирие, что грозило возобновлением войны.

Анализируя складывавшуюся с начала последней военной кампании на русско-литовском участке фронта военно-политическую ситуацию, напрашивается вывод, что неожиданная для русских инициатива польско-литовской стороны на самом деле была задумана заранее и, отнюдь, не стала плодом результатов последних военных действий Москвы против Швеции. Равно как к ней не могли привести и ухудшения польско-шведских отношений.

То, что шведы не уступят Баторию контролируемую ими северную часть Ливонии, было понятно и ранее. Не за то они более десяти лет насмерть стояли против Москвы, чтобы сейчас все отдать другой стороне, пусть даже и считавшейся союзной. Как понятно и то, что шведы и литовцы могли между собой оставаться союзниками лишь до тех пор, пока у них есть общий враг — Россия. В Польше и в Литве прекрасно понимали, что этот враг обратит все свои силы против Швеции, едва лишь вылезет из войны с Речью Посполитой. И его упорное не упоминание о шведской стороне на переговорах в Киверовой Горке не ушло из поля зрения королевских посланцев. Только с московской наивностью и доверчивостью можно было рассчитывать на то, что противник не придает этому моменту должного значения. А противник хорошо подыгрывал московским простакам, делая вид, что не понимает, к чему клонится дело, и давая им тем самым основания надеяться на последующее единоличное разбирательство с северным соседом.

А последующих вариантов, решающих судьбу Северной Ливонии, могло быть не так уж много.

В том случае, если все оставить в русско-польском договоре так, как оно было постановлено первоначальным вариантом в Киверовой Горке, то, заключив его, обе стороны набросились бы на Швецию, и поскольку та представлялась значительно слабее и России и Польши, то последние поделили бы контролируемые ей районы Ливонии между собой в пропорции, кому сколько удалось бы отхватить. При этом между Россией и Речью Посполитой столкновения быть не могло, поскольку они связаны только что заключенным на 10 лет мирным соглашением. Вот этого варианта более всего и хотелось Москве. Там, конечно, понимали, что солидная доля наследства досталась бы и Польше, но потерпевшую от последней поражение в очном споре Москву устраивал такой исход. Наверняка близлежащие к русским границам территории достались бы ей, а это Нарва — морские ворота в Европу. Зато такой вариант не устраивал Батория. Ведь в этом случае ему, победителю, пришлось бы делиться Северной Ливонией с побежденным русским царем.

Другой вариант мог иметь место в том случае, если сейм не поддержит короля и в этой войне. Кстати, так оно и вышло, и королю было отказано в финансировании войны не только против Московского государства, но и против Швеции. Тогда для Польши реально возникало

опасение завоевания русскими всех районов Ливонии, занятых сейчас шведами, а это уже полный дипломатический провал. Пусть уже тогда лучше шведы владеют Северной Ливонией. При всех взаимных противоречиях и разнице интересов у западных соседей России было одно общее стремление — недопущение русских к морю. К тому же Речь Посполитая всегда предпочла бы иметь большее соседство со Швецией, чем с непредсказуемым и неукротимым московским самодержцем.

Наконец, был еще один вариант, заранее предусматривающий для Москвы запрет военных действий против Швеции. Но при этом оставалась большая вероятность, что русские не пойдут на такое условие, и тогда заключение мира в Киверовой Горке ставилось бы под сомнение или существенно затягивалось. А мы помним, в каком состоянии находилась тогда королевская армия, да и вся противная сторона, которой мир был нужен не меньше, чем Москве. На польской стороне понимали, что не стоит заранее выдвигать условие, с которым можно было повременить и огласить его тогда, когда в том будет нужда. Царские послы не затрагивали в своих договоренностях Швецию, королевские делали вид, что им не ведом этот примитивный прием. В окружении Батория знали, что русские не пойдут на шведа сразу после выхода из войны с Речью Посполитой. Им потребуется какое-то время на восстановление сил. Правда, такое же время для восстановления сил требовалось и польско-литовской стороне, но не забудем, что на той стороне этих сил изначально было больше, иначе бы она не вышла победителем. Мобилизация активности обеих сторон произойдет не раньше, чем придет пора подтвердить достигнутое в Киверовой горке соглашение. И когда такая пора пришла, польская сторона огорошила русскую новым требованием. Это было как снег на голову. Не подчиниться ему значило продолжить войну теперь уже и против Швеции и против Речи Посполитой одновременно. Сейм отказал королю в финансировании наступательной войны, но он целиком поддержал заключенный сторонами в Киверовой Горке мир, в том числе и в той его части, что требует от Москвы отступить от Швеции. А это значит, что, не приветствуя войну, цель которой захват чужой территории, сейм не откажет в военной поддержке Швеции, потому как в противном случае в результате завоевания Москвой Северной Ливонии Речь Посполитая вынуждена будет расширить свои границы с потенциальным агрессором.

В этом плане, рассматривая последний ход литовской дипломатии, встает вопрос: а не была ли эта инициатива внушена королевским людям римским иезуитом? Если так, а оно согласуется с его общей миссией и отвечает его позиции в польско-русском конфликте, то это его самая большая заслуга в посредничестве. Вообще говоря, трудно поверить в то, что королевские люди на переговорах в Киверовой Горке с такой простотой сумели обойти московских послов. Нет, Речь Посполитая не страдала недостатком дипломатического искусства, и ее тонкий ход никого бы не удивил, если бы со стороны Польши участие в переговорах принимали

действительно люди из посольского ведомства. Но ведь в Киверовой Горке королевскую сторону представляли люди, далекие от дипломатии. Король послал их туда прямо из осадного лагеря из-под Пскова, выбрав тех, кто был у него поблизости, что называется, под рукой. Это были военные люди, оторвавшиеся от боевых действий, вынужденные окунуться в непривычную для себя атмосферу несвойственной им политической деятельности. Один только Гарабурда, далеко не самый первый человек в делегации, представлял там из себя дипломатический корпус Речи Посполитой. В другом бы случае такие поспешные действия короля вызвали удивление. Что мешало ему вызвать опытных дипломатов из Кракова или Вильно? Ведь в Киверовой Горке должна была решаться проблема особой государственной важности. Все объясняется просто, если вспомнить, что переговоры вел Антоний Поссевин. А король с первой встречи с ним понял, чью сторону держит этот так называемый посредник.

Мы никогда не узнаем действительную роль Поссевина в последней инициативе Речи Посполитой, да это и не так важно. Важно то, что шведская кампания внезапно прекратилась, чему, кроме требований Батория оставить Швецию в покое, способствовали и иные обстоятельства. Главное из них то, что мир с самим Баторием оставался очень непрочным и грозился быть нарушенным в любую минуту. Насколько быстро и точно выполнила условия Ям Запольского договора русская сторона, освободив все занимаемые ею места в Ливонии, настолько долго и неохотно уходили польские и литовские гарнизоны из занятых ими ранее русских мест. Демаркация границы проходила очень напряженно, сопровождаясь постоянными оскорблениями московских чиновников. Литовские воеводы держали себя вызывающе, не признавали границ там, где это было более чем ясно, в нарушение договоренностей занимали русские места и погосты и даже пытались ставить на русской территории крепости. Особенно они препятствовали размену пленных, требуя за именитых московских пленников выкупа, что шло вразрез с условиями перемирия. Русская сторона обращалась с жалобами напрямую к Баторию, тот то обещал разобраться и посодействовать, то, обвиняя царских людей, оправдывал своих. Одним словом, обстановка царяла такая, что до разрыва перемирия и вспышки новой бойни оставался один шаг.

Другим обстоятельством, способствовавшим прекращению всякой войны, стали внутренние неурядицы.

В конце лета 1582 года вспыхнул бунт в казанском краю. Озлобление местных жителей разного рода притеснениями, произволом царской администрации, мздоимством чиновников и жестокостью полицейского режима привело к восстанию луговых черемисов, которых поддерживали ногайцы, татары и другие недавние подданные Московского государства, прозванные в нем *инородцами*. С первых лет включения их в свою державу Москва повела политику, за которую позже получит прозвище «тюрьмы народов». Движение приняло такой размах, что казанский воевода князь Туренин не только не сумел справиться с ним, но и не мог

высунуться из города и вынужден был отсиживаться за крепостными стенами. Царю на подавление восстания пришлось бросить целую армию во главе с лучшими воеводами Иваном Воротынским и Дмитрием Хворостининым.

В таких печальных и тревожных обстоятельствах, царивших внутри страны, в бушевавшей на ее западных рубежах четверть века Ливонской войне была, наконец, поставлена последняя точка.

Если раньше мы отмечали, что местом заключения мира с польско-литовской стороной стала не соответствовавшая важности такого мероприятия заброшенная деревушка, то в еще большей степени такое несоответствие относится к месту перемирия со Швецией. Собственно говоря, там и места никакого нет, в том смысле, что нет не то чтобы города, но и какой-нибудь деревеньки вроде Киверовой Горки. Больше того, там не было никакого населенного пункта и рядом, чтобы позже можно было назвать его именем заключаемый тогда мир, как это стало с Ямом Запольским. Местом подписания договора о перемирии России со Швецией стала лужайка на берегу речки Плюсы, что в Вотской Пятине на самом западном краю Новгородской земли, куда съехались представители обеих воюющих сторон, решившие все проблемы за один день 5 августа 1583 года, отчего и сам заключенный тогда дипломатический акт вошел в историю как Плюский мирный договор. Согласно ему, Россия признавала шведскими владениями все занятые ею районы Северной Ливонии и, что самое важное, оставляла за Швецией Ивангород, Ям, Копорье с южным побережьем Финского залива, с устьями рек Наровы и Луги. Кроме того, к Швеции отходили земли на Карельском перешейке, а также охватывающие с запада, севера и северо-востока Ладожское озеро, включая и город Корелу. За Московским государством оставалась лишь южная часть перешейка, так что граница со Швецией проходила тут сейчас чуть севернее невской поймы.

Для Московского государства это означало почти полную потерю выхода к Балтийскому морю, того самого, которым до войны владела Россия. В целом Ям Запольское и Плюское перемирия по результатам всей войны означали для Москвы признание своего поражения; они как бы подводили итог общей деятельности русского царя Ивана IV, явились обобщенным показателем его царствования, результатом всей его политики.

Заключение

Изнурительная, тяжелая, кровопролитная Ливонская война наконец закончилась. В подобных случаях исследователи обычно переходят к подведению итогов и, конечно же, к указанию причин либо победы в войне, либо поражения в ней, в зависимости от ее исхода. В нашем случае итог войны лучше всех других историков подвел оставшийся неизвестным псковский летописец. Всего одной фразой, подкупающей своей лаконичностью и в то же время сполна отразившей суть произошедшего, он по окончании войны записал: «Царь Иван не на долгое время взял чужую землю, а вскоре, людей вдвое погубив, и своей не удержал».

Видимые, явные результаты войны освобождают нас от излишнего труда по выявлению каких-либо еще ее последствий. А вот что касается причин такого бесславного финала, то тут есть простор для полемики. Так, например, историк Б.Н. Флоря относительно главного результата Ливонской войны говорит:

«Расцвет «нарвского плавания», превращение этого небольшого городка под русской властью в крупный процветающий центр лучше, чем что-либо другое, показывает, что у русской государственной власти были серьезные основания для того, чтобы добиваться выхода к Балтийскому морю и установления прямых экономических связей со странами Западной Европы. Очевидно также, что, предприняв такие шаги, русское правительство неизбежно оказалось вовлеченным в конфликт с целым рядом государств, стремившихся установить свое господство на торговых путях, связывавших восток и запад Европы. Избежать перерастания Ливонской войны в крупный международный конфликт было совершенно невозможно, но был ли неизбежен столь плачевный исход этой войны для русского государства? Не привели ли к такому шагу ошибки и просчеты, допущенные самим главным инициатором войны Иваном IV, который, верно наметив цель, не смог найти верные средства для ее достижения? Будущие поколения исследователей, может быть, сумеют найти убедительный ответ на эти вопросы».

Это высказывание ученого для нас замечательно тем, что оно, как никакое другое, определяет отправную точку для дальнейших рассуждений, наиболее осязаемо указывает на предмет анализа тех событий, о которых идет речь. Оставим пока в стороне вопрос о средствах, так и не найденных русским царем для достижения своей цели. Еще раз вернемся к самой цели, поставленной перед собой Грозным, и которую автор приведенной

выше цитаты считает верной, следовательно, он является сторонником взглядов царя на решение Балтийской проблемы.

Выше мы говорили, что многие наши исследователи оправдывают царя в его стремлении к завоеванию Ливонии необходимостью иметь морские ворота в Европу. При этом они упорно не хотят видеть того, что Россия, не имея на тот час морских ворот, тем не менее, имела морское побережье, которое для того, чтобы стать воротами, должно было быть соответствующим образом обустроено. Русскому царю показалось гораздо легче, удобнее и дешевле воспользоваться готовыми. И эти готовые находились рядом, правда, они были чужими. Ну, так что ж из того? Значит, это чужое следует завоевать, захватить силой. Сформировавшееся к тому времени у московских правителей имперское сознание, помноженное на вкус к завоеваниям и на безудержную страсть к наращиванию территорий, продиктовало именно такую цель устремлений, которую впоследствии, когда такие устремления в России станут твердой основой государственного мировоззрения и сутью национальной политики, многие наши историки и общественные деятели назовут верной.

Да, надо признать, что полоска морского берега, которым владела Россия в начале царствования Грозного, была мала. Но до тех пор, пока она не была приведена к необходимым нормам торгового мореплавания, то есть, пока на ней не устроены гавани, обеспечивающие прием и отправку судов с требуемой пропускной способностью, не подведены дороги, связывающие морские порты с внутренними районами страны и пр., ее нельзя называть недостаточной. Сначала нужно все это сделать, обеспечив приток караванов торговых судов из Европы и отправку туда своих. А вот когда всего этого будет не хватать для реализации накопленного в стране торгового потенциала, то можно будет говорить о том, что морского берега в русских владениях мало, и ставить вопрос о его расширении. Но даже и тогда приемы, с которыми русская сторона в середине XVI столетия принялась за такое расширение, будут называться военной агрессией.

Но Россия даже не попыталась использовать имевшийся у нее морской берег, который так и остался пустынным. И не следует приписывать достоинству московского завоевателя «расцвет нарвского плавания», которым восхищается историк, автор приведенной выше цитаты. Давно налаженное на Балтике судоходство и готовый механизм работы нарвских гаваней достались Москве в качестве военного трофея. Точно так же, как чуть позже все это было снова потеряно, а вместе с ним потерянными оказались и свое, кровное, пусть даже и не обустроенное.

И здесь совершенно неуместны встречаемые иногда сопоставления положения дел в России накануне Ливонской войны, то есть в лучшие годы правления Ивана Грозного, и в начале царствования Петра I. Те же историки зачастую пытаются найти аналогию во внешней политике того и другого, что исторически некорректно. И дело даже не в том, что Петр, вступая в Северную войну, не замахивался ни на что иное, как лишь на

то, что за 120 лет до него потерял Иван IV. И что при всей своей неумолимой тяге к морю Петр ставил целью только вернуть некогда утраченное. А дело в том, что едва только выйдя к морю, далеко еще не имея даже той полоски, которой владел его далекий предшественник, вступив на Балтийский берег лишь в одной его точке, Петр тотчас же заложил в этом месте город и, толком не успев укрепить его, несмотря на внешнюю угрозу, стал возводить корабельную верфь, строить гавань и т. п. Вот в этом кроется принципиальная разница между Петром и теми его предшественниками, в том числе и Иваном IV, что ранее располагали морским побережьем, но не попытались из него извлечь и минимальной пользы.

Не будем говорить о предках Грозного, которые, имея выход на Балтийский берег, не попытались приспособить его к государственным нуждам. Вероятно, у них были более важные задачи. Но вот наступила эпоха Грозного, и к несомненным достоинствам царя следует отнести то, что он понял выгоду владения морским берегом. Тут еще надо сказать, что принадлежавшее до начала Ливонской войны России Балтийское побережье не вызывало серьезных забот в смысле внешней опасности. К этому времени давно канули в Лету времена, когда в бассейне Невы гремели жаркие баталии новгородцев со шведскими пришельцами. Еще к началу XVI века, после вспышки очередного русско-шведского противостояния времен великого княжения Ивана III, здесь установилось довольно устойчивое равновесие. Поколебать его не смог даже разразившийся в канун Ливонской войны очередной конфликт Москвы с северным соседом, так что из всех отдаленных окраин русского государства трудно было тогда найти более спокойное место, чем низовья Невы. С севера граница со Швецией проходила по Карельскому перешейку, начинаясь от устья реки Сестры, и единственным военным форпостом Швеции в этом регионе оставалась крепость Выборг, но от русско-шведской границы она отстояла довольно далеко. По другую сторону неевского устья принадлежавший русским Балтийский берег простирался до реки Наровы, то есть, до границы с Ливонским Орденом. Внешняя граница здесь отстояла еще дальше, чем граница со Швецией, но главное в том, что приближающийся к своему окончательному развалу Орден в силу своей крайней слабости давно перестал являть для Руси опасность. Обстановка сама располагала к спокойному, методичному обустройству Балтийского берега в районе неевского устья, но Иван IV и близко не обладал необходимым для этого гением Петра.

Какое же решение принял русский царь в середине XVI века?

А на его решение повлияла-таки внешняя обстановка в регионе, но только в несколько ином ее понимании.

На северном краю русско-ливонской границы, в самых низовьях реки Наровы, на ее левом берегу, стояла немецкая крепость Нарва. Напротив нее, на правом, русском берегу Наровы, еще дед Грозного, великий князь Иван III основал город-крепость Ивангород, которому надлежало стать первым русским морским портом. Естественно, что шведы не пришли

в свое время в восторг от появления на Балтике новой морской державы и предприняли ряд покушений на новый город, но безрезультатно. В конце концов, они отступились от Ивангорода, махнув на него рукой. Орденские же власти, в силу своей немощи, ко всем стремлениям Руси «ногою твердой стать при море» оставались безучастными с самого начала. Оставленный всеми в покое город вырос, но портом не стал. Несколько поколений ивангородцев с любопытством смотрели через реку, как встречает и провожает корабли соседняя Нарва. Русские люди так и не сумели вынести из этих впечатлений сознания того, что им никто и ничто не мешает поступать также. Зато их царь под воздействием этих впечатлений пришел к тому выводу, что проблема решается просто: Нарву нужно просто завоевать, а за ней заодно и всю Ливонию.

Мы не случайно провели этот экскурс в общем-то известную область, с которой знакомили читателя и ранее, дабы можно было лучше оценить степень верности намеченной царем цели. Давайте обратим внимание на одну деталь. Историк Б. Н. Флоря, отстаивающий правильность выбранного Грозным курса, в чем, кстати сказать, он не одинок, и на тех же позициях стоит целый ряд других наших отечественных исторических деятелей, в то же время приводимой выше цитатой утверждает, что «избежать перерастания Ливонской войны в крупный международный конфликт было невозможно...».

Тогда о какой верности намеченной цели можно говорить, если следование этой цели ведет к крупному международному конфликту?

Правда, историк тут не оговаривается насчет того, когда именно стала ясной неизбежность международного конфликта. Может быть, он имеет в виду, что до развязывания войны перспектива крупного конфликта еще не просматривалась, и о том, что его было не избежать, стало понятно только позднейшим поколениям исследователей. В этом случае ученый оставляет русскому царю основания для оправдания — мол, он выбрал правильную цель, но кто мог тогда подумать, как оно на самом деле обернется. Если так, то это слабая и жалкая попытка выгородить Грозного. Не понимать, чем закончится его вторжение на земли Ордена, было нельзя уже тогда. Обстановка на западе, интересы сопредельных государств, общий настрой соседей не оставляли шансов на иной исход событий. И тому, кому этого было не видно, вообще нельзя претендовать в истории на роль политического деятеля, тем более такого, которому можно со временем будет приписать правильность намеченной цели в чем бы то ни было.

Так что историк, называя намеченную русским царем цель верной, противоречит как объективным обстоятельствам, так и ходу событий. Но вот далее Флоря задается вопросом насчет того, а был ли столь плачевный исход той войны неизбежен? и не привели ли к такому печальному результату ошибки и просчеты самого Грозного?

Вот относительно этого и следует вести весь дальнейший разговор.

На каждый из этих двух вопросов ответ тоже ясен, и при неизбежности перерастания войны в международный конфликт и, следовательно,

сколачивания антирусской коалиции война для Московского государства не могла закончиться иначе, чем она закончилась в действительности. И ошибки высшего руководства, причем ошибки, доходящие до преступлений, тоже не должны вызывать споров. Но вот этого уже русский царь понять был не в состоянии. Он, может быть, и ожидал неизбежности союза против себя, но продолжал надеяться на свои силы и не предвидел того, что финал окажется столь драматичным. Ну и конечно, ни о каких собственных ошибках и просчетах царь не допускал даже мысли, он к тому времени давно устоялся во мнении о своей безошибочности и божественной непогрешимости.

Известный истории исход Ливонской войны был predetermined самой неизбежностью международного конфликта, о котором говорит тот же историк. Противостоять такой коалиции России было не под силу, и нужно признать объективность этого положения. Ошибки и просчеты русского царя только усугубили ситуацию, но и не будь их, трудно было ожидать иного итогового результата. Россия не могла победить, даже если бы царь, говоря грубо, и «не наломал дров». Правда, в этом случае война бы могла обойтись меньшими материальными затратами и, что самое главное, меньшими человеческими жертвами, но трудно представить, чтобы общий итог мог стать другим. Зато, если, пофантазив, допустить, что Россия при другом руководстве была бы способна сокрушить противостоящую ей коалицию, то при всех тех же условиях, но, находясь под Грозным царем, она одинаково была бы обречена на тяжелое поражение. Иными словами, для того, чтобы Московской державе оказаться побежденной, было достаточно любого из двух условий, поставленных историком в виде вопросов. И к неудаче в войне неизбежно привела бы как одна лишь недостаточность материального и физического потенциала Московского государства, так и безумная внутренняя и внешняя политика его царя.

Второе условие должно быть более или менее ясным, и с проявлениями такой, мягко говоря, политики царя мы знакомили читателя по ходу повествования. А потому оставим разбирательство этого условия на потом и вернемся к нему несколько позже. Посмотрим сначала на сугубо материальные причины, обусловившие невозможность для Москвы противостоять сложившемуся против нее на западе альянсу.

После знакомства с некоторыми деталями военной машины России кануна Ливонской войны и организацией московского военного лагеря тех лет, а также с аналогичными сведениями о ее соперниках по войне может сложиться впечатление о, по меньшей мере, равенстве военного потенциала Москвы такому же суммарному показателю всех стран противостоящей ей коалиции. А то, может быть, даже следует говорить и о некотором превосходстве России в военном отношении над общим противником. Но такое впечатление обманчиво, и создается оно только потому, что, приводя данные о численности войск, количественном и качественном составе артиллерийского парка, характере вооружения и т. п.,

мы не назвали еще одного показателя, более других определяющего военную мощь государства, — уровня владения военным искусством. А именно в этом показателе в ходе Ливонской войны обнаружился факт отставания русской военной машины даже далеко не от самых лучших европейских аналогов.

Веками оттачивая воинское мастерство исключительно в борьбе с кочевой степью, где победа решалась преимущественно числом и, может быть, в какой-то степени, внезапностью, Русь научилась одолевать Орду, собственный военный механизм которой не получил со времен Чингисхана и Батыея существенного развития. Развал монгольской империи привел в не подлежащую восстановлению ветхость его отдельные узлы, а потому ко времени падения ордынского владычества Русь в военном отношении стояла на порядок выше своего бывшего поработителя, что и позволило ей постепенно переподчинить того своей воле. Завоевания Казанского и Астраханского царств явились прямым следствием возвышения московского военного могущества над ордынским, и только удаленность и природная защищенность Крыма, а также опека и покровительство над ним со стороны Турции отодвигали на время такую же перспективу для ханства Гиреев.

По-иному выглядит сравнительная оценка русского военного механизма с западным. По сути дела, до самой Ливонской войны военный контакт России с Европой ограничивался мелкими обоюдными нападениями на псковско-ливонском порубежье, сопровождавшимися разорением с обеих сторон мирного сельского населения и разбивавшимися о стены первого встретившегося на пути укрепленного места. То же самое можно сказать и о новгородско-шведских конфликтах, носивших локальный характер, сводившихся в основном к обоюдным осадам и оборонам небольших крепостей и не выливавшихся в открытые полевые сражения. Наиболее памятными для Москвы из войн с западными соседями оставались, конечно, русско-литовские столкновения. Но характер литовского военного лагеря до самого последнего времени очень напоминал собой московский, а потому русским воеводам до поры, до времени удавалось с успехом противостоять западному соседу, хотя нельзя не отметить, что при несравненно больших материальных и людских ресурсах особо громких побед у Москвы над Литвой отмечено не много. Зато к середине XVI столетия в Литве все больше начинает сказываться влияние Запада, что, в первую очередь, проявляется в устройстве и организации ее армии. Окончательный толчок к перестановке литовской военной машины на общеевропейские рельсы дало объединение с Польшей в одно государство. Прежде всего, это сказалось на увеличении удельного веса наемного элемента в литовском войске.

Нашей отечественной военно-исторической наукой, получивший на Западе широкое распространение, институт наемничества долгое время подвергался резкой критике. При этом отстаивалась мысль о негативном влиянии наемной военной силы на боеспособность национальных

армий. В несколько меньшей мере, но все-таки такой взгляд сохраняется и сегодня. В качестве аргументации неизменно приводится тот довод, что наемник не имеет морального стимула и воюет лишь за деньги. В подходе к этому вопросу сказалась общая тенденция, свойственная нашему национальному взгляду на вещи, причем не только связанные с войной. Особенность этого взгляда, относительно любого предмета, в том, что он традиционно не придает значения такому понятию, как *профессионализм*. Безусловно, не следует умалять роль морального стимула, но не стоит забывать и того, что наемник — это высокопрофессиональный воин, и, как всякий профессионал, он с предельной ответственностью и с максимальной отдачей относится к своему делу. Да, он воюет до тех пор, пока ему аккуратно выплачивают жалование, и складывает оружие в тот момент, когда наниматель перестает ему платить, что только говорит в его пользу, ибо характеризует его как профессионала. Он добросовестен к своему делу сам и требует к себе такого же отношения от других, то есть выполнения договорных условий теми, кто его нанял. Действительно, нашим соотечественникам такое понять трудно. Исторически сложилось так, что в нашем Отечестве ни в какой сфере деятельности настоящих профессионалов никогда не было, а потому и ни в чем не было хоть сколько-нибудь развитого чувства профессионализма, и все делалось абы как, по наитию, в лучшем случае под воздействием морального стимула.

В особенности моральным стимулом всегда любили приобщать нашего соотечественника к выполнению военных обязанностей. И, надо сказать, стимул этот иной раз во многом компенсировал материальные недостатки. Но так могло быть лишь там, где речь шла о защите своей земли. Иное дело Ливонская война, особенно в той ее части, когда военные действия проходили за рубежами Отечества. Ведь поднять людей моральным стимулом на несправедливую, захватническую войну, на агрессию практически невозможно. И при всех обращениях царя к народу, зачитываемых дьяками с Лобного места, и при сутках несмолкаемого над Москвой колокольного звона, призывающего постоять за Святую Русь, русские воины в Ливонии не могли подспудно не понимать, что они воюют чужую землю, и все, что они ни делают, далеко от справедливого дела защиты своей страны. Идет захватническая война, возбудить на которую людей можно всякого рода стимулами, но только не моральным. А потому у русского ратника, воюющего в Ливонии, перед противостоящим ему наемным воином пропадало последнее преимущество — моральный стимул, и он оставался один на один с противником, вооруженным высоким профессионализмом.

Вызванное изоляцией России незнание передовых достижений европейской военно-теоретической мысли привело к заметному отставанию в области военного искусства, что и сказалось на полях сражений Ливонской войны, где против России выступили довольно мощные, но все же далеко не самые лучшие представители европейской военной

школы. Характерно, что сам факт такого отставания, похоже, впервые проявился уже в ходе войны, став неожиданным открытием для всех воюющих сторон. До этого московская военная машина не имела на этот счет возможности себя проверить. Но куда хуже то, что она имела слишком много возможностей ошибочно убедиться в обратном. В частых столкновениях с пусть многочисленными, но не стройными толпами казанцев, крымцев, ногайцев московские рати неизменно одерживали верх, по-видимому, не догадываясь о существовании такого понятия, как военный строй, служащий средством ведения боевых действий и получивший на Западе название «правильного оружия». И вот этому сознанию превосходства над азиатскими толпами в Москве придали слишком много значения, что, наверняка, послужило лишним аргументом в пользу развязывания Ливонской войны, полагая, что точно также можно воевать и против европейских профессиональных армий. Впрочем, о понятии военного профессионализма на Москве тоже никто ничего не слышал. Но уже самые первые годы войны лучшим московским воеводам, воспитанным на тактике борьбы с беспорядочными и неорганизованными толпами, показали, что есть принципиально иная военная школа, перед которой их методы ведения боевых действий бессильны. В первую очередь, это прекрасно поняли в самом русском лагере. А потому на протяжении всей войны московские воеводы всячески стремились избегать открытых полевых сражений с любым из противников, вступая в них только в крайнем случае и только тогда, когда имели ощутимый численный перевес, но и при этом далеко не всегда одерживали победы.

Характер отставания московской военной машины даже не от самых лучших западноевропейских, а более близких ей, соседских аналогов, очень верно подчеркнул историк С. М. Соловьев:

«Как в Московском государстве, так в Польше и в Литве почти не было постоянного войска: служилое, или дворянское, сословие собиралось под знамена по призыву государей... Таким образом, войско в Восточной Европе сохраняло еще прежний, средневековый, или, лучше сказать, азиатский, характер: в нем преобладала конница, тогда как на Западе этот характер уже изменился: здесь конница, видимо, уступала первое место пехоте, здесь государи давно уже убедились в необходимости иметь под руками постоянное войско, состоявшее первоначально из наемных ратников. Мы видели характер наших войн не только до Ивана III, но и при нем, при сыне и внуке его войн с Литвою: ратные толпы входили в неприятельскую землю, страшно опустошали ее, редко брали города и возвращались назад, хвалясь тем, что пришли поздорову с большою добычею; литовцы платили тем же; но движения с их стороны были слабее... и потому Москва выходила постоянно с выгодами из войн с Литвою. Несмотря, однако, на это, даже и в войсках литовских, или, лучше сказать, между вождями литовскими, не говоря уже о шведах, легко было заметить большую степень военного искусства, чем в войсках или воеводах московских: это было видно из того, что во всех почти значительных

столкновениях с западными неприятелями в чистом поле московские войска терпели поражения...».

А далее известный историк, как еще на одну причину, толкнувшую русского царя к развязыванию Ливонской войны, указывает на стремление Грозного привнести в военную машину своей державы элементы западного военного искусства. При этом он равно указывает и на стремления Запада не допустить Москву до знакомства с этим искусством, а тем более до овладения им:

«Неприятели Московского государства... старались всеми силами не допустить в него искусных ратных людей, мастеров, не пропускать снарядов военных. И в Москве понимали это также очень хорошо, отсюда осторожность московских воевод, нежелание вступать в битвы с войсками, на стороне которых виделось большое искусство; мы должны отдать честь московским воеводам за то, что они не полагались на многочисленность своих войск, сознавая превосходство качества над количеством, превосходство искусства над материальной силою. Понимал это очень хорошо, если не лучше всех, сам царь Иоанн — отсюда господствующее, неодолимое в нем желание овладеть Ливониею, овладеть путями, ведущими к образованным народам; отсюда желание иметь в своей службе искусных в ратном деле иностранцев,... отсюда домогательство, чтоб шведский король прислал ему отряд ратных людей, обученных, вооруженных по-европейски; отсюда осторожность, уклончивость, робость, происходившие в нем от отсутствия надежды на успех без особенных счастливых обстоятельств, в соединении с родовыми, от предков заимствованными осторожностью и уклончивостью».

К неотъемлемым атрибутам военного искусства следует отнести и профессиональный уровень военачальников, и в этом смысле отставание Москвы от своих соперников по Ливонской войне становится еще более разительным. На первых этапах войны этого, может быть, и не было так заметно, поскольку боевые действия велись исключительно против издыхающего Ордена, где любым рыцарским доблестям на фоне материального московского могущества суждено было оставаться незамеченными. Картина стала понемногу меняться после вступления в войну Литвы. Мы уже говорили о том, что долгое время литовская военная машина во многом оставалась подобной московской. Но где-то к середине столетия веяния Запада начали давать о себе знать, и разгром в январе 1564 года под Оршей русского войска, возглавляемого одним из лучших московских воевод П. И. Шуйским, может служить лучшим тому подтверждением. Люблинская уния Литвы с Польшей и приход к власти в объединенном королевстве Стефана Батория имели следствием окончательное превосходство литовской военной машины над московской. Послушаем суждения Соловьева на этот счет:

«И вот в это время, когда московское правительство так хорошо сознавало у себя недостаток военного искусства и потому так мало надеялось на успех в решительной войне с искусным, деятельным полководцем, на

престоле Польши и Литвы явился государь энергичный, славолюбивый, полководец искусный, понявший, какими средствами он может победить соперника, располагавшего большими, но только одними материальными средствами. Средства Батория были: искусная, закаленная в боях наемная пехота, венгерская и немецкая, исправная артиллерия, быстрое наступательное движение, которое давало ему огромное преимущество над врагом, принужденным растянуть свои полки по границам, над врагом, не знающим, откуда ждать нападения. Вот главные причины успеха Баториева, причины недеятельности московских воевод, робости Иоанна... ибо странно было бы говорить об искусстве воевод московских, назначавшихся не по военным способностям, а по месту, которое они занимали в Думе, когда важный боярин, как боярин, был в то же время и воеводою, хотя бы не имел ни малейших военных способностей; да и где было узнать эти способности?»

Мы можем смело утверждать, что в лице седмиградского князя судьба преподнесла объединенному польско-литовскому королевству бесценный подарок, причем сделала это как нельзя вовремя. В самый нужный для себя момент Речь Посполитая обрела именно такого короля, какой и был ей нужен.

Изображая политический портрет Стефана Батория, приписывая ему «разгром создания двух великих Иванов», имея в виду Московскую державу, созданную Иваном III и его внуком Иваном IV, историк Р. Ю. Виппер говорит:

«Перед нами выступает крупный военный, дипломатический и административный талант, по своей гибкости пригодный действовать как раз в трудной обстановке шляхетских республик и в то же время способный развернуться только в беспокойный военный век, когда вся Европа составляла громадный рынок вербовки, когда уже не война вызывала солдат, а воинственные незанятые и неспособные заняться мирным трудом люди создавали войны и до бесконечности тянули их.

Стефан Баторий — один из предводителей пестрых наемных отрядов, начиная от Колиньи, Александра Фарнезе и Морица Оранского и кончая Валенштерном, мастеров военной техники, державших армию верой в свою счастливую звезду и на самом деле бесконечно изобретательных и изворотливых...

В карьере Батория немалую роль сыграло счастье. Трансильванский (седмиградский — А. Ш.) воевода занял престол Ягеллонов и взял в свои руки войну, тянувшуюся уже 20 лет, когда его великий противник успел дойти до полного истощения. С уверенностью можно сказать, что борьба носила бы совершенно иной характер, если бы Грозный и Баторий встретились в 1566 г., в эпоху первого земского собора, когда организация военной монархии была в цвете сил, когда все чины отозвались с готовностью и энергией продолжать военные действия. Правда, Баторий, воитель по призванию, командир, популярный среди солдат, представлял именно тип того государя, какого жадно вызывал в своем воображении

Пересветов (приближенный Грозного, писатель-публицист — А. Ш.). Зато Иван IV своими качествами техника и военного администратора мог по-своему уравновесить блестящие данные Батория, как стратега и тактика. Вся беда в том, что его военное устройство находилось в полном распаде, что изобретательность, гибкость и приспособляемость Грозного кончились. Московская военная держава представляла обломки прежней системы, поражавшие теперь своей устарелостью».

Как на одно из проявлений такой устарелости, исследователь указывает на недееспособность высшего командного состава московского войска и самого царя, когда говорит «об упадке личности Грозного».

«Перед нами тень того человека, — продолжает в этом направлении ученый, — который в 50-х и 60-х годах развернул такую мощь военного и торгового империализма. Но бессилие, бездеятельность, утрата веры в свое счастье, обнаруженные царем, находятся в тесной связи с действительным крушением его дела».

В подтверждение последнего положения можно привести достаточно доводов, но главным из них останется выбранная Москвой стратегия, сыгравшая не последнюю роль в поражении. И эта стратегия во многом стала следствием отставания московской военной машины от ее соперников, в том числе и низкого профессионального уровня командного звена армии. У исследователя есть все основания для того, чтобы составить довольно точное представление о планах ведения русской стороной военных действий. Особый интерес в этом смысле представляет стратегия Москвы последних кампаний войны, тех самых, что привели к полному поражению, и их тактика, направленная на осуществление такой стратегии. Даже с учетом того обстоятельства, что при планировании операций на московской стороне царя была полная неясность о замыслах противника, вплоть до того, что до конца оставалось загадкой направление его удара, стратегический план оставлял желать лучшего. Для каждой из последних кампаний он, если и не обрекал русскую сторону на поражение, то, во всяком случае, лишал ее шансов на победный исход. То есть, в лучшем случае оставлял ей надежду на ничейный результат.

Нетрудно увидеть, что в основу стратегических планов кампаний последних лет войны русское командование закладывало идею «малой войны». Для этого усиливались гарнизоны русских крепостей, и не только приграничных, но и стоящих в глубине территории. Основная же масса полевых войск, разбитая на небольшие корпуса и отряды, рассредоточенные на большом пространстве, предназначалась для нападения на отдельные части королевской армии. Такая форма ведения военных действий очень хороша как вспомогательная, как партизанская, когда помимо этого армия активными, как оборонительными, так и наступательными, маневренными операциями, чередующимися с открытыми полевыми сражениями, решает основную задачу войны. Но в конкретном случае никакой другой задачи не ставилось, а обреченная на партизанскую войну русская армия была не в состоянии решить проблему защи-

ты своей территории. При этом ситуация не улучшилась и от усиления крепостных гарнизонов. Как известно, кроме Пскова под Баториевыми ударами не устояла ни одна русская крепость.

На счет московской стратегии последних кампаний войны и тактического ее разрешения историк Б. Н. Флоря задается рядом вопросов, вроде: «Чем был вызван выбор такого плана военных действий, который, по существу, обрекал на пассивность главные силы русской армии?», или «На что рассчитывали царь и его советники, разрабатывая подобный план военных действий?»

И далее ученый сам отвечает на свои же вопросы:

«Они (царь и его советники — А. Ш.), несомненно, основывались на опыте предшествующих войн с Великим княжеством Литовским. В этих войнах дворянское ополчение Великого княжества, предпринимая походы на русскую территорию, ограничивалось обычно опустошением вражеской земли, не пытаясь овладеть опорными пунктами русской обороны. Пехота, не обученная ведению осадных работ, составляла небольшую часть литовской армии, и неудивительно, что попытки осады русских крепостей, предпринимавшиеся в первые годы Ливонской войны, как правило, заканчивались неудачей.

Царь и его окружение, очевидно, полагали, что так будет и впредь: русские передовые отряды будут мешать польско-литовскому войску разорять русские земли, а русские крепости, надлежащим образом укрепленные, будут недоступны для неприятеля, который к тому же не сможет долгое время вести осаду, лишившись из-за действий русских войск подвоза продовольствия».

Не трудно увидеть, что в этом и была ошибка высшего руководства. На русской стороне не увидели изменившейся в ходе войны ситуации, не поняли того, что время, когда вести войну можно было первобытным способом, безвозвратно ушло. И первые победы Батория по взятию русских крепостей на самой русской стороне ситуацию не прояснили. Там так и не разглядели того, что под рукой у польского короля теперь стоит армия принципиально нового типа, обученная искусству осадной войны. А потому в Москве не смогли придумать ничего лучшего, как потерю своих крепостей, приведшую к взлому границы, немедленно списать на вьезшуюся в кровь и сознание царя причину — измену. В понимании Грозного и его ближнего окружения измена давно к тому времени стала главным и единственным объяснением всех неудач.

Но вернемся к той части рассуждений Виппера, где он говорит о счастье, сопутствующем карьере Батория, мотивируя это свое положение тем, что к моменту выступления его против Грозного, война, иссушившая ресурсы России, длилась уже 20 лет. И, случись русскому царю скрестить оружие с польским королем раньше лет этак на 10, результат мог быть иным.

Самый простой анализ событий Ливонской войны покажет, что это не так. То есть, результат действительно мог бы быть и иным, но только еще более не в пользу Москвы, но историк-то как раз считает обратное,

полагая, что в 1566 году, то есть за 10 лет до утверждения на польском престоле Батория, в Московской державе «организация военной монархии была в цвете сил». Так ли это? Давайте вспомним ход войны.

Первые четыре года война Россией велась исключительно против Ливонского Ордена. Военные действия открылись в январе 1558 года, а только в ноябре 1561 года Литва, после того как Орден отдался под ее протекторат, официально заявила о своих правах на орденские владения. Правда несколько ранее, в июне того же года, северной частью Ливонии завладела Швеция, но Москва не стала пока предъявлять к ней претензий, а, стало быть, и угрозы войны с северным соседом не было. Да и заступничество Литвы долго не выходило из разряда дипломатического давления на Москву, без малейших попыток покушения на применение военной силы. А свои воинские контингенты Литва ввела только в пять крепостей, расположенных в Задвинье, в Курляндии, куда русские полки не подходили и близко.

Все эти четыре года прошли в попытках московских воевод овладеть Ливонией и установить над ней надежный контроль. И какой же тут результат?

К исходу четвертого года войны русские войска заняли несколько более или менее крупных городов и пару десятков замков, представляющих собой укрепленные поместья, то есть, по сути дела частные имения крупных немецких феодалов. Все это вместе взятое обеспечивало какой ни на есть контроль приблизительно над четвертой частью орденских земель, преимущественно в восточной части Ливонии, прилегавшей к русским областям. При этом только в одном их месте, в Нарве, русские люди вышли к морю, которое и было главной целью всего предприятия. Правда, при этом воеводы регулярно совершали далекие рейды вглубь неприятельской территории, но кроме опустошения незащищенной сельской местности такие походы никакого результата не имели. Установить контроль в центральной и южной Ливонии, в силу их удаленности, Москва не сумела. Да и в восточной части Ливонии, где русским людям, как казалось, удалось закрепиться, покоя не было. Контроль над территорией был относительный, сообщение между гарнизонами оставалось не безопасным, а иногда, как мы помним, немцы вдруг брали в свои руки инициативу и осаждали, и даже отвоевывали свои бывшие замки.

Еще раз заметим, что все это было тогда, когда издыхающий Орден противостоял могуществу Москвы только своими собственными силами. Даже с учетом того, что владения Ливонии представляли собой густую сеть крепостей и замков, такая сопротивляемость Москве должна показаться чем-то необыкновенным. Военные потенциалы соперников были несоизмеримыми, численность орденских войск не могла превышать нескольких тысяч человек с учетом наемников, коих было большинство, а собственно ливонских воинов могло быть только несколько сотен, тогда как армия агрессора насчитывала десятки тысяч человек. При таком соотношении сил Россия должна была смести Ливонию максимум за

несколько месяцев, на что, наверняка, и рассчитывали в Кремле, развязывая войну. Так что даже при всех ссылках на крепости и замки говорить о каком-то противодействии до смешного несерьезно. И, тем не менее, говорить приходится, ибо таковы реалии. Тогда не следует упоминать о счастье Стефана Батория, которому не довелось столкнуться с Грозным ранее, потому как напрашивается вопрос: почему же русская сторона позволила такому счастью состояться? Почему она не расправилась с Орденом, когда в течение нескольких лет оставалась с ним один на один? В этом случае вопрос заступничества за Ливонию просто бы отпал, потому что заступаться было бы уже не за кого.

Наконец, в войну вступила Литва, но еще 10 лет во главе ее будет находиться престарелый, пассивный, не решительный, далеко не воинственный и почти недееспособный Сигизмунд-Август. А в России в это время, говоря словами историка «организация военной монархии была в цвете сил». Чем же можно объяснить тогда, что в эти самые годы Россия в деле завоевания Ливонии не продвинулась ни на йоту. Правда, в самой Литве, благодаря неготовности последней, Москва завладела Полоцком, но в орденских владениях она удерживала в своих руках практически лишь то, что удалось завоевать в первые три-четыре года. При этом продолжались все те же, не менявшие стратегической обстановки, скучные вымучивания небольших крепостей и замков, большинство из которых тут же снова приходилось отдавать обратно. Справедливости ради надо сказать, что теперь на стороне Ордена воевала Литва, но в добаториев период ее участие в войне не отличалось ни большой активностью, ни использованием крупных воинских контингентов, ни серьезностью задач, ни надлежащей готовностью.

В 1572 году для западного соседа Москвы наступает самый тяжелый период эпохи. И что немаловажно, неизменно затянувшийся. Бескорольеве с неизменно сопутствующими ему разладом государственного механизма, с расстройством системы управления и безначалием армии, продолжится четыре года. Все это время Россия в Ливонии по-прежнему топчется на одном месте. Прогресса нет никакого.

И вот тут к власти в соседнем государстве, пусть даже к власти очень ограниченной, приходит Баторий. Новым королем Речи Посполитой становится человек умный, энергичный, талантливый, от природы наделенный незаурядными воинскими способностями. Он решительно и уверенно берет судьбу затянувшейся войны в свои руки. А наш отечественный историк делает при этом вывод о его счастье. Дескать, вот если бы он появился пораньше, а именно тогда, когда воеводы Грозного около двух десятков лет беспомощно топтались под стенами одних и тех же ливонских крепостей, то такой удачи у Батория не было бы. Выходит, Москва, еще не истощенная войной, не могла сломать сопротивление жалкой и хилой Ливонии. Позже она также не могла взять верх над вялой и как-то нехотя вступившей за Ливонию Литвы. Зато если бы Москва к этим противникам получила бы вдобавок еще и седмиградского князя

с его громадным военным талантом и обладавшего мощной современной армией, то тут она могла бы выйти победителем.

Наверное, нет надобности уделять слишком много внимания такой концепции известного ученого. И как это будет ни прискорбно, но следует признать: московская военная машина в сопоставлении с западными аналогами не просто проигрывала. Она настолько не отвечала требованиям времени, что оказалась несостоятельной даже в борьбе с противником, уступающим ей в живой силе почти на два порядка.

И хотя для объяснения поражения России в Ливонской войне приведенных причин будет достаточно, для полноты картины сюда же можно отнести и ряд других обстоятельств, не способствовавших успеху. Так, некоторые наши историки сомневаются в достаточной численности русской армии. По этому поводу С. М. Соловьев, например, пишет: «Мы привыкли думать, что Иоанн располагал громадными войсками, которые, однако, вследствие робости его оставались в бездействии; но о числе войск московских во время войны с Баторием мы не имеем достоверных показаний, на свидетельство же псковского летописца в этом отношении менее всего можно полагаться».

А уже неоднократно упоминаемый нами Б. Н. Флоря на тот же счет высказывается более определенно:

«Со времен Н. М. Карамзина, писавшего о том, как «гибли добрые Россияне, предаваемые в жертву врагам Иоанновою боязливостью», в исторической литературе вплоть до недавнего времени устойчиво сохранялось представление о том, что в распоряжении царя имелась большая армия, вполне способная вести войну с войсками Батория, но парализованный страхом царь не решался дать ей приказ об активных действиях. Но так ли это?

То, что мы знаем об Иване IV, не позволяет говорить о нем как о человеке, когда-либо отличавшемся храбростью на поле боя. Но от правителя этого и не требовалось... Для осторожного ведения войны был ряд других, гораздо более веских причин.

Во-первых, к 1580 году царь уже не имел возможности собрать такое большое войско, как в 1563 году, когда он отправлялся в свой поход на Полоцк. Многолетняя война, приведшая к небывалому росту государственных налогов, внутренняя нестабильность (частые перемены владельцев, которые стремились, пользуясь моментом, выжать из крестьян максимум возможного, не думая о последствиях) и страшное моровое поветрие начала 1570-х годов — все это привело к резкой убыли населения и запустению обрабатываемых земель.... Следствием этих перемен было резкое уменьшение количества детей боярских, способных нести военную службу, и военных слуг, которых они должны были приводить с собой в войско.

Во-вторых, царь не мог использовать все свое войско в войне с Баторием. Он должен был держать войска и в Ливонии против шведов и на южной границе против татар...

В-третьих, само состояние, боевой дух армии, которую удалось бы собрать для ведения войны, вызывали у царя и его советников серьезные сомнения. По мере того как длилась и никак не кончалась война, и дворян все время отрывали от хозяйства, которое в разоренных поместьях вести было все труднее, нарастало недовольство дворянства создавшимся положением. К концу 1570-х годов это недовольство стало проявляться в массовом уклонении помещиков от несения военной службы... 20 августа 1580 года в самый разгар военных действий воеводы одной из пограничных крепостей, Невеля, сообщали, что со службы «разбежались» находившиеся в крепости дети боярские из Нижнего Новгорода, им туда срочно пришлось отправить подкрепления.

Недовольство находило свое выражение и в нежелании служилых людей жертвовать жизнью ради ненавистой войны. Пример Полоцка был не единственным. После взятия этого города гарнизон ближайшей крепости Туровля оставил ее, отказавшись подчиняться воеводам. С армией, находящейся в таком состоянии можно было вести только «малую войну».

Каскад обстоятельств, приведших к негативному для нашего отечества исходу войны за Ливонию, венчает то из них, на которое указывает историк Н. И. Костомаров:

«Долгие мучительства и развращения, посеянные в народе Опричниною, приносили свои плоды: русские легко сдавались неприятелю и переходили на службу к Стефану Баторию; один Псков представлял собой счастливое исключение благодаря тому, что там находился умный и деятельный Иван Петрович Шуйский. Иван Васильевич трепетал измены, боялся посылать от себя войско; ему представлялось, что его самого схватят и увезут к Баторию».

Несмотря на то что эта мысль принадлежит маститому ученому, трудно согласиться с тем его утверждением, что переход некоторых русских воевод на сторону противника мог не то чтобы послужить одной из главных причин поражения, но и сколько-нибудь повлиять на ход войны. Измена со стороны высшего руководства армией и даже со стороны среднего командного звена не стала не только массовым, но и сколько-нибудь заметным явлением. В основном перебежцами становились рядовые ратники, мелкой руки дворяне и дети боярские. Переход на сторону врага А. М. Курбского и еще нескольких более или менее крупных военачальников были единичными явлениями, к тому же случившимися задолго до появления на исторической сцене Стефана Батория, то есть тогда, когда чаша весов в противостоянии еще колебалась и ни на одной из воюющих сторон не было уверенности в том, куда она в конечном счете склонится. Но для нас приведенное выше высказывание Костомарова замечательно тем, что с него удобно перейти к рассмотрению другой стороны обстоятельств, приведших к унижению России, тех, что Флоря назвал ошибками и просчетами Грозного. А эта сторона вопроса не менее важна, чем материальная несостоятельность, так что даже при равенстве военных потенциалов, в том числе и в уровне владения военным искусством, ее

одной хватило бы Москве для того, чтобы испить чашу позора Киверовой Горки и речки Плюсы. Например, историк Д. И. Иловайский вообще склонен не придавать особого значения военному превосходству Батория над московскими воеводами, и основную причину печального исхода войны на западе он видит исключительно в личных качествах русского царя. Целиком согласиться с такой концепцией трудно, но нельзя за ней и не признать большой доли объективности.

«Напрасно некоторые новые историки, — пишет ученый, — пытаются оправдать некоторые Ливонские войны Ивана широкими политическими замыслами, а его неудачу военными талантами Батория и отсталостью русских в ратном искусстве сравнительно с западными европейцами. Напротив, чем ближе всматриваемся мы в эту эпоху, тем яснее выступает вся политическая недалекость Грозного, его замечательное невежество относительно своих соперников по притязаниям на Ливонию, его неумение их разделить и воспользоваться их слабыми сторонами. Первые успехи совершенно его ослепили: вместо того, чтобы вовремя остановиться и упрочить за Россией обладание ближайшим и нужнейшим краем, то есть Дерптско-Нарвским, он с тупым упрямством продолжал стремиться к завоеванию целой Ливонии и тогда, когда обстоятельства уже явно повернулись против него.

Блестящие успехи Батория можно только отчасти объяснять его талантами и отсталостью москвитян в ратном искусстве. Последнее обстоятельство не мешало им, однако, при деде и отце Ивана и в первую половину его собственного царствования наносить иногда поражения западным соседям, отвоевывать у них города и целые области. Если на стороне Батория было превосходство его личных военных способностей, то на стороне Ивана находилось важное, подавляющее преимущество: его неограниченное самодержавие, которое могло двигать всеми русскими силами и средствами как одним человеком, тогда как Баторий принужден был постоянно бороться с разными противодействиями и препятствиями в собственном государстве. Обстоятельства благоприятствовали Ивану и в том отношении, что во время его борьбы с Баторием южные пределы России не требовали больших усилий для своей обороны; ибо крымские татары были отвлечены происходившей между турками и персами войной, в которой хан участвовал как вассал султана. Но дело в том, что Ливонская война тогда не пользовалась в России сочувствием народным (была малопонятна для народа, непопулярна), что тиран собственными руками истребил своих лучших воевод и советников и остался при худших, а сам он в минуту наибольшей опасности только обнаружил свою ратную неспособность и недостаток личного мужества... Его тиранство вместе с этой неспособностью очевидно отвратило от него сердца многих русских людей. Сие важное обстоятельство во время войны с Баторием особенно сказалось множеством перебежчиков из служилого сословия. В числе их находились и знатные люди; так Давид Бельский, подобно Курбскому, ушел к королю и потом давал ему гибельные для русских

советы во время последней войны. Грозный даже не сумел воспользоваться геройской обороной Пскова и, когда надобно было энергично действовать всеми силами для полного отражения неприятеля, ждал своего спасения от иноземного вмешательства и лукавого посредничества иезуита Поссевина.

Если в чем Иван и был лично силен, так это в словесных препирательствах, что не замедлил испытать на себе тот же Поссевин».

Если сейчас взяться за перечисление ошибок и просчетов Грозного, то мы от главного предмета рассмотрения, от Ливонской войны, уйдем в область характеристики русского царя Ивана IV, а это несколько другая тема, хотя во многом напрямую связанная с нашей.

Выше мы достаточно осветили вопрос выбора Грозным цели для своей очередной агрессии, цели, которая стала главным просчетом царя. Вступление в Ливонскую войну и есть самая большая ошибка хозяина московского трона. Ну, а дальше просчеты и ошибки стали плодиться и множиться с трудно вообразимой быстротой. Мы знакомили с ними читателя по ходу повествования и напоминать о них снова, значило бы повторять весь наш рассказ. Единственно, на чем в силу повторяемости исторических процессов и явлений приходится снова заострять внимание, так это на том, что многое из сотворенного Грозным, позже названное ошибками, в действительности было преступлениями. Не сказать об этом лишним раз нельзя хотя бы потому, что на разных этапах нашей истории, вплоть до недавнего времени, преступления Грозного нет-нет да имели продолжения, и у нас нет гарантии того, что мы не станем свидетелями новых ужасов опричнины в ее современном проявлении. Тем более что мы живем в обществе, в котором очень многие мечтают о том, чтобы это случилось именно так. Да, собственно говоря, и современного-то проявления опричнины, как такового, нет. Опричнина на протяжении веков остается той же, не меняясь. И последний, самый мощный ее всплеск 30-х, 40-х, начала 50-х годов XX века отличался от ее проявления четырехсотлетней давности только тем, что массовая резня не становилась публичной, и на площадях наших городов не ставилось плах и виселиц. Во всем остальном наша отечественная опричнина за четыре с лишним столетия не претерпела ни малейших изменений.

Но оставим в стороне воспоминания о тверском, новгородском и псковском погромах, о плахах и застенках, планомерно уничтоживших цвет московского общества второй половины XVI столетия. Остановимся лишь на внешнеполитических ошибках Грозного времен Ливонской войны. А основной его ошибкой здесь стало то, что после своих первых успехов в войне на западе он не смог унять в себе агрессивное начало. Можно с большой степенью вероятности полагать, что, остановившись на завоевании Дерпта и Нарвы, получив, таким образом, во владение готовые гавани и не претендуя на большее, Москва не раздражила бы соседей, во всяком случае не раздражила бы настолько, чтобы побудить их к принятию мер против себя, и тогда дело могло бы закончиться хоть

и малым, но зато прочным и надежным приобретением. А даже если бы и поднялись на нее те же противники, то удержать завоеванное, не распыляя сил на другие цели и не расширяя сферы завоеваний, было бы более чем реальной задачей. Но Московское государство и его царь не сумели себя сдержать, и это стало, может быть, самым крупным просчетом Грозного после развязывания войны.

Мы знаем, что Ливонская война, как собственно война между Россией и Ливонией, продолжалась недолго. В августе 1560 года, после завоевания столицы ордена, города Фелина, Ливония, как государственное образование, прекратила свое существование. Под ударами русского оружия рыцарская держава развалилась. Но падение Ливонии, как и ожидалось и предсказывалось, не прекратило войны, оно только поменяло для России противников. В 1561 году, когда магистр Ордена передал земли Ливонии в литовское владение, признав над собой власть великого литовского князя, война перестала быть русско-ливонской, как таковой, и стала русско-литовской. Литва долго выжидала случая, пока, наконец, не согласилась взять на себя роль ливонского защитника и покровителя. К тому времени Москва в определенной степени преуспела в своем начинании, она оккупировала многие орденские земли, а приобретением Нарвы расширила свои прибрежные владения. Но нельзя не сказать, что в непрерывных осадах и штурмах немецких крепостей она растратила и свои силы. В этом смысле новый противник удачно выбрал момент вступления в войну за орденское наследство, когда Россия в достаточной мере исчерпала и свои собственные ресурсы. Ливония вдруг оказалась разорванной на несколько частей, каждая из которых досталась одному из соседей: Швеции, Дании, Литве и Московскому государству. Такой первоначальный, произвольный дележ в принципе, если не считать частных и мелких деталей, устраивал всех, кроме Москвы. Вернее сказать, Москва не поняла тогда того, что ее такой дележ тоже устраивал. Москва просто не догадывалась, что на тот момент сложилась ситуация, когда она может с выгодой завершить войну, оставив за собой то, чем на тот момент владеет. Ведь претензии ее главного соперника — Литвы на большее были ничем иным, как ответной реакцией на позицию Москвы, требовавшей всей Ливонии. Договориться тогда о мире на взаимно приемлемых условиях, сохранив «статус-кво», долго еще оставалось более чем реальной перспективой. Тем более что престарелый Сигизмунд-Август, и раньше-то не отличавшийся воинственностью, теперь вообще стал склонен к любому мирному соглашению.

Вступление Литвы в войну за обладание Ливонией стало не последним просчетом московской дипломатии. Не осталась в стороне и дружественная Литве Польша. В 1569 году эти две державы, окончательно объединившись, создают единое государственное образование — Речь Посполитую. Но и этим лагерь противников России в Ливонской войне не исчерпывается. Вскоре в войну против Москвы оказывается втянутой Швеция, и естественно, что Россия оказалась не в состоянии с успехом

бороться сразу против нескольких достаточно мощных европейских государств. Но если пытаться объяснить этим фактом поражение Грозного в войне на западе и оправдать царя невозможностью противостоять такой коалиции, то хочется задать вопрос: а где же была дипломатия царя, позволившая такой коалиции состояться? Почему русский царь оказался в полной изоляции? Ведь такой союз противников Москвы был изначально неизбежен, и в том, что Грозный не предвидел этого, и заключается его очередной просчет. И уж если мы стали говорить о его просчетах, то нельзя не отметить, что даже тогда, создав коалицию, противники продолжали настаивать перед русской стороной на прежних условиях, ничуть не усилив их, оставляя русскому царю полную возможность выйти из войны с честью и в то же время с некоторыми территориальными приобретениями.

Мы видели, как на протяжении почти всех последующих лет войны, за исключением последних лет двух, от силы трех, главные воюющие стороны — Московское государство и Речь Посполитая вроде бы претендовали каждая на всю Ливонию. Но нам более чем понятно, что ни одна из сторон реально на это не рассчитывала и предъявляла свои требования только в противовес сопернику как встречные. А что касается польско-литовской стороны, то она этого и не скрывала. Вплоть до утверждения на престоле Стефана Батория Речь Посполитая постоянно показывала готовность уступки, но, не встречая понимания Москвы, вынуждена была оставаться в конфронтации. Наверняка в Кракове и в Вильно были готовы к тому, что земли бывшего Ордена придется разделить между собой и Москвой. И во всех предложениях польско-литовской стороны до появления на исторической сцене Батория просматривается именно такая перспектива.

Но Москва с тупым упрямством продолжала стоять на требовании всей Ливонии. Больше того, она, совершенно не соизмеряясь с реальным положением вещей, нет-нет начинала вдруг требовать от противника Киева, Волыни и других южнорусских уделов, давно попавших под власть Литвы. Сколько бы это еще продолжалось, если бы к власти в соседнем государстве не пришел Стефан Баторий, сказать трудно. Кстати, в избрании на краковский трон седмиградского князя кроется, может быть, самая большая ошибка Грозного.

Интересно послушать мнение на этот счет историка Костомарова:

«Нельзя приписывать личной мудрости царя Ивана высказанное им много раз сознание права на возвращение русских земель, как древнего достояния державы, имевшей название русской и хотевшей быть всерусскою перед целым миром. То же говорилось и предшественниками Ивана; этому надлежало повторяться из уст его преемников; то было прирожденное стремление Москвы. Но отношения царя Ивана к Польше и Литве были иные и исключительные; его предшественники не бывали в таком положении, как он. Прекращение Ягеллоновой династии не только открывало новый путь будущности соединенной державы Польши и Литвы, но должно было отразиться важным влиянием на историю всего севера

Европы. Была известная партия, желавшая избрать в короли принца из московского дома, но была партия, искавшая, напротив, таких связей, которые бы вели к враждебным отношениям с Москвою. В чем же состояла задача русского царя? Воспользоваться обстоятельствами и стараться повернуть их как можно лучше для московской державы, и, разумеется, так или иначе, но возможно ближе к заветной цели.

Царь Иван Васильевич показал в этом случае неуменье и сделал так, как только можно было сделать хуже для Москвы».

Действительно, русскому царю вдруг явилась возможность бескровно повернуть ситуацию в свою пользу, когда кандидатуру его сына, а потом и его самого выдвинули на польско-литовский престол. Как распорядился Грозный царь такой возможностью, мы видели. Он сделал все для того, чтобы результат стал отрицательным, и виной этому было все то же болезненно ревностное отношение к своей власти. Для успеха дела нужно было всего-то поубавить высокомерия и пустить в оборот такое мощное средство, как деньги. Но пойти и на то, и на другое означало для русского царя поступиться моральными атрибутами своей власти, чего Иван Васильевич допустить не мог. При этом заметим, он не поступался бы атрибутами власти у себя в России. Разговор шел о Речи Посполитой, в которой у него пока не было никакой власти. Но болезненность и воспаленность воображения царя к тому времени достигли такой степени, что уже при первом озвучивании его имени на сейме как кандидата на престол соседнего государства он посчитал себя располагающим в Польше и Литве всеми теми же атрибутами власти, что и у себя в Москве. Иначе и сама власть в Речи Посполитой ему была не нужна.

То же высокомерие сквозит во всех его отношениях с сеймом. Остается Грозный до поры до времени верным своей заносчивости и в дипломатической переписке с польским королем об условиях мира. Это уже перед последней кампанией, когда Россия встала перед фактом тяжелого военного поражения, спеси у ее царя заметно поубавилось. А до того блестящие военные победы Стефана Батория над войсками Ивана Грозного в глазах московского самодура имели мало смысла и значения только потому, что они одержаны монархом выборным, располагающим ограниченной властью. Несмотря на свои поражения, Грозный долго еще не убавлял высокомерия в тоне, ощущая себя монархом природным, абсолютным. То, что на западе взломана граница Московского государства, то, что одна за другой падают его крепости, и Баторий идет по русской земле, занимая на ней город за городом, для Ивана не так важно. В ответ на предложения о мире, естественно, на невыгодных для Москвы условиях, предложения, подкрепленные Баторием перечислением его побед, Иван Васильевич с тонкой иронией, тоном человека, обладающего неоспоримыми преимуществами над всеми победами врага и компенсирующими все собственные военные поражения, колет противнику глаза избирательным характером его власти: «Мы, смиренный Иоанн, царь и великий князь Всея Руси по Божию изволению, а не по многоя-

тежному человеческому хотению». В этом был весь Иван. К сожалению, не только в этом.

Следствия дипломатической несостоятельности Грозного времен избирательной компании в соседнем государстве стали очередной причиной военных поражений Москвы. Вынудив сейм к снятию своей кандидатуры, русский царь способствовал успеху Батория.

Все безумство внешней и внутренней политики Грозного, которому он не изменил до конца, привело к Ям Запольскому, а еще через полтора года к Плюсскому соглашениям. Упоминание об этих дипломатических актах избавляют нас от лишней работы по подведению итогов правления Ивана Грозного.

Приводя причины поражения России в Ливонской войне, нельзя обойти стороной то обстоятельство, что все эти причины должны были померкнуть перед главным преимуществом Москвы над ее соперником. И преимущество это заключалось в неограниченной власти русского царя, в беспрекословном подчинении ему всех государственных и частных структур, в безропотном повиновении их престолу и в абсолютном праве государя распоряжаться как материальными ресурсами государства, так и жизнями своих подданных. Причем право это отнюдь не было продиктованным свыше, не вымученным самой властью. Оно исходило снизу, из недр людских масс, населявших Московскую державу, было неотъемлемой частью народного самосознания, составляло главный атрибут общественного мышления. А потому первооснова всевластия базировалась не только и не столько на том, что царь осознавал свое господствующее положение над вся и над всеми, сколько на том, что все его подданные, независимо от положения на социальной лестнице, осознавали себя холопами, пребывали в глубокой убежденности своего рабского положения. И что совсем интересно, были согласны с ним. Такое положение вещей сложилось не случайно. Оно стало неизбежным атрибутом российского самодержавного абсолютизма, сформировавшегося в жесточайших условиях выживания под ярмом азиатского ига, а потому много что впитавшего в себя от ордынских начал.

Близкий Баторию человек, польский шляхтич Рейнгольд Гейденштейн, много бывавший в России, хорошо для иностранца знавший ее и оставивший о ней любопытные записки, делясь своими впечатлениями о власти Грозного и повиновении его подданных, замечает:

«То обстоятельство, что он один сохраняет во всем высшую власть и что от него одного исходят все распоряжения, что он волен принимать те или другие решения и властен над всеми средствами для выполнения оных, что он может в короткое время собрать самое большое войско и пользоваться имуществом граждан как своим для установления своей власти, — все это имеет чрезвычайно важное значение для приобретения могущества и успешного ведения войн».

Последнее замечание шляхтича для нас особенно интересно. Оно акцентирует внимание на том моменте, что русский царь для достижения

поставленной цели имел возможность мобилизовать все государство, никого о том не спрашивая и ни с кем не делясь своими соображениями. Его противник Стефан Баторий находился в совсем другом положении. Его власть в Речи Посполитой, как, впрочем, всех его предшественников и последователей, была настолько ограниченной, что в сравнении с властью московского государя, можно сказать, ее не было никакой.

Уже цитированный нами Виппер, автор интересной монографии об Иване IV, называет два источника трудностей Батория: разноплеменное, по большей части состоявшее из иностранцев, войско и внутригосударственная оппозиция, начинающаяся с сейма и заканчивающаяся в отдаленных шляхетских имениях. «В войске Батория, — пишет историк, — встречаются чуть ли не все нации Европы: помимо поляков, литовцев, русских и венгерцев, которых он набрал в своих старых и новых владениях, под его знамена стекаются немцы, бельгийцы, шотландцы, французы, итальянцы. Очень трудно было держать дисциплину среди этих искателей счастья и добычи, выходцев всех стран Европы...

Не менее трудно было политическое положение Батория. Шляхта не хотела ни служить в войске, ни платить налоги; в автономных сеймиках менее всего находилось охотников вникать в интересы государства. Как тут было осуществить план нового короля, состоявший в снаряжении хорошей ударной армии, которую следовало быстрым натиском повести в центральные области Московского государства, чтобы отрезать Ливонию и вырвать ее у Грозного».

И действительно, история помнит постоянные баталии нового польского короля с сеймом и просто с магнатами, вельможами и, наконец, со средней и мелкой руки шляхтой по поводу ведения войны. Эти баталии, хоть и без кровопролитий, но по накалу страстей не уступали тем, что гремели на полях сражений. Нам трудно, даже невозможно представить Грозного или какого другого русского государя в подобных условиях. И вот эта разница властных положений, казалось, должна была компенсировать все недостатки военного потенциала Москвы, в том числе и ее отставания в области военного искусства. Однако этого не получилось. Польский король, чередуя жаркие схватки на сеймах с военными баталиями на Ливонском фронте, по крайней мере из последних вышел победителем. Таланты и энергия седмиградского князя взяли верх над абсолютистским всевластием московской деспотии.

Продолжая свою мысль, Виппер пишет:

«Баторий сумел удержаться в этих шатких условиях, мало того, искусно использовать таланты шляхты, увлечь большую ее часть к войне, начертавши перспективы польского империализма. После его смерти это дело попадает в слабые руки бесталанного Сигизмунда III, но все, что смог осуществить жалкий преемник — завоевание Смоленска, Северной области и временное занятие Москвы, — исполнено силами и личностями, которые набрал и вдохновил Баторий. У него был верный глаз на способных людей и обаяние, привлекавшее их. Из военной школы

Батория вышел его неизменный спутник, сначала канцлер, потом гетман Замойский, «завоеватель городов», дипломат и политический оратор. Учеником Батория был и молодой Жолкевский, восходящая звезда короткого, рано оборвавшегося империалистического периода Польши, уже не нашедший настоящего применения своих разнообразных дарований».

Невольно напрашивается вопрос: а какими могли бы быть результаты внешнеполитической деятельности Стефана Батория, каким мерилом можно было бы измерить его успехи в случае, если бы он располагал внутриполитическими возможностями русского царя?

Результаты Ливонской войны, ставшей основным историческим событием эпохи, включившим в себя целый комплекс показателей успехов во внешней и внутренней политике первого русского царя, могут служить достаточной оценкой его деятельности. Позор Киверовой Горки высветил всю никчемность этой царственной личности как государственного деятеля. Статьи Ям Запольского и Плюсского договоров, ставших следствиями безнадежно проваленной войны, можно поставить в один ряд с такими же бесславными событиями нашей истории, как подписание унижительного для России Тильзитского мирного договора в 1807 году, Парижского мирного договора в 1856-м и Портсмутского мирного договора в 1905-м. Договор на Киверовой Горке открывает эту позорную серию. В каждом из названных случаев очередной дипломатический акт отражал суть пережитой эпохи, становился мерилом ее успехов. Что касается первого такого случая, связанного с Ливонской войной, тот же Виппер так характеризует не столько сам его финальный результат, сколько личностное участие в нем главного действующего лица эпохи:

«Судьба Ивана IV — настоящая трагедия завоевателя, который сорвался на слишком крупной игре, потому что бросил на весы счастья все свое достояние и вместе с потерей новой колониальной добычи глубоко расстроил основы старой империи.... Его вина или несчастье состояло в том, что, поставивши громадную цель превращения полуазиатской Москвы в европейскую державу, он не мог вовремя остановиться перед возрастающим врагом, что он растратил и бросил в бездну истребления одну из величайших империй мировой истории. Опять-таки оправданием или объяснением этой невольной трагедии может служить его личная судьба: так же как он быстро исчерпал средства державы, он вымотал свой могучий организм, истратил свои таланты, свою нервную энергию».

Тут следует заострить внимание на еще одной особенности Грозного и всей его эпохи.

Необыкновенная способность Ивана IV обставлять любое из своих начинаний большой помпой и сопровождать его излишней шумихой, когда громкое и броское легко принять за великое, настолько подействовало на нервы и впечатления его современников и передалось потомкам, что царя даже иной раз стали называть Великим, подобно Петру I. И не только на бытовом уровне. Такому сопоставлению двух известных деятелей нашей истории и даже отчасти уравниванию их перед ее судом, очевидно,

во многом поспособствовало то, что оба чем-то были схожи в своих устремлениях. В частности, оба ставили целью утвердиться в Прибалтике. Но, пожалуй, на этом сходство между ними и заканчивается. Например, основоположник марксизма, на которого, как и на его идейных последователей, сейчас не очень принято ссылаться, сугубо положительно оценивая личность Ивана Грозного, говорит:

«Он был настойчив в своих попытках против Ливонии; их сознательной целью было дать России выход к Балтийскому морю и открыть пути сообщения с Европой. Вот причина, почему Петр I так им восхищался».

Поскольку автору этой цитаты напомнить уже ничего нельзя, то напомним читателю, что до Ливонской войны у России был выход к Балтийскому морю, и выход достаточный, для того чтобы начинать открывать те самые пути сообщения с Европой, о которых говорит Маркс. Вместо этого русский царь ввязался в войну, в результате которой потерял этот выход, не оставив за собой ни пяди Балтийского побережья. Вообще говоря, не понятно, где Маркс разглядел восхищение Петра царем Грозным. Петр признавал за своим далеким предшественником некоторые позитивные стороны, но восхищения перед ним, как известно, не испытывал. А что касается деятельности Петра, и в особенности ее результатов, то тут не просматривается ничего общего с Иваном Грозным.

В свое время Н. И. Костомарову доводилось в ученой среде, на довольно высоком ее уровне, отстаивать существование принципиального различия между Петром и Грозным, различия, не допускающего признавать последнего Великим. Ученого возмущала и больно задевала попытка со стороны некоторых его коллег уравнивать между собой обоих. Правоту своего взгляда на этот вопрос известный историк доказывал прописной истиной, что настоящее, подлинное величие определяется не только замыслами, какими бы грандиозными они ни были, но и результатами. Высказываемая при этом историком мысль предельно ясна. Он понимает величие только в достижении высокой цели, причем конечной целью, коль скоро речь идет о государственном деятеле, он считает принесенную своему отечеству пользу. Мнение Костомарова на этот счет звучит так:

«Если перед нами стоят два человека с одинаковым характером, с одинаковыми целями, с одинаковыми почти средствами для достижения их, за изменением только некоторых несущественных обстоятельств, то мы обыкновенно отдаем преимущество, венчаем лаврами того, который одержал полную победу; мы видим человека, достигшего последних результатов, видим торжество блистательное — унижение соседнего государства, стоявшего прежде на первом плане на всем Севере, — мы видим полное достижение цели и видим его торжественно сходящим со своего поприща. Мы говорим: вот великий человек! Обращаясь к другому, мы видим, что цели были те же, но не было того торжества, и говорим: этот не был великим человеком!»

Особенно для автора последнего положения характерно то, что ученый не снимает при этом ответственности с исторического лица за нравственную сторону вопроса.

«Прежде всего, — рассуждает далее Костомаров, — нужно уяснить себе, что следует называть великим, что действительно достойно этого названия. Нам кажется, следует строго отличать великое от крупного. Победы, кровопролития, разорения, унижение соседних государств для возвышения своего — явления крупные, громкие, но сами по себе не великие. Сочувственное название великого должно давать только тому, что способствует благосостоянию человеческого рода, его умственному развитию и нравственному достоинству. Только тот великий человек, кто действовал с этими целями и достигал их удачным, сознательным выбором надлежащих средств. Относительная степень исторического величия может быть определена как суммой добра, принесенного человечеству, так и умением находить для своих целей и пути, средства, преодолевать препятствия и, наконец, пользоваться своими успехами. Если историк называет человека великим только тогда, когда видит за ним успех, и настолько признает за ним величие, насколько деятельность его была плодотворна, — историк вполне прав; это, без сомнения, не лишает его права на сочувствие к тем, которые имели хорошие цели, но не могли или не умели найти средств и путей к их выполнению; нужно только при этом быть уверенным, что действительно такие цели существовали».

Наверное, сказанного выдающимся историком будет вполне достаточно для того, чтобы даже не ставить вопрос об уравнивании царя Ивана с Петром. Конечные результаты их деятельности говорят за себя сами: для одного итогом стал Ништадтский триумф, для другого — позор Киверовой Горки. Цели были одни, результаты диаметрально противоположны. Ну а средства достижения, приемы каждого, которые, как иногда считается, у обоих были по сути одинаковыми, на самом деле таковыми окажутся только при поверхностном рассмотрении. Но это уже совсем из области другого предмета.

Резюмировать причины поражения в Ливонской войне ошибками и просчетами русского царя лучше всего словами историка В. О. Ключевского, который, не отказывая Грозному в заслугах его правления, тем не менее, подчеркивал, что «важнее отрицательное значение этого царствования. Царь Иван был замечательный писатель, пожалуй, даже бойкий политический мыслитель, но он не был государственный делец. Одностороннее, себялюбивое и мнительное направление его политической мысли при его нервной возбужденности лишило его практического такта, политического глазомера, чутья действительности, и, успешно предприняв завершение государственного порядка, заложенного его предками, он незаметно для себя самого кончил тем, что поколебал самые основы этого порядка. Карамзин преувеличивал очень немного, поставив царствование Ивана — одно из прекраснейших поначалу — по конечным его результатам наряду с монгольским игом и бедствиями удельного времени».

Но особый интерес для нас должны представлять те суждения о Ливонской войне и ее итогах, которые переводят рассматриваемый предмет

в область послевоенную, указывают на состояние, в котором оказалась Россия в результате своего поражения. В этом смысле замечательно суждение историка В.Г. Вернадского, отличающееся к тому же, помимо всего прочего, предельной краткостью. Итог не только Ливонской войны, но и всего царствования Грозного он подвел одной фразой:

«В целом политика Ивана IV — как внутренняя, так и внешняя — провалилась». А касательно только самой войны ученый утверждает, что «она потребовала от русских людей максимального напряжения для преодоления многих тягот и жертв и вместе с последствиями опричнины свергла Россию в глубокий социально-экономический кризис».

Не останавливаясь на причинах провала, историк заостряет наше внимание лишь на его следствиях. Надо сказать, что большинство исследователей почему-то не очень любит касаться этой стороны предмета. Еще как-то рассказывая о ходе самой войны и во всех подробностях перечисляя причины поражения в ней, те же авторы, как правило, затем избегают пробы своих сил в изображении картины послевоенной стагнации. В качестве исключения следует назвать Карамзина, который, по словам Ключевского, сравнивал состояние России последних лет жизни Грозного с последствиями ордынских нашествий времён Батыея и с наиболее яркими вспышками феодальных войн времён удельной Руси. Интересно, что сам Ключевский свое мнение на этот счет высказывал очень сдержанно. Зато куда более определенно звучит мнение историка Иловайского:

«Бедственно для России окончились усилия царя Ивана, направленные на завоевание Ливонии и приобретение балтийских берегов. Почти двадцатипятилетняя непрерывная война с западными соседями крайне расстроила и разорила Московское государство; она стоила ему огромных материальных жертв; многие тысячи людей погибли в битвах, в плену, от болезней и голода; множество городов и сел было выжжено и в конец опустошено».

А ведь не обрисовав хотя бы в общих чертах картину положения дел в России в первые послевоенные годы, наш рассказ о самой войне будет неполным.

Внутреннее состояние Московского государства, в каком оно оказалось к концу войны на западе, представляло из себя, может быть, главный итог бесславной двадцатипятилетней бойни. Оно получило в нашей истории название «великого разорения». Россия тогда являла из себя печальное зрелище. Все началось с упадка деревни, затем разруха коснулась и городов. Усиление податного гнета ставило крестьянские хозяйства и хозяйства городских кустарей в крайне неблагоприятные условия, приведшие эти сословия к полному разорению. Долгая, тяжелая война иссушила внутренние ресурсы государства, а череда военных поражений свела на нет первые успехи и сделала бессмысленными все усилия и материальные затраты нескольких последних десятилетий. Даже ценой неслыханных жертв отстоять свои рубежи в полной неприкосновенности не удалось, при этом силы государства оказались подорванными, а его казна исто-

щена. Невыгодные, а главное непрочные перемирия в Яме Запольском и на Плюсе остановили войну, которой, казалось, не будет конца, но с юга российские рубежи как никогда оставались слабыми для отражения не унимающейся крымской агрессии. В довершение удручающей картины страну посетили голод и мор, и обнищавшее население толпами уходило с насиженных мест, разбредаясь во все концы в поисках лучшей для себя судьбы. Земля запустела, даже в центральных областях России оказались брошенными десятки и сотни сел и деревень. Большинство бросивших оседлый и привычный образ жизни людей пополняло собой наводнившие леса шайки бродяг и разбойников. Душегубство и грабежи на дорогах стали тогда наиболее характерной чертой российского бытия, и не только по глухим окраинам. Дерзкие разбои наблюдались в ближних окрестностях Москвы и даже на улицах столицы. Многие подавались на вольные земли, в казаки. Ну и, конечно, самой отличительной чертой эпохи, отмеченной многими летописями, стало то, что, потеряв терпение и надежду на лучшее, люди тысячами шли в Литву (здесь под Литвой следует понимать принадлежавшие ей земли православных Украины и Белоруссии). Бросая отечество, московские люди все-таки уходили к единоверцам.

А в Москве, чередуя безумные кровавые оргии с иступленным и неистовым богомольем, досиживал последние месяцы на троне царь Иван IV.

Неотъемлемой частью картины общего состояния государства, охватившего его в последние военные и в первые послевоенные годы, смотрит на нас конец жизненного пути последнего героя минувшей войны.

Личная судьба легендарного воеводы, князя Ивана Петровича Шуйского не стала отличной от судеб большинства других героев его эпохи, несмотря на то, что он пережил тирана. Его слава и популярность не могли дать покоя продолжавшему безумствовать на троне царю Ивану, к тому же ненавидевшему всех Шуйских. Но менее чем через год после окончания войны, в марте 1584 года, Иван Грозный умер, не успев расправиться с псковским героем, однако судьба Ивана Шуйского от этого не стала менее трагичной.

После смерти Грозного на московский трон взошел его сын Федор. Это был слабоумный, безвольный, болезненный человек, взрослый ребенок с постоянно блуждающей на лице улыбкой, менее всего подходящий к уготованной ему роли московского самодержца, все время проводивший на колокольне за своим любимым занятием церковного звонаря. Состоявший при московском дворе посол Речи Посполитой Лев Сапега при первой встрече с царем Федором Ивановичем сделал о нем следующее заключение, оставшееся в записках дипломата: «Хотя про него говорили, что у него ума не много, но я увидел, как из собственного наблюдения, так и из слов других, что у него вовсе его нет».

Перед смертью Грозный, зная о неспособности сына, о его непригодности к правлению державой, завещая Федору престол, назначил ему

нечто вроде опекунского совета, своего рода боярского правительства, среди которого значился и Иван Шуйский. Но очень быстро все дела в государстве стало прибирать к своим рукам другое доверенное лицо нового царя, боярин Борис Федорович Годунов. Еще при жизни Грозного Годунов сделал головокружительную карьеру, а сейчас, пользуясь особым доверием царя Федора и близким с ним родством (новый царь был женат на родной сестре Годунова), Борис сумел оттеснить от недееспособного царя других членов боярского правительства, проложив себе дорогу к полной и единоличной власти. Вокруг трона завязалась ожесточенная борьба.

Не остался вне политической игры и Иван Шуйский. Его противник Годунов был умным, деятельным, высокообразованным человеком, но для авторитета во всех слоях московского общества ему не хватало главного — воинской славы. Это условие в России было необходимым для собственного престижа правителей всех рангов, и недаром российские самодержцы и высшие чины из их окружения стремились принять участие, пусть даже символическое, в военных походах, дабы запечатлеться в глазах общества в образе воина. Годунов же сделал карьеру исключительно при дворе, ни разу не поучаствовав ни в одной военной кампании, и даже его доброжелатели, перечисляя массу достоинств Бориса, вынуждены были признавать за ним то свойство, что он «в ратном деле зело не искусен», а потому боярин не был популярен ни в верхах московского общества, ни в народных массах.

В этом смысле Шуйский являл собой полную противоположность, но способный с оружием в руках сразиться в открытом бою с любым врагом, мужественный воевода оказался бессильным перед гнусным коварством трусливого политического противника. Пока Шуйский и ему подобные на окских переправах отбивали нашествия крымских Гиреев, штурмовали замки в Ливонии, проводя годы и десятилетия в бесконечных походах и битвах, в Москве у трона Ивана IV в атмосфере грязных интриг, кровавых безумств и всеобщего страха выросло новое поколение русской аристократии, отличительной чертой которого была явная предрасположенность к подлости. Типичным представителем этого поколения и был боярин Борис Федорович Годунов, и псковскому герою, победителю Батория, прямому и открытому, оказалась не по плечу политическая игра, столь чуждая дерзкому духу его профессии.

Прошедшему школу выживания при Иване Грозном, два десятка лет простоявшему у его трона Годунову не составило большого труда оклеветать героя перед слабоумным царьком. Своим указом Федор сначала сослал Шуйского в его имение в Кинешму, но и там, в глубокой глуши, герой, которому Россия осталась обязанной спасением своего достоинства на западных границах — Пскова, оставался опасен Годунову. Вскоре царь, наученный шурином, бросил прославленного воеводу в заточение в Кирилло-Белозерский монастырь, и там, в монастырской тюрьме, герой провел только несколько дней. Подосланными Годуновым людьми 16 ноября 1588 года Иван Петрович Шуйский был задушен в своей келье.

Судьба Ивана Шуйского лишней раз подтверждает правило: люди, отдавшие себя целиком военной профессии, как правило, прямодушны, а потому легко гибнут в хитросплетениях дворцовых интриг, победителями в которых выходят люди трусоватые и начисто лишённые военных дарований.

Нам осталось назвать последний результат Ливонской войны, вернее не только войны, но и всей политики Грозного, которой он следовал на протяжении своего царствования, и все проявления которой вобрала в себя Ливонская война. Своими безумствами царь под свое государство заложил мину, имя которой — Смута. Все, что случилось через десяток-полтора лет после смерти Грозного, было невольным запрограммировано им самим при жизни.

Период конца XVI — начала XVII столетия в нашей истории известен как Смутное время Московского государства, поставившее само государство на грань развала. Историческая наука точно определяет время окончания Смуты — 1613 год и связывает его с восшествием на престол первого царя новой династии. А вот дату начала Смуты определить и однозначно назвать трудно. Одни деятели науки, и таких большинство, начало Смуты относят к смерти царя Бориса или, что в принципе по времени почти одно и то же, к факту свержения и убийства его сына и преемника на троне, не успевшего толком воцариться Федора Борисовича. Другие склонны вести отсчет Смутного времени с момента появления первых слухов о самозванце, а то даже и с воцарения Годунова. Например, В. О. Ключевский утверждает, что «признаки Смуты стали обнаруживаться тотчас после смерти последнего царя старой династии, Федора Ивановича... Значит Смутным временем в нашей истории можно назвать 14–15 лет с 1598-го по 1613 г.» В любом случае все согласны с тем, что объективные причины Смуты зародились намного раньше, их корни следует искать еще в царствовании Ивана IV. Позже ростки Смуты тщательно возделывались на благоприятной почве, сдабриваемой безумствами царя Грозного, а после смерти последнего безликим царствованием его слабоумного сына, продолжившимся годуновской авантюрой воцарения. Нет ни смысла, ни надобности спорить о точной дате начала Смуты, ибо не это главное, но нельзя не согласиться с тем, что весь известный истории расклад событий, связанных со Смутным временем, был предопределен намного раньше. В пользу этого можно приводить много аргументов.

Вызванное долгой войной запустение вотчинных хозяйств и ремесленного кустарного производства привело экономику страны к упадку. Разорение поместий имело следствием обнищание служилого класса а отсюда, и расстройство военной машины государства. В том же духе можно продолжать еще долго, называя все новые обстоятельства, благодаря которым та эпоха и получила название «Великого разорения», и перечислять которые не имеет смысла.

Но одного обстоятельства не назвать нельзя.

Смута начала XVII века имела и собственные, отечественные корни. Но она никогда не достигла бы тех размеров, не довела бы страну до такого

состояния, была бы преодолена намного быстрее и пережита менее болезненно, если бы не воздействие извне со стороны враждебной Речи Посполитой. От интервенции вооруженных формирований отдельных польских и литовских гетманов, действующих пока не от лица своего государства, а как бы на собственных началах, под предлогом установления порядка в Московской державе Речь Посполитая постепенно пришла к открытой агрессии, поставившей вопрос о сохранении русской государственности, как таковой. И вот в этой инициативе западного соседа не трудно узреть прямые последствия Ливонской войны. Раздразнив той войной западного соседа в очередной раз, Москва при этом же указала ему пути агрессии на будущее и познакомила его со своими слабыми сторонами. Так что причины Смуты, конечно, не все, но некоторые из них, следует искать в недрах времени правления Грозного, в частности, в самом памятном внешнеполитическом событии его царствования.

Мировая история знает много примеров военных авантур, направленных на покорение одних народов другими и присвоение себе их земель. Мы рассказали об одной из них, закончившейся для автора и инициатора авантюры неудачей. Тут надо помнить о том, что Московская империя создавалась не сразу, ее строительство растянулось на несколько столетий. Набрав силу инерции еще в недрах эпохи ордынского владычества, удачно используя центробежные устремления большинства древнерусских уделов и успешно преодолевая противоположные им, Москва не смогла остановиться даже тогда, когда захватила многие владения своего бывшего властелина, аннексировав ставшие к тому времени самостоятельными государственными образованиями некоторые его осколки. После таких успехов Россия повела наступление на запад. Чем диктовалось такое направление, мы достаточно подробно рассказали выше, как рассказали и о причинах того, почему захватнические ухищрения Москвы тогда потерпели фиаско. В конце концов, со временем успех придет и там, но это случится еще очень не скоро, к нему Россия будет двигаться медленными и мелкими шагами, до конца не изменив выбранной раз стратегии наращивания своих территорий за счет соседних.

Но тогда, во второй половине XVI столетия, одна из величайших военных авантур мировой истории полностью провалилась.

Литература

1. Алексеев Ю.Г. Государь Всея Руси. — Новосибирск: Наука, 1991.
2. Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. — Л.: Наука, 1988.
3. Борисов Н.С. Русские полководцы XIII–XVI веков. — М.: Просвещение, 1993.
4. Валишевский Казимир. Иван Грозный. — М.: ИКПА, 1989.
5. Вернадский Г.В. Московское царство. — Тверь: ЛЕАН, 2001.
6. Дельбрюк Ганс. История военного искусства. Средневековье. Новое время. — Смоленск: Русич, 2003.
7. Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Русская история. Популярный очерк. IX — середина XVIII в. — М.: Мысль, 1992.
8. Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. — М.: Наука, 1982.
9. Иловайский Д.И. Становление Руси. — М.: Чарли, 1996.
10. Иловайский Д.И. Собиратели Руси. — М.: Чарли, 1996.
11. Иловайский Д.И. Царская Русь. — М.: Чарли, 1996.
12. История СССР с древнейших времен до конца XVIII века / Под ред. Б.А. Рыбакова. — М.: Высш. шк., 1975.
13. Карамзин Н.М. История государства Российского. — Калуга: Золотая аллея, 1994. — Т. V–VIII; IX–XII.
14. Каргалов В.В. На степной границе. — М.: Наука, 1974.
15. Ключевский В.О. Сочинения: Курс русской истории. — М.: Госполитиздат, 1957, — Т. III.
16. Костомаров Н.И. Русь крещеная. — М.: Чарли, 1996.
17. Костомаров Н.И. Раскол. — М.: Чарли, 1994.
18. Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). — М.: Госполитиздат, 1956.
19. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. — М.: ВЛАДОС, 1994. Ч.1.
20. Платонов С.Ф. Иван Грозный; Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М.: Изд-во УРАО, 1998.
21. Покровский М.Н. Русская история. — СПб.: Полигон, 2002. — Т. 1.
22. Разин Е.А. История военного искусства. — СПб.: Омега-Полигон, 1994. — Т. 2.
23. Скрынников Р.Г. История российская IX–XVII вв. — М.: Весь Мир, 1997.
24. Скрынников Р.Г. Иван Грозный. — М.: Наука, 1975.
25. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 2: История России с древнейших времен. — М.: Голос, 1993. — Т. 3–4.
26. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 3: История России с древнейших времен. — М.: Голос, 1993. — Т. 5–6.
27. Торопцев А.П. Мировая история войн: Энциклопедия. — М.: ЭКСМО, 2004.

28. Флоря Б. Н. Иван Грозный. — М.: Молодая гвардия, 2002.
29. Шапран А. А. Русские полководцы. Военная история России в ее главных действующих лицах. — Екатеринбург: У-Фактория, 2003.
30. Шапран А. А. Парадоксы российской истории. — Екатеринбург: Сред.-Урал. книж. изд-во, — 2006.
31. Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. — Л.: Наука, 1987.
32. Шефов Н. А. Самые знаменитые войны и битвы России. — М.: Вече, 1999.
33. Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси XIV — начала XVI веков: В 3 т. / Под ред. Б. Д. Грекова, Л. А. Черепнина — М., 1952–1964.
34. ПСРЛ. Летописи Новгородские, Псковские, Софийская, Воскресенская, Львовская, Царственная книга. — СПб., 1860. — Т. 4–6.
35. ПСРЛ. Чтения Московского Исторического Общества. — СПб., 1847. — Т. 3.
36. ПСРЛ. Дополнение к Никоновской летописи. Царственная книга. — СПб., 1906. — Т. 13.
37. ПСРЛ. Книга Степенная Царского Родословия. — СПб., 1908. — Т. 21.
38. ПСРЛ. Александровская летопись. Лебедевская летопись. — М., 1965. — Т. 29.
39. Псковская летопись: В 2 т. / Под ред. А. Н. Насонова — М., 1941–1955.
40. Собрание государственных грамот и договоров. — СПб., 1813–1894. В 5 т.
41. Судебник XV–XVII веков / Под ред. Б. Д. Грекова — М., 1952.
42. Сказания князя Курбского / Под ред. Н. Устрялова — СПб., 1842.

Кампании 1558–1559 гг.

Походы русских войск:

Акции ливонского воинства:

← — майское наступление, 1558;

→ — Кетлер, 1558;

→ — Шуйский, 1558;

→ — Кетлер, 1559

→ — Микулинский, 1559

X — места наиболее крупных сражений

Кампания 1560 гг.

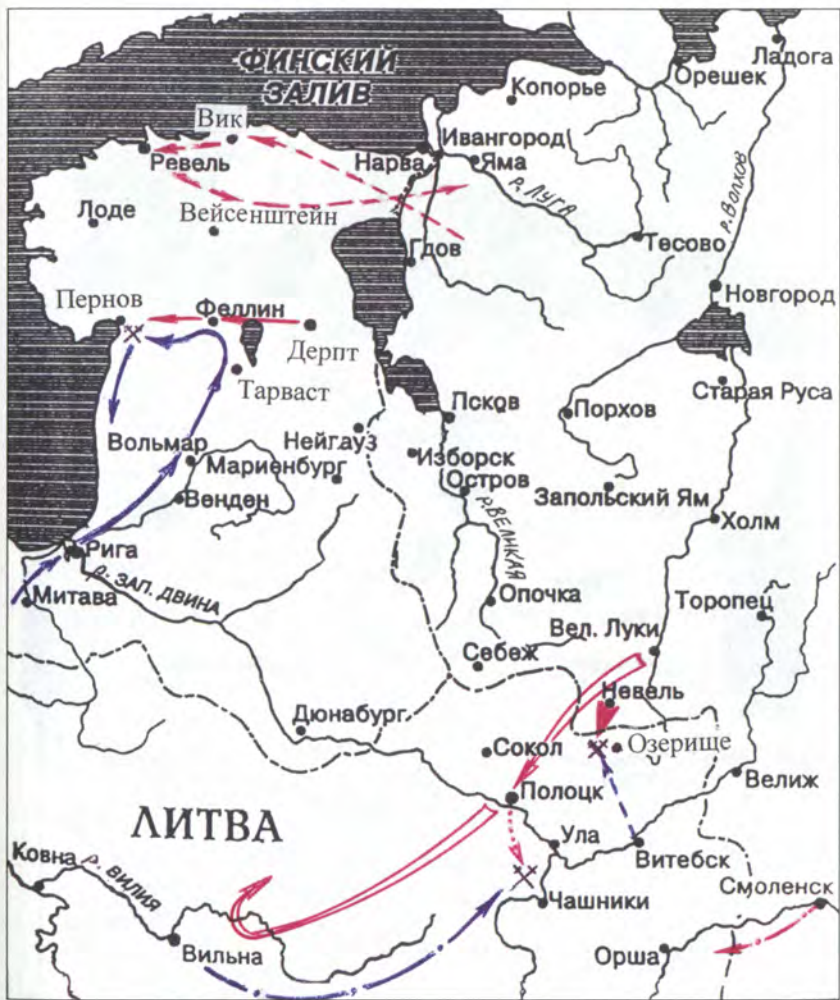
Походы русских воевод:

— Шуйский;

— Курбский

X — места наиболее крупных битв

— акция ландмаршала Беляя

Кампании 1561-1571 гг.

Походы русских войск:

— Глинский и Серебряный, 1561;

— Полоцкая операция, 1563;

— Шуйский, 1564;

— Серебряный, 1564;

— Токмаков, 1564;

— Магнус 1570-1571

Походы литовских войск:

— Радзивилл, 1561;

— Троцкий и Радзивилл, 1564;

— Пац 1564

X — места наиболее крупных сражений

Кампании 1572–1573 гг.

Действия русских войск:

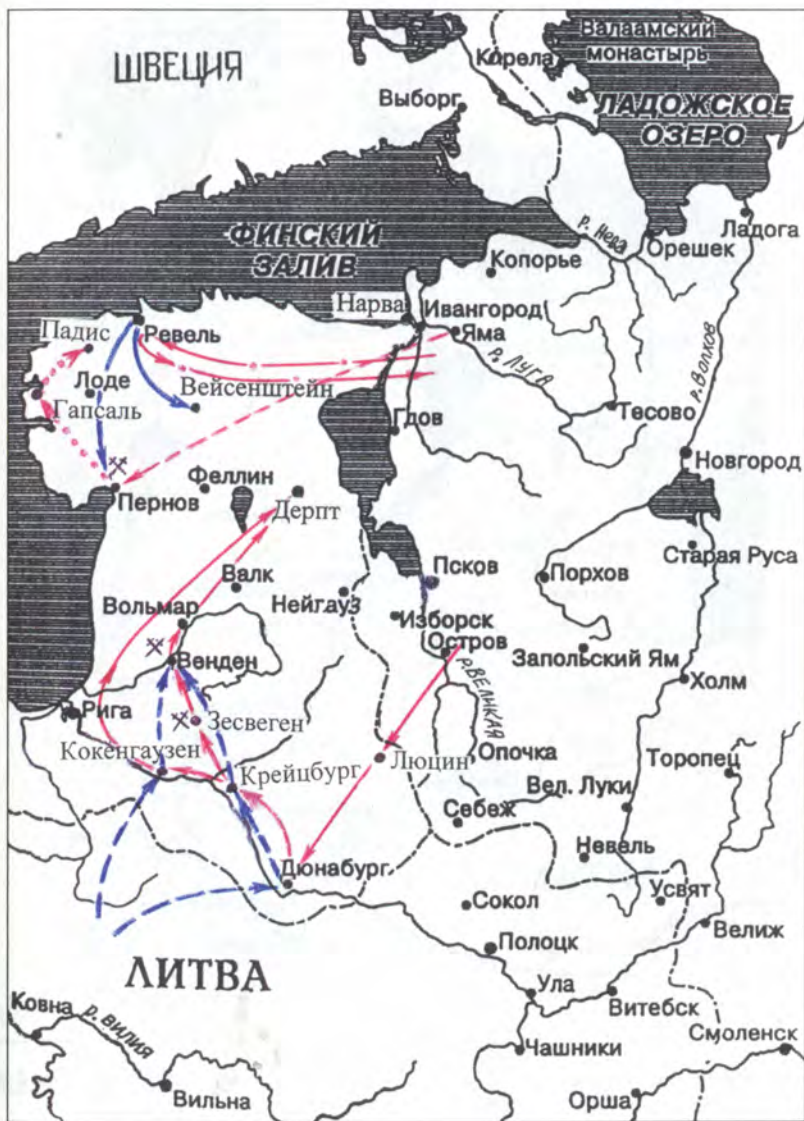
— Иван IV, 1572;

— Н. Р. Юрьев, 1573;

— Мстиславский, 1573

✕ — места наиболее крупных сражений

— акция шведского генерала Тотта, 1573

Кампании 1575–1577 гг.

Действия русских войск:

— Сагнус, 1575;

— наступление, 1576;

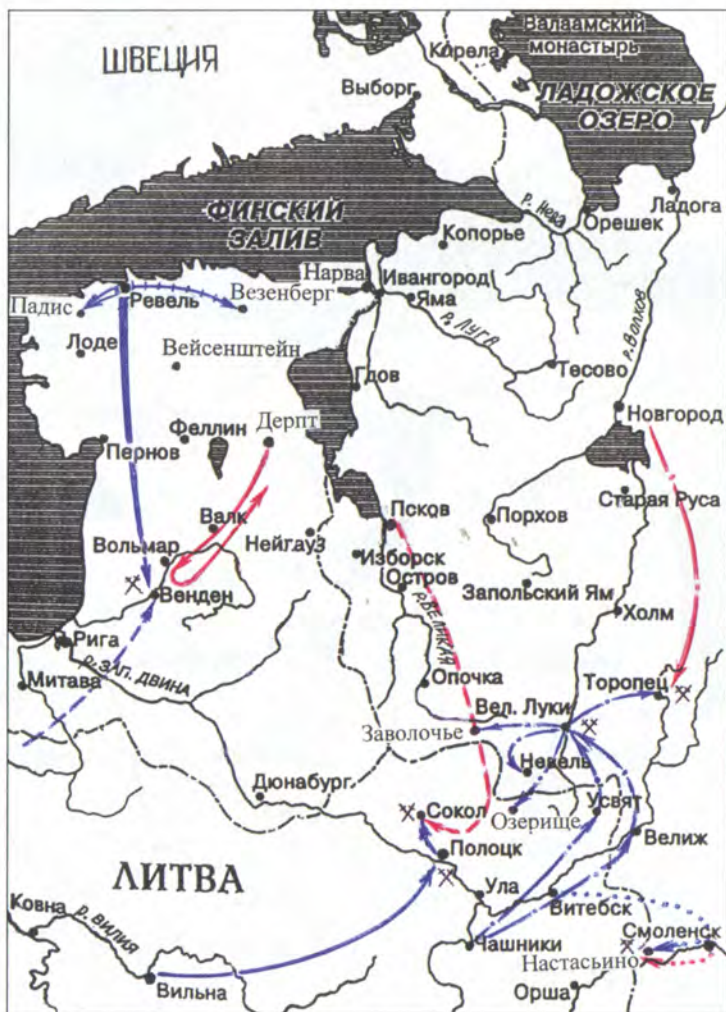
— Мстиславский и Шереметев, 1577;

— Иван IV, 1577

— контрнаступление шведских войск, 1577;

— контрнаступление литовских войск, 1577

✕ — места наиболее крупных сражений

Кампании 1578–1581 гг.

Действия русских воевод:

- Годицын и Хворостинин, 1578;
- Шеин и Шереметев, 1579;
- Бутурдин, 1580;
- Хилков, 1580

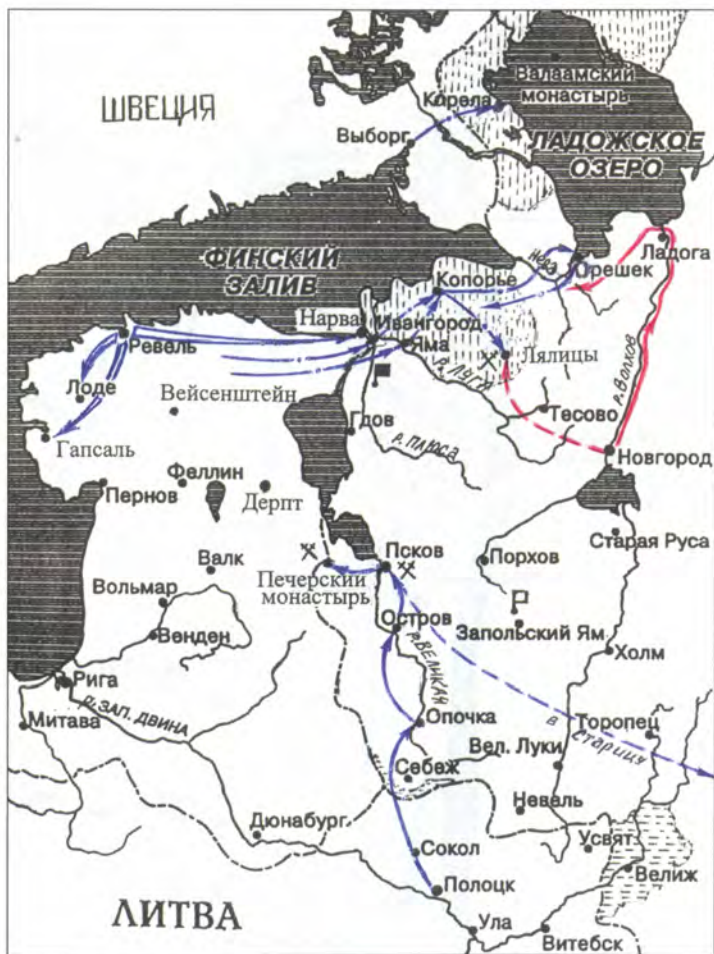
Действия польско-литовских войск:

- Сапега, 1578;
- Баторий, 1579;
- Баторий, 1580–1581;
- Кмит, 1580

Действия шведских войск:

- Бое, 1578;
- наступление, 1580;
- наступление, 1581

⌘ — места наиболее крупных сражений

Кампании 1581–1582 гг.

Действия польско-литовских войск:

- — псковский поход Батория, 1581;
- — рейд Кмита, 1581

Действия шведских войск:

- — наступление, 1581;
- — наступление, 1582

Походы русских воевод:

- — А. Шуйский, 1582;
- — Хворостинин, 1582

⌘ — места наиболее крупных сражений;

Р — место заключения Ям Запольского мира;

■ — место заключения Плюсского мира

 — территории, утраченные Россией по Ям Запольскому договору;

 — территория, утраченная Россией по Плюсскому договору

Осада Пскова в 1581-1582 гг.

1 — Покровская башня; 2 — Свиная башня;

— приступы королевских войск; — контрудары гарнизона;
 — батареи осадных орудий

Оглавление

От автора	3
Вместо предисловия	7
Глава 1. Предыстория	29
Глава 2. Канун	57
Глава 3. Перед выбором	87
Глава 4. Царство войны	123
Глава 5. Начало агрессии и конец Ливонского Ордена	165
Глава 6. Старый соперник	193
Глава 7. Время больших перемен.....	241
Глава 8. Еще один старый соперник.....	291
Глава 9. Удар с юга	333
Глава 10. Поражения военные и дипломатические	351
Глава 11. На грани катастрофы	397
Глава 12. Псковская эпопея.....	439
Глава 13. От Киверовой Горки до речки Плюсы.....	457
Заключение	485
Литература	517
Приложения.....	519

Научное издание

Александр Андреевич Шапран

Ливонская война 1558–1583

Редактор Н. М. Слободская
Дизайн обложки М. А. Никифоров
Компьютерная верстка А. В. Трубин

Подписано в печать 07.05.2009. Формат 60×90/16.
Печать офсетная. Гарнитура «Агора». Бумага писчая.
Усл. печ. л. 33. Тираж 2500 экз. (1-й завод: 1—500 экз.). Заказ № 251.

Издательство УрГУПС
620034, Екатеринбург, ул. Колмогорова, 66
Тел. 245-43-90. E-mail: Akoltyshev@rio.usurt.ru

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620041, ГСП-148, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
<http://www.uralprint.ru> e-mail: book@uralprint.ru

ООО "Дом книги"

1248118

9785946141239

Шапран Ливонская война

1558-1583

09.12.14

480.00 р.

«Царь Иван не на долгое время взял чужую землю, а вскоре, людей вдвое погубив, и своей не удержал».

Псковская летопись

Драматизм нашей истории именно в том, что своей принципиальной позиции, сложившейся к началу XVI века и имевшей в своей основе присоединение сопредельных земель, Московское государство, равно как и все его правопреемники, не изменит и впоследствии.

А. А. Шапран

В этой книге может многое не понравится моему соотечественнику, приученному к другой тональности звучания рассказа на подобную тематику.

Но что поделаешь, ведь это — *наша* история.

А. А. Шапран

9 785946 141239